РУССКОЕ СЛОВО

1861.

НОЯБРЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Отъ Редакціи.

Окончаніе статьи о Сперанскомъ и статья «О значеніи университетовъ въ системѣ народнаго воспитанія» не могли войти въ эту книжку. Редакція надѣется помѣстить ихъ въ слѣдующемъ №.

Драмы, соч. Л. А. Мея, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не могли еще быть напечатаны. По напечатаніи они немедленно будутъ высланы кому слѣдуетъ.

Редакція проситъ г. г. книгопродавцевъ озаботиться своевременнымъ доставленіемъ списковъ подписчиковъ, чтобы не лишить ихъ права на премію.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

НА **1862** ГОДЪ.

Начиная четвертый годъ своего изданія, РУССКОЕ СЛОВО заявляетъ тѣмъ твердую увѣренность въ сочувствіи къ нему публики и въ своемъ возрастающемъ успѣхѣ. Этотъ успѣхъ, въ послѣдніе мѣсяцы, превзошелъ наши ожиданія; ему отвѣчало и будетъ отвѣчать искреннее желаніе Редакціи оправдать довѣріе нашихъ читателей; ихъ голосъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, есть единственный голосъ, которымъ мы дорожимъ.

Редакція «РУССКАГО СЛОВА» остается въ прежнемъ составѣ, и потому направленіе журнала не измѣняетъ своей главной цѣли. Вѣроятно, наши воззрѣнія на различные вопросы жизни, науки и искуства, наши симпатіи и антипатіи обозначились довольно ясно; полное же выясненіе ихъ будетъ зависѣть отъ времени. Къ наукѣ мы относились не

для самой науки, а съ серьезными и практическими требованіями, составляющими отличительную черту современной эпохи; за общественнымъ движеніемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы слѣдили съ любовью и тревожнымъ ожиданіемъ, сосредоточивая особенное вниманіе не столько на внѣшнихъ явленіяхъ, сколько на внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи; отъ произведеній искуства, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, мы требовали идеи и художественной правды, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго искуства. Во всѣхъ сферахъ умственной и эстетической дѣятельности мы искали общечеловѣческихъ началъ и отъ нихъ старались перейдти къ сближенію съ тѣмъ народомъ, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ; къ его интересамъ была направлена наша основная мысль; мы раздѣляли и будемъ раздѣлять его радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю.

Всякая односторонность, рутина и праздная игра въ отвлеченныя теоріи, задерживающія наше соціальное развитіе, не найдутъ въ РУССКОМЪ СЛОВѢ ни одобренія, ни сочувствія. Авторитеты, системы и отдѣльныя личности, какъ бы высоко они ни были поставлены, для насъ имѣютъ цѣну только тогда, когда они содѣйствуютъ своимъ талантомъ и трудами общему дѣлу. Въ наше время, внѣ общественныхъ интересовъ почти не возмоно представить себѣ поэта или ученаго, потому что только одно холодное равнодушіе, несовмѣстное съ истиннымъ дарованіемъ, духъ касты и партіи могутъ отдѣлять умственную дѣятельность отъ самой жизни общества.

Объяснивъ нашимъ читателямъ основной характеръ РУССКАГО СЛОВА, мы надѣемся остаться ему вѣрны, и не пренебречь ничѣмъ, что можетъ улучшить второстепенныя достоинства журнала. Главные отдѣлы его—*беллетристическій* и *ученый*, *политика*, *критика*, *иностранная литература*, *внутреннее обозрѣніе* и *дневникъ темнаго человѣка*—сохранятъ свой прежній видъ, но обогатятся новыми дѣятелями, на которыхъ мы имѣемъ основаніе расчитывать.

Шахматный листокъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ постоянно прилагаться къ РУССКОМУ СЛОВУ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА» — 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря,* получатъ премію—третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію каждаго подписчика. При этомъ редакція проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакція допускаетъ разсрочку въ уплатѣ денегъ — для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ,—для всѣхъ прочихъ—по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к. Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к. Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. Съ перес. 4 р. 50 к. Разсказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ нравовъ ТЕККЕРЕЯ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель **графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

въ типографіи н. тиблена и комп. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

XI.

РУССКОЕ СЛОВО

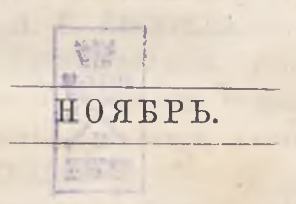
ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

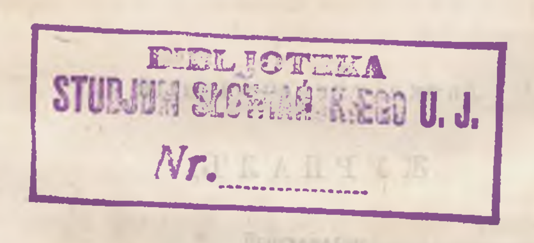

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

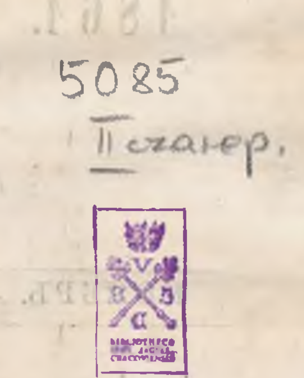
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8 декабря 1861 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ III.

ДРУГЪ-ПРІЯТЕЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Настали Филиповки. Настоящая русская зима стояла во всей своей силѣ. День былъ воскресный, ясный и морозный. Свѣтлоголубое небо подернулось зеленоватымъ отливомъ, около солнца виднѣлся бѣловатый прозрачный кругъ, предвѣщающій на завтра морозъ, еще покрѣпче сегоднишняго.

Обѣдня въ селѣ Заовражьѣ давно уже отошла; православные и пообѣдать успѣли. Старики завалились на печь, понѣжить тепломъ свои старыя кости, а старухи разбрелись по сосѣднимъ избамъ, *погуторить*, пожаловаться на невѣстокъ (у кого онѣ были) или разсказать видѣнный сонъ— словомъ, пересыпать изъ пустаго въ порожнее.

Несмотря на двадцатиградусный морозъ, при рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, деревенская. молодежь, въ полушубкахъ въ–накидку, и заломя шапки на ухо, большой артелью, съ громкими пѣснями, разгуливала по селу. А пуще по той улицѣ, гдѣ бревенчатый храмъ веселія, съ неувядаемою вѣткою надъ входомъ, стоялъ, покачнувшись на лѣвый бокъ; и давно бы, можетъ быть, палъ, еслибы услужливая береза не подставила своего суковатаго ствола и не поддержала старца, на многія лѣта, на радость и утѣху заовражскихъ мужичковъ. За артелью гуляющихъ парней, взяв-

шись за руки, слѣдовала вереница дѣвокъ и молодицъ, тоже, въ свою очередь заливаясь визгливыми голосами. Коегдѣ, у воротъ, торчали бабы, завернувъ въ шубы своихъ грудныхъ ребятъ, глазѣли на гуляющую молодежь, и перекликаясь между собою, пересуживали на досугѣ дѣвокъ, а еще болѣе—замужнихъ хороводчицъ...

На одномъ изъ пригорковъ стояла новая изба, Ивана Степаныча, господскаго прикащика. Изба большая и чистая, съ раскрашенными ставнями у оконъ, и хитро вырѣзаннымъ конемъ, надъ тесовою крышею. Надобно между прочимъ сказать, что этотъ конь былъ предметомъ удивленія для заовражскихъ ребятъ, и предметомъ зависти для многихъ взрослыхъ.

Отъ воротъ прикащиковой избы шелъ къ рѣчкѣ крутой и широкій спускъ, укатанный и лоснящійся на солнцѣ какъ стекло. Съ этого спуска, въ продолженіи зимы, каждодневно, катались ребятишки, а по праздникамъ и взрослая молодежь.

Черезъ рѣчку, едва замѣтную зимою, и довольно широкую, въ весенній разливъ, былъ перекинутъ прочный мостъ; а отъ него, по ту сторону рѣчки, ползла въ гору широкая наѣзженная дорога. Тамъ стояла господская усадьба.

По отлогому склону, до самой рѣчки, спускался господскій садъ, обнесенный тыномъ изъ заостренныхъ бревенъ, и занесенный пушистымъ снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго, темными пятнами, тушевались безлиственные кусты. И изъ–за ограды голыхъ липъ и неувядаемыхъ пихтъ, угрюмо выглядывалъ почернѣвшій отъ времени, деревянный, одноэтажный помѣщичій домъ, съ высокими мезонинами и съ закрытыми на–глухо окнами. По обѣимъ сторонамъ дома тянулись связи службъ, такихъ же мрачныхъ и старыхъ, какъ и самъ онъ.

Широкая алея изъ подстриженныхъ березокъ, шла отъ воротъ, къ крыльцу дома, занесенному глубокимъ снѣгомъ.

Ближе къ воротамъ, людской флигель давалъ знать о своей обитаемости тонкой струйкою дыма, вьющейся надъ трубою свѣтелки. За усадьбою были разбросаны амбары, овины, и темные стоги сѣна.

Влѣво отъ этой темной картины, на высокомъ холму, Божій храмъ блестѣлъ на солнцѣ своими пятью главами, покрытыми бѣлымъ желѣзомъ, и еще неуспѣвшими потускнѣть, и недавно оштукатуренный, спорилъ бѣлизною съ снѣжнымъ покровомъ, окружающихъ его полей. Къ храму пріютился, обнесенный деревянною рѣшеткою погостъ, последній пріютъ пахаря-труженика. И тутъ, между безъимянными крестами, возвышалась каменный, фамильный склепъ— помѣщиковъ села Заовражья, которая, годъ тому назадъ, скрылъ за своею желѣзной дверью и владѣльца запертаго опустѣвшаго дома.

По правую сторону усадьбы господскія поля спускались въ широкій оврагъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ. Оврагъ этотъ дугою огибалъ половину села, по эту сторону рѣки, отчего и самое село звалось Заовражьемъ. Позади селенія тянулся черною полосою сосновый боръ, и казался еще чернѣе отъ свѣтлаго неба и покрытой снѣгомъ земли.

Между тѣмъ, какъ въ усадьбѣ царствовала глубокая тишина, по ту сторону рѣчки кипѣла жизнь, гудѣло живое эхо, слышался звукъ рожка, и далеко, далеко неслась удалая пѣсня, въ морозномъ воздухѣ...

У прикащиковой избы, мало по малу, начали собираться ребятишки съ санками. Вотъ одна дѣвчонка, въ материной шубѣ, посадивъ своего двухлѣтняго братишка въ санки, толкнула ихъ сверху и сама побѣжала слѣдомъ, махая безконечно-длинными рукавами. Санки, подскакивая и виляя изъ стороны въ сторону, летѣли стрѣлой, а Ванька, разумѣется, ревѣлъ во все горло, въ чаяніи сломить шею. Вотъ еще двое мальчишекъ, за неимѣніемъ шапокъ, повязанные платками, сѣли на подмороженный лубокъ, пустились подъ гору, заѣхали въ сугробъ, изцарапали себѣ рожи, и съ плачемъ потянули лубокъ опять вверхъ. Вскорѣ ихъ набралась порядочная толпа; съ раскраснѣвшимися отъ стужи лицами, вся эта мелюзга, на санкахъ и лубкахъ, перегоняли другъ друга, подшибали, летѣли черезъ голову, и съ разбитыми носами, и громкимъ плачемъ, лѣзли опять наверхъ.

Изъ воротъ прикащиковой избы вышла молодая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, въ алой шелковой, хотя и поношен-

ной шубейкѣ. Шелковый платочекъ обрамливалъ ея свѣжее круглое личико, бѣлое безъ бѣлилъ, и безъ румянъ румяное. Русая длинная коса, съ цвѣтнымъ бантомъ, спускалась вдоль спины. Дѣвушка сѣла на скамейку возлѣ воротъ. То была Маремьяна, внучка прикащика. Она машинально посмотрѣла въ тотъ и другой конецъ улицы, и потомъ задумчиво устремила свѣтлые глазки за рѣку,—на большую дорогу, не обращая вниманія на гамъ и визгъ катавшихся передъ нею ребятишекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ избы пожилая женщина, накрытая чернымъ платкомъ, сѣла возлѣ Маряши и заботливо посмотрѣла на усадьбу.

— Не видать сердечнаго... ужъ не заболѣлъ-ли? заговорила она, послать развѣ, али самой дойти провѣдать... шутка-ли до сихъ поръ нѣтъ!...

— Я пожалуй сбѣгаю, тетушка, молвила дѣвушка.

— И того боюсь, Маряхонька... чтобъ не забранилъ... можетъ что и задержало... Эй! Степанька! разбойница! прибавила тетка Маремьяны, случайно взглянувъ на дѣвченку съ длинными рукавами, которая, спустивъ съ горы ревущаго Ваньку, едвали не въ десятый разъ, бѣжала за нимъ слѣдомъ.

— Убьешь ты, воровка!.. совсѣмъ убьешь парнишку!

Но Степанька, или не слыхала, или вовсе не расположена была слушать увѣщанія сосѣдки, и не останавливаясь, мчалась съ горы.

— Вотъ я маткѣ скажу, погоди, скажу!..

Угрозы эти прервалъ, подошедшій къ сидѣвшимъ дѣдушкамъ Потапъ, извѣстный грамотѣй села Заовражья. То былъ высокій, сутулый старикъ, съ вострымъ носомъ и маленькими глазами; онъ ходилъ всегда потупясь, какъ будто чего искалъ. Старикъ былъ въ нагольномъ бѣломъ тулупѣ, подпоясанномъ очень низко, и въ бараньемъ малахаѣ, подвязанномъ вокругъ шеи. Подъ мышкою онъ держалъ что-то довольно порядочнаго объема, завязанное въ синій платокъ.

— Съ праздничкомъ святымъ, Анна Кондратьевна! Какъ Богъ милуетъ? спросилъ подошедшій, гнусливымъ голосомъ.

Кондратьевна и Маряша поклонились.

— Твоими святыми молитвами, Потапъ Михеичъ, покамѣстъ живемъ, отвѣчала тетка. Куда Господь несетъ?.. Сядь-ка, побесѣдуй съ нами. Она подвинулась.

— Къ вамъ же и бреду... Ишь, книжицу досталъ, глаголема Библія, вельми душеполезна; такъ хочу почитать для Ивана Степаныча... отвѣчалъ грамотѣй, показывая на узелъ подъ мышкою.

— Спасибо, родимый, что пользуешь насъ темныхъ людей отъ писанія; только ишь батюшки-то нѣтъ; еще къ обѣднѣ ушелъ и не возвращался... Вѣрно, на господскомъ дворѣ что нибудь задержало; аль ужъ не захворалъ ли, помилуй Богъ! человѣкъ старый! проговорила Кондратьевна.

Э!.. Онъ, знать, все еще у Ѳомича пируетъ... Видѣлъ я, какъ ихъ вмѣстѣ съ священникомъ дворечиха звала послѣ обѣдни.

— Что жъ тамъ за пиръ такой? спросила въ недоумѣніи Кондратьевна.

— А ты сегодня была въ храмѣ Божьемъ? спросилъ въ свою очередь Михеичъ, взглянувъ на женщинъ какимъ-то пытливымъ взглядомъ.

— Была, родимый.

— То-то. А слышала какого святаго на отпуску священникъ поминалъ?

Кондратьевна и Маряша переглянулись.

— Намъ и не въ домекъ, родимый.

— Не въ домекъ! протянулъ укорительно грамотѣй. Эхе хе, хе! Стоимъ мы въ храмѣ, и не слышимъ что̀ читаютъ и поютъ; помыслы-то наши невѣсь гдѣ, не спросясь насъ, блуждаютъ... прибавилъ онъ глубокомысленно.

Кондратьевна глубоко вздохнула, и прошептала молитву.

— Сегодня пророка Наума, Анна Кондратьевна! воскликнулъ торжественно Михеичъ.

— А!.. такъ Наумъ Ѳомичъ *мянинникъ*... подхватила Маремьяна.

— То-то и есть... произнесъ важно грамотѣй.

— Счастливъ ты Потапъ Михеичъ! сто-кратъ счастливъ, что тебя Господь грамотою просвѣтилъ: про все-то ты вѣ-

даешь, на все отвѣтъ дашь... А мы-то, мы темные люди, проговорила со вздохомъ Кондратьевна.

Михеичъ самодовольно погладилъ заиндѣвѣвшую отъ мороза бороду.

— И хотѣлъ было батюшка Маряху грамотѣ поучить, да день за день, годъ за годъ, такъ и пробирался, сердечный.

Грамотѣй значительно ухмыльнулся, и отвѣчалъ протяжно: затѣйникъ Иванъ Степанычъ! право-слово... Ну, дѣвкино ли дѣло грамота?.. умѣла бы дѣвка прясть да ткать; а Богъ закономъ благословитъ, такъ мужу рубаху сшить... Вотъ что, Кондратьевна...

Кондратьевна мотнула головою.

— А я инъ подожду Ивана Степаныча; ужли еще не скоро воротится!.. молвилъ старикъ и пошелъ къ воротамъ.

— Добро пожаловать, и безъ батюшки, родимый, для насъ для бабъ почитай свою книжицу, сказала Кондратьевна, вставъ съ мѣста и намѣреваясь отправиться въ избу. Но въ эту минуту раздался рѣзкій и близкій звукъ рожка, и она остановилась.

— Это нашъ Гаранька!.. Ахъ онъ гудошникъ, мало ему намеднись отъ старика досталось... да еще сказано ему, злодѣю, что и дудка его въ печь улетитъ, а онъ... Ахти что за народъ нонче за безстрашный такой!.. Богобоязненная женщина въ ужасѣ качала головою.

— Маряха, продолжала она, если придетъ Гаранька, такъ и скажи ему, чтобы онъ дѣду и на глаза не показывался, коли потасовки не хочетъ; аль бы гудокъ свой проклятый забросилъ,—такъ и скажи. Слышишь?

— Слышу! скажу,—отвѣчала дѣвушка.

Рожокъ смолкъ. Только слышались голоса поющихъ дѣвокъ.

— Маряха,—заговорила опять тетка, еще вотъ что тебѣ скажу: коль Алёнка подойдетъ, и не якшайся съ нею, и ничего не говори, слышишь? И басенъ не заводи, чтобъ и люди того не видѣли... Больно про нее, про вѣдьму, худо бають... Слышишь?

— Слышу! слышу!—повторяла шепотомъ дѣвушка.

Кондратьевна пошла уже къ воротамъ, но еще разъ оглянулась, вскричала:

— Маряха, слышишь?—И погрозивъ пальцемъ, скрылась на дворъ.

Снова послышался звукъ рожка, и въ концѣ улицы показались молодцы. Владѣтель рожка, бѣлокурый парень, лѣтъ девятнатцати,—былъ подкидышъ прикащика, или иначе Гаранька-сирота,—какъ звало его все село. Подходя къ избѣ своего воспитателя, Гаранька спряталъ подъ полу свой рожокъ, и пошелъ стороною.

— Видишь, трусъ-то стараго козла боится,—спряталъ гудокъ-то свой... замѣтилъ Софронъ, сынъ старосты, невзрачный, кривоногій и рябой парень, показывая товарищамъ на Гараньку. Но послѣдній не слыхалъ этой выходки.

— Ну, теперь чтожъ запоемъ? Не бѣлы снѣжки что-ли? молвилъ одинъ изъ парней, и обратился къ подкидышу. Ну-ка Гаранька затягивай... Ты братъ мастеръ на эфто.

— Лучше *вдоль по питерской*—отвѣчалъ Гаранька, прокашливаясь.

— Ну, ладно, вдоль по питерской.

— Лучше селезня! селезня!—послышались смѣшанные голоса. И Гаранька-сирота звонкимъ, чистымъ голосомъ пропѣлъ:

«Ужъ я селезня любила,
«Я косатаго хвалила,
«Я кафтанъ ему купила..»

Но хоръ не подхватывалъ запѣвалѣ. Между парнями шелъ споръ.

— *Дѣвчоночку! дѣвчоночку!*—кричалъ Софронъ.

— Полно дурачиться, Софронъ; на озорнитство хочешь... увидѣлъ Маряху у воротъ, и давай... говорили парни — не хорошо, Софронъ!

— Гаранька! запѣвай братецъ дѣвчоночку, говорилъ свое старостинъ сынъ, подскочивъ къ подкидышу, и хлопнувъ его по плечу.

— Ладно, Софронъ Пахомычъ; дери братъ горло, коль

охота есть, а у меня бока свои, не наёмные; ты своихъ не подставишь подъ дѣдовы кулаки, отвѣчалъ Гаранька.

— Ужъ и бока!.. молвилъ Софронко, оскаля свои кривые зубы.

— Еще бы!.. Развѣ я не знаю, не понимаю!.. Увидѣлъ вонъ Маряху, и давай нарочно ту пѣсню, которой она не любитъ... Ой ты азарной парень!

— Ну и пусть не любитъ,—велика важность!

— Хорошо. А старику нажалуется, такъ ужъ, братъ, шутки плохи; дѣдъ мнѣ потачки не даетъ. Право-слово.

— Ахъ ты гудошникъ *подъуголышъ*! дѣвки боится, да старому козлу подражаетъ,—проговорилъ Софронко, нагло захохотавъ; то-то ты и гудокъ спряталъ; а то, смотри, прикащикъ вихоръ натрясетъ. А я, вотъ, какъ не боюсь, такъ и спою что́ мнѣ нужно...

— Полно, Софронъ, не хорошо, дуракъ! Взаправду хочешь, чтобъ худо вышло... говорили товарищи.

— Врете-же вы скоты! Софронка никого не думалъ николи бояться. Иванъ Степанычъ! велика важность пора старому козлу рога сломать... При *старомъ*-то его боялись, а теперь отошла коту масляница. Мой дядя, Поликарпъ, *комардинъ* при баринѣ; баринъ безъ него значитъ ни пьетъ ни ѣстъ; безъ спросу никакой одежи не надѣваетъ... а то Иванъ Степанычъ!.. тронь-ка меня, попробуй... и Софронъ вздернулъ преважно носъ, и уперся обѣими руками въ бока.

— Полно ты хвастать, боронованная твоя рожа... шумѣли со смѣхомъ парни.

— Не *троште* его, ребята,—пусть пѣтушится, возразилъ спокойно Гаранька; ишь мы всѣ ему поперегъ горла стоимъ; того гляди закашляется и подавится... А все оттого, что къ Маремьянѣ два раза сватовъ засылалъ,—да дѣдъ на-чисто отказалъ...

— Плевать я хотѣлъ на вашу Маремьяну... одна что ль она въ вотчинѣ! да и я не изъ послѣднихъ,—любую дѣвку у барина выпрошу...

— А все-таки не Маряху... подразнивалъ Гаранька.

— Захочу, такъ и Маряшка моя будетъ.

— Э... братъ, зеленъ, не созрѣлъ...

— Что ты говоришь! ты, я тебя... погоди, я тебя... Софронко подскочилъ было къ подкидышу, но товарищи удержали.

— Поди-ка, поди, насунься... такъ братъ при всѣхъ отваляю, что прикусишь свой песій языкъ... Гаранька показалъ кулакъ.

Зассорься Софронко съ кѣмъ нибудь другимъ, а не съ Гаранькою, парни навѣрное постарались бы раздуть ссору, и сдѣлать общую свалку, съ намѣреніемъ,—поколотить сына старосты, котораго за хвастовство никто не любилъ. Но зная, что прикащикъ ссоръ не любитъ, тѣмъ болѣе накажетъ примѣрно зачинщика изъ своей семьи, а потому всѣми силами и старались уговорить ссорящихся:

— Вздуровали ребята, совсѣмъ вздуровали... Перестань Софронъ!.. замолчи Гараня!..

— Стоитъ-ли замолчать противъ такой дряни... ворчалъ подкидышъ.

— Кто мнѣ смѣетъ указывать! кричалъ старостинъ сынъ, и докажу, что никого не боюсь...

— Мотри, Софронъ, не дурачься...

Такъ какъ толпа подошла почти къ самой избѣ прикащика, то Софронъ вмѣсто отвѣта быстро отдѣлился отъ товарищей, подскочилъ къ Маряшѣ, и свиснувъ въ ноготь, задралъ во все горло:

«Дѣвчоночка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая,
Дѣвка чернобровая»!

— Азарникъ! проговорила дѣвушка, взглянувъ прямо въ глаза Софрону. На лицѣ ея показалась яркая краска, бровки сдвинулись, на глазахъ блеснули слезы досады, губы задрожали... Но въ эту минуту она казалась вдвое лучше, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ.

У Софрона словно что-то стало въ горлѣ. Онъ закашлялся, и стоялъ болваномъ, передъ обиженной Маряшей, не смѣя поднять глазъ, не зная, уйдти ему, или допѣть начатую пѣ-

сню... Онъ чувствовалъ, что смѣлость его куда-то ушла, и самъ того не замѣчая, внутренно раскаявался въ своемъ поступкѣ. (Надобно пояснить, что Софронъ сознательно хотѣлъ обидѣть Маряшу. Зная, что она не любитъ вышеупомянутой пѣсни, во-первыхъ, потому что сама носила алую шубку, во-вторыхъ, потому, что пѣсня оканчивалась не совсѣмъ пристойными словами).

— Дуракъ!.. чортъ! посыпалось со всѣхъ сторонъ на Софрона. Одна Маряша, казалось, попрежнему спокойно смотрѣла за рѣчку на дорогу.

— Маряха, Маремьяна, не обижайся, мы ему баяли дураку, да онъ дуракъ! жужжали около нея парни. Но она не отвѣтила ни слова. Гаранька, нѣсколько отставшій отъ артели, подошелъ теперь къ Маремьянѣ. Но Софронъ, завидѣвъ его издали, поспѣшилъ улизнуть.

— Гараня, обратилась къ нему дѣвушка, ты и не показывайся дѣду! Тетка Анна говоритъ,—старикъ больно на тебя сердитъ.

— За что-же? что я сдѣлалъ? спросилъ подкидышъ, почесывая за ухомъ.

— А все за рожокъ-то твой, и—и! какъ она стращала! бѣда!

— Велика важность!

— Хоть дѣдъ и на господскомъ дворѣ, а чай твою забаву слышалъ, смотри!..

Подкидышъ ничего не сказалъ, вторично почесалъ за ухомъ, и пошелъ на дворъ, прятать свою музыку.

Между тѣмъ Софронъ задворками шелъ къ кабаку, и разсуждалъ самъ съ собою:

«Дуракъ я! бить меня скота надобно, да! Ну что я, чего опѣшилъ? Э эхъ! да долго-ли, коротко-ли, а ужъ не ломаться же ей! приступлю къ отцу, пусть пишетъ къ дядѣ Поликарпу...» И передъ Софрономъ развернулась утѣшительная картина: какъ онъ, Софронъ, возьметъ Маремьяну въ охабку, посадитъ въ сани и повезетъ къ вѣнцу, по приказу барина. А что таковой приказъ послѣдуетъ отъ барина,—онъ въ томъ не сомнѣвался. И Софронъ цѣлую косушку выпилъ, за здоровье своихъ надеждъ.

Когда вышелъ опять Гаранька за ворота, къ нимъ подошла толпа дѣвокъ, и окружила Маремьяну. Нѣкоторыя сѣли возлѣ нея, остальныя столпились, какъ стадо овецъ, и пересмѣивались съ парнями.

Алёна, заовражская щеголиха и кокетка, отъ сообщества съ которой Кондратьевна такъ усердно остерегала свою племянницу, какъ нарочно помѣстилась возлѣ Маряши, и завела съ ней разговоръ.

— Что̀ ты, Маряха, не гуляешь, сидишь словно насѣдка? спросила она.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, отвѣчала сквозь зубы внучка прикащика, помня наставленія тетки, и взглянула на окно избы, боясь, не глядитъ ли оттуда Кондратьевна

— Пойдемъ пѣсни пѣть.

— Нѣтъ, не пойду.

— Вонъ, парни кататься хотятъ.

— Пусть ихъ! Я не пойду, отвѣчала коротко Маряша.

— И то сказать, скучно; кабы жмулинскіе были... прибавила Алёна, наклонясь къ уху Маремьяны.

— Не знаю я, что̀ ты за пустяки баешь, проговорила послѣдняя, вспыхнувъ.

— То-то... моя изба съ краю, я ничего не знаю... Эхъ ты, Маряха! молода да хитра, не то, что мы... примолвила кокетка, хлопнувъ Маряшу по плечу, и захохотала.

Послѣдняя робко оглядѣлась, и опять взглянула на окна избы.

Алёна принялась болтать съ двумя парнями, которые уговаривали ее упросить мать, отдать избу на зиму подъ бесѣду, обѣщая за то свозить Алёну въ будущую середу — въ городъ, и купить ей платокъ.

Ловкая и красивая Алёна, несмотря на то, что была дочь бобылки, одѣвалась щеголеватѣе всѣхъ дѣвокъ въ селѣ, исключая развѣ Маряши. И теперь, съ лица кокетки сыпались обильно бѣлилы и румяны, а лента въ косѣ была длиннѣе и богаче, чѣмъ у другихъ. Зато косу-то ея русую не разъ сбирались парни отрѣзать при случаѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился на скатъ не одинъ десятокъ ледянокъ. То были высокія скамейки, ножки кото-

рыхъ были вдѣланы между двухъ толстыхъ досокъ, изъ коихъ верхняя служила сидѣньемъ, а нижняя была крѣпко подморожена. Правящій ледянкою садился обыкновенно верхомъ на передній конецъ ея, и сажалъ сзади нѣсколько человѣкъ.

— Эй вы, ребятишки, мелюзга! прочь съ дороги, передавимъ какъ котятъ!., крикнулъ передовой первой ледянки. И посадивъ сзади четверыхъ товарищей, съ гикомъ пустился съ горы. Ребятишки, словно дождь, разбрызнулись въ разныя стороны; ихъ смѣнили взрослые.

Дѣвки, между тѣмъ, толпились у ската, и хихикали...

— Эй вы красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Подите, скатимъ,—дорого не возьмемъ! кричали парни, усаживаясь на другую ледянку.

— Не нужно!.. захочемъ кататься, такъ и безъ васъ съумѣемъ! слышались въ отвѣтъ звонкіе голоса.

— Ишъ спесивыя, ломливыя, а у самихъ слюнки текутъ. Погодите, сами придете и поклонитесь...

— Какъ-бы не такъ! дожидайтесь... Не нужно, не нужно!..—кричали дѣвки.

— Дуняша! Дуня! подь-ка, скатимся—говорилъ парень, поймавъ дѣвку, и нецеремонно сажая ее съ собою на ледянку.

— Спирька чортъ! отстань, глаза выцарапаю, право выцарапаю!..—кричала Дуняша, вырываясь. Но молодецкая рука крѣпко держала неугомонную. Между тѣмъ ледянка тронулась, рваться было опасно; но бойкая дѣвка все-таки не переставала кричать. Вдругъ правившій повернулъ немного въ сторону, ледянка въѣхала на окраину дороги—и опрокинулась... Парни, разумѣется, проворно вскочили; но дѣвка, при общемъ хохотѣ, долго стряхивалась, и плевала, чуть не въ глаза Спирькѣ, который ее поддразнивалъ.

— Коль не кататься, такъ лучше идти гулять,—сказала одна дѣвка, все время неравнодушно поглядывавшая на одного красиваго парня.

— Ишь тебѣ больно съ Матюшкой прокатиться хочется, такъ ступай; хоть въ снѣгъ посадитъ,—какъ Спирька Дуньку—проговорила другая.

— Дура, чтó мнѣ Матюшка-то... Съ чего ты взяла, азарница! —

— Вотъ еще разсердилась!.. будто не знаемъ...—подхватила третья и засмѣялась.

— Пусть ихъ нейдутъ, ломаются... а мы по-просту, наше дѣло бабье... скати-тка меня Матюшенька, сказала молодая солдатка, и сѣла къ Матюхѣ на ледянку, — къ неудовольствію его предмета.

— Ты чтò, Антонида Терентьевна, облизываешься? Отчего не катаешься? Ишь заломалась...—молвилъ Гаранька, потрепавъ по плечу сидѣвшую на скамьѣ толстую, пожилую дѣвку.

— Какое ломанье! Я бы радешенька,—не зовутъ, пострѣлы... отвѣчала простодушно Антонида.

— Поди покатаю. —

— Покатай, родименькой, покатай Гараня, только *мотри*,— въ снѣгъ не засади...

— Ну, еще толковать...—И Герасимъ покатился съ толстухой. Не успѣли зрители мигнуть, какъ ледянка уже лежала на боку; Антонида—по горло въ ямѣ, недавно занесенной снѣгомъ, а Гаранька стоялъ и хлопалъ въ ладоши.

На-силу выкарабкалась бѣдная Антоха, и проклиная Гараньку, и всѣхъ парней на свѣтѣ, отирала полою окровавленное лице.

Лишь только Алёна оставила скамейку, какъ шесть сильныхъ рукъ подхватили ее, посадили на ледянку и понеслись... Но съ ней не случилось такого несчастья, какъ съ Антохой.

Гдѣ-то послышался звукъ бубенчиковъ. Несмотря на шумъ и гамъ, Маряша чутко прислушивалась къ ихъ тихому звяку. И вотъ, она увидѣла, за рѣкою, по дорогѣ—тихо ѣхавшую тройку, запряженную въ большую кожаную повозку. Сердце дѣвушки тревожно забилось... она узнала — и лошадей, и ямщика...

Увидѣли тройку и катальщики...

— Э... да это вашъ Демьянъ воротился...—сказалъ одинъ парень Гаранькѣ.

— Развѣ дядя Петръ!.. отвѣчалъ послѣднiй. — Ишь, въ корню сивая... у Демьянка вся тройка вороная.

— Гмъ! Аль ослѣпли!—воскликнула Алёна, смотря изъ-подъ-руки на дорогу,—это Егоръ жмулинскiй...

— Вздоръ!

— А ей-Богу онъ, давайте, хоть объ закладъ побьюсь.

— Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся.

Но тройка, переѣхавъ мостъ, уже въѣзжала въ гору. И въ самомъ дѣлѣ, въ молодомъ ямщикѣ всѣ узнали Егора жмулинскаго.

— Что, не правду я говорила? — щекотала Алёна, не забывая между тѣмъ поглядывать съ усмѣшкою на сидѣвшую Маряшу.

— Здорово, Егоръ все ли по добру, по здорову?..

— Благополучно-ли ѣздилъ? — кричали парни, сторонясь съ своими ледянками и очищая дорогу для лошадей.

— Слава Богу! слава Богу!.. Какъ васъ Богъ милуетъ?— говорилъ, кланяясь на обѣ стороны, Егоръ, высокiй, красивый парень, сидѣвшiй ловко на облучкѣ, и кивая ласково головою толпившимся у ската дѣвкамъ, кого-то заботливо искалъ глазами.

Остановивъ лошадей противъ прикащиковой избы, Егоръ увидѣлъ Маряшу.

— Здорово, Маремьяна Петровна!—вскричалъ онъ радостно и соскочилъ съ облучка.

— Здравствуй!.. чуть слышно отвѣчала дѣвушка, кивнувъ головою,—осталась на мѣстѣ. Въ это время Гаранька подбѣжалъ къ повозкѣ.

— Ну что, не видалъ-ли нашихъ? — спросилъ подкидышъ,—скоро-ли Демьянко воротится?

— Какъ-же, всѣхъ видѣлъ!.. дядя Петръ въ Москвѣ еще, кланяется вамъ; Василiй Иванычъ поѣхалъ въ расприяжку—съ кладью до Орла; а Демьянко въ Ярославлѣ, ждетъ рабoры, отвѣчалъ Егоръ. А что Иванъ Степанычъ, здоровъ-ли? дома? Ему отъ Веденея письмо есть.

— Видѣлъ Веденея? какими судьбами? — воскликнулъ подкидышъ.

— Да такими-то судьбами, нечаянно съ нимъ *встрѣлся*...

Онъ, братецъ мой, топеричка, съ бариномъ въ Москвѣ находится. Знаешь, тотчасъ меня въ кабакъ потащилъ, и не вѣдь какъ обрадовался мнѣ—словно родному... Да тутъ же, и письмо къ вамъ настрочилъ, просилъ отдать,—говоритъ—больно нужно... — Егоръ досталъ изъ кармана сложенную вчетверо засаленную бумажку, припечатанную бутылочнымъ сургучемъ, и передалъ Герасиму.

— Вѣстимо, что нужно, чай у дѣда денегъ проситъ...—заключилъ послѣдній, смотря на адресъ, буквы котораго очень походили на іероглифы. Маряха! Веденей грамотку прислалъ...—прибавилъ онъ, обращаясь къ Маремьянѣ.

— Ладно, а у насъ въ избѣ дѣдушка Потапъ; такъ сейчасъ-же и прочитаетъ,—сказала дѣвушка.

Но Гаранька не спѣшилъ въ избу; опустилъ письмо въ карманъ, и сталъ болтать съ Егоромъ. Въ это время возлѣ Маряши опять очутилась Алёна.

— Ну, что, ну, вотъ и дождалась,—жужжала она на ухо прикащиковой внучкѣ; хитрая ты Маряха, ей-Богу хитрая!..

— Перестань ты вздоръ баять!—прошептала Маремьяна, и тщательно закуталась въ шубейку, хотя чувствовала, что ее бросило въ жаръ.

— Вздоръ!.. какъ не вздоръ!.. все только на сердцѣ таишь! продолжала Алёна, похлопывая Маряшу по плечу; развѣ такъ подруги дѣлаютъ?

— Что ты пристала? молвила съ досадой Маремьяна, не зная какъ отвязаться отъ докучливой. Ей такъ и мерещилось, что Кондратьевна приглядываетъ за ней.

— Ну ладно, отстану...ишь какая спесивая вдругъ стала...—тоже въ свою очередь съ досадою произнесла Алёна; подошла къ Егору, и принялась трунить съ нимъ, приглашая его на бесѣду.

— Хорошо, буду, отвѣчалъ послѣдній весело.

— Только пряниковъ московскихъ приноси, продолжала дѣвка,—заманивай хоть ими Маремьяну къ намъ; а то ишь спесивая,— заманить въ бесѣду не можемъ...

— Отчего это?—спросилъ Егоръ, нѣжно поглядывая на Маряшу.

— Жалуется, что дѣдъ не пускаетъ, отвѣчала за нее

Алёна; а можетъ и другая притча... Вѣдь Маряха съ заовражскими парнями и играть не хочетъ; а жмулинскіе всѣ въ работѣ...

— Болтай, болтай околесную...— проговорила Маряша, надувъ губки.

Но Алёна и парни засмѣялись.

— Закалякался... проценья просимъ!—сказалъ наконецъ Егоръ; вскочилъ на облучекъ, махнулъ всѣмъ шапкою, и пустилъ коней вскачь по селу. Толпа глядѣла ему въ слѣдъ. И долго еще слышался звукъ бубенчиковъ и лошадиный топотъ. Одна только Маряша глядѣла въ противоположную сторону.

— Ну, что?.. Эхъ-ма, ты думаешь и не знаемъ, что́ у тебя на умѣ? сказала неотвязчивая Алёна, подойдя къ Маремьянѣ.

— Безстыдница! — произнесла послѣдняя, не глядя на нее, проворно встала, взяла Веденеево письмо отъ Гараньки,—и ушла въ избу. Въ слѣдъ ей Алёна громко захохотала.

Солнце давно уже сѣло, заря догорала; наступали раннія зимнія сумерки. Дѣвки, одна по одной, всѣ очутились на ледянкахъ съ парнями; и долго еще слышался визгъ и хохотъ катающейся молодежи. Наконецъ, мало по малу все стихло, сумерки смѣнилъ темный вечеръ; на селѣ показались огни, на небѣ звѣзды.

II.

Въ то время, какъ передъ избою прикащика шумѣла и веселилась заовражская молодежь, посмотримъ, гдѣ былъ и что́ дѣлалъ самъ Иванъ Степанычъ.

Несмотря на то, что на господскомъ дворѣ, въ продолженіи цѣлаго дня, царствовала глубокая тишина, которую только разъ прервала привратная собака, выскочивъ изъ кануры, и лѣниво потявкавши на докучливую ворону, опять

спряталась въ свое теплое убѣжище, да еще баба сходила съ ведрами на рѣку, и тоже поспѣшно скрылась въ людскую. И болѣе ни души не показывалось на господскомъ дворѣ, словно вымерли всѣ.

Но далеко не такъ тихо было въ просторной свѣтелкѣ людскаго флигеля, которую занималъ Наумъ Ѳомичъ съ своей сожительницей.

Надобно прежде всего сказать, что Наумъ Ѳомичъ былъ въ Заовражьѣ лице не маловажное. Служивши въ продолженіи двадцати лѣтъ дворецкимъ при старомъ баринѣ, Ѳомичъ почти постоянно жилъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ господинъ его занималъ разныя должности по выборамъ. При смѣтливости своей и довѣрчивости барина, Наумъ успѣлъ набить карманъ и отпустить порядочное чрево и двухъ-этажный подбородокъ. Ѳомичъ имѣлъ привычку заворачивать свои рѣдкіе волосы съ затылка на лысину и напиваться до-пьяна на ночь; отчего каждое утро его физіономія казалась чрезвычайно помятою, и насилу, насилу разглаживалась къ полудню, и принимала обыкновенный лоскъ и чванливую важность. По туго-накрахмаленнымъ воротничкамъ рубашки и длиннополому сюртуку Ѳомичъ очень походилъ на приказнаго пятнадцатыхъ годовъ, типъ котораго нынче уже совершенно исчезъ.

Жена Наума Ѳомича, Домна Власьевна, — какъ ее величали жители Заовражья, — была очень похожа на круглую спѣлую тыкву, особенно, когда надѣвала на себя какой-то желтоватый, полушелковый капотъ, допотопной матеріи.

Домна при жизни покойной барыни была въ горничныхъ, потомъ за что-то ее сослали въ деревню, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ. По смерти барыни, баринъ вспомнилъ о кругленькой Домнушѣ и возвратилъ ее въ городъ, выдалъ за Наума и сдѣлалъ ее ключницей, а мужа дворецкимъ.

Въ послѣднее время Власьевна пользовалась неограниченной властью въ домѣ, миловала и наказывала прислугу по своему усмотрѣнію, сажала на уроки дѣвокъ и распоряжалась продажею ихъ рукодѣлья, за что, конечно, половину вырученной цѣны откладывала въ свой карманъ; разыгрывала полубарыню, носила барынины чепцы и капоты.

Но вотъ умеръ старый баринъ; отпѣли его въ городѣ, и отвезли въ Заовражье—въ фамильный склепъ. Послѣ похоронъ другъ и душеприкащикъ покойнаго постарался все описать, а Наума съ женою отправилъ на житье въ деревню, прочую-же челядь, какъ-то: швей, кружевницъ и толпу ничего недѣлающихъ лакеевъ распустилъ на оброкъ, впредь до распоряженія отсутствующаго сына-наслѣдника.

Въ описываемый нами день, Наумъ Ѳомичъ, прямо отъ обѣдни, пригласилъ къ себѣ на имянинный пирогъ отца Семена, священника заовражской церкви, Вавилу Петровича, дьячка, съ толстымъ брюхомъ и тонкимъ голосомъ, прикащика и старосту Пахома, отца уже извѣстнаго читателю Софронки. Домна Власьевна съ своей стороны послала за матушкою попадьею.

И такъ честная компанія, шумно и весело, сидѣла въ упомянутой свѣтелкѣ, за большимъ столомъ, накрытымъ чистою тонкою скатертью, гдѣ въ сообществѣ соленыхъ груздей и маринованныхъ грибовъ красовалась большая румяная кулебяка съ свѣже-просольною осетриной, и огромный жирный лещъ, а также стояла многочисленная фаланга бутылокъ и полуштофиковъ съ разными наливками и лекарственными настойками домашней фабрикаціи.

Хозяева усердно подчивали гостей, а гости съ поклонами дѣлали честь и питьямъ и закускамъ.

— Домна Васильевна! что за кулебяку, матушка, испекли, что въ ротъ, то спасибо... Чѣмъ вы насдобили ее?.. А наливка-то смородиновка и лимончикомъ отъ нея отзываетъ и еще чѣмъ-то... просто живая вода: влей въ ротъ мертвецу—оживетъ! проговорилъ дьячекъ Вавила, высокимъ теноромъ, прихлебывая изъ рюмки и съ наслажденіемъ причмокивая губами.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, отвѣтила радушно хозяйка, поправляя между тѣмъ платокъ на головѣ. (По пріѣздѣ въ деревню Власьевна перемѣнила чепчикъ на платокъ, вѣроятно въ знакъ смиренія).

— Домна Власьевна завсегда была мастерица приготовлять все съѣдомое, и соленья и варенья. А о настойкахъ

и говорить нечего!—вмѣшалась попадья, повернувъ любезно къ хозяйкѣ свое круглое румяное лице.

— Матушка! воскликнула Власьевна со вздохомъ, дѣло наше подневольное; господа заставятъ и медвѣдя по ниточкѣ плясать, всему, сударыня, выучатъ!.. *Александро*-то Иванычъ, царство ему небесное... ключница закатила подъ лобъ свои жиромъ заплывшіе глазки и перекрестилась, не любилъ, покойникъ, чтобъ у него дурно было; бывало, какъ скажетъ, Власьевна, сегодня у меня вице-губернаторъ, аль тамъ предсѣдатель какой обѣдаетъ, смотри!—это, значитъ, то есть, чтобъ все было исправно; слушаю, молъ, сударь, будьте покойны-съ,—отвѣтишь ему, а у самой поджилки задрожатъ. А поваръ-то былъ,—не тѣмъ помянутъ,—всесвѣтный пьяница! Ну, знаете, покуда готовитъ, все сама на кухнѣ и корплю... да! добръ былъ покойный баринъ, а ужъ порядокъ любилъ.

— Однако, и хорошо вамъ было у него, если по правдѣ сказать, проговорилъ съ улыбкою отецъ Семенъ; чай, одна рука у васъ, Домна Власьевна, была въ меду, а другая въ патокѣ?

— Что правда, то правда, батюшка! отвѣчала дворечиха, однако злые языки много и пустяковъ говорятъ. Когда умеръ покойный баринъ, мы дней и часовъ не видѣли, все плакали, какъ по отцѣ родномъ; думаемъ, *изъ него душа, а изъ насъ добрые дни*. А какъ хоронить-то повезли, такъ я ужъ себя не помнила; а и тутъ нашлись, батюшка, люди сказать, будто я въ это время цѣлый возъ господскимъ добромъ нагрузила, да въ деревню, съ кумомъ Пахомомъ, отправила... А подумайте-ка, до того-ли мнѣ тогда было?—я свѣту бѣлаго не видѣла!.. Власьевна отерла глаза.—Вонъ и кумъ-то Пахомъ тутъ, не далеко за нимъ ходить... Она взглянула на старосту. Староста Пахомъ, низенькій, широкоплечій мужикъ, съ рыжею клинообразною бородою, косыми глазами и плутовскою рожею, ухмыльнулся, и смотря въ сторону, сказалъ съ разстановкою:

— А... насчетъ эфтого... то, кума, мы ничего не вѣдаемъ, и въ помышленьи, не токма что...

— Вотъ, видите, добрые люди, горько! Охъ горько на-

праслины терпѣть! прибавила, глубоко и шумно вздохнувъ, отставная ключница.

— А все зависть! зависть-то прежде насъ родилась; не знаешь ни сномъ, ни духомъ, а тутъ такъ славно сплетутъ. Не правда ли, отецъ Семенъ? произнесъ Наумъ Ѳомичъ, обращаясь къ священнику.

Отецъ Семенъ кивнулъ головою, давая знать, что онъ вѣритъ невинности дворецкаго и его жены.

— Люди говорятъ, примѣрно, продолжалъ дворецкій, они дескать всѣмъ домомъ ворочали, близь барина находились, довѣріемъ отъ него пользовались; ну, дескать того,—то... кто самъ себѣ недругъ, дескать, и перепало кой-что... А того и не знаютъ, что Ѳомичъ-то дворецкій первый передъ бариномъ за всѣхъ и въ отвѣтѣ былъ: перепилась дворня, Ѳомича бранятъ; разбѣжалась дворня со двора, тебѣ же голову мылятъ, зачѣмъ не смотришь? а помилуйте, усмотришь ли за всѣми, когда у насъ во дворѣ больше двадцати человѣкъ было! Пропало что нибудь—тотъ-же дворецкій виноватъ!.. У покойнаго барина не было эфтой мелкой манеры, какъ у другихъ прочихъ господъ, онъ никогда бывало не прикажетъ купить человѣку на свои деньги вещь на мѣсто пропавшей. Нѣтъ! у него коротка расправа: Ахъ, не забыть мнѣ, разъ, въ самыя бариновы имянины, въ Александровъ день, гостей къ намъ наѣхало пропасть, и угоразди на этотъ грѣхъ официана миску разбить. Миска-то была дорогая, изъ Питера выписана. А я тутъ случись въ буфетѣ. Слышу, баринъ изъ столовой къ намъ идетъ; знаете, стукъ-то услышалъ, а за столъ еще не сѣли. Вотъ, посмотрѣлъ онъ на черепки, а потомъ на виноватаго, который, надобно сказать, стоитъ уже словно мертвецъ позеленѣвшій, и ничего не говоря, *Александро*-то Иванычъ повернулся ко мнѣ, какъ крикнетъ... Ничего не помню; только въ ушахъ у меня затрещало, да чѣмъ-то захлѣбнулся. А это, знаете, кровь, какъ есть *фонталомъ*... манишка тогда на мнѣ была съ манжетами,—такъ всѣ манжеты и окатило.

— Ай, ай, ай! вскрикнула попадья, всплеснувъ руками. Священникъ покачалъ головою. Остальные гости внимательно слушали.

— Ей-Богу истинная правда! прибавила Власьевна, которой почему-то показалось, что не вѣрятъ разсказу Наума Ѳомича.

— Право-слово! продолжалъ разсказчикъ, заворачивая съ затылка на лобъ свои рѣдкіе волосы. Официяна баринъ простилъ только ради имянинъ. Видите, его тоже *Александрой* звали. Эхъ, никто не знаетъ, какъ она, забота-то, сушитъ и крушитъ, и спать не даетъ!.. Думаютъ, что баринъ поитъ да кормитъ, такъ и живи спустя рукава. Нѣтъ, любезные, одно слово — господскій человѣкъ!.. Ѳомичъ, вѣроятно для того, чтобъ залить непріятное воспоминаніе, живо налилъ стаканчикъ настойки и опорожнилъ залпомъ.

— Однако *Александро* Иванычъ, противъ другихъ господъ еще добрѣйшая душа былъ, царство ему небесное!.. продолжалъ Ѳомичъ, закусивши;—по-правдѣ, и народъ-то у насъ былъ всякій. Вотъ хоть-бы кучеръ Ермошка, какихъ штукъ не выдѣлывалъ! бывало, и дугу, и хомутъ, все въ кабакъ тащитъ; ну и накажутъ; а онъ черезъ три дня еще лучше напакоститъ. Не разъ случалось, баринъ прикажетъ карету закладывать; а дышла нѣтъ, дышло въ питейномъ. Бились, бились, никакіе способы не помогли; разбойника такъ въ солдаты и сдали. Такъ вы не повѣрите, баринъ-то навзрыдъ заплакалъ, когда онъ прощаться къ нему пришелъ.

— Строгость покойника была истинно отеческая, можно сказать! замѣтилъ сидѣвшій возлѣ священника и доселѣ молчавшій прикащикъ, маленькій, но довольно бодрый старикъ, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ и почти совершенно обнаженную голову, съ небольшимъ остаткомъ рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ, на самомъ затылкѣ.

— Вѣстимо, Науму Ѳомичу, да тебѣ, Иванъ Степанычъ, и жаловаться грѣшно на покойника. Вы дённо и ночно *должоны* молить ему царства небеснаго, подхватилъ староста, покручивая бороду, и смотря однимъ глазомъ на штофъ съ ерофеичемъ, а другой наводя на прикащика, поди-ка, у другого барина посиди-ка тридцать-то лѣтъ прикащикомъ, какъ ты высидѣлъ!..

— Значитъ, на то была воля господская! я себя лучше другихъ не считаю, отвѣчалъ Иванъ Степанычъ, человѣкъ-бо

есть немощенъ, можетъ, и на меня жалобщики были. Одначе отвѣту въ томъ Богу не отдамъ... умышленно никого не обидѣлъ и разныхъ ковъ и кляузовъ ни противъ кого не строилъ, о господской пользѣ старался, сколько хватало силъ и умѣнья. Значитъ, баринъ мое усердіе видѣлъ, и своею милостью своего слугу не забывалъ; а если кому что я худое сдѣлалъ, то... простите Христа-ради! Прикащикъ привсталъ и поклонился на всѣ стороны.

Староста засмѣялся.

— Все это такъ, Иванъ Степанычъ, сказалъ онъ, все это было при старомъ баринѣ, да прошло. А топеричка, у Володимера-то Александрыча, примѣрно, ты, али я, все равно можетъ и не просидимъ въ прикащикахъ тридцати лѣтъ: говорятъ, молодой баринъ больно крутъ.

— А почему ты знаешь, можетъ и у Володимера Александрыча еще тридцать годовъ прикащикомъ пробуду, какъ Богъ жизни моей продлитъ? возразилъ, засмѣявшись въ свою очередь, прикащикъ. Эхъ, Корнѣичъ! что ты стращаешь меня молодымъ господиномъ? Съ чего, напримѣръ, и Володимеръ Александрычъ насъ обижать будетъ, коли мы вѣрой и правдой служимъ ему?

— Говорятъ, будто молодой баринъ оброкъ хочетъ на васъ набавить, правда ли это? спросилъ священникъ.

— Правда-то правда, отвѣчалъ староста; онъ, соколикъ, пишетъ дескать, то и то, оброкъ не великъ, надобно прибавить; какія есть пустоши, отдать въ аренду; а коль не кому, то распахать подъ господскіе посѣвы...

— Оно конечно, оброки у насъ завсегда не велики были, да ужъ мужики такъ привыкли, такъ и горько лишній рубль отдать! прервалъ прикащикъ; вотъ тогда, какъ такіе распорядки заслышали, всѣ и взвыли волкомъ; идутъ ко мнѣ... я говорю: что дѣлать! воля господская, одначе поѣдемъ въ городъ къ опекуну. (Всѣ крестьяне почему-то звали опекуномъ душеприкащика покойнаго барина). Пріѣхали, и все дѣло разсказали: такъ и такъ, Петръ Елизарычъ, тебѣ молъ, батюшка, самому вѣдомо, каковы нынче урожаи были, и то не безъизвѣстно, что въ Ельницахъ за лѣто почитай весь скотъ вывалило... Сдѣлай божескую милость, заступись за

насъ передъ бариномъ. Петръ Елизарычъ добрый человѣкъ, дай Богъ ему здоровья: пишите, говоритъ, ребята, барину о своихъ нуждахъ, а я, значитъ, сдѣлаю подтвержденіе своимъ письмомъ, можетъ баринъ нынче и все по старому оставитъ. Только ребята, говоритъ, на будущій годъ перемѣна будетъ безпремѣнно. Оброки-то, по правдѣ сказать, больно малы у васъ. Баринъ молодой, себя захочетъ передъ товарищами показать... Ну, знаете, мы и отписали, какъ опекунъ совѣтовалъ, и съ тѣхъ поръ ни духу ни слуху отъ барина... Вѣрно, самъ хочетъ побывать, да все своимъ глазомъ осмотрѣть... оно бы и лучше. Конечно, ужъ безъ перемѣнъ не обойдется... Что жъ дѣлать, воля господская!

— Хорошо тебѣ такъ баять, Иванъ Степанычъ! кубышка полна!—отвалилъ барину сколько пожелаетъ, да и дѣлу конецъ!—со всею семьей вольный!.. проговорилъ староста.

— Постой, Пахомъ Карнѣичъ, говоришь такъ легко... да ты вѣдь въ моей кубышкѣ не считалъ, и не знаешь, найдется ли въ ней столько, чтобъ стало на мой выкупъ. У меня семья-то въ шести душахъ мужскихъ, да въ семи женскихъ...

— Знаемъ мы, знаемъ, старичекъ божій! Хотя и не считали въ твоей кубышкѣ, продолжалъ Пахомъ, потрепывая прикащика по плечу, и дьявольски улыбаясь, отсчиталъ господину тысячъ семь-восемь (ассигнаціями)—и кончено!—доволенъ будетъ... Барину деньги топеричка нужны.— —

— Тебѣ больше знать: братъ твой у барина камардиномъ! только, что ты сказалъ-то? семь, восемь тысячъ? Этакая шутка... нечего сказать, шутка! прошепталъ Иванъ Степанычъ, покачивая головою.

— А у тебя нѣтъ ихъ, восьми-то тысячъ?.. полно, не грѣши, Наумъ Ѳомичъ! обратился Пахомъ къ хозяину; ты слышишь, ишь старина какою бѣдностью прикидывается! Но Наумъ Ѳомичъ счелъ лучше не отвѣчать на эту выходку.

— Ну это, Иванъ Степанычъ, дѣло твое... а вотъ поведемъ-ка лучше о томъ рѣчь, продолжалъ староста, какъ вдругъ нежданно, негаданно, молодой-то баринъ къ намъ нагрянетъ... да еще съ новыми порядками... вѣдь онъ насъ этакъ больно подкузьмитъ?... а?

— По-мнѣ, хоть завтра милости просимъ. Я по своему дѣлу исправенъ и чистъ, душа моя не дрожитъ. А можетъ господинъ что нибудь и дурно найдетъ, и недоволенъ останется нашимъ управленіемъ!.. проговорилъ старикъ; кто знаетъ?..

— Кто знаетъ? можетъ какого нибудь Нѣмца въ управляющіе приметъ... Нонѣшніе-то молодые господа любятъ, какъ Нѣмцы у нихъ управляютъ,—вмѣшался дьячекъ.

— И на то господская воля... Пора моимъ костямъ и на покой! смѣны просятъ.!. Царская служба—и та двадцать пять лѣтъ... Неужли я должонъ служить безъ отставки?.. Иванъ Степанычъ засмѣялся.

— Да ужъ и Нѣмцы-то русскому мужику ой, ой! какъ солоны! заговорилъ староста,—того-то и страшно... Вонъ, Легкоперовскую вотчину до чего они, проклятые, довели: на семи дворахъ одинъ топоръ!.. А господа-то, гдѣ они? прохлажаются въ Питерѣ! ничего имъ неизвѣстно, что̀ въ имѣніи дѣлается! Пришлютъ Нѣмца управляющаго, ну и спокойны, все молъ будетъ исправно... Нѣмцы народъ аккуратный. А онъ видитъ волю — притѣсняетъ мужика, али ненужной работой мучитъ. Не забыть мнѣ, какъ Пеклеванъ садъ середи двора разсаживалъ: три года крестьянъ мучилъ въ рабочую пору; а все только ради своей прихоти. Значитъ, хотѣлъ власть показать, что молъ хочу, то и творю; коль работаютъ безотвѣтно, такъ и пусть работаютъ Господа-то годовъ пятнадцать и въ деревню не заглядывали, ненуженъ имъ садъ былъ...

— Да, бѣдовый былъ этотъ Пеклеванъ! подхватилъ дьячекъ; бывало, въ рабочую пору, какъ рожь сыплется, за одинъ день готовъ, кажись, Богъ знаетъ что̀ дать... А легкоперовскіе мужички липки во дворѣ поливаютъ; нолды и зло и тошно... Зато и турнули же Пеклевана!

— Турнули, какъ карманъ набилъ! сказала Домна Власьевна. Пеклеваниха-то въ нанковомъ салопѣ пріѣхала, на одной подводкѣ, со всѣмъ имѣніемъ; а выѣхала въ коляскѣ; да за коляской-то обозъ поѣхалъ съ добромъ.

— Ну что̀ говорить, и теперешній-то Карло Карлычъ, хоть и помягче прежняго, а говорятъ, шибко въ карманъ тянетъ, замѣтилъ отецъ Семенъ; у него и порядокъ такой

заведенъ: извѣстные дни назначены на барщину. Случись въ этотъ день хоть годовой праздникъ, ему все равно, иди; день днемъ не замѣняетъ, кричитъ свое: «мнѣ середу подавай, четверга дескать не надо.» Нонче Ильи, какъ сами знаете, случилось въ понедѣльникъ. Праздникъ въ Легкоперовѣ храмовой; староста къ управляющему: знать, говоритъ, ничего не хочу, день рабочій, кричитъ управляющій. Мужички толпой пришли, просятъ .. священникъ тоже просилъ, на себя бралъ, барину хотѣлъ писать, ни что не помогло.

— Работали? спросилъ староста.

— Да, работали. Въ церкви-то отпраздновали только; ни крестнаго хода, ничего не было; и по деревнѣ съ образами по избамъ не ходили; а крестьяне уже на другой день гуляли. Карло Карлычъ на своемъ поставилъ.

— Знать, онъ нехристь какая? спросилъ Иванъ Степанычъ.

— Просто-запросто фармазонъ, заключилъ увѣрительно дьячекъ Вавила.

— Не умѣю вамъ сказать, какого онъ исповѣданія, отвѣчалъ отецъ Семенъ, а только человѣкъ такой дикій, совсѣмъ безъ души человѣкъ.

— Поди ты, примолвилъ староста.

— Что жъ дѣлать! Господа посадили, дескать палочку пришлютъ, и палочкѣ повинуйся, пояснилъ прикащикъ, жаловаться то на него не кому: господа-то проживаютъ по чужимъ землямъ. Тамъ-то, говорятъ, въ нѣметчинѣ крѣпостныхъ нѣтъ, такъ они и сами-то съ тамошними нѣмецкими мужиками учливы; а своихъ-то отдаютъ въ распоряженіе тѣмъ же нѣмецкимъ выходцамъ. Ну, а пріѣзжій-то, значитъ, Нѣмецъ попадетъ къ намъ все равно, что волкъ въ овчарню; вѣдаетъ, что не вѣчный гость, и наровитъ поскорѣй нажиться, да улизнуть во-свояси... Вѣдь, никто на свою руку охулки не положитъ.

Между тѣмъ, какъ шли межь гостями всѣ эти разговоры, хозяйка не переставала подчивать попадью то вишневочкою, то пивомъ, и вела съ нею откровенный разговоръ полушепотомъ, о томъ: что прежде Наумъ Ѳомичъ, бывши во дворѣ, значитъ подъ страхомъ, напивался на самую ночь,

послѣ ужина; а ноньче, почувствовавъ волю, сталъ напиваться, когда ему вздумается. Попадья, съ своей стороны, жаловалась ей на попа, что, дескать, нынче строгъ сталъ; не велитъ съ сосѣдками потолковать, иной разъ и посудить, о комъ придется... И гостья, и хозяйка порядочно раскраснѣлись. Первая сняла уже съ головы шелковый шалевый платокъ, которымъ была накрыта, а послѣдняя ослабила поясъ своего желтоватаго капота. Но хозяйка вдругъ замѣтила на столѣ нѣсколько непочатыхъ рюмокъ, и накинулась на мужа:

— Наумъ Ѳомичъ! имянинникъ! что́ руки растопырилъ? не видишь, что дорогіе гости только разговорами угощаются, а рюмки то передъ ними совсѣмъ замерзли!..

— Что жъ я буду дѣлать-то съ ними, что они не кушаютъ?.. отозвался хозяинъ; кушайте, гости, кушайте!.. И Ѳомичъ, при этомъ возгласѣ, налилъ стаканъ настойки и опорожнилъ его самъ.

— Этакой безпутный! гдѣ-бъ гостей подчивать, а онъ самъ! проговорила съ досадою Власьевна, не совсѣмъ вѣжливо толкнувъ супруга подъ бокъ, и принялась сама подчивать гостей.

— Не смотрите вы на хозяина-то, отецъ Семенъ! прошу прикушать настоички-то,—вѣдь желудочная! Вавила Петровичъ! кумъ! Иванъ Степанычъ! рыбки-то закуси! родной, хмѣльнымъ ужъ не подчую... Не употребляешь, такъ что́ дѣлать съ тобою!

— Вавила Петровичъ... кумъ... не употребляешь...—повторялъ безсознательно за женою Наумъ Ѳомичъ,—уже довольно опьянѣвшій. Языкъ замѣтно ему не повиновался.

— Молчи ты! —крикнула на него дорогая половина. И хозяинъ, хлопая глазами, и что-то мямля, отошелъ въ сторону.

— Премного довольны, Домна Власьевна!—молвилъ отецъ Семенъ, вставая.—Слава сему дому! не пора-ли къ иному? Съ обѣденъ сидимъ здѣсь, а вонъ ужъ и солнышко закатилось,—прибавилъ онъ, показывая въ окно.

— Побесѣдуйте, батюшка, съ нами, не погнушайтесь!—тарантила хозяйка,—вотъ сейчасъ чайку...

Въ это время вошедшая баба поставила на лежанку кипящій ведерный самоваръ.

— Ну, чайку можно; а ужъ отъ рюмки избавьте...—говорилъ священникъ, опять садясь, и отставляя рюмку подальше.

— Вы не любите, не любите насъ, гнушаетесь нами!

— Душа мѣра! И пили и ѣли сколько могли; а теперь надобно поблагодарить за угощеніе... Ну-ка, дьячокъ и попадья, время; вечеръ настаетъ... Отецъ Семенъ опять было всталъ, видя, что чаю долго не дождешься.

— Куда ты спѣшишь, развѣ не будемъ дома?—возразила попадья, усаживаясь къ лежанкѣ, въ ожиданіи чая.

— Какъ куда спѣшу? развѣ не знаешь домашняго дѣла; Марья одна съ коровами не справится; а телята?.. ты кажется свое дѣло забыла!..—сказалъ строго отецъ Семенъ.

— Ну, хорошо, поворчи, поворчи!—шептала сожительница, не трогаясь съ мѣста.

— Не отпущу, не отпущу!—кричала хозяйка, бросаясь наливать поскорѣй чай, между тѣмъ какъ у ней все какъ-то не ладилось,—хоть по чашечкѣ выкушайте.

Отецъ Семенъ поспѣшилъ выпить стаканъ чая.

— Батюшка! отецъ Семенъ! за здоровье прелюбезныхъ, добрыхъ и достохвальныхъ хозяевъ!..—воскликнулъ торжественно дьячекъ Вавила, поднявъ выше головы налитую рюмку, и самъ же запѣлъ высокимъ теноромъ: «многая лѣта...»

Отецъ Семенъ только покачалъ головою, и наказавъ еще разъ попадьѣ, приходить скорѣе домой,—ушелъ.

— Фу!.. какая строгость!—прошептала смѣясь послѣдняя, когда дверь за мужемъ затворилась.

Но дьячекъ все еще тянулъ «многая лѣта», зажмуривъ глаза. Ему подтягивалъ староста, и наконецъ присоединилась сама Домна Власьевна.

— А!.. и ты поешь!.. замѣтилъ изъ угла дремлющій и заслышавшій голосъ жены, Наумъ Ѳомичъ.

— Еще бы и не пѣть!.. Вѣды ты одинъ только разъ въ годъ имянинникъ-то бываешь!—отозвалась супруга.

— А!.. ну!..—Наумъ Ѳомичъ зѣвнулъ и опять задремалъ.

Прикащикъ той порою вышелъ изъ-за стола, утеръ рукавомъ суконной шубы свой потный лобъ, помолился Богу, поклонился на всѣ стороны и, подтянувъ кушакъ, собирался уйдти.

— Иванъ Степанычъ, родной! а чайку-то съ нами развѣ не хочешь напиться?.. Нѣтъ, ужъ безъ того не отпущу!..—кричала хозяйка, и принялась усаживать старика къ лежанкѣ.

— Много довольны, мать моя Домна Власьевна!—отвѣчалъ послѣдній, волей неволей вынужденный еще прѣть возлѣ жарко-натопленной печи и еще пить горячій напитокъ.

— Я сердита на тебя, Иванъ Степанычъ, и больно сердита,—молвила помолчавъ хозяйка, погрозила прикащику пальцемъ, и принялась наливать чай.

— Чѣмъ-же я тебя обидѣлъ, Домна Власьевна?—спросилъ изумленный Иванъ Степанычъ; развѣ какъ нибудь неумышленно?

— Не меня ты обидѣлъ, старичекъ, а моего крестника. Скажи-ка, почему ты отказалъ ему, какъ онъ сватался къ Маряшѣ?—пояснила шепотомъ дворечиха, наклонясь къ уху старика.

— А!.. энто я Софронка-то отказомъ обидѣлъ! Ну, это дѣло мое, Домна Власьевна... И Иванъ Степанычъ принялся за налитую чашку.

— Чтó-же за причина, что ты ее не выдалъ?—настаивала хозяйка.

— Да такъ... не выдалъ,—да и все тутъ. Значитъ, не судьба!

— Нечего на судьбу сворачивать; а ты дѣломъ-то говори... Чтó, еслибы я къ тебѣ на дворъ со сватовствомъ пришла?

— Милости просимъ! такой свахѣ всегда почетъ; и коль отъ кого другаго, а не отъ Софрона,—пришла, такъ можетъ стали бы и думу думать, совѣтъ держать... А коль отъ Софрона, такъ опять бы отказалъ... Не погнѣвайся мать моя!

— Ишь какой упрямый!—воскликнула Власьевна съ досадою,—значитъ, есть какая нибудь причина твоему отказу...

— Пожалуй, я и причину скажу,—отвѣчалъ прикащикъ, поставивъ на лежанку блюдечко, которое держалъ на растопыренныхъ пальцахъ;—сказать тебѣ откровенно, по душѣ: посади ты Софронка рядомъ съ Маремьяной, да и погляди, пара-ли?

— Конечно, женихъ нашъ не красивъ... Да развѣ лице лизать что ль? — возразила хозяйка. — Ты, я вижу, Иванъ Степанычъ, больше всего, на внучкины капризы смотришь; а ты-бы то подумалъ,—развѣ домъ кума Пахома послѣдній? Третья въ семью пойдетъ. Подумай-ка...

— Думать мнѣ нечего, — отвѣчалъ Иванъ Степанычъ, — Маряха моя семьи не боится, сыта будетъ и въ большой семьѣ... А только о Софронкѣ скажу: что парнишка ничѣмъ не взялъ, пустой и азарной...

— Вотъ вздоръ!.. Жену любить будетъ, такъ напрасно не обидитъ... А я вотъ что слышала: будто ты Маряшу въ Жмулино просваталъ?

Прикащикъ усмѣхнулся.

— Ты сама знаешь, Домна Власьевна, что жмулинскіе экономическіе; значитъ, пустое и толковать нечего. И старикъ допилъ чашку.

— Я слышала, продолжала ключница, смотря пристально прикащику въ глаза, я слышала, что ты нетолько Маремьяну, а и самъ со всей семьей хочешь откупиться отъ барина?

Иванъ Степанычъ едва замѣтно пожалъ плечами, и принявъ удивительный и вмѣстѣ смиренный видъ, отвѣчалъ:

— Господи ты Боже мой! кому хочется говорить такія несообразныя рѣчи.. —онъ искоса взглянулъ на старосту, и потомъ обратился къ хозяйкѣ: — Мать ты моя, Домна Власьевна... Подумай–ка, гдѣ я столько казны возьму? впрочемъ...—прибавилъ онъ, улыбаясь, твоими–бы устами медъ пить! Какъ бы вотъ отъ васъ теперь идти, да кладъ найдти: куда–бы хорошо было!

— А ты балясами–то, старикъ, не отдѣлывайся,—продолжала Власьевна, наливая снова чай, вѣдь люди говорятъ... значитъ, понимаютъ — что въ тридцать лѣтъ можно кладъ накопить... Кто самъ себѣ недругъ?!..

— А, тридцать лѣтъ! у всѣхъ это тридцать лѣтъ моего прикащичества въ горлѣ сидятъ! и одни отъ зависти, другіе отъ бездѣлья—и не вѣсь что говорятъ... А говорятъ-то, Домна Власьевна, не про одного меня на бѣломъ свѣтѣ; всего не переслушаешь... И коли вѣрить всему, такъ...— старикъ взглянулъ на дворечиху и потрясъ головою. Власьевна вспомнила, что и про нихъ тоже идутъ не совсѣмъ чистые слухи—и спохватилась.

— Оно конечно... мало-ли что досужіе языки могутъ наболтать... Однако... кх.. кх.. кх...—она закашлялась.

— То-то и есть, Домна Власьевна, подтвердилъ, ухмыляясь, Иванъ Степанычъ; прощенья просимъ! онъ всталъ.

— Еще чашечку... родной Иванъ Степанычъ.

— Нѣтъ, мать моя, ни за что... И-то, точно въ банѣ выпрѣлъ.

— И такъ-таки и не намѣренъ, о чемъ я говорила? — Спросила какимъ-то мягкимъ голосомъ хозяйка.

— Нечего и толковать, значитъ, переливать изъ пустаго въ порожнее!—отвѣчалъ рѣшительно прикащикъ.

— Жаль,—примолвила Власьевна, а такъ бы хорошо... Одинъ сватъ—староста, другой—прикащикъ, и все-бы сподручнѣе было... говорятъ: *свой своему поневолѣ другъ*.

— Прожилъ я, Домна Власьевна, семьдесятъ лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, и въ чужомъ умѣ-разумѣ не нуждался; дай Богъ и по-гробъ моей жизни не имѣть ни до кого нужды. Пахомъ всего три года старостою; жилъ я и безъ него, и чтожъ? пусть онъ знаетъ самъ-себя, а я самъ себя... Прощенья просимъ... за угощеніе... за хлѣбъ за соль... Наумъ Ѳомичъ!.. Но хозяинъ не слыхалъ прощальныхъ словъ гостя, храпя въ углу, на разные тоны.

Какой лукавый имъ на берестѣ написалъ, что я Маремьяну въ Жмулино просваталъ? задавалъ себѣ вопросы прикащикъ, идя изъ гостей домой. Кто *изъ избы соръ* вынесъ? Мало того, и о выкупѣ баютъ, а я кромѣ сыновей, ни кому нигугу объ этой статьѣ!.. Ужели парни разболтали? быть не можетъ; я заказалъ имъ, чтобъ прежде времени никому ни слова. Кондратьевна тоже баба не таковская, по-пустому языкомъ бить не любитъ. Кому, кромѣ Петрушкиной

жены, этакая баба—сплетня! бѣсово помело! Иванъ Степанычъ плюнулъ на лѣвую сторону, и подошелъ къ своей избѣ.

Межъ тѣмъ въ свѣтелкѣ дворецкаго дьячекъ Вавила долго еще тянулъ высокую ноту, хотя никто и не помогалъ ему, потому что староста Пахомъ сидѣлъ, облокотясь на столъ: одинъ его глазъ дремалъ, а другой глядѣлъ на штофъ съ настойкою, и рука по-временамъ протягивалась къ штофу, но не имѣла настолько силы, чтобъ достать его. Пахомъ повременамъ кого-то ругалъ, бормоталъ о деньгахъ и выкупѣ, о баринѣ, и наконецъ всѣ эти безсвязные возгласы слились въ какое-то безсмысленное дикое мычаніе, и староста свалился подъ столъ и захрапѣлъ. Вскорѣ его примѣру послѣдовалъ и хозяинъ, все еще какою-то сверхъестественною силою до сихъ поръ державшійся на стулѣ.

Хозяйка и гостья, не обращая вниманія на то, что вокругъ ихъ происходило, долго еще сидѣли за остывшимъ самоваромъ. Одна—каждую секунду напоминая, что ей пора домой, а другая—усердно унимая гостью, и подливая ей въ чашку; но только ужъ не изъ чайника, а изъ крошечнаго графинчика.

Церковный сторожъ простучалъ въ доску одинадцать разъ. Собесѣдницы разстались.

III.

У Ивана Степаныча была большая семья, какъ онъ самъ говорилъ, въ бытность свою въ гостяхъ у Наума Ѳомича. Кромѣ двухъ женатыхъ сыновей и одного холостаго, у прикащика жила еще невѣстка, вдова старшаго, давно умершаго сына, извѣстная читателю Кондратьевна, баба степенная, уважаемая всею семьей, заправлявшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Подкидышъ Гаранька, воспитанный старшимъ сыномъ Степаныча Васильемъ, за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей, тоже считался членомъ семьи. У средняго, Петра, дѣтей была тройка, состоявшая изъ мальчика и двухъ дѣвочекъ, малъ-мала меньше.

Вся эта ватага помѣщалась въ новой избѣ, внутренность которой, несмотря на чистоту и просторъ, ничѣмъ не отличалась отъ внутренности прочихъ крестьянскихъ избъ; развѣ кромѣ передняго угла, въ изобиліи облѣпленнаго лубочными картинами духовнаго содержанія.

Самъ Иванъ Степанычъ жилъ въ старой избѣ, рядомъ съ нововыстроенною, вмѣстѣ съ незамужнею больною дочерью Мариною и хорошенькою внучкою Маряшею, которую старикъ любилъ больше всѣхъ. Маремьяна была дочь его дочери. Оставшись круглою сиротою на четвертомъ году, она была взята дѣдомъ и выросла на его рукахъ.

Но, несмотря на такое огромное семейство, домъ прикащика былъ, что называется, полная чаша. Хотя злые языки и приписывали все довольство долгому прикащичеству Степаныча надъ вотчиною, однако, надобно сказать правду, что дѣти Ивана Степаныча были хорошими помощниками отцу; на трехъ лихихъ тройкахъ, они постояно занимались извозомъ, и все ребята были трезвые. Съ этой стороны, копѣйка валилась въ карманъ старика; съ другой стороны и въ домашней работѣ, съ которою управлялись Гаранька съ бабами, не было никакого упущенія. И такимъ манеромъ хозяйство прикащика процвѣтало.

Самого же Ивана Степаныча скорѣй можно было назвать управляющимъ, чѣмъ прикащикомъ, потому что старый баринъ безъ его совѣта никогда ничего не предпринималъ, въ отношеніи къ вотчинѣ, и всѣ предположенія Степаныча, или его просьба, за кого-бы то ни было, всегда были исполняемы. Но обыкновенно, какъ и у всякаго, сколько нибудь выбившагося изъ общаго уровня, у Степаныча были завистники; первый недоброжелатель прикащика былъ богатый Пахомъ, у котораго сестра когда-то была кормилицей молодаго барина, а братъ впослѣдствіи его камердинеромъ. Дворечиха же Власьевна крестила у Пахома сына. При такихъ покровителяхъ, Пахомъ могъ смѣло мѣтить на мѣсто прикащика, который уже становился старъ; но столкнуть съ мѣста этотъ обросшій мхомъ камень было не легко. И вотъ, Пахомъ пустился на всѣ козни противъ Ивана Степаныча; то онъ возстановлялъ противъ него недовольныхъ,

то писалъ барину какой-нибудь безъимянный доносъ на Степаныча; доходило ли все это до стараго барина или нѣтъ, только мы знаемъ, что Александръ Иванычъ до самой своей смерти сохранилъ полную довѣренность къ старому прикащику.

Пахомъ, видя, что его замысламъ осуществиться вѣрно не пришло еще время, покуда притихъ, и сдѣлавшись старостою, принялся заискивать расположеніе прикащика, чтобъ легче было вмѣстѣ какую нибудь продѣлку сдѣлать при случаѣ. Наконецъ посватался съ сыномъ къ Маряшѣ; старикъ, какъ мы знемъ, отказалъ, потому что не любилъ Пахома, зная его недоброжелательную натуру, хотя и не подозрѣвалъ его враждебныхъ противъ себя дѣйствій. Отказъ же прикащика окончательно озлобилъ старосту, а смерть стараго барина развязала ему языкъ и руки. Теперь онъ только выжидалъ случая или формально обвинить Степаныча передъ молодымъ бариномъ, или, если дѣйствительной вины не найдется, то по крайней мѣрѣ сочинить какую нибудь правдоподобную клевету.

Вдругъ разнесся слухъ, что Иванъ Степанычъ выкупается на волю. Пахомъ воспользовался этимъ, и сталъ вездѣ не стѣсняясь говорить, что прикащикъ, въ продолженіи всей своей жизни, очень ловко обманывалъ барина, накопилъ огромныя деньги, и теперь, ничего не жалѣя, хочетъ выкупиться на волю со всей своей семьей.

Слыша такое правдоподобное обвиненіе, мужички молча почесывали въ затылкахъ, а тѣ, у которыхъ у самихъ совѣсть была не изъ крѣпкихъ, вѣрили тому безусловно.

Наконецъ, мы видѣли, какъ староста высказался и передъ самимъ Иваномъ Степанычемъ, стараясь выпытать старика, хотя послѣдній не подался, вѣроятно имѣя свои причины молчать до времени.

Но обратимся къ разсказу.

Когда заовражскій грамотѣй Потапъ вошелъ въ избу прикащика, Кондратьевна, какъ любительница послушать Писанія, пригласила старика раздѣться, сѣсть за столъ, и приняться за чтеніе. Когда Михеичъ исполнилъ ея просьбу, перекрестился, и чинно, тихо, съ достоинствомъ раскрывъ

книгу, готовился приняться за чтенiе, Кондратьевна и Антипьевна (жена отсутствующаго Василья) подсѣли къ столу слушать; жена Петра, съ груднымъ ребенкомъ, тоже присоединилась къ нимъ. Ея маленькiй Афонька, съ бѣлыми какъ ленъ волосами, и съ хлѣбною коркою въ рукѣ, помѣстился между матерью и тетками и не сводилъ глазъ съ *книгочiя*.

— Родимый, Потапъ Михеичъ, спасибо тебѣ! и какъ мы рады-то, что и сказать нельзя! проговорила съ умиленiемъ жена Василья.

— Я думалъ, что Иванъ-то Степанычъ дома, сказалъ чтецъ гнусливо, съ важностiю поглаживая бороду.

— Что тебѣ батюшка-то? воскликнула младшая невѣстка, онъ самъ грамотный, захочетъ, такъ и самъ прочитаетъ. А ты, вотъ, насъ-то глупыхъ, темныхъ бабъ попользуй.

Кондратьевна между тѣмъ, не вступая въ разговоръ, то и знай поглядывала въ боковое окно.

Грамотѣй высморкался, откашлялся, и все еще чего-то выжидалъ, не торопясь надѣвая очки.

— Что жъ ты, Потапъ Михеичъ, чего ждешь-то, прочитай родимый что нибудь, воскликнула нетерпѣливо Антипьевна, освобождая отъ платка оба уха, желая безпрепятственно слышать читаемое.

— Начинать, Анна Кондратьевна? спросилъ Михеичъ, обращаясь къ вдовѣ-хозяйкѣ.

И услышавъ ея вторичную просьбу, началъ.

Принесенная имъ книга была въ самомъ дѣлѣ старая, изорванная библiя, безъ начала и конца; на первомъ листѣ приходилась книга Паралипоменонъ, и то не съ начала. И Потапъ читалъ гнусливымъ монотоннымъ голосомъ, прислушиваясь къ звукамъ и рѣшительно не понимая ни крошки изъ читаемаго.

«Восоръ въ пустыни съ подградными его, и Эсса съ подградными его. И Кадимоѳъ и подградная его, и Моапсаѳъ съ подградными его» и такъ далѣе и далѣе.

Усердныя слушательницы, желая что нибудь понять, напрягали все свое вниманiе, но понять совершенно ничего не

могли. Афонька подъ монотонное чтеніе заснулъ, прикорнувъ въ колѣна матери, которую также начала одолѣвать дремота; но она все еще старалась пристально смотрѣть въ лице чтеца.

Наконецъ Антипьевна, принимавшаяся нѣсколько разъ зѣвать и крестить ротъ, не вытерпѣла, и обратилась къ Кондратьевнѣ, спросивъ шепотомъ:

— Невѣстка! да растолкуй хоша ты, о чемъ Михеичъ читаетъ?

— А ты слушай, слушай! отвѣтила послѣдняя, и принялась вырубать огонь, потому что въ избѣ уже дѣлалось темно.

Еще минутъ десять слушала Антипьевна; но уже обратилась къ самому чтецу, съ тѣмъ же наивнымъ вопросомъ.

— Развѣ не слышишь? сказалъ съ досадою грамотѣй, прерванный на самомъ звучномъ, на самомъ неудобопонятномъ словѣ.

— Слышать-то слышу, родимый, только не понимаю что-то...

— Хмъ! непонятно! знать не при насъ писано! вотъ что значитъ... а кабы суета какая, сказка, басни, такъ пожалуй и понятно бы было... продолжалъ сердито Михеичъ.

— Что ты родимый, Богъ съ тобою, сказка... да что я молоденькая что-ль, что мнѣ сказки на разумъ пойдутъ!.. время думать о душѣ, а не о пустякахъ... Вотъ что родимый Потапъ Михеичъ!.. проговорила обиженнымъ тономъ Антипьевна.

— А лучше надобно сказать, Антипьевна, это все врагъ супостатъ нашъ разумъ затмѣваетъ; оттого и невразумительно намъ кажется писаніе, разсудилъ наконецъ Михеичъ смягченнымъ голосомъ; хотя самъ, какъ и бабы, рѣшительно ничего не понималъ.

— Истинная правда, Потапъ Михеичъ! все это врагъ, все онъ виноватъ, произнесла вставая Антипьевна, и поднявши на руки заснувшаго племянника, отправилась его укладывать.

Дремавшая Марья, Петрова жена, также встала съ своимъ ребенкомъ и отошла къ зыбкѣ. Осталась только Кондратьевна, да и та очень разсѣянно слушала чтеца, кото-

рый опять принялся выговаривать мудреныя имена и прислушиваться къ собственному голосу.

Вошла Маряша.

— Маремьяна! крикнула на нее Кондратьевна, ты что это вздумала съ Алёнкою зубы скалить, а? ты думаешь, я не видѣла? я все видѣла!.. такъ-то ты слушаешь моихъ наказовъ?..

— Я ничего, тетушка, ей Богу ничего... что мнѣ было дѣлать, коли она подошла ко мнѣ... отвѣчала робко нѣсколько опѣшившая дѣвушка.

— Видѣла я, видѣла, какъ шушукалась, продолжала тетка, не слушая оправданій племянницы; смотри, дѣвка, худо люди скажутъ: знать-де Маряха-то такъ же пошла, какъ и Аленка... Подруги...

— Вѣстимо, подруги были...

— Мало-ли что прежде было! а теперичка не то, и толковать нечего... Смотри, не пеняй на меня, коль что худое люди скажутъ... Кондратьевна погрозила Маремьянѣ.

Послѣдняя знала, что съ теткою спорить, или оправдываться напрасно; оттого что Кондратьевна глядѣла съ нѣкоторыхъ поръ на Алёну какъ на самую дурную дѣвку во всемъ селѣ; а потому, не продолжая разговора, поспѣшила подать письмо отъ Веденея.

— Кто привезъ? спросила Кондратьевна.

— Егоръ Солнцевъ, прошептала дѣвушка.

Тетка сердито вырвала у ней изъ рукъ письмо, и хотѣла уже просить грамотѣя прочесть его, какъ дверь отворилась и вошелъ Иванъ Степанычъ.

— Богъ въ помощь! молвилъ онъ, взглянувъ на чтеца и бросивъ порывисто шапку и рукавицы въ уголъ, сѣлъ къ столу.

— Добраго здоровья, Иванъ Степанычъ! проговорилъ съ поклономъ Михеичъ; долгонько загостился у Наума Ѳомича! ужелъ все тамъ изволилъ быть?

— Все тамъ. Чтожъ дѣлать, Михеичъ, въ гостяхъ, что въ неволѣ; отъ Домны Власьевны не скоро вырвешься, какъ угощать примется! отвѣчалъ прикащикъ, сердито погляды-

вая на младшую невѣстку Марью, которую считалъ виною распространившихся слуховъ о выкупѣ.

— А я, Иванъ Степанычъ, принесъ сюда книжицу почитать, вельми душеполезна; ужъ не осуди... Знаю, что и ты писаніе любишь... продолжалъ грамотѣй, поднявъ на лобъ очки.

— Дѣло хорошее, старичекъ; какая жъ такая твоя книжица?

— Глаголема Библія, отвѣчалъ Михеичъ.

Прикащикъ сдѣлалъ живое нетерпѣливое движеніе и подвинулся къ чтецу.

— Ну, Потапъ Михеичъ, я тебѣ вотъ что скажу: я слыхалъ, что эту книгу намъ читать не должно... сказалъ прикащикъ.

— Не должно, Иванъ Степанычъ? Почему же? спросилъ Михеичъ, въ недоумѣніи смотря на хозяина.

— Да вотъ что я тебѣ скажу, безъ дальнихъ разговоровъ: знаешь ты Алексѣя Степухинскаго?

— Какъ не знать!

— Случалось ли тебѣ слышать, какія онъ рѣчи говоритъ?

— Что говоритъ?—извѣстно что безумные говорятъ; вѣдь невѣстка-то его Лукишна мнѣ сватья будетъ, такъ онъ ее, кромѣ своей старухи, женой называетъ; говоритъ, подобаетъ всякому имѣть двѣ жены... Да мало-ли что онъ бредитъ...

— Вотъ видишь, а эт-та недавно самъ себя Самсономъ сталъ называть, то есть, богатыремъ, и на улицѣ со всѣми драться началъ...

— И!!.. какая притча! молвилъ грамотѣй, покачивая головою.

— Эта притча, баютъ, ему съ вѣтру въ полѣ пришла, вмѣшалась Кондратьевна.

— Не въ полѣ, а въ банѣ, отозвалась Марья.

— Ты много знаешь! вездѣ суешься съ своимъ поганымъ языкомъ, словно съ помеломъ! сказалъ сердито Иванъ Степанычъ. Баба немедленно притихла, и вся семья съ удивленіемъ посмотрѣла на старика, имѣвшаго постоянно ровный характеръ.

— Такъ вотъ оно дѣло-то какое! обратился опять при-

кацикъ къ грамотѣю; а все баютъ, что онъ все надъ Библіей день и ночь сидѣлъ, ну, и зачитался...

Михеичъ сидѣлъ точно ошеломленный; онъ и самъ когда-то слыхалъ подобныя исторіи о сумасшедшихъ грамотѣяхъ, но не могъ вообразить, отчего, напримѣръ, отъ тѣхъ словъ, которыя сейчасъ онъ читалъ, безъ участія мысли или понятія, можно съ ума сойдти?.. Наконецъ, онъ какъ будто опомнился.

— Не осердись ты Иванъ Степанычъ на то, что я скажу; ужъ коль не должно никому энту книжицу читать, такъ и въ печати бы ее не было!..

— Гмъ! никому не должно!.. намъ съ тобою не должно, Потапъ Михеичъ; да вотъ такому грамотѣю, какъ Алеша Степухинской... А почему же не читать ее ученымъ? Ученый-то, братецъ ты мой, на всякую строчку толкованіе положитъ, всякое слово растолкуетъ... Ну, а ты, напримѣръ, растолкуй-ка мнѣ, что читалъ?.. Дѣлая такой вопросъ, Степанычъ былъ совершенно въ томъ увѣренъ, что туземный книгочій толковать былъ не мастеръ.

— Ужъ и я скажу, что мудренешенько дѣдушка Потапъ читалъ, подстала изъ угла Антипьевна: слушала я, слушала, многогрѣшница, ничего въ толкъ не взяла!

Въ умѣ Кондратьевны вертѣлся тотъ же отзывъ. Но она не хотѣла совершенно уронить авторитетъ совсѣмъ растерявшагося грамотѣя, и только сказала:

— Ужъ извѣстно, не простые же люди книги-то писали; оттого, можетъ быть, намъ грѣшнымъ и мудрено кажется, сказано: «глубина морская!» Докончить Кондратьевна ужъ не умѣла, и желая поскорѣй прочесть Веденеево письмо, примолвила, подавая его свекру: а вотъ, батюшка, отъ Веденея грамотка, надобно прочитать...

— Кто привезъ и откуда?—спросилъ старикъ.

Маряша отвѣчала, отъ кого получила.

— Дай-ка мнѣ очковъ-то своихъ, Михеичъ; поглядимъ, что крестникъ *наварзакалъ?*—молвилъ Иванъ Степанычъ, надѣлъ очки ближе, придвинулъ къ себѣ свѣчку, и повертѣвъ въ рукахъ конвертъ, распечаталъ и сталъ читать:

«Батюшкѣ моему крестному Ивану Степанычу отъ крестника вашего, Веденея Семеныча, съ любовію поклонъ.»

Всѣ три невѣстки и Маряша обступили столъ и слушали съ живымъ любопытствомъ. Прикащикъ поднялъ глаза выше очковъ, и увидя Марью, проговорилъ сердито:

— Ты что́ уши-то распустила?.. По-настоящему не нужно при васъ ничего дѣлать и говорить: только соръ изъ избы выносите!

— Я чтожъ... я, батюшка... я, кажись, ничего...—пролепетала сконфуженная молодица, но не смѣла уже оставаться у стола и отошла къ зыбкѣ.

«Съ любовію поклонъ,—продолжалъ Иванъ Степанычъ,— и прошу твоего благословенія, во вѣки вѣковъ нерушимо. Тетушкѣ Аннѣ Кондратьевнѣ отъ племянника вашего Веденея Семеныча съ любовію низкій поклонъ. Дядѣ Василью Иванычу отъ любезнаго племянника вашего Веденея Семеныча, низкій, пренизкій покло́нъ...» И такимъ образомъ, Веденей Семенычъ выписалъ свои усердные поклоны всей семьѣ прикащика, не исключая маленькаго Афоньки, о существованіи котораго онъ зналъ; потомъ—всей роднѣ, и при каждомъ поклонѣ, поясняя кто пишетъ, называлъ себя по имени и отчеству. Пропуская эту утомительную для читателя часть письма, мы обращаемся къ болѣе любопытному его содержанію.

«Увѣдомляю васъ, что топеричка нашъ полкъ пришелъ въ Москву; а я все нахожусь при баринѣ въ кучерахъ.———Отъ Поликарпа Карпѣича обиды терплю; а баринъ во всемъ его наговоровъ слушаетъ. Съ деньщикомъ Иваномъ мы живемъ дружно, и онъ все мнѣ пересказываетъ, что́ въ комнатахъ дѣлается. Съ мѣсяцъ тому назадъ, разсказывалъ онъ, что будто на тебя, батюшка-крестный... м...м... м...м...м...»—Иванъ Степанычъ замялся, прочиталъ нѣсколько словъ шепотомъ, глубоко вздохнулъ, и не говоря болѣе ни слова, свернулъ письмо и положилъ его за пазуху.

— Чтожъ это такое на тебя-то батюшка?—спросила съ любопытствомъ Кондратьевна.

— Хмъ! да такъ... ничего... Баринъ сердится, что де-

негъ не выслалъ, проговорилъ сквозь зубы Иванъ Степанычъ.

— А больше ничего?

— Ничего; пишетъ тебѣ спасибо за какіе-то гостинцы.

— А! это что ты полотенце послала, замѣтила Антипьевна.

— Не собирается ли къ намъ баринъ-то?—спросилъ Потапъ, закрывшій уже свою книгу.

— Ничего не пишетъ Веденей. Однако и на томъ спасибо, что не забылъ, грамоткою увѣдомилъ,—сказала Кондратьевна.

— Ну, прощенья просимъ, Иванъ Степанычъ! Пора и ко дворамъ...—говорилъ грамотѣй, вставъ изъ-за стола и надѣвая тулупъ.

— Прощай, Потапъ Михеичъ!—примолвилъ прикащикъ, тоже вставъ и отдавая ему очки; опять къ намъ съ книжкою приходи, мы рады; только вотъ эту-то тебѣ не совѣтую читать, а впрочемъ, какъ хочешь. А былъ я, братецъ мой, въ городѣ, у Ивана Андреича, и видѣлъ у него книгу; онъ еще дочку свою читать заставлялъ... Вотъ я скажу—книга! спасеный путь что ли,—какъ-то этакъ называется, она гражданской печати...

— Гражданской! воскликнулъ съ какою-то недовѣрчивостью Потапъ Михеичъ.

— Да, гражданской; да ничего, книга-то хороша! такъ, вотъ, словно тебѣ въ ротъ кладетъ, поученіе-то и обличаетъ тебя, о всѣхъ твоихъ каждодневныхъ грѣхахъ, попросту, для всякаго понятно, вотъ что хорошо! Слѣдующій разъ буду у Чернухина, такъ ужъ безпремѣнно ее выпрошу.

По уходѣ грамотѣя, прикащикъ, приказавъ семьѣ ужинать, не дожидаясь его, отправился въ старую избу, свое обыкновенное помѣщеніе. Переходъ изъ избы въ избу былъ дворомъ, и Маряша пылающею лучиною освѣщала дѣду дорогу. Несмотря, что въ крытомъ дворѣ повсюду была солома, дѣвушка смѣло отбивала рукою нагорѣвшій уголь отъ лучины и затаптывала ногою, нисколько не думая, что малѣйшая оставшаяся искра, малѣйшее дуновеніе вѣтра—и все строеніе прикащика въ одну минуту сдѣлается добычею пламени.

— Свѣти, свѣти, Маремьяна! — говорилъ старикъ съ какою-то лихорадочною дрожью, чуть не наступая сзади внучкѣ на ноги,—такъ онъ торопился!

— Кто тутъ?—послышался изъ-за печки слабый женскій голосъ, когда дѣдъ и внучка вошли въ темную избу и освѣтили лучиною ея мракъ.

— Мы съ дѣдушкою, тетя Марина, отвѣчала Маряша, спѣша найдти и засвѣтить свѣчу. — Тебя всѣ мы оставили, некому было и напиться подать!..

— Нѣтъ, Маряхонька, безъ тебя у меня Антипьевна была, и кваску принесла, весь цѣлехонекъ... отвѣчала больная, только скучно, страшно одной въ потьмахъ было... охъ, тяжело безъ здоровья... Что̀ это, и лекарка не бывала, а обѣщала сегодня...

— Можетъ, завтра пріѣдетъ.

— Можетъ быть... и что̀ это она мнѣ кислаго и соленаго ѣсть не велитъ, что̀ это душу-то морить, будто отъ этого и здоровье придетъ?.. А вѣдь только словно и оживешь,—какъ холоднаго кваску напьешься, аль огурчикъ съѣшь... выдумки только, я думаю, однѣ, а?..

— Не знаю, тетя... можетъ, взаправду такъ надобно, какъ лекарка баитъ,—отвѣчала Маряша, снимая шубейку и бережно складывая свой шелковый платокъ.

— Маремьяна!—сказалъ дѣдушка, сидѣвшій уже за столомъ, съ очками на носу, и нѣсколько разъ принимавшійся читать Веденеево письмо,—поди скорѣе ужинать, и послѣ ужина скажи Кондратьевнѣ, чтобъ пришла сюда.

Часа черезъ полтора Кондратьевна уже сидѣла возлѣ стола, въ старой избѣ, и слушала какъ свекоръ читалъ прерванное на срединѣ письмо крестника:

«Разсказывалъ онъ, что будто на тебя, батюшка-крестный,—продолжалъ прикащикъ, пришелъ изъ деревни доносъ, въ томъ: что знаютъ, и вѣдаютъ, и хотятъ доказать, настоящимъ доказательствомъ, какъ ты, будучи прикащикомъ, покойнаго барина обманывалъ, и вотчину обиралъ, и нажилъ великія *тысячи;* а топеричка хочешь на волю выйдти, и сыновей въ купцы вывести. И что какъ баринъ, энто письмо прочитамши, разсердился—и сказать нельзя, свою дорогую

трубку разбилъ; и все тебя, слышь, ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ... А все, я чаю, это Поликарповы выдумки; всѣхъ онъ ненавидитъ, кромѣ поганой своей родни... И послѣ этого баринъ все въ деревню сбирается... А вчерась мы были въ гостяхъ у полковника; такъ тамъ баютъ, будто полку походъ назначенъ—въ Польшу; и топеричка мы не вѣдаемъ заподлинно, куда насъ Богъ поворотитъ. А все-жь ты, крестный, на всякій случай остерегись, не ровенъ часъ...» далѣе Иванъ Степанычъ уже и не читалъ; тамъ, въ самомъ дѣлѣ, Веденей благодарилъ тетокъ за гостинцы.

— Что ты на эфто скажешь, невѣстка? обратился прикащикъ къ Кондратьевнѣ, сидѣвшей въ раздумьи, подперевъ рукою подбородокъ.

— Что сказать-то?—вороги есть! Веденей-бы напрасно и писать не сталъ, отвѣчала она.

— Разумѣется, вороги! и кому я поперегъ горла сталъ, и кому я умышленное зло сдѣлалъ? проговорилъ старикъ съ горечью, и кто это, кто?

— Изъ нашинскихъ не кому, батюшка; никто тобою не обиженъ; неужто кто напрасно такой грѣхъ на душу возьметъ? Развѣ только староста Пахомъ: слышь, онъ больно злится, что ты Софронку въ сватовствѣ отказалъ, сказала Кондратьевна, Марья баетъ!

— Марья баетъ! сплетня-баба баетъ! вскричалъ Иванъ Степанычъ; много она такого баетъ, чего бы и не должно. Значитъ, при ней и говорить ничего не слѣдуетъ. Однако послушаю что́ она, говоришь ты, баетъ?

— Баетъ она, продолжала Кондратьевна, что Пахомъ о Кузьмѣ Демьянѣ въ гостяхъ у ся отца пьяный похвалялся, что весь нашъ родъ искоренитъ, что-де стараго барина не стало, такъ и прикащику *лафа* отошла; что-де ворованныя деньги прахомъ пойдутъ.

Теперь сталъ припоминать Иванъ Степанычъ и слова Пахома и слова Власьевны. Но все-таки виною слуховъ о выкупѣ считалъ невѣстку Марью.

— Отчего же мнѣ Марья тогда ничего не сказала? сказалъ прикащикъ.

— Можетъ, не посмѣла.

— А ужъ вѣрно посмѣла разсказать на сторонѣ, что Маремьяна въ Жмулино просватана и что я о выкупѣ замышляю. Вѣрно, посмѣла?

— Развѣ тебѣ, батюшка, кто говорилъ?

— Никто прямо на нее не говорилъ, да и на кого же думать? Ты, я знаю, не скажешь, Антипьевна тоже, коль ей заказано. Парни не станутъ болтать подавно; а видно, что Марья: я знаю, что она любитъ съ посторонними лясы точить, бѣсово помело! Охо-хо! Не думалъ, не гадалъ, а непріятность на шею такъ и вѣшается! Иванъ Степанычъ громко вздохнулъ.

— Чтожъ дѣлать-то? пусть будетъ воля Божья! говорила Кондратьевна, желая чѣмъ нибудь утѣшить старика; авось, Богъ дастъ, и баринъ утолится; хоша Володимеръ Александрычъ и молодъ, однако ему не безъизвѣстно, что ты не тридцать дней, а тридцать лѣтъ управлялъ вотчиною. И вдругъ послушать какой-нибудь собаки, которая насъ ни съ того ни съ сего облаяла!..

— Все можетъ быть вѣтеръ пронесетъ. Одно худо, что худыя словеса въ господскія уши попали; не весело слышать, какъ тебя мошенникомъ обзываютъ и еще *Старымъ*. Да еще и то меня безпокоитъ, что нонче и Маремьяниной свадьбѣ не бывать.

— Отчего же свадьбѣ-то не бывать? Богъ дастъ святой часъ, будемъ всѣ живы и здоровы—и свадьбу съиграемъ! возразила Кондратьевна, жениха намъ не искать.

Маремьяна, сидѣвшая за печкой съ хворою теткой Мариной, насторожила уши.

— Ничего ты, я вижу, не понимаешь, невѣстка! замѣтилъ Иванъ Степанычъ; я такъ и располагалъ, что послѣ Николы порѣшу съ бариномъ насчетъ выкупа, сколько онъ положитъ за всю нашу семью. А топеричка совсѣмъ другія дѣла вышли, топерь и подступиться не знаешь какъ. Хоша бы Маремьяну-то покуда какъ нибудь вырвать. И то, я чаю, не вѣсь, что́ заломитъ Володимеръ-то Александрычъ.

— Ужъ, вѣстимо, коли вороги наши расписали насъ ему богачами, то и дѣвку дешево не откупишь! примолвила невѣстка.

— Хотя бы не за-дешево да отпустилъ, а то пожалуй нарочно заортачится. Старикъ Солнцевъ покою мнѣ не даетъ, пристаетъ, чтобъ на святкахъ рукобитье сдѣлать, а не то, говоритъ, Егорунькѣ другой невѣсты искать надобно. Слышь, нонче безпремѣнно сына женить хочетъ.

— Ишь имъ *наспичило,* прости Богъ! вскрикнула съ сердцемъ Кондратьевна; и пусть его женитъ, развѣ къ намъ жениховъ не будетъ? будетъ, сколько хочешь, вольныхъ! о своихъ-то я ужъ и не баю.

— По-настоящему и правда, что Егора женить пора, и то не хорошо, что я долго ихъ водилъ, рѣшенья не давалъ. Еслибы я зналъ что̀ выйдетъ, то вскорѣ послѣ смерти барина принялся-бы хлопотать. Что теперь дѣлать? самъ не знаю, развѣ подождать дѣтей изъ Москвы? можетъ они и видѣли Веденея, можетъ онъ имъ что и говорилъ?

Вдругъ, поспѣшно вошедшая, Антипьевна прервала старика.

— Гость пріѣхалъ, батюшка! сказала она.

— Какой гость? вскричали въ одинъ голосъ и прикащикъ и Кондратьевна, которымъ такъ и представился пріѣздъ барина.

— Гость—Иванъ Андреичъ! отвѣчала вошедшая, смотря съ изумленіемъ на ихъ испуганныя лица.

— Иванъ Андреичъ! гость дорогой! проговорилъ, приходя въ себя, Иванъ Степанычъ; вотъ удружилъ, вотъ во время пожаловалъ! можетъ что и посовѣтуетъ. Ахъ, *другъ-пріятель,* самъ Богъ тебя принесъ! И говоря это, Иванъ Степанычъ суетился, стараясь захватить изъ поставца полуштофъ съ настойкою, и еще съ чѣмъ-то бутылочку. Да гдѣ-жъ гость-то?

— Я его провела въ горницу, отвѣчала Антипьевна.

— Самоваръ скорѣй, невѣстки, поспѣшите, а то другъ-то мой перезябъ, я думаю! и съ этими словами прикащикъ вышелъ. За нимъ послѣдовали двѣ его невѣстки.

Марина, слышавшая разговоръ отца съ невѣсткою, по уходѣ ихъ обратилась къ Маряшѣ:

— Ну, согрѣшили мы грѣшныя, Маряхонька: во всю жизнь отца никто худымъ словомъ не обносилъ, а теперь, подъ старость-та... о нѣтъ, знать не передъ добромъ, передъ

чѣмъ нибудь нехорошимъ... Да мнѣ пуще тебя-то, Маряха, жаль: чего добраго, пожалуй баринъ осерчаетъ, не отпуститъ на волю, да прикажетъ за Софронка отдать. Ахти!.. Какъ я только услышала, такъ за сердце и схватило.

— И не говори этого, тетя, отвѣчала дѣвушка, заливаясь слезами, лучше пусть съ меня голову снимутъ, лучше утоплюсь, а за Софронка не пойду, не пойду! И Маряша рыдала, наклонивъ голову на подушку Марины.

— Ахъ ты дура, дура! еще прежде времени ужъ и завыла, сказала Марина, готовая плакать сама; полно, не плачь, все пройдетъ; Богъ дастъ, все перемелется—мука будетъ!

IV.

Горница, куда ввела Антипьевна пріѣзжаго гостя, находилась при новой избѣ прикащика, надъ самыми воротами крытаго двора, какъ часто мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ деревняхъ. Но по большей части такія комнатки у крестьянъ бываютъ лѣтнія, безъ печекъ; напротивъ, въ горницѣ прикащика находилась широкая изразчатая лежанка, такъ что можно было тутъ жить и зимою,—хотя никто изъ семьи не жилъ. Иванъ Степанычъ устроилъ горницу собственно для пріема гостей; а что принять и угостить гостя умѣлъ нашъ хозяинъ, то объ этомъ свидѣтельствовалъ ведерный самоваръ на лежанкѣ, и шкафчикъ съ чайной посудой. Въ горенкѣ все дышало достаткомъ и опрятностью, отъ краснаго кіота наполненнаго образами, съ неугасимою лампадкою передъ нимъ, — до чистой скатерти на столѣ; отъ стѣнныхъ большихъ часовъ до вышитаго утиральника, возлѣ небольшаго зеркальца. Замѣняющія стулья лавки были чисто вымыты. Въ одномъ углу стоялъ кованный сундукъ, съ нарядами Маремьяны, въ другомъ находилась кровать, подъ полосатымъ пологомъ, тоже назначенная для гостей, какъ и самая горница.

Когда вошелъ въ нее Иванъ Степанычъ, въ сопровожде-

ніи старшей снохи, гость не успѣлъ еще снять съ себя волчьей шубы, и держалъ въ рукахъ высокій картузъ съ бобровымъ околышкомъ.

— Ахъ, гость дорогой, милости просимъ! самъ Богъ принесъ тебя, другъ любезный!...

— Все-ли въ добромъ здоровьи, *другъ-пріятель*? какъ поживаешь? Воскликнули въ одинъ голосъ пріятели и дружески обнялись.

— Ей Богу, Иванъ Андреичъ, съ неба ты свалился, совсѣмъ съ неба! продолжалъ хозяинъ.

— Такіе грѣшники, какъ я, рабъ непотребный, не живутъ на небѣ, другъ—пріятель! — вотъ что! отвѣчалъ съ сладкою улыбкою пріѣзжій, и потомъ обратился къ Кондратьевнѣ, которая стояла у дверей и низко кланялась.

— Ахъ раба божія, вдовица честная! какъ Богъ милуетъ?

— Помаленьку, Иванъ Андреичъ, родимый мой, помаленечку...

— Живи побольше, Анна Контратьевна... А хозяйка моя хочетъ къ тебѣ въ гости пріѣхать.

— Милости просимъ, милости просимъ!

— Невѣстка! баснями соловья не кормятъ: что есть въ печи, все на столъ мечи!.. воскликнулъ Иванъ Степанычъ. И когда невѣстка поспѣшно ушла, онъ бросился снимать съ гостя шубу и отбирать картузъ. Вскорѣ Иванъ Андреичъ сидѣлъ уже въ переднемъ углу подъ образами, усаженный радушнымъ хозяиномъ. Послѣдній не переставалъ суетливо хлопотать, разставливая на столъ: полуштофъ, бутылку и чайную посуду.

Освободясь отъ шубы, Иванъ Андреичъ остался въ довольно длинномъ поношенномъ сюртукѣ и въ сапогахъ, съ длинными голенищами, въ которые спускались брюки, чѣмъ очень походилъ на какого-нибудь деревенскаго управляющаго. Онъ былъ высокаго роста, свѣтлорусый, и казался лѣтъ пятидесяти. Но напрасно кто—нибудь вздумалъ бы искать отраженія какой-нибудь мысли въ его безцвѣтныхъ, тусклыхъ глазахъ, или движенія чувства на неподвижномъ

черствомъ лицѣ: все это, казалось, тонуло въ сладкой однообразной улыбкѣ, которая при разговорѣ не сходила съ губъ, между тѣмъ, какъ вся физіономія оставалась попрежнему спокойна.

Иванъ Андреичъ Чернухинъ былъ старинный пріятель прикащика, бывшій когда-то волостнымъ писаремъ въ одной подгородной экономической вотчинѣ. Когда покойный Александръ Ивановичъ началъ свое служебное поприще, случай натолкнулъ его на Чернухина. Замѣтивъ въ мужикѣ-писарѣ хорошія *способности* (хотя въ то блаженное время въ числѣ способностей считалось и умѣнье подслужиться къ начальнику, и ловкость скрыть вопіющую подъяческую штуку, и смѣлость нажить деньгу, не разбирая средствъ), начальникъ приблизилъ Чернухина къ себѣ, и, поручая ему разныя головоломныя дѣла, всегда оставался доволенъ его исправностію и безотвѣтностію. Восходя выше на своемъ служебномъ поприщѣ, Александръ Ивановичъ тащилъ за собою и своего *протеже*; чрезъ его покровительство Иванъ Андреичъ и чины получилъ—и штатное мѣстечко.

И вскорѣ Чернухинъ сдѣлался извѣстенъ многимъ, по своему умѣнью *стряпать*, т. е. ходить по дѣламъ. Кромѣ того, онъ маклерилъ и по другимъ разнымъ отраслямъ—*несудебнымъ*.

Иванъ Степанычъ познакомился съ Иваномъ Андреичемъ еще тогда, когда послѣдній былъ письмоводителемъ у его барина; и съ тѣхъ поръ пріятели поддерживали дружбу. Чернухинъ, несмотря на то, что вышелъ *въ благородные*, не гнушался водить хлѣбъ-соль съ крестьяниномъ. Да и самъ онъ не много отсталъ отъ своихъ старыхъ привычекъ: внѣ службы его видѣли все въ томъ же долгополомъ сюртукѣ и длинныхъ сапогахъ.

Прикащикъ съ своей стороны и подавно старался поддерживать старинное знакомство, которое было для него полезно тѣмъ, что когда случалось Ивану Степанычу заглянуть въ судъ по господскому или крестьянскому дѣлу, онъ прежде обращался къ пріятелю за совѣтомъ, и Чернухинъ помогалъ ему, чѣмъ могъ: и словомъ и перомъ. Судя по этому, можно себѣ представить, какъ радъ былъ прикащикъ

пріѣзду Ивана Андреича, находясь при теперешнихъ своихъ обстоятельствахъ.

— Скажи-жь ты мнѣ, Иванъ Андреичъ, какими судьбами тебя Богъ занесъ въ наши Палестины? волею или неволею? спрашивалъ прикащикъ своего гостя, сидя съ нимъ за кипящимъ самоваромъ.

— Просто-запросто, Иванъ Степанычъ: пріѣхалъ я друга-пріятеля навѣстить, вотъ и всё тутъ! отвѣчалъ гость мягкимъ и задушевнымъ голосомъ, понюхивая съ разстановкою табакъ изъ роговой табакерки съ дамскимъ портретомъ.

— Милости просимъ! душевно радъ дорогому гостю! А все не вѣрится твоимъ словамъ, потому что я знаю, тебѣ, какъ человѣлу дѣловому, не много *слободнаго* времени на долю приходится... у тебя, я чаю, завсегда недосуги?

— Сказать по-настоящему, другъ-пріятель, такъ ты говоришь сущую правду: *тогда мнѣ будетъ досугъ, когда вонъ понесутъ*, т. е. когда въ шести доскахъ ноги протяну... Не хочу я тебя обманывать, ѣду я по одному дѣлу, въ усадьбу къ Фуксову, и вздумалъ, чѣмъ въ Степухинѣ ночевать, дай лучше въ Заовражье, къ другу-пріятелю заверну... Не много, восемь верстъ крюку далъ.

— Спасибо, другъ, сто разъ спасибо... сейчасъ видно добраго человѣка; а нончѣ, Иванъ Андреичъ, это большая рѣдкость, больно люди не хороши стали... Все, кругомъ посмотришь, клевета, да ябеда, ссоры, да свары, да наговоры! знать послѣднее время пришло... Сказано: «возстанетъ братъ на брата»... разсуждалъ прикащикъ, поглаживая свою скудную бородку, и желая навести разговоръ на то, что его занимало и мучило.

— Иванъ Степанычъ, не нами свѣтъ начался, не нами и кончится!... проговорилъ гость, возстаніе брата на брата отъ первыхъ человѣковъ началось; вотъ тебѣ Каинъ и Авель въ примѣръ... Однако я замѣчаю, что и у тебя не все благополучно обстоитъ: когда ты завелъ такія рѣчи, значитъ, тебя обидѣлъ кто-нибудь... Вѣрно, съ молодымъ бариномъ не ладите?

— Какъ же я могу съ бариномъ не ладить?—его дѣло господское, а мое холопское! отвѣчалъ Иванъ Степанычъ.

Нѣтъ, Иванъ Андреичъ, напрасно на барина и жаловаться грѣхъ: до сей поры обиды отъ него не видали... Да знаешь-ли пословицу — *царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ?*... Нынче отъ своего брата, Иванъ Андреичъ, низа́што, ни-про́што пропадешь!.. И старикъ разсказалъ пріятелю подробно о Веденеевомъ письмѣ.

Чернухинъ слушалъ съ любопытствомъ, и покачивалъ головою.

— Такъ вотъ какія дѣла! не думаешь, не гадаешь, а бѣда изъ-за угла бросится тебѣ на шею, словно бѣшеная собака! заключилъ Иванъ Степанычъ.

— Что-жъ ты, другъ-пріятель, думаешь объ эфтомъ, и что намѣренъ дѣлать? спросилъ гость.

— Что думать! думаю—что врагъ-діаволъ позавидовалъ моему долгому *спокою*—и подвигнулъ злыхъ людей, попущеніемъ Божьимъ...

— Это, другъ-пріятель, одно разсужденіе, а разсуждать можно на всевозможные лады, лишь только хватило бы охоты! прервалъ Иванъ Андреичъ, втягивая въ себя вторичный пріемъ табаку. По-моему, Иванъ Степанычъ, не разсуждать надобно, а дѣйствовать,—вотъ что!...

— Дѣйствовать! да какимъ же манеромъ дѣйствовать-то мнѣ?.. Научи меня, другъ любезный.

— Хмъ! научи! да вотъ я тебѣ вмѣсто науки одну исторійку разскажу, слушай-ка!.. заговорилъ приказный, самодовольно улыбаясь.

— Знаю я, въ городѣ, у одного купца живетъ въ дворникахъ крестьянинъ одного богатаго и извѣстнаго помѣщика, мужикъ не глупый и дѣльный. Платилъ онъ прежде своему господину не малый оброкъ, и проживалъ съ своей семьей въ Питерѣ, торговлей занимался; дѣлишки его шли не дурно. Вотъ и случись мужику разъ быть въ *кіятрѣ*: сидитъ онъ, вишь, на креслахъ; глядь въ сторону—а возлѣ него его господинъ сидитъ. Сдрефилъ мужикъ, поклонился господину, да не дождавшись конца *комедіи*, и шмыгъ вонъ! Словно кто сказалъ ему, что не прилично въ одномъ ряду, значитъ, съ бариномъ сидѣть. На другой день баринъ призываетъ къ себѣ мужика, неприлично, говоритъ, тебѣ по *кі*-

ятрамъ ходить, и сидѣть тамъ, гдѣ господа сидятъ. Мужикъ такъ и думалъ, что тѣмъ нагоняемъ и дѣло кончится, а вышло не такъ: покричать-то баринъ покричалъ, да и порѣшилъ: бѣдняка, со всей семьей, въ деревню послать, проучить, чтобъ не смѣлъ туда показываться, куда не слѣдуетъ. А въ деревнѣ-то управляющій, т. е., бестія преестественная, питерщика на скотный дворъ посадилъ.

— Знаю я и понимаю не менѣе кого другаго; молвилъ со вздохомъ прикащикъ, доливая стаканъ гостя чѣмъ-то изъ бутылки:

— А коль знаешь, такъ и заруби, что я тебѣ разсказывалъ; намотай себѣ на усъ, другъ-пріятель! Петрова бѣда можетъ и къ Ивану на дворъ заглянуть, проговорилъ Чернухинъ нравоучительно, и понюхалъ табаку.

— Ну чтожъ? разсуждалъ Иванъ Степанычъ, помолчавъ, если я и скопилъ въ свою *жисть* малую толику, то своими трудами, да бережливостью скопилъ; чужова я не заѣлъ.... Покуда дѣтки малы были, я льнянымъ сѣмёмъ по торгамъ перебивалъ: времена были хорошія, барышки очищались порядочные. Потомъ сыновья, мой батенька, подросли, лошадокъ стали держать, извозничать: и тутъ Господь Богъ благословилъ, убытку и *потычекъ* ни въ чемъ не испытали до сихъ поръ, благодареніе Милосердому Творцу! Ну вотъ топеричка, за такой долгій спокой, Господь вѣрно и хочетъ послать какую-нибудь *планиду* на меня грѣшнаго.

— Такъ, такъ! другъ-пріятель... Но все это, опять скажу, одни разсужденія; а я думаю, такъ надобно подумать о томъ... Не сердись, Иванъ Степанычъ, т. е. о томъ, какъ бы прибрать да сберечь на черный день копѣйку, накопленную, какъ самъ ты говоришь, трудомъ и бережливостью. А, ей–ей! вѣдь горько станетъ, другъ-пріятель, какъ эта копѣйка другимъ достанется!.. Вѣдь ты слышалъ сказаніе-то про питерщика, такъ не ровенъ часъ, вотъ что!...

— И Веденей пишетъ: что не ровенъ часъ! проговорилъ въ раздумьи старикъ.

— Ну такъ и зѣвать я–бы тебѣ не совѣтовалъ: передалъ–бы на горячее время свой нажитокъ въ руки какого нибудь вѣрнаго человѣка, а тамъ—твори Богъ волю свою!

— Ты думаешь: большой мой нажитокъ?

— Я ничего не думаю, и ничего не знаю; а только не дружески совѣтъ даю. Впрочемъ, все это въ твоей волѣ. Но иногда, знаешь-ли, мы и локоть кусаемъ, да не во время, прибавилъ Иванъ Андреичъ.

Иванъ Степанычъ внутренно соглашался съ мнѣніемъ своего пріятеля и благодарилъ за полезный совѣтъ. Только вмѣсто того, чтобы высказать благодарность на словахъ, онъ предложилъ ему выпить и закусить жареною рыбою, которую въ ту минуту принесла Кондратьевна.

Давно уже и домъ прикащика, и все Заовражье спали глубокимъ сномъ, а пріятели все еще бесѣдовали, просидѣвъ до вторыхъ пѣтуховъ. Наконецъ они разстались. Иванъ Андреичъ отправился на кровать, за полосатый пологъ, и опочилъ покойно, утомленный дорогою и долгою бесѣдою. Напротивъ, хозяинъ отправился въ старую избу, долго молился, долго вздыхалъ и ворочался на постели до самаго разсвѣта, не могши заснуть.

На другой день утромъ, послѣ чаю, выпивки и сытной закуски, прикащикъ проводилъ со двора дорогаго гостя. И успокоенный его благими совѣтами, передалъ свои опасенія на волю Божію, говоря, что безъ судьбы ничего не можетъ быть, хотя въ глубинѣ души и придумывалъ, куда-бы, на всякой случай, можно было повѣрнѣе спрятать свои *нажитки*.

Маремьяна, также какъ и дѣдъ ея, не спала всю ночь, и плакала въ подушку. Изъ разговора дѣдушки съ теткою Кондратьевной она могла понять, что свадьба ея съ Егоромъ можетъ быть отложена на неопредѣленное время, и даже совсѣмъ разстроиться, если баринъ не скоро дастъ ей вольную, несмотря на то, Ивану Степанычу очень хотѣлось ее выдать за жмулинскаго сосѣда, съ отцомъ котораго онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. О самой Марьшѣ и говорить нечего; она крѣпко любила красиваго парня, и была увѣрена въ его взаимной къ себѣ любви, но также хорошо знала, что воля старшихъ однимъ словомъ могла разрушить эту любовь и сдѣлать ихъ на вѣкъ несчастными. Конечно, этого чувства никто изъ постороннихъ и по-

дозрѣвать не могъ за степенной и робкой Маремьяной, особенно, зная строгость, съ какою ее держала тетка Кондратьевна. Сама же Маряша не имѣла такой задушевной подруги, которой она могла бы открыть свое сердце, надѣясь на ея скромность. Правда, однажды Алена подстерегла молодыхъ людей за овиномъ, и подслушала ихъ задушевный разговоръ, но и тутъ Маряша, краснѣя и блѣднѣя, заперлась передъ обличительницей, говоря, что она никогда никакого парня не допуститъ говорить ей такія рѣчи. Дѣлать было нечего: Алена, видя такое упорство, засмѣялась, и пошла прочь. Въ довѣренность силою не влѣзешь; по крайней-мѣрѣ никому не выдала тщательно сохраняемой тайны, и на томъ спасибо.

Сердечныя отношенія и тайныя свиданія между Маремьяною и Егоромъ начались съ прошлаго лѣта. И это вотъ какимъ образомъ случилось:

Разъ, со двора прикащика сбѣжала телка; поискали ее около деревни, и не нашли. На другой день Маремьяну и Гараньку, какъ младшихъ изъ семьи, отрядили на поиски, въ лѣсъ. Сыщики наши разбрелись въ разныя стороны. Маряша зашла версты за три, и сама не зная, какъ заплуталась. Бродя почти цѣлый день, она постоянно возвращалась къ одному мѣсту, болоту, о которомъ шли не совсѣмъ хорошіе слухи. Наконецъ, дѣвушка выбилась изъ силъ, ей представилось, что ее обошелъ лѣшій. Она выворотила на себѣ платье, и перебирала всѣхъ святыхъ, но и это не помогло. А между тѣмъ солнце садилось, въ лѣсу становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, вечерняя прохлада переливалась по жиламъ Маряши смертельнымъ холодомъ. Вотъ ужь ей начинало чудиться, что кто-то хохочетъ въ лѣсу и бьетъ въ ладоши. Маремьяна сѣла подъ кустъ и заплакала.

Но вотъ, невдалекѣ, она услышала мужскіе голоса, и обрадовавшись, и испугавшись, не знала, подать ей свой голосъ, или нѣтъ? Покуда Маряша такимъ образомъ раздумывала, вдругъ передъ нею очутился Егоръ, словно изъ земли выросъ.

Дѣвушка вскрикнула, радость ея была невыразима. Конечно, она бы рада была и всякому другому живому существу, которое предложило бы вывести ее изъ этой трущобы.

Но передъ нею стоялъ близкій сосѣдъ, отъ котораго она не могла ожидать и малѣйшей обиды; притомъ же такой молодецъ, на котораго она всякій разъ, хотя и украдкою, съ удовольствіемъ посматривала. При обоюдныхъ вопросахъ оказалось, что жмулинскіе ребята, въ числѣ коихъ былъ и Егоръ, собрались сегодня на болото, за черною смородиной, которая тутъ росла въ изобиліи. Но какъ ни аукались товарищи, Егоръ болѣе не откликался; онъ сѣлъ возлѣ дѣвушки, обрадованный такою пріятною встрѣчей, и предложилъ Марядѣ кузовокъ съ ягодами. Сначала внучка прикащика пожеманилась немного, какъ слѣдуетъ деревенской красавицѣ, потомъ взяла нѣсколько кисточекъ, и бесѣда между молодыми людьми пошла живѣе. Они говорили о разныхъ предметахъ обыденной деревенской жизни; о томъ, какъ въ Жмулинѣ корова ребенка забодала; какъ въ Заовражьѣ дьячковъ козелъ на колокольню забрался; еще, какъ у одного мужика, несмотря на лѣтнюю, короткую и мѣсячную ночь, воры амбаръ подломали, и мало-ли еще о чемъ они говорили... А между тѣмъ мысли обоихъ были далеко отъ того, о чемъ шла бесѣда, и Егору и Марядѣ было такъ хорошо вмѣстѣ. Принимался нашъ парень и балагурить, но шутка его, не вызывая краски стыда, вызывала только улыбку на лицѣ дѣвушки; ни одного двусмысленнаго слова, ни одного пошлаго намека не осмѣлился онъ сдѣлать молодой сосѣдкѣ. Да и никто изъ парней, знавшихъ прикащика, не рѣшился бы нескромнымъ словомъ обидѣть его внучку, которая слыла первой невѣстой въ околодкѣ, несмотря на то, что была господская, кромѣ развѣ старостина Софронка, оскорбленнаго отказомъ. Но вотъ Маряша первая напомнила, что пора идти домой. Дорогою Егоръ намекалъ своей спутницѣ, что лучше ей выйдти за экономическаго, чѣмъ за господскаго; да въ Заовражьѣ ей и ровни нѣтъ, на что она отвѣчала, что на это воля Божія, да господская, и что за кого судьба укажетъ, за того и пойдетъ! Потомъ ловкій провожатый спросилъ ее, пойдетъ ли она въ будущее воскресенье въ жмулинскій лѣсъ за ягодами? Маряша отвѣчала наотрѣзъ, что не пойдетъ. Приближаясь къ заовражскому выгону, Егоръ сказалъ, что не пойдетъ далѣе,

что люди, видя ихъ вмѣстѣ, *и Богъ знаетъ что подумаютъ!* Маряша вспыхнула какъ заря, и сказала спасибо, за то, что вывелъ ее изъ опаснаго мѣста. Парень, смотря въ сторону, замѣтилъ, что за такую услугу не-то-что спасибомъ отдѣлаться, а и поцѣловать бы *можно*. Дѣвушка засмѣялась и отвѣчала, что *не можно*. Егоръ болѣе не настаивалъ. Итакъ, молодые люди разстались. И долго онъ глядѣлъ въ слѣдъ Маряшѣ, покуда послѣдняя не скрылась за строеніями.

Селифонтъ Солнцевъ, отецъ Егора, старикъ зажиточный; тоже, какъ и дѣти Ивана Степаныча, занимался извозомъ. Въ слѣдующую субботу, послѣ перваго свиданія Егора съ Маряшею, Солнцевымъ предстояла *работа*, какъ выражаются извощики, то есть, нужно было ѣхать въ Москву, и старикъ хотѣлъ послать сына, но молодецъ отговорился нездоровьемъ, и весь день пролежалъ на сѣновалѣ,—и старикъ рѣшился ѣхать самъ. Зато сынъ въ воскресенье выздоровѣлъ: надѣлъ праздничный кафтанъ и отправился въ Заовражье, къ обѣднѣ. Но Маряши не было въ церкви. Послѣ обѣда Егоръ долго *шембerилъ* около лѣса, съ той стороны, гдѣ шла дорога въ Заовражье. И вотъ, наконецъ Маремьяна, не сдержавшая слова, появилась съ артелью подругъ, по-ягоды. Молодецъ подскочилъ къ дѣвушкамъ: Маряша потупившись отвѣчала на его поклонъ, и Егоръ, какъ ни шутилъ, какъ ни балагурилъ съ прочими, Маремьянѣ ни словомъ ни видомъ не напомнилъ недавнее свиданіе; она тоже не отставала отъ подругъ.

Въ слѣдующій разъ Егоръ встрѣтилъ Маремьяну въ сосѣднемъ селѣ, на гуляньи, въ Спасовъ день, гдѣ былъ храмовой праздникъ, и куда внучка прикащика отпросилась у строгой тетки, съ подругами. Завидѣвъ заовражскихъ дѣвицъ, Егоръ подлетѣлъ къ нимъ съ узломъ пряниковъ и орѣховъ и принялся ихъ подчивать. По селу, какъ и всегда, ходилъ хороводъ; заовражскіе, подъ командою одной молодой солдатки, Груни-Пѣвунихи, составили свой хороводъ. Маряша не хотѣла въ немъ участвовать и осталась только съ Антохой. Гаранька, бывшій съ нимъ, заливался въ хороводѣ: и такъ, подруги не очень торопились домой; одна внучка прикащика помнила строгій наказъ Кондратьевны: долго не загули-

ваться,—и уговаривала Антоху идти домой. Толстуха согласилась. У околицы имъ опять попался Егоръ, и напросился проводить; но Маряша наотрѣзъ отказала, боясь попасть на глаза кому нибудь изъ своихъ; однако Егоръ все-таки пошелъ слѣдомъ. Проходя черезъ сосѣднюю деревню, Антонида вздумала зайдти къ одной знакомой, и ужь оттуда Маряша не могла ее вытащить. Послѣдней нечего было дѣлать, поневолѣ принуждена была идти съ Егоромъ, и онъ опять проводилъ ее до околицы. Но ужь за эти проводы Маряша не отбилась, чтобъ не поцѣловать провожатаго; за поцѣлуемъ послѣдовалъ другой, а тамъ третій. И парень уже прямо спросилъ Маряшу, пойдетъ ли она за него, если онъ посватается? Внучка прикащика возразила, что она господская, а онъ вольный, и можетъ отецъ его на другую невѣсту мѣтитъ... Но когда Егоръ сказалъ, что отстранивъ и обойдя всѣ эти предлагаемыя препятствія, онъ спрашивалъ только ея доброй воли, Маряша раскраснѣвшись отвѣчала, что она съ своей стороны согласна. Согласіе было заключено четвертымъ поцѣлуемъ, и влюбленные тогда только опомнились, когда увидѣли себя на задворкѣ старосты Пахома.

Разумѣется, послѣ этого, свиданія молодыхъ людей уже были условлены. Егоръ все болѣе и болѣе сталъ сближаться съ прикащиковыми ребятами: холостымъ Демьяномъ и Гаранькою, и сталъ почаще заходить къ нимъ.

Наконецъ осенью, послѣ уборки хлѣба, отецъ напомнилъ Егору, что не пора-ли и объ невѣстахъ понавѣдаться, что надо молодую хозяйку въ домъ: мать стара, сестру время замужъ выдавать. И старикъ началъ перебирать всѣхъ дѣвокъ своей деревни.

Егоръ все слушалъ и молчалъ, усердно починивая хомутъ, потомъ вдругъ будто отрѣзалъ:

— Батюшка!—говоритъ,—кромѣ прикащиковой внучки Маремьяны, изъ Заовражья, никого не возьму! ни о комъ и думать не хочу!—и опять принялся за хомутъ.

Старикъ поднялъ голову, погладилъ свою широкую сѣдую бороду и молча глядѣлъ на сына.

— Что́ глядишь, отецъ? али дивуешься, что сынъ такое

слово умудрился сказать? проговорила мать, сидя на печи. А по-правдѣ, дива-то никакого нѣтъ, хотя Ивана Степаныча люди и богачомъ считаютъ, да и мы, Бога гнѣвить нечего!.. Я чаю—не откажетъ.

— Можетъ захочетъ, чтобъ мы сами невѣсту отъ барина выкупили? замѣтилъ старикъ.

— Такъ что жъ? дѣло наживное! Развѣ ужъ больно дорого баринъ за дѣвку запроситъ? сказалъ сынъ.

— Эге! проворчалъ старикъ. Однако у стараго кремня денегъ много: онъ этого не захочетъ, самъ себя не обезчеститъ,—выкупитъ внучку.

— А мнѣ такъ и лучше бы ненадобно такой невѣсты-то. Мы съ Кондратьевной-то въ храмѣ Божьемъ сойдемся словно родныя, набаяться не можемъ, а рѣчь-то ея завсегда умная, женщина хорошая, не перебивочная, продолжала старуха.

— Значитъ засылать? аль самому сватомъ въ Заовражье идти? сказалъ весело отецъ. Сынъ ничего не отвѣтилъ, только улыбнулся.

Итакъ старикъ Солнцевъ все думалъ и собирался заговорить о томъ съ Иваномъ Степанычемъ. И вотъ однажды, они случайно свидѣлись въ городѣ, оттуда домой поѣхали вмѣстѣ. Дорогою разговорились о дѣтяхъ и внучатахъ, и Солнцевъ тутъ же сталъ свататься къ Марятшѣ съ сыномъ. Прикащикъ сказалъ спасибо и просилъ времени подумать.

Послѣ этого, отецъ Егора, при каждомъ свиданіи напоминалъ Ивану Степанычу о сватовствѣ. Наконецъ послѣдній далъ свое согласіе и объявилъ, что будетъ писать барину насчетъ выкупа невѣсты. А между тѣмъ задумалъ о выкупѣ и всей семьи. Въ это-то самое время письмо Веденея разстроило почти всѣ планы прикащика.

Итакъ Маряша грустила больше своего дѣда и провела ночь хуже, чѣмъ Иванъ Степанычъ, и не было человѣка, кому бы она могла повѣдать свое горе... Кондратьевна хотя и заботилась о Маряшѣ какъ о родной дочери, но молодая дѣвушка, скорѣй, ее боялась, чѣмъ любила, а потому и не могла быть съ нею откровенна. Другія тетки точно также немного приняли бы участія въ ея сердечномъ горѣ, а мо-

жетъ быть еще и посмѣялись бы надъ нею, что она жалѣетъ жениха, между тѣмъ какъ въ своей вотчинѣ жениховъ—сколько хочешь! Конечно. она желала поскорѣй увидѣть Егора и пересказать ему, что̀ у нихъ говорилось и предполагалось, по случаю Веденеева письма.

Пословица «*сердце сердцу вѣсть подаетъ*» такъ же справедлива, какъ и всѣ пословицы.

Въ сумерки, когда безъ огня работать становится темно, а вздувать огонь кажется рано, въ деревнѣ обыкновенно спятъ. Въ эти блаженные часы, прислушиваясь къ храпу дѣда на печи и тетки Марины за печью, Маряша услышала подъ окномъ скрыпъ снѣга подъ ногами. И, поспѣшно накинувъ шубейку, она шмыгнула за ворота; потомъ юркнула въ узенькій переулокъ, который шелъ возлѣ бока избы. Тамъ поджидалъ ее Егоръ.

— Маряша! Маряша! сердце мое! давно мы не видались! проговорилъ онъ шепотомъ, и растопыривъ руки, заключилъ дѣвушку въ объятія. Ну, какъ ты поживаешь?

— Ничего! я живу, только... охъ!.. много, много нужно пересказать тебѣ... однако я боюсь, чтобъ кто не увидѣлъ!.. сказала дѣвушка, робко озираясь.

— И увидятъ, да не узнаютъ! примолвилъ молодецъ, прикрывъ Маремьяну тулупомъ, который былъ на немъ накинутъ. Пойдемъ на сполье, тамъ поговоримъ. И взявшись за руки, молодые люди пошли вдоль частокола, отдѣлявшаго огородъ отъ улицы.

— Ну-ка, говори, мой свѣтъ, что̀ у тебя есть новаго? спрашивалъ Егоръ, осыпая поцѣлуями свою любезную.

— Много новаго, да все нехорошее! И Маряша принялась на-скоро пересказывать все то, о чемъ писалъ Веденей и какое непріятное дѣйствіе произвело это письмо на дѣда.

— Право, вы рехнулись! возразилъ парень спокойно; старикъ-то ужъ изъ ума выживаетъ!.. Ну, а вы съ Анною Кондратьевной!.. ну, да что говорить!—бабій умъ!.. тамъ Веденей съ пьяныхъ глазъ написалъ какую нибудь чушь, а вы охаете, да ахаете... И еслибы я вѣдалъ это, такъ и

письмо бы его бросилъ на дорогѣ! Ну, а насчетъ нашей свадьбы, то есть твоего выкупа, что дѣдъ говоритъ?

— Дѣдъ баетъ, что барина теперь безпокоить онъ боится.

— Тьфу, ты чортъ! отъ-часу не легче!.. Правду отецъ говорилъ, что Иванъ Степанычъ понапрасну насъ за носъ водитъ... Теперь и я съ этимъ согласенъ.

— Не думай такъ объ дѣдушкѣ: можетъ, и взаправду повременить надо? сказала Маряша со вздохомъ.

— Повременить! воскликнулъ Егоръ съ досадой, а тамъ опять твой дѣдъ какихъ нибудь турусовъ наскажетъ! а тамъ зима пройдетъ!.. вотъ и повремени!.. наше хозяйство не временитъ, вотъ что! Отецъ настаиваетъ, чтобъ я скорѣй женился.

— Значитъ, вамъ скоро нужно? спросила въ свою очередь съ досадою дѣвушка.

— Разумѣется!.. зачѣмъ же въ долгій-то ящикъ откладывать? Видимъ мы, что это одна проволочка.

— Ей-ей! дѣдъ обманывать не станетъ. Видишь, какія дѣла подоспѣли!

— Знаемъ мы эти дѣла, понимаемъ! можетъ, у васъ есть другой женихъ на примѣтѣ?

— Можетъ, у тебя другая невѣста есть? проговорила уже сердясь Маремьяна: такъ что жъ?—съ Богомъ! святой часъ! меня можетъ долго ждать придется?

— А вотъ я на-дняхъ пошлю къ вамъ отца, пусть онъ допытается отъ Ивана Степаныча, чтобъ онъ сказалъ либо то, либо сё!

Припомнивъ слова дѣда, что старикъ Солнцевъ торопится женить сына, и слыша теперешнія слова Егора, Маряша въ одно мгновеніе сообразила, что Егоръ непремѣнно согласенъ исполнить волю отца, то есть жениться, хотя бы и не на Маремьянѣ,—обиженное чувство любви въ ней сильно заговорило; она остановилась, едва удерживая слезы.

— Что жъ ты стала? пойдемъ! молвилъ парень.

— Не куда и не зачѣмъ! отвѣчала дѣвушка, надувъ губки; потомъ прибавила: грѣхъ тебѣ, Егоръ Селифонтычъ, надо мной насмѣхаться!..

— Какія же насмѣшки ты видѣла, Маряша?

— Знаю я какія, вижу, что жениться хочешь!

— Хочу! скрывая улыбку, сказалъ парень.

— Вижу, что невѣста есть на примѣтѣ?

— Есть! и славная дѣвка!..

«Маряха! ау!!!» раздался по зарѣ голосъ Кондратьевны со двора прикащика.

— Куда жъ ты? спросилъ Егоръ у вырвавшей руку Маряши.

— Тетушка кличетъ, отвѣчала дѣвушка, отпрыгнувъ на другую сторону улицы.

«Маряха!» повторился кликъ.

— Маряша, одно слово! погоди! одно слово! говорилъ парень. Но Маряша бѣжала безъ оглядки отъ своего любезнаго, утирая рукавомъ катившіяся по ея лицу слезы.

— Что съ нею сдѣлалось? Вѣрно, что нибудь про меня наговорили? задавалъ самъ себѣ вопросы Егоръ,—сердита! какъ есть, сердита!..

— Ты гдѣ была? окликнула не совсѣмъ ласковымъ голосомъ Кондратьевна племянницу, когда та вошла на дворъ.

— За воротами, отвѣчала послѣдняя, стараясь придать твердость голосу.

— Врешь! тебя тамъ не было... Ужъ, вѣрно, бѣгала поглазѣть, какъ къ Аленкѣ бесѣда собирается?

— Ей-Богу, тетушка, я тамъ не была!

— Не божись всуе... Развѣ я не видѣла, какъ давича распутная-то мимо избы прошла?

— Можетъ и прошла, я не видала...

— Значитъ, тебя вызывала на Содомъ и Гоморъ поглазѣть... Ну, смотри, Маремьяна!.. продолжала тетка, не слушая нетолько оправданія, но и словъ племянницы, пропадаешь ни вѣсть гдѣ!.. Къ теткѣ Маринѣ лекарка пріѣхала,— ступай, сведи ее къ ней.

V.

Пріѣзжая изъ города лекарка, по прозванію Усиха, была одна изъ тысячи тѣхъ шарлатанокъ, которыхъ такъ много

на православной Руси, и которыя, несмотря на врачебныя управы, толпы губернскихъ, уѣздныхъ, окружныхъ и всѣхъ возможныхъ званій врачей, до сихъ поръ портятъ и нерѣдко отправляютъ въ могилу наше довѣрчивое простонародье. Усиха была жена отставнаго унтеръ-офицера, и, овдовѣвши, вѣроятно не нашла ремесла прибыльнѣе вышеписаннаго, кромѣ средствъ, общеизвѣстныхъ всякой городской женщинѣ, какъ то: мяты, ромашки, александрійскаго листа и проч. Усиха лечила своихъ паціентовъ средствами довольно опасными: поила больныхъ сассапарелью, въ непомѣрно жарко натопленной банѣ, доводя несчастныхъ до смертельной тоски; кормила сулемою, окуривала киноварью, составляла полосканья изъ купороса и проч. Конечно, всѣ эти средства въ рукахъ опытнаго врача, при извѣстныхъ болѣзняхъ, могутъ принести пользу, но въ рукахъ невѣжественной женщины, незнающей аптекарскаго вѣса и съ удалымъ русскимъ *авось* на умѣ, разумѣется, они принесутъ всегда больше вреда, чѣмъ пользы.

— Мать ты моя, Ѳедора Кузминишна! воскликнула обрадованная Марина, увидѣвъ возлѣ своей постели лекарку, совсѣмъ ты меня забыла!

— Что жъ дѣлать, Марина Ивановна! ишь, не одна ты нуждаешься во мнѣ: всѣмъ надобно помочь, мой голубчикъ!. отвѣчала Кузминишна, снимая съ себя желтую нанковую шубу и усаживаясь въ ногахъ больной. Съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣднее у тебя я была, сколько деревень-то объѣздила и счетъ потеряла!.. Ну, что твои ноги?

— Все такъ же ломитъ мои ноги! отъ твоей мази ничего пользы нѣтъ; да и все тѣло стало болѣть! отвѣчала печальнымъ голосомъ больная.

— Ничего! пройдетъ! къ ногамъ припарку сдѣлаемъ; а — то есть у меня, Маринушка, въ городѣ знакомый одинъ торговецъ, такъ ему, мой голубчикъ, изъ *Питенбурха* сынъ такую душистую мазь присылаетъ, то есть отъ всякихъ болѣстей дѣйствительна... У одной старушки рука десять годовъ не владѣла, а стала мазать тою мазью—съ трехъ разъ полегчало! словно ни въ чемъ не бывало! ей-Богу!..

— Этакое чудо, подумаешь! молвила Марина со вздохомъ; а что намъ, этакъ, не можно ли той мази достать?

— Отчего не можно? можно!.. только вотъ что, мой голубчикъ,—дорого: семь рублей за баночку будетъ стоить!..

— Семь рублей (т. е. ассигнаціями), ну чтожъ? и семь рублей ничего, лишь бы польза была! свое здоровье всего дороже! Безъ здоровья и деньги не милы, пропадай онѣ совсѣмъ!..

— Истинную правду говоришь! подговорила лекарка, Ну-ка, Маряша, скажи теткѣ Кондратьевнѣ, хоть-бы чайкомъ меня напоила, прибавила она, обращаясь къ Маремьянѣ. Ей-Богу, такъ передрогла, что зубъ на зубъ попасть не можетъ!

Маряша ушла въ большую избу.

— Меня, Ѳедора Кузьминишна, на-дняхъ такъ ноженьки доняли, хоть въ петлю полѣзай!.. Хотѣла ужъ въ городъ къ дохтуру ѣхать, да морозы помѣшали, молвила Марина.

За чѣмъ же дѣло стало?—и ѣхала-бы мой, голубчикъ! сказала язвительно Кузминишна, оскаливъ свои рѣдкіе зубы. А ты думаешь, тебя дохтуръ пользовать чѣмъ бы сталъ? какъ бы не такъ! Вотъ, онъ взглянулъ бы на твои ноги, да и приказалъ *фершалу* отпилить... вотъ и резонъ весь!

У больной по всему тѣлу пробѣжала нервическая дрожь отъ словъ лекарки.

— Неужли ужъ у всѣхъ больныя ноги и руки дохтура отпиливаютъ? спросила она нетвердымъ голосомъ.

— У всѣхъ!.. Разумѣется, не у всѣхъ. Но у тебя болѣсть-то такого рода... то есть волосъ въ самой кости. Ну, чѣмъ дохтуръ выгонитъ его оттоль? Онъ и средствія такого не знаетъ!—вотъ и пилитъ!.. да! Усиха, разумѣется, и сама хорошо знала, что врала, но ей нужно было напугать Марину, чтобъ та не осмѣливалась болѣе идти къ доктору.

Вскорѣ Кандратьевна принесла кипящій самоваръ, а Маряша полуштофъ съ настойкою. Кузьминишна межъ тѣмъ достала изъ своего мѣшка пукъ травы, такъ называемой конскій щавель; заварила траву въ горшкѣ и сдѣлала припарку къ ногамъ Марины, потомъ напоила ее теплымъ и уложила въ постель.

— Ну вотъ и полегчало!.. словно рукой сняло!—сказала

больная слабымъ голосомъ. Спасибо тебѣ, мать ты родная, Ѳедора Кузминишна!

— А! полегчало! то-то-же!—сказала лекарка съ самодовольною улыбкою, усаживаясь за чай.

И въ самомъ дѣлѣ, Маринѣ, страдавшей ревматизмомъ, вслѣдствіе жестокой простуды, отъ теплой припарки сдѣлалось лучше, но, разумѣется, не на долго: застарѣвшая болѣзнь не могла быть выгнана такими легкими средствами, и то не постоянно употребляемыми.

— Маряха, вытащи изъ—подъ постели коробку и достань оттуда кошелекъ,—приказала больная племянницѣ. Послѣдняя достала деньги.

— Сколько тебѣ нужно денегъ-то, Ѳедора Кузминишна?—спросила Марина, высыпавъ изъ кожаной мошенки на постель деньги, которыя накопила въ продолженіе своей жизни.

— Семь рублей на мазь, да цѣлковый за лошадь, что̀ сюда ѣхала на которой; а тамъ за трудъ мой что̀ положишь, сказала наивно лекарка.

Марина отложила въ сторону три цѣлковыхъ и спросила:

— За трудъ твой полтинничка довольно?

— Полтинничка?! воскликнула обиженнымъ тономъ Усиха. Голубчикъ ты мой! подумай, сколько я верстъ сдѣлала, да по такой стужѣ! Да еще воръ-извощикъ чуть на рѣкѣ въ полынью не завезъ!.. одного безпокойства и страху я больше, чѣмъ на десять рублей набралась... полтинничекъ!.. хоть пятокъ-то прикидывай!.. (т. е. пять руб. ассигнац.).

Марина прибавила означенную сумму.

— За траву, что̀ сейчасъ припарку дѣлала, рубликъ положи, продолжала Кузминишна.

— Родимая, больно дорого за коневій-то щавель берешь!—не утерпѣвши молвила Кондратьевна, которая морщилась, глядя, какъ Марина считала деньги: у насъ на огородѣ его не вѣсь сколько родится!

— Коневій щавель, что у васъ на огородѣ родится?... воскликнула лекарка съ досадою,—а чтожъ ты, Анна Кондратьевна не наломала, не приготовила его для золовки?..

Да знаешь-ли ты, что я, можетъ еще тутъ такого лекарства положила, что мнѣ дороже двухъ рублей стоитъ?!..

Кондратьевна не возражала, только надула губы.

Еще нужно взять одного лекарства на полтинникъ: будущій разъ привезу, продолжала Усиха.

Марина еще полтинникъ приложила.

— Ты ничего, мой голубчикъ, Анна Кондратьевна, не понимаешь,—говорила уже очень миролюбиво Кузминишна, послѣ доброй рюмки настойки,—я тоже всѣ снадобья покупаю, значитъ денежки плачу!.. лошадь нанимаю для разъѣздовъ, тоже денежки плачу, сама тружусь, разные составы составляю, лечу!.. Вылечишь иной разъ, а тебѣ за труды шишъ покажутъ! Вотъ хоть съ вашею мельничихой мало-ли я возилась, а чѣмъ поблагодарили?—мужъ два пуда ржаной муки привезъ!.. вотъ тебѣ и благодарность!

— Отчего жъ энто у мельничихи глазъ-то лопнулъ? спросила Кондратьевна.

— Дуй ее горой! хоть бы она сама лопнула, жадная душа! отвѣчала Усиха.

— Однако она баетъ, будто ты ей въ глазъ какого-то *аду* пустила, оттого дескать око и вытекло, продолжала свое хозяйка.

— Ахъ она туша свиная! воскликнула нѣсколько смѣшавшись лекарка, чего я ей въ глазъ пускала?—того же, что и всѣ дохтура въ городѣ пускаютъ. А кто ее вѣдаетъ, можетъ она сама что нибудь умничала, а послѣ на лекарку!.. око вытекло!... отъ жадности у ней око вытекло!..

Кондратьевна не спорила, и хотя не ласково поглядывала на гостью, однако все-таки постаралась угостить ее до-отвалу.

На другой день утромъ Кузминишна уѣхала изъ Заовражья, сытая, пьяная и съ пятью цѣлковыми за визитъ.

По отъѣздѣ лекарки, Кондратьевна подсѣла къ больной золовкѣ.

— Маринушка, напрасно ты только деньги соришь!—обираетъ тебя Кузминишна за-даромъ, а что́ она смыслитъ? да еще и съ нею бѣда! Говорила мнѣ про нее Сончиха: слышь, лечила она въ Васильевскомъ бабу, держала ее въ банѣ да

и запоила ее до-смерти дорогой травою (сассапарелью), бьется сердечная, тоскуетъ, дескать выпусти, нѣтъ, говоритъ, нельзя, перетерпи. Такъ бабонька и душу отдала. Судъ наѣхалъ; тѣло все у сердечной изрѣзали, да ужъ семья-то покойной, Бога побоялась, не показали на лекарку, благо что утекла, а сказали, что больная сама собой лечилась. Такъ вотъ она Кузминишна-то какая!

— Что дѣлать-то! невѣстка, родная моя, все здоровья то хочется воротить, отвѣчала со вздохомъ больная.

— Лучше бы ты обѣщалась сходить куда нибудь на богомолье, авось Богъ лучше бы исцѣлилъ, продолжала набожная вдова.

— Не прочь бы я отъ эфтого, да какъ я пойду?—сама, ты вѣдаешь, чуть пошевелить могу ногами!

— А я тебѣ вотъ какую притчу скажу: разсказывалъ мнѣ одинъ старичекъ,—на двухъ онъ костыляхъ ходитъ, живетъ онъ въ городѣ, при церкви, въ родѣ сторожа. И сподобилъ его Богъ въ Кіевъ три раза сходить; я, баетъ, завсегда въ гору-то ползъ ползкомъ, а съ горы-то кубаремъ катился. Да такимъ-то манеромъ три разочка и спутешествовалъ! Кондратьевна глубоко вздохнула. Больная тоже умилилась, и дала обѣтъ, бросивъ всѣ лекарства, и дождавшись весны, отправиться на богомолье, хотя бы пришлось ползкомъ ползти.

Между тѣмъ прошла недѣля. Егоръ не показывался въ Заовражье; Маремьяна досадовала и грустила. Она дожидалась воскресенья, Егоръ и въ воскресенье не пришелъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣда не явился на гору. Она вспомнила, что онъ хотѣлъ прислать отца для окончательныхъ переговоровъ, и старикъ не бывалъ! Сначала она думала, что вѣрно и сынъ и отецъ уѣхали куда нибудь, но, напротивъ, Гаранька говорилъ, что Егоръ почти каждый вечеръ бываетъ у Алёны на бесѣдѣ. Прошло еще дня два. Въ Заовражьѣ начался *свозъ*.

Свозъ этотъ былъ не что иное, какъ свозъ дѣвокъ изъ сосѣднихъ и даже дальнихъ мѣстъ. Около Николина дня, заовражцы брали къ себѣ на недѣлю, или на двѣ гостить дѣвицъ родственницъ или знакомыхъ, и село наполнялось

пріѣзжими дѣвицами, которыя пріѣзжали *себя* показать, не жалѣя нарядовъ. Въ это время бесѣда обыкновенно цвѣла какъ маковъ цвѣтъ. Пріѣзжали женихи изъ чужихъ деревень смотрѣть невѣстъ: любезничали, подманивали, условливались между собою молодые люди, и каждогодно въ слѣдующій мясоѣдъ игралось нѣсколько свадебъ, рѣшавшихся на свозѣ. Здѣсь не рѣдко вольную дѣвушку подманивалъ господскій крестьянинъ, и наоборотъ: господская невѣста находила экономическаго жениха, который вносилъ барину за нее выкупъ. Не въ одномъ Заовражьѣ, и въ прочихъ деревняхъ существовали эти свозы. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидала прежде Маремьяна веселаго, оживленнаго времени свозу! Теперь же встрѣчала его съ досадою, увѣренная напередъ, что Кондратьевна и не подумаетъ пустить ее на бесѣду къ Алёнѣ. А гдѣжь свободнѣе увидѣться и пошептаться съ любимымъ молодцомъ, какъ не въ бесѣдѣ?—тамъ и всѣ видятъ, какъ парень увивается около дѣвушки, какъ говоритъ ей любезности на ухо, вызываетъ на дворъ, или, въ ея отсутствіи, садится за ея прялку, и послѣ уступаетъ ей мѣсто, только за поцѣлуй,—всѣ это видятъ—и никто ничего худаго не скажетъ. Не то, напротивъ того, заговорятъ, когда встрѣтятъ такую пару гдѣ нибудь за угломъ, въ полѣ наединѣ, или въ лѣсу. Однажды, въ сумеркахъ вышла Маремьяна за ворота, и смотритъ то въ тотъ, то въ другой конецъ улицы, поджидая, не покажется ли измѣнщикъ,—вдругъ, отколь ни возьмись, выскочила изъ-за угла Антоха, отряхивается, хохочетъ во все горло, и ругаетъ кого-то на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Кого это честишь такъ? спросила Маряша.

— Кого? Егорку жмулинскаго, вора! чтобъ провалиться ему, долговязому!

— А гдѣ жъ ты его видѣла? спросила опять внучка прикащика.

— А вотъ сейчасъ тутъ по задворкамъ съ Грунькой Пѣвунихой прошелъ, я имъ на встрѣчу и баю: здравствуй молъ, пара дорогая! а онъ злодѣй баетъ: встрѣча не хороша! Схватилъ меня, да въ снѣгъ и засадилъ! такой чортъ!

При этой вѣсти Маряшу словно змѣя укусила за серд-

це... Она хорошо знала Груньку Пѣвуниху, молодую солдатку, разгульнаго поведенія. Только теперь поняла внучка прикащика, до какой степени любитъ она Егора, когда чувство ревности овладѣло ею.

— Не хочешь-ли, Антоха, у насъ въ избѣ посидѣть? Дѣда нѣтъ дома, сказала она сосѣдкѣ.

Антоха приняла приглашеніе, и обѣ пошли въ избу.

— Ты на бесѣду каждый вечеръ ходишь? спросила хозяйка гостью.

— Нѣтъ, Маряхонька, не завсегда хожу; распроклятые парни, зубоскалы, почитай кажинный разъ насмѣются что нибудь надо мною... Ужь, знать, я такая безчастная родилась, что на посмѣхъ имъ далась!.. отвѣчала простодушно Антонида.

— А я-бы завсегда ходила, кабы тетка отпускала, молвила Маремьяна, вовсе неслушавшая болтовни сосѣдки и обдумывая свое намѣреніе поглядѣть за Егоромъ; хотѣлось-бы мнѣ, Антоша, хоть въ окно взглянуть на бесѣду: чай, тамъ дымъ коромысломъ?

— Зачѣмъ дѣло стало?—хоть сегодня пойдемъ. Я провожу тебя пожалуй, отвѣчала Антонида.

— Только чуръ-молчать, Антоха! а то тетка, аль дѣдъ узнаютъ—и бѣда!..

Антоха и молчать обѣщала. И лишь на селѣ показались огни, дѣвки наши побѣжали къ Алениной избѣ, которая стояла на краю села. Издалека былъ видѣнъ яркій свѣтъ въ окнахъ и слышенъ смѣшанный говоръ, смѣхъ и пѣсни. Съ трепетнымъ любопытствомъ и затаивъ дыханіе, Маряша подошла къ низенькому окну, остерегаясь, чтобъ снѣгъ не заскрипѣлъ подъ ногами, и стала смотрѣть во внутренность избы. Желѣзные подсвѣчники со свѣчами стояли на полкахъ. Дѣвки тѣснились рядомъ, сидѣли на лавкахъ за пряжею; парни помѣщались между ними; Алена бойко балагурила съ однимъ женатымъ парнемъ; мать ея выглядывала съ печки. Въ одномъ углу Егоръ подчивалъ орѣхами Груньку-солдатку. У Маремьяны забилось сердце какъ голубь, кровь бросилась въ голову. Вотъ солдатка встала, подошла къ Аленѣ и стала съ нею шептаться; той порой, Егоръ сѣлъ на мѣсто

Груньки, и когда она воротилась, онъ сталъ просить выкупа. У Маряши занялось дыханіе...

— Маряха, пойдемъ-ка, я озябла, молвила Антонида, притопывая ногами и дуя въ кулаки.

Погоди, другъ мой, голубка моя, погоди!.. проговорила дрожащимъ голосомъ Маряша. Она смотрѣла съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ Грунька выкупила поцѣлуемъ свое мѣсто, смѣло, бойко, по–бабьи, безъ всякаго жеманства, не какъ красная дѣвушка.

У Маряши потемнѣло въ глазахъ, сердце ея разрывалось.

— Что жъ, Маремьяна, либо въ избу пойдемъ, либо домой побѣжимъ? Я ноги отморозила!..—твердила свое Антонида.

Маремьяна ничего не отвѣтила.

— Стой же на морозѣ, коль охота, а я той порой погрѣюсь! сказала наконецъ Антоха, и ушла въ избу.

Маряша видѣла, какъ при входѣ Антохи обступили ее парни, какъ она что-то сказала, показавъ рукою на окно, и какъ Егоръ бросился изъ избы.

Маремьяна пустилась бѣжать, и слышала, что кто–то гонится. Но она бѣжала безъ оглядки, до тѣхъ поръ, покуда не захватило дыханье и ноги не отказались служить ей. Она пріостановилась, чтобъ перевести духъ,—и очутилась въ объятіяхъ Егора.

— Маряша! сердце мое! что ты бѣгаешь отъ меня? что я тебѣ сдѣлалъ? чѣмъ прогнѣвилъ тебя? спрашивалъ парень, удерживая ее за руку.

Дѣвушка зарыдала.

— Развѣ я бѣгаю, а не ты самъ глазъ не показываешь?! проговорила она съ упрекомъ.

— А въ послѣдній-то разъ не ты отъ меня ушла?

— А не ты сказалъ, что у тебя невѣста есть на примѣтѣ?

— Говорилъ я шутя, по твоимъ же словамъ... Да ты то бы подумала: кому быть у меня на примѣтѣ, кромѣ тебя?

— Ты и отца хотѣлъ къ дѣду на другой же день прислать, да до сихъ поръ онъ и не бывалъ у насъ.

— И отцу говорилъ я, отвѣчалъ Егоръ, да что будешь

дѣлать, коль старики упрямы?.. А старикъ мой одно твердитъ, что Иванъ Степанычъ понапрасну насъ за носъ водитъ, и что самъ готовъ на попятный дворъ. Впрочемъ, я и самъ тоже мекаю.

— Напрасно такъ думаете: дѣдъ только дядей поджидаетъ, а ты самъ-то скорѣй на попятный дворъ хочешь!.. Ну и Богъ съ тобою, Егоръ Селифонтьичъ! ужь видно милою насильно не будешь!.. Маряша утерла глаза.

— Напрасно ты упрекаешь меня, Маремьяна Петровна, я передъ тобой, ни тѣломъ, ни душой, не виноватъ.

— Ахъ ты, Господи! воскликнула Маряша, всплеснувъ руками, ужъ послѣ всего этого, что я слышала, и мало того, своимъ глазомъ видѣла,—еще запираешься! Ну, скажи-ка, не шелъ ты сегодня съ Грунькой Пѣвунихой?..

— А! это тебѣ дура Антонида сказала?—Ну, шелъ, такъ чтожъ? мало-ли съ кѣмъ случится идти?—дорога для всѣхъ! отвѣчалъ немного смѣшавшись Егоръ.

— А сейчасъ, въ бесѣдѣ, съ кѣмъ цѣловался? А?

— Въ бесѣдѣ? А! ты подглядывала?—Ну, такъ чтожъ?—нашъ братъ за тѣмъ и въ бесѣду ходитъ, чтобъ повеселиться, да пошутить... а въ шуткахъ мало-ли что бываетъ?.. Впрочемъ, я и въ бесѣду для того ходилъ больше: думалъ тебя увидѣть!..

Ахъ ты совѣсть! А будто не знаетъ, что мнѣ тетка Кондратьевна на-строго заказала ходить къ Алёнѣ?..

— Говорятъ, у Ануфрея еще будетъ бесѣда собираться; у него четыре гостьи привезены. Неужто тебя и къ Ануфрею не пустятъ?

— Можетъ и пустятъ. Да тебѣ-то что до меня? тебѣ и безъ меня весело, есть съ кѣмъ хороводиться.

— Ахъ ты, Маремьяна Петровна! воскликнулъ Егоръ, остановясь и съ упрекомъ покачивая головою.

— Вижу я, что ты обижаешь меня, значитъ, совсѣмъ поссориться хочешь, чтобъ на сходѣ не сходиться... Ну, Богъ съ тобою! лучше меня найдешь—меня позабудешь, а хуже меня кого найдешь—и Егорку вспомянешь!—мы силой не навязываемся!.. Прощенья просимъ! И Егоръ, приподнявъ шапку, вернулся назадъ. Но прошедши нѣсколько шаговъ, оглянул-

ся: Маремьяна стояла на томъ же мѣстѣ, закрывъ лице руками.

Парень не вытерпѣлъ—и вернулся.

— Маряша, Маряша! голубка моя! воскликнулъ онъ, стараясь отнять руки отъ заплаканнаго лица своей любезной. Понапрасну мы только мучимъ себя! какой лукавый насъ смутилъ? знать сѣрая кошка пробѣжала межъ нами! а любимъ-то мы другъ друга... какъ любимъ?—и сказать нельзя! И парень обнялъ плачущую дѣвушку, она не противилась.

— Ну, скажи, для чего мы чванимся, да бѣгаемъ другъ отъ друга? гдѣбъ любоваться, да миловаться!.. Ну, полно, помиримся, мое сердце,—худой миръ лучше хорошей брани. Ну, миръ что-ль? а?.. Раздался звучный поцѣлуй, и повторился.

Маремьяна воротилась домой съ заплаканными глазами, но очень веселою. Мурлыкая пѣсни, она съ особеннымъ расположеніемъ ухаживала за хворою теткою Мариной.

На другой вечеръ, въ избѣ богатаго мужика Онуфрія собиралась бесѣда. Къ нему пріѣхали четыре богатыя гостьи, и кромѣ того, за тѣснотою Алёниной избы, всѣ почти пріѣзжія въ село дѣвки сошлись въ его чистую и просторную избу. Маремьяна также просилась туда у своей строгой тетки.

— Дура ты, дура! чего ты тамъ не видала? говорила Кондратьевна; вѣдь тамъ сонмище, грѣхъ одинъ, больше ничего! Аль замужъ хочешь, такъ уже нечего тебѣ жениховъ тамъ смотрѣть: есть!.. выбранъ!..

Хотя у Маряши радостно билось сердце отъ этихъ словъ, но все-таки ей хотѣлось на бесѣду, людей посмотрѣть, а главное—Егора увидѣть.

— Эхъ, невѣстка! совсѣмъ ты забыла свои молодые года! вспомни-ка: чай, самой погулять да поиграть хотѣлось? а теперь, прости Богъ, дѣвку на привязи держишь! говорила тетка Антипьевна; добро,—къ Алёнкѣ, а къ Ануфревымъ-то что ее не пускаешь? аль худымъ чѣмъ хочешь ихъ домъ обнести? Да тамъ, я чаю, собрались пріѣзжія, не хуже нашей Маремьяны.

— Потворщица ты! гдѣбъ дѣвку придержать, а ты пот-

воряешь! отвѣчала неумолимая Кондратьевна; не я, батюшка самъ не хочетъ, чтобъ она по бесѣдамъ бѣгала.

— Батюшка-то и не свѣдаетъ, какъ ты сама ему про то не скажешь. Нечего на стараго баять, сама такія уставы уставляешь.

И двѣ невѣстки побранились. Но послѣ ссоры все-таки Маремьянѣ разрѣшено было идти на бесѣду.

И вотъ, сидитъ уже она разряженная, за гребнемъ, въ ряду нарядныхъ бесѣдницъ. Пріѣзжія для того и ѣхали, чтобъ себя показать, не жалѣя своихъ лучшихъ нарядовъ. На всѣхъ почти штофные сарафаны и такія же кофточки, обшитыя галуномъ, или золотою бахрамою; на головахъ блестятъ золотомъ затканые платки, или алѣютъ розовые гродепаплевые, изъ–подъ коихъ спускаются на спину косы съ цвѣтными лентами. Всѣ дѣвицы сидятъ жеманно за пряжею, и чтобъ не попортить веретеномъ шелковыхъ или кисейныхъ передниковъ, накинули на колѣни французскіе ситцевые платки. Дѣвушки оглядываютъ другъ-друга съ головы до ногъ, и поютъ какую–то монотонную пѣсню.

Маремьяна скучаетъ и нетерпѣливо поглядываетъ на дверь. Бесѣда сошлась многолюдная, дѣвицъ набралось съ заовражскими человѣкъ до тридцати. И несмотря на то, что послѣднія не такъ были разряжены, молодцы охотнѣе къ нимъ подсаживались, потому что съ чужими красавицами и разговоръ какъ-то не клеился, и вопросы оставались безъ отвѣта, и шутки принимались жеманно. Словомъ, заовражскимъ любезникамъ было несравненно ловчѣе и пріятнѣе съ своими дѣвками, чѣмъ съ пріѣзжими.

Наконецъ пришелъ и Егоръ, съ четырьмя товарищами изъ своей деревни. И въ продолженіи часовъ двухъ, успѣлъ пересидѣть со многими дѣвками; спѣлъ съ ними двѣ-три пѣсни; толкнулъ не разъ Маряшу подъ бокъ, мигнулъ глазомъ, показывая на дверь, и поспѣшилъ уйдти съ своею артелью къ Алёнѣ, потому что тамъ бесѣда была не такъ чопорна и скучна, какъ здѣсь. Тамъ и пѣсни пѣли громче, и игры затѣивали живѣе; словомъ, тамъ все дѣлалось на распашку, и вся изба ходила ходенёмъ, отъ веселаго гулу.

Заовражскія дѣвки, также одна по одной, оставляли из-

бу Онуфрія, гдѣ имъ казалось скучно, и перебирались къ Алёнѣ. Маремьяна, посидѣвъ часовъ до десяти, туда же последовала—за подругами, хотя ее никто и не звалъ и несмотря на то, что она живо помнила наказы тетки Кондратьевны; такъ что Алёна не могла надивиться, увидѣвъ у себя внучку прикащика. Лишь только сѣла Маряша за гребень, Софронъ, сынъ старосты, сторожившій мѣсто возлѣ нея, увидѣлъ, что оно уже занято Егоромъ.

— Ребята! сказалъ онъ, обращаясь къ заовражскимъ парнямъ, намъ просто жить на свѣтѣ стыдно: чужаки у насъ всѣхъ дѣвокъ отбили получше.

— Значитъ, чужаки себѣ на умѣ! половчѣе васъ! замѣтила со смѣхомъ Алёна.

— А вотъ мы ихъ выпугаемъ, птицъ залетныхъ! въ зашей ихъ, ребята! кричалъ Софронъ.

— Кого въ зашей? Здѣсь все свои! проговорилъ одинъ парень.

— Какъ свои? а жмулинскіе?

— Жмулинскіе—близкіе, сосѣди.

— А поди-ка къ нимъ, да и распорядись такъ, какъ они у насъ хозяйничаютъ, продолжалъ сынъ старосты, такъ небось покажутъ тебѣ дорогу!..

— Мы не такіе дураки и азарники, какъ ты! отозвался одинъ изъ жмулинскихъ.

— Ахъ ты свинья! еще ругается!.. Гнать ихъ, ребята, гнать! кричалъ озлобленно Софронъ, сжимая кулаки.

— Не слушайте его, ребята, заговорилъ подкидышъ прикащика, ишь дурень расходился, завидѣлъ возлѣ нашей Марялки Егора!

— Молчи ты!.. а то вотъ такъ въ ухо и дамъ! пѣтушился Софронъ, подскочивъ къ Гаранькѣ.

— Сдачи дамъ! отвѣчалъ послѣдній спокойно.

— Однако Софронко, ребята, правду баетъ: жмулинскіе у насъ ужъ больно хозяйничаютъ! проговорилъ одинъ изъ заовражскихъ парней.

— Я говорю, что въ шею чужаковъ! вопилъ свое Софронъ.

— Этого не будетъ! сказалъ вставая Егоръ.

— Уйди-же! не заводи ссоры, а то и Богъ знаетъ, чѣмъ кончится: шептала Маряша съ замирающимъ сердцемъ.

— Скотамъ мы не поддадимся! отвѣтилъ Егоръ.

— Не поддадимся! повторили его товарищи, и повскакали съ мѣстъ.

— Софронъ Пахомычъ! николи тебѣ нигдѣ смирно не посидится!—словно ты козелъ, со всѣми завсегда бодался-бы!.. возвысился голосъ Алёны.

— Молчи ты, покуда цѣла! а-то смотри и недобромъ молчать заставлю!..

— Вотъ-те на! что старостинъ сынъ, такъ и озорничать воля?! что за безсудная земля! вопила обиженная хозяйка.

— Дуракъ ты, Софронъ! Развѣ мы виноваты, что насъ ваши дѣвки любятъ? поддразнилъ одинъ изъ жмулинскихъ.

— Ужъ и вправду дали мы чужакамъ волю! молвилъ опять одинъ изъ заовражскихъ.

— Вонъ ихъ, вонъ! вскричало нѣсколько голосовъ.

— Уйдемъ, когда всѣ уйдутъ, отвѣтилъ Егоръ.

— Врешь! уйдешь прежде!

— Врешь, не уйду!

— Увидимъ!

— Увидимъ!

И молодцы раздѣлились, поглядывая непріязненно другъ на друга. Заовражская сторона, которую то–и–знай поджигалъ Софронъ, хотя была и многочисленна, не хотѣла зачать: вѣроятно, увѣренная въ томъ, что жмулинскіе ребята постоятъ за себя. Послѣдніе тоже выжидали, сторожа каждое движеніе противной стороны. Маряша, ни жива ни мертва, трепеща отъ страха, ожидала развязки. Дѣвки, боясь попасть въ общую свалку, повскакали на лавки. Алёна ругала Софронка, какъ зачинщика. Мать ея на печи вслухъ творила молитву.

Казалось, стоило только произнести одно слово которой нибудь изъ ссорющихся сторонъ, или сдѣлать движеніе, и молодцы бросились-бы другъ на друга, ничего не разбирая и ничему не внимая.

Вдругъ, въ эту критическую минуту, дверь быстро распахнулась и поспѣшно вошелъ десятскій.

— Миръ честной бесѣдѣ! воскликнулъ онъ скороговоркою, ни на кого не глядя, и, повидимому, ничего не замѣчая. —Эй вы! Василиса Бочарёва! Афимья Логинова! Акуля Мосеева! здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь! дядя Микифоръ, на что тебѣ? отозвались три голоса, изъ разныхъ угловъ.

— Завтра, чѣмъ-свѣтъ, вы, аль ваши матери, ступайте на барскій дворъ, въ господскомъ домѣ полы мыть; приказъ староста отдалъ, отвѣчалъ дядя Микифоръ, направляясь къ дверямъ.

— Знать, барина ждутъ? проговорилъ кто-то.

— Чего ждутъ!—баринъ пріѣхалъ, сказалъ десятскій и поспѣшно оставилъ избу.

Всѣ присутствующіе разинули рты, какъ будто эта вѣсть всѣхъ ошеломила.

Софронъ первый опомнился.

— Теперь и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! произнесъ онъ, взглянувъ злобно на Маряшу, и первый, слѣдомъ за десятскимъ, вышелъ вонъ.

А. КОБЯКОВА.

Изъ прошлаго.

Небо—милыхъ устъ улыбка;
Рощи кедровъ и оливъ;
И какъ фей нагорныхъ зыбка,
Въ яркомъ золотѣ заливъ.
Храмовъ строгіе антики,
И палаццо въ городахъ;
И боговъ забытыхъ лики,
Въ померанцовыхъ садахъ.
Лозы въ гроздьяхъ винограда,
Нивъ пестрѣющихъ цвѣты,
И Везувій, какъ лампада
Въ храмѣ вѣчной красоты.
Давній сонъ! Но вотъ упала
Звѣздной ночи пелена,
И лукаво показала
Образъ на небѣ луна.
Жду, истомы полонъ сладкой,
И ужъ знаю напередъ,
Въ часъ условленный, украдкой,
Къ морю въ садъ *она* придетъ.
Ночи южной обаянье,
Сонныхъ листьевъ ароматъ,
Розы дремлющей дыханье —
Съ ней намъ головы вскружатъ.
Давній сонъ! Но какъ съ нимъ много
Пролетѣло тѣхъ минутъ,
О которыхъ внучкамъ строго
Тщетно бабушки поютъ!

Н. КРОЛЬ.

МИШУРА.

I.

Лишь надъ городомъ зимней порой
Ночь морозная выплыветъ разомъ,
Тамъ, въ туманѣ, двойной полосой
Загорятся всѣ улицы газомъ.
Мимо пышныхъ и темныхъ палатъ,
Мимо лавокъ, вкругъ залитыхъ блескомъ,
Въ-перегонку куда-то спѣшатъ
Все кареты—кареты на Невскомъ.
На каретахъ мелькаютъ гербы,
А за стеклами блѣдныя лица,
Ветхихъ старцевъ нависшіе лбы
Или взбитые локоны львицы.
Тамъ толпами летитъ молодежь,
Рысаковъ дорогихъ загоняя...
Что, бѣднякъ, ты съ дороги нейдешь,
Вкругъ усталые взоры роняя?
Вѣдь задавятъ, пожалуй, какъ разъ!
Намъ такія потѣхи не диво...
Сторонись—и отъ буйныхъ проказъ
Въ тёмный уголъ забейся пугливо.

Но куда жъ эти люди спѣшатъ?
Гонитъ, вѣрно, ихъ спѣшное дѣло!
Вѣдь извѣстно: намъ мода велѣла
Жить, какъ истый живетъ демократъ,
И кричать возмутительно смѣло:
Дорогъ намъ погибающій братъ.
Дорогъ! да, господа: вѣдь не такъ-ли?
Въ пользу бѣдныхъ мы ѣздимъ въ спектакли,
Сочиняемъ балы, пикники,
Разоряться для нихъ не устанемъ
И, пожалуй, гуманно протянемъ
Мѣщанину три пальца руки...
Пусть вамъ на-слово бѣдность не вѣритъ,
И какой нибудь скептикъ-бѣднякъ,
Забираясь въ свой темный чердакъ,
Тайно думаетъ: міръ лицемѣритъ,—
И въ окно свое глядя на васъ,
На проспектъ, гдѣ вашъ поѣздъ несется,
Сардонически-горько смѣется—
Не смущайтесь!.. И вновь на-показъ,
Чтобъ почтила васъ бойкая пресса,
Наслаждайтеся въ пользу прогресса...

И въ туманной, морозной пыли
Экипажи какъ тѣни летѣли,
А по гладкой, широкой панели
Шла толпа... люди разные шли...
И въ тотъ часъ,—его знаетъ столица,—
Тамъ, при блескѣ ночныхъ фонарей
Женщинъ чахлыя, блѣдныя лица
Словно кажутся вдвое блѣднѣй.
Всѣмъ въ глаза онѣ смотрятъ такъ жадно,
Такъ открытъ, откровененъ ихъ торгъ,
Что поймешь, какъ толпа плотоядна,
Покупной принимая восторгъ!..
О, какъ нравственны тутъ не въ примѣръ вы,
Моралисты!.. какъ грозенъ вашъ видъ!..
Проходите жъ... суровѣй Минервы,
Вы испортите свой аппетитъ
Иль разстроите слабыя нервы...
Проходите-жъ... Безстрастны, какъ сталь,

Вы готовы—примѣры не рѣдки —
Добродѣтели книжной мораль
Декламировать падшей сосѣдкѣ,
И казнить, и казнить, и казнить,
Не смягчаясь предъ жертвой порока,
И, рисуясь предъ нею, ходить
Подъ мишурнымъ вѣнкомъ лже-пророка!..

II.

Если поздняя, зимняя ночь
Застаетъ меня въ темномъ кварталѣ,
Не могу я тоски превозмочь
И какой-то зловѣщей печали.
Безъ слезы надрывается грудь,
А надъ ухомъ, какіе-то звуки,
Раздражительно-полные муки,
Ни на мигъ не даютъ отдохнуть.
Какъ гроба, вкругъ безмолвныя зданья
Цѣпью длинной встаютъ вкругъ меня;
Ихъ сковало глухое молчанье
Послѣ шумнаго, зимняго дня.
Точно спитъ этихъ зданій громада,
Развѣ гдѣ нибудь, тамъ, въ вышинѣ,
Съ чердака тускло свѣтитъ лампада,
Да мелькнетъ чья-то тѣнь на окнѣ.
Гдѣ нибудь, сквозь оконныя рамы
Чей-то профиль усталый скользнетъ...
И я вижу незримыя драмы,
Блѣдный призракъ коритъ и зоветъ...
Мнѣ все чудится въ мертвомъ молчаньи
Въ плачѣ вѣтра подавленный крикъ
И мольбы, и глухія рыданья,
И несвязной молитвы языкъ,
И межь тѣмъ, какъ роскошныя грезы
Стерегутъ твое ложе, богачъ,
За стѣной твоей—голода слезы
Скорбь паденья, насилья—и плачъ

Тѣхъ несчастныхъ, что въ омутѣ грязномъ
Жизнь встрѣчаютъ, какъ тяжкій урокъ,
Гдѣ, въ величьи своемъ безобразномъ,
Нищету окружая соблазномъ,
Торжествуя хохочетъ порокъ...
И становится страшно и больно.—
Вопль и скрежетъ—куда не иди,
И трепещешь, пугаясь невольно,
Словно сердце рыдаетъ въ груди...
Все, что бѣдно, забито и сиро,
Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ
Точно стонетъ и молитъ безъ словъ
Подъ лохмотьями нищаго міра.

Вотъ одинъ невеселый разсказъ...
Онъ пронзительной нотою въ уши
Пусть звучитъ, отомщая за васъ,
Міра темнаго падшія души.
Если искру любви до конца
Онъ въ порочную грудь не заронитъ,
Можетъ быть, молодыя сердца
Новымъ чувствомъ взволнуетъ и тронетъ.
Хоть въ немногихъ запавъ, можетъ быть.
Тамъ, у двери житейскаго рая,
Онъ научитъ прощать и щадить,
Онъ научитъ любить, проклиная.

III.

Жертва пошлой мірской суеты,
И голодной, больной нищеты,
И цѣпей золоченыхъ разврата, —
Тѣнью блѣдной явилась мнѣ ты!..
Образъ женскій, знакомый когда-то,
Я въ душѣ своей тайно сберегъ.
Я люблю его злою любовью:
Какъ протестъ нашъ, написанный кровью,

Какъ язвительный жизни упрекъ...
Наяву и во снѣ сквозь просонокъ
Мнѣ все чудится кроткій ребенокъ,
Безсловесный, пугливый, больной,
Исхудалый, забитый семьей,
Пріученный къ побоямъ съ пеленокъ.
Онъ отъ ранняго дѣтства не зналъ,
Какъ теплы поцѣлуи и ласки,
И молитвы и дѣтскія сказки
Надъ ребенкомъ никто не шепталъ.
Безъ призора, въ семьѣ безобразной
Не привыкъ онъ участья встрѣчать:
Билъ отецъ его, старый приказный,
Вѣчно пьяный, угрюмый и грязный,
Била злая и вздорная мать.
И никто этой дѣвочки хилой,
Съ впалой грудью, и съ блѣдной щекой,
Не ласкалъ дружелюбной рукой.
Жизнь явилась ей темной могилой
Съ безъисходной, глубокой тоской!..
Годы дѣтства — печальные годы
Ей казалися смутно потомъ
Лишь какимъ-то туманнымъ пятномъ
Безразсвѣтно-забитой свободы,
Поруганьемъ ребяческихъ грезъ
И средой, гдѣ однѣ колотушки
Доводили ребенка до слезъ,
Затаённыхъ на дѣтской подушкѣ.
Лишь ей помнились, будто сквозь сонъ,
Пѣсни грубыя, крики и звонъ
То стакановъ, то рюмокъ разбитыхъ,
И отца, межъ какихъ-то небритыхъ
Раскраснѣвшихся, буйныхъ гостей.
Въ лихорадкѣ, забившись въ свой уголъ,
Дочь, съ пугливостью робкихъ дѣтей,
Ихъ боялась, какъ сказочныхъ пугалъ,
И ждала, что, шатаясь, отецъ
Иль пинкомъ ее скинетъ съ постели,
Иль, уставъ ее бить, наконецъ
Броситъ на ночь въ холодныя сѣни.

И еще одинъ день сберегла
Память дѣвочки... Дочь не забыла
Темный вечеръ... ненастье и мгла...
Дождь въ окно барабанилъ уныло.
Вдругъ отца ея мертваго трупъ
Принесли... на постель положили...
Взглядъ недвижный безсмысленъ, и тупъ,
И изгибы холодные губъ
Въ неестественной корчѣ застыли.
«Утонулъ!» ей звенѣло въ ушахъ,
И она, словно листъ, задрожала
И за шкапомъ забившись въ потьмахъ,
До зори своихъ глазъ не смыкала,
Безучастно смотрѣла, какъ въ гробъ
На другой день отца положили,
Какъ куда-то свезли, и какъ попъ
И дьячекъ на обѣдъ приходили....
Такъ безъ горя отца схоронивъ,
И домой возвратясь на поминки,
Все не плакалъ ребенокъ, слезинки
Не единой по немъ не сронивъ.
Вѣдь любви это сердце не знало!..
Поняла она дѣтской душой,
Что въ отцѣ ничего не теряла,
Что отецъ для нея былъ чужой.
И не разъ её мать поносила
И гнала беззащитную: «прочь!
Ты отца своего не любила
И не плача его хоронила —
Ты проклятая, гадкая дочь!»...

Такъ мелькнуло ужасное дѣтство
Для Наташи, оставивши ей
Чувство вѣчнаго страха въ наслѣдство
Съ тайной скрытностью робкихъ дѣтей.
Молчаливая дома и въ школѣ,
Беззаботныхъ подругъ далека,
Ей хотѣлось-бы прыгать на волѣ,
Но была она въ людяхъ дика.

Сердце дѣтское жаждало ласки
И привѣта просило давно,
А большіе и строгіе глазки
Часто такъ говорили умно,
Вдругъ такой загорался въ нихъ разумъ,
Что пугали и нѣжили разомъ.

Нѣтъ, отъ жизни напрасно ждала
Эта дѣвочка жадно чего-то...
Лучше бъ съ этого сердца, какъ мгла,
Никогда не сходила дремота,
Лучше бъ страсть эту душу не жгла!...
Коротко было счастье Наташи!
Коротка ея жизни весна:
Такъ какъ многія женщины наши
Въ мірѣ пошлости пала она.
Омутъ темёнъ... напрасны усилья...
Жизнь капризна, какъ дряхлый старикъ,
И обломитъ безсильныя крылья,
И задавитъ мучительный крикъ.
Для чего же сосѣда уроки
(Онъ уменъ былъ, ученъ и хорошъ)
Ты любила, дитя? Для чего-жъ
То поэта волшебныя строки
Онъ шепталъ тебѣ нѣжно въ саду,
То въ волненьи любви, какъ въ чаду,
Тайнымъ жегъ твое сердце признаньемъ,
То дивилъ краснорѣчьемъ и знаньемъ?
Для чего жъ онъ твой сонъ нарушалъ,
И склонясь къ твоему изголовью,
Рисовалъ, вдохновлённый любовью,
Человѣка святой идеалъ?
Нѣтъ, иначе вѣдь мать разсудила,
На губахъ твоихъ замеръ отвѣтъ:
За работой ты вздохъ подавила,
И съ позоромъ былъ прогнанъ сосѣдъ,
Въ печь заброшены книги и ноты...
Но еще испытала не все ты
И не весь еще выпила ядъ
Изъ корыстной руки старушонки.

Пусть глаза твои ярко глядятъ,
Пусть черты такъ плѣнительно тонки,
Пусть роскошной, пахучей волной
На плечо твое падаетъ локонъ —
Берегись и смотри: мимо оконъ
Въ фаетонѣ, развратникъ больной
Подъѣзжаетъ къ квартирѣ старухи.
Руки гостя костлявы и сухи,
Но на нихъ бриллiанты горятъ,
Краска жизни давно въ немъ убита
И во всемъ существѣ сибарита
Лишь съ подагрою споритъ развратъ.
Чтожъ дрожишь ты, ребенокъ пугливый?
И головкой печально поникъ?
Вѣдь истасканный этотъ старикъ
Все сулитъ тебѣ жребiй счастливый...
Онъ здѣсь ищетъ не брачнаго ложа,
Пусть сгибаясь змѣей предъ тобой,
Но наложницу ищетъ... такъ что же?
Вотъ послушай старухи сѣдой,
Посовѣтуйся съ ней въ тихомолку
И сломивъ трудовую иголку,
Одѣвайся и въ бархатъ и въ шелкъ..
Позабудь свои дѣтскiя грезы:
Слушать старшихъ — послѣднiй твой долгъ.
Затаи-жъ набѣжавшiя слезы
И заставь замолчать какъ нибудь
Накипѣвшую ужасомъ грудь.
Рѣшено... безполезны всѣ муки:
За тебя взятъ задатокъ впередъ,
И торговки дрожащiя руки
Прячутъ страшныя деньги въ комодъ...
Совершилось ужасное дѣло!..
И лишь видѣла темная ночь,
Какъ, рыдая, весна отлетѣла
Отъ поруганной дѣвушки прочь,
Какъ съ порокомъ бороться не смѣла
Оскорбленная, падшая дочь.

IV.

Вечеръ. Длинная, свѣтлая зала...
Шумъ и говоръ, звенящій хрусталь,
И разбитая въ залѣ рояль,
Какъ разбитая грудь замирала.
Щеголяли своей наготой
Женщинъ блѣдныхъ открытыя плечи
И носились межъ пестрой толпой
Лишь цинически-смѣлыя рѣчи.
За клавишами нѣмецъ-тапёръ
Дразнитъ ухо аккордомъ канкана...
Но кого это встрѣтилъ мой взоръ
Тамъ въ тѣни, на подушкѣ дивана?
—Посмотри, словно на ухо мнѣ
Такъ шепталъ въ этотъ часъ Мефистофель,—
Посмотри, вотъ дрожитъ на стѣнѣ
Этотъ чистый, задумчивый профиль.
Полюбуйся и знай, что не мы
Раздавили покой этой груди.
Пощадили бъ ее духи тьмы,
Не щадили одни только люди!
Полюбуйся, какъ вѣчно жестокъ
Человѣкъ къ беззащитнымъ созданьямъ,
Но пойми, что и самый порокъ
Сжечь не могъ своимъ мертвымъ дыханьемъ
Этой дѣтски-прекрасной души,
Хоть твердилъ ей весь міръ съ поруганьемъ,
Съ рѣзкимъ крикомъ: грѣши и грѣши!..

И въ фигурѣ безмолвно-прекрасной
Я тоскливо Наташу узналъ:
Въ ту минуту тотъ праздникъ ужасный
Мнѣ еще отвратительнѣй сталъ.
Эти люди... зловѣщая сфера...
И въ грязи той, несчастная, ты!

Вотъ оцѣнка твоей красоты!
Вотъ твоя золотая карьера!..
Между женщинъ мишурныхъ, одна,
Какъ мертвецъ холодна и блѣдна,
Тамъ вокругъ озирается дико,
Посреди изступленья и крика,
Все сносить и смѣяться должна...
Нѣтъ, забудь міръ скорбей и печалей!
Тутъ не кстати твой дѣтскій испугъ:
Межъ раскрашенныхъ, наглыхъ подругъ
Позабудься въ чаду вакханалій.
Вотъ вино, пей, заблудшая, пей...
И вино она жадно глотала,
И, смущая весельемъ гостей,
Какъ-то дико и зло хохотала.
Но мгновенье—и бредъ улеталъ,
И блудница тряслася, нѣмая,
Разбивала въ осколки бокалъ
И кидалася въ уголъ, рыдая,
И межъ тѣмъ, какъ ломала она
Свои блѣдныя, тонкія руки,
Доносились къ ней хохота звуки
И позорное слово: «пьяна!»

Задави же свой стонъ, задави,
Вѣсь на золото жаръ поцалуя,
И за прахъ оскорбленной любви
Ненавидѣть учись, негодуя.
Но когда же общественный судъ
Призоветъ тебя къ нравственной казни,—
Гордо встань и иди безъ боязни.
Пусть паденьемъ тебя упрекнутъ,—
Брось въ глаза имъ ихъ общую повѣсть,
Гдѣ не разъ ихъ преступная совѣсть
Обличала продажныхъ Іудъ.
Тотъ—всѣхъ грабилъ, забывши законы,
Сироту въ міръ пустилъ не одну,
Тотъ женидьбою—бралъ милліоны
А въ приданое къ деньгамъ — жену.

Тамъ, въ торговомъ, холодномъ развратѣ
Кровь сосалъ бѣдняка откупщикъ,
Здѣсь, послѣднее чувство утратя,
Надъ ребенкомъ ругался старикъ;
Тамъ—всѣмъ льстя и потворствуя ловко
Брали наглостью мѣдные лбы,
Дочерей продавала торговка,
Постъ держала и ѣла грибы.

V.

Вотъ внизу, напримѣръ, въ бель-этажѣ,
Въ нѣгѣ, въ роскоши дама живетъ.
Ужъ съ утра у воротъ экипажи,
А въ пріемныхъ толпится народъ,
Ужъ съ утра до заката денницы
Тонко лесть ей куритъ ѳиміамъ,
Львы блестящіе—роскошь столицы
На поклонъ къ ней съѣзжаются тамъ.
Для чего же толпы эпиграмма
Это темное имя щадитъ?
Кто она—благородная дама
Съ добродѣтельно взятой въ кредитъ?
Первый мужъ ея, въ петлѣ банкрота
Умеръ, нищимъ не ставши едва,
Въ тотъ же годъ молодая вдова
Чтобъ мотать капиталъ идіота
Вышла замужъ — гласила молва;
Что жъ? развратъ такъ изящно приличенъ,
И закономъ и модой прикрытъ,
И для насъ съ колыбели привыченъ...
Такъ кого же она удивитъ?
Никого!.. Тайна брачнаго ложа
И загадочна всѣмъ и темна,
И не вѣдаетъ даже она

Что кого изъ толпы молодежи
Завтра выбрать счастливцемъ должна.
Молодежи столичной осадки!
Лишь становится гадко за васъ,
Что смѣнялись вы столько же разъ,
Сколько львица смѣняла перчатки.
Но отъ нихъ-ли услышишь упрекъ
Ты, новѣйшихъ временъ Мессалина?
Подарилъ тебѣ сына твой рокъ—
Ты съ проклятьемъ отвергла и сына.
Онъ попалъ въ воспитательный домъ,
Къ вамъ, забытыя, сирыя дѣти,
А она, съ вѣчно яснымъ лицомъ,
Вновь явилась царицею въ свѣтѣ.
Отъ порывовъ любви и огня
Застраховано сердце вѣдь это,—
И она — было сказано гдѣ-то, —
Лишь покой своей груди цѣня,
Берегла эту грудь... для корсета.
Но притомъ не чужда ей была
И чувствительность нервная дамы:
Въ пятомъ актѣ любой мелодрамы
Проливать она слезы могла.
Разъ, взглянувъ на статую Сатурна,
Изъ груди ея вырвался стонъ
И едва съ ней не сдѣлалось дурно,
Да нашелся со спиртомъ флаконъ...

Что же, судьи? Ее отчего-жъ вы
Не рѣшаетесь гласно карать?
Нѣтъ, способны вы всѣ цѣловать
Даже слѣдъ ея узкой подошвы
И въ ногахъ ея милости ждать.
Такъ смирите-жъ проклятія ваши
Предъ разбитою жизнью Наташи!
Вамъ казнить такъ легко, нипочемъ!..
Вѣдь съ запасами мертвой морали
Наслажденіе—быть палачомъ,
Тѣхъ, кого мы съ пеленъ развращали,
Тѣхъ, въ комъ чувства священнаго жаръ,

Мы давили безъ сердца, безъ краски,
И — въ нихъ видя лишь красный товаръ,
На общественный гнали базаръ
Продавать непродажныя ласки.
Но когда превратимъ ихъ въ табунъ,
Сердце выжжемъ и жизнь изломаемъ
Вотъ тогда-то мы съ шаткихъ трибунъ
Въ нихъ холоднымъ проклятьемъ бросаемъ...

И напрасно-бъ, терзая сердца,
Униженная жертва искала
Первый образъ того идеала,
Что поруганнымъ былъ до конца,
Но вездѣ бы, повсюду встрѣчала
Оскорбительный хохотъ глупца
И циническій вызовъ нахала.
Вопль ея ни на мигъ не смутитъ
Филантроповъ недвижныя лица,
И одинъ приговоръ прозвучитъ:
«Нѣтъ тебѣ покаянья, блудница»!

О, какъ во гнѣвѣ своемъ хороши
Вы, каратели язвы публичной,
Убѣжденій своихъ торгаши,
Подъ румянами маски двуличной!
Приговоръ вашъ: слова и слова...
Въ громкихъ фразахъ—вамъ милы обновы
И вчерашнихъ боговъ вы готовы
Завтра всѣхъ истребить на дрова.
Безпощадны вы такъ для чего же?...
Нѣтъ, постойте, вѣдь эта жена,
Что толпѣ продаетъ свое ложе,—
Васъ достойна: и вы, какъ она,
Честь на карту поставите тоже,
Какъ она, вы, порою, не прочь
Низко пасть, обезчестить собрата,
Воспитаньемъ растлить свою дочь
И толкнуть на дорогу разврата.

Не спѣшите-жъ!.. Васъ кара найдетъ
Межъ людей-ли, въ своемъ кабинетѣ-ль,
И такихъ же блудницъ въ васъ побьетъ,
Подвязную сорвавъ добродѣтель.

ДМ. МИНАЕВЪ.

Спб. 1861 г.
Сентябрь.

КАПРИЗЪ БОГАТАГО МАЛЬЧИКА.

(РАЗСКАЗЪ).

— Да, пожалуй, я вамъ разскажу, только одно условіе: не смѣйтесь надо мною, не думайте, что я тутъ хвастаюсь чѣмъ либо. Я вамъ передамъ голую истину, а тамъ разрисовывайте ее своимъ воображеніемъ, какъ знаете.

— Да полно тебѣ молоть все какія-то извиненія, разсказывай просто, ты видишь, что мы всѣ слушаемъ, сказалъ кто-то въ отвѣтъ.

— Насъ было пятеро, все бывшихъ молодыхъ людей, т. е. людей, которые уже начинали находить удовольствіе въ воспоминаніяхъ былыхъ годовъ, стало-быть переживающихъ свою молодость. Разсказчикъ былъ моложе всѣхъ насъ, слылъ онъ между нами добрымъ малымъ, отличался иногда странными выходками, оригинальными поступками, иногда же просто, казалось, какъ бы засыпалъ, и не заставишь его тогда слова вымолвить; натура нервная, перемѣняющаяся.

— Такъ что-жь, и подлинно разсказывай, ты видишь какъ всѣ заинтересованы, сказалъ я вслѣдъ за другими.

— Я былъ тогда очень молодъ, только-что поступилъ на службу, съ весьма удовлетворительнымъ чиномъ, началъ онъ.

— Ну, не хвастайся, перебилъ кто-то изъ насъ.

— Не перебивайте, пожалуйста, вмѣшался я, чтобъ и под-

линно не заставить замолчать нашего разсказчика; онъ такъ причудливъ.

— Родословная моя вамъ не нужна, не правда ли?

— Не нужна, не нужна! послышалось со всѣхъ сторонъ, мы очень хорошо знаемъ, что твой родъ теряется во мракѣ древности, что ты богатъ, знатенъ, съ титуломъ, нечего колоть намъ глаза этимъ.

— Я и не хотѣлъ вамъ говорить объ этомъ; скажу вамъ только, что у покойнаго отца я былъ воспитанъ чрезвычайно строго, и что, до поступленія моего на государственную службу, я еще вовсе не пробовалъ жизни, и не зналъ ничего болѣе, кромѣ своей учебной скамейки и самыхъ невинныхъ развлеченій; зато ужъ послѣ я постарался съ избыткомъ вознаградить потерянное время.

Одно, чего я всего болѣе жаждалъ уже давно узнать—это маскерады. Во снѣ я даже часто рисовалъ себѣ прелесть этихъ таинственныхъ и фантастическихъ маскерадовъ, гдѣ ночью, когда всѣ спятъ, толпится въ блестяще-освѣщенной залѣ масса народу, все болѣе въ черномъ, какъ бы въ траурномъ платьѣ. Толпятся эти люди подъ звуки полнаго оркестра музыки, снуютъ они взадъ и впередъ, повидимому, мрачно проходятъ мимо васъ, какъ тѣни, а между тѣмъ внутренно веселятся, счастливы.

Одинъ изъ моихъ товарищей еще въ училищѣ, разъ какъ-то рѣшился переодѣться въ статское платье и поѣхать на такой маскерадъ. Онъ и меня звалъ, я страстно желалъ поѣхать съ нимъ, но каюсь теперь,—побоялся гнѣва своего батюшки и отказался отъ предложенія. Зато всю ночь я уже не спалъ, и все мечталъ объ этомъ счастливцѣ, посреди шума и гула фантастическаго міра, который такъ сильно увлекалъ мое воображеніе. Зато какъ я осыпалъ вопросами моего товарища, какъ я распрашивалъ его о каждой мелочи; онъ мнѣ много и вралъ въ это время, но картины маскерада все яснѣе и яснѣе становились въ моей головѣ и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ тотъ день свободы, послѣ котораго я уже имѣлъ право считать себя человѣкомъ, не ребенкомъ, и ѣздить, куда угодно.

Выпускъ нашъ былъ лѣтній, стало-быть мнѣ невольно

пришлось ждать еще довольно долго свой первый маскерадъ; я занялся другими лѣтними удовольствіями, и занялся ими довольно страстно, какъ предается имъ обыкновенно только-что выпущенный на волю молодой человѣкъ; — Павловскъ, Царское, острова, Новая Деревня съ своимъ Иваномъ Ивановичемъ, съ своими Цыганами, отвратительными Тирольцами, съ этими ужинами, на которые меня постоянно заманивали въ грязной комнатѣ у Излера: вотъ были наши обыденныя развлеченія. Бывало перетасуютъ насъ съ Цыганками, т. е. посадятъ каждаго между двумя пѣвицами, а тутъ еще посадятъ и пѣвцовъ ихъ, подадутъ ужасную мерзость, подъ названіемъ котлетъ съ горошкомъ, подчуютъ отвратительно-теплымъ шампанскимъ, и пьютъ его въ невообразимомъ количествѣ: ну, конечно все люди молодые, хотятъ повеселиться...

— Знаемъ, знаемъ, послышалось со всѣхъ сторонъ, сами бывали, и тебѣ еще, не правда ли, приходилось часто за всѣхъ заплатить,—кто забылъ свой бумажникъ, кто просилъ ему одолжить. Помнимъ, помнимъ.

— Въ томъ-то и дѣло! Чтожь, молодъ былъ зато! Такъ вотъ эти-то увеселенія, эти-то ужины, прогулки, заставили меня подумать къ концу лѣта, что я уже очень много прожилъ, очень много переиспыталъ. Я сталъ нѣсколько тверже, важнѣе ходить по тротуару на Невскомъ, или передъ оркестромъ Гунгля въ Новой Деревнѣ и въ Павловскѣ, сталъ свыкаться съ какимъ-то чувствомъ собственнаго достоинства, что теперь я вижу на другихъ—вообще былъ очень смѣшонъ. Наступила осень; послѣ цѣлаго ряда дождей, начались морозы, сперва ночью, потомъ и днемъ, выпалъ и снѣжокъ, какъ бѣлымъ пухомъ покрылъ Петербургъ, но тотчасъ же растаялъ, пошолъ ледъ изъ Ладоги, зима установилась не на-шутку, былъ объявленъ первый маскерадъ въ залѣ дворянскаго собранія. Помню еще очень живо, какъ я былъ взволнованъ, входя въ эту освѣщенную залу, просто душа ушла въ пятки, а не хотѣлось мнѣ этого показать: какъ можно, надо было не признаваться даже самому себѣ, что я въ первый разъ въ маскерадѣ. Я сталъ у одной изъ колоннъ, которыя отдѣляютъ окружную галлерею отъ самой

залы. Облокотился я собственно о колонну, потому что чувствовалъ себя совершенно растеряннымъ, посреди этой шумной толпы и не зналъ, какъ держаться, но въ то же время я старался воспользоваться этимъ мѣстомъ, чтобъ придать болѣе изящества своей позѣ. Прошли мимо меня нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ мнѣ, съ масками подъ рукою, привѣтливо поклонились, я самъ тѣмъ же отвѣтилъ и старался придать моей улыбкѣ нѣчто многозначительное. Вѣроятно, глупѣе я никогда не улыбался. Тутъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, по департаменту, который, какъ мнѣ кажется, нѣсколько заискивалъ въ то время въ моемъ расположенiи, не знаю, съ какой цѣлью—видно расчитывая на протекцiю мою въ большомъ свѣтѣ: онъ всегда къ нему благородно стремился и воображалъ его какимъ-то земнымъ раемъ! Не знаю, что́ съ нимъ теперь; кажется, онъ гдѣ-то въ губернiи, вотъ тамъ-то, я думаю, задаетъ онъ шику!

Подходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ, какъ бы шутя, но нѣсколько торжественнымъ тономъ: «Вы вѣрно ждете кого-нибудь, вамъ назначили rendez-vous?» Я что-то сухо ему отвѣтилъ на его вопросъ. «Не то ли черное домино, продолжалъ онъ, съ пунцовымъ бантомъ, пришпиленнымъ какъ-то съ боку на капюшонѣ; она кого-то ищетъ — я ее видѣлъ въ томъ углу, мнѣ очень хотѣлось узнать, кто она, но она такъ замаскирована, что рѣшительно ничего не видно; должно быть, кто-нибудь изъ важнѣйшихъ».

— Не знаю, отвѣтилъ я, и хотѣлъ было уйти съ своего мѣста, какъ вдругъ, вообразите, кто-то хватаетъ меня за руку; я оборачиваюсь, это то самое черное домино съ пунцовымъ бантомъ, о которомъ мнѣ тотчасъ же говорили, а тотъ-то господинъ такъ и смѣется, и говоритъ мнѣ:

— Такъ-то! это вамъ дѣлаетъ честь, женщины ничего такъ не цѣнятъ, какъ скромность.

Мы пошли вмѣстѣ съ чернымъ домино. Я все молчалъ, не зналъ, что́ и сказать, совершенно растерялся, а она такъ и болтала, такъ и болтала и все по-французски, все какимъ-то звучнымъ, металлическимъ голосомъ;—я былъ въ восторгѣ. Она меня знала уже давно, встрѣчала меня въ Павловскѣ,

на островахъ à la pointe, разсказывала нѣкоторыя подробности, которыя заставляли меня даже краснѣть. Я все старался узнать ея имя, но нѣтъ,—она не соглашалась мнѣ его сказать. Мы прогуляли болѣе часу вмѣстѣ. Я былъ въ упоеньи, не узнавалъ встрѣчаемыхъ мною моихъ знакомыхъ и чувствовалъ, что невольно начинаю важничать. Начало маскерада, то время, какъ я стоялъ молча у столба и не предвидѣлъ возможности встрѣчи какой бы то ни было, я готовъ былъ разочароваться маскерадомъ, но вотъ это черное домино подошло только ко мнѣ—и маскерадъ сталъ для меня какимъ-то идеаломъ, непонятно-пріятнымъ, восхитительнымъ увеселеніемъ.

— Но поздно, вдругъ прервала меня маска, мнѣ пора.

— Позволь, я тебя проведу,—отвѣтилъ я.

Мнѣ сначала было очень трудно привыкнуть говорить всѣмъ маскамъ *ты*, но я бдительно слѣдилъ за этимъ, чтобъ не проговориться, чтобъ не выказать тотчасъ, что я на первомъ маскерадѣ.

— Нѣтъ, я сама найду дорогу. Я даже прошу тебя не слѣди, за мной. Прощай! На второмъ маскерадѣ здѣсь будешь?

— Буду! едва я успѣлъ ей отвѣтить, какъ она уже скрылась въ толпѣ.

Тутъ еще навстрѣчу шелъ высокаго росту красивый мужчина, въ казацкомъ мундирѣ, съ пристальнымъ, съ чрезвычайно-настойчивымъ взглядомъ. Шапка его съ бѣлымъ перомъ еще больше увеличивала его ростъ. Этотъ султанъ такъ и виднѣлся надъ толпою и невольно всѣ постоянно за нимъ слѣдили. Онъ велъ тоже подъ руку какую-то черную маску, которая ему приходилась только по плечо, онъ смѣялся съ ней, но иногда вдругъ смѣхъ его прерывался и тогда глаза его такъ и упирались въ какую-нибудь сторону. Этотъ взглядъ меня невольно смутилъ, я на минуту позабылъ и свою интригу и маскерадъ и все, а когда онъ прошелъ мимо, я еще поправлялъ себѣ шляпу на головѣ, а уже моей маски не было, она ускользнула, невозможно было ее догнать. Чтожь дѣлать, до другаго разу, въ слѣдующій балъ я непремѣнно буду.

Я оставался еще съ полчаса на балѣ — и помню, что всѣ встрѣчавшіе меня знакомые поздравляли съ интрижкой, спрашивали, кто эта маска? Я постоянно говорилъ, что не знаю ее, и въ то же время старался всѣмъ вскользь слегка замѣтить, что я только не хочу ее назвать.

Былъ еще маскерадъ въ большомъ театрѣ, но я ее тамъ не встрѣчалъ. Наконецъ подошелъ и второй маскерадъ дворянскаго собранія. Цѣлое утро я былъ самъ не свой, все ожидалъ урочнаго часу. За обѣдомъ почти не ѣлъ, хотя я всегда любилъ покушать—все молодость, глупость!

Вечеромъ былъ нарочно въ театрѣ, чтобы провести время, чтобъ оно показалось мнѣ короче. Наконецъ насталъ и 12-й часъ, я почти первый вошелъ въ залу. Музыка еще не начинала играть. Зала стала наполняться народомъ, я весь, преданный своему ожиданію, отвѣчалъ отрывисто всѣмъ моимъ знакомымъ, которые, видимо, подтрунивали надъ моимъ смущеніемъ и догадывались, что я ожидаю свиданья, что впрочемъ заставляло ихъ меня несравненно болѣе уважать. Встрѣча съ женщиною, которую никто не знаетъ, которая покрыта такою таинственностію, всегда чрезвычайно нравится всѣмъ: она какъ-бы ставитъ человѣка—elle le pose, какъ выражаются Французы и наши бонтонные петербургскіе кавалеры.

Но вотъ и она, тотъ же домино, тотъ же пунцовый бантъ на капюшонѣ; она тотчасъ же отыскала меня и мы идемъ вмѣстѣ, я несравненно развязнѣе въ этотъ разъ, я самъ шучу, острю даже—просто не узнаю себя, и она мнѣ кажется какъ-то милѣе, любезнѣе со мною, ея металлическій звучный голосокъ какъ-то особенно вкрадчивъ сегодня, она такъ мило картавитъ букву р—просто невольно заслушаешься. Тутъ подходитъ какая-то подруга ея, она что-то говоритъ ей и хочетъ взять ее въ сторону, но я ни за что не согласенъ отпустить свою маску, какъ можно! та, т. е. подруга, все шепчетъ на ухо что-то моей маскѣ. Меня начинаетъ тревожить этотъ таинственный апарте, я распрашиваю въ чемъ дѣло, и вообразите, узнаю, что это-бѣдная дѣвушка, что къ ней варварски пристаютъ, требуютъ отъ нея за карету, въ которой она пріѣхала. Маска, которая со мною, утѣшаетъ

ее и говоритъ, что они бы подождали—не безпокоились, что она уже сама заплатитъ. Я спросилъ сколько,—всего 5 рублей, я вынимаю тотчасъ же двадцатипятирублевую бумажку и отдаю ее, меня всѣ благодарятъ, и мы снова пускаемся въ даль по галлереѣ, потомъ приходимъ и въ другія залы, тамъ садимся на диванъ и держась рука съ рукой, переходимъ къ разговору самому щекотливому—начинаемъ разбирать значеніе любви.

Но уже становится поздно, я вдругъ рѣшаюсь предложить своей маскѣ поѣхать поужинать къ Дюссо. Я сегодня плохо обѣдалъ, а потому чувствую просто голодъ. Она соглашается, и вотъ мы садимся вмѣстѣ въ мою карету и ѣдемъ.

У Дюссо я взялъ особенную комнату, тамъ меня хорошо знаютъ, стало быть во всемъ угождаютъ. Ужинъ былъ очень хорошъ. Я знаю, что Француженки любятъ раки à la bordelaise, съ перцемъ и съ разными специями, сваренными въ винѣ—да это, кстати, нѣсколько возбуждаетъ. Я поспѣшилъ это заказать; вино было очень хорошее, словомъ, я вознаградилъ свой желудокъ за пренебреженіе мое къ обѣду. Она была удивительно любезна, мила, только,—и это тѣмъ болѣе меня возбуждало,—не соглашалась снять маску, и не хотѣла сказать своего имени, я ужь ее уговаривалъ, упрашивалъ—ни за что. Я предложилъ еще выпить брудершафтъ, послѣ чего надо непремѣнно поцѣловаться. Она согласилась. Этотъ поцѣлуй мнѣ окончательно вскружилъ голову, я ужь не помню хорошо даже, что со мною тутъ сдѣлалось, помню только, что чрезъ нѣсколько времени мы уже давно окончили свой ужинъ, сидѣли рядомъ на диванѣ, голова моя лежала у ней на груди, и маски, зловѣщей маски, уже не было на лицѣ, она упала какъ-то нечаянно, отъ неловкости моего движенья.

Marie, ее такъ звали,—она послѣ этого всего согласилась назвать себя,—не была особенно хороша, еще довольно свѣжее личико—вотъ и все, да еще та извѣстная грація, которою владѣютъ, безспорно, всѣ Француженки, но въ тотъ вечеръ я ее считалъ ангеломъ красоты.

Становилось поздно, Marie это мнѣ замѣтила сама, я бы никогда не подумалъ о томъ. Пора было покончить вечеръ,

возвратиться домой, я взялся ее довезти до ея дому, она сперва никакъ не хотѣла согласиться, потомъ ужь я ее уговорилъ, но съ тѣмъ однако условіемъ, что я только ее довезу до дому, а не войду съ нею на лѣстницу,—нечего дѣлать, я обѣщалъ. Мы подъѣхали къ какому-то высокому пяти-этажному дому, тутъ же не далеко отъ Дюссо, она вышла осторожно изъ кареты, пожала выразительно мнѣ руку, и проговорила: «до слѣдующаго маскерада, не такъ-ли? вы будете?» — «Непремѣнно буду, »почти вскрикнулъ я, и она скрылась въ темнотѣ подъѣзда. Кучеръ тутъ у меня спрашиваетъ: « куда прикажете? » я встрепенулся; « подожди меня здѣсь, » отвѣтилъ я и выскочилъ живо изъ кареты, несмотря на мое обѣщаніе, вошелъ на тотъ же подъѣздъ.

Лѣстница темная, такъ что хоть глазъ выколи, ничего не видать, но я слышу впереди шелестъ платья и все иду за нимъ, все выше и выше поднимаюсь въ темнотѣ, стараясь, чтобъ не услышали моихъ шаговъ, и невольно думаю при этомъ: « высоконько она однако живетъ! »—а все лезу и лезу вверхъ. Наконецъ мы уже взлезли на самый верхъ, она потянула какую-то веревочку, послышался звонокъ, дверь отворилась—и передо мною явилась отвратительнѣйшая, полупьяная, морщинистая фигура съ краснымъ опухшимъ носомъ,—это была кухарка, служанка моей Marie, она держала въ рукѣ какой-то огарокъ сальной свѣчки, который каптилъ и мало освѣщалъ,—достаточно однако, чтобъ меня могли тотчасъ же замѣтить.

— Такъ-то вы держите свое слово? сказала она мнѣ; но я почти не разслышалъ этого упрека, меня разомъ какъ бы обдало холодною водою, видъ этой нищеты здѣсь на чердакѣ, этотъ огарокъ сальной свѣчки, эта пьяная рожа, эта грязь вездѣ вокругъ меня, послѣ того вечера, веселаго, роскошнаго, блестящаго до-нельзя—контрастъ былъ истинно силенъ, я только пожалъ руку Marie и убѣжалъ; спустился мигомъ съ этой лѣстницы, на которую я влезалъ съ такимъ трепетнымъ ожиданіемъ, сѣлъ въ карету и поѣхалъ домой.

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ, не могъ заснуть ни на минуту, все такъ и мерещились мнѣ эти двѣ странно противуположныя картины.

— Ха! ха! ха! послышалось со всѣхъ сторонъ, ты ужъ, можетъ быть, вообразилъ тогда, что и вправду какая нибудь принцесса влюбилась въ тебя и назначила тебѣ rendez-vous.

— Да, смѣйтесь, отвѣтилъ разсказчикъ, смѣйтесь, я вамъ уже говорилъ, что я въ то время былъ молодъ, что я увлекался—мнѣ было только 19 лѣтъ.

— Такъ что жъ, тутъ и кончается твой разсказъ? Не замысловатый же онъ, сказалъ кто-то.

— Терпѣнья, терпѣнья, господа. Это только знакомство мое, а разсказъ теперь впереди.

— Такъ разсказывай же, любезный.

— Дайте хоть выпить стаканъ зельцерской воды — въ горлѣ пересохло: я продолжаю.

— Рано утромъ я былъ уже на ногахъ, мнѣ блеснула вдругъ мысль, я спросилъ свою карету, и напившись чаю, поѣхалъ рыскать по Петербургу.

Еще на-дняхъ я замѣтилъ на Конногвардейскомъ бульварѣ въ нижнемъ этажѣ какого-то невысокаго каменнаго дома, который можетъ быть теперь уже не существуетъ, квартиру. Мой пріятель отыскивалъ себѣ квартиру, я ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ, но эта квартира ему показалась мала, онъ ее не взялъ.

Прежде всего я туда поѣхалъ, взялъ ее и заплатилъ за первую треть впередъ, оттуда отправился я въ гостиный дворъ, накупилъ въ какой-то мебельной лавкѣ довольно мебели, чтобъ порядочно наполнить три комнаты, спальню, гостиную и столовую. Зашелъ тутъ же неподалеку купить ситцу, выбралъ съ синими разводами довольно свѣжій на видъ, но дешевый, взялъ его нѣсколько кусковъ, и отправилъ въ мебельную лавку, гдѣ взялись мнѣ обить купленную мною мебель и сдѣлать занавѣски; я указалъ на квартиру, нанятую мною, и послѣ долгихъ толковъ взялись все приготовить въ два дня; мнѣ непремѣнно хотѣлось все устроить поскорѣе, я спѣшилъ выполнить свой планъ, какъ спѣшитъ всякій молодой человѣкъ.

Пришлось мнѣ еще купить самоваръ изъ аплике, нѣсколько посуды, чайный сервизъ—словомъ все хозяйство, все это

дѣлалось на скорую руку, но я уже такъ и слѣдилъ за всякою мелочью. Меня крайне тѣшили всѣ эти приготовленія. На другой день, когда я удостовѣрился,—что все будетъ непремѣнно готово, я поѣхалъ къ своей Маріе, снова вскарабкался по этой темной лѣстницѣ и нашелъ ее только что готовящеюся выйти. Она принадлежала къ французскому театру, выполняла тамъ какія-то маловажныя роли, приносила платокъ, письмо, была въ числѣ гостей въ нѣкоторыхъ пьесахъ, случалось даже разыгрывала роль какой нибудь напудренной маркизы. Она ѣхала на репетицію, я успѣлъ только съ ней условиться, чтобы обѣдать вмѣстѣ завтра у Дюссо.

Она была очень рада меня видѣть; она боялась, что видъ ея бѣдной квартиры вполнѣ меня разочаровалъ, и не могла надѣяться снова увидѣться со мною. «Завтра, стало-быть, въ 5-мъ часу,—я заѣду за тобою?» Она обѣщала непремѣнно меня ждать; мы сошли съ лѣстницы вмѣстѣ, и она отправилась на свою службу. Я сдѣлалъ только нѣсколько шаговъ по тротуару, и когда она скрылась совершенно за угломъ улицы, снова поспѣшилъ войти на ту же лѣстницу и позвонить въ ея квартиру. Старуха кухарка, которая къ тому же была еще крива,—я это только теперь замѣтилъ,—была крайне удивлена моимъ приходомъ; не теряя много времени, я ей тотчасъ объявилъ мою волю, чтобъ она перебралась на другой день въ означенную мною квартиру, взяла съ собою все, что принадлежитъ ея госпожѣ, не забыла бы ничего, и все это сдѣлала бы въ то время, когда я уѣду съ ея госпожей завтра обѣдать, чтобъ она ни слова не говорила своей госпожѣ объ этомъ, чтобъ она никакъ не промолвилась даже, что за все это она получитъ отъ меня хорошее вознагражденіе, если выполнитъ въ точности мое желаніе.

Старуха сначала ничего не понимала и только мнѣ говорила: «да какъ же, батюшка, это будетъ, какъ же, батюшка?»

Я ее всѣми способами уговаривалъ, объяснялъ, что всѣ счеты въ домѣ я принимаю на себя, что издержекъ никакихъ не будетъ для ея госпожи и все это я толковалъ ей, сидя верхомъ на какомъ-то березовомъ стулѣ съ соломеннымъ переплетомъ, въ темной низенькой комнатѣ на черда-

кѣ. Трудно было объяснить все это толкомъ кривой старухѣ, наконецъ я нашелъ лучшее средство,—вынулъ 25-рублевую бумажку и далъ ей, говоря, что вотъ это на издержки для перевоза вещей, и что вечеромъ, завтра же на квартирѣ, она получитъ еще столько же, если все выполнитъ, какъ я приказываю.

— Слушаюсь, батюшка, слушаюсь! какъ прикажете, все исполню, ни слова не скажу. Только какъ это все, батюшка, сдѣлать?

— Смотри, только не проговаривайся, и не забудь къ 9 часамъ приготовить чай тамъ, на новой квартирѣ, ты все тамъ найдешь.

— Слушаю-съ, батюшка, отвѣтила старуха.

Послѣднее средство, т. е. деньги, убѣдило ее, что тутъ не можетъ быть подлога.

На другой день я цѣлое утро былъ въ хлопотахъ, все бѣгалъ на новую квартиру, чтобы слѣдить за тѣмъ, какъ все устраивается. Обойщикъ сдержалъ свое слово, уже утромъ рано развѣшивалъ занавѣски и квартира принимала весьма порядочный видъ; я еще купилъ кое-какихъ цвѣтовъ, которыми убралъ гостиную, поставилъ въ столовой самоваръ аплике, который такъ и блестѣлъ, окружилъ его чашками, чайникомъ и молочниками, которые я купилъ у Корнилова, приказалъ своему камердинеру, котораго я привезъ тоже сюда, указать все кривой старухѣ, когда она привезетъ всѣ лохмотья бѣдной моей Marie—словомъ, распоряжался всѣмъ.

Насталъ и пятый часъ, я отправился къ Marie, она была уже готова и ждала меня, мы поѣхали тотчасъ же вмѣстѣ, она замѣтила, что я чѣмъ-то озабоченъ сегодня, и спросила у меня даже объ этомъ, но я отдѣлался головною болью; впрочемъ, еще не сойдя совершенно съ лѣстницы, я объяснилъ, что уронилъ свой платокъ у нея и снова вошелъ въ ея квартиру, тутъ въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ я снова напомнилъ кривой старухѣ ея обязанности.

— Слушаю-съ, батюшка, сказала она мнѣ.

— Ты ни слова не говорила своей госпожѣ? спросилъ я.

— Какъ можно, батюшка!—ни слова, ни слова.

— То-то же, теперь поскорѣй прибери все и съ Богомъ!

перевози на новую квартиру, на Конногвардейскомъ бульварѣ, домъ такой-то, знаешь?

— Какъ не знать, я даже записала.

— Тебя тамъ ужъ ждутъ, все тамъ готово.

— Слушаю-съ, батюшка, сейчасъ поѣду, перевезти не долго, не Богъ знаетъ какое имущество.

Я поспѣшилъ воротиться къ Marie, которая меня все ждала у подъѣзда.

Мы отправились къ Дюссо, тамъ обѣдъ былъ уже мною заказанъ. Marie была очень весела, и гораздо менѣе принужденна, чѣмъ въ тотъ вечеръ за ужиномъ, разговаривала со мною, болтала, пила шампанское, словомъ была въ духѣ. Я еще сегодня принесъ ей въ подарокъ золотой браслетъ, какую-то неимовѣрно толстую цѣпь, которая въ то время была въ большой модѣ; этотъ подарокъ еще болѣе развеселилъ ее, но я былъ какъ-то не въ духѣ, безпрестанно поглядывалъ на свои часы, торопливо ѣлъ за обѣдомъ.

Она не понимала, что̀ со мною дѣлается и постоянно шутила надо мною, а я все отговаривался головною болью.

Кончили обѣдъ, но оставалось еще дѣть куда нибудь нѣсколько часовъ. Что̀ бы придумать? Я все боялся пріѣхать слишкомъ рано и не найти все въ порядкѣ.

Мы поѣхали прокатиться въ каретѣ, заѣхали куда-то далеко; а было уже 8 часовъ—настало время критическое.

— Знаешь-ли что, Марія?

— Что такое?

— Вмѣсто того, чтобъ такъ безъ всякой цѣли таскаться по темнымъ улицамъ Петербурга, отправимся къ тебѣ чай пить.

— Ко мнѣ? спросила она, нѣсколько покраснѣвъ.

— Да, къ тебѣ.

— Да вѣдь ты знаешь, что у меня еле можно повернуться, да и не куда сѣсть даже, а, можетъ быть, и чаю-то нѣтъ.

— Ты напрасно это говоришь. У тебя очень удобно будетъ намъ чай пить; что жъ, что нѣтъ особой роскоши, это и не нужно, лишь бы чистыя чашки были да порядочный чай, а чай навѣрно мы отыщемъ у Акулины (такъ звали кривую старуху).

— Полно шутить, mon cher; если ты хочешь чай пить, такъ поѣдемъ куда нибудь въ трактиръ, хотя бы за городъ, это очень весело.

— Нѣтъ, тамъ все такъ неловко, лучше у себя дома.

— У себя? какъ знаешь, отвѣтила мнѣ Marie,—и у тебя можно; она даже обрадовалась этому.

— Нѣтъ, я у себя не могу тебя принять, у меня отецъ живетъ въ томъ же домѣ, неловко; но я тебя увѣряю, что намъ у тебя будетъ всего удобнѣе.

— Когда я тебѣ говорю, что у меня ничего нѣтъ, отвѣтила уже нѣсколько обидчиво Marie.

— Ахъ, Marie, почему же ты это думаешь?

— Какъ думаю?—знаю.

— Ну, хочешь пари?

— Пари? какое пари?

— Пари въ томъ, что у тебя всего удобнѣе намъ будетъ сегодня чай пить.

— Ты вѣрно какую нибудь шутку задумалъ, — отвѣтила мнѣ Marie. Тутъ вѣрно кроется какой нибудь каламбуръ.

— Никакого каламбура тутъ нѣтъ.

Но въ это время карета остановилась у подъѣзда нанятой мною квартиры. Я уже прежде приказалъ своему кучеру сюда ѣхать. Я отворилъ дверцы.

— Куда это мы пріѣхали? спросила меня Marie.

— Увидимъ послѣ, пойдемъ! отвѣтилъ я, помогая ей выйти изъ кареты, и мы вошли на подъѣздъ; я не успѣлъ еще позвонить, какъ двери настежъ отворились, и мы вошли въ эту новую, только-что прибранную квартиру. Лампы, свѣчи—такъ и блестѣли и освѣщали все, все такъ весело смотрѣло на насъ, и самоваръ мною выбранный наканунѣ — производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Бѣлый паръ такъ игриво подымался изъ его крыши, такъ и заманивалъ васъ сѣсть къ столу, который уже былъ накрытъ чистою скатертью и обставленъ чашками, стаканами, тарелками, наполненными сухарями, кренделями и т. д.

Когда Marie сняла свою шубку, я обратился къ ней и спросилъ ее только: что жъ? кто выигралъ пари? удобно-ли будетъ пить намъ чай у тебя сегодня, или нѣтъ?

Она оторопѣла, рѣшительно ничего не понимала, а тутъ подошла Акулина.

— Что, барыня, хорошо-ли все прибрано? спросила она и залилась какимъ-то дребезжащимъ смѣхомъ. Акулина на радостяхъ подгуляла немного.

Marie рѣшительно растерялась, она сперва обѣгала всѣ комнаты, не вѣрила своимъ глазамъ, садилась на мягкія кресла, на диванъ, осматривала свою спальню, находила, къ удивленію своему, даже старое свое тряпье, прибранное уже къ мѣсту, какъ будто она всегда здѣсь и жила, она не понимала какъ это все сдѣлалось. Я оставался все время въ столовой, хотѣлъ ей дать время осмотрѣться, но тутъ Marie вбѣжала ко мнѣ и бросилась, ни слова не говоря и почти рыдая, въ мои объятія. Она не могла бы въ это время придумать словъ и фразъ, чтобъ передать мнѣ свою благодарность.

Лучшей минуты я въ своей жизни почти не помню, — чрезвычайно пріятно видѣть искреннюю радость въ комъ-либо.

Капризъ мой, выходка моя вполнѣ мнѣ удалась, я былъ въ тотъ вечеръ истинно доволенъ собою, не могъ даже удержаться отъ нѣкотораго порыва гордости, я самъ себѣ нравился, я самъ себя хвалилъ,—человѣкъ слабъ, и всегда готовъ захвалить себя при случаѣ.

Съ этого дня я часто проводилъ свои вечера у Marie, она всегда, мнѣ казалось, была такъ довольна, когда я приходилъ. Я ее познакомилъ съ нѣкоторыми моими пріятелями и очень часто мы проводили вмѣстѣ здѣсь весьма пріятные вечера; я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе радовался счастливой своей идеѣ и видѣлъ охотно въ этой жизни какую-то безконечную вереницу самыхъ счастливыхъ дней.

Между моими пріятелями, съ которыми я познакомилъ Marie, былъ между прочимъ одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, князь N.

— А, князь N., который теперь недавно женился? спросилъ кто-то.

— Да, да, именно онъ. Мы были всегда очень дружны съ нимъ, ему моя выходка очень понравилась, сама Marie ему разсказывала ее, и до-того выхваляла меня, что самому мнѣ

становилось совѣстно, хотя извѣстно, никто не прочь выслушать себѣ маленькую похвалу.

Такъ прошло незамѣтно недѣль шесть.

Разъ какъ-то я былъ на вечерѣ, не помню у кого. Былъ большой балъ и я долженъ былъ ѣхать туда съ своимъ отцемъ. Marie меня въ этотъ день еще уговаривала провести вечеръ у нея, но я не могъ согласиться, долженъ былъ непремѣнно быть на этомъ балѣ.

Между тѣмъ балъ этотъ,—какъ и всѣ слишкомъ большіе балы, гдѣ все натянуто, все такъ этикетно, толпа народу, духота, танцовать нельзя, слишкомъ много народу,—былъ довольно скученъ. Притомъ мнѣ хотѣлось еще потѣшить свою Marie и сдѣлать ей сюрпризъ—пріѣхать къ ней невзначай, я остался не долго на этомъ балѣ, который, впрочемъ, какъ всѣ великосвѣтскіе балы, начинался довольно поздно, и въ первомъ часу я оставилъ эту толпу и поспѣшилъ къ своей Marie, рисуя въ своемъ воображеніи всю ея радость, все ея удивленіе при моемъ появленіи.

Доѣхалъ я до ея дому, окна были темны, не было видно никакого освѣщенія, «она вѣрно уже спитъ?» подумалъ я, и позвонилъ. Послѣ нѣкотораго времени дверь отворилась и кривая Акулина показалась; я замѣтилъ на ея лицѣ что-то странное, какъ будто она была сконфужена чѣмъ-то.

— Барыня спитъ, она не такъ здорова, проговорила она, какъ-то нерѣшительно, вамъ бы лучше ее не безпокоить сегодня.

— Она не здорова? что съ ней? и не дослушавъ послѣднихъ словъ Акулины, которая что-то бормотала еще и, видимо, была встревожена и не находила новаго средства меня задержать. Я вошелъ сперва въ столовую, потомъ въ гостиную, Акулина все шла за мною, держа свѣчку въ рукахъ. Я отворилъ двери спальни—и, вообразите, князь N., мой пріятель, тутъ!..

Marie, сконфуженная, въ одной ночной кофтѣ, бросается ко мнѣ, но я ее удержалъ.

— Вы меня не ожидали, сказалъ я, я вамъ помѣшалъ, извините. Потомъ обратился къ своему пріятелю, пожалъ ему руку и только сказалъ: «merci, mon cher, ты

меня избавляешь отъ очень скучной исторіи; мнѣ ужъ эта жизнь начинала надоѣдать». Я зѣвнулъ при этомъ и сталъ вытягиваться, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Что-то спать мнѣ хочется, пора... совѣтую и вамъ то же сдѣлать. Надѣюсь, что ты на меня не сердишься, сказалъ я еще князю N., снова пожалъ ему руку и вышелъ изъ квартиры.

До сихъ поръ еще помню странное выраженіе этой Marie и моего пріятеля: они были оба такъ озадачены, что не нашлись, что̀ мнѣ отвѣтить.

Я возвратился домой, довольный еще разъ собою. тотЭъ первый урокъ далъ мнѣ случай еще болѣе возгордиться, я чувствовалъ, что я становился послѣ этого послѣдняго эпизода *человѣкомъ*, переставалъ быть *мальчикомъ,* и навсегда считалъ себя вылеченнымъ отъ всякихъ идеальныхъ замашекъ, излишнихъ *капризовъ*—польза стало-быть очевидная.

А *капризъ* мой все-таки удался, не правда ли, господа? какъ вы находите? Не надоѣлъ ли я только вамъ своимъ повѣствованіемъ?

Кончилъ нашъ пріятель и закурилъ свою сигару, которая недавно потухла въ пылу его разсказа.

Г. К. Б.

МОСКОВСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

I.

Счастливица была Марья Никитишна, утѣшалась на старости лѣтъ, глядя на двухъ дочекъ своихъ, Лизаньку да Надиньку. Мужъ ея Иванъ Михайловичъ былъ учителемъ въ корпусѣ. Они имѣли маленькій домикъ; сами занимали три комнаты, а остальныя четыре отдавали въ наймы Ивану Ивановичу Говорову, тоже учителю. Прислуги у нихъ только и было, что нянька Марина. Онѣ вмѣстѣ съ барыней и дѣтей нянчили, и кушанье готовили, и стирали. И любили Марину всѣ въ домѣ: ничего не начинали дѣлать, не посовѣтовавшись съ нею.

— Марина, что̀ мы будемъ дѣлать сегодня? говорила Марья Никитишна, сидя за чайнымъ столикомъ. Иванъ Ивановичъ припо̀днималъ голову и дѣти переставали стучать ложками.

— А вотъ уберемъ чашки, я унесу самоваръ въ кухню, Иванъ Михайловичъ пойдутъ на уроки; а я затоплю печку, да и начнемъ стряпать... Что̀ вамъ угодно будетъ покушать, отецъ нашъ родной? продолжала она, обращаясь къ хозяину, и складывая на груди толстыя руки свои, покраснѣвшія отъ жару.

— А что̀, въ самомъ дѣлѣ, будемъ мы сегодня обѣдать? спрашивалъ Иванъ Михайловичъ, обращаясь къ женѣ.

— Что хочешь, другъ мой.

— Лапшу развѣ?

— Лапша была вчера.

— Ну такъ щи.

— Ну вотъ, щи да щи; и такъ два дня ихъ ѣли.

Всѣ замолчали. Никакъ не придумаешь что и готовить, въ раздумьи шептала Марья Никитишна.

— Матушка, барыня, не сдѣлать ли намъ супъ съ потрохами? Намеднись отъ гуся остались лапки да головка, я и спрятала.

— Ай да Марина! вотъ такъ придумала, радостно вскрикивалъ Иванъ Михайлычъ. Съ потрохами, съ потрохами!

— Ты и огурчиковъ накроши.

— Знаю, знаю, матушка,—и Марина самодовольно улыбалась.

За супомъ слѣдовало жаркое; потомъ надо было придумать еще что нибудь, такъ въ родѣ пирожнаго. Наконецъ Иванъ Михайловичъ замѣчалъ, что ему пора идти въ корпусъ. Онъ поспѣшно надѣвалъ форменный сюртукъ, прощался съ женою, крестилъ дѣтей и почти бѣгомъ отправлялся на урокъ. Марья Никитишна шла съ дѣтьми въ кухню, и, посадивъ ихъ на скамейку, начинала помогать Маринѣ. Весело трещали дрова, уже подвинутыя въ глубь печки, и кухарка съ трудомъ ставила ближе къ жару огромный котелъ, наполненный водой.

— Дай, я тебѣ помогу подвинуть, говорила хозяйка.

«Что вы, что вы, мать моя родная! Вамъ ли котелъ такой поставить въ печку!

— Да вѣдь тебѣ тяжело?

«Ни что мнѣ: дѣло привычное... Охъ, охъ, охъ!

— Вотъ и устала.

«Нѣтъ, матушка, не тому, вздохнулось... А вспомнила я, что у сосѣдокъ-то корова пала въ эвту ночь.

— Какая? рыжая?

— Нѣтъ, бѣлянка.

— Ну, слава Богу, что не рыжая; а то жалко было бы, куда жалко!

— Да и бѣлянку жалко. Такая тихая была. Какъ въ поле-то погонятъ, ужъ всегда къ окошку подойдетъ. Му—у—у! и замычитъ; значитъ хлѣбушка дай ей. Такая понятливая была.

— А что съ ней сдѣлалось?

— Не знаю, барыня, такъ Господь Богъ послалъ!.. испытанье должно быть.

— Спаси Господи и помилуй! и хозяйка глубоко вздохнула. Лиза, вымой коренья и наруби ихъ; да осторожно, смотри, пальчики не

обрѣжь. Малютка съ радостью вскакивала со скамейки и принималась за дѣло.

— А я, мама? спрашивала Надя, я тоже умѣю.

— А твой чередъ завтра будетъ, моя маленькая хозяйка.

— Да, матушка, Марья Никитишна, примѣрныя дѣточки, хозяйки будутъ. Ужъ по всему видно, что хозяйки будутъ. Наградилъ васъ Господь Богъ! И Марина, высморкавшись въ уголъ передника, отерла навернувшіяся слезы шейнымъ платкомъ.

— Про будущее кто знаетъ! вздохнувъ сказала Марья Никитишна, и тоже отерла глаза. Дѣти съ недоумѣньемъ смотрѣли на мать свою и няньку.

Объ чемъ онѣ плачутъ? думали будущія хозяйки.

— А что, Марина, не слыхать жильцевъ нашихъ?

— Ивана Ивановича-то?

— Да, Ивана Ивановича. Уже дня четыре не слыхать не видать его. Да и Николя все бывало забѣжитъ.

— Николя учиться пошелъ, тихо прошептала Лиза.

— Куда учиться?

— Куда папа ходитъ.

— Не можетъ быть, ему только десять лѣтъ.

— Нѣтъ, матушка, вотъ съ вешняго Николы двѣнадцатый годокъ пойдетъ ему.

— Неужели?

— Да, барыня, точно такъ, двѣнадцатый годокъ.

— Все-таки рано... И какъ же это ничего намъ-то не сказать?

— Иванъ Ивановичъ говорилъ тебѣ, мама, да ты сосиски покупала у разнощика и не слушала.

— Будто-бы?

— Да, мама, я помню.

— Экая золотая барышня, экая понятливая! все помнитъ! И Марина начала гладить Лизу по головкѣ и, утирая слезы, цѣловать ее.

— А что, Марина, не послать ли Надю къ Ивану Ивановичу узнать объ здоровьи?

— Послать, матушка, отчего не послать, доброе дѣло будетъ.

Надя быстро бросилась къ дверямъ.

— Погоди, куда спѣшишь! дай вытру руки тебѣ... Ишь какъ перепачкалась вся! Марина, умой ее.

— Эхъ, Надежда Ивановна, Надежда Ивановна! а еще барышня!..

и не стыдно такъ перепачкаться? И Марина ворчала все время, покуда не замѣтила, что Надя настолько чиста, что можно послать ее къ Ивану Ивановичу.

Когда возвращался Иванъ Михайловичъ, обѣдъ былъ совсѣмъ готовъ, комнаты убраны. Марья Никитишна въ чистенькомъ чепчикѣ и большомъ драдедамовомъ платкѣ, заколотомъ большой булавкой, накрывала на столъ. Дѣти въ накрахмаленныхъ платьяхъ суетились, подавали тарелки, ложки и дѣлали столько шуму, что Иванъ Михайловичъ, налюбовавшись сначала на будущихъ хозяекъ, наконецъ унималъ ихъ энергическимъ притопываньемъ и словами: «Смирно, ну вы»! И дѣти знали чего требовалось отъ нихъ; расправивъ свои платьица, садились на стулья и молча слушали, какъ отецъ ихъ разсказывалъ новости.

Послѣ обѣда Иванъ Михайловичъ и Марья Никитишна ложились отдыхать. Марина еще долго возилась въ кухнѣ, мыла тарелки, чистила посуду. Дѣти часа на два оставались на свободѣ. Тихонько, на цыпочкахъ прокрадывались онѣ въ корридоръ, оттуда на небольшой дворъ, обнесенный высокой стѣной. Тамъ садились онѣ на крылечко и начинали играть.

— Я буду барыня, говорила Надя.

— А я Марина А это будутъ дѣти твои, говорила Лиза, показывая на куколъ. — Что прикажете стряпать сегодня?

— Ужъ, право, не знаю. И Надя, какъ можно важнѣе, закидывала голову.

И дѣти повторяли то, что происходило у нихъ всякій день.

Такую-то жизнь вели Иванъ Михайловичъ и Марья Никитишна. Такъ-то росли Лиза съ Наденькой. Умеръ отецъ. Марья Никитишна долго плакала; но не забыла приготовить пирогъ на славу; не забыла позвать всѣхъ друзей и знакомыхъ. А потомъ все пошло по прежнему. Только съ каждымъ годомъ и было у нихъ перемѣнъ, что дѣвочки росли и хорошѣли; а Марья Никитишна и Марина морщились, горбились и все больше и больше жаловались на погоду.

II.

Покоили дочки мать свою на старости лѣтъ, ни до чего не допускали ее. Одну недѣлю смотритъ за хозяйствомъ Лизанька, а дру-

гую недѣлю въ кухню идетъ Наденька; впрочемъ Лиза больше по хозяйству любила. Шить была мастерица. Что бывало ни возьметъ: платье или чепчикъ, ночь просидитъ, а обновку сдѣлаетъ. И Надя умѣла работать, да только не охотно какъ-то. Она больше любила книги читать, пѣть, играть на форте-піано. А ужъ пѣла какъ! даже жилецъ ихъ Иванъ Иванычъ Говоровъ куда старъ былъ да и тотъ заслушается; да еще самъ подпѣвать станетъ. Вотъ Надя ему и скажетъ: Не мѣшайте мнѣ, Иванъ Иванычъ, вы меня съ такту сбиваете. А онъ ей: Надежда Ивановна, право не могу, такъ душа и просится! Мастерица была Наденька! Только одно не нравилось Марьѣ Никитишнѣ: бывало какъ Наденька достанетъ у знакомыхъ книгу какую нибудь, романъ или повѣсть, такъ ея и не дозовешься. Сядетъ на большой диванъ, такъ уютно, покойно; подъ головку подушку положитъ, да и начнетъ читать. Читаетъ, читаетъ, да и задумается. Что, еслибы все это съ ней случилось? и сердце у нея такъ и замираетъ, и такъ хорошо ей.

Николя, племянникъ Говорова, еще маленькій бывало игрывалъ съ ними; да и послѣ, какъ въ офицеры вышелъ, точно родные жили. Сестры даже его братомъ называли. Бывало, товарищи зовутъ его куда погулять, а онъ отвѣчаетъ, некогда мнѣ. Да что ты дѣлаешь, почему некогда? Садъ устраиваю. Вотъ и пристали къ нему: покажи да покажи, что за садъ у тебя? Отмалчивается, отнѣкивается, да нечего было дѣлать. Одинъ разъ товарищъ его Тусковъ пришелъ къ нему, не засталъ въ комнатѣ, спрашиваетъ у дяди: гдѣ Николя?

— Въ саду вѣрно работаетъ.

— А можно пойти въ садъ?

— Можно, можно. Вотъ вы пройдите черезъ дворъ, такъ налѣво за сараемъ и будетъ садъ,

— Вотъ онъ садъ-то завѣтный, подумалъ Тусковъ.

— Вы меня извините, прибавилъ старикъ, проводилъ бы васъ, да слабъ сталъ. А время было послѣ обѣда: конечно ему отдохнуть хотѣлось.

— Ничего-съ, ничего, я самъ найду, какъ можно, не безпокойтесь. И Тусковъ спѣшилъ выйти; сбѣжалъ съ крыльца; дворъ небольшой, разомъ оглядѣть можно. Направо погребъ безъ оконъ, съ одной дверью. Налѣво огромная яма, прикрытая досками. Куры ходятъ и поклевываютъ букашекъ. Дальше сарай, покосившійся на одну сторону; на крышѣ ростетѣ травка и грибы. За сараемъ тянется вы-

сокій заборъ; сквозь щели виденъ огромный соседній дворъ. Звонкіе голоса раздаются неподалеку.

Сделавъ два шага, Тусковъ увиделъ между сараемъ и заборомъ небольшой уголокъ, красиво отделанный цветами. Николя усердно вскапывалъ одну изъ куртинъ. Лиза мела дорожки, узенькія, въ полъаршина. Надя подвязывала цветы тонкими мочалками. Все были заняты работой и Тусковъ, никемъ не замеченный, любовался на милую картину. Стена сарая и заборъ были покрыты хмелемъ и другими вьющимися растеніями. Высокія деревья росли по ту сторону забора и перевешиваясь густыми ветвями, скрывали этотъ красивенькій уголокъ отъ палящаго солнца. Две молодыя девушки, въ простенькихъ, но изящныхъ костюмахъ, отбросивши светскій этикетъ, весело работали, безъ кокетства, безъ мысли нравиться.

Счастливецъ Николя! подумалъ Тусковъ.

— Что же мы замолчали? спросилъ Говоровъ. Ну, Надежда Ивановна, спойте намъ песенку, русскую, веселую. Легче работать будетъ.

И Надя запела:

Съ радости—веселья
Хмелемъ кудри вьются.

Звонко раздавалось пеніе Нади. Далеко неслись веселые, удалые звуки. Разгорелись щеки ея. Кончила петь, а сама задумалась. Сидитъ на земле и мочалки на коленяхъ лежатъ; а сама смотритъ на цветокъ, точно видитъ въ немъ что-то.

— Что ты сестрица, задумалась?

— Я? И Надя встрепенулась, поглядела на сестру, улыбнулась и опять запела:

Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дело;
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспело.

И она снова начала подвязывать цветы.

— Здравствуй, Николя, сказалъ Тусковъ, подходя къ маленькой решетке, отделяющей садикъ. Извините, прибавилъ онъ, обращаясь къ молодымъ девушкамъ, что я пришелъ безъ позволенья...

Сестры вѣжливо поклонились ему и просили войдти и сѣсть на скамейку, которая была устроена въ садикѣ. Николя было сконфузился, что товарищъ засталъ его за такимъ занятіемъ; онъ боялся насмѣшекъ; но Тусковъ самъ взялъ лопату и усердно сталъ помогать ему. Весело шло время и они не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ.

Марья Никитишна отдохнула послѣ обѣда, встала, велѣла Маринѣ поставить самоварчикъ; а сама накинула на себя платокъ и пошла посмотрѣть на дѣтей. На крыльцѣ сидѣлъ старикъ Говоровъ.

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ!

— Ахъ, Марья Никитишна, вѣрно погулять вышли. Здравствуйте, здравствуйте! Ужъ что за времячко стоитъ, что за погода! И меня старика потянуло изъ комнаты... А молодежь-то наша въ саду работаетъ.

Веселый смѣхъ доносился до нихъ.

— Пускай веселятся, сказала Марья Никитишна, усаживаясь на ступеньки.

— И Николя мой тамъ, все работаетъ. Сегодня утромъ въ какую рань всталъ, все палочки окрашивалъ въ зеленую краску; я говорилъ ему: къ чему самому пачкаться, можно заказать лучше. А онъ говоритъ мнѣ: нѣтъ, дяденька, мы дали другъ другу слово ничего не покупать и никого не нанимать, а самимъ все работать. Ха, ха, ха, ха! молодость, молодость!..

— Ну, пускай ихъ занимаются, покуда весело. А ужъ какой скромница!

— Кто, матушка?

— Николай Петровичъ-то. —

— Ужъ скромница, матушка, скромница, что твоя красная дѣвушка! Да вотъ, Марья Никитишна, скажу вамъ... весь въ отца вышелъ. Какъ теперь помню брата... Охъ, молодъ умеръ онъ, — царство ему небесное... И старикъ перекрестился.

— Всѣ умереть должны.

— Да, правда ваша, всѣ умереть должны... Охъ!.. Да я про брата заговорилъ. Онъ моложе былъ меня, красивый такой, добрый... Особенно хороши глаза у него были...

И старикъ замолчалъ, припоминая прошлое.

— Что же онъ рано женился? спросила Марья Никитишна.

— Рано, матушка, рано. Только эполеты золотые надѣлъ, да и женился на молоденькой такой. Жена его не такъ была хороша

изъ себя, какъ воспитана была хорошо; скромница, рукодѣльница; вотъ ни дать ни взять Лизавета Ивановна.

Марья Никитишна улыбнулась.

— Право—ну какъ Лизанька! Ужъ такая хозяйка была. Приданое богатое было: двѣсти душъ незаложенныхъ... А усадьба какая! Да не долго поцарствовали, не долго порадовались... Сперва она умерла, а потомъ и Петруша вскорѣ Богу душу отдалъ!.. И старики перекрестились.

— Царство имъ небесное!.. А Николя великъ былъ тогда?

— Николя?—Годка два было ему. Я и взялъ его къ себѣ... И не женился больше изъ-за него... Такъ полюбилъ мальчугана, что и не надо было ничего. Бывало, сидишь цѣлый день съ нимъ: лодочки дѣлаешь, коробочки, удочки. Ну, разныя затѣи; только бы позабавить его; потомъ самъ его читать и писать выучилъ... Да вотъ задумалъ въ корпусъ отдать, и пріѣхалъ въ Москву. Мы съ вашимъ мужемъ товарищи были, еще вотъ съ какихъ лѣтъ.

Старики замолчали. Оба вспомнили лучшіе годы, лучшее время своей жизни.

— А что, матушка, Марья Никитишна, спросилъ Говоровъ несмѣлымъ голосомъ. Что, еслибы..

— Еслибы...

— Мы съ тобой породнились.

Въ это время изъ-за сарая выходили молодые люди. Впереди шла Надя съ Тусковымъ; а за ними Лиза и Николя, положивъ на плечи садовые инструменты. Марья Никитишна взглянула на красивую группу.

— Еслибы Лизавета Ивановна да пошла бы за Николю, продолжалъ старикъ.

— А почему-же нѣтъ... Суженаго конемъ не объѣдешь... Никто не знаетъ, что ждетъ насъ за порогомъ? проговорила ласково старушка, идя навстрѣчу дочерямъ своимъ.

III.

Весело было въ домѣ Марьи Никитишны; день проходилъ за днемъ, вечеръ за вечеромъ; некогда было уже смотрѣть за садомъ; сестры шили себѣ приданое... Веселыя пѣсни, смѣхъ, говоръ, раздавались

въ маленькой гостиной... Только Надя иногда задумывалась... Что-то ждетъ меня? думала она, буду ли счастлива?.. Привыкнувъ къ простой жизни, теперь она вступала въ свѣтъ, который знала только по книгамъ.

Владиміръ Степановичъ Тусковъ, женихъ ея, былъ товарищъ Николи. Они вмѣстѣ учились въ корпусѣ, въ одинъ годъ окончили курсъ и поступили на службу: Говоровъ въ одинъ изъ полковъ расположенныхъ въ Москвѣ а Тусковъ въ гвардію. Онъ былъ богатъ и единственный наслѣдникъ своихъ дядей и тетушекъ, которые были, большею частію, знатные и богатые. Съ дѣтства привыкнувъ уважать чины и деньги, онъ въ нихъ только видѣлъ счастье. Несмотря на то, онъ любилъ покутить и подъ-часъ увлекался хвастовствомъ, чтобы не отстать отъ товарищей... И жизнь ему улыбалась во всемъ. Для полнаго комфорта ему недоставало жены хорошенькой, умной, богатой... И вотъ онъ сталъ искать невѣсты; не пропускалъ ни одного великосвѣтскаго бала, слѣдилъ за всѣми, наблюдалъ; но не нашелъ ни одной, которая бы выдѣлялась изъ толпы, и приковывала къ себѣ вниманіе свѣта. Правда, было нѣсколько такихъ но онѣ слишкомъ далеко стояли отъ него по общественному положенію и могли расчитывать на лучшую партію. Тогда, разочарованный въ Петербургѣ, онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Москву. Случайно онъ увидалъ Надю и въ немъ проснулось новое чувство, въ которомъ онъ самъ сначала не отдавалъ себѣ отчета. Все чаще и чаще сталъ онъ посѣщать Марью Никитишну; просиживалъ цѣлые вечера съ Надей, засматривался на ея хорошенькое личико, увлекался ея остроуміемъ, заслушивался ея пѣсенъ... Что, еслибы она была богата? зачѣмъ она дочь учителя?... И онъ старался переломить себя. Дня два просидитъ въ своей комнатѣ и опять поѣдетъ къ Надѣ.

Что же, я скрою кто она; найму ей учителей; возьму въ домъ Француженку и, право, черезъ годъ, не больше, всѣ позавидуютъ мнѣ... И вотъ онъ сдѣлалъ предложеніе. Марья Никитишна пришла въ восторгъ; она не ожидала такой блестящей партіи для дочери и не спросила даже Надю, согласна ли она выйдти замужъ за Тускова. Какая ты глупая! говорила мать, чего же тебѣ надо еще? смотри, онъ на приданое денегъ даетъ, значитъ любитъ тебя; а какой ты барыней жить-то будешь!.. Всѣ позавидуютъ тебѣ. Вотъ порадовалъ Господь Богъ на старости лѣтъ! утѣшилъ!.. И при этомъ она вспоминала, что еслибы ея мужъ, Иванъ Михайловичъ былъ живъ, то-то ра-

дость бы была!.. и всплакнетъ Марья Никитишна и начнетъ обнимать дочекъ своихъ: сиротки счастливыя! не оставляетъ насъ милосердый Создатель!

Тусковъ принялся еще до свадьбы за преобразованіе невѣсты. Намекалъ ей, что надо оставить плебейскія манеры и привычки.

Ты, душа моя, хороша, мы имѣемъ положеніе въ обществѣ, богаты; надо пользоваться своимъ состояніемъ. Наблюдай за другими и живи сама такъ же. Надо, другъ мой, возвыситься до того, чтобы никто не смѣлъ упрекнуть родню нашу, что я женился на дочери бѣднаго учителя.

— Зачѣмъ же вы женитесь на мнѣ? спрашивала Надя обиженнымъ тономъ.

— Я люблю тебя, потому и женюсь; но все-таки мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты была первая на вечерахъ нашихъ!.. и онъ цѣловалъ руки ея, ласкалъ, привозилъ наряды и Надя свыклась съ новой обязанностью. Она цѣлые дни заучивала свѣтскія фразы и манеры, которыя знала только по книгамъ; придумывала граціозныя позы, красивые наряды. И когда въ первый разъ явилась она въ великосвѣтскомъ кругу съ мужемъ своимъ, шепотъ восторга несся за ними. Правда, нашлись и такіе, которые дерзко говорили вслухъ, что она не имѣетъ права на такой пріемъ, что она дочь учителя-бѣдняка. Но кто могъ повѣрить такой клеветѣ, взглянувши на эту неприступную красавицу? а кто и вѣрилъ, такъ и тѣ преклонялись предъ нею, глядя на другихъ. И Надя знала это. Довольная собой и окружающимъ, она была счастлива. Скоро Надежда Ивановна забыла ту тихую, однообразную жизнь, которую вела она дома, и такъ сроднилась съ новой жизнью, что забыла прошедшее и жила только настоящимъ.

Рожденье Вѣрочки не измѣнило жизни Тусковыхъ. Отдѣливши двѣ комнаты, они наняли кормилицу и няньку Англичанку и предоставили на ихъ попеченье ребенка. Когда умерла Марья Никитишна, Надя съѣздила на похороны матери. Лизавета Ивановна, огорченная потерей, не замѣтила перемѣны въ сестрѣ. Отъ природы добрая и простая, она не понимала другой жизни, кромѣ тихой семейной. Надѣ тоже было не до разсказовъ. Она спѣшила въ Петербургъ на балы и вечера.

Время шло. Выѣзды, наряды прискучили, утомили ее. Прежній румянецъ пропалъ; но матовая блѣдность, покрывавшая ея хорошенькое личико, дѣлала ее еще интереснѣе. Она начала разыгрывать роль боль-

ной. Въ великолѣпномъ капотѣ, полулежа на кушеткѣ, принимала она гостей... Потомъ поѣхала за границу, была на Кавказѣ; но все не могла поправить свое здоровье, какъ увѣряла она. И въ нравственномъ отношеніи она не поправлялась; только приняла другую роль: нѣжной, любящей матери. Нарядила пятилѣтнюю Вѣрочку по послѣдней модной картинкѣ. Научила ее входить, присѣдать, улыбаться. И вотъ Вѣра повсюду съ матерью: на гуляньяхъ, въ гостяхъ, въ ея будуарѣ. У Вѣры гувернантка; Вѣру учатъ танцовать, пѣть... И что за понятливый былъ ребенокъ!—все переняла. И Вѣра сдѣлалась необходимостью Надежды Ивановны, ея лучшимъ украшеніемъ. И чѣмъ болѣе въ этомъ ребенкѣ изглаживалось все дѣтское, чѣмъ болѣе она дѣлалась модной игрушкой, свѣтской актрисой, тѣмъ болѣе восхищалась ею мать. Она устраивала для нея дѣтскіе балы, домашніе спектакли, гдѣ, разумѣется, главную роль играли большіе.

Несмотря на богатство Тусковыхъ, такая жизнь не могла долго продолжаться. Скоро все имѣнье было заложено. Долги возрастали; приходилось поневолѣ пуститься на экономію. Горничная Француженка была отпущена и хотя на мѣсто ея поступили двѣ Русскія, но Надежда Ивановна не могла безъ волненья вспомнить о своемъ пожертвованіи, сдѣланномъ, какъ говорила она, изъ любви къ мужу. Надо было отказывать себѣ во всемъ; а роскошь вошла въ привычку, въ необходимость. Надежда Ивановна и не понимала, какъ можно жить иначе.

Я и рада бы, другъ мой, твердила она мужу; но вѣдь такъ принято въ свѣтѣ... Мужъ въ отчаяніи рвалъ волосы свои, топалъ ногами, осыпалъ жену ругательствами, упреками. «Нищей взялъ тебя»! кричалъ онъ. Надя падала въ обморокъ, билась, плакала. И обновы покупались, и она выѣзжала на вечера и балы всякій день.

Время шло и наконецъ имѣнье ихъ назначили въ продажу. Какъ громомъ поразило Тусковыхъ это объявленіе... они все надѣялись. Надя цѣлый день просидѣла въ спальнѣ, никого не принимала; даже Вѣрѣ было объявлено, что *maman* нездорова. Во всемъ домѣ царствовала тишина. Прислуга собралась въ дѣвичей и таинственно перешептывалась.

А Надежда Ивановна между тѣмъ плакала въ своей комнатѣ, Тускову нечего было надѣвать маску предъ женою; да и къ-чему? Онъ былъ у всѣхъ родныхъ, просилъ помощи, сулилъ огромные проценты,—ничего не помогло, всѣ отказали, всѣ нуждались.

— Намъ остается одно: уѣхать куда нибудь, говорилъ онъ; я не

могу остаться въ Петербургѣ, я не перенесу униженія. Прежнее знакомство невозможно поддерживать, средствъ нѣтъ.

— Куда же уѣхать? въ отчаяніи спрашивала Надя, оставить Петербургъ ужасно! Что ждетъ дочь нашу? заглохнетъ гдѣ нибудь въ глуши, въ бѣдности...

И вотъ Тусковы вспомнили про Говоровыхъ. Уже давно Лизавета Ивановна звала ихъ гостить къ себѣ. У нея свой домъ, садъ... правда, въ Москвѣ жить скучно, прійдется видѣть прежнихъ знакомыхъ; но теперь ничего не оставалось дѣлать, и Надежда Ивановна рѣшилась ѣхать къ сестрѣ съ дочерью и гувернанкой. Тусковъ по дѣламъ остался въ Петербургѣ.

Надежда Ивановна надѣялась даже, что Говоровы выкупятъ ихъ имѣнье.

— Дѣтей у нихъ нѣтъ, говорила она, умрутъ—все такъ останется. Вотъ люди-то!—повеселиться, пожить не умѣютъ!

И Тусковы, увлекаясь золотыми надеждами, забыли горе свое и хохотали отъ души, вспоминая Лизавету Ивановну съ засученными рукавами въ кухнѣ и Николая Петровича въ ваточномъ халатѣ.

IV

Въ небольшой, но прекрасно убранной комнатѣ, на мягкомъ диванѣ лежалъ Николай Петровичъ Говоровъ. Онъ только-что пообѣдалъ и легъ немного отдохнуть. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ постоянно послѣ обѣда, выкуривъ трубку, отправлялся въ свой кабинетъ, снималъ сюртукъ и надѣвъ великолѣпный шелковый халатъ, подаренный ему женою его Лизаветою Ивановною, важно ложился на диванъ...

Ужъ какъ я усталъ, говоритъ онъ потягиваясь, отдохнуть надо, и глаза его полузакрывались въ сладкой дремотѣ. Мѣрно стучалъ маятникъ небольшихъ столовыхъ часовъ: чикъ-чикъ, чикъ—чикъ, раздавалось въ ушахъ его и Говоровъ машинально повторялъ: чикъ-чикъ, чикъ-чикъ. «А почему же, думалъ онъ, первое чикъ звучнѣе какъ-то, а второе тише?.. а?».. И онъ открылъ глаза и взглянулъ на часы, которые стояли посреди большаго письменнаго стола, наполненнаго разными бездѣлушками. Николай Петровичъ смотрѣлъ и думалъ, покачиваясь подъ металлическіе звуки. Маятникъ

качался, стрѣлки двигались по блестящему циферблату, и Николай Петровичъ тихо прихрапывалъ; даже голова его свѣсилась съ подушки. На кругломъ лицѣ его, съ двойнымъ подбородкомъ, яснѣло спокойствіе, довольство. Ему снился огромный сладкій пирогъ, сдѣланный самой Лизаветой Ивановной; корочки были такія сдобныя, зарумяненныя, варенье сочное, сладкое... Счастливецъ былъ Николай Петровичъ!

Марья Никитишна умерла черезъ два года послѣ ихъ свадьбы. Скоро и дядя умеръ. Потужили Говоровы, поплакали; а потомъ все пошло по старому. Домикъ, который выстроили они, былъ теплый, покойный, со всѣми удобствами; и садъ большой, и огородъ, и сарай для экипажей, и лошадей четверня... Но не любили Говоровы хвастаться богатствомъ своимъ. Вечеровъ не дѣлали; а когда кто пріѣдетъ, безъ хлѣба—соли не отпустятъ, накормятъ. «Мы москвичи», говорили они. Лизавета Ивановна была такая скромница, любила дома посидѣть, надѣнетъ простенькое, чистенькое платье, да заплететъ косы, да разложитъ ихъ кольцами, такъ не надо ей никакихъ уборовъ, и такъ всѣ засматривались; а Николай Петровичъ только потираетъ ладони, да тихо, такъ тихо и засмѣется. Десять лѣтъ прожили они, наглядѣться не могли другъ на друга. Недоставало имъ только дѣтей. Бывало поѣдутъ въ гости къ кому нибудь—а тамъ малютки, да еще хорошенькія, рѣзвятся, бѣгаютъ. «Тетя, тетя, кричатъ ей, дай гостинца». И начнетъ Лизавета Ивановна цѣловать ихъ, ласкать, а сама думаетъ: «кабы у меня были такіе же!» Взглянетъ на мужа, а тотъ тоже глядитъ на нее; вздохнутъ оба и пойдутъ домой. И не хочется имъ въ гости въ другой разъ. А ужъ какая хозяйка была Лизавета Ивановна! рукодѣльница: все умѣла сшить; за грѣхъ почитала платить портнихамъ. «Умѣю все сдѣлать—да буду кланяться другимъ?!». И сидитъ бывало, да шьетъ и себѣ и мужу. А въ праздникъ нарядится и пойдетъ къ обѣднѣ; встанутъ съ мужемъ направо у клироса, и молятся. Все дѣточекъ вымаливали у Бога. Ужъ они и свѣчки ставили, и молебны служили, и ко святымъ мѣстамъ ходили... Богомольные были они.... Окончится обѣдня, Говоровы пойдутъ домой, а по дорогѣ зайдутъ въ пансіонъ, который былъ на той же улицѣ. Здравствуйте! здравствуйте! И воспитанницы окружатъ Лизавету Ивановну, цѣлуютъ ее, обнимаютъ. «Вы за Машенькой пришли? Ахъ, счастливица какая!» А Говоровы стоятъ и улыбаются.

— Чѣмъ же Машенька счастливица? спрашиваютъ они.

«Да вотъ домой идетъ; а мы все здѣсь сидимъ; никто насъ не беретъ къ себѣ.

— Да почему же?

«Никого у меня нѣтъ родныхъ въ Москвѣ!» отвѣтитъ одна. «Мы далеко живемъ!» скажутъ другія; а иныя вздохнутъ только.

И жалко Лизаветѣ Ивановнѣ ихъ; и хочется ей приголубить всѣхъ, утѣшить: «Не горюйте, скажетъ она, я вамъ гостинца пришлю». И обрадуются всѣ, зашумятъ. «Тише, дѣти, тише, не шумите; придетъ классная дама, накажетъ васъ... А классная дама и въ самомъ дѣлѣ идетъ, серьезная такая, важная; взглянетъ только, скажетъ: «Mesdames!» и всѣ затихли, присмирѣли. А вотъ идетъ и Машенька, хорошенькая, розовенькая, веселая; цѣлуетъ руки у Лизаветы Ивановны, благодаритъ. А у Лизаветы Ивановны и слезы на глазахъ. «Еслибы это была дочь моя!» думаетъ она. Милая дочка моя, шепчетъ Говорова. Маменька! отвѣчаетъ дѣвушка, и обѣ понимаютъ другъ друга.

Машенька была сирота. Братъ ея, Михаилъ Алексѣевичъ Варенцовъ, жилъ на хлѣбахъ у Говоровыхъ и занималъ ту самую комнату, гдѣ прежде жилъ Иванъ Ивановичъ.

Родные умерли, не оставивъ имъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ совѣтовъ, какъ напримѣръ: «молитесь Богу, не лѣнитесь ходить въ храмъ Божій, почитайте старшихъ, учитесь», и т. д.; и Варенцовъ учился, сперва въ гимназіи роднаго города, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь случайно онъ поселился у Говоровыхъ и благодарилъ судьбу, найдя такихъ хозяевъ. Окончивъ курсъ, онъ получилъ дипломъ на званіе домашняго учителя и началъ давать уроки. Мало по малу онъ сталъ обзаводиться необходимыми вещами. Говоровы не брали съ него за квартиру, а дадутъ ему какую нибудь бумагу переписать—да и зачтутъ потомъ. А Лизавета Ивановна даже сама рубашекъ ему нашила. Горе и заботы положили глубокіе слѣды на всей наружности Варенцова. Большіе глаза его смотрѣли какъ-то серьезно, брови были сдвинуты, лобъ покрытъ морщинами, глубокая полоса проходила отъ носа къ краямъ рта, щеки были впалыя, насмѣшливая улыбка не сходила съ лица его. Онъ не довѣрялъ людямъ, боялся ихъ, избѣгалъ общества и цѣлые дни просиживалъ за книгами. Науки были для него всѣмъ: и другомъ и средствомъ къ существованію. Сестру свою Варенцовъ отдалъ въ пансіонъ, гдѣ давалъ за это уроки. По

воскресеньямъ онъ бралъ ее къ себѣ. Дѣвочка понравилась Лизаветѣ Ивановнѣ. Мечтая имѣть дочь рукодѣльницу и хозяйку, Говоровы привязались къ сироткѣ и неиначе называли ее, какъ своей дочерью.

Вотъ какъ придутъ домой Говоровы, поздравятъ другъ друга съ праздникомъ и сядутъ за большой круглый столъ: кухарка несетъ самоваръ, вычищенный, свѣтлый такой; поставитъ на подносъ, отойдетъ къ сторонкѣ, да и поклонится низко, прениэко.

— Здравствуйте, скажетъ, съ праздникомъ-съ!

— И тебя также! привѣтливо отвѣтятъ хозяева.

Лизавета Ивановна начнетъ дѣлать чай; а самоваръ-то такъ и кипитъ.

Придетъ и Варенцовъ; поздоровавшись, сядетъ около стола и ужъ какъ не отказывается, а долженъ выпить хоть одинъ стаканъ. «Мнѣ нѣтъ дѣла, что вы пили у себя въ комнатѣ, говоритъ добродушная хозяйка, тамъ вы сами по себѣ, а теперь съ нами».

Вотъ и сидятъ и разговариваютъ: какую проповѣдь говорилъ священникъ, какое евангеліе читали у обѣдни; много ли было народу въ церкви. Лизавета Ивановна всегда пересчитаетъ сколько дѣтей пріобщали; кто кричалъ, кто капризничалъ, и кто велъ себя такъ хорошо, что любо смотрѣть было. «Хоть бы у насъ были такіе же, не желали бы лучше!» скажетъ это и замолчитъ, и думаетъ: «за что это Господь Богъ меня наказываетъ?». А иногда и вслухъ выскажетъ мысль свою.

— Любя наказываетъ! дружочекъ, любя наказываетъ! утѣшаетъ ее Николай Петровичъ. Это онъ хочетъ испытать насъ, вѣру нашу. Ты слышала, что батюшка-то у обѣдни читалъ!... И пойдутъ за этимъ тексты.

Лизавета Ивановна замолчитъ, а все думаетъ: хорошо было-бы, еслибы у ней родилась дѣвочка, хорошая, скромница,—хозяйкой бы сдѣлала, всему сама бы научила, а ужъ не взяла бы мамокъ да гувернанокъ; за каждымъ шагомъ смотрѣть бы стала.

Но не давали Лизаветѣ Ивановнѣ задуматься очень: только-что чай отопьютъ, какъ отворится дверь—и Ѳекла стоитъ на порогѣ и смотритъ на барыню. Увидитъ ее Николай Петровичъ—и усмѣхнется, а Лизавета Ивановна встанетъ и пойдетъ въ кухню: «надо распорядиться по хозяйству!» скажетъ она.

— Знаю, знаю, вѣрно пирогъ дѣлать! и Николай Петровичъ засмѣется.

«Да пожалуй еще сладкій! прибавитъ Михаилъ Алексѣевичъ.

— Вѣстимо сладкій—сегодня праздникъ.

И пойдетъ Лизавета Ивановна, засучитъ рукава, надѣнетъ фартукъ и начнетъ тѣсто мѣсить, желтое такое, сдобное; сдѣлаетъ пирогъ и для себя и для людей; разукраситъ рѣшетками разными, яйцомъ подмажетъ. А какъ положитъ на листъ, отойдетъ шага на два, да и поглядитъ: «хорошо кажется?» самодовольно скажетъ она.

— Мастерица, мастерица, золотыя руки, дорогая хозяйка!.. Господи Іисусе Христе... И Өекла, перекрестившись, возьметъ листъ съ пирогами и всунетъ въ натопленную печь.

Постоитъ еще немного Лизавета Ивановна, осмотритъ, хорошо-ли все, и пойдетъ въ комнаты; а тамъ гости пріѣхали.

Такъ время и идетъ, тихо, безъ особенныхъ радостей, да и горя не было у нихъ. Свыклись они съ той безмятежной, семейной жизнью: чай, да пироги, да отдыхъ; а тамъ обѣдъ, и опять отдыхъ. Въ праздникъ пойти къ обѣднѣ, изрѣдка поѣхать въ гости, а въ будни работать...

Вечеромъ придетъ Михаилъ Алексѣевичъ съ уроковъ, принесетъ книгу какую-нибудь, да и начнетъ читать вслухъ. Николай Петровичъ закуритъ трубку и ляжетъ на диванъ, и слушаетъ. Лизавета Ивановна сидитъ за работой и тоже слушаетъ, внимательно такъ, а сама все работаетъ. Работаетъ она, да и задумается. Вотъ мало по малу все окружающее сглаживается предъ ея глазами, и ей представляется ея прошлое. То ли была она въ дѣвушкахъ? и ей не были чужды стремленія, желанія, завѣтныя мечты!.. она бывало, стоя предъ зеркаломъ, смотритъ на свои чудные голубые глаза, распуститъ волосы и начнетъ обвивать голову свою фантастическими кольцами, и думаетъ: я лучше Нади, лучше другихъ... А тамъ она слышитъ голоса. Это пришелъ онъ, Николя. Понравлюсь ли я ему сегодня?—и сердце замираетъ. «Лиза!» кричатъ ей... она бѣжитъ; входитъ въ гостиную; предъ ней стоитъ Говоровъ... золотыя эполеты блестятъ... Онъ ловко раскланивается; говоритъ ей комплименты.... она краснѣетъ... А предложенье его... свадьба... балы....

— Лизочекъ, не пора ли намъ чайку напиться? говоритъ зѣвая Николай Петровичъ.

Трубка его давно погасла и онъ даже вздремнулъ немного. «Не

интересно пишутъ въ наше время, говоритъ онъ, какъ будто въ свое оправданіе. На что намъ знать какъ люди страдаютъ? только сердце надрывается... У всякаго своего горя много... Написали бы что-нибудь веселенькое.»

— Чтóже вы хотите веселенькое, Николай Петровичъ, смѣясь возражалъ Варенцовъ. Вѣдь въ книгахъ пишутъ то, что въ жизни бываетъ... Что-жъ дѣлать, что намъ скучно...

— Эхъ вы, господа ученые! скучно! А почему скучно? жить вы не умѣете.

— Будетъ вамъ спорить, говоритъ Лизавета Ивановна, вотъ и самоваръ принесли; пойдемте-ка лучше чай пить.

— Правда, Лиза, правда, будетъ намъ спорить, пойдемъ-ка, Миша, напьемся чайку. И Николай Петровичъ дружески потреплетъ его по плечу. Варенцовъ грустно взглянетъ на недочитанную книгу, и пойдетъ за другими въ столовую.

А тамъ всегдашняя картина: блестящій самоваръ, чашки, чайникъ, корзина съ булками, привѣтливое лице хозяйки, довольство, спокойствіе...

— И вправду, къ чему намъ спорить, думаетъ онъ...

V.

Что за суетня была въ домѣ Говорова: точно къ годовому празднику. Мебель вытаскивали на дворъ, выколачивали... А кажется, давно-ли была Святая, давно-ли было все вычищено, съ мѣсяцъ не больше. Лизавета Ивановна съ Машей, подвязавшись передникомъ и надѣвъ на головы платки, сами обметали пыль. Даже иконы и тѣ вычистили вновь. А ужь куда какъ свѣтло горѣли золотыя и серебряныя ризы. Ѳекла отъ бѣготни ногъ подъ собою не слышала. Кучеръ Сидоръ только и зналъ что мылъ экипажи да лошадей чистилъ. Наняли садовника садъ убрать, дорожки подправить, кустики подобрать. Самъ Николай Петровичъ послѣ обѣда не ложился, все за домомъ смотрѣлъ.

Лизавета Ивановна раза два даже на Кузнецкій мостъ съѣздила. Хотѣла модной чепчикъ себѣ купить, да показались дороги; замѣтила только фасонъ, поѣхала въ городъ, купила лентъ и блондъ и, возвратившись домой, просидѣла лишній часокъ... А ужъ какъ была довольна, какъ примѣрила

она на головку свою чепчикъ съ бѣлыми лентами, красивый такой; а сама еще лучше. Глядитъ въ зеркало, а на ту пору вошелъ Говоровъ, увидалъ обнову, да и ну обнимать жену. «Тише, тише чепчикъ сомнешь!» говорила, испугавшись, Лизавета Ивановна. И Машѣ тоже сдѣлали два платья, одно розовое, другое бѣленькое; и шляпку купили понаряднѣй. «Хочу, чтобъ моей дочкой всѣ любовались!» приговаривала Лизавета Ивановна.

Вотъ наконецъ все было убрано, двѣ комнаты были отдѣлены; въ одной поставлена дѣтская кроватка съ чистенькимъ одѣяльцемъ. Маленькія подушечки, скамеечки, столики... ничего не было забыто.

Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались Говоровы сестру Надежду Ивановну Тускову. Лизавета Ивановна насилу дождалась 20-ое мая. Еще съ вечера Ѳекла ставила опару для пироговъ и сдобныхъ булокъ.

— Ѳекла, голубушка, пожалуйста, прошу тебя, чтобъ пироги-то были хороши.

— Ахъ, барыня, не безпокойтесь. Ужъ будьте увѣрены, что сестрица ваша Надежда Ивановна въ Петербурхѣ-то никогда не кушивала такихъ, говорила Ѳекла обиженнымъ тономъ.

— Ну полно; полно ужъ, я знаю тебя. Да все-таки страхъ беретъ. Ну если не удадутся, а?... Ѳекла, какъ думаешь, если дрожжи не хороши? а?..

— И, матушка, къ чему напрасно безпокоитесь. Еще такого грѣха и не бывало у насъ, и не запомню никогда.

— Да такъ у насъ-то не бывало, а вотъ у Ульяны Трифоновны, на имянинахъ, пирогъ-то былъ кислый такой; говорятъ, дрожжи не хороши.

— Не съумѣли сдѣлать, матушка. А я вотъ уже пятнадцать лѣтъ по кухаркамъ хожу; а такого грѣха, прости Господи, и не запомню. И Ѳекла, перекрестившись, отплюнулась.

— А что мы къ обѣду сдѣлаемъ?

— Да что, матушка, вы такъ безпокоитесь! Неужели у насъ хуже другихъ. Не ударимъ лицемъ въ грязь.

— Ахъ, Ѳекла, какая ты, право! Я хочу, чтобъ у меня все хорошо было. Сестра привыкла къ поварскому кушанью... Не взять-ли повара намъ?

— И, матушка, барыня, да чѣмъ поваръ-то лучше сготовитъ? Тяпъ-ляпъ... настроитъ горы, а ѣсть нечего! Знаемъ это поварское!..

Эхъ, барыня, напрасно безпокоитесь, видитъ Богъ, напрасно! и она хотѣла уйти.

— Өекла, куда ты?

— Опару пора ставить...

— А не рано-ли? не перекиснетъ?

Но Өекла, обиженная, что ей не довѣряютъ, не отвѣчала и хлопнула дверью. Лизавета Ивановна посидѣла нѣсколько минутъ, и пошла въ кухню.

Даже не спала заботливая хозяйка. То она вспоминала, что занавѣсы у оконъ не такъ были повѣшены: правая сторона немного повыше, и городки были не равны, какъ-то косили... И она вставала и поправляла. То она думала, что ея платье хорошо-ли? Успѣетъ-ли Сидоръ вычистить лошадей? и чего, чего не перебирала она, и вотъ понемногу она перенеслась въ старые годы. Она вспомнила сестру, добрую, ласковую. Она вспомнила длинные зимніе вечера, когда онѣ сиживали у кругленькаго столика. Мать ихъ старушка на диванѣ съ чулкомъ въ рукахъ, въ полудремотѣ, слушала чтеніе Нади; а Лиза за работой... Лѣтомъ прогулки... Какъ будетъ хорошо! думала она,— у насъ есть садъ, мы будемъ гулять долго, долго! А Вѣрочка!.. какъ я ее буду ласкать!.. какъ я ее люблю!..

VI.

Рано встали Говорозы. Въ комнатахъ было такъ чисто, что даже Лизавета Ивановна улыбнулась. Тѣсто взошло превосходно. Лошади были вычищены и заложены. Хозяйка вышла на крыльцо. Погода была чудная. Небо синее, синее, ни облачка нѣтъ, чистое такое; такъ бы все и смотрѣлъ и любовался, да солнышко мѣшаетъ. И Лизавета Ивановна прикрыла рукой глаза, да и щурится, смотритъ. «Пройдусь немного, садъ посмотрю», думаетъ она и сошла со ступенекъ. Песокъ тихо захрустѣлъ подъ ногами ея. Прошла она дворъ, чистенькій такой; высокій заборъ, выкрашенный зеленой краской, отдѣлялъ ихъ отъ сосѣдей. Убитыя дорожки вились къ разнымъ домовымъ строеніямъ. Черезъ дворъ была протянута веревка, по которой свободно бѣгала цѣпная собака. Красивая конура стояла у самой калитки въ садъ, откуда густой стѣной подымались высокія деревья. «А право хорошо у насъ!» думала счастливая хозяйка. Отворила ка-

литку, передъ ней тянулись прямыя дорожки. По обѣ стороны росли кусты крыжовнику, смородины и малины. Тамъ и сямъ были раскинуты яблони и груши. Кругомъ тянулись длинныя аллеи изъ акацін, березы и раскидистой ивы... Дальше виднѣлись гряды, высокія, красивыя. Молодой горошекъ подымался изъ земли и тянулся по тычинкамъ; капуста, картофель, огурцы... чего, чего не было здѣсь! Весело было Лизаветѣ Ивановнѣ, засмотрѣлась она, счастливая.

— Лиза, пора намъ ѣхать, кричитъ ей Николай Петровичъ.

— Не опоздали-ли мы?

— Нѣтъ, восемь часовъ только; да пока доѣдемъ.

— Я сейчасъ, только шляпку надѣну.

— Ты въ этомъ платьѣ поѣдешь? спросилъ Николай Петровичъ.

— Да, вѣдь сестра прiѣдетъ съ дороги. Не хорошо мнѣ наряжиться.

— Правда, правда твоя, точно мы выказаться хотимъ; что въ домѣ-то у насъ хорошо, чисто,—такъ въ домѣ всегда должно быть чисто...

И они отправились къ станцiи желѣзной дороги. Коляска остановилась у подъѣзда. Нѣсколько экипажей, множество извощиковъ наполняли широкiй дворъ. Говоровы вошли въ огромную залу. Все было пусто, только человѣкъ десять ходили по платформѣ. На часахъ было половина девятаго. «Я сяду здѣсь, сказалъ Николай Петровичъ, показывая на одну изъ скамеекъ. Надя прiѣдетъ черезъ полчаса еще.» Лизавета Ивановна также сѣла, нетерпѣливо поглядывая то на стрѣлку, то на дорогу. Долго, казалось ей, тянулось время. Платформа наполнялась народомъ. Говоровы протѣснились впередъ, чтобы не проглядѣть желанныхъ гостей своихъ.

— Николя, что я вспомнила!

— Что? другъ мой.

— А вѣдь мы не знаемъ, сколько прiѣдетъ ихъ; вѣрно няня съ ними будетъ. Куда же мы посадимъ ее.

— И въ самомъ дѣлѣ, куда? развѣ извощика возьмемъ.

— И вправду, извощиковъ много здѣсь.

Послышался отдаленный свистъ. Всѣ засуетились. «Тише! осторожнѣй!» раздавалось повсюду. Поѣздъ былъ виденъ. Лизавета Ивановна вся превратилась въ зрѣнiе; она хотѣла предугадать, въ которомъ вагонѣ сидѣла сестра. Но вотъ поѣздъ приближается; раздался долгiй.

пронзительный свистъ, дымъ пошелъ клубами—и паровозъ, мѣрно стуча цѣпью, остановился.

Напрасно смотрѣли Говоровы, напрасно переходили съ одного мѣста на другое: Тусковыхъ не было. Не вѣрила Лизавета Ивановна горю своему, грустно смотрѣла она и все ждала кого-то.

— Пойдемъ домой, Лиза, вѣрно что нибудь задержало. Что́ же горевать?—сегодня не пріѣхали, такъ завтра встрѣтимъ!—говорилъ Николай Петровичъ, утѣшая жену свою.

Молча пошла она къ двери, въ которую за часъ тому назадъ подходила такая веселая; грустно оглянулась она еще разъ на пустые вагоны, и пошла за мужемъ.

На крыльцѣ ихъ встрѣтила Ѳекла. «Что́ же, матушка»? въ недоумѣніи спрашивала она, глядя на господъ.

— Не пріѣхали сегодня, отвѣтилъ Николай Петровичъ.

Ѳекла такъ и опустила руки. Для чего же, думала она, было столько хлопотъ; я и ночью вставала, все смотрѣла хорошо-ли тѣсто всходитъ; а какъ ждали-то!.. И Ѳекла вошла въ кухню и смотрѣла на все приготовленное ею. Цѣлыя груды булочекъ, крендельковъ, сдобныхъ пышекъ лежали на огромномъ блюдѣ. Все перечерствѣетъ!.. подумала она. Ну, да не мое дѣло... все-таки пирогъ будетъ отличный!..

Въ три часа пришелъ Варенцовъ съ уроковъ, и еще отъ Ѳеклы узналъ онъ, что гости не пріѣхали. «Лизавета Ивановна плачетъ, очень огорчена, голубушка! говорила она; пойди, косатикъ, разговори ее». Но веселость не возвращалась. Подали обѣдъ. Лизавета Ивановна ничего не ѣла; она не могла видѣть кушанья, которыя готовились для Нади и Вѣрочки. Только Николай Петровичъ и Варенцовъ, отрѣзывая по второму ломтю отъ огромнаго пирога, говорили, что пирогъ на славу, хоть бы всегда такой былъ. А Ѳекла стояла за дверями и слушала-себѣ.

Лизавета Ивановна безпрестанно заговаривала, то про сестру, то про Вѣру, то жалѣла Ѳеклу, которая тоже мало спала.

— Вотъ я и не знаю теперь, ждать-ли ихъ завтра или нѣтъ? Ну, если опять понапрасну приготовимся...

— Ну, и понапрасну! шутливо перебилъ ее Николай Петровичъ. А мы съ Михайломъ Алексѣевичемъ развѣ не люди? Посмотри на твой пирогъ, какой мы ему праздникъ задали!..

Лизавета Ивановна понемногу утѣшилась. Поставили другой пи-

рогъ и поужинавъ въ девять часовъ, всѣ сбирались идти спать, чтобы на другой день встать пораньше...

Вдругъ послышалось, что кто-то подъѣхалъ къ дому и остановился. Всѣ въ недоумѣньи посмотрѣли другъ на друга. «Ужъ не Надя-ли пріѣхала на тяжеломъ поѣздѣ?» подумала Лизавета Ивановна. Въ это время раздался звонокъ. «Надя, Надя!» вскрикнула она, и бросилась сама отворять двери. Николай Петровичъ засуетился. «Миша, голубчикъ, зажги свѣчи; Ѳекла, гдѣ ты? скорѣе самоваръ!» и онъ, схвативъ свѣчку, побѣжалъ въ переднюю. Лизавета Ивановна уже успѣла отворить дверь и встрѣтила дорогихъ гостей.

— Надя, другъ мой, ты-ли это!.. Боже мой! сколько лѣтъ мы не видались!.. А это Вѣрочка, хорошенькая моя!.. Ахъ, какъ я рада!.. И Лизавета Ивановна суетилась, обнимала, цѣловала, чуть не плакала. «А ужъ какъ мы ждали-то васъ!.. Повѣришь-ли, ночь не спала, право, все думала, когда-то увижу тебя?.. Ахъ, Надя! ахъ, дружочекъ мой!

— Полно, полно сестра, еще наговоримся, нацѣлуемся, говорила Надежда Ивановна, тихонько отталкивая Лизавету Ивановну и поправляя ленты у шляпы.

— Да, да, мы еще наговоримся. Тебѣ надо отдохнуть съ дороги. Какая я!—съ радости просто голову потеряла. Ѳекла, чаю скорѣй! самоваръ!.. да гдѣ же она?.. Николя, распорядись скорѣй.

Надежда Ивановна глядѣла на сестру, и какое-то состраданіе выразилось на лицѣ ея.

Не успѣли мы пріѣхать, не успѣли въ комнату взойти, а она заботится, какъ бы накормить! сказала она тихо, какъ бы боясь обидѣть привѣтливую хозяйку; и взглянувши на гувернантку, которая стояла около нея, Тускова улыбнулась. Въ этой улыбкѣ выразились слова: «Зинаида Григорьевна, посмотрите, я говорила вамъ!..» Молодая дѣвушка тоже улыбнулась и пожала плечами.

— Надежда Ивановна, сказала она вслухъ, я возьму Вѣру и уйду, чтобы не мѣшать.

— Это очень умно, я не люблю, чтобы лишніе вертѣлись на глазахъ. Nicolas, сдѣлайте одолженіе, покажите комнату, назначенную для нихъ. Боже мой! сколько я дѣлаю безпокойства!..

— Надя, не грѣшно-ли тебѣ говорить такія вещи? Ты намъ дѣлаешь безпокойства?!

Но Надежда Ивановна, будто не слыша словъ ея, продолжала: ты

меня извини, сестра, я пріѣхала къ вамъ всѣмъ домомъ. Только мужъ мой остался въ Петербургѣ.

— Ахъ, Надя!

— Эхъ, другъ мой, я знаю хорошо, что ты мнѣ рада. Но все-таки мы вамъ надѣлали столько хлопотъ, что, право, совѣстно.

Между тѣмъ горничная и лакей таскали огромные чемоданы, ящики, ящички, корзинки, коробочки и узелки. Казалось, конца не будетъ. Лизавета Ивановна сама было хотѣла помогать, но Надежда Ивановна не допустила до этого.

— Полно, пойдемъ въ комнаты... Вы все здѣсь живете?

— Да, мы привыкли къ этому домику. Вѣдь здѣсь и маменька умерла, дядя...

— Помню, помню! И она посмотрѣла на потолокъ. Чистенькія комнатки, только низки очень!—душно, я думаю.

Онѣ взошли въ залу, Надежда Ивановна сняла съ себя великолѣпную шаль и шляпку, которая держалась на затылкѣ двумя булавками. Она осталась въ черномъ атласномъ платьѣ и въ маленькомъ чепчикѣ изъ брюссельскихъ кружевъ. Черныя французскія перчатки красиво обтягивали ея маленькія ручки.

— Я такъ устала, другъ мой, и вы вѣрно меня извините, что я останусь такъ, въ дорожномъ?

Лизавета Ивановна невольно взглянула на свою ситцевую блузу, покраснѣла и не нашлась что́ отвѣтить. Что-то непріятное щемило сердце. Ей не было такъ весело, какъ она предполагала. Что́ же это? думала она, смотря грустно на сестру, и не находила отвѣта въ мысляхъ своихъ... Надежда Ивановна между тѣмъ старательно поправляла волоса свои, стоя передъ зеркаломъ. Вошелъ Говоровъ!..

— Ну, что́ же, Лиза, самоваръ поданъ, сказалъ онъ: надо угостить дорогихъ гостей нашихъ. А ужъ какъ мы ждали-то васъ! утромъ на желѣзную дорогу ѣздили, хотѣли сами встрѣтить.

— Вотъ видите, сколько хлопотъ я вамъ надѣлала, и право напрасно! отвѣчала она съ улыбкой. Я, Nicolas, ѣхала къ вамъ, какъ къ роднымъ, всѣмъ домомъ!..

— Ну, конечно, къ роднымъ, и мы васъ встрѣчаемъ не какъ чужихъ.

А Лизавета Ивановна только покачала головой. Всѣ пошли въ столовую. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ кипѣлъ самоваръ; густой паръ подымался клубами. Множество чашекъ стояло на подно-

сѣ, корзинки съ домашними крендельками и сдобными булками наполняли столъ. Надежда Ивановна пожала плечами и съ состраданьемъ взглянула на сестру. «Къ-чему все это, Лиза, вѣдь это чисто по деревенски!»

— Мы и въ городѣ умѣемъ угостить, замѣтилъ самодовольно Николай Петровичъ.

Лизавета Ивановна начала разливать чай, и вскорѣ приняла свой привѣтливый, веселый видъ.

— Что же, Надя, ты не садишься? Посмотри, какія лепешки, крендельки... Это Оекла у меня мастерица.—Ты помнишь Оеклу?

— Помню, разсѣянно отвѣчала Надежда Ивановна.

— Мы съ нею почти всю ночь не спали; все для тебя готовили. А какой великолѣпный пирогъ у насъ! Я думаю, ты въ Петербургѣ никогда такого не ѣла, право!.. Да что же ты, Надя, задумалась? что ты ничего не ѣшь?

Дѣйствительно, Надежда Ивановна сидѣла молча и вертѣла въ рукахъ кренделекъ, усыпанный сахаромъ. Почти полная чашка стояла передъ нею.

— Я устала, тихо проговорила она.

— Ахъ, какая я! совсѣмъ забыла, что ты съ дороги Я уже думала, что мы всю жизнь не разставались.

Надежда Ивановна хотѣла встать.

— Ты, дружочекъ, сиди сдѣсь и не безпокойся, а я пойду посмотрѣть, устроена ли тебѣ постель; да Вѣрочку надо позвать чайку напиться и закусить что нибудь.

Надя нехотя опустилась въ кресла, и закинувши голову на спинку, тяжело вздохнула. Лизавета Ивановна, не дожидаясь отвѣта, бѣжала въ дѣтскую. У дверей они встрѣтили гувернантку.

— Пойдемте чай пить. Гдѣ Вѣрочка?

— Тише! Лизавета Ивановна, Вѣра спитъ, полушепотомъ отвѣчала Зинаида Григорьевна.

— Какъ спитъ? ничего не закусивши?.. бѣдняжечка!

— Не безпокойтесь, пожалуйста: передъ послѣдней станціей мы пили чай и немного закусили, такъ что для насъ совершенно довольно.

Лизавета Ивановна смотрѣла на гувернантку и не понимала словъ ея.

— Увѣряю васъ, мы всѣ сыты... Надежда Ивановна распорядилась, чтобъ не заставить васъ хлопотать, особенно ночью...

— Заставить меня хлопотать!.. ночью!.. да вѣдь мы ждали васъ... Зинаида Григорьевна, пожалуйста, безъ церемоній, пойдите въ столовую.

— Увѣряю васъ, добрая Лизавета Ивановна, мы пили чай и я больше не могу.

— Но что нибудь закусить по крайней мѣрѣ.

— Я никогда на ночь не закусываю. У насъ въ Петербургѣ нѣтъ этого обыкновенія. Послѣднія слова были сказаны такъ гордо и даже громче другихъ, что ясно доказывало, что доброта хозяйки не правилась петербургскимъ гостямъ. Лизавета Ивановна покачала головой и, тихо отворивъ дверь, взошла въ дѣтскую. Вѣра уже спала. У кроватки ея сидѣла нянька, старушка лѣтъ пятидесяти, въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ и рукавчиками. Чепчикъ съ лиловыми лентами покрывалъ уже посѣдѣлые волоса.

— Здравствуйте, сударыня, Лизавета Ивановна! проговорила она, вставая и кланяясь, вотъ и дождались мы увидѣться съ вами. Ужъ барышня только про васъ и говорила, только и толковала: » скоро ли увидимъ милую тетеньку? скоро-ли поѣдемъ въ Москву?» а про барыню–то, Надежду Ивановну, нечего и говорить: только про васъ и толковала... Извините, сударыня, что разболталась.

— Э, няня, какая ты! вѣдь мнѣ пріятно это слышать; только, какъ же это Вѣрочка–то не покушавши заснула!.. не велѣть ли чего принести? можетъ быть, проснется, такъ захочетъ покушать?..

— Что вы, что вы, сударыня! Боже упаси! да мнѣ въ тотъ же день барыня откажетъ. Какъ можно?.. на все есть часы...

Лизавета Ивановна тяжело вздохнула. Съ грустью посмотрѣла она на Вѣру... Бѣдняжка! подумала она, нѣтъ, мы не такъ жили! —и поѣсть не даютъ... на все часы есть...

— А ты, няня, хочешь чаю? не смѣло какъ–то спросила Говорова.

— Я, сударыня, никогда не откажусь, если милость ваша будетъ.

Лизавета Ивановна улыбнулась и ласково взглянула на няньку, перекрестила Вѣру и тихо взошла въ спальню. Тамъ горничная возилась надъ огромными чемоданами и раскладывала безчисленное множество великолѣпныхъ платьевъ. Вмѣсто постели, приготовленной для Надежды Ивановны, стояла желѣзная кровать. Тяжелая зеленая занавѣсь густыми складками ниспадала до полу, образуя наверху корону; пунцовое шелковое одѣяло, батистовыя наволочки на шелковыхъ подушкахъ... Между двумя окнами былъ поставленъ столъ, накрытый бѣлою салфеткою съ широкой бахрамой. Огромное круглое зеркало въ

серебряной рамкѣ, серебряный тазъ съ рукомойникомъ, щеточки, гребенки разной величины, баночки, мыло на серебряномъ блюдечкѣ... и чего, чего не было наставлено!..

— Боже мой, какъ все хорошо! подумала Лизавета Ивановна, оглядывая комнату.

— Извините, сударыня, сказала горничная, я хотѣла васъ спросить, гдѣ прикажете поставить кровать для гувернантки? Зинаида Григорьевна привыкли спать однѣ-съ.

— Я право не знаю, развѣ въ кабинетѣ мужа или въ гостиной.

— Сколько безпокойства мы вамъ надѣлали, сударыня...

Но Лизавета Ивановна уже вышла изъ комнаты и спѣшила посовѣтоваться съ мужемъ.

— О чемъ вы еще хлопочете? спросила ихъ Надежда Ивановна, я такъ устала и вы, я думаю...

— Вотъ мы не приготовили комнаты для Зинаиды Григорьевны... мы не знали...

— Вы не знали, что я пріѣду со всѣмъ домомъ? дѣйствительно; но объ этомъ нечего хлопотать, ей можно поставить постель покуда въ гостиной; а завтра увидимъ... Эта дѣвушка съ большими причудами!.. проговорила она тихо, но такъ, что Зинаида Григорьевна слышала.

— Отдѣльная комната была одиимъ изъ условій, при поступленіи къ вамъ въ домъ, сказала гувернантка, вся вспыхнувъ.

— Ахъ, Боже мой, да васъ никто не заставляетъ спать съ кѣмъ нибудь!—вы будете однѣ въ гостиной...

— Я не позволю себя обижать...

Надежда Ивановна пожала плечами, взглянула на образъ, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели, что она никого не обидѣла. Лизавета Ивановна была сконфужена этой маленькой сценой. Николай Петровичъ стоялъ поодаль и тоже грустно смотрѣлъ на нихъ. Всѣ простились, пожелавъ другъ другу покойной ночи, и разошлись по разнымъ комнатамъ.

VII.

Не спалось Лизаветѣ Ивановнѣ; ей было грустно, необыкновенно грустно. Что же это такое?—думала она, давноли я радовалась при-

ѣзду сестры, а теперь почему же мнѣ не-весело?.. и она вздохнула. Мысли одна за другою смѣнялись въ головѣ ея. Предъ нею представлялась великолѣпно убранная спальня Надежды Ивановны. И Говорова осмотрѣла свою комнату: туалетъ орѣховаго дерева, нѣсколько стульевъ, высокій комодъ, гардеробный шкафъ, кровати покрытыя ватными одѣялами изъ французскаго ситца: вездѣ простота. «Да что же, развѣ я хуже ея? Боже мой! какъ въ Петербургѣ-то живутъ! вѣрно дешево? нянька и та была лучше меня одѣта. А Надя-то, какое на ней великолѣпное платье! чепчикъ одинъ стоитъ рублей 8, а можетъ быть и десять!..» И Лизавета Ивановна вспомнила, что Надя была одѣта только подорожному. «Что же она завтра надѣнетъ? а у меня-то все такія простенькія платья!.. Не надѣть-ли коричневый капотъ съ чернымъ бархатомъ?.. Нѣтъ, это будетъ какъ-то странно: я въ немъ выѣзжаю только въ праздникъ.» И она грустно посмотрѣла на свой хорошенькій ситцевый капотъ. «Сколько разъ стиранъ, а ни крошечки не линяетъ!» приговаривала она всегда, получая его отъ прачки. И съ какимъ бывало удовольствіемъ она носила его.

— Лиза, что ты не спишь? спросилъ ее Николай Петровичъ.

— Такъ, Николя, устала должно быть...

Лизавета Ивановна лгала, лгала можетъ быть въ первый разъ. Ей было совѣстно сознаться, что ее безпокоитъ. Но и Николай Петровичъ въ свою очередь думалъ о томъ же. Ему было совѣстно высказать свои мысли и потому онъ мысленно только желалъ, чтобы его жена получше одѣлась. «Мы не бѣднѣе ихъ, думалъ онъ, и Лиза право лучше Нади». Потомъ онъ понемногу вспомнилъ свою прежнюю жизнь, своего дядю, кроткаго, добраго. «Ты не старайся форсить, говаривалъ онъ, а живи потихоньку!—никого не-удивишь. За барами не угоняешься. Посмотри на графовъ, да на князей, посмотри на дома ихъ: ты скажешь: тамъ золото, бархатъ, брилльянты? Нѣтъ: ты ошибаешься: тамъ долги»... А хорошо должно быть живутъ Тусковы... И онъ опять началъ сравнивать свою жену съ Надеждой Ивановной. Что же я думаю! Можно все купить готовое... На Кузнецкомъ мосту чего нѣтъ!

Лиза! сказалъ онъ.

— Что?

— Ты не спишь?

— Нѣтъ.

— Знаешь, я хотѣлъ тебѣ только сказать... если тебѣ что надо, то возьми денегъ и купи. У насъ, слава Богу, все есть..

Лизавета Ивановна покраснѣла и не отвѣчала ничего.

VIII.

— Кушайте, кушайте на здоровье, Анфиса Тихоновна. Вотъ крендelечекъ, сама пекла, видитъ Богъ сама пекла, говорила Ѳекла, подчуя няньку Тусковыхъ.

— А мы въ Петербургѣ всегда изъ нѣмецкой булочной беремъ; наша барыня не станетъ такихъ ѣсть.. И Александра, главная горничная Надежды Ивановна, взяла булочку, повертѣла ее и положила назадъ въ корзину.

— Барыня не можетъ, а ты не можешь развѣ?

— Вы ко мнѣ не придирайтесь, Анфиса Тихоновна. Вы понимать не можете, сами въ деревнѣ выросли, а я все при господахъ въ Петербургѣ жила.

— Такъ нѣжности-то и набралась... Тьфу ты! прости Господи...

— Лакей захохоталъ, Ѳекла тоже, прикрылась передникомъ. Александра вскочила съ лавки и бросилась въ дверь.

— Глупа я, что сѣла съ вами! мнѣ, голубушка, пожалуйста въ особую комнату подавай кушать.

— Какъ? и этой особая? спросила съ недоумѣньемъ Ѳекла. Ну, много будетъ! это барынѣ придется скоро на дворѣ жить!..

— Полно, полно, голубушка, вѣдь это она такъ расходилась, сказала нянька. Она у насъ все такая, все ругается. Барыня избаловала: Саша, Саша! только и слышно. Вотъ она форсу-то и задаетъ.

— Небось, уже поздно, пора и на покой...

— Подождите, вотъ еще пирогъ, да индѣйка жареная. Кушайте на здоровье!

— Экое приволье здѣсь!.. Что́, индѣйка-то вѣрно дорого стоитъ?

— Рубля три вѣрно? эка жирная!.. замѣтилъ лакей.

— Нѣтъ, это домашняя; у насъ все дома есть: разной птицы, двѣ коровы, и огородъ... всего вдоволь!

— А мы съ перваго взгляду, не въ обиду сказать, подумали, что ваши господа не богатые.

Ѳекла всплеснула руками. Что вы, Анфиса Тихоновна, что вы?!

— Право, такъ ваша барыня просто одѣта: ситцевая блуза, безъ чепчика; я и подумала... Да и прислуги-то у васъ нѣтъ, только ты, Ѳеклуша!

— Еще кучеръ у насъ есть; онъ спитъ уже, рано вставъ сегодня... Четыре лошади свои...

— Вотъ что! вскрикнули всѣ, и четыре лошади!

— Ну, такъ вѣрно скупо живутъ, рѣшилъ лакей. Впрочемъ, вѣдь это въ Москвѣ, въ захолустьи. Здѣсь больше необразованное купечество. А вотъ посмотрѣли бы у насъ въ Петербургѣ то: на Невскомъ, либо въ Морской. Дома-то, дома!—до небесъ! просто сказать. Полы все парке, окна зеркальныя; лѣстница одна—что̀ твой домъ! въ переднихъ стоятъ швейцары съ булавами, въ ливреяхъ... А кромѣ него еще лакея три... а горничныя своимъ чередомъ!.. а на кухнѣ поваръ, а у повара помощники еще...

— Да на что же столько народу-то? спрашивала Ѳекла, развѣ такъ много дѣла?

— Конечно, много, не успѣваешь...

Ѳекла качала головой и не понимала.

— Да, много дѣла: пріѣдетъ кто, доложить надо, или отказать, или назначить другое время; подать-ли что: —воды, тамъ спросятъ, или что другое, — на все вѣдь надо человѣка. Въ магазины одни разъ десять сбѣгаешь...

Долго продолжались разсказы о петербургской жизни и Ѳекла убѣдилась, что вотъ какъ живутъ господа, а не такъ какъ мы! Хорошо, еслибы взяли горничную да лакея, имъ бы меньше было дѣла. Повара-то не надо: пожалуй я сама сготовлю лучше повара. Развѣ судомойку, ну, это пожалуй; все была-бы помога.

IX.

Рано всталъ Николай Петровичъ, и постучавшись въ дверь Баренцова, взошелъ въ комнату.

— Миша, голубчикъ, я къ тебѣ пришелъ съ большой просьбой, говорилъ Говоровъ немного сконфуженнымъ голосомъ.

— Все, что вамъ угодно, Николай Петровичъ.

— Видишь, пріѣхала сестра, навезла народу пропасть: тому комнату, другому комнату!..

Варенцовъ поблѣднѣлъ. Неужели мнѣ откажутъ отъ квартиры? подумалъ онъ, и языкъ его не могъ выговорить ни одного слова.

— Такъ не обидься пожалуйста, я хотѣлъ тебя попросить перейти въ мой кабинетъ. При тебѣ я и взойти туда могу.

Варенцовъ не зналъ, что и дѣлать отъ радости, точно гора свалилась съ плечъ его. «Ахъ Николай Петровичъ, я такъ вамъ обязанъ, что буду считать за особенное счастье вамъ доставить какое нибудь удовольствіе»... И онъ принялся складывать свои вещи, чтобы удобнѣе переносить. «А что Лизавета Ивановна встала? я думаю, хлопочетъ?» спросилъ Варенцовъ.

— Эхъ, Миша, хлопочетъ-то хлопочетъ, да никто не оцѣнитъ хлопоты ея! И Говоровъ тяжело вздохнулъ; прошелъ по комнатѣ, покачалъ головой и сѣлъ на кресло. Что ты такъ глядишь на меня? право, никто не оцѣнитъ... Ты видѣлъ сестру Надежду Ивановну?

— Нѣтъ, не видалъ. Я вчера ушелъ въ свою комнату, чтобы не мѣшать радости.

— Радости! Ты не видалъ сестры, такъ я тебѣ разскажу. Это не та Надя, про которую ты слышалъ. Это петербургская барыня въ шелку и кружевахъ, съ цѣлымъ хвостомъ горничныхъ, лакеевъ, нянекъ, гувернантокъ. Это барыня чопорная, важная... то нельзя... того не могу... къ тому не привыкла... Да что говорить! — каковъ попъ, таковъ и приходъ, грустно прибавилъ Говоровъ.

Варенцовъ понялъ изъ короткаго разсказа, что̀ будетъ теперь въ домѣ и рѣшился избѣгать встрѣчи съ пріѣзжими. «Осмѣютъ они меня!» думалъ онъ; «небось лакей ихъ лучше меня одѣтъ; знаю я этихъ баръ!» Варенцову хотѣлось бы утѣшить добраго хозяина; но онъ не находилъ словъ и всѣ его фразы были пропитаны такою желчью, что онъ еще больше убѣдилъ Говорова, что отъ пріѣзда Тусковыхъ нечего было ждать удовольствія.

Гости еще спали. Лизавета Ивановна была уже на кухнѣ, и, гладя себѣ кисейное бѣлое платье, слушала разсказы Ѳеклы.

— Такъ мы бѣдные—по ихнему? Вотъ увидятъ, что у насъ не хуже другихъ и Лизавета Ивановна принялась выдумывать вмѣстѣ съ Ѳеклой разныя закуски, обѣдъ, ужинъ... И чего, чего не наготовили онѣ...

X.

— Такъ у нихъ всего много? говоришь ты, спрашивала Надежда Ивановна свою горничную.

— Всего много, барыня: кладовыя полны, анбары, птицы разной, лошади какія! Одного только понять нельзя: почему такъ бѣдно одѣваются? Неумѣнье что-ли?

Надежда Ивановна сидѣла предъ туалетомъ и смотрѣла на себя въ зеркало. «Неумѣнье»!.. машинально повторяла она.

— Да-съ, барыня, или неумѣнье одѣться, или баринъ не притѣсняетъ ли ихъ?

— Понять не могу такой жизни! со вздохомъ говорила Надежда Ивановна, навертывая на пальцы локоны.

— Говорятъ, и на гулянье никогда не ѣздятъ! продолжала Саша, только и выѣзду, что въ церковь, а теперь барыня,.. ха, ха, ха, ха!

— Чему ты смѣешься?

— Барыня, я не виновата, право съ; такъ, смѣхъ разбираетъ... Лизавета Ивановна сама готовитъ кушанье!.. рукава засучены, въ фартукѣ!.. а Ѳекла стоитъ и смотритъ!.. и Саша опять засмѣялась.

Надежда Ивановна задумалась. «Вотъ такъ жизнь! Скучно будетъ здѣсь; да что-же дѣлать!—дѣваться больше некуда; да и не съ чѣмъ! Здѣсь хоть деньги сбережешь: на чужой счетъ пожить можно... И не грѣхъ... куда имъ беречь?.. дѣтей нѣтъ; все намъ же достанется. Да когда?.. Вотъ еслибы теперь дали хоть половину: на воспитанье Вѣры пригодилось-бы... право... сказать развѣ имъ?.. Да какъ сказать?—трудно, такъ совѣстно!.. «И Надежда Ивановна тяжело вздохнула.

—Право, барыня,—жалко смотрѣть-съ,—сама и комнаты убираетъ, и кушанье готовитъ; давича даже платье себѣ гладила!.. Я видѣла въ дверь и посовѣстилась войти, думаю, сконфузятся. Ужъ такъ унижаютъ себя!..

— Какъ же это, всего много и такъ живутъ!.. Не ожидала я этого!.. Что пироги-то сама готовитъ—это я знала; въ этомъ большой бѣды нѣтъ еще, коли такая охота припала; но одѣваться такъ!.. самой платье гладить!... Бѣдная сестра! въ какомъ униженіи живетъ!.. да что же мужъ-то смотритъ?..

— Говорятъ, Николай Петровичъ-съ очень доволенъ такой жизнью.

— Доволенъ! скряга этакой!—имѣть свой домъ, 200 душъ крестьянъ—и не видѣть радости, никакого удовольствія!!..

— Дѣйствительно, барыня, вы-съ правду изволите говорить: сестрица ваша, Лизавета Ивановна, молоденькая еще, красавица тоже—и не повеселятся!..

— И кому бережетъ онъ? дѣтей нѣтъ, родныхъ тоже, ужъ нѣтъ ли кого на сторонѣ?..

— А что, барыня, и въ самомъ дѣлѣ, куда-же больше беречь... А можетъ статься они припасаютъ все для Марьи Алексѣевны.

— Кто такая?

— А сестра учителя, который живетъ у нихъ на хлѣбахъ. Въ пансіонѣ воспитывается, въ каждый праздникъ домой берутъ. Одѣваютъ, говорятъ, какъ куколку. Вотъ и теперь къ пріѣзду вашему обновъ ей нашили. Говорятъ, души въ ней не слышатъ. Дочкой все зовутъ ее...

Надежда Ивановна внимательно слушала болтовню своей любимицы. Она припоминала, что Лизавета Ивановна писала ей про какую-то Машу, сиротку. Но тогда Тусковой некогда было обратить вниманье на нее. Теперь-же почему-то не нравилось ей присутствіе дѣвушки въ домѣ сестры... Мысль, что кто-нибудь можетъ завладѣть состояньемъ Говоровыхъ, ужаснула ее. «Дочка! шептала Надежда Ивановна, вотъ Богъ и дочку послалъ, наслѣдница!. не было печали, черти накачали!».. И она язвительно засмѣялась... И Тускова, невидавши молодой дѣвушки, возненавидѣла ее и клялась мысленно, во чтобы то ни стало, вытѣснить ее изъ дому, да и Варенцова тоже.

Планы одинъ за другимъ смѣнялись въ головѣ ея. Забывши свой туалетъ, она закинула голову на спинку креселъ, смотрѣла на потолокъ, то на стѣны, то на иконы; то взглянетъ въ зеркало, машинально поправитъ волосокъ, а сама все думаетъ, чѣмъ бы могла угодить Говоровымъ эта дѣвочка?

Саша слѣдила за каждымъ движеніемъ госпожи своей; казалось, ей хотѣлось предугадать всѣ мысли ея.

— А хороша она? вдругъ спросила Надежда Ивановна...

— Красавица! говорятъ, кровь съ молокомъ! съ усмѣшкой отвѣчала Саша, инстинктивно догадываясь, что это злитъ барыню.

Надежда Ивановна опять задумалась. Вотъ, мы говорили: дѣтей нѣтъ, а вотъ и наслѣдница! злобно шептала она. Дочкой называютъ..

пожалуй, все имѣнье дочкѣ отдадутъ... Нищіе какіе-нибудь подличаютъ предъ ними, а они и растаяли... дочка!!

— И, говорятъ, почтительная какая: руки цѣлуетъ, маменькой называетъ, такъ въ глаза и смотритъ... И Николай Петровичъ-то въ ней души не слышитъ. Говоритъ: Господь Богъ послалъ намъ утѣшенье.. это дѣти наши, говоритъ... И Саша едва сдерживала смѣхъ отъ внутренняго удовольствія...

— Да что онъ рехнулся что-ли?.. Съ негодованіемъ вскрикнула Надежда-Ивановна, ударяя кулакомъ объ столъ... Чѣмъ бы о родныхъ подумать: о сестрѣ, о племянницѣ, а они сволочь собираютъ здѣсь.. нищихъ!.. Господь утѣшенье послалъ! Да ужъ не влюбился-ли онъ въ эту дѣвчонку?

Саша разразилась веселымъ смѣхомъ.

— Чему ты хохочешь сегодня! Развѣ ты что-нибудь слышала?..

— Кто ихъ знаетъ, барыня! объ этомъ не станутъ говорить, не посмѣютъ; и горничная двусмысленно улыбнулась.

Надежда Ивановна пристально взглянула на нее.—Ну, Саша, говори, ты знаешь,—я не кому не выдамъ тебя. Ну, что ты слышала? И Тускова старалась поласковѣе улыбаться. Саша переминалась, какъ будто не смѣла говорить, а сама все придумывала какъ бы естественнѣй сочинить сплетню. И вотъ она въ несвязныхъ словахъ разсказала, что не разъ видали Николая Петровича съ Марьей Алексѣевной поздно вечеромъ въ саду. Одинъ разъ застали ее на колѣняхъ у него; а то разъ видѣли, какъ онъ ее цѣловалъ... И мало ли что она насказала. Надежда Ивановна все время сидѣла, нагнувши голову, и слушала внимательно такъ, боясь слово проронить. Замолчала Саша, а Тускова все сидѣла, все будто бы слушала. Сердце ея усиленно билось, голова кружилась какъ-то. Такъ бы вотъ она и бросилась, высказала бы все и Николаю Петровичу, и Машѣ, и Варенцову. Даже Лизаветѣ Ивановнѣ досталось: дура она, право дура, думала она, позволяетъ смѣяться надъ собою! Не видитъ, что у ней въ домѣ дѣлается! И поднявъ глаза на иконы, Надежда Ивановна покачала головой и вздохнула. Бѣдная Лиза! прибавила она, не даромъ я пріѣхала сюда... да... я должна за тебя вступиться...

Вотъ-такъ заварила кашу! думала горничная, стараясь показать серьезное лицо.

XI.

Скоро все устроилось въ домѣ у Говоровыхъ. Надежда Ивановна заняла всѣ комнаты и находила, что ей было тѣсно.

— Я не понимаю, другъ мой, говорила она сестрѣ своей, какъ ты это живешь такъ. Если бы ты видѣла нашъ домъ въ Петербургѣ! Какія комнаты! высокія! я думаю, втрое выше будутъ... Такъ легко дышется, ходишь по комнатамъ, никто тебя не стѣсняетъ, чувствуешь, что свободенъ!..

— А здѣсь, Надя, развѣ тебя стѣсняетъ кто-нибудь? съ удивленьемъ спрашивала Лизавета Ивановна.

— Мнѣ какъ-то душно, тѣсно въ такихъ маленькихъ, низенькихъ комнаткахъ! И Надежда Ивановна сжимала плечи, поднимала въ потолокъ глаза и вздыхала.

И Лизавета Ивановна вздохнула. Она невольно вспомнила прежнее время, какъ онѣ всѣ помѣщались въ трехъ комнатахъ.

— Ты думаешь о прошломъ, Лиза? но, душа моя, десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Я такъ свыклась съ новой жизнью, съ этимъ кругомъ... Чудно живемъ мы! Балы почти всякій день, такъ что надоѣдаетъ даже... Иногда останешься дома, не поѣдешь. Конечно, скажешься больной, такъ, Боже-мой! на другой день полны комнаты гостей; записокъ однѣхъ не перечитаешь, все объ здоровьи спрашиваютъ... Право, смѣшно даже!..

Далеко за полночь сидѣли двѣ сестры, и все разговаривали объ нарядахъ, балахъ, выѣздахъ. Тускова разсказывала про петербургскую жизнь, про вечера, гулянья, какъ отдѣланъ домъ ея, какое общество окружаетъ ихъ, какъ ее любитъ мужъ. «Ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ! говорила она. Я думала, что и ты живешь счастливо?»

— А развѣ я несчастна? говорила Лизавета Ивановна, заливаясь самымъ дружелюбнымъ смѣхомъ. Ахъ ты шутница какая!..

— Я вовсе не шучу, Лиза, горестно перебила ее Тускова, право сердце надрывается, какъ взгляну я на твою жизнь. Не ожидала я найдти тебя въ такомъ униженіи: цѣлый день на кухнѣ съ Ѳеклой... что за общество!..

— Ха, ха, ха! это ты называешь униженіемъ,—что я въ кухню

хожу, что я люблю сама присмотрѣть за всѣмъ? Да на то я и хорошая хозяйка, что умѣю все сдѣлать...

— Вотъ удовольствіе-то! съ презрѣньемъ замѣтила Надежда Ивановна.

— Конечно, удовольствіе, какъ знаешь, что все чисто сдѣлано, вкусно, провизія вся свѣжая! Да и то надо сказать, что никто такихъ пироговъ не сдѣлаетъ, какъ я... И Ѳекла умѣетъ, да все какъ-то страхъ разбираетъ... Вотъ, напримѣръ, какъ тебя ждали, ну, мнѣ самой некогда было, тебя встрѣчать ѣздили, такъ она готовила: какъ я боялась!.. ну, думала, если пирогъ не удастся, что дѣлать?..

Все время Надежда Ивановна сидѣла, развалившись въ креслахъ и нетерпѣливо барабанила по столу. Вотъ люди!.. думала она, что сдѣлалось съ ними?.. Пироги да кухня—вотъ весь и разговоръ!..

— Что ты задумалась, Надя, тебѣ скучно у насъ? заботливо спросила Лизавета Ивановна.

— Нѣтъ не скучно; но мнѣ право досадно слушать тебя. Что тебѣ за охота представлять изъ себя деревенскую барыню? Я люблю тебя и потому говорю такъ; не сердись на меня, Лиза... Говорова горячо поцѣловала сестру.—Вы люди не бѣдные, продолжала Тускова, и, кажется, понимаете, какъ должны жить!

— Что же, развѣ у насъ мало чего? голоденъ кто остался? спрашивала Лизавета Ивановна, обидѣвшись. Да я уже слышала... Твои люди говорили... Они полагали: что я просто одѣта, такъ значитъ у насъ нѣтъ ничего... Нѣтъ, Надя, мы только просто живемъ, а у насъ, слава Богу, всего много; и другимъ помочь можемъ... Вотъ ты разсказывала: у графовъ-то да у князей балы, богато все, а небось все въ долгъ? а у насъ зато долговъ нѣтъ... Лизавета Ивановна раскраснѣлась и начала ходить по комнатѣ... Обѣ сестры молчали.
— Неужели она все знаетъ? думала Тускова, стараясь сохранить наружное спокойствіе... За что же ты сердишься, Лиза? я тебѣ говорю попросту—безъ мысли обидѣть тебя...

— Да я не обижаюсь...

— Это и видно!... и Надежда Ивановна покачала головой.

— Что́-же мнѣ обижаться? Пускай что хотятъ, то и говорятъ... До нихъ мнѣ нѣтъ дѣла... Я знаю, что я счастлива, что мужъ меня любитъ...

— И твои пироги!.. съ досадой сказала Тускова.

*

— Да и мои пироги: что-же въ этомъ дурнаго? И Лизавета Ивановна насильно засмѣялась, стараясь показаться спокойной. А въ самомъ-то дѣлѣ ей было ужасно досадно, обидно. Ей еще не отъ кого не приходилось слышать насмѣшки. Она предполагала удивить сестру своимъ хозяйствомъ, порядкомъ въ домѣ, а сестра смѣялась.

— Да въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, Лиза, что твой мужъ любитъ пироги; но онъ тебя то не любитъ!.. грустно прошептала Тускова, вздохнувши.

— Николя меня не любитъ? повторила Лизавета Ивановна.

— Онъ любитъ...

— Кого? И Лизавета Ивановна подошла къ сестрѣ и смотрѣла на нее такъ, что Тускова оглянулась съ испугомъ.

Кого-же? повторила Говорова, дрожа всѣмъ тѣломъ. Надежда Ивановна сидѣла нагнувши голову и старалась не смотрѣть на сестру... И пришло ей въ голову: какъ же она хочетъ обвинить Николая Петровича, не имѣя основательныхъ данныхъ, основывая все на одномъ разсказѣ горничной?.. ну, если все сплетня?.. А потомъ она подумала, что отъ своихъ словъ стыдно отступать; а она уже начала... А Лизавета Ивановна, между тѣмъ, быстро пробѣгала десять лѣтъ замужства и ни одного факта не нашла она въ подтвержденіе словъ сестры. «Она пошутила со мною, подумала Говорова; а я, глупая, и повѣрила.» И веселая улыбка озарила ея добродушное лице.

— Ты смѣешься, а я готова плакать: такъ мнѣ жалко тебя! грустно сказала Надежда Ивановна. Не проси меня, Лиза, говорить больше... Я не хочу поселять раздоръ между женою и мужемъ... Боже меня сохрани! И она набожно взглянула на образъ и перекрестила грудь.

— Не понимаю! тихо прошептала Лизавета Ивановна, пристально глядя на сестру, какъ бы желая узнать ея мысли.

— Я знаю хорошо твою жизнь и понимаю твое положеніе... Я опытнѣй тебя... Что ты знаешь, живя въ четырехъ стѣнахъ? ты заглохла у печки... Да, Лиза, ты не хозяйка въ домѣ, а что-то въ родѣ горничной, кухарки, которой не платятъ жалованья, а заставляютъ исполнять свои прихоти!.. И Надежда Ивановна вздохнула такъ глубоко, такъ грустно произнесла: охъ, охъ, охъ! что Лизавета Ивановна вздрогнула и тоже вздохнула.—Вы имѣете 200 душъ, свой домикъ, продолжала Тускова, и не имѣете горничной! Сама убираешь

комнаты, гладишь себѣ платья, чинишь и шьешь бѣлье, себѣ, мужу, какому-то учителю, сестрѣ его!..

— Я тутъ ничего не вижу дурнаго: они бѣдные; у нихъ никого нѣтъ.

— Бѣдные, такъ купи и дай имъ; а то сидѣть, тратить время, унижать себя!..

И Надежда Ивановна говорила съ такимъ презрѣньемъ, такъ гордо, самоувѣренно, что Лизавета Ивановна сконфузилась и не знала что̀ отвѣчать. Я хорошо поступала, твердилъ ей внутренній голосъ; но она не смѣла повторить этихъ словъ... Тускова видѣла, что беретъ верхъ надъ сестрою и сдѣлалась смѣлѣе... Все выскажу ей, думала она, и вытащу ее изъ грязи... Ты можешь сдѣлать два̀дцать семействъ счастливыми, а не однихъ Варенцовыхъ! продолжала Надежда Ивановна назидательнымъ тономъ. Только надо умѣть помогать. Къ чему униженіе...

— Работать не униженіе... я люблю работать.

— Ха, ха, ха! Лиза! и тебѣ не стыдно говорить такія вещи? Ты любишь работать и шьешь рубашки какому-то учителю!.. Да мало-ли есть работъ благородныхъ: вышивай пелену къ образу, воздухи, коверъ въ храмъ Божій — вотъ полезная работа, а ты тратишь здоровье и кто поблагодаритъ тебя, кто оцѣнитъ трудъ твой?!.

Лизавета Ивановна хотѣла было сказать, что мужъ цѣнитъ ея труды, что Варенцовъ, со слезами на глазахъ, благодарилъ ее... но ей стыдно было почему-то, и она молчала.

— Стѣсняете себя во всемъ... И что за охота, право, держать у себя нахлѣбника, хлопотать о какой-то дѣвушкѣ?..

Ахъ, Надя, ты не видала Маши, и потому такъ говоришь, горячо возразила Говорова. Эта дѣвушка просто ангелъ: добрая, кроткая, почтительная...

— Не слишкомъ ли она почтительна? двусмысленно произнесла Надежда Ивановна, пристально взглядывая на сестру.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать? съ испугомъ спросила Говорова.

— То, что тебѣ заплатятъ зломъ за все добро твое! торжественно произнесла Надежда Ивановна, вставая съ креселъ.

О, какъ тяжело сдѣлалось Лизаветѣ Ивановнѣ. Сжалось сердце у ней, а въ груди точно что-то повернулось больно, такъ больно. «Надя, что ты сказала?» шепчетъ она; а Надежда Ивановна уже вышла. Оглянула Лизавета Ивановна комнату всю, глядитъ и не видитъ ни-

чего, не слышитъ, а только думаетъ себѣ: про какое горе говорила сестра? какимъ зломъ заплатитъ ей Маша? кого любитъ Николя? для кого она кухарничаетъ?

Долго сидѣла она такъ, тихонько, не пошевелится, не вздохнетъ, точно и нѣтъ ея. Вдругъ вздрогнула Лизавета Ивановна, припомнила она что-то, поблѣднѣла вся, приподняла голову, окинула комнату глазами, а потомъ вздохнула и грустно такъ, грустно, и покачала головой...

— Не можетъ быть! прошептала она.

XII.

Узнали знакомые, что пріѣхала Надежда Ивановна. Боже мой! разговоровъ-то, разговоровъ—то сколько было! Ѳеклѣ проходу на улицѣ не было. Только что она, накинувши на голову платокъ, выходила за ворота, какъ ее уже ждетъ сосѣдняя кухарка или горничная чья нибудь.

— Какъ поживаете? спрашиваютъ ее.

— Богъ грѣхамъ терпитъ, нехотя, отвѣчаетъ Ѳекла. И размахивая руками, спѣшила идти на рынокъ.

— Вотъ намъ по пути, говорила товарка, стараясь не отстать отъ нея. Что у васъ праздникъ чай? сестрица пріѣхала?

— Пріѣхала.

— Что̀ какова? красавица? богатая? Отвѣта не было... Небось: я ли не я ли? Петербургская!

— Петербургская! чортъ этакой! и Ѳекла энергически отплюнулась и перекрестилась.

— Что̀, развѣ зла стала?

— У! вѣдьма! просто вѣдьма!

— Ой–ли?

— Угодить никто не можетъ, все не по ней!.. И Ѳекла, разгорячаясь мало по малу, пошла тише и начала передавать по-своему пріѣздъ Тусковыхъ и всѣ свои хлопоты: Ужъ мы и такъ и энтакъ,— все не по ней! никакъ не потрафишь! говорила она.

— Бѣдная Лизавета Ивановна! замучается она! Вотъ радость-то нажила!..

— Нажила матушка! нажила голубушка! измаялась вся! Не спитъ,

не ѣстъ! просто жалко взглянуть на нее!.. Ужъ мы весь вечеръ, до поздняго часа, все придумываемъ, что приготовить. А намеднись какой пирогъ сдѣлали—просто заглядѣнье! а эта модница вилкой пихнула! — жиренъ очень, говоритъ... да и дочери не велѣла давать, озарница этакая, все на смѣхъ дѣлаетъ... Загордѣла оченно!.. И Ѳекла опять плюнула и перекрестилась.

Такъ-то судили и рядили кухарки.

— Ты, Ѳеклуша, отошла бы отъ нихъ: что? — кромѣ обиды да сраму—ничего ни наживешь!

— Ничего, болѣзная моя, ничего не наживешь!..

И Ѳекла возвращалась домой съ наплаканными глазами. Нехотя принималась она за стряпню. «Кромѣ обиды ничего не наживешь!» ворчала она. Замѣтила Лизавета Ивановна, что Ѳекла надутая стоитъ и все глаза платьемъ утираетъ, а то охнетъ, да такъ болѣзненно. «Что съ ней? подумала она, ужъ не обидѣлъ ли кто нибудь ее?» Думала такъ Лизавета Ивановна, да и спросила разъ Ѳеклу: «Ѳекла, говоритъ она, что ты такая невеселая? не больна ли ты?» Ѳекла молчала. Что же ты не отвѣчаешь? скажи мнѣ: не болитъ ли что? Вѣдь не скроешь... не подъ силу вѣрно тебѣ работа стала?.. тяжело тебѣ готовить на всѣхъ?..

— Да что, прости Господи, пристали ко мнѣ? прервала ее вдругъ Ѳекла. Ну, коли хотите отказать, такъ говорили–бы прямо. Не угодила, такъ не подѣлаешь ничего! Грѣхъ одинъ случился: сестрицѣ петербургской не угодила!..

И долго ворчала Ѳекла, утирая платкомъ глаза свои. Какъ ни уговаривала ее Лизавета Ивановна, ничего не помогло. Ѳекла знай твердила одно, что ее обидѣли: говорятъ не подъ-силу тебѣ хорошее кушанье готовить... и мало-ли что причитала кухарка собирая пожитки свои въ бѣленькій сундучекъ.

Не мало грустила Лизавета Ивановна съ Николаемъ Петровичемъ. Какъ-же мы будемъ жить-то теперь? говорила она. Найдемъ-ли такую вѣрную кухарку?.. Лизавета Ивановна плакала. Тускова смѣялась надъ ихъ горемъ.

— Полно, Лиза! неужели ты всѣхъ кухарокъ оплакиваешь? да это силъ недостанетъ! Малодушіе какое, право!—кухарка отходитъ, такъ и плакать?.. Ну, хочешь, я своего повара выпишу изъ Петербурга?—ужъ не чета твоей Ѳеклѣ!

Лизавета Ивановна утѣшилась. Поваръ пріѣхалъ—и все пошло на

новый ладъ. Говорова, заказавъ съ вечера обѣдъ, уже не ходила въ кухню. Цѣлые дни съ сестрой, слушая ея разсказы, она невольно начала сравнивать жизнь свою съ той блестящей, веселой жизнью, съ которой ее знакомила Надежда Ивановна. И она анализировала каждую фразу, каждое слово и примѣняла къ себѣ. Бѣдная я! Николя меня не любитъ! онъ жалѣетъ для меня денегъ! Мы получаемъ такъ много, а почему не живемъ такъ, какъ живутъ другіе? Куда идутъ деньги? И не могла она разрѣшить этого вопроса. «Неужели и въ самомъ дѣлѣ, когда я сижу да работаю—онъ веселится съ кѣмъ нибудь?.. И Лизавета Ивановна плакала, горько плакала. Смотритъ, а идетъ сестра или Вѣрочка съ гувернанткой, разряженная, разодѣтая... И заглядится на нихъ Лизавета Ивановна и думаетъ себѣ: Мы не бѣдные, и я могу такъ одѣваться.» И вотъ, чтобы заглушить тоску свою, она занялась гардеробомъ. И что за платья нашила себѣ! что за мантильи, уборы,—просто заглядѣнье! Нарядится, взглянетъ въ зеркало и улыбнется—и какъ будто весело станетъ. Пойдетъ къ мужу, отворитъ дверь—и остановится.

— Николя, хороша я? скажетъ она.

— Пойди, пойди, красавица моя, покажись мнѣ. Экая франтиха ты у меня стала!

А она все спрашиваетъ: хорошо-ли? Идетъ-ли ко мнѣ?

— Ты мнѣ и безъ нарядовъ хороша! отвѣтитъ онъ, обниметъ ее и поцѣлуетъ.

Цѣлуетъ онъ и не видитъ, что у жены слезы. Горько ей и отчего,—сама не знаетъ. Была весела всегда, довольна, а теперь все сердце ноетъ, ноетъ больно такъ. И думаетъ она: Николя не любитъ меня... Нѣтъ, любитъ... Неправду Надя говоритъ мнѣ. А потомъ въ голову приходитъ: зачѣмъ бы сестрѣ говорить такія рѣчи? зачѣмъ раздоръ въ семействѣ дѣлать? Хочется Лизаветѣ Ивановнѣ все сказать мужу: всѣ мысли свои, всю тоску. И думаетъ она, а день идетъ за днемъ, недѣля за недѣлей; свыкается она съ горемъ своимъ, всасывается оно въ самое сердце и не весело ей и грустно ей. «Кабы можно было, спросила бы я его: Николя, любишь ты меня? Не велика бы трудность, кажется, такъ нѣтъ: ужь сколько разъ подходила я... Ужъ вотъ, вотъ ротъ раскрою... Николя! скажу. Что надо? спроситъ онъ. А я ему: ничего... такъ... послѣ какъ нибудь. Да и уйду. И думаетъ она такъ долго, долго.

— Что вы задумались? спрашиваютъ ее, не больны-ли?

И совѣстно признаться Лизаветѣ Ивановнѣ въ горѣ своемъ. «Голова что-то болитъ», скажетъ она и вспыхнетъ вся.

— Это отъ сидячей жизни голова болитъ. Поѣдемъ на гулянье лучше, проговоритъ Надежда Ивановна.

— Мы всякій день въ Петербургѣ на гулянье ѣздили. скажетъ Вѣрочка. Ахъ тетя, что за музыка! Maman, когда мы поѣдемъ въ Петербургъ?

Какъ тебѣ не стыдно, Вѣра! Развѣ ты соскучилась съ тетей?

— Нѣтъ, мнѣ не скучно съ тетей, я очень люблю тетю; но я привыкла кататься, я люблю музыку...

— Ну, пойди, дружочекъ, одѣвайся, мы поѣдемъ кататься.

— Мы поѣдемъ! радостно вскрикивала Вѣрочка и, припрыгивая, убѣгала изъ комнаты. Что было дѣлать Лизаветѣ Ивановнѣ?.. Не хочется, а должна ѣхать: совѣстно отказать, будто-бы не хочетъ доставить удовольствіе ребенку. И начала она всякій день выѣзжать съ сестрой и одѣваться не хуже ея. Одѣнется и стоитъ у двери, точно боится чего-то. Хорошо-ли, прилично-ли одѣта? думаетъ она. Вернется не разъ она, и все смотритъ въ зеркало: то бантъ у шляпы поправитъ, то мантилью сниметъ и надѣнетъ шаль... «Лиза, пора ѣхать, ты готова? кричитъ ей Тускова; вздрогнетъ Лизавета Ивановна, пойдетъ несмѣло какъ-то, отворитъ дверь, взглянетъ на сестру и покраснѣетъ вся. Окинетъ Надя ее внимательнымъ взглядомъ съ головы до ногъ и улыбнется. И довольна Лизавета Ивановна, и смѣется, и весело ей...

Поздно, поздно пріѣдутъ домой; устанутъ всѣ.

— Завтра отдыхать будемъ, скажетъ Говорова.

А Вѣрочка такъ и захохочетъ. Что вы, что вы, тетя, шутите! Завтра въ Сокольники, тамъ дѣтскій балъ... Я танцовать буду.

— Устанешь, дружечекъ...

— Я устану?! Нѣтъ, тетя, я могу цѣлый день танцовать. И Вѣрочка прыгаетъ, скачетъ. То тетку поцѣлуетъ, то мать обниметъ, то закружится быстро-быстро такъ, и въ ладошки хлопаетъ.

Смотритъ Надежда Ивановна на дочь свою и смѣется. «Лиза, посмотри, вѣдь это врожденное въ ней, это талантъ. Смотри, какъ граціозно перегибается она, какъ умѣетъ выставить ножку... а глазки-то какъ щуритъ!.. О, плутовка!»..

— Еслибы ты видѣла, Лиза, какъ ею восхищаются на вечерахъ!

Князь Куницкій часто мнѣ говоритъ: отдайте мнѣ Вѣру, я жить не могу безъ нея... Ха, ха, ха! она много обѣщаетъ въ будущемъ!..

XIII.

Николай Петровичъ видѣлъ все, что дѣлалось у него въ домѣ, но у него недоставало силъ замѣтить женѣ своей, что такая жизнь ему не нравится. Цѣлый день просиживалъ онъ одинъ; взгрустнется ему: «Лиза, ты бы посидѣла со мною» скажетъ онъ, а самъ глядитъ ей въ глазки.—«Подожди минутку, Николя, отвѣтитъ она, я сейчасъ приду». А минутка-то тянется, тянется! Стрѣлка раза два обойдетъ кругъ свой, и пойдетъ Говоровъ посмотрѣть гдѣ жена его?—А Лизавета Ивановна съ Надеждой Ивановной все съ портнихами разговариваютъ, новыя платья заказываютъ. И грустно ему такъ сдѣлается, что хоть изъ дому уйдти... «Охъ, кабы Надя да скорѣй уѣхала!.. Силъ нѣтъ! Что за пустая жизнь!—днемъ въ магазины, вечеръ на гулянье, ночь на балу, утро спи: все вверхъ дномъ! А что стоятъ всѣ затѣи: одинъ обѣдъ каждый день рублей 15-ть!.. Охъ, охъ, охъ! Жили мы спокойно, тихо, а теперь: и халата не смѣй надѣть... Фи, братецъ, это не прилично! скажетъ она, охъ, охъ, охъ!.. «И Николай Петровичъ рѣшался сказать женѣ откровенно, что такъ жить онъ не можетъ, что ихъ доходовъ недостанетъ; и мало ли что онъ придумывалъ, но какъ только придетъ къ женѣ, какъ увидитъ свою красавицу—и замолчитъ и залюбуется. А здѣсь еще Надя начнетъ смѣяться надъ нимъ: «Вѣдь это ты изъ ревности держишь жену въ-заперти, скажетъ она... Вы люди не бѣдные: неужели жалко для жены модное платье сдѣлать?—и чужихъ и то одѣваете, кормите, а женѣ своей никакого удовольствія не хотите доставить, только пироги заставляете дѣлать!!!»

Вотъ заговоритъ такъ Надежда Ивановна, а Николай Петровичъ и сконфузится; особенно какъ Надя начнетъ звать Лизу въ Петербургъ.

И вотъ Николай Петровичъ сталъ больше и больше удаляться отъ жены своей. Или онъ просидитъ въ кабинетѣ, или уйдетъ куда. Въ праздникъ пойдетъ въ пансіонъ, гдѣ воспитывалась Маша, гостинца отнесетъ, посидитъ, поговоритъ. Жалко ему было бѣдную дѣвушку. «Скучно, Маша, тебѣ, хотѣлось бы къ намъ?» А Маша и слова вы-

говоритъ не можетъ. «Не плачъ, Маша. Сестра скоро уѣдетъ, опять мы будемъ тебя брать къ себѣ. Теперь тѣсно у насъ, говоритъ Лиза; да и Миша не хочетъ: говоритъ, ты будешь конфузиться только предъ этими модницами. Ну, ихъ!..» И поговоритъ такъ Николай Петровичъ, разскажетъ Машѣ про свое горе. «Скучно мнѣ дома стало!.. Всѣ мы въ разныя стороны!.. только и поговорю съ тобою или съ Мишей.»

Жалко было Машѣ Николая Петровича. Только досадно ей было, зачѣмъ перестали по воскресеньямъ брать ее. Ей такъ хотѣлось видѣть Надежду Ивановну; но она не смѣла вслухъ высказать свое желаніе. Не разъ плакала она въ этотъ мѣсяцъ; не разъ задумывалась о своемъ сиротствѣ. «Нѣтъ у меня родныхъ, некому приласкать меня, вспомнить обо мнѣ!.. Братъ одинъ—и тотъ живетъ у чужихъ, и тотъ видитъ горе. Всѣ видятъ горе, не я одна! Вотъ и Говоровы... чего бы, кажется, недоставало? И денегъ много,—такъ нѣтъ!—нужно грустить!.. Николай Петровичъ измѣнился какъ! похудѣлъ!.. а изъ чего?—что жена стала наряжаться, что сестра заставляетъ ее выѣзжать—на кухню не пускаетъ... Да гдѣ-же горе-то?!..» И долго Маша ломала голову—и не могла рѣшить, въ чемъ видитъ горе Николай Петровичъ? за что осуждаетъ Тусковыхъ братъ ея» «Еслибы я была богата, думала Маша, я бы тоже нашила себѣ наряды. О, я-бы великолѣпно одѣвалась!..»

XIV.

Въ одну изъ пятницъ, когда всѣ москвичи стремятся въ Сокольники, Говорова и Надежда Ивановна съ Вѣрочкой поѣхали на гулянье. Зинаида Григорьевна осталась дома. У ней болѣла голова; а главная причина была въ томъ, что горничная не захотѣла разгладить ей платья.

Зинаида Григорьевна сидѣла въ своей комнатѣ и скучала: ей хотѣлось ѣхать на гулянье. Цѣлый день одна съ Вѣрой, не съ кѣмъ слова перемолвить! Одно утѣшенье ея было писать дневникъ, который она хранила какъ драгоцѣнное сокровище. Это былъ ея другъ, которому она повѣряла всѣ свои желанья, всѣ завѣтныя мечты. И теперь, въ минуту затаенной досады, она открыла шкатулку и достала изъ нея тетрадь въ нунцовомъ переплетѣ. Зинаида Григорьевна хотѣла записать новыя впечатлѣнія—и кромѣ жалобъ, столько разъ повторен-

ныхъ, не находила ничего. Грустно она перелистывала написанныя страницы!.. Боже мой» вскрикнула она, чего же я жду отъ жизни. Вотъ уже 8 лѣтъ живу я въ гувернанткахъ, исполняла прихоти другихъ, переношу дерзости, обиды—и все еще надѣюсь на счастье. Хоть-бы замужъ выйдти... да закого?.. Кто женится на гувернанткѣ?.. только ухаживаютъ, комплименты говорятъ!—и то потихоньку!.. А пріѣдешь на балъ, такъ и просидишь весь вечеръ; смотришь только, какъ другія танцуютъ... Вотъ, напримѣръ, Борисъ Степановичъ говорилъ, что у Тусковыхъ можно бывать только потому, что я здѣсь, а въ прошедшій разъ весь вечеръ проболталъ съ Надеждой Ивановной... Вѣрочку на колѣни посадилъ... а мнѣ хоть бы слово!.. Скоро-ли кончится моя скитальческая жизнь?—вотъ теперь сиди здѣсь, а онѣ веселятся!.. А обидъ-то, обидъ сколько!.. въ глаза нищей называютъ, попрекаютъ жалованьемъ... 300 цѣлковыхъ велико жалованье?—и сама одѣнься, и прислугѣ дари; а то вотъ платья разгладить не хочетъ!..»

И Зинаида Григорьевна съ досадой положила тетрадь въ шкатулку. «Ну, что я буду писать?—что мнѣ скучно, что на меня никто вниманья не обращаетъ?—нѣтъ, еще попадется кому-нибудь, насмѣются только»... И она начала ходить по комнатѣ; подошла къ окну. Въ это время проходилъ Варенцовъ мимо. «Дуракъ!» прошептала она. Въ этомъ словѣ выразилось все, что накипѣло въ душѣ ея. «Почти мѣсяцъ прожить подъ одною кровлею—и не перемолвить десяти словъ!..»

Дѣйствительно, Варенцовъ упрямо избѣгалъ всякаго случая встрѣчаться съ гостями. Даже рѣдко обѣдалъ дома. Онъ видѣлъ всю перемѣну въ домѣ и ему было искренно жаль Говоровыхъ.

Варенцовъ зналъ, что всѣ уѣхали на гулянье—и спокойно ходилъ по запустѣлому саду. Дорожки заросли травой. Павилика и паутина обвили всѣ кусты и деревья. Тяжело было взглянуть на этотъ уютный уголокъ, гдѣ такъ часто раздавался веселый смѣхъ.

Зинаида Григорьевна подошла къ зеркалу, внимательно осмотрѣла свою прическу à la Darmstadt, повернулась раза два-три, выставила маленькую ножку, обутую въ черный ботинокъ,—и улыбка удовольствія мелькнула на ея блѣдно-розовыхъ губахъ. Ей было уже 27 лѣтъ. Она вынесла много горя, униженія и казалась еще старше. Маленькія морщинки у глазъ и на лбу, сдвинутыя брови, сжатыя губы, и къ тому же серьезный, проницательный взглядъ ея сѣрыхъ глазъ,—все съ перваго разу говорило не въ ея пользу. Но кто не нравится себѣ?! И Зинаида Григорьевна очень была довольна своей наружно-

стью. Еще разъ взглянувши въ зеркало, она вышла изъ комнаты и, заперевъ дверь, пошла въ садъ, увѣренная, что встрѣтитъ Варенцова.

Она первая подошла къ нему. Мало-по-малу завязался разговоръ. Она разсказывала въ уморительныхъ картинахъ петербургскую жизнь, пошлость свѣтскихъ разговоровъ, пустоту вечеровъ... «Не съ кѣмъ слова сказать, негдѣ найдти искры сочувствія! говорила она грустно. Вы думаете, завидна жизнь наша? Посмотрите поближе: зависть, тщеславіе, пустота, интриги—вотъ главные элементы окружающіе насъ! а я что такое?—мебель въ домѣ—не больше!..»

Варенцовъ былъ искренно тронутъ. Онъ видѣлъ молодую дѣвушку, брошенную въ свѣтъ одну, безъ опоры. Разсказъ ея былъ такъ естественъ; она говорила такъ просто, безъ кокетства.

— У меня есть сестра, говорилъ Варенцовъ, и я бы желалъ, Зинаида Григорьевна, чтобы вы съ нею познакомились, чтобы вы также просто показали ей изнанку той великосвѣтской жизни, которая такъ заманчива для молодыхъ: Машѣ тоже предстоитъ быть гувернанткой.

— О, мнѣ жалко подумать, что сестра ваша, объ которой я уже слышала, должна идти по нашей дорогѣ! Молодая дѣвушка—что, ждетъ ее?—борьба съ обществомъ!.. выдержитъ ли она?

— Что намъ до окружающаго!.. съ жаромъ перебилъ ее Варенцовъ. Оно насъ не касается. Мы избрали благородный трудъ; назначеніе наше важно—мы должны гордиться имъ. Намъ ввѣрены дѣти—и мы должны воспитать ихъ, мы должны вложить въ нихъ зародышъ нравственнаго благородства. Мы должны образовать изъ нихъ будущихъ гражданъ.

— Боже мой! Михаилъ Алексѣевичъ, неужели вы думаете, что я не понимаю всю важность своей обязанности? Но посудите сами, что я должна дѣлать?.. что я могу сдѣлать при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлены въ домѣ гувернантки?.. Мы должны, прежде всего, выучить дѣтей прилично входить въ комнату, присѣдать, улыбаться, говорить, смотрѣть — однимъ словомъ, сдѣлать куклу, по правиламъ назначеннымъ свѣтскими законами!.. Да въ полномъ смыслѣ куклу. Милая дѣвочка, девяти лѣтъ, уже знаетъ все. Она знаетъ, что учится только для формы, что главная цѣль въ жизни—нравиться!.. Видали вы Вѣрочку, когда она танцуетъ качучу?... Она становится на колѣна, перегибается, изгибается и смотритъ, смотритъ на всѣхъ какъ женщина, а не ребенокъ...» И Зинаида Григорьевна, разсказывая это перегибалась и смотрѣла на Варенцова.

«Чудная дѣвушка! думалъ онъ. Сколько чувства, ума, сколько испытала она!..»

— И знаете, продолжала Зинаида Григорьевна, кто научилъ ее? Актриса, которой платили 10 рублей за урокъ. Всѣ были въ восхищеніи; а мои уроки проходили незамѣтно. Да и что могу я сдѣлать? Научить уважать мать? Невозможно. Вѣра знаетъ лучше насъ какова мать ее... Что вы такъ смотрите на меня? Васъ удивляютъ мои слова?—но подумайте сами, разсудите—и вы согласитесь со мною. Что есть святаго для этой женщины? Кого любитъ она? Она вся предалась тщеславію, роскоши и погибаетъ сама, какъ губитъ другихъ: мужа, ребенка, сестру!»..

Варенцовъ вздрогнулъ. — «Сколько истины въ словахъ вашихъ! прошепталъ онъ. Какъ пагубенъ свѣтъ! Зачѣмъ вы живете у нихъ? Оставьте, уйдите».

— Куда?

— Останьтесь въ Москвѣ, откройте пансіонъ, учите,—приносите пользу!

— Но я не могу этого сдѣлать. Я дѣвушка... я не могу жить одна... На меня будутъ пальцами показывать!.. И голосъ ея дрожалъ; казалось, слезы душили ее.

— Боже мой! почему я не богатъ?—Сколькихъ бы я сдѣлалъ счастливыми.

— Не въ богатствѣ счастье! Мнѣ надо не много: это... это—доброе семейство, спокойный уголокъ!.. Я могу жить своими трудами... Я умѣю все дѣлать: работать, учить и даже — готовить кушанье.

— Знаете ли, что я придумалъ? быстро прервалъ ее Варенцовъ.

— Что? И сердце ея усиленно забилось.

— Поѣзжайте въ Сибирь гувернанткой. Сдѣлайте условіе года на три, на четыре... Вы получите тысячи три серебромъ... Вѣдь это капиталъ!..

Но Зинаида Григорьевна не слушала его болѣе. «Извините, сказала она, кажется, наши пріѣхали» — и сама побѣжала изъ саду.

Долго еще ходилъ Варенцовъ по заросшему саду и думалъ онъ: «Сколько горя въ жизни! сколько несчастныхъ! Бѣдная дѣвушка! вотъ еще жертва свѣта. жертва общества!.. А сколько души въ ней, ума;.. что за возвышенныя чувства! Чудная дѣвушка! И въ какомъ обществѣ: что есть святаго для Надежды Ивановны? Она гибнетъ, губитъ другихъ, сестру!.. О, какъ звучатъ слова эти, какъ глубоко врѣ-

зываются въ сердце!».. И Варенцовъ, схвативши голову руками, опустился на скамейку.

Долго сидѣлъ онъ такъ, долго смотрѣлъ онъ на блѣдноголубое небо. Вотъ и звѣздочки зажглись, и свѣжо стало. Тамъ и сямъ блеснулъ огонекъ. Листочки тихо шелестили надъ головой его. На улицѣ раздавался грохотъ колесъ, говоръ прохожихъ и гдѣ-то вдали заливался соловей перекатной трелью.

XV.

Время шло; а Надежда Ивановна не рѣшалась просить у Говоровыхъ денегъ. Ей было стыдно, стыдно невыразимо; ей приходилось просить въ первый разъ... Но дни проходили за днями, недѣля за недѣлью и ей уже слышался молотокъ аукціонера. «Что буду я дѣлать?» думала она въ отчаяніи. Передъ нею лежало письмо отъ мужа и слово «проси!» да еще подчеркнутое, бросилось въ глаза ей. «Проси! повторяла она; а если откажутъ? а если спросятъ: куда вы дѣли всѣ деньги? прожили, промотали? скажетъ Николя. Нѣтъ, лучше не просить... Они не поймутъ, что я не могла жить иначе. Они не поймутъ—и осмѣютъ меня только».

— Надя, что ты такъ задумалась? не разъ спрашивала ее Говорова, или ты скучаешь съ нами?

— Нѣтъ, Лиза, мнѣ весело съ вами; но ты не знаешь нашего горя, ты не можешь помочь мнѣ!..

— А развѣ у тебя есть горе?—счастливица этакая! смѣясь говорила Лизавета Ивановна, цѣлуя и обнимая сестру. Ну, что же, разскажи: если не помогу, то по крайней мѣрѣ погорюемъ, потужимъ вмѣстѣ...

Но Надежда Ивановна все не рѣшалась сказать ей и молчала.

«Нѣтъ, рано еще, подожди, думала она, оставаясь одна. Когда ты привыкнешь ко мнѣ, увидишь всю пошлость простой жизни и узнаешь необходимости въ нарядахъ, выѣздахъ, что безъ этого скучно, пусто въ жизни,—тогда я скажу тебѣ свое горе. Тогда ты поймешь и не сдѣлаешь мнѣ упрека. Боже мой! хорошо такъ разсуждать! но когда это будетъ? Надо время больше; а аукціонъ скоро. Что я буду дѣлать?.. И Надежда Ивановна вспомнила послѣдніе дни въ Петербургѣ: какъ она прощалась съ роскошью, какъ она сбиралась жить у

сестры по-старому: тихо, скромно—и не сдержала своего обѣщанія—увлеклась...

Нѣтъ, не могу я жить, какъ они! Я не виновата, что поняла лучшую жизнь, знаю, что назначенье женщины не въ одномъ кухарничествѣ!.. Женщина—царица общества, она должна быть вездѣ первая!.. Но гдѣ же средства-то, средства? денегъ мнѣ больше, денегъ!—и я счастлива. Ничего не прошу у тебя, Господи, дай мнѣ денегъ!—и Надежда Ивановна упала на колѣни предъ кіотой, и заливаясь слезами, молилась.

Долго молилась она и вотъ малу по малу стала успокоиваться. Тускова встала, набожно взглянула на икону, перекрестилась еще разъ и сѣла въ большое кресло предъ туалетомъ. Утѣшительныя мысли одна за другою наполняли голову ея.

Все еще можетъ устроиться; какая я малодушная, право. Прихожу въ отчаяніе, а еще цѣлый мѣсяцъ, даже больше впереди меня. Мало ли что можетъ случиться въ это время. Если Лиза, напримѣръ, вступится въ свои права, да повернетъ хорошенько мужа... ха, ха, ха! да это цѣлый романъ можетъ разъиграться... Тогда все пойдетъ на ладъ. Николя отдастъ по крайней мѣрѣ половину имѣнья своего, чтобы только помириться съ женою. Лиза конечно возьметъ; чѣмъ же ей жить прикажете, не дарить же Машѣ. Ну, она возьметъ, но я не допущу ее воротиться къ мужу; ее опять здѣсь кухаркой сдѣлаютъ. Нѣтъ, я ее увезу въ Петербургъ и будемъ жить вмѣстѣ. Мой мужъ возьмется управлять имѣньемъ; а мы будемъ выѣзжать на балы, устраивать дома вечера. О какъ будетъ хорошо! И Надежда Ивановна, веселая, чуть не счастливая, занялась своимъ туалетомъ. Но время дорого, не надо терять ни минуты, подумала Надежда Ивановна и начала дѣйствовать.

Какъ хитро повела она все дѣло, какъ умно обдумала весь планъ. Сперва она за тайну разсказала Зинаидѣ Григорьевнѣ семейное горе сестры. Какъ мнѣ жалко ее, говорила Тускова, утирая платкомъ глаза; повѣрите ли, сердце обливается кровью при видѣ этого злодѣя; а она, бѣдняжка, ничего не знаетъ.

— Вы бы, Надежда Ивановна, разсказали Лизаветѣ Ивановнѣ... Вы сестра ея... Она такъ васъ любитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Зинаида Григорьевна, не говорите этого, силъ моихъ недостаетъ открыть ей глаза. Повѣрите ли, ужъ сколько разъ начинала говорить, да на половинѣ фразы и остановлюсь, что же мнѣ

сдѣлать! Постороннему легче; но кто возьмется это сдѣлать? На доброе дѣло трудно найдти человѣка! Вѣдь, я думаю, всѣ знаютъ эту исторію, а не кто не скажетъ Лизѣ. Только за глаза смѣются. А какъ пріѣдутъ, такъ и начнутъ говорить: счастливица Лизавета Ивановна, наградилъ Господь Богъ муженькомъ! Примѣрная парочка! Какимъ язвительнымъ тономъ говорятъ они, сколько насмѣшки слышно въ этихъ словахъ! Да! на доброе дѣло трудно найдти человѣка. И Надежда Ивановна тяжело вздохнула.

— Надежда Ивановна, я бы хотѣла... И Зинаида Григорьевна остановилась и покраснѣла. Тускова пристально взглянула на нее.—Надежда Ивановна, не потому, что я хочу прослыть доброй, но такъ, изъ благодарности къ вамъ и уваженія къ вашимъ родственникамъ, позвольте передать ваши слова Лизаветѣ Ивановнѣ...

— Передать мои слова Лизѣ? съ испугомъ повторила Надежда Ивановна. Нѣтъ, нѣтъ не дѣлайте этого, она обидится, что не я сама ей сказала. Но, видитъ Богъ, я не въ силахъ... Знаете, вы лучше такъ сдѣлайте: скажите Лизѣ, что вы слышали отъ другихъ, что всѣ знаютъ... Ну, напримѣръ, что Варенцовъ хвастается или... Ну, сочините что нибудь. Вѣдь какъ бы ни было передано, сущность все-таки будетъ доброе дѣло. И она съ улыбкой благоволенія взглянула на гувернантку.

Скоро семейная тайна разнеслась по знакомымъ. Всѣ судили, рядили, подсматривали, узнали, что Машу не взяли на вакацію и что Николай Петровичъ навѣщаетъ ее въ пансіонѣ.

Бѣдная Лизавета Ивановна! рѣшилъ общій голосъ.

Слухи дошли и до Говорова. Сперва онъ посмѣялся только: «Вотъ что выдумали! подумалъ онъ, и что кому за дѣло? все изъ зависти».. рѣшилъ онъ и опять съ обычной лѣнью погрузился въ домашнюю жизнь. Но противъ его воли сплетня не оставляла его въ покоѣ. Тамъ косые взгляды, въ другомъ мѣстѣ намеки, насмѣшки, двусмысленныя улыбки—все начало выводить его изъ обычной колеи. Началъ Николай Петровичъ задумываться больше и больше, слѣдить за всѣми, за женою, и ему показалось, что Лизавета Ивановна все знаетъ... «Не можетъ быть, утѣшалъ самъ себя Говоровъ, она не можетъ повѣрить... вѣдь мы такъ хорошо съ ней жили!.. Спросить развѣ ее? и если она не знаетъ... зачѣмъ наводить ее на дурныя мысли? Не посовѣтоваться ли съ Мишей! можетъ быть онъ что нибудь скажетъ?.. Вотъ глупость-то хотѣлъ я сдѣлать! подумаютъ, что я испугался и хочу оправдываться. Боже мой, что-же мнѣ дѣлать?.. Жалко Машу, окле-

ветали бѣдную дѣвушку, а заступиться не могу, хуже только сдѣлаю. Ну, что будетъ то будетъ! можетъ все обойдется и такъ. И Николай Петровичъ махнулъ на все рукой. Но ему какъ-то неловко стало; ему все казалось, что всѣ смотрятъ на него, замѣчаютъ каждое слово, и Говоровъ сталъ еще больше избѣгать домашнихъ, общихъ разговоровъ, и подъ разными предлогами уходилъ въ свой кабинетъ и просиживалъ одинъ цѣлые часы.

Лизавета Ивановна перестала выѣзжать и тоже старалась быть одна. Ее ничего не занимало больше: возьметъ работу какую нибудь, а сама задумается и сидитъ долго, долго такъ, а работа на колѣняхъ лежитъ. Измѣнилась она бѣдная, худая такая сдѣлалась, блѣдная, или разгорятся вдругъ щеки у ней такъ, что самой больно, а между тѣмъ дрожитъ вся, ознобъ такой, что никакъ согрѣться не можетъ. Пойдетъ ляжетъ на постель и малины напьется, закутается, а все не было легче.

XVI.

На дворѣ шелъ дождь и вся семья собралась въ столовой за чайнымъ столомъ. Надежда Ивановна была необыкновенно ко всѣмъ внимательна, ласкова. Нѣсколько разъ заговаривала она съ Варенцовымъ, распрашивала его объ университетѣ, объ его урокахъ и наконецъ спросила о Машѣ.

— У васъ, я слышала, есть сестра, красавица, умница. Что вы ее прячете?.- При послѣднихъ словахъ она взглянула на Николая Петровича.

Говоровъ сконфузился и спѣшилъ отвѣтить.—Мы ее не прячемъ: она въ пансіонѣ... Мы думали, она стѣснитъ васъ, я предполагалъ... И онъ окончательно запутался. Всѣ глядѣли на него; Лизавета Ивановна поблѣднѣла.

— Я васъ не обвиняю, Nicolas, сказала Надежда Ивановна, улыбаясь, я только говорила съ monsieur Варенцовымъ, и повторяю еще разъ: какъ не стыдно вамъ, Михаилъ Алексѣевичъ, прятать сестру свою, лишать насъ удовольствія познакомиться съ нею.

— Я думалъ, что она будетъ лишняя здѣсь, спокойно отвѣчалъ Варенцовъ, не замѣчая общаго смущенія. Вы такъ давно не видали Лизавету Ивановну, сестру вашу .. 10 лѣтъ разлуки... сколько вамъ

надо поразсказать о вашей жизни!.. И я полагалъ, что всякое постороннее лице лишнее...

— Но ни вы, Михаилъ Алексѣевичъ, ни сестра ваша; она считается членомъ семейства Говоровыхъ...

— Николай Петровичъ всталъ со стула и пошелъ набивать трубку.

— Nicolas, куда-же ты ушелъ, я думала, что ты первый примешь мою сторону и докажешь monsieur Варенцову, что mademoiselle Marie не чужая вамъ...

— Николай Петровичъ поблѣднѣлъ, съ упрекомъ взглянулъ на сестру и ни сказавши ни слова, вышелъ изъ комнаты.

«Что съ вами?»! вскричали всѣ, взглянувши на Лизавету Ивановну.

Говорова, блѣдная, смотрѣла на мужа и вся дрожала. Ушелъ онъ, а она все смотрѣла на дверь. Слезы градомъ катились по щекамъ ея... «Со мною ничего!».. проговорила она, полузакрывая глаза и облокачиваясь на спинку креселъ.

— Вамъ надо отдохнуть, сказала Зинаида Григорьевна.

— Да, мнѣ надо отдохнуть.

Всѣ встали.

— Что же, нашъ споръ не оконченъ, сказала Надежда Ивановна, подходя къ Варенцову.

— Ваше желанье будетъ исполнено: сестра моя завтра будетъ здѣсь.

— Она будетъ завтра здѣсь? повторила Надежда Ивановна, не скрывая радости.

— Да, мнѣ надо отдохнуть, твердила Лизавета Ивановна, входя въ спальню. О, какъ измучилась я! грудь болитъ, вздохнуть больно... Боже мой, Боже! за что ты наказываешь! чѣмъ я прегрѣшила предъ тобою.. Господи! десять лѣтъ прожили мы вмѣстѣ, ни разу не поссорились!.. Онъ пренебрегаетъ мной, говоритъ Надя; онъ смотрѣлъ на меня какъ на кухарку; а я бѣдная, не понимала и счастлива была!.. сколько горя!.. Дѣтей нѣтъ у насъ... я приняла сироту, обласкала, привязалась къ ней, а она!.. отняла отъ меня мужа!.. Что же? я должна была знать это: она молоденькая, хорошенькая... А я развѣ дурна? И Лизавета Ивановна подошла къ туалету и, утирая слезы, посмотрѣла въ зеркало... Какъ я перемѣнилась въ это время, похудѣла, почернѣла!.. Отъ горя все!.. Николя! Николя! зачѣмъ ты меня разлюбилъ! Силъ нѣтъ. Жить не могу, не вынесу. И она въ изнеможеніи опу-

стилась на колѣни предъ кіотой, глядѣла на иконы, но безъ мысли, хотѣла молиться, но молитвы забыла, словъ не было больше... И скрестивши руки на груди, она не плакала больше, а стояла такъ, какъ будто замерла вся.

XVII.

«Маша Варенцова! Мари Варенцова! за вами пришли, братъ за вами пришелъ!» раздавалось по пансіонскимъ заламъ. Маша вспыхнула вся и не знала что дѣлать. Она не вѣрила ушамъ своимъ. «Не шутите, mesdames, это не хорошо.»

— «Ну вотъ не вѣришь, право твой братъ пришелъ и велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты скорѣе шла.»

Машѣ было не долго собираться, она всякій день была на-готовѣ. На-бѣгу она простилась съ воспитанницами, едва выслушала нравоученье классной дамы, но не забыла спросить подругу свою: хороша ли она въ этомъ платьѣ?

— Ты сегодня необыкновенно мила.

— Право? съ удовольствіемъ отозвалась Маша и, поцѣловавъ ее, побѣжала въ залу, гдѣ ее ждалъ братъ. Почему за мною прислали? приставала она къ нему дорогою.

— Надежда Ивановна просила, нехотя отвѣтилъ Варенцовъ

— Я говорила, что она добрая, я говорила, что она лучше всѣхъ, твердила Маша, готовая прыгать отъ радости. Все лице ее смѣялось, глазки блестѣли, щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Какъ ты сегодня хороша, сказалъ Варенцовъ, взглянувши на сестру.

— Мнѣ это и Катя сейчасъ сказала. Я такъ счастлива сегодня.

Варенцовъ покачалъ головой.

— Что же, развѣ это дурно? Вся наша цѣль—достигнуть счастья.

— Счастья прочнаго.

— Ни что не прочно подъ луною, смѣясь сказала Маша, вбѣгая на лѣстницу къ Говоровымъ.

Въ дверяхъ они встрѣтились съ Николаемъ Петровичемъ и, поздоровавшись, вмѣстѣ взошли въ комнаты.

Въ домѣ все было тихо. Лизавета Ивановна не спала всю ночь. Въ жару металась она на постели, произносила несвязныя слова,

звала мужа и Машу, говорила, что ничему ни вѣритъ. Ты любишь меня, Николя, любишь? спрашивала она, но Николая Петровича не было дома. Всю ночь проходилъ онъ по улицамъ, не имѣя силъ возвратиться назадъ. Къ знакомымъ онъ тоже не рѣшался зайдти: ему казалось, всѣ узнаютъ стыдъ его, его горе. Надежда Ивановна сидѣла у больной и не впускала къ ней никого. «Я всѣми оставлена!» твердила больная. Проклятіе вамъ!—погубили меня! А за что? За то, что я такъ горячо любила тебя!».. А потомъ опомнится, взглянетъ вокругъ себя, увидитъ сестру. «Зачѣмъ ты здѣсь? спрашиваетъ, она ты хочешь видѣть мои страданья. На, возьми мое сердце! ты и такъ растерзала его!»..

— Тише, Лиза, ангелъ мой! успокойся, чѣмъ же я виновата?

— Да, ты не виновата. Ты мнѣ только глаза открыла... вы мнѣ сказали: онъ любитъ Машу, они смѣются надо мною... Я не смогу видѣть его.

— Онъ и не пріѣдетъ къ тебѣ, бѣдная: Николя не ночевалъ дома. Поведеніе этого человѣка невыносимо, онъ погубитъ тебя! Лиза, уѣдемъ отсюда, я спасу тебя.

— Да, да, уѣдемъ далеко, далеко!

И Лизавета Ивановна вскакивала съ постели. Надежда Ивановна дрожала вся: съ ужасомъ глядѣла она на сестру. Боже мой, помоги мнѣ! говорила она. Лиза, другъ мой, успокойся, лягъ на постель, ты больна, тебѣ надо поправиться. Потомъ мы уѣдемъ, будемъ счастливы.

— Счастливы! развѣ я могу быть счастлива безъ Николи? развѣ ты не любишь мужа своего?

— Господи! силъ моихъ нѣтъ, я не могу видѣть твоихъ страданій. И Тускова припала къ подушкѣ и плакала.

— О чемъ ты плачешь?—ты думаешь, я умру?.. Нѣтъ, я еще долго буду жить, я буду мстить имъ!.. Я разскажу всѣмъ: вотъ, она погубила меня!.. отняла отъ меня мужа. Ее никто не приметъ. Мѣста она не найдетъ себѣ, развратница!

— Сестра! можетъ быть она не виновата? она еще молода. Можетъ быть это братъ научилъ ее, заставилъ...

— Братъ?!

— Да, Варенцовъ... Они вѣдь бѣдныя... вы богаты.

А въ сосѣдней комнатѣ у двери стояли Николай Петровичъ, Маша и Варенцовъ... Имъ такъ хотѣлось знать, что дѣлается съ ихъ милой, дорогой Лизаветой Ивановной.

Маша все слышала. «Маменька!»... простонала она и упала на полъ.

Варенцовъ, блѣдный, взглянулъ на Говорова, сердце его билось, кровь прилила въ голову, онъ дрожалъ, грудь его разрывалась отъ боли, голосъ захватило и онъ нѣсколько минутъ не могъ выговорить ни слова. Наконецъ понемногу собралъ силы. «Николай Петровичъ, отвѣчайте, что все это значитъ?» сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.

Но тотъ не слыхалъ словъ его и закрывъ руками лице, въ отчаяніи повторялъ: «погубила она насъ, погубила!»..

«Подлецъ»! прошепталъ Варенцовъ, стиснувъ зубы. Страшная ненависть блеснула въ глазахъ его; кулаки судорожно сжались, онъ готовъ былъ убить Говорова, сестру. Но онъ преодолѣлъ себя, и въ отчаяніи бросился изъ комнаты. Быстро пробѣжалъ онъ залу, переднюю и самъ не понимая какъ очутился въ саду. Солнце высоко стояло въ небѣ; все было такъ ясно ни облачка. На вѣтвяхъ густой ивы пронзительно кричали синички, а въ другомъ углу сада раздавался мѣрный стукъ дятла, прерываемый карканьемъ воронъ. Варенцовъ опомнился; онъ стоялъ въ глухой аллеѣ изъ акацій и черемухи. Между ними, какъ сирота стояла, бѣлая береза, осѣняя раскидистыми вѣтвями своими садовый колодезь. Свѣжей сыростью пахнуло на Михаила Алексѣевича. Онъ горько улыбнулся, сѣлъ на скамью и зарыдалъ. «Бѣдная, бѣдная сестра! твердилъ онъ, не сберегъ я тебя! я вѣрилъ еще въ честность людей, и забылъ, что мы бѣдные! А онъ, подлецъ, наругался надъ нами!».. И слезы градомъ хлынули изъ глазъ его.—«Нѣтъ, продолжалъ онъ, ты не виновата... виноватъ одинъ я. Я долженъ былъ слѣдить за тобою; я долженъ былъ воспитать тебя самъ, а не отдавать въ пансіонъ. Вотъ и благодѣтели! лучше черствый кусокъ хлѣба, чѣмъ такіе благодѣтели!.. Но я не оставлю тебя, бѣдная, я увезу тебя отсюда, изъ этого змѣинаго гнѣзда!»,. И Варенцовъ пошелъ къ дому, вбѣжалъ въ переднюю, отворилъ дверь въ залу и остановился. Ему послышался стонъ, онъ узналъ голосъ сестры, вся кровь прилила ему къ сердцу. Варенцовъ пошатнулся и схватившись за притолоку руками, стоялъ такъ и все слушалъ, все ждалъ чего-то. И вотъ еще разъ повторился раздирающій стонъ, и Варенцовъ не выдержалъ, въ одну минуту онъ былъ уже въ гостиной; тамъ, на диванѣ лежала Маша. Зинаида Григорьевна стояла наклонившись надъ нею и растирала ей виски.

— Михаилъ Алексѣичъ! съ упрекомъ сказала она, увидавши Варен-

цова, зачѣмъ вы оставили сестру? она и такъ несчастна: ее оклеветали, а вы не хотѣли заступиться за нее.

— Что говорите вы? съ недовѣріемъ спрашивалъ Варенцовъ.

— Тише, прошу васъ, тише; я вамъ все скажу; погублю себя, но открою истину, спасу ее. И Зинаида Григорьевна съ увлеченьемъ осыпала поцѣлуями бѣдную дѣвушку.

А Маша въ забытьи шептала все: «маменька! братецъ! не оставляйте меня!»

Варенцовъ глядѣлъ на нихъ и сердце его радостно билось: онъ надѣялся на счастье.

— Зинаида Григорьевна, говорите; заклинаю васъ всѣмъ, что вамъ дорого въ свѣтѣ: откройте истину. Повторите еще разъ, что моя сестра оклеветана, что она не виновна.

— Да, ее оклеветали, задыхающимся голосомъ сказала гувернантка.

— Я готовъ жизнь за васъ положить, умереть у ногъ вашихъ... И Варенцовъ упалъ на колѣни и осыпалъ поцѣлуями руки ея... Скажите все, все... кто оклеветалъ ее?

— Она...

— Надежда Ивановна?

— Да, Надежда Ивановна... чтобы вытѣснить васъ; она боится васъ.

— Она боится насъ, а не побоялась оклеветать невинную дѣвушку!.. о, дорого заплатитъ она мнѣ!

— Братецъ, слабымъ голосомъ произнесла Маша, приходя въ себя, братецъ, не вѣрь имъ.

— Не вѣрю, не вѣрю, другъ мой, сокровище мое, дитя мое! Прости меня, что я осмѣлился подумать о тебѣ дурно. И онъ цѣловалъ сестру, цѣловалъ руки Зинаиды Григорьевны.

— Вотъ спасительница наша, вотъ сестра твоя!

Радостно билось сердце гувернантки. «Все кончено»! думала она, и улыбка счастья оживила лице ея. Какъ я страдала за васъ!.. Теперь я счастлива!

— Будемъ всѣ счастливы! съ восторгомъ произнесъ Варенцовъ.

— Нѣтъ, братецъ, всѣ знаютъ мой позоръ. Маменька не проститъ меня. Она ей повѣритъ больше... вѣдь она сестра ея.

Варенцовъ всталъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, подумалъ и пошелъ изъ комнаты.

— Михаилъ Алексѣевичъ, куда вы? тревожно спросила его Зинаида Григорьевна.

— Я пойду къ Лизаветѣ Ивановнѣ и открою все.

— Не ходите къ нимъ, умоляю васъ, вы испортите все дѣло... Она не повѣритъ вамъ.

— Вы будете свидѣтельницей, твердо отвѣтилъ Варенцовъ и не оглядываясь вышелъ изъ комнаты.

Зинаида Григорьевна поблѣднѣла, сердце замерло у ней. «Что-то будетъ, что-то будетъ?» твердила она.

А Маша обнимала ее, цѣловала, ласкала. «Спасительница наша, милая моя, чѣмъ мы вамъ отблагодаримъ!»

Николай Петровичъ все стоялъ у двери въ спальню. Онъ не зналъ, что дѣлать ему, идти ли куда или оставаться. Дико, дико осмотритъ комнату, взглянетъ на дверь, всплеснетъ руками и вздохнетъ, да такъ вздохнетъ, что волосы дыбомъ встанутъ, сердце перестанетъ биться. «Вотъ оно, горе-то! незванное, непрошенное!» твердилъ онъ, качая головой. «И это сестра?—Извергъ! Какую пользу видитъ она разстроить спокойствіе семейства, оклеветать невинную дѣвушку?!... А Миша!.. что я отвѣчу ему?—скажу: неправда! не вѣрьте ничему; а повѣритъ ли онъ мнѣ? заглажу ли этимъ обиду? А Лиза!.. легче ли ей будетъ отъ этого? будетъ ли она меня любить попрежнему?.. О жизнь несчастная!.. Какъ сердце то ноетъ, голова трещитъ!.. лучше умереть, и не видать конца страданьямъ!.. И сестра уѣдетъ, а прежняго не воротишь!.. Недаромъ у меня такъ щемило сердце... недаромъ не взлюбилъ я ее.. Это не сестра, это вѣдьма, фурія... Наказаніе Божеское!.. Охъ, грѣшу я, грѣшу, несчастный. Испытанія Божія съ терпѣньемъ перенести не хочу. Отвѣчу я царю небесному.

А Лизавета Ивановна все металась на постели. Надежда Ивановна, блѣдная, сидѣла у изголовья. Страданья сестры становились ей невыносимы. Ей было и жалко и досадно смотрѣть на все. «Любить человѣка, который такъ насмѣялся надъ нею!.. думала она». Не имѣть силъ перенести горе!.. да и можно ли это назвать горемъ?.. Теперь ты можешь жить какъ хочется, ты свободна!..

— Я не могу быть счастливой, говорила Лизавета Ивановна, какъ бы отвѣчая на мысли сестры. Я умру скорѣе, чѣмъ перенесу это горе!..

— «Да полно, Лиза, ты разрываешь сердце мое, вѣдь я тебѣ не чужая! я не могу смотрѣть спокойно на тебя.

— А каково мнѣ-то несчастной? У тебя вчуже сердце разрывает-

ся, а у меня и нѣтъ его уже... Смотри, оно не бьется, умерло совсѣмъ... и я умру...

— Зачѣмъ я ей сказала все? думала Тускова, вотъ исторію-то начала... И къ-чему вмѣшалась?—ну, пускай бы жили какъ хотѣли! что мнѣ до этой дѣвчонки, до брата ея? уѣду лучше... А аукціонъ!.. бѣдность!... униженіе!.. Нѣтъ, что будетъ, то будетъ! теперь поздно отступать; да и что?—вѣдь я ничего не выдумала: все истина, что я сказала; если онъ не любитъ Машу, такъ другую вѣрно!.. и Надежда Ивановна улыбнулась. Полно, Лиза, полно, дружочекъ! все обойдется! сказала она, цѣлуя сестру.

Лизавета Ивановна не отвѣчала ей, не пошевельнулась. Тускова взглянула на нее и ей странно стало, ознобъ пробѣжалъ по всей и она вздрогнула. «Ужъ не умираетъ ли она?» Чѣмъ больше Надежда Ивановна вглядывалась въ больную, тѣмъ больше страхъ охватывалъ всю. . И ей пришло въ голову, что она убила сестру... «Лиза!» вскрикнула она. Отвѣта не было. Тускова съ ужасомъ бросилась къ двери: отворила, наткнулась на Николая Петровича и съ досадой отвернулась отъ него... «Доктора!.. умираетъ!» прошептала она и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

«Доктора!» повторилъ Говоровъ, а самъ не тронулся съ мѣста. Его нельзя было узнать. Въ нѣсколько часовъ онъ совершенно измѣнился. Лице какъ-то осунулось, глаза были красны и глядѣли безсмысленно, волосы растрепаны, самъ онъ сгорбился... «Доктора! повторялъ онъ, Лиза умираетъ!»

Въ эту минуту вошелъ Варенцовъ. Злобно улыбнулся онъ, взглянувши на Тускову, и молча прошелъ въ спальню. Николай Петровичъ вошелъ тоже. Лизавета Ивановна лежала въ томъ-же положеніи, вытянувшись; одна рука ея свѣсилась съ постели, другая лежала на груди, судорожно сжавши одѣяло. Мертвенная блѣдность покрывала лице ея, глаза были полуоткрыты и мутны, безъ выраженія. На губахъ выступила кровавая пѣна.

Николай Петровичъ молча опустился на колѣна и прильнулъ губами къ холодной рукѣ жены своей.

Варенцовъ не могъ опомниться. Онъ стоялъ у постели и все смотрѣлъ на безчувственное лице Лизаветы Ивановны. Но вотъ вся кровь закипѣла въ немъ, и онъ, не удерживая себя больше, схватилъ за руку Тускову и привлекъ ее къ кровати. «Что сдѣлали вы? говорилъ

онъ задыхающимся голосомъ, убили ее! вы, родная сестра ея! Что вы сдѣлали?!..» повторялъ онъ, злобно смотря ей въ лице.

Надежда Ивановна дрожала вся и не знала куда глядѣть, что ей дѣлать. Она жалка была въ эту минуту. Она способна была на легкую подлость, способна была поживиться деньгами; но никогда не рѣшилась бы пріобрѣсти ихъ такой цѣной. Она понимала только физическое страданье—и вотъ оно явилось предъ нею во всемъ ужасающемъ величіи. Надежда Ивановна не думала, что слова ея произведутъ такое дѣйствіе на сестру, потому что не понимала сестры. Она не понимала, что это была натура глубокая, которой для полнаго развитія недоставало только воспитателя. Счастье ея заключалось въ любви и тихихъ семейныхъ радостяхъ. Любовь ея ничѣмъ не нарушалась—и она цвѣла. Лизавета Ивановна исполняла свои обязанности, какъ научили ее въ дѣтствѣ. Мужъ не требовалъ отъ ней другаго: былъ доволенъ ея хозяйствомъ, ея простотой, и она не хотѣла выйти изъ того узенькаго кружка, въ который заключила ее судьба. И вотъ теперь одно слово вырвало ее изъ этого очарованнаго міра! Надежда Ивановна ужаснулась своего дѣла, но собственные интересы не покидали ея; и ей пришло въ голову: «ну, если Лиза умретъ?... имѣнье принадлежитъ Николаю Петровичу: кому все достанется?»

— Доктора! ради Бога, доктора! говорила она, рыдая. Спасите ее!

— Это подло, это низко! сказалъ Варенцовъ, убить сестру!.. оклеветать всѣхъ! Вы дадите еще отвѣтъ намъ!.. Да, Надежда Ивановна, я не оставлю это такъ... я вступлюсь за сестру мою...

— Что говорите вы? я васъ не понимаю. Nicolas, онъ говоритъ мнѣ дерзости въ вашемъ домѣ!.. вы позволяете... Nicolas, вступитесь за меня! и она бросилась къ Говорову.

— Оставьте его! съ горечью перебилъ Варенцовъ, тихо отстраняя Надежду Ивановну; у него и такъ много горя. Оставьте его! Придетъ время, что и онъ обратится къ вамъ; а теперь отвѣчайте мнѣ: кто позволилъ вамъ оклеветать сестру мою? наругаться надъ нами?

— Михаилъ Алексѣевичъ! ваши слова дерзки и безсмысленны... Я не знаю вашей сестры! вы съ ума сошли.

— Да, вы правду сказали, я съ ума сойду,—отъ горя; но я отмщу за сестру, за Лизавету Ивановну, за эту добрую женщину. О, я видѣть васъ не могу: такъ вы гадко поступили въ этомъ домѣ!.. Молчите! Вашимъ поступкамъ нѣтъ оправданія... Я все знаю... Мнѣ все уже сказали.

— Кто? съ испугомъ спросила Надежда Ивановна.

— Кто!.. съ злобнымъ смѣхомъ повторилъ Варенцовъ. И вы еще спрашиваете: кто? Вы забыли, что около васъ жила благородная дѣвушка, которая не могла остаться равнодушной къ вашимъ низостямъ...

— Такъ это я ей обязана такой сценой?.. Боже мой! не ожидала я... Сама разсказывала мнѣ про все, а на меня свалила!.. О, чтобъ ее сію минуту же не было здѣсь!.. презрѣнная тварь!.. какъ могла я ее терпѣть при дочери моей!..

И Надежда Ивановна бросилась изъ комнаты.

«Кто же изъ нихъ?» думалъ Варенцовъ, идя вслѣдъ за нею.

Съ градомъ ругательствъ накинулась Тускова на гувернантку. Лице ея исказилось отъ злости, гадко было глядѣть на нее. Зинаида Григорьевна уже ожидала этой сцены. Молча, спокойно, съ улыбкой презрѣнія выслушала она слова Надежды Ивановны.

— Довольно! наконецъ сказала она. Я позволила все!.. Конечно, я бѣдная дѣвушка: вы можете меня оклеветать во всемъ, какъ оклеветали Марью Алексѣевну, но у меня есть языкъ, я могу тоже говорить... И гувернантка разсказала все, что знала про Тусковыхъ: и ихъ жизнь въ Петербургѣ, и разореніе, цѣль пріѣзда, цѣль клеветы.

Молча слушалъ Варенцовъ разсказъ этотъ.

«Маша, пойдемъ отсюда!» сказалъ Михаилъ Алексѣевичъ, и взявши сестру за руку, онъ съ презрѣньемъ взглянулъ на обѣихъ женщинъ, покачавъ головой. «Обѣ хороши»! грустно сказалъ онъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ докторъ и успокоилъ всѣхъ. Лизавета Ивановна была только въ сильномъ обморокѣ. Скоро ее привели въ чувство. Долго она не могла говорить и только слушала, что происходитъ вокругъ ея. До ней доходила брань изъ гостиной и Лизавета Ивановна поняла все. Увидала она мужа, прижалась къ нему и зарыдала.

— Лиза, голубчикъ, объ чемъ ты плачешь? не тревожь себя.

— Ты меня любишь? шептала она.

Обнялъ Николай Петровичъ жену свою, прижалъ ее къ сердцу. «Ненаглядная моя, милая, дорогая моя! да съ чего ты взяла говорить такія вещи?

— Говорятъ.

— Кто смѣетъ тебѣ наговаривать на мужа? это все сестра!

— Полно, полно сердиться, я это такъ сказала, я никому не вѣрю. А у самой-то сердце и болитъ, и весело.

И Николай Петровичъ цѣлуетъ ее, милуетъ. — «Ты забыла меня, ты меня бросила, говоритъ ей, какъ жили-то мы хорошо»!

— Хорошо?

— Куда какъ хорошо! вернется ли то времячко, Лиза?

— Вернется! и она скрыла голову свою на груди у мужа.

Но не вернулось прежнее времячко, прежнее спокойствіе въ домѣ Говоровыхъ. Лизавета Ивановна не перенесла душевнаго потрясенья. Слишкомъ долго она таила предъ другими горе свое, всю тоску, и не выдержала она, свалилась въ постель и не встала больше... Двѣ недѣли не отходили отъ нея мужъ и Варенцовъ съ сестрою. Маша не спала ночи, все просиживала около дорогой маменьки. «Все черезъ меня хвораете!..» говорила она.

— Полно, Машенька, будь весела, мнѣ легче теперь! утѣшала ее Лизавета Ивановна... вотъ и голова не болитъ и присѣсть могу... И Говорова старалась приподняться съ подушки, но силы отказывали ей и она тяжело падала назадъ.

Разрывалось сердце у всѣхъ, глядя на нее. Но поздно было. Лизавета Ивановна умерла, съ улыбкой на лицѣ, довольная ласками мужа, благословляя Варенцовыхъ.

Ж. ЛИНСКАЯ.

МЕТТЕРНИХЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

«Мои мемуары, говоритъ князь Меттернихъ, составили бы исторію моего времени; мнѣ не нужно писать ихъ, онѣ уже написаны и лежатъ въ архивахъ». Въ этихъ словахъ, насквозь пропитанныхъ наивнѣйшимъ самообожаніемъ, много правды. Съ 1809 года Меттернихъ становится главою австрійской дипломатіи, и до 1848 года ни одно обще-европейское событіе не обходится безъ его участія. Впродолженіе сорока лѣтъ, Меттернихъ завязываетъ и распутываетъ дипломатическіе вопросы, сзываетъ конгрессы, обсуживаетъ важнѣйшіе интересы націй и правительствъ, умѣряетъ по-своему воодушевленіе народовъ, постоянно борется противъ требованій духа времени, и наконецъ падаетъ отъ неудержимаго напора новыхъ идей и стремленій. Характеристика этой многосторонней дѣятельности можетъ подать поводъ къ плодотворнымъ размышленіямъ въ области новѣйшей исторіи и психологіи. Писать біографію Меттерниха значитъ обсуживать тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, отдѣлять въ этихъ идеяхъ то, что принадлежитъ самому Меттерниху, отъ того, что приписано ему ошибочно, и, объясняя дѣйствія отдѣльной личности вліяніемъ времени и обстоятельствъ, произносить сужденіе надъ цѣлымъ типомъ политическихъ дѣятелей, надъ цѣлымъ направленіемъ, надъ цѣлою системою административныхъ учрежденій. Въ полномъ объемѣ разрѣшить такую огромную задачу въ предѣлахъ журнальной статьи — невозможно; поэтому необходимо изъ многолѣтней дѣятельности Меттерниха выбрать болѣе яркіе факты,

замѣчательные моменты, и, освѣтивъ ихъ какъ слѣдуетъ, показать читателямъ, что за человѣкъ былъ князь Климентъ Венцеславъ Лотарій Непомукъ Меттернихъ, и что такое его знаменитая система, передъ которою многіе благоговѣли, которую многіе осуждали, и которой изобрѣтеніе не совсѣмъ основательно приписывали австрійскому государственному канцлеру.

I.

Отецъ австрійскаго министра, графъ Францъ Георгъ фонъ-Меттернихъ принадлежалъ къ старинной нѣмецкой аристократіи; предки его владѣли обширными помѣстьями на Рейнѣ и отличались особенной приверженностію къ интересамъ католической церкви; имена многихъ Меттерниховъ встрѣчаются въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ, и Лотарь Меттернихъ въ началѣ XVII столѣтія является даже владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ. Впрочемъ на этой высотѣ родъ Меттерниховъ не удержался, и графъ Францъ Георгъ въ 1768 году является посланникомъ Трирскаго курфирста при вѣнскомъ дворѣ, а въ 1774 году переходитъ въ австрійскую службу. Состояніе графа по числу помѣстьевъ было блестящее, но онъ жилъ такъ роскошно, что доходовъ недоставало; долги росли ежегодно, и сыну графа, князю Клименту Меттерниху пришлось удовлетворять старыхъ кредиторовъ своего отца, тогда, когда онъ самъ уже находился на высшей степени своего могущества. Разоряя такимъ образомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Францъ Меттернихъ умѣлъ хорошо поставить себя при вѣнскомъ дворѣ, и составивъ себѣ значительныя связи, далъ своему сыну возможность сразу выдти на блестящую дорогу, не тратя силъ на черную работу, и не засиживаясь въ низшихъ инстанціяхъ. Воспитаніе молодаго графа Климента было ввѣрено его матери, женщинѣ умной, серьезно смотрѣвшей на свои обязанности, но, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, не свободной отъ кастическихъ предразсудковъ. Климентъ Меттернихъ родился въ 1773 году, въ концѣ XVIII столѣтія, въ то время, когда выростало поколѣніе первой французской революціи. Идеи, опрокинувшія старый престолъ Бурбоновъ, прокрались въ аристократическій графскій домъ; первымъ наставникомъ Климента былъ эльзасскій уроженецъ Симонъ, горячо сочувствовавшій мнѣніямъ и поступкамъ позднѣйшихъ Якобинцевъ. Онъ говорилъ ребенку о си-

лѣ и значеніи этихъ мнѣній, носившихся въ воздухѣ эпохи, онъ предсказывалъ ихъ торжество, и ребенокъ запоминалъ эти рѣчи; онъ не сдѣлался революціонеромъ, потому что обстоятельства повели его въ другую сторону; но, отстаивая всѣми силами абсолютизмъ, Меттернихъ считалъ необходимымъ поддерживать его искуственными средствами. Это стремленіе къ поддержанію принципа, за который онъ боролся въ продолженіи 40 лѣтъ, эта постоянная, тревожная боязнь революціи происходила въ Меттернихѣ именно оттого, что онъ былъ близко знакомъ съ идеями либераловъ и въ молодости самъ испыталъ на себѣ силу этихъ идей. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, молодой графъ отправился въ Страсбургъ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Онъ вынесъ оттуда свободное отношеніе къ вопросамъ религіи, усвоилъ способность послѣдовательно мыслить и привыкъ внимательно вглядываться въ окружающіе предметы; онъ развилъ формальную сторону ума, не обогативши его значительнымъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній. Онъ учился шутя, не переставая быть дилетантомъ науки, и обходя всѣ ея непривлекательныя и на первый взглядъ сухія стороны; оно и понятно; ему было 16 лѣтъ; онъ былъ уменъ и хорошъ собою; у него была возможность жить весело и роскошно; онъ пользовался жизнью, и когда приходила фантазія, обращался къ лекціямъ профессоровъ, какъ къ новому источнику пріятныхъ ощущеній; счастливыя способности давали ему средства воспользоваться всѣмъ, что онъ слышалъ мелькомъ, и легко пополнять тѣ пробѣлы, которые оставляли въ его умѣ эти отрывочныя занятія.—Товарищами его были молодые люди аристократическихъ семействъ и различныхъ національностей; со многими изъ нихъ ему пришлось встрѣтиться на дипломатическомъ поприщѣ; вмѣстѣ съ нимъ учились въ Страсбургѣ Разумовскій, Штакельбергъ, Толстой, Голицынъ, Анштетенъ, Нарбоннъ и другіе. Между тѣмъ разыгралась французская революція и заботливая маменька вызвала Климента изъ Страсбурга, гдѣ онъ успѣлъ пробыть около двухъ лѣтъ; протекція отца доставила молодому Меттерниху возможность въ качествѣ церемоніймейстера присутствовать при коронаціи императора Леопольда II; потомъ молодой человѣкъ еще четыре года слушалъ лекціи въ майнцкомъ университетѣ, потомъ отправился путешествовать, побывалъ въ Англіи, и наконецъ 23 лѣтъ отъ роду, въ 1795 году женился на княжнѣ Элеонорѣ Кауницъ, внучкѣ покойнаго министра Маріи Терезіи. Легко и весело жилось счастливому юношѣ; его съ удовольствіемъ принимали въ высшемъ кругу; старый Кауницъ незадолго

передъ своею смертью назвалъ его «образцовымъ кавалеромъ»; его любили и ласкали вѣнскія красавицы; узы брака, заключеннаго по расчету, не стѣсняли его эротическихъ наклонностей; словомъ, свѣтскій блескъ и нѣга жизни наполняли всѣ минуты и владѣли, повидимому, всѣми помышленіями молодаго графа. Между тѣмъ, это время не пропадало даромъ; Меттернихъ всматривался въ людей и пріобрѣталъ то умѣніе держаться въ обществѣ и обращаться съ разнородными личностями, которое было причиною его позднѣйшихъ дипломатическихъ успѣховъ, и главнымъ основаніемъ его карьеры и, слѣдовательно, исторической извѣстности. У Меттерниха были всѣ условія, необходимыя въ то время для дипломата: знатное происхожденіе, значительное богатство, красивая наружность, непринужденное обращеніе; чего же больше? онъ могъ вполнѣ успѣшно быть представителемъ своего кабинета при какомъ нибудь иностранномъ дворѣ, и дѣйствительно въ 1801 году его назначили посланникомъ въ Дрезденъ. Важныхъ дѣлъ у него тамъ не было, тѣмъ болѣе, что политика саксонскаго правительства зависѣла тогда отъ Пруссіи, а въ Берлинѣ австрійскимъ посланникомъ былъ опытный дипломатъ Стадіонъ, указывавшій Меттерниху своимъ примѣромъ, какъ поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ. Жизнь въ Дрезденѣ была такъ же весела, какъ въ Вѣнѣ; изъ связей Меттерниха можно отмѣтить связи его съ княгинею Б—въ и герцогинею Саганъ, съ которою онъ поддерживалъ постоянныя сношенія до самаго вѣнскаго конгресса. Въ Дрезденѣ же онъ сблизился съ Фридрихомъ Генцомъ, который впослѣдствіи сдѣлался его помощникомъ и секретаремъ, безусловнымъ исполнителемъ его воли. Въ 1803 году Меттерниха перевели въ Берлинъ; дѣла сдѣлались серьезнѣе; Австрія въ это время нуждалась въ союзникахъ, и Стадіонъ былъ посланъ въ Петербургъ, а Меттерниху поручено было склонять къ войнѣ съ Наполеономъ прусское правительство, чтобы составить такимъ образомъ противъ французской имперіи тройственный союзъ между Австріею, Россіею и Пруссіею. Аустерлицкое сраженіе разстроило весь этотъ планъ, и Меттернихъ, собиравшій грозу противъ Наполеона, въ 1806 году самъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Положеніе его было очень затруднительно; ладить съ Наполеономъ было мудрено; послѣ побѣды при Аустерлицѣ, Наполеонъ не зналъ границъ своему высокомѣрію, распекалъ представителей иностранныхъ державъ, безъ церемоніи бранилъ при посланникахъ ихъ государей, и особенно гнѣвался на австрійскаго императора, котораго онъ громко называлъ

«мятежнымъ вассаломъ». Меттерниху надо было поддерживать достоинство своего двора, не раздражая гордаго побѣдителя; тутъ-то въ Парижѣ и пригодилось ему его поверхностное образованіе и обращеніе; онъ умѣлъ льстить, не возбуждая къ себѣ презрѣнія, и это замѣчательное искуство понадобилось ему въ полномъ своемъ объемѣ. Сверхъ того, Меттернихъ въ Парижѣ пустилъ въ ходъ еще одно искуство: пользоваться любовными связями для политическихъ цѣлей. Онъ завязалъ интригу съ сестрою Наполеона, Каролиною Мюратъ, и черезъ нее узнавалъ намѣренія императора и вкрадывался до извѣстной степени въ его политическіе планы. Наполеонъ зналъ о существованіи этой интриги, думалъ даже, что она можетъ быть ему полезна, и конечно жестоко ошибался въ своихъ ожиданіяхъ; Меттернихъ не проговаривался, и кромѣ того, Каролина дѣйствительно любила его и для него охотно жертвовала интересами своего брата. На какомъ-то придворномъ собраніи, Наполеонъ громко сказалъ своей сестрѣ: «Amusez ce niais là; nous en avons besoin à présent!» Первая часть этого приказанія исполнялась какъ нельзя лучше, но положительно извѣстно, что интересы французской имперіи оставались въ этомъ случаѣ въ сторонѣ, и французскіе дипломаты того времени находятъ даже, что было бы гораздо лучше, еслибы сестра императора вовсе не забавляла австрійскаго посланника. *Ce niais* начиналъ быть нуженъ Наполеону потому, что въ это время, т. е. около 1808 года война въ Испаніи приняла самые серьезные размѣры; отношенія Франціи къ Пруссіи и Россіи также были ненадежны; ссориться съ Австріею было, стало быть, опасно, потому что война могла обнять всю Европу, а между тѣмъ австрійское правительство усиливало свое войско; всѣ дипломатическія сношенія Наполеона и его министровъ съ австрійскимъ дворомъ не могли остановить этихъ зловѣщихъ приготовленій. 15-го августа 1808 года, въ день своего рожденія, Наполеонъ, наканунѣ возвратившійся изъ Испаніи, принималъ посланниковъ всѣхъ европейскихъ державъ; онъ былъ раздраженъ неудачами своихъ армій на Пиринейскомъ полуостровѣ и рѣшился запугать Австрію угрозами и страшными взрывами своего диктаторскаго гнѣва. Въ самомъ началѣ аудіенціи онъ нападалъ на неаполитанскую королеву, потомъ, отыскавъ Меттерниха, пошелъ прямо на него, взялъ его за грудь и спросилъ громовымъ голосомъ:

— Чего хочетъ вашъ императоръ?

Меттернихъ не тронулся съ мѣста, не перемѣнялся въ лицѣ и отвѣчалъ спокойно и твердо:

— Онъ хочетъ, чтобы вы уважали его посланника.

Наполеонъ принялъ руку и остановился на минуту, но раздраженіе его было слишкомъ сильно и онъ продолжалъ, громко, и постепенно разгорячаясь, выговаривать австрійскому правительству неискренность его политики. Меттернихъ слушалъ спокойно, сохраняя почтительное выраженіе лица, не обнаруживая ни волненія, ни робости. Слѣдствіемъ этой геройски выдержанной аудіенціи было то, что молодой дипломатъ значительно повысился въ мнѣніи Наполеона; уже въ то время многіе при парижскомъ дворѣ замѣтили, что Меттернихъ отлично владѣетъ собою и во всякую данную минуту располагаетъ своими словами, тономъ голоса и мускулами лица. Маршалъ Ланнъ, первый герой наполеоновской арміи, бывшій на *ты* съ императоромъ, громко расхохотался однажды, послѣ ухода Меттерниха и Талейрана, имѣвшихъ при немъ довольно оживленный разговоръ съ Наполеономъ.

— Хорошъ вкусъ у Каролины, сказалъ откровенный маршалъ; каково смиреніе! Въ то время, какъ онъ (Меттернихъ) говорилъ съ тобою, я бы могъ дать ему сзади пинька, и ты бы навѣрное не замѣтилъ на его сладкихъ губахъ ни малѣйшаго движенія.

Доходило ли *смиреніе* Меттерниха до такихъ баснословныхъ предѣловъ — не знаю; положительно извѣстно то, что онъ своею непроницаемостью выводилъ изъ терпѣнія пылкаго Наполеона; кончилось тѣмъ, что императоръ, видя, что отъ Меттерниха никогда нельзя добиться истины, махнулъ на него рукою и пересталъ распрашивать его о намѣреніяхъ австрійскаго правительства. Роль Меттерниха была дѣйствительно тяжела и невыгодна; приходилось до послѣдней минуты, до окончательнаго разрыва хитрить съ Наполеономъ, зная, что никто этими хитростями не обманывается. Война 1809 года прекратила на время дипломатическую игру Меттерниха; но война эта, какъ извѣстно, продолжалась всего четыре мѣсяца, кончилась пораженіемъ Австрійцевъ при Ваграмѣ, и принудила Австрію исполнить всѣ требованія побѣдителя. Меттерниху поручено было вести переговоры, но никакое умѣніе владѣть собою, никакая діалектика, никакая дипломатическая изворотливость не могли доставить Австріи перевѣса. Сила была на сторонѣ побѣдителя, и ваграмское дѣло было слишкомъ энергическимъ аргументомъ для австрійскихъ уполномоченныхъ. Условія мира были тяжелы, и попытка Австріи отмстить за Аустерлицъ обрушилась на ея же голову. Во всемъ этомъ дѣлѣ всѣхъ больше выигралъ Меттернихъ; дипломатическія дѣянія его были не блестящи; внѣшняя

его представительность, какъ мы видѣли, не приносила Австріи существенной пользы; роль его въ Дрезденѣ была ничтожна, въ Берлинѣ безплодна, въ Парижѣ—положительно вредна; дѣло въ томъ, что Меттернихъ ошибался самъ насчетъ положенія Наполеона; въ своихъ донесеніяхъ и посольскихъ депешахъ онъ представлялъ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; этими донесеніями онъ поддерживалъ воинственныя намѣренія своего правительства; война вышла неудачная; повидимому часть отвѣтственности должна была пасть на заблуждавшагося посланника; мало того, этотъ самый посланникъ, уполномоченный вести переговоры, не успѣлъ ничего выторговать у побѣдителя, стало быть и тутъ оказался если не виноватымъ, то, по крайней мѣрѣ, несчастливымъ. Начало карьеры было очевидно не блистательно, а между тѣмъ дѣло повернулось такъ, что, тотчасъ по заключеніи мира съ Наполеономъ, Меттернихъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Стадіона, стоявшаго въ головѣ военной партіи. Почему такъ случилось, сказать трудно. Одни думаютъ, что назначеніе Меттерниха было сдѣлано въ угоду Наполеону, который, несмотря на парижскія размолвки съ бывшимъ посланникомъ, видѣлъ въ немъ больше сочувствія къ себѣ, чѣмъ въ Стадіонѣ; другіе объясняютъ это дѣло гораздо проще, придворными интригами враговъ Стадіона и доброжелателей Меттерниха. Съ минуты своего назначенія въ министры иностранныхъ дѣлъ, графъ Климентъ Меттернихъ весь принадлежитъ исторіи до самой эпохи своего паденія въ 1848 году; его частная нравственность, его личныя добродѣтели и недостатки отходятъ на задній планъ; онъ становится важенъ, какъ дѣятель, какъ проводникъ принципа, какъ поборникъ извѣстнаго направленія.

II.

Принимая портфель министра, Меттернихъ опирался на партію, противоположную чисто-нѣмецкой, патріотической партіи, желавшей войны съ Наполеономъ и находившейся подъ предводительствомъ Стадіона. — Первыя дѣйствія Меттерниха показали, что онъ находитъ безразсудною и невозможною дальнѣйшую борьбу съ Французскою имперіею; въ покорности передъ Наполеономъ, и въ союзѣ съ нимъ онъ видѣлъ единственный путь къ спасенію. Какія слѣдствія будетъ

имѣть этотъ союзъ—этого нельзя было предвидѣть, да Меттернихъ и не смотрѣлъ вдаль; потребность настоящей минуты обращала на себя все его вниманіе, и онъ шелъ по извѣстному пути, если такъ было выгодно, а потомъ сворачивалъ въ другую сторону, если того требовали обстоятельства. Теперь, сила была на сторонѣ Наполеона, ссориться съ нимъ было неудобно, стало быть, надо было съ нимъ сблизиться, вопреки всѣмъ преданіямъ австрійской политики, вопреки всѣмъ недавнимъ оскорбленіямъ, и даже несмотря на то, что всякій союзъ съ Наполеономъ непремѣнно долженъ былъ принять видъ вассальныхъ отношеній. Средствомъ къ сближенію было между прочимъ бракосочетаніе Наполеона съ дочерью императора Франца, эрцгерцогинею Маріею Луизою. Переговоры объ этомъ бракѣ были завязаны по идеѣ Меттерниха, и самъ Меттернихъ, весною 1810 года, проводилъ въ Парижъ молодую французскую императрицу. Союзъ съ Франціею состоялся однако гораздо позднѣе, передъ самымъ началомъ похода 1812 года; Меттернихъ умѣлъ затянуть переговоры, такъ что Наполеону, торопившемуся разгромить Россію, пришлось купить союзъ съ Австріею цѣною такихъ уступокъ, о которыхъ онъ не думалъ прежде. Какъ только обозначились недружелюбныя отношенія между Россіею и Франціею, такъ Меттернихъ принялъ на себя роль хладнокровнаго зрителя, присутствующаго при горячемъ спорѣ двухъ противниковъ, несочувствующаго ни тому, ни другому, и готоваго склониться на ту или другую сторону, смотря потому, кто больше дастъ, и кто сильнѣе. Такіе люди всегда должны выиграть въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ; они ничѣмъ не рискуютъ; внимательно слѣдя за ходомъ борьбы, они стараются только уловить ту минуту, въ которую одна изъ борящихся сторонъ начинаетъ одолѣвать, но еще не увѣрена въ своемъ торжествѣ; тогда они присоединяются къ этой торжествующей партіи, ускоряютъ пораженіе противуположной стороны, и дѣлятъ добычу, не принимавши участія въ серьезныхъ опасностяхъ борьбы. Это называется по–русски: въ мутной водѣ рыбу ловить, и эта формула дѣйствительно подходитъ, какъ нельзя лучше, къ той политикѣ Меттерниха, за которую его произвели чуть не въ геніи. Наполеонъ идетъ на Россію; Австрія присоединяетъ къ его арміи вспомогательный корпусъ; начинаются неудачи Наполеона; и австрійскій корпусъ, слѣдуя приказаніямъ своего правительства, начинаетъ дѣйствовать вяло и медленно; наконецъ Наполеонъ бѣжитъ изъ Россіи, и австрійскій генералъ Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы прикрыть

его отступленіе, выводитъ свои войска изъ Польши, и безъ сопротивленія отдастъ ее русской арміи. Благодаря этимъ маневрамъ, Австрія, къ концу кампаніи 1812 года, поставила себя въ совершенно-нейтральное положеніе, и дала понять воюющимъ сторонамъ, что она, смотря по обстоятельствамъ, можетъ повернуть свои пушки противъ Французовъ или противъ Русскихъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ французскими дипломатами, Меттернихъ далъ замѣтить, что война слишкомъ тяжела для Австріи, что Австрія желаетъ мира, и что австрійскому правительству было бы пріятно знать требованія Наполеона, чтобы, сообразуясь съ ними, начать за себя и за Францію переговоры съ Россіею и Пруссіею. Между тѣмъ, не дожидаясь положительныхъ отвѣтовъ Наполеона, Меттернихъ послалъ Вессенберга въ Лондонъ, а Лебцелтерна въ русскую главную квартиру, чтобы на всякій случай завязать сношенія съ врагами Франціи.

Союзъ съ Наполеономъ оказался фактически разрушеннымъ, хотя на словахъ Меттернихъ и продолжалъ увѣрять его въ неизмѣнной дружбѣ своего правительства.—Роль посредника между воюющими сторонами постепенно смѣнила собою роль союзника; Наполеонъ давно перестала вѣрить искренности Австріи, но онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ круто повернуть дѣло и поневолѣ долженъ былъ мириться съ двуличною политикою Меттерниха, чтобы не превратить ее въ открытую вражду. А между тѣмъ дошло дѣло и до вражды. Являясь примирительницею воюющихъ сторонъ, навязывая Наполеону свое непрошенное посредничество, Австрія стала склоняться на сторону Пруссіи и Россіи, и поставила Наполеону такія условія мира, на которыя онъ не могъ согласиться; тогда Наполеонъ попробовалъ заключить отдѣльный миръ съ Россіею; еслибы эта попытка была удачна, то Австрія конечно потеряла бы всѣ выгоды своего положенія и испытала бы еще разъ слѣдствія наполеоновскаго гнѣва. Меттернихъ предвидѣлъ это и понималъ, что подобнаго соглашенія между Россіею и Франціею допускать ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ; онъ обѣщалъ союзникамъ, что Австрія объявитъ войну Наполеону, если онъ не согласится на предлагаемыя условія и не заключитъ общаго мира. Между воюющими сторонами было заключено перемиріе на шесть недѣль; Меттернихъ поѣхалъ къ союзникамъ въ главную квартиру, потомъ къ Наполеону въ Дрезденъ; заявилъ первымъ готовность Австріи поднять оружіе противъ Французовъ, и принудилъ втораго принять посредничество Австріи и открыть въ Прагѣ конгрессъ, на

которомъ должны были опредѣлиться условія мира. Конгрессъ состоялся, но не привелъ къ заключенію мира. Наполеонъ постоянно дѣлалъ уступки слишкомъ поздно, и началъ соглашаться тогда, когда конгрессъ былъ уже закрытъ, и перемиріе прекращено. Въ полночь 10-го августа 1813 года переговоры были прерваны и на другой день Австрія приступила къ коалиціи противъ Наполеона. Въ полгода произошелъ такимъ образомъ, безъ шума и скандала, совершенный поворотъ въ положеніи Австріи и въ ея политикѣ; отъ союза съ Наполеономъ она перешла къ открытой враждѣ; неудачи Наполеона не повредили Австріи; союзники слишкомъ дорожили ея содѣйствіемъ, чтобы ставить ей въ вину то обстоятельство, что она такъ недавно стояла на сторонѣ общаго врага; они мирились даже съ тѣмъ, что австрійское правительство, не желая окончательной гибели Наполеона, во многихъ случаяхъ умышленно ослабляло энергію военныхъ дѣйствій.

Вліяніе австрійской политики на дѣйствія союзниковъ выразилось прежде всего въ томъ, что война измѣнила свой колоритъ; интересы народовъ, выдвинутые впередъ въ прокламаціи короля прусскаго, отошли на задній планъ; Францъ I и Меттернихъ вовсе не хотѣли быть вождями народа, стремящагося къ самоосвобожденію; первый заботился о территоріальномъ приращеніи и о личномъ вліяніи на дѣла Европы; второй хотѣлъ быть первымъ министромъ своего государя, исполнителемъ его воли, ревностнымъ защитникомъ интересовъ своего правительства. Народъ, по мнѣнію того и другаго, долженъ былъ играть роль послушнаго орудія. Патріотическое воодушевленіе было, по ихъ мнѣнію, ненужно, и могло при случаѣ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ. Превратить войну противъ Наполеона въ дѣло народа, значило дать этому народу возможность почувствовать свою силу, значило внушить ему ошибочную идею о томъ, что инниціатива принадлежитъ ему, и что правительство нуждается въ его сочувствіи. Эта ошибочная идея могла повести къ цѣлому ряду заблужденій, и отъ этихъ-то заблужденій Францъ I и Меттернихъ старались предохранить Австрію. Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ освобожденію въ Германіи проснулась идея о національномъ единствѣ. Эта идея также была не по вкусу австрійскаго правительства. Составленная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, нѣмецкихъ, славянскихъ, мадярскихъ, Австрія не могла сочувствовать никакимъ національнымъ стремленіямъ, потому что во всякомъ случаѣ эти стремленія должны были разорвать ее на со-

ставныя части и прекратить ея существованіе. Еслибы идея германскаго единства осуществилась, то въ положеніи Австріи произошло бы во всякомъ случаѣ значительное измѣненіе. Императору Францу пришлось бы отказаться или отъ нѣмецкихъ, или отъ славянскихъ и мадярскихъ владѣній; ему было бы необходимо или сдѣлаться императоромъ германскимъ, или, отказавшись отъ германской имперіи, остаться владѣтелемъ восточныхъ своихъ земель, и уступить нѣмецкому правительству своихъ Нѣмцевъ. Сдѣлаться германскимъ императоромъ было, конечно, лестно; но кто же могъ сказать навѣрное, что освободившаяся Германія пожелаетъ имѣть императоромъ именно Франца, а не кого нибудь другаго, напримѣръ, не короля прусскаго? Еслибы случилось такъ, то австрійскій императоръ оказался бы въ чистомъ убыткѣ; ему пришлось бы пожертвовать значительною частью своихъ владѣній и кромѣ того допустить образованіе новаго, сильнаго и притомъ сопредѣльнаго государства. Ни Францъ I, ни Меттернихъ не могли, слѣдовательно, сочувствовать идеѣ соединенія Германіи; ни тотъ, ни другой не любили рискованныхъ мѣръ и значительныхъ переворотовъ; оба рѣшились по возможности поддержать существующее положеніе дѣлъ, образовать германскій союзъ, и, пользуясь обстоятельствами, примежевать къ наслѣдственнымъ австрійскимъ владѣніямъ тѣ клочки земли, которые можно будетъ выторговать на конгрессахъ. Первымъ дѣйствіемъ этой политики была тайная статья теплицкаго договора между союзниками, въ которой говорилось, что рейнскій союзъ, основанный Наполеономъ, будетъ разрушенъ и что отдѣльнымъ германскимъ государямъ, которыхъ владѣнія входили въ его составъ, будетъ предоставлена полная и безусловная независимость. Далѣе, привлекая Баварію къ коалиціи противъ Наполеона, Меттернихъ тайною статьею договора обѣщалъ королю баварскому полную самостоятельность; точно такъ же поступилъ онъ въ отношеніи къ другимъ членамъ рейнскаго союза, такъ что его идеи нашли себѣ полное сочувствіе во всѣхъ второстепенныхъ государяхъ Германіи; приверженцамъ германскаго единства пришлось поневолѣ покориться, потому что въ противномъ случаѣ они могли возбудить въ союзномъ лагерѣ раздоры, которыми воспользовался бы Наполеонъ. Безъ шума, совѣщаясь съ каждымъ правительствомъ отдѣльно, Меттернихъ навербовалъ такъ много приверженцевъ своихъ идей, что германское единство оказалось невозможнымъ и что его невозможность начали сознавать еще въ то время, когда война съ Наполеономъ

была въ полномъ разгарѣ. Въ отношеніи къ Наполеону, Меттернихъ держалъ себя болѣе чѣмъ умѣренно; личное сочувствіе къ императору Французовъ и отвращеніе къ крутымъ переворотамъ не позволяло ему желать низверженія Наполеона; ему казалось совершенно достаточнымъ оттѣснить Францію въ ея естественныя границы, т. е. за Рейнъ; уже въ Франкфуртѣ на Майнѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Лейпцигѣ, Меттернихъ заговорилъ о мирѣ, и если миръ не состоялся, то въ этомъ виновато только безразсудное упорство Наполеона, который, разгорячившись какъ азартный игрокъ, ставилъ на послѣднюю карту судьбу своей династіи и не умѣлъ забастовать во-время. Крестовый походъ освободившихся національностей на Парижъ возбуждалъ въ Меттернихѣ самое непріязненное чувство; онъ видѣлъ въ этомъ походѣ неминуемое усиленіе Россіи, которой онъ начиналъ бояться чуть-ли не сильнѣе, чѣмъ Наполеона; кромѣ того, ему было совершенно непонятно яростное воодушевленіе Пруссаковъ и онъ нисколько не хотѣлъ придавать войнѣ противъ Наполеона того торжественнаго, священнаго и популярнаго характера, который сообщали ей прокламаціи Александра и Фридриха Вильгельма. Сносясь постоянно съ княземъ Шварценбергомъ, главнокомандующимъ союзныхъ армій, переписываясь съ дипломатами Наполеона, Меттернихъ старался по возможности затянуть военныя дѣйствія, отсрочить рѣшительный ударъ, чтобы дать Наполеону время одуматься и согласиться на благоразумныя условія мира. Благодаря его маневрамъ, корпусъ Блюхера былъ почти уничтоженъ; по его стараніямъ открылся въ началѣ 1814 года конгрессъ въ Шатильонѣ, который, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Наполеонъ хитрилъ съ союзниками, торговался, чтобы выиграть время, старался рассорить Австрію съ Пруссіею и Россіею, и между тѣмъ собиралъ послѣднія усилія, чтобы продолжать войну; союзникамъ надоѣли всѣ эти продѣлки; партія войны восторжествовала окончательно; Меттернихъ принужденъ былъ замолчать и военныя дѣйстія кончились только взятіемъ Парижа и отреченіемъ Наполеона. — Политика Меттерниха, или, вѣрнѣе, его личный характеръ, какъ мы видѣли, обозначился въ его отношеніяхъ къ Наполеону. — Не плыть противъ теченія, не прать противъ рожна, выжидать удобную минуту, не давать ходу чувствамъ и страстямъ націи, смотрѣть на политическія событія глазами придворнаго, жить со дня на день и принимать тѣ мѣры, которыхъ требуетъ данная минута, хотя бы въ

слѣдующую минуту пришлось прямо противорѣчить себѣ, не управлять обстоятельствами, а подчиняться имъ—вотъ формула той политики, которая въ продолженіе сорока лѣтъ господствовала на материкѣ Европы, и которой оракуломъ былъ князь Меттернихъ *). Эта политика была естественнымъ слѣдствіемъ личнаго характера австрійскаго министра. Мягкій и гибкій по природѣ, воспитанный въ идеяхъ политическаго скептицизма, пріученный съ молодыхъ лѣтъ къ ароматической атмосферѣ блестящихъ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, Меттернихъ не могъ выработать себѣ общихъ началъ, крѣпкихъ убѣжденій и горячихъ политическихъ вѣрованій. Какъ исполнительный чиновникъ, онъ съ полнымъ усердіемъ повиновался импульсу, сообщаемому сверху, и, какъ чиновникъ, онъ не понималъ тѣхъ живыхъ силъ и живыхъ личностей, на которыя падали его распоряженія. Я приступаю теперь къ описанію роли Меттерниха на вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ котораго начинается уже общеевропейское значеніе его личности и политики.

III.

Вѣнскому конгрессу нужно было, во-первыхъ, разобрать и привести въ ясность границы европейскихъ государствъ, перепутанныя войнами и самовластіемъ Наполеона; во-вторыхъ, необходимо было обновить бытовыя формы, опрокинутыя движеніемъ французской революціи. Меттернихъ считалъ первое дѣло гораздо болѣе важнымъ и интереснымъ; онъ говорилъ, что вопросъ о внутреннемъ устройствѣ Германіи разрѣшится самъ собою, какъ только будутъ приведены къ концу «важныя совѣщанія о внѣшнихъ дѣлахъ и территоріальныхъ отношеніяхъ». Въ этомъ равнодушіи, въ этой легкости воззрѣній видно, какъ нельзя яснѣе, недостаточное знакомство съ дѣломъ. Меттернихъ еще не приходилъ въ соприкосновеніе съ законодательными и административными вопросами, не понималъ и не хотѣлъ понимать требованій народной жизни, и потому относился къ этимъ интересамъ съ небрежностью. Главное дѣло было, по его мнѣнію, подѣлить на вѣнскомъ конгрессѣ 32,000,000 душъ, жившихъ въ тѣхъ

(*) Княжеское достоинство было дано Меттерниху послѣ сраженія при Лейпцигѣ.

земляхъ, которыя были вырваны у Наполеона и его союзниковъ (*); подѣлить ихъ надо было такъ, чтобы Австріи досталось какъ можно больше, а другимъ великимъ державамъ, которыхъ усиленіе могло быть опаснымъ для Австріи, какъ можно меньше. Всего непріятнѣе было для Меттерниха территоріальное увеличеніе Россіи и Пруссіи и потому всѣ его усилія на конгрессѣ были направлены на то, чтобы не дать первой—Польши, а второй Саксоніи. Чтобы разстроить намѣренія этихъ двухъ державъ, онъ пустилъ въ ходъ самыя разнообразныя средства, неотличающіяся ни строгимъ нравственнымъ достоинствомъ, ни даже приличіемъ внѣшней формы. Желая поссорить русское правительство съ прусскимъ, онъ написалъ прусскому министру Гарденбергу ноту, въ которой приглашалъ его заодно съ Австріею сопротивляться притязаніямъ Россіи и за это обѣщалъ со стороны Австріи полную поддержку всѣмъ требованіямъ Пруссіи. Гарденбергъ, человѣкъ слабый и впечатлительный, отвѣчалъ на эту ноту, и въ своемъ отвѣтѣ выразился очень недоброжелательно насчетъ притязаній русскаго кабинета. Меттернихъ вздумалъ эту бумагу употребить какъ орудіе противъ Гарденберга; онъ пошелъ къ императору Александру и показалъ ему, какъ о немъ отзывается его союзникъ. Продѣлка эта однако не удалась. Императору Александру она показалась въ высшей степени грязною, и онъ объявилъ Францу I, что не хочетъ имѣть дѣла съ министромъ, подобнымъ Меттерниху. Когда Меттерниху не удалось поссорить Пруссію съ Россіею интригами, онъ рѣшился противодѣйствовать ихъ требованіямъ другими окольными путями. При содѣйствіи знаменитаго Талейрана, готоваго участвовать во всякой интригѣ изъ любви къ искусству, былъ заключенъ тайный союзъ между Австріею, Англіею и Франціею противъ Пруссіи и Россіи; до войны не дошло дѣло только потому, что обѣ спорящія стороны были утомлены, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ начали мириться на взаимныхъ уступкахъ. Конгрессъ тянулся уже больше четырехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Наполеонъ скрылся съ острова Эльбы; вслѣдъ затѣмъ узнали о его высадкѣ на берега Франціи и о бѣгствѣ Людовика XVIII изъ Парижа; тутъ уже, передъ общею опасностью, некогда было разбирать частные вопросы и помнить мелкія непріятности, испытанныя на конгрессѣ. Александръ помирился съ Меттернихомъ, не-

(*) *Vaulabelle* Histoire des deux restaurations. II. 161.

смотря на то, что Наполеонъ прислалъ ему подлинный актъ тайнаго союза, найденный имъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на столѣ Людовика XVIII. Работы вѣнскаго конгресса, тянувшіяся медленно и безплодно, пошли живѣе; вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ выдвинутъ впередъ, и Меттернихъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать это устройство по возможности сложнымъ и неповоротливымъ, а связь между отдѣльными частями по возможности слабою и неопредѣленною. Онъ остался вѣренъ роли австрійскаго министра и считалъ самое слово «Германія» простымъ географическимъ терминомъ. Предложенный имъ проэктъ дѣлитъ всю Германію на семь округовъ; по два округа приходится на Австрію и на Пруссію и по одному на Баварію, Ганноверъ и Виртембергъ. Австрійскій императоръ, и короли прусскій, баварскій, ганноверскій и виртембергскій должны составить совѣтъ, въ которомъ первымъ двумъ членамъ, какъ представителямъ двухъ округовъ, принадлежитъ по два голоса, а остальнымъ тремъ членамъ по одному; этотъ совѣтъ долженъ завѣдывать иностранными дѣлами и рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ. Рядомъ съ этимъ совѣтомъ долженъ существовать другой совѣтъ съ законодательною властью, составленный изъ мелкихъ владѣтелей, изъ представителей вольныхъ городовъ и изъ членовъ перваго собранія. При такомъ устройствѣ Германіи, Австрія и Пруссія, рѣшившись дѣйствовать согласно, могли бы вести за собою весь союзъ и распоряжаться войсками мелкихъ владѣтелей, какъ своими собственными. Изъ семи голосовъ четыре принадлежали Австріи и Пруссіи, стало быть большинство было всегда на сторонѣ ихъ мнѣнія; мелкіе владѣтели испугались за свою самостоятельность, и проэктъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ непреодолимую оппозицію. Дѣло осталось нерѣшеннымъ. Когда за него снова принялись въ 1815 г., въ концѣ мая, его окончили въ одинадцать поспѣшныхъ засѣданій, и Германія получила свою теперешнюю физіономію. Усилія Меттерниха увѣнчались успѣхомъ; у Германіи отнято единство, отнята возможность энергическаго, дружнаго дѣйствія; ея политическое значеніе ничтожно, потому что раздробленность ея доходитъ до крайнихъ предѣловъ; она представляетъ собою не федеративное государство, а союзъ изъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ государствъ, безъ общаго правительства, безъ инициативы. Всѣ благомыслящіе Нѣмцы стремятся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы отдѣлаться отъ подарка Меттерниха, но, какъ кажется, слишкомъ сорокалѣтняя давность имѣетъ свое значеніе, и

энергія націи надломлена тѣмъ неестественнымъ положеніемъ, въ которое ее поставили дипломаты вѣнскаго конгресса. Зато самому Меттерниху вѣнскій конгрессъ принесъ чрезвычайно много пользы. Благодаря посредственности прочихъ дѣятелей знаменитаго конгресса, австрійскій министръ сталъ во главѣ европейской дипломатіи, и притомъ въ такую рѣшительную минуту, которая навсегда должна была остаться въ памяти современниковъ и потомства. Передъ мудростью князя Меттерниха стали благоговѣть даже многіе изъ тѣхъ людей, которые не могли уважать его, какъ человѣка; на него посыпались знаки отличія, титулы, денежныя награжденія, пенсіоны и подарки землями и помѣстьями. Семейныя дѣла Меттерниховъ значительно поправились и огромные долги отца и сына стали погашаться. Князю Меттерниху досталась доля изъ той контрибуціи, которую Австрія взыскала съ Франціи; неаполитанскій король, возстановленный послѣ изгнанія Мюрата, при содѣйствіи Меттерниха, пожаловалъ ему титулъ герцога Портелла, съ которымъ былъ связанъ ежегодный доходъ въ 60,000 франковъ; союзники подарили Меттерниху землю бывшаго бенедиктинскаго монастыря Іоганнисберга въ рейнскомъ округѣ; императоръ Александръ, возвращаясь въ Россію, просилъ Меттерниха поддерживать съ нимъ дружескую, неполитическую переписку, и опредѣлилъ ему на издержки 30,000 червонцевъ ежегоднаго пенсіона. Всѣ эти факты должны были служить для австрійскаго министра неопровержимыми доказательствами несомнѣннаго превосходства его личныхъ дарованій и политическихъ убѣжденій. Тонъ его послѣ вѣнскаго конгресса значительно измѣняется; онъ становится опекуномъ континентальной Европы, блюстителемъ народной нравственности и менторомъ владѣтельныхъ особъ. Онъ начинаетъ говорить всѣмъ и каждому о своей системѣ, онъ угадываетъ будущее, и своею предусмотрительностью предотвращаетъ такія бѣдствія, которыхъ никто кромѣ него не видитъ. Словомъ, овладѣвши довѣренностью императора Франца I, ловкій придворный чиновникъ дѣлается всемогущимъ министромъ, законодателемъ и администраторомъ Австріи; какъ это часто случается съ людьми внезапно или по крайней мѣрѣ очень быстро дошедшими до «степеней извѣстныхъ», онъ начинаетъ приписывать своимъ собственнымъ заслугамъ то, что относится къ случайностямъ; вслѣдствіе этого является слѣпая вѣра въ самого себя, безпричинная самонадѣянность, и непреодолимое стремленіе рисоваться передъ собою и передъ другими. Это случилось даже съ геніаль-

нымъ человѣкомъ, съ Наполеономъ I; то же самое, въ меньшихъ размѣрахъ случилось съ ловкимъ придворнымъ чиновникомъ, Меттернихомъ. Не имѣя никакого понятія о соціальной наукѣ, не зная характера тѣхъ народовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не справляясь даже съ статистическими данными, не имѣя даже общаго, гуманно-философскаго развитія, князь Меттернихъ вообразилъ себя государственнымъ человѣкомъ, и, что всего удивительнѣе, Европа повѣрила ему на слово, продолжала вѣрить въ теченіи сорока лѣтъ, и подъ рубрикою государственнаго человѣка зачислила его имя въ свои историческіе архивы. Съ высоты своего чиновническаго величія, soi disant государственный человѣкъ сталъ предписывать законы человѣческой природѣ и человѣческому разуму. Германія, говоритъ онъ, географическій терминъ; Италія—географическій терминъ; требованія народовъ — якобинскія бредни. Согласитесь, любезный читатель, что, при помощи шести, семи готовыхъ названій, подобныхъ вышеприведеннымъ, не трудно будетъ управлять половиною вселенной, и распутывать, или, вѣрнѣе, разрубать самые сложные вопросы общественной и экономической жизни. Для этого нужно только имѣть въ рукахъ мечъ Александра Македонскаго, и тогда васъ не остановитъ никакой Гордіевъ узелъ. Впрочемъ, нужно еще одно драгоцѣнное свойство: способность рубить направо и налѣво, зажмуривая глаза, и не обращая вниманія на стоны и крики. Этою способностью обладалъ до извѣстной степени австрійскій министръ; не-то, чтобы онъ былъ особенно жестокъ, этого объ немъ нельзя сказать; онъ былъ только мало чувствителенъ, и потому былъ въ состояніи подписать безъ особеннаго волненія какой нибудь суровый приговоръ, или разорить цѣлую область налогами, или убить лучшія проявленія человѣческой мысли, хотя въ то же время онъ ненавидѣлъ всякое кровопролитіе, всякое грубое насиліе и даже всякую рѣзкую мѣру. Въ немъ не было любви къ человѣку и не было уваженія къ человѣческому достоинству; поэтому всѣ его распоряженія клонятся къ тому, чтобы безопасно эксплуатировать живыя силы народа, не становясь къ этому народу ни въ какія задушевныя отношенія, и нисколько не сочувствуя его развитію.

IV.

Какъ ни ссорились, какъ ни интриговали дипломаты вѣнскаго конгресса, а наконецъ генеральное размежеваніе Европы совершилось полюбовно; за Австріею была упрочена значительная часть сѣверной Италіи, именно, все Ломбардо-Венеціанское королевство; кромѣ того, австрійскій императорскій домъ находился въ родственныхъ связяхъ съ владѣтелями Тосканы, Модены и Пармы и, вслѣдствіе этого, могъ имѣть сильное вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю политику этихъ второстепенныхъ государствъ. Такимъ образомъ, можно было сказать заранѣе, что Австрія будетъ добиваться и дѣйствительно добьется преобладанія въ Италіи. Какъ только бурбонская династія была возстановлена въ Неаполѣ, Меттернихъ заключилъ съ неаполитанскимъ королемъ тайный союзный договоръ и обязалъ его не давать Неаполю такихъ законовъ, которые въ какомъ бы то ни было отношеніи будутъ отличаться отъ австрійскихъ законовъ, господствующихъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ то же время былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, съ цѣлью обоюдной защиты, для поддержанія въ Италіи спокойствія и порядка; точно также поступилъ Меттернихъ въ отношеніи къ Моденѣ. Но Піемонтъ на подобный союзъ не согласился; папа также пожелалъ сохранить свою самостоятельность; планъ Меттерниха, старавшагося отгородить австрійскія владѣнія въ Италіи отъ всякаго доступа зловредныхъ якобинскихъ идей, растроился, потому что ближайшій сосѣдъ Ломбардіи, сардинскій король не захотѣлъ подчиниться австрійскому уставу. Еслибы вся Италія управлялась по одной нормѣ, тогда жителямъ Ломбардіи не представлялось бы искушенія; на это расчитывалъ Меттернихъ; когда этотъ расчетъ лопнулъ, тогда онъ счелъ нужнымъ отрѣзать австрійскихъ подданныхъ отъ остальной Италіи и заставить ихъ забыть, что они Итальянцы. Меттернихъ самъ сказалъ маркизу Ст. Марцано: «Императоръ, желая подавить духъ итальянскаго единства, не принялъ и не приметъ титула итальянскаго короля; поэтому онъ распустилъ итальянское войско и уничтожилъ всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ подготовить образованіе большаго національнаго королевства. Онъ хочетъ убить духъ итальянскаго якобинства и обезпечить такимъ образомъ спокойствіе Италіи.» Соблюдая такую дипломатическую осторожность въ совѣщаніяхъ съ итальянскими патріотами, обращаясь

такъ бережно на словахъ съ ихъ національнымъ чувствомъ, Меттернихъ такъ же деликатно обращался на дѣлѣ съ лучшими вѣрованіями и стремленіями австрійскихъ Итальянцевъ; онъ ввелъ ненавистную для нихъ конскрипцію, навязалъ имъ непривычные для нихъ австрійскіе законы, австрійское судопроизводство, австрійскую методу воспитанія. Въ короткое время эти мудрыя и своевременныя распоряженія сдѣлали то, что Итальянцы, поступившіе подъ управленіе Австріи безъ особеннаго отвращенія, возненавидѣли ея господство тою пламенною ненавистью, которая свойственна южнымъ народамъ романскаго племени. Интригамъ и насилію правительства народъ сталъ противупоставлять заговоры, тайныя общества и возмущенія; правительство еще туже стало стягивать оковы; Меттернихъ опуталъ всю сторону сѣтью полицейскихъ сыщиковъ и шпіоновъ; глухое раздраженіе Итальянцевъ сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ и замкнутымъ. Правительство и народъ не довѣряли другъ-другу, боялись другъ-друга, и это взаимное недовѣріе, вызывая съ одной стороны новыя полицейскія мѣры, съ другой—новыя попытки къ возстанію, должно было увеличиваться съ каждымъ годомъ. Рѣшившись идти по этому направленію, Меттернихъ уже не могъ ни остановиться, ни повернуть назадъ. Сдѣлать то, или другое, значило поставить на карту Ломбардо-Венеціанское королевство, а рисковать имъ не желали ни Францъ I, ни его исполнительный чиновникъ Меттернихъ. Стремленія Меттерниха происходили въ этомъ случаѣ исключительно отъ его незнанія; онъ думалъ, что можно перевоспитать народъ въ два-три года, что можно пріучить его къ какимъ угодно учрежденіямъ, что стоитъ только подписать тотъ или другой законъ, и что онъ сейчасъ же получитъ полную силу и произведетъ желаемое дѣйствіе. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно пожалуй-что и такъ; если трактатъ подписанъ, значитъ представитель государства согласенъ,—и дѣло съ концомъ; остается только привести въ исполненіе, отмежевать уступленную землю, взыскать условленную контрибуцію, срыть означенное укрѣпленіе, и т. п. Привыкши къ такого рода дѣятельности, Меттернихъ вздумалъ съ живыми народными интересами обращаться такъ же безцеремонно, какъ онъ обращался съ интересами различныхъ правительствъ. Такая безцеремонность сначала озадачила націю, а потомъ привела ее въ негодованіе. Распоряженія Меттерниха повели къ результату, діаметрально противоположному той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ хотѣлъ германизировать Италію, и

вмѣсто того итализировалъ ее, потому что чужеземный гнетъ пробудилъ въ народѣ чувство національной гордости и стремленіе къ политической самостоятельности. Онъ боялся революціи и всѣми силами старался отклонить или по крайней мѣрѣ отсрочить ее, и въ то же время своими распоряженіями заготовилъ горючаго матеріала на цѣлые десятки революцій и вулканизировалъ всю почву новопріобрѣтенныхъ австрійскихъ владѣній. «Система налоговъ и полиція, говоритъ Монтанелли, составляли всю административную науку австрійскаго правительства.» Экономическое положеніе Ломбардіи было такъ же тяжело, какъ общественное и нравственное; налоги были почти вдвое больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи; цѣпь австрійскихъ таможенъ не пропускала въ Ломбардію англійскихъ и французскихъ продуктовъ и принуждала жителей пробавляться произведеніями нѣмецкихъ фабрикъ, не отличавшимися ни дешевизною, ни хорошимъ достоинствомъ. Эти таможни точно также затрудняли вывозъ ломбардскихъ произведеній въ Піемонтъ, въ Швейцарію, во Францію, въ Англію. Устройство банковъ, экономическихъ обществъ, промышленныхъ ассоціацій встрѣчало со стороны австрійскаго правительства непреодолимое сопротивленіе. Въ полицейскомъ отношеніи Ломбардія была отгорожена отъ образованнаго міра какою-то китайскою стѣною, только отнюдь не фарфоровою. Въѣздъ въ Ломбардію и выѣздъ изъ нея затруднялся безчисленными формальностями; случалось часто, что человѣку, просившему паспортъ въ Лондонъ или въ Парижъ, предлагали паспортъ въ Вѣну. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, ни одно сословіе не могло быть довольно. Дворянство было оскорблено невниманіемъ вѣнскаго двора; духовенство было озлоблено индифферентизмомъ Меттерниха въ дѣлахъ церкви; простой народъ былъ приведенъ въ отчаяніе налогами и наборами; купцы жаловались на уродливыя таможенныя распоряженія; литераторы были выведены изъ терпѣнія гнетомъ цензуры; наконецъ вся нація въ одинаковой степени страдала отъ произвола въ судахъ, отъ неспособности администраторовъ, отъ всемогущества полиціи и отъ нахальства военнаго сословія. Нашъ дипломатъ оказывается такимъ образомъ великимъ человѣкомъ на малыя дѣла; онъ умѣетъ подольщаться къ отдѣльнымъ личностямъ, но не умѣетъ пріобрѣтать довѣріе и любовь цѣлаго народа; онъ самъ говоритъ даже, что и не ищетъ популярности; эти слова показываютъ всю его недальновидность; онъ не понимаетъ того, что постоянно держать націю въ повиновеніи силою

полиціи и войска—невозможно, и кромѣ того невыгодно, потому что деньги, употребляемыя для содержанія лишняго войска, тратятся даромъ и не приносятъ ни пользы странѣ, ни удовольствія правительству. Впрочемъ, нужно ли еще опровергать политику Меттерниха? она уже осуждена исторіею; ея несостоятельность обнаружили итальянскія событія трехъ послѣднихъ годовъ.

V.

Политика Меттерниха въ Германіи нисколько не отличается отъ его политики въ Италіи; та же боязнь національныхъ стремленій, та же ненависть ко всякому усовершенствованію существующихъ учрежденій, та же обширная система шпіонства. Чувствуя полнѣйшее отвращеніе къ яркимъ и крутымъ мѣрамъ, Меттернихъ не рѣшился идти напроломъ противъ тѣхъ идей и тенденцій, которыя возбудила въ нѣмецкомъ народѣ война за освобожденіе Германіи. Дѣйствуя окольными путями противъ германскаго единства, онъ точно также хитро и осторожно повелъ интриги противъ конституціонныхъ идей, пользовавшихся сочувствіемъ націи и начинавшихъ укореняться въ умахъ владѣтельныхъ особъ и министровъ. Надъ проэктомъ прусской конституціи работали въ то время Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, о конституціи говорили и писали въ Баваріи и Виртембергѣ, и всѣ эти толки, собранія, произносимыя рѣчи чрезвычайно не нравились Меттерниху; во-первыхъ, они нарушали то спокойствіе, которое онъ считалъ высшимъ благоденствіемъ; во-вторыхъ, они увеличивали значеніе Пруссіи, на которую вся Германія начинала смотрѣть съ любовью и надеждою. Какъ представительница чистаго абсолютизма, и какъ соперница Пруссіи, Австрія должна была относиться враждебно къ конституціонному движенію, и противудѣйствовать ему всѣми мѣрами своей изобрѣтательной дипломатіи. Меттернихъ разослалъ ко всѣмъ посланникамъ своего двора инструкціи и приказанія всячески противодѣйствовать осуществленію этихъ тенденцій; въ то же самое время, представитель Австріи на германскомъ сеймѣ, по инструкціи того же Меттерниха, говорилъ языкомъ болѣе приличнымъ и не являлся отъявленнымъ противникомъ тѣхъ началъ, въ которыя горячо вѣровала вся живая Германія. Здѣсь, какъ и вездѣ, Меттернихъ велъ параллельно двѣ политики, офиці-

альную и неофиціальную, явную и тайную, которыя сближались или расходились между собою, смотря по обстоятельствамъ. Офиціальный представитель Австріи говорилъ одно, а тайныя инструкціи, сообщаемыя посланникамъ, тайныя и конфиденціальныя письма къ государямъ и министрамъ говорили совершенно другое. Вступить въ открытый и честный бой съ опасными идеями вѣка Меттернихъ не рѣшался; онъ подкапывалъ ихъ потихоньку, и результаты его подземныхъ работъ не оставались безплодными; конфиденціальныя письма его тревожили впечатлительные умы тогдашнихъ государей, и парализировали ихъ честныя намѣренія. Гарденбергъ, безхарактерный прусскій министръ, повѣрилъ внушеніямъ Меттерниха, оттолкнулъ отъ себя своего помощника Гумбольдта и отшатнулся отъ дѣла конституціи; окончательное рѣшеніе вопросовъ затянулось на неопредѣленное время. Интригуя такимъ образомъ противъ того, что цѣлый германскій народъ считалъ своею потребностью, Меттернихъ, конечно, не могъ чувствовать особаго расположенія къ печатной гласности. Журналистика, обращавшая вниманіе общества на тѣ вымышленныя препятствія и пустыя отговорки, которыми затягивались совѣщанія о важныхъ вопросахъ, журналистика, напоминавшая обществу его нужды, — возбуждала въ Меттернихѣ самыя серьезныя опасенія; въ ней видѣлъ онъ самое страшное орудіе агитаціи, и противъ нея началъ онъ принимать постепенно усиливающіяся мѣры. Сначала онъ выдвинулъ противъ органовъ либеральной партіи свои органы, проводившіе въ возможно-приличной формѣ идеи и симпатіи австрійскаго правительства. Главнымъ бойцомъ Меттерниховскаго лагеря былъ извѣстный публицистъ Генцъ, человѣкъ умный и ловкій. — — — Блестящія статьи этого политическаго помѣщались въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ,» котораго офиціальнымъ редакторомъ былъ Іосифъ Пилатъ, домашній секретарь князя Меттерниха; ожесточенная полемика этого журнала съ «Рейнскимъ Меркуріемъ,» издававшимся подъ редакціею талантливаго и честнаго писателя, Гёрреса, обратила на себя вниманіе всей читающей Германіи, и Меттернихъ увидалъ, что спорить съ либералами значитъ распространять и популяризировать ихъ идеи; онъ повелъ дѣло правительственнымъ путемъ и упросилъ Гарденберга запретить ненавистный журналъ; но Герресъ не унялся и началъ издавать брошюры и летучіе листки, которые покупались и читались нарасхватъ; тогда Меттернихъ задумалъ устроить въ обширныхъ размѣрахъ полицейское управленіе

Германіи, и, по возможности, всей континентальной Европы. Опираясь на трактатъ священнаго союза, въ которомъ подписавшіеся государи обязывались совокупными силами поддерживать въ Европѣ общественное спокойствіе и наблюдать за народною нравственностью, Меттернихъ осенью 1818 года устроилъ въ Ахенѣ конгрессъ, и членамъ этого конгресса представилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ необходимость дружно дѣйствовать противъ общаго врага, т. е. противъ того духа якобинства, который, если дать ему волю, опрокинетъ весь соціальный порядокъ. Увѣщанія Меттерниха, указывавшаго на грядущія бѣдствія съ воодушевленіемъ истиннаго пророка, подѣйствовали какъ нельзя лучше; члены конгресса воротились во-свояси съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ пагубныхъ идей вѣка, и съ тою спасительною боязнью революціи, изъ которой не трудно было развить современемъ самыя крутыя мѣры реакціи. Меттернихъ сталъ ковать желѣзо, пока оно было горячо, и черезъ годъ послѣ ахенскаго конгресса пригласилъ нѣмецкихъ министровъ въ Карлсбадъ для совѣщаній «о тѣхъ мѣрахъ, которыя должно принять противъ демагогическихъ неурядицъ». Неурядицы эти, требовавшія обще-германскаго конгресса, состояли въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ на студенческихъ сходкахъ, да еще въ томъ, что молодой патріотъ Зандъ убилъ извѣстнаго писателя Коцебу, поддерживавшаго подозрительныя сношенія съ однимъ иностраннымъ правительствомъ. Подымать изъ-за этого тревогу было почти смѣшно, но правители Германіи на все смотрѣли глазами Меттерниха, а Меттернихъ старался преувеличивать опасность, чтобы показать необходимость систематическаго преслѣдованія извѣстныхъ идей и стремленій. Карлсбадскія конференціи состоялись и система Меттерниха восторжествовала. Двѣ статьи союзнаго акта, статья 13-ая, обѣщавшая отдѣльнымъ государствамъ Германіи представительное правленіе, и 18-ая, объявлявшая свободу печати, были истолкованы такъ ловко, что потеряли все свое значеніе; черезъ мѣсяцъ послѣ карлсбадскихъ конференцій, союзный сеймъ объявилъ, что, желая уберечь Германію отъ бѣдствій анархіи, онъ самъ дастъ общую норму, по которой должны быть выработаны конституціи отдѣльныхъ государствъ; что сейму, какъ верховной правительственной и законодательной инстанціи, должно имѣть въ своемъ распоряженіи вооруженную силу для исполненія рѣшеній; что вредное направленіе университетскаго преподаванія требуетъ строгаго надзора за студентами и профессорами; что вредное направленіе литературы должно

быть обуздано цензурою; и что въ Майнцѣ должно устроить центральную слѣдственную коммиссію для того, чтобы разузнавать и разрушать революціонные замыслы. —— Князь Меттернихъ поступалъ такимъ образомъ по мелкому, трусливому чувству самосохраненія; его личная судьба была тѣсно связана съ участью Франца I, и потому онъ, во что бы то ни стало, старался упрочить могущество Австріи и ея преобладаніе въ Германіи. —— Геніальные люди не становятся въ оппозицію съ требованіями времени потому, что они въ состояніи все цѣло понять эти требованія и вынести ихъ на своихъ плечахъ. Меттернихъ сознательно принимается за преслѣдованіе прогрессивныхъ идей; это доказываетъ съ одной стороны, что онъ не въ состояніи быть проводникомъ этихъ идей, съ другой стороны, что честность не можетъ быть поставлена въ число его человѣческихъ добродѣтелей. Умъ его не выходитъ изъ размѣровъ мелкой изворотливости; честность останавливается на той степени, которая мѣшаетъ человѣку залѣзть въ чужой карманъ, но не доходитъ до искренности и стойкости убѣжденій. Меттернихъ сходенъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ съ Талейраномъ, съ тою только разницею, что Талейранъ еще болѣе Меттерниха пустъ и мелоченъ, и еще менѣе Меттерниха способенъ отъ отдѣльныхъ фактовъ возвышаться до общихъ идей.

VI.

Обезпечивъ себя со стороны Германіи, Меттернихъ поставилъ себѣ за правило рѣшительно сопротивляться всякому измѣненію существующаго порядка вещей во всей Европѣ; всякая попытка націи улучшить свое положеніе считалась уголовнымъ преступленіемъ, которое должны были преслѣдовать всѣми мѣрами всѣ европейскія правительства. Когда въ Неаполѣ въ 1820 году вспыхнула революція, вынудившая конституцію у короля Фердинанда, Меттернихъ поставилъ австрійскую армію въ Италіи на военное положеніе и отправилъ къ итальянскимъ государямъ циркулярную ноту, въ которой объявлялось, что Австрія ручается за неприкосновенность ихъ владѣній и даже, въ случаѣ надобности, отправитъ свои войска для усмиренія мятежниковъ. Неаполитанское правительство отправило посланника къ вѣнскому двору; посланника этого не приняли и не признали въ его должности; послѣ частнаго разговора съ Меттер-

нихомъ, онъ получилъ приказаніе немедленно оставить австрійскія владѣнія. — — — Этимъ конечно дѣло не кончилось; Меттернихъ, заботливый блюститель порядка, обратился къ своему любимому средству, къ конгрессу. Въ Тропавѣ, осенью 1820 года, собрались представители великихъ державъ и начались совѣщанія о томъ, какія мѣры пустить въ ходъ для вразумленія заблуждающихся грѣшниковъ. Меттернихъ собственноручно написалъ проэктъ новаго союза, въ которомъ принципъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія государствъ былъ развитъ до послѣднихъ предѣловъ. » Тѣ же идеи, говоритъ этотъ проэктъ, во имя которыхъ соединились великія державы, чтобы опрокинуть военный деспотизмъ человѣка, вышедшаго изъ революціи, должны быть примѣнены къ дѣлу въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ, частью—путемъ посредничества, частью—силою оружія. » Къ этому вновь скрѣпленному союзу приступили Россія и Пруссія. Вооруженное вмѣшательство Австріи въ дѣла Неаполя было такимъ образомъ оправдано въ глазахъ Европы, и цѣль Меттерниха была достигнута. Протестъ Англіи не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія потому, что онъ не придавалъ особеннаго значенія ея вліянію на дѣла континента, и не думалъ, чтобы протестъ этотъ выразился въ осязательной формѣ.—На тропавскомъ конгрессѣ было рѣшено пригласить неаполитанскаго короля въ Лайбахъ, и тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, фундаментально обсудить положеніе его королевства. Король пріѣхалъ, съ радостью согласился, по приглашенію Меттерниха, взять назадъ ту конституцію, въ ненарушимости которой онъ полгода тому назадъ клялся передъ лицомъ своего народа, и съ восторгомъ принялъ отъ Австріи 50,000-ное вспомогательное войско. Сопротивленіе неаполитанскаго парламента было задавлено безъ труда; конституція—уничтожена. — — — Въ началѣ 1821 года произошло движеніе въ Піемонтѣ; австрійскій корпусъ задавилъ это движеніе, и торжественный циркуляръ, подписанный тремя великими державами, объявилъ всѣмъ правительствамъ о рѣшительной побѣдѣ священнаго союза надъ пагубными стремленіями злоумышленниковъ, якобинцевъ и карбонаріевъ. Но еще не успѣли закрыть лайбахскаго конгресса, какъ пришло извѣстіе о возстаніи Грековъ; Меттернихъ хотѣлъ и въ этомъ случаѣ пустить въ ходъ принципъ вооруженнаго вмѣшательства, но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Франціи, Англіи и Россіи и согласился отложить разсмотрѣніе греческаго вопроса до будущаго года. До сихъ поръ Меттернихъ послѣ

вѣнскаго конгресса не встрѣчалъ серьезной оппозиціи на дипломатическомъ поприщѣ; система его находила себѣ всеобщее сочувствіе среди правителей и министровъ; Австрія пользовалась самымъ обширнымъ вліяніемъ на дѣла Европы; императоръ Францъ, видя ревность своего министра и оцѣнивая его заслуги, наградилъ его послѣ лайбахскаго конгресса званіемъ государственнаго канцлера Австрійской имперіи; послѣ этого Меттерниху нельзя было идти далѣе; онъ стоялъ на высшей ступени іерархической лѣстницы, на той ступени, на которую послѣ Кауница не становился ни одинъ австрійскій подданный; онъ фактически былъ законодателемъ Европы; онъ управлялъ, повидимому, историческими событіями; кажется, ему больше ничего не оставалось желать, и дѣйствительно, вся его дѣятельность въ послѣднее десятилѣтіе, т. е. послѣ окончательнаго низложенія Наполеона, была, по его собственному выраженію, чисто консервативная; мы ее назовемъ узко-консервативною, потому что истинный консерватизмъ возможенъ только при благоразумныхъ уступкахъ требованіямъ времени; кто хочетъ поддержать всю машину въ состояніи общей годности, тотъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не стирались и не ржавѣли отдѣльныя колеса, и заблаговременно замѣнять попорченныя части новыми, крѣпкими и свѣжими элементами; но для такой дѣятельности надо быть ученымъ или по крайней мѣрѣ практически опытнымъ механикомъ, надо знать назначеніе каждаго колеса, надо понимать общій строй машины, а ни что не даетъ намъ права думать, чтобы Меттернихъ былъ глубокимъ знатокомъ своего дѣла; продержать лѣтъ тридцать запретительную систему съумѣетъ всякій, если вы отдадите въ его распоряженіе полицію и войско; но гдѣ же прочные результаты такой системы? да и возможны ли тутъ прочные результаты? Развѣ Меттернихъ успѣлъ перевоспитать ту націю, которою онъ управлялъ? Развѣ онъ убѣдилъ ее въ законности своей системы? Развѣ онъ отклонилъ въ какую нибудь другую сторону тѣ силы и стремленія, которыхъ порывы были ему такъ ненавистны? Развѣ онъ создалъ для этихъ безпокойныхъ силъ какое нибудь поприще дѣятельности? Нѣтъ, такая задача была слишкомъ головоломна для нашего салоннаго дипломата. Онъ дрессировалъ націю, какъ плохія гувернантки дрессируютъ своихъ воспитанницъ, повторяя имъ на каждомъ шагу: не говорите громко, не гримасничайте, не трогайте этихъ вещей, не смотрите въ эту сторону. Такая дрессировка скоро надоѣдаетъ воспитаннику, и скоро внушаетъ ему презрѣніе къ своему

педагогу. Приложенная къ цѣлымъ народамъ, эта система политическаго воспитанія подѣйствовала точно такъ же; раздраженіе націй выразилось довольно поздно, но зато взрывъ былъ очень силенъ и разстроилъ планы государственнаго канцлера раньше, чѣмъ онъ думалъ; старой консервативной системы достало на вѣкъ Генца, умершаго въ 1835 году, но на вѣкъ Меттерниха ея оказалось мало, и событія 1848 года явились наказаніемъ за грѣхи 20-хъ и 30-хъ годовъ. Неудачи системы начались гораздо раньше, тотчасъ послѣ того торжественнаго циркуляра, который возвѣстилъ народамъ Европы побѣду священнаго союза надъ нарушителями общественнаго порядка. Греческій вопросъ былъ первымъ яблокомъ раздора между членами священнаго союза; Меттернихъ, какъ сухой дипломатъ, видѣлъ въ возмутившихся Грекахъ такихъ же мятежниковъ, каковы были Неаполитанцы и Піемонтцы; у императора Александра, напротивъ того, пылкое религіозное чувство говорило громче всѣхъ остальныхъ соображеній; онъ хотѣлъ помочь своимъ единовѣрцамъ; кромѣ того, война съ Турціею могла усилить вліяніе Россіи на дѣла Востока, и потому императоръ Александръ показалъ самое серьезное расположеніе вступиться за Грековъ вооруженною силою. Меттернихъ давно уже боялся Россіи, и потому, наскоро сговорившись съ англійскимъ министромъ лордомъ Кастльригомъ, для отвращенія угрожавшей войны предложилъ русскому правительству посредничество Австріи и Англіи. Посредничество это было принято и Порта очистила Молдавію и Валахію, которыя она, въ ожиданіи войны, уже успѣла занять своими войсками. Что же касается до Грековъ, то члены священнаго союза согласились въ отношеніи къ нимъ оставаться на время нейтральными; со стороны Меттерниха это уже была важная уступка; онъ соглашался смотрѣть на возмущеніе подданныхъ противъ своего законнаго государя, не посылая войска для усмиренія мятежниковъ. Это, какъ вы видите, составляетъ ужъ отступленіе отъ системы, провозглашенной въ Ахенѣ, въ Тропавѣ и въ Лайбахѣ. Въ этомъ отступленіи нѣтъ ничего удивительнаго; мы уже настолько знаемъ личный характеръ князя Меттерниха, чтобы понимать, какъ мало онъ былъ способенъ бороться съ серьезнымъ препятствіемъ во имя своей идеи; какъ встрѣчается такое препятствіе, такъ нашъ дипломатъ уклоняется въ сторону, и только потомъ, изъ личнаго тщеславія, старается показать, что его уступка не что иное, какъ результатъ глубокихъ политическихъ соображеній, не что иное, какъ естественный и необходимый выводъ

его знаменитой системы. Чѣмъ дальше отступаетъ онъ отъ этой системы въ жизни, тѣмъ упорнѣе держится за нее въ теоріи, чтобы посредствомъ запутанной діалектики замаскировать свои политическія неудачи и пораженія. Чувствуя что-то неладное въ отношеніяхъ между главными членами священнаго союза, Меттернихъ считалъ необходимымъ скрѣпить этотъ союзъ новымъ конгрессомъ, и на этомъ предполагаемомъ конгрессѣ еще разъ самымъ ревностнымъ образомъ втолковать присутствующимъ лицамъ тѣ догматы политической вѣры, безъ которыхъ нѣтъ ни спасенія, ни порядка. Благодаря его стараніямъ состоялся конгрессъ въ Веронѣ. Въ четыре года—четыре европейскіе конгресса, и всегда составителемъ, разсылающимъ пригласительные билеты, является Меттернихъ. Въ этихъ постоянно-повторяющихся совѣщаніяхъ объ одномъ и томъ же, въ этомъ постоянно-повторяющемся обращеніи къ союзникамъ, въ этихъ періодическихъ увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ и взаимной помощи, видна тревожная боязливость, происходящая отъ тайнаго, инстинктивнаго, невысказаннаго чувства собственной безпомощности. Меттернихъ очевидно боялся остаться глазъ-на-глазъ съ своимъ народомъ; онъ очевидно боялся, что его захватитъ врасплохъ какое-нибудь энергическое движеніе массы; на этомъ основаніи, при малѣйшемъ волненіи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, послѣ малѣйшей размолвки съ кѣмъ-нибудь изъ союзниковъ, онъ тотчасъ разсылаетъ во всѣ концы Европы приглашенія собраться для совѣщаній; онъ съ тревожною заботливостью освѣдомляется о настроеніи разныхъ правительствъ, и, собравши ихъ представителей, начинаетъ опять толковать съ ними объ общей опасности, о необходимости прочнаго союза, о неоплатимыхъ достоинствахъ своей системы. Эта вѣчная тревога служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ мало князь Меттернихъ былъ убѣжденъ въ прочности своихъ собственныхъ дѣйствій.

VII.

Каждый конгрессъ созывался Меттернихомъ съ тою цѣлью, чтобы отнять у народовъ какія-нибудь права, чтобы въ чемъ-нибудь стѣснить ихъ законную свободу, чтобы безнаказанно нарушить данныя имъ обѣщанія, чтобы напустить на нихъ войска священнаго союза. Веронскій конгрессъ въ своихъ результатахъ нисколько не отличается

отъ трехъ предъидущихъ. Революція въ Испаніи обратила на себя все вниманіе австрійскаго канцлера; король испанскій, Фердинандъ VII былъ принужденъ дать своему народу конституцію, но потомъ, введя эту конституцію, онъ своею двуличною политикою въ отношеніи къ конституціоннымъ властямъ самъ поддерживалъ въ своемъ королевствѣ волненія и безпорядки. Противъ конституціоннаго порядка бунтовали низшіе слои народа. Они вооружались противъ конституціи и объявляли, что идутъ защищать религію и короля. Монашество, терявшее, по опредѣленію кортесовъ, значительную долю своихъ помѣстьевъ и доходовъ, было недовольно конституціоннымъ порядкомъ. На сторонѣ конституціи стояло все мыслящее населеніе Испаніи; Фердинандъ VII, насколько это было возможно, замедлялъ и парализировалъ дѣйствія кортесовъ противъ бунтовщиковъ. Могъ ли Меттернихъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ испанскихъ событій? Всѣ усилія австрійскаго министра на веронскомъ конгрессѣ были направлены къ тому, чтобы убѣдить Францію въ необходимости пойдти на помощь испанскимъ роялистамъ, осуществить желанія самой испанской націи, требующей возстановленія стараго порядка, и низложить ту партію мятежниковъ, которая овладѣла правленіемъ. Вслѣдствіе этого, представители Франціи обязались, отъ имени своего правительства, представить мадритскому кабинету энергическую ноту, и, если это не поможетъ, рѣшить дѣло французскими штыками, къ полному удовольствію Меттерниха, Фердинанда VII и испанскихъ роялистовъ. Греческій вопросъ не могъ быть рѣшенъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Императоръ Александръ, при всей своей привязанности къ принципу священнаго союза, не могъ никакъ убѣдиться въ необходимости предпринимать крестовый походъ въ пользу турецкаго султана; онъ попрежнему сочувствовалъ возмутившимся Грекамъ и потому Меттернихъ, вывѣдавъ стороною о его настроеніи, заблагоразсудилъ не поднимать этого щекотливаго вопроса, и употребилъ все свое искуство на то, чтобы на конгрессѣ обойдти дѣло Грековъ молчаніемъ. Самимъ Грекамъ это казалось невыгоднымъ; они прислали отъ себя депутацію, чтобы просить помощи у великихъ державъ; Меттерниха это нисколько не затруднило; по его приказанію этихъ Грековъ задержали въ Анконскомъ карантинѣ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не разошелся. Австрійскій министръ, какъ видите, не долго задумывался въ выборѣ средствъ; цѣли его были такъ обширны, такъ возвышенно-благородны, что ими оправдывались и прикрывались неизящныя средства. Да и передъ

кѣмъ было ихъ оправдывать? До мнѣнія народовъ Меттерниху не было дѣла, а правители и министры большею частью смотрѣли на вещи его глазами, и къ тому же ихъ было такъ легко отуманить софизмами и запугать мрачными прорицаніями. Видя огромное вліяніе, которымъ несомнѣнно пользовался Меттернихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и зная тѣ дешевыя, домашнія средства, которыми пріобрѣталось это вліяніе, историкъ останавливается въ недоумѣніи и ищетъ причины этому явленію. Неужели современники не понимали Меттерниха? Неужели они, зная его личность, могли слѣпо вѣрить его политическимъ теоріямъ? Неужели никто изъ тогдашнихъ дѣятелей не видѣлъ поверхностности, двуличности, безхарактерности и политической неразвитости австрійскаго государственнаго канцлера? — Да кто же изъ тогдашнихъ офиціальныхъ дипломатовъ былъ лучше Меттерниха? Кто изъ нихъ не былъ ему сродни по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ?—Сродство тогдашнихъ государственныхъ людей съ княземъ Меттернихомъ заключалось въ томъ, что большая часть изъ нихъ раздѣляла всѣ его недостатки, не обладая его мелкою изворотливостью и изобрѣтательностью. Никто изъ тогдашнихъ дипломатовъ не былъ спеціально приготовленъ къ своему дѣлу; всѣ они поступили на свои мѣста или по праву рожденія, или по придворнымъ заслугамъ; всѣ они держались на своихъ высокихъ мѣстахъ закулисными средствами, неимѣющими ничего общаго съ государственною мудростью; живя со дня на день, не зная и не предвидя того, что принесетъ завтрашній день, они постоянно сомнѣвались и трусили, постоянно ненавидѣли все новое, потому что во всякомъ непривычномъ, необыденномъ предметѣ или движеніи думали прочесть осужденіе и неминуемую гибель; имѣя дѣло съ неизвѣстными имъ силами, которыхъ взрывы могли быть страшно-разрушительны, эти доморощенные политики тоскливо оглядывались по сторонамъ, отыскивая себѣ союзниковъ. Меттернихъ душой и тѣломъ принадлежалъ къ ихъ лагерю, стоялъ съ ними подъ однимъ знаменемъ, и обнаруживалъ притомъ такую проницательность, догадливость и усердную предусмотрительность, которою не могли не дорожить всѣ остальные дѣятели. О великихъ народныхъ и человѣческихъ интересахъ никто изъ нихъ не думалъ; поэтому, всѣ они старались только отсрочить рѣшительную минуту; а придумывать разныя отговорки, пускать въ ходъ разныя полумѣры — Меттернихъ былъ великій мастеръ, собственно потому, что такое мастерство доступно всякому человѣку,

стоящему въ положеніи австрійскаго министра. Давить движеніе мысли—не трудно, была бы только сила да добрая воля, т. е. совершенная нечувствительность къ тому, что волнуетъ, печалитъ или радуетъ другихъ людей. А въ этомъ отношеніи у Меттерниха были развязаны руки; онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ; справедливость, развитіе мысли, литература, наука, народность были для него пустыя слова, на которыя жадно бросается неопытная молодежь, но къ которымъ разсудительный человѣкъ относится съ снисходительною улыбкою. Улыбка эта оставалась на губахъ разсудительнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока дѣло не выходило изъ предѣловъ шутки, препровожденія времени; какъ только неопытная молодежь, внимая злонамѣреннымъ толкамъ, ослѣпленная громкими словами, принимала дѣло серьезно, такъ князь Меттернихъ нахмуривалъ брови, входилъ въ роль заботливаго отца семейства, скликалъ европейскій педагогическій совѣтъ и представлялъ ему необходимость вразумлять увлекающееся юношество. И развитіе этого юношества дѣйствительно задерживалось распоряженіями педагогическаго совѣта; и почти два поколѣнія изжили свой вѣкъ и потеряли свои силы въ шпильбергскихъ карцерахъ, въ ссылкѣ, въ глухой, безплодной оппозиціи противъ австрійской государственной тактики. Читая мартирологію итальянскихъ патріотовъ, каждый по-человѣчески чувствующій читатель можетъ быть почувствовалъ бы ненависть къ Меттерниху, душѣ австрійской политики, автору и проводнику всѣхъ жестокихъ мѣръ. Читатель этотъ поступитъ такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо, или, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ логично. Въ личности Меттерниха нѣтъ того мрачнаго величія, которое можно замѣтить въ историческихъ фигурахъ Людовика XI французскаго, Филиппа II испанскаго, Генриха VIII англійскаго, нашего Ивана IV; у Меттерниха нѣтъ тѣхъ смѣлыхъ и обширныхъ идей, которыя проводилъ въ своей дѣятельности Людовикъ XI, централизаторъ феодальной Франціи; у него нѣтъ того дикаго фанатизма, который одушевлялъ собою тирана Испаніи; въ его оправданіе нельзя привести того болѣзненнаго разстройства, которымъ до нѣкоторой степени объясняются кровавыя эксцентричности Генриха и Ивана. Острый умъ Людовика XI, строившаго для будущихъ поколѣній, не можетъ примирить насъ съ его жестокостями, но во всякомъ случаѣ выдвигаетъ его личность изъ ряда дюжинныхъ явленій; односторонняя религіозность Филиппа II не можетъ вызвать къ себѣ нашего сочувствія, но во всякомъ случаѣ заставляетъ насъ смотрѣть на его

громадныя преступленія, какъ на результатъ горячаго убѣжденія; болѣзненное состояніе Генриха VIII и Ивана IV не можетъ показаться намъ привлекательнымъ, но оно почти снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за пролитую кровь. Скажите на милость, можно ли въ пользу Меттерниха привести хоть одно подобное оправданіе? Созидалъ ли онъ прочное зданіе для будущихъ вѣковъ? Дѣйствовалъ ли онъ подъ увлеченіемъ страсти? Страдалъ ли онъ умопомѣшательствомъ? — Ничуть не бывало; все дѣлалось у него хладнокровно, прилично, чутъ-чуть не кротко; онъ безъ малѣйшаго раздраженія и безъ малѣйшей надобности, исполняя чужую волю, принималъ на себя роль главнаго тюремщика Австрійской имперіи; какъ услужливый исполнитель, онъ съ полнымъ усердіемъ принималъ на себя всякія должности; нужно быть первымъ министромъ— онъ готовъ; нужно распечатать и прочесть чужое письмо — извольте; нужно подослать шпіона — и это можно; нужно вывѣдать черезъ свою любовницу секретъ — будетъ исполнено; нужно присмотрѣть за арестантами — и тутъ князь Меттернихъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Въ его характерѣ нѣтъ крупныхъ чертъ, и вслѣдствіе этого, ни что въ немъ насъ не шевелитъ, ни что не приводитъ въ негодованіе. Смотря на судьбу и личность Меттерниха, только и можно подумать: бѣдный petit-maitre! Рядъ случайныхъ обстоятельствъ поставилъ его такъ высоко, такъ высоко, что ему самому сдѣлалось и весело и страшно; сойдти внизъ ему не хочется, а упасть онъ боится; его маленькая фигура исчезаетъ на необозримо-высокомъ пьедесталѣ, и новый столпникъ забываетъ, что онъ человѣкъ; онъ не смотритъ на то, что дѣлается внизу; ему лишь бы удержаться на своемъ пьедесталѣ; ему нѣтъ дѣла до тѣхъ ничтожныхъ людей, которые не могутъ слѣдовать за нимъ на высоту. — — — Онъ жалокъ въ своемъ неестественномъ положеніи; смѣшныя стороны его мизерной фигурки видны со всѣхъ сторонъ, всей толпѣ, стоящей вокругъ пьедестала. — — — Что же тутъ ненавидѣть? Онъ мелокъ, и оцѣнивать его личный характеръ значитъ только хладнокровно отмѣтить эти выдающіяся черты его физіономіи.

VIII.

Дряблость князя Меттерниха начинаетъ обозначаться въ тѣхъ неудачахъ, которыя въ половинѣ двадцатыхъ годовъ испытываетъ его система.

Случалось ли вамъ, любезный читатель, встрѣчаться съ такими людьми, которые на словахъ готовы совершить чудеса геройской храбрости, а на дѣлѣ оказываются трусливѣе самаго обыкновеннаго смертнаго? Такіе господа при спорѣ говорятъ очень громко и постепенно возвышаютъ голосъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ противникъ становится скромнѣе; если они могутъ запугать васъ, они начинаютъ самовластно распоряжаться вами; если же, напротивъ того, вы крикнете громче ихъ, или выкажете твердое сопротивленіе, они дѣлаются мягкими, уступчивыми и понижаютъ тонъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ государственный канцлеръ Австрійской имперіи; пока онъ не встрѣчалъ себѣ оппозиціи, претензіи его росли не по днямъ, а по часамъ; система съ каждымъ годомъ проводилась настойчивѣе; вмѣшательство Австріи въ дѣла другихъ государствъ становилось нахальнѣе; дипломатическія ноты писались рѣзче и внушительнѣе; вся Германія была взята въ опеку; вмѣстѣ съ правами націй нарушалась и самостоятельность правителей. Король виртембергскій и великій герцогъ баденскій сами были расположены къ конституціонной системѣ управленія и дорожили любовью своихъ подданныхъ; австрійское правительство не обратило вниманія на ихъ личныя мнѣнія и симпатіи и разными полунасильственными мѣрами заставило ихъ подчиниться политикѣ священнаго союза и ввести въ своихъ владѣніяхъ ту систему гнета, которую испытывала въ это время почти вся континентальная Европа. Принципъ законности, провозглашенный Меттернихомъ послѣ вѣнскаго конгресса, превратился рѣшительно въ принципъ чистаго султанизма. Меттернихъ поддерживалъ только тѣхъ законныхъ государей, которые соглашались подчиниться его инструкціямъ; кто возставалъ противъ этихъ инструкцій, тотъ былъ врагомъ Австріи и ея министра, какъ бы ни были законны его права на престолъ; еслибы произошло столкновеніе между законнымъ государемъ, поддерживающимъ конституціонныя идеи, и партіею, стремящеюся водворить абсолютизмъ, Меттернихъ не задумался бы протянуть руку партіи вопреки желанію правителя. Тяжело приходилось континентальной Европѣ подъ ферулою австрійской политики; пора было остановить зазнавшагося придворнаго чиновника и положить конецъ его диктаторскому самовластію, тяготѣвшему надъ націями такимъ же страшнымъ гнетомъ, какимъ деспотизмъ Наполеона тяготѣлъ надъ государями. Англійскій министръ Каннингъ нанесъ первый рѣшительный ударъ австрійской гегемоніи. Нанести этотъ ударъ было вовсе не трудно. Меттернихъ, какъ я уже

замѣтилъ, былъ слабъ и трусливъ. Встрѣчая серьезный отпоръ, онъ сначала пробовалъ запугать противника, но стоило только прикрикнуть, и нашъ дипломатъ, не рѣшаясь вступить въ борьбу, начиналъ заботиться только о томъ, чтобы прилично устроить себѣ отступленіе и не признать себя разбитымъ въ глазахъ европейскихъ правительствъ. Споръ между Каннингомъ и Меттернихомъ завязался по поводу вопроса объ испанскихъ колоніяхъ въ южной Америкѣ. Колоніи эти, Колумбія, Буэлосъ, Айресъ и Чили отложились отъ метрополіи, объявили себя независимыми и ввели у себя республиканское устройство. Меттернихъ на веронскомъ конгрессѣ объявилъ тономъ диктатора, что великія державы никогда не признаютъ существованія этихъ республикъ, и, въ случаѣ надобности, пошлютъ свое войско въ Америку, чтобы возстановить нарушенные интересы монархическаго принципа. Внимая изреченіямъ своего оракула, европейскіе дипломаты благоговѣли, и мысль о крестовомъ походѣ въ Новый Свѣтъ серьезно занимала ихъ умы, возбуждала въ однихъ дѣятеляхъ тревожныя опасенія, въ другихъ — гордое чувство радости. Но явился невѣрующій скептикъ, и европейская пиоія была уличена въ грубомъ заблужденіи. Джорджъ Каннингъ объявилъ ясно и просто, что Англія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскихъ колоній. Меттернихъ попробовалъ устроить конгрессъ, надѣясь какимъ нибудь образомъ уломать Каннинга; Каннингъ наотрѣзъ отказался участвовать въ конгрессѣ и еще разъ замѣтилъ, что въ отношеніи къ бывшимъ испанскимъ колоніямъ Англія будетъ поступать по собственному благоусмотрѣнію, не обращая вниманія ни на конгрессъ, ни на священный союзъ. Что тутъ было дѣлать? Меттернихъ видѣлъ, что нашла коса на камень, и что придется отступить; онъ сталъ просить Каннинга не дѣлать по крайней мѣрѣ ничего такого, что могло бы уронить въ общественномъ мнѣніи Европы систему священнаго союза; Каннингъ и на это не согласился; онъ отвѣчалъ, что Англія признаетъ независимость возмутившихся колоній; всѣ доводы Меттерниха были истощены, всѣ его заискиванія разбились объ непоколебимую волю Англичанина, и, къ довершенію скандала, французскій кабинетъ, подчиняясь вліянію Англіи, также обнаруживалъ расположеніе признать самостоятельность южно-американскихъ республикъ. Меттернихъ не былъ способенъ стоять за свою идею до послѣдней возможности; на гордую ноту англійскаго министра онъ отвѣчалъ очень скромно, что священный союзъ не будетъ сопротивляться тому, что-

бы бывшія испанскія колоніи были объявлены независимыми, лишь бы только монархическій принципъ оставался неприкосновеннымъ, лишь бы только отложившіяся земли выбрали себѣ въ правители законныхъ государей. Каннингъ не сдѣлалъ никакой уступки, и, рѣшительно отказавши Меттерниху во всѣхъ его требованіяхъ, вслѣдъ затѣмъ офиціально, безъ всякихъ условій и ограниченій, призналъ независимость новыхъ республикъ. Меттернихъ, какъ и слѣдовало ожидать, покорился необходимости и торжественныя обѣщанія его о крестовомъ походѣ великихъ державъ за море остались громкими фразами. —Ещё чувствительнѣе было пораженіе, нанесенное политикѣ Меттерниха въ Португаліи; виновникомъ этого пораженія былъ тотъ же Каннингъ. Въ Португаліи королева Марія да-Глоріа, дочь бразильскаго императора Педро, ввела бразильскую конституцію, предоставлявшую націи значительныя льготы и политическія права; дядя королевы, Мигуэль, призванный сдѣлаться ея мужемъ и соправителемъ, сталъ во главѣ абсолютистовъ и пытался уничтожить конституцію и опрокинуть существующее правительство, чтобы сдѣлаться неограниченнымъ государемъ; всѣ законныя права были на сторонѣ королевы Маріи, но вѣнскій кабинетъ, сочувствуя стремленіямъ Мигуэля, ободрялъ его приверженцевъ и даже убѣждалъ французское и испанское правительства поддерживать своими войсками замышлявшуюся революцію абсолютистовъ. Меттернихъ soi-disant легитимистъ и консерваторъ, становился нарушителемъ общественнаго спокойствія, изподтишка раздувалъ междоусобную войну, и, по своему обыкновенію, поддерживалъ ту сторону, противъ которой говорили и божественное право, и голосъ націи, и здравый смыслъ, и нравственное чувство. Каннингъ замѣтилъ австрійскія интриги и въ дребезги разбилъ планы государственнаго канцлера, Онъ самъ поѣхалъ въ Парижъ и отклонилъ французское правительство отъ вмѣшательства въ португальскія дѣла; когда же Мигуэль, опираясь на испанскія войска, произвелъ революцію, то подъ стѣнами Лиссабона показалось десять англійскихъ военныхъ кораблей, и партія Мигуэля оставила свои замыслы. На другой день послѣ отправленія этой эскадры, Каннингъ произнесъ въ парламентѣ нѣсколько многозначительныхъ словъ, надъ которыми пришлось позадуматься Меттерниху. «Я не боюсь войны за хорошее дѣло, сказалъ англійскій министръ. Но я боюсь ея потому, что знаю, какимъ образомъ Великобританія можетъ довести борьбу до такихъ послѣдствій, о которыхъ страшно подумать. Можно возбудить войну, въ которой будутъ сражаться между собою не арміи,

а идеи, и тогда подъ знамена Великобританіи станутъ всѣ граждане, недовольные современнымъ положеніемъ своихъ земель. Въ настоящее время существуетъ такая сила, которая, подъ руководствомъ Англіи, можетъ сдѣлаться страшнѣе всѣхъ силъ, когда-либо боровшихся во всемірной исторіи.» Каннингъ былъ человѣкъ дѣла, а не фразы; онъ не отступилъ бы отъ европейской войны, еслибы ему пришлось отстаивать свои политическія убѣжденія; но Меттернихъ боялся шума и скандала; узнавъ о появленіи англійскихъ кораблей подъ Лиссабономъ и о громовой рѣчи Каннинга въ парламентѣ, онъ отступился отъ Мигуэля и объявилъ, что никогда не сочувствовалъ его революціи. Да, еслибы Каннингъ не умеръ въ 1827 году, многое на европейскомъ континентѣ могло бы сложиться не такъ, какъ оно сложилось. Благодаря его энергіи, кредитъ Меттерниха началъ слабѣть и его система стала постепенно терять своихъ поклонниковъ. Между тѣмъ и греческій вопросъ, котораго рѣшеніе государственный канцлеръ отсрочивалъ разными дипломатическими фокусами, неожиданно разыгрался въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. 6-го іюля 1827 года, Россія, Англія и Франція заключили между собою въ Лондонѣ союзъ, и обязались, въ случаѣ надобности, силою оружія принудить Порту къ освобожденію Грековъ; союзъ этотъ былъ заключенъ безъ вѣдома Меттерниха; союзъ этотъ былъ заключенъ противъ одного изъ законныхъ государей Европы, и притомъ противъ одного изъ самыхъ самовластныхъ, слѣдовательно наиболѣе достойныхъ просвѣщеннаго сочувствія австрійскаго министра; союзъ этотъ усиливалъ значеніе Англіи и Россіи, и слѣдовательно парализировалъ вліяніе Австріи; какъ дипломатъ, какъ защитникъ абсолютизма, и какъ тайный врагъ Англіи и Россіи, Меттернихъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ заключеніемъ этого союза. Онъ вмѣстѣ съ императоромъ Францомъ разразился въ ругательствахъ и проклятіяхъ противъ Каннинга. «Чортъ въ него поселился!» кричалъ Францъ I, и министръ, по обыкновенію, былъ одного мнѣнія съ своимъ государемъ; но ругательства эти не перешли въ дѣло, не перешли конечно на бумагу дипломатическихъ нотъ, и только частная корреспонденція Меттерниха съ однимъ нѣмецкимъ государемъ сберегла для потомства свидѣтельства этого безсильнаго гнѣва; въ этихъ письмахъ австрійскій министръ отзывается о Каннингѣ, какъ «о безмозгломъ сумасбродѣ, корчащемъ либерала, и неимѣющемъ понятія о политическихъ интересахъ Англіи». Въ этихъ отзывахъ выражается то комическое изступленіе, которое невольно обнаруживаютъ

люди, пережившіе свою славу, и замѣчающіе, что жизнь идетъ мимо нихъ, далеко обгоняя ихъ, и не обращая вниманія на ихъ безсильныя старанія пріостановить ея теченіе; по этимъ отзывамъ становится замѣтно, что Меттернихъ, простоявши лѣтъ 12 въ первыхъ рядахъ европейской дипломатіи, въ значительной степени потерялъ способность владѣть собою. Время Ахена, Тропавы, Лайбаха и Вероны прошло невозвратно; выдвинулись новые дѣятели—и подавленные интересы націй понемногу поднимаютъ голову. Вскорѣ послѣ заключенія лондонскаго договора, Каннингъ умеръ, но отъ этого Меттерниху легче не сдѣлалось. Преемникъ Каннинга, лордъ Веллингтонъ, гордый и упрямый, какъ истый Англичанинъ, не склонялся ни на какія представленія австрійскаго правительства, держался въ союзѣ съ Россіею и защищалъ дѣло Грековъ. Въ августѣ 1827 года союзныя державы представили турецкому правительству свои требованія и, не получивши удовлетворенія, послали свои эскадры въ Архипелагъ; Меттернихъ рѣшился на отчаянную продѣлку, на дипломатическій подлогъ; желая во что бы то ни стало предупредить столкновеніе между Портою и союзными державами, боясь нарушенія всего политическаго равновѣсія, Меттернихъ написалъ отъ имени Грековъ изъявленіе раскаянія и покорности; какіе-то подкупленные Греки подписали эту бумагу, и 18-го сентября константинопольскій патріархъ торжественно передалъ этотъ подложный актъ турецкому правительству. Плоская и безчестная комедія эта упала; публика, передъ которою она разыгрывалась, ей не повѣрила; союзныя державы, которыхъ Меттернихъ этимъ страннымъ способомъ надѣялся принудить къ прекращенію военныхъ дѣйствій, не обратили на всю эту штуку никакого вниманія. Извѣстіе о наваринскомъ сраженіи, уничтожившемъ турецкій флотъ, убѣдило австрійскаго министра въ томъ, что, имѣя дѣло съ людьми рѣшительными, нельзя остановить ихъ дипломатическою діалектикою и поддѣльными подписями. Меттернихъ узналъ о наваринскомъ дѣлѣ въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, чтобы ѣхать вѣнчаться; можно сказать положительно, что это извѣстіе испортило ему этотъ торжественный для него день; свадьба не была, правда, отложена, но женихъ оказался не въ блестящемъ расположеніи духа. Этотъ второй бракъ Меттерниха отличается отъ перваго тѣмъ, что на этотъ разъ нашъ герой женился по любви, на дѣвушкѣ, отличавшейся замѣчательною красотою, но не представлявшей для него блестящей партіи. Противъ этого брака возставали всѣ его ближайшіе родственники,

особенно гордая аристократка, старуха мать его, которой въ то время было слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, и которая изъ прошлаго столѣтія принесла свои предразсудки и антипатіи. Впрочемъ, если самъ Меттернихъ наперекоръ этимъ предразсудкамъ рѣшился на женитьбу, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть проявленія истиннаго и глубокаго чувства. Когда государственный канцлеръ былъ еще юношей, онъ и тогда не отличался сердечною нѣжностью; на внучкѣ Кауница онъ женился по расчету; связью съ Каролиною Мюратъ онъ пользовался для политическихъ цѣлей, или, вѣрнѣе, для того, чтобы пробить себѣ дорогу къ почестямъ и къ повышенію; любовь всегда была для него развлеченіемъ, а иногда полезнымъ, хоть и неблагообразнымъ средствомъ; онъ былъ слишкомъ сухъ и холоденъ, слишкомъ тщеславенъ и мелокъ, чтобы выносить въ груди прочное чувство, и, хоть разъ въ жизни, принести ему въ жертву какую нибудь существенную выгоду, какую нибудь частицу своего самолюбія. Онъ женился во второй разъ, когда ему было 54 года; въ этихъ лѣтахъ мужчины бываютъ особенно чувствительны къ красотѣ молодыхъ женщинъ; капризъ увядающей чувственности бываетъ такъ силенъ, что онъ можетъ показаться дѣйствительнымъ чувствомъ; такого рода капризъ рѣшилъ судьбу государственнаго канцлера; выгодъ ему искать нечего было; богатства у него было довольно; въ связяхъ онъ не нуждался; стало быть, онъ женился на красавицѣ именно потому, что только красота и могла доставить ему наслажденіе; что чувство его къ своей избранной не было глубоко и прочно, это можно заключить по общему характеру разбираемой нами личности; кромѣ того, княгиня Меттернихъ умерла черезъ два года послѣ своей свадьбы, а супругъ ея безъ всякой горести перенесъ свою утрату, и вслѣдъ затѣмъ женился на третьей женѣ. Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о семейной жизни Меттерниха для того, чтобы предостеречь читателя отъ ошибки; приписать этому человѣку способность глубоко чувствовать и сильно любить значило бы совершенно не понять его характера; Меттернихъ былъ мелокъ въ своихъ человѣческихъ чувствахъ, настолько же, насколько онъ былъ мелокъ и близорукъ въ своихъ политическихъ идеяхъ и административныхъ соображеніяхъ. Офиціальная, постоянно салонная жизнь, которою онъ прожилъ больше пятидесяти лѣтъ, удовлетворяла его потребностямъ, наполняла всѣ его минуты, составляла для него источникъ сильныхъ ощущеній, горя и радости, надеждъ и опасеній. У него не было внутренняго міра, и

эта холодная офиціальность, проникавшая насквозь всю его личность и таившаяся подъ простотою и изысканною непринужденностью внѣшняго обращенія,—отразилась конечно на его гражданской дѣятельности, отъ которой вѣетъ ледянымъ холодомъ и сухою безучастностью къ дѣйствительно живымъ сторонамъ дѣла.

Когда наваринское сраженіе подало сигналъ къ серьезной войнѣ между Россіею и Турціею, Меттернихъ, испытавшій такимъ образомъ совершенное дипломатическое пораженіе, сталъ опасаться за существованіе Оттоманской Порты, и старался возстановить противъ Россіи французское правительство. Когда его убѣжденія не подѣйствовали, онъ взялся за угрозы. Сынъ Наполеона, воспитывавшійся при вѣнскомъ дворѣ въ качествѣ герцога Рейхштадтскаго, внука императора Франца, послужилъ темою этихъ угрозъ. Со стороны Меттерниха эти угрозы были довольно оригинальны и безтактны; ему, защитнику законности, было просто неприлично, противъ династіи Бурбоновъ, признанной великими державами, и посаженной на престолъ при его же содѣйствіи, — выставлять претендентомъ на французскую корону сына корсиканскаго демократа, вышедшаго изъ рядовъ революціи и перевернувшаго по-своему поземельныя отношенія Европы. Но Меттернихъ уже давно пересталъ заботиться о послѣдовательности своихъ поступковъ; для него дѣло шло о самосохраненіи Австріи, стало быть тутъ уже поздно было толковать о проведеніи принципа; нашъ дипломатъ не подумалъ и о томъ, что его косвенныя угрозы окажутся мыльнымъ пузыремъ, если только французское правительство не испугается ихъ съ перваго разу. Дѣйствительно, у Меттерниха не было въ рукахъ никакихъ средствъ сдѣлать герцога Рейхштадтскаго опаснымъ для Франціи. Императоръ Францъ никогда не согласился бы отпустить изъ Вѣны своего внука, и это было хорошо извѣстно государственному канцлеру. Французское правительство поняло ничтожество этихъ угрозъ, отвѣчало на нихъ очень рѣзко, и австрійскій министръ принужденъ былъ замолчать. Когда русское правительство спросило у австрійскаго кабинета отчета въ его интригахъ противъ Россіи, Меттерниху пришлось отказываться отъ своихъ словъ и поступковъ, пришлось извиняться и льстить, а императоръ Францъ собственноручно написалъ къ императору Николаю дружеское письмо. Куда же дѣвалось прежнее могущество Австріи, ея недавнее первенство на европейскихъ конгрессахъ? Рядъ дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ государственнымъ канцлеромъ, разрушилъ то фан-

тастическое обаяніе, которое политика Австріи со времени низложенія Наполеона оказывала на умы европейскихъ дипломатовъ. Адріанопольскій миръ между Россіею и Турціею упрочилъ русское вліяніе на дѣла Порты и еще больнѣе далъ почувствовать Меттерниху его безсиліе; Греческое королевство возникло помимо желанія Австріи; при выборѣ греческаго короля Австрія оставалась безъ голоса и дѣло было рѣшено Англіею и Россіею. Словомъ, съ легкой руки Каннинга, униженія слѣдовали за униженіями, и бывшій законодатель Европы навсегда потерялъ свое громадное вліяніе; онъ пробовалъ завязать сношенія съ Россіею, снова втянуть ее въ священный союзъ, но дѣло не шло на ладъ; многое измѣнилось въ обстоятельствахъ и въ личностяхъ, много воды утекло, и воротить начало 20-хъ годовъ было невозможно; идеи ненавистныя Меттерниху окрѣпли во время гоненія и готовы были, при первомъ удобномъ случаѣ, вспыхнуть во всей своей яркости и освѣтить кропотливо выстроенное зданіе австрійской государственной мудрости.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ПЛАВАНІЕ У ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ о Южной Россіи).

Душный вѣтеръ разносилъ по улицамъ Керчи песокъ и пыль, такъ что глазъ нельзя было открыть, не ощущая въ нихъ боли; раскаленныя на іюльскомъ солнцѣ стѣны и крыши домовъ еще болѣе усиливали дневной жаръ, такъ что приходилось поминутно обливаться потомъ, даже морскія купанья не освѣжали, — и я рѣшился нанять баркасъ, чтобы переселиться на пароходъ «В. К. Константинъ», который стоялъ миляхъ въ семи отъ берега и едва обрисовывался на мглистомъ горизонтѣ своими тремя мачтами и двумя трубами. Проливъ волновался. Легкій баркасъ, подъ парусомъ, шибко понесся по неровной зыби, обдавая меня брызгами валовъ, и черезъ часъ былъ уже у парохода; но подтянуться къ трапу не было никакой возможности. Едва сворачивали парусъ, какъ сильнымъ теченіемъ пролива, баркасъ относило въ сторону отъ парохода, не позволяло держаться на веслахъ, и только спасительный канатъ, наконецъ сброшенный къ намъ съ палубы «Константина», удержалъ насъ отъ невольной прогулки въ открытое море.

«В. К. Константинъ» долженъ былъ вечеромъ слѣдующаго дня идти къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря. Это одинъ изъ большихъ и лучшихъ пароходовъ общества. Изящность и роскошь въ отдѣлкѣ его каютъ, покойный и быстрый ходъ, просторъ помѣщенія, любез-

ность служащихъ на немъ лицъ — все это было знакомо мнѣ еще прежде, за переѣздъ мой отъ Севастополя въ Керчь; теперь же, послѣ опасной пляски баркаса по сердитымъ волнамъ пролива, еще больше я радъ былъ подняться на покойную его палубу, освѣжиться на немъ отъ керченской духоты и пыли и, подъ обаяньемъ морскаго сна и аппетита, ожидать плаванья къ «брегамъ абхазскимъ»...

И наши города, подобно азіятскимъ, нерѣдко красивѣе и привлекательнѣе, когда смотришь на нихъ издали, чѣмъ когда очутишься посреди всякаго рода ихъ неудобствъ и неряшества. Постоянно жить въ нихъ—по силѣ привычки еще живется довольно опасно; но заѣзжему промаяться въ нихъ нѣсколько дней—подчасъ не выносимо. Вотъ хотя бы и Керчь. За семь миль, съ рейда, глядитъ она игрушечкой, съ такими чистенькими домиками, такъ картинно расположенными около живописнаго Митридата, что какъ не съѣхать къ нимъ съ парохода? А съѣдешь — не знаешь куда и бѣжать изъ душныхъ и пыльныхъ объятій этой игрушечки, особенно же изъ грязнѣйшихъ и безпокойнѣйшихъ ея гостинницъ. На рейдѣ лучше. Тутъ, по крайней мѣрѣ, хоть свѣжій воздухъ да чистая морская волна (*)...

День и другой на пароходѣ прошли для меня въ выслушиваніи все одной и той же пѣсни. Пѣсня эта — нагрузка парохода. Визжитъ цѣпь, то опускаясь съ тяжестью въ трюмъ, то легко дребезжа оттуда за новою тяжестью; слышится монотонное «вира» и «стопъ» матросовъ, причемъ иногда раздается крѣпкое словцо боцмана; грузятъ мѣшки съ мукою, бочки съ сахаромъ, боченки съ масломъ, ящики съ макаронами, тюки съ овчинами и кожами; то лопнетъ обручъ, то разорвется мѣшокъ и разсыплется по палубѣ пшено или мука, при чемъ окажется правымъ непремѣнно желѣзный крюкъ, прорвавшій мѣшокъ, и виноватымъ будто бы гнилой мѣшокъ, не устоявшій противъ крюка... Матросы, грузящіе корму, большею частію обсыпаны мукою и вполнѣ бѣлые люди; за-то на носовой части парохода, гдѣ грузятъ каменный уголь, расхаживаютъ вполнѣ черные. Но цвѣтъ кожи и платья не мѣшаетъ матросу оставаться вѣрнымъ одной и той же своей натурѣ: тѣ же веселыя прибаутки тамъ и здѣсь, тѣ же крѣпкія словца по поводу самыхъ невинныхъ предметовъ, то же умѣнье, повидимому работая, ничего не дѣлать и вдругъ, подъ вліяніемъ угрозы боцмана, усилить свою работу до такой ревности, что и крѣпкій обручъ на

(*) О Керчи болѣе подробно говорится въ другой главѣ этихъ замѣтокъ.

бочкѣ непремѣнно лопнетъ и крѣпкій мѣшокъ съ углемъ непремѣнно порвется. И тамъ, и здѣсь непремѣнно найдется одинъ изъ всѣхъ дѣловой, который все улаживаетъ, за всѣхъ управится, хотя бы эти всѣ только объ одномъ и думали: какъ бы половче, попроворнѣе, чтобъ старшій не замѣтилъ, понагнуться да лизнуть съ палубы сахарнаго песку, который посыпался изъ полуразбитой бочки...

День и другой на пароходѣ прошли для меня въ разсматриваніи и однихъ и тѣхъ же видовъ. Съ верхней палубы открывался весь керченскій проливъ. Съ западной его стороны — полукруглая керченская бухта, въ углубленіи которой амфитеатромъ, не высясь ни однимъ зданіемъ, размѣстился городъ у подпоры массивнаго Митридата; на сѣверѣ—обрывистый берегъ съ маякомъ и развалинами Еникале; на югѣ—высокіе холмы съ Павловскою батареей. Все это, за исключеніемъ бѣлыхъ построекъ города и его окрестностей, имѣетъ бурый, лишенный зелени цвѣтъ. Восточный берегъ пролива, заключающій въ себѣ Таманскую бухту, по срединѣ скрытъ за горизонтомъ и только по краямъ выступаетъ едва примѣтными изъ-за воды косами — Чушкою противъ Еникале и Тузлою противъ Павловской батареи. Весь проливъ заставленъ разной величины и разнаго вида судами, и лѣсъ ихъ мачтъ все гуще, чѣмъ ближе къ Керчи. Тамъ, у самой пристани, стоятъ пароходы и баржи Общества; тутъ видны легкія, красивыя каботажныя англійскія суда, здѣсь черныя военныя русскія шкуны, тутъ же русскій неуклюжій каботажъ, нѣсколько похожій на турецкій, а турецкія суда своей конструкціей рѣшительно напоминаютъ ноздревскую «бочковатость ребръ, уму непостижимую...» Въ обоихъ концахъ пролива часто видишь торжественное шествіе, на всѣхъ парусахъ, какого-нибудь большаго купеческаго судна; бѣлѣетъ оно и блеститъ на солнцѣ, пока не скроется за горизонтомъ, или же, опустивъ паруса, броситъ оно якорь — и вотъ къ нему и отъ него полетятъ крошки-баркасы. Среди этого множества разновидныхъ, спокойно стоящихъ судовъ не перестаютъ сновать во всѣхъ направленіяхъ тромбаки, шлюпки, ялики, на веслахъ или подъ парусомъ; словомъ, это самый оживленный пунктъ Азовскаго моря...

Но вотъ нарушилась спокойная стоянка «В. К. Константина»: буксирный пароходъ «Крикунъ» свезъ на него всѣхъ пассажировъ, отправлявшихся на восточный берегъ Чернаго моря. Затопились и зашумѣли громадныя паровыя печи, на палубѣ образовалась толкотня, а къ тому жъ и погода обѣщала разгуляться и разшумѣться.

*

Между тѣмъ палуба «В. К. Константина» успѣла уже принять азіятскую физіономію. Суетились Армяне, выбирая себѣ повыгоднѣе мѣсто для ночлега; покуривая кальянъ, въ молчаливомъ созерцаніи чего-то глубокомысленнаго, сидѣли Турки; картинно размѣстилось семейство Черкесъ, состоявшее изъ трехъ женщинъ и ребенка подъ охраной рыжаго мужчины, съ паршами на головѣ; важно расхаживали два Имеретина, въ синихъ чухахъ, въ красныхъ бархатныхъ бешметахъ и въ сапогахъ съ загнутыми вверхъ въ видѣ крючковъ тонкими носками. Говоръ азіятскихъ нарѣчій, безпрерывный споръ за мѣста на ночлегъ, разглагольствія монаха съ Аѳонской горы — все это, вмѣстѣ съ шумомъ паровъ топившагося парохода, могло бы заставить трещать мою голову, если бы она не привыкла къ азіятской общественной суматохѣ, которая заводится всюду, гдѣ только соберется десятокъ-другой Армянъ, этихъ горластыхъ торгашей Востока. Монахъ съ Аѳонской горы, въ шерстяномъ черномъ подрясникѣ съ кожанымъ поясомъ, въ замасляной приплюснутой шапочкѣ, особенно не поладилъ съ своими сосѣдями-Армянами, успѣвшими уже завязать игру въ карты.

— Ты меня не переспоришь—замѣчаетъ онъ, покачивая головой, не переспоришь меня, потому что на мнѣ чинъ такой... постригомъ освященъ...

— Ну и сиди себѣ, не мѣшайся! отвѣчаетъ Армянинъ, погруженный въ созерцаніе своихъ картъ, а между тѣмъ изливающій изъ себя цѣлый потокъ непонятной для меня армянской рѣчи.

— Нельзя мнѣ не мѣшаться — продолжаетъ монахъ: ты дуракъ вѣдь, почтеніе ко мнѣ не имѣешь.

Армянинъ, снова изливаетъ армянскія рѣчи.

— Ты меня не переспоришь — опять методически замѣчаетъ монахъ, покачивая головой, не переспоришь меня, говорю тебѣ, потому, что я имѣю чинъ такой... постригомъ освященъ...

И все въ этомъ же родѣ продолжается между ними нескончаемая бесѣда.

— А Черкешенку видѣли? спрашиваетъ меня одинъ изъ пассажировъ: это прелюбопытно!

Молоденькая дѣвушка, съ лицемъ ребенка, лежала на палубѣ, укутанная бѣлымъ кисейнымъ покрываломъ поверхъ какой-то короны, или же парчеваго шишака, надѣтаго на черныя нерасчесанныя ея косы; на тѣлѣ только сорочка да красные чевяки, или туфли; то выглянетъ она пугливо изъ-подъ покрывала, то спрячетъ голову въ по-

душку и скорчится какъ собачка, готовящаяся заснуть. Подлѣ нея, на корточкахъ, сидитъ Черкесъ и точно сторожитъ ее отъ постороннихъ взглядовъ.

— Опять это вонючее племя съ нами! желчно замѣчаетъ одинъ изъ служащихъ на пароходѣ, проходя мимо Черкесовъ; а къ этому племени принадлежатъ еще двѣ пожилыя женщины, можно бы сказать — дряхлыя старухи, еслибъ одна изъ нихъ, также въ парчевомъ шишакѣ, не кормила тутъ же ребенка своею полною свѣжею грудью; на старухахъ также, кромѣ сорочекъ, покрывалъ и туфлей, ничего на тѣлѣ нѣтъ. Матросы, работая подлѣ этой группы, то и дѣло острятъ на-счетъ кринолиновъ и всей громоздкости нашего женскаго наряда, видимо склоняясь въ пользу патріархальнаго костюма Черкешенокъ; но желчный господинъ изъ служащихъ на пароходѣ, опять проходя мимо, ворчитъ снова насчетъ ихъ патріархальной вони и неряшества...

Наконецъ, послѣ двухчасоваго шума, паровыя трубы замолкли; задребезжали якорныя цѣпи; глухо сталъ работать винтъ: плавно, слегка покачиваясь, мы сходили съ керченскаго рейда. На небѣ было сѣро; дулъ порывистый вѣтеръ; все больше и больше вечерѣло: по всему видно было, что намъ готовился неспокойный ночной переходъ...

Винтъ работалъ исправно, несмотря на сильное волненіе моря, пароходъ шелъ по 11 узловъ въ часъ. Но темень, изрѣдка освѣщаемая молніей, не позволяла видѣть береговъ, подлѣ которыхъ мы плыли. Всю ночь качало, только ужъ на разсвѣтѣ почувствовалось легче: мы входили въ Судтукскій заливъ и скоро бросили якорь передъ Константиновскимъ укрѣпленіемъ.

Одна ночь перехода, а перемѣна мѣстности разительная. Послѣ бурыхъ, выясненныхъ лѣтнимъ солнцемъ окрестностей Керчи, предъ нами открылась свѣжая зеленая рамка лѣсистыхъ береговъ залива; мглистое степное небо замѣнилось чистою лазурью горнаго воздуха; полное затишье послѣ бурныхъ порывовъ моря; порожняя голубая бухта вмѣсто зеленовато-грязнаго шумнаго керченскаго рейда. Отъ укрѣпленія подплыло къ намъ не больше двухъ баркасовъ; стояли на якоряхъ всего двѣ военныя шкуны, да къ одной изъ нихъ прицѣплена была турецкая кочерма—недавній призъ крейсерства. На берегу — никакой людности.

Среди зелени лѣсовъ и свѣжаго луга бѣлѣетъ Константиновское укрѣпленіе, чистенькое, новенькое; глядятъ изъ-за тонкихъ стѣнъ его

крыши и трубы казарменныхъ построекъ, да красуется церковь съ новымъ блестящимъ куполомъ. Подлѣ этого маленькаго укрѣпленія, занятаго двумя ротами Крымскаго пѣхотнаго полка, уже начинается безпорядочно разбрасываться еще меньшій форштатъ, съ избушками подъ соломенныя крыши, съ стогами хлѣба и сѣна. Отсюда, по зеленымъ холмамъ, протерты дороги на окрестныя возвышенности и въ ущелья, изъ которыхъ одно охраняется каменной башней; болѣе широкая дорога спускается къ самому берегу моря, къ длинной казарменной постройкѣ адмиралтейства, да къ двумъ–тремъ купальнямъ... Вотъ и все, что видится теперь на мѣстѣ Новороссійска, который еще такъ недавно былъ центромъ всей жизни на черноморской береговой линіи. Быть можетъ на берегу среди травы и кустарника и отыщется еще какой–либо слѣдъ недавняго его существованія, но съ рейда— и не подумаешь, чтобъ онъ тутъ когда–нибудь шумѣлъ и красовался; за исключеніемъ построекъ миньятюрной крѣпости, все остальное смотритъ какъ бы первобытною зеленью холмовъ, до которой не приступалъ еще человѣкъ ни съ топоромъ, ни съ плугомъ.

Если человѣкъ есть дѣйствительно самолюбивѣйшее изъ всѣхъ живыхъ существъ, то легко объяснить, почему мнѣ грустнѣе было смотрѣть на зеленое безслѣдіе Новороссійска, чѣмъ на груды камней, образовавшіяся изъ зданій не только славнаго Севастополя, но и безславно разрушенной какой–нибудь Фанагоріи. Эти груды камней все еще продолжаютъ говорить за жизнь людей, когда–то ихъ громоздившихъ; а тутъ все безслѣдно стерто съ лица земли, вполнѣ «былью поросло», какъ говорятъ наши пѣсни...

Да, еще въ живыхъ тѣ люди, которые порою тяжело вздыхаютъ при воспоминаньяхъ о жизни на береговой линіи, для которыхъ и теперь Новороссійскъ все еще живъ; а иному–заѣзжему сюда издалека,—существованіе его можетъ показаться сказкой. Въ живыхъ еще и тѣ люди, что—при имени Новороссійска и всей береговой линіи— какъ–то чопорно отплевываются, точно ихъ коснулось что–нибудь весьма неприличное. «Это Содомъ и Гоморра — говорятъ они: и участь ихъ одинаковая!..» Да, точно, участь ихъ очень схожа: какъ волны озера безслѣдно покрыли собою эти города древности, такъ богатая растительность Кавказа прикрываетъ собою развалины бывшихъ укрѣпленій береговой линіи—и говора отъ ихъ прошлой жизни, кромѣ слишкомъ общей, неопредѣленной молвы, не слышится никакого. Но жаль будетъ, если эта молва не перейдетъ въ опредѣленное сло-

во; историческая характеристика жизни на черноморской береговой линіи можетъ составить если не украшеніе, то все же весьма своеобразную картину въ исторіи завоеванія Кавказа, и такую характеристику нужно бы составить поскорѣе, пока воспоминанія о жизни на береговой линіи не поросли еще такою же былью, какою поросли ея развалины.

Въ настоящее время Константиновское укрѣпленіе играетъ уже совсѣмъ не ту роль, какую выполнялъ Новороссійскъ въ составѣ береговой линіи: теперь оно замыкаетъ у моря нашу укрѣпленную линію, которая отграничила земли покорныхъ намъ Натухайцевъ отъ земель немирныхъ еще Шапсуговъ, а до линіи собственно береговой, еще не возобновляемой, оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія. Вотъ отъ той башни, что виднѣется справа отъ укрѣпленія, по довольно торной дорогѣ, можно теперь безъ особыхъ опасностей прокатиться въ экипажѣ, среди живописнѣйшей природы, до Суровской переправы на Кубани, при чемъ на пути будутъ встрѣчаться такія же сторожевыя башни и два укрѣпленія—Крымское и Адогумское. Этимъ путемъ обезопасенъ для насъ одинъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ западнаго Кавказа, и при нынѣшнемъ мирномъ настроеніи его жителей—Натухайцевъ, онъ могъ бы уже сдѣлаться предметомъ изысканія для ученыхъ, равно и для развлеченія туристовъ, которые ищутъ впечатлѣній мѣстности, еще не опошлившейся отъ всякаго рода наблюдательныхъ взглядовъ. Но ни о тѣхъ, ни о другихъ пока здѣсь ничего еще не слышно, и, по всей вѣроятности, для тѣхъ и для другихъ равно необходимъ комфортъ при наблюденіяхъ, на который здѣсь плохо надѣяться.

Стоянка наша предъ Константиновскимъ укрѣпленіемъ затянулась пріемкой на пароходъ значительнаго груза: отъѣзжалъ на родину грузинскій князь и забиралъ съ собою множество пожитковъ, окружавшихъ его на мѣстѣ покидаемаго имъ служебнаго поста. Отъѣзжавшій князь былъ къ тому же генералъ. Понятно, что всѣ мѣры угодливости пущены были въ ходъ, чтобъ только скорѣе и удобнѣе помѣстить на пароходѣ княжеское, да къ тому же еще, и генеральское имущество; а его-то, благодаря особенной плодоносности нѣкоторыхъ нашихъ служебныхъ мѣстъ, скопилось не много. До тѣхъ поръ довольно еще свободная палуба В. К. Константина становилась все тѣснѣе и тѣснѣе: появились тутъ кареты, коляски, тарантасы; въ трюмъ то и дѣло опускались тяжеловѣсные сундуки, тюки, ящики; всякаго

вида коробки, коробочки, ящички, узелки, боченки размѣщались внутри экипажей и подъ и экипажами: кадки съ цвѣтами, горшки съ масломъ, кувшины съ молокомъ, фляжки и бутылки съ разными напитками — также заняли собою много закоулковъ палубы, въ явный ущербъ помѣщенія для пассажировъ четвертаго класса. Наконецъ явилась особа генерала, съ его многочисленнымъ семействомъ: жена, дѣти, компаньонка, гувернантка, компаньонъ, разнообразная прислуга изъ солдатъ, нянекъ, Грузинъ и Армянъ—всѣ они наполнили пароходъ до такой степени, что стало на немъ для всѣхъ тѣсно. Но еще не все: оставалось встащить на палубу семь лошадей, для которыхъ нужны и кормъ и стойла; носовая часть палубы была очищена и подъ этихъ пассажировъ, а за тѣмъ послѣдовало и самое встаскиваніе. Тутъ поднялась страшная возня: суетился капитанъ съ своими помощниками, бѣгали матросы, визжали блоки, тѣснились пассажиры—зрители — и вотъ каждая лошадь, по одиночкѣ, сперва безобразно повиснувъ на воздухѣ, приподнималась на палубу и, почувствовавъ подъ собою опору, начинала неистово храпѣть и бить копытами. Такая забавная возня съ пассажирами этого рода могла бы ограничиться только доставленіемъ намъ любопытнаго комическаго зрѣлища, еслибъ не вздумалось ей перейти въ печальную драму: молодой матросъ, больше другихъ работавшій около веревокъ, приподнимавшихъ лошадь, какъ-то замѣшкался отдернуть руку свою отъ блока и остался безъ пальцевъ...

— Какая жалость! заговорили на пароходѣ: такой ловкій малый— и принужденъ пальцы свои выбросить за бортъ!

— Замѣтьте—дополняли другіе: всегда вотъ такимъ образомъ достается пострадать лучшему! Лѣнтяй — въ сторонѣ, а тутъ какъ нарочно подвернулся самый бойкій матросъ...

— Вѣдь это одинъ изъ севастопольскихъ героевъ—замѣтилъ кто-то: его и портретъ былъ въ художественномъ листкѣ.

— Какъ такъ?

— Да онъ во время осады, бывши еще мальчикомъ, на батареяхъ прислуживалъ, снаряды носилъ... И вѣдь ни разу не ранили тогда, а тутъ—кто бы могъ и ожидать?

— Экая жалость! твердили многіе въ одинъ голосъ.

Молодой матросъ, по фамиліи Новиковъ, дѣйствительно былъ изъ числа севастопольскихъ героевъ. Во время осады, вмѣстѣ съ другими матросскими дѣтьми, онъ помогалъ взрослымъ перетаскивать боевые снаряды на батареи, отличался особенною бойкостью и расторопностью,

такъ что обращалъ на себя общее вниманіе. Ни одна шальная непріятельская пуля не задѣла тогда молодца, а тутъ угодили веревки.

Сперва онъ точно и не почувствовалъ своей потери, только проворно сорвалъ висѣвшіе на кожицѣ суставы пальцевъ и отбросилъ ихъ за бортъ въ воду; но потомъ, когда стали дѣлать ему примочки и перевязку, когда объявили, что нужно ему остаться для излѣченія въ госпиталѣ Константиновскаго укрѣпленія, одолѣла его робость и проняли слезы. Дрожалъ онъ, блѣдный, и все приговаривался, что въ госпиталь ему не хочется, что лучше бы остаться на пароходѣ...

Лошади еще не угомонились въ новыхъ своихъ стойлахъ, стучали и фыркали, когда пароходъ сталъ сниматься съ якоря. Ясное утреннее небо начинало заволакиваться облаками, заливъ уже рябилъ, а по выходѣ нашемъ въ открытое море стало и покачивать. Зеленые гористые берега Кавказа, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ парохода, все больше закутывались въ облака и стушевывались подъ сѣрый цвѣтъ неба; скоро полилъ дождь и еще сильнѣе закачало. Подъ эту качку не многіе изъ насъ усѣлись въ каютъ-компаніи за завтракъ; надъ головами нашими, ударяя въ стекла опущеннаго люка, шумѣли дождевыя капли, да всякій разъ какъ черезчуръ накреняло пароходъ на-бокъ, слышались учащенные удары лошадиныхъ копытъ о палубу.

— А генералъ вѣдь по-генеральски наградилъ пострадавшаго матроса,—съ улыбкой проговорилъ одинъ изъ завтракавшихъ и тѣмъ прервалъ общее молчаніе: кажется, сто рублей далъ.

— Хоть бы копейку! хоть бы ласковымъ словомъ наградилъ! отвѣтилъ на это тутъ же завтракавшій суперкаргъ — и опять всѣ замолчали.

И томительно-скучно, подъ усиливавшуюся съ часу на часъ качку, прошелъ этотъ дождливый день, не давъ намъ ни разу разглядѣть что-нибудь на берегахъ Кавказа, который завѣсился сѣрою, непроницаемою для глазъ пеленою...

Утромъ, мы подошли къ Сухумъ-Кале, повернули на его открытый съ моря рейдъ и остановились въ виду очаровательной холмистой и лѣсистой мѣстности, освѣщенной первыми косяками солнца. Здѣшній рейдъ мѣстами такъ глубокъ, что якорь парохода, загремѣвши всею своею тяжестью, повисъ не достигнувъ дна; нужно было медленно подтягиваться къ мертвому якорю. Тѣмъ временемъ отъ песчанаго берега Сухума и отъ деревянной его пристани стали подплывать къ намъ ялики; гребли на нихъ по одному и по два Турка, все съ платками

на головахъ и на перегонку другъ передъ другомъ причаливали къ трапу.

«Смотрите, смотрите — баба гребетъ»! — не разъ слышалось на пароходѣ. Но баба оказывалась все тѣмъ же Туркомъ, который, точно, подчасъ удивительно какъ смахиваетъ на бабу.

На рейдѣ было такъ тихо, что море струилось только отъ движенія яликовъ и веселъ, вода, необыкновенно чистая, лазурнаго цвѣта, по краямъ рейда отражала въ себѣ зелень холмистыхъ береговъ. Въ глуби рейда, у подножія холмовъ и въ ихъ разсѣлинахъ, на зеленой луговинѣ разбросаны постройки Сухума, выходя на берегъ длинными, большею частію казарменно-образными домиками; налѣво — сѣрыя развалины когда-то турецкой крѣпостцы, за которою также луговина, переходящая въ песчаную косу, направо лѣсистые холмы, почти отвѣсно обрамливающіе весь восточный берегъ рейда; надъ ними — скалистыя темныя горы, изъ-за которыхъ блестятъ снѣговыя вершины еще болѣе далекихъ горъ.

— Когда ни зайдешь въ Сухумъ, даже въ генварѣ, всегда въ немъ цвѣтутъ розы. Такъ рекомендовали мнѣ это благодатное мѣстечко Абхазіи; но тутъ же прибавляли: только лихорадки проклятыя! на каждомъ шагу какъ будто лихорадкой пахнетъ...

Я поспѣшилъ съѣхать на абхазскій берегъ и посмотрѣть поближе на это мѣстечко розъ и лихорадокъ. И въ самомъ дѣлѣ, розъ много, даже плетни изъ розъ; съ другой же стороны и воздухъ тяжелъ, особенно послѣ дождя, при знойныхъ лучахъ яснаго тихаго утра; эти затхлыя испаренія, точно, пахнутъ лихорадкой.

Широкой прямой улицей или правильнѣе бульваромъ пошелъ я отъ пристани къ зеленому холму, который по своему виду носитъ названіе *трапеціи*; онъ заграждаетъ входъ въ городъ со стороны горныхъ ущелій. Если на каждомъ шагу пахло лихорадкой, то въ то же время на каждомъ шагу нельзя было не любоваться здѣшнею роскошною растительностью: некрасивые домики стоятъ по бокамъ бульвара; но ихъ украшаетъ густая темная зелень каштана и орѣха; пирамидальный рослый тополь скрашивалъ ихъ черепичныя или крытыя драныо крыши; нечистыя или побитыя окна закрывались великолѣпными кустами свѣтло-зеленой плакучей ивы и веерообразною акаціей, убранной цвѣтками наподобіе пушистыхъ розовыхъ кисточекъ. Поближе къ *трапеціи* все больше зелени; тутъ и сухумскій ботаническій садъ. Растительность его роскошна, но видно мало за нею ухода. Правда,

дорожки его расчищены, но деревьямъ дана полная воля глушить другъ друга, такъ что это правильнѣе назвать самородной маленькой рощей, чѣмъ искуственно планированнымъ ботаническимъ садомъ. Тутовыя деревья, инжиръ или винная ягода, миндальныя деревья, каштанъ, бигнонія—все это, перемѣшавшись, даетъ густую тѣнь для аллей, все это своею роскошною листвой прикрыло множество кустарниковъ и плодовыхъ низкорослыхъ деревъ: розы и китайская мальва глушатъ гранату, черешню; апельсинные и лимонные кусты перемѣшались съ персиками и абрикосами, виноградъ вьется около лавра, акація глушитъ все остальное. Послѣ ночнаго дождя все это повисло надъ землей отяжелѣвшими влажными вѣтками, сгустилось освѣженною листвою и наполняло воздухъ удушьемъ ароматныхъ испареній.

Изъ сада пошелъ я на *трапецію*, куда вела изрытая дождемъ дорога. Неуклюжіе, грязные буйволы спускали по ней возы и арбы, нагруженные камнемъ; медленно переступали съ ноги на ногу ослы, навьюченные вязанками дровъ, и Абхазцы покрикивали на нихъ необыкновенно-зычными гортанными звуками. Абхазцы ничѣмъ особенно не отличаются ни въ одеждѣ, ни въ наружности отъ всѣхъ горцевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Адыге; только вмѣсто папахи на головахъ у нихъ чаще встрѣчаешь башлыкъ, повязанный въ видѣ чалмы, чаще видишь на нихъ рыжія бороды, да отвычка отъ войны сдѣлала ихъ мѣшковатѣе, тяжелѣе истаго горца.

На самомъ возвышеніи трапеціи, въ тѣни деревъ, лежало и сидѣло нѣсколько солдатъ, въ госпитальныхъ халатахъ; молчаливо глядѣли они на Сухумъ, раскинувшійся внизу по плоской лужайкѣ,—на длинный узкій рейдъ, на которомъ чернѣли всего два турецкихъ судна, нашъ пароходъ да военная шкуна. Лица солдатъ были желтыя, исхудалыя, печальныя; это были выходцы изъ госпиталя, который длинными одноэтажными домами, въ гущѣ зеленя, помѣстился на верхушкѣ холма, какъ на болѣе здоровомъ мѣстѣ. Подлѣ госпиталя тянулись такія же длинныя казармы одного изъ линейныхъ батальоновъ, занимающихъ Сухумъ, а затѣмъ ужъ холмъ спускался заросшимъ оврагомъ къ лѣсистымъ предгорьямъ и ущельямъ главнаго кавказскаго хребта.

Разговоръ съ солдатами никакъ у меня не вязался: меня интересовалъ ихъ печальный бытъ въ Сухумѣ, а ихъ коммерческій пароходъ, привезъ-ли онъ для нихъ амуницію?

— Въ Сухумъ грузили много тюковъ сказалъ я: можетъ быть, есть вамъ и амуниція...

— А гдѣ грузили? спросилъ одинъ изъ лежавшихъ на животѣ солдатовъ.

— Грузили въ Ѳеодосіи, грузили въ Керчи... Овчинъ много также грузили въ Сухумъ.

— То, слышь, на полушубки намъ, улыбаясь, замѣтилъ молодой солдатикъ, толкая локтемъ своего сосѣда.

— Съ какой стати на полушубки! разочаровывалъ его сосѣдъ: кабы полушубки, то прислали бъ ихъ готовыми, а то овчинами зачѣмъ прислать?

— И муки много привезли въ Сухумъ, продолжалъ я утѣшать ихъ.

— Что мука! Кабы амуницію!.. замѣтили всѣ они со вздохами.

— А хорошо вамъ здѣсь! сказалъ я невольно, залюбовавшись съ этой возвышенной мѣстности на блестѣвшій серебромъ рейдъ и его холмистые зеленые берега.

— Какое хорошо! послышалось въ отвѣтъ. Сказано ужъ—проклятое мѣсто! Еще теперь дожди перепадаютъ, а тамъ какъ суша наступитъ—глотка воды не добудешь нигдѣ. Такое ужъ мѣсто: кругомъ дожди, а здѣсь хоть бы капелька!

— И лихорадокъ тогда больше?

— Да ужъ извѣстное дѣло! отъ нихъ и теперь не оберешься, а тогда такъ и валитъ. Въ грудяхъ-то сопретъ, этакъ давитъ на сердцѣ, ну и корчи пойдутъ, и животъ раздуетъ...

Проклятое мѣсто—думалъ я, сходя съ возвышенія; а живописно-то какъ! И будто нѣтъ избавленія для него отъ проклятій? Осушатъ болота, расчистятъ окрестныя лѣса, замирится вполнѣ край—и Сухумъ можетъ сдѣлаться только мѣстомъ розъ хотя и съ шипами, но безъ лихорадокъ.

Между тѣмъ по улицамъ Сухума разносились звуки похороннаго марша, чуть умолкала музыка, начинали турчать горнисты и трещали барабаны. Съ обычными военными почестями хоронили убитаго наканунѣ офицера, убитаго въ дѣлѣ съ Цеховцами, сосѣдями Абхазіи, въ землю которыхъ передъ этимъ за нѣсколько дней выступилъ нашъ отрядъ изъ Сухума; въ 16 верстахъ отсюда, еще въ землѣ абхазской, уже завязалась перестрѣлка—и вотъ хоронили первую изъ ея жертвъ. Въ печальной процессіи мнѣ указали на жену убитаго, обезумѣвшую при вѣсти о нежданной утратѣ мужа; не понимая происходившей не-

редъ нею дѣйствительности, она въ безумныхъ своихъ грезахъ все твердила одно, что мужъ ея запилъ и растратилъ какія-то деньги... Ее окружало нѣсколько женщинъ—и это были, быть можетъ, на перечетъ всѣ такъ называемыя благородныя обитательницы Сухума, вообще бѣднаго прекраснымъ поломъ. «Женщинъ у насъ нѣтъ, рѣшительно нѣтъ!» восклицаютъ наши военные, кочующіе по разнымъ уголкамъ черноморскаго кавказскаго побережья. И точно, тутъ ихъ почти не видишь: или фуражка, или папаха, или башлыкъ и нѣтъ на встрѣчу шляпки. А случится, вывезутъ ее сюда откуда нибудь издалека, то сколько глазъ на нее пялится и какихъ жадныхъ! Но мои глаза, какъ заѣзжаго, больше всего увлеклись хвостомъ похоронной процессіи, состоявшимъ изъ отряда гурійской милиціи. Что за живописный народъ! Въ красиво-шитыхъ курткахъ и шароварахъ, перетянутые широкими цвѣтными поясами, изъ-за которыхъ торчатъ щегольски отдѣланные кинжалы и пистолеты, они не шли, а прыгали, какъ бы хвастая всею легкостью и граціей своихъ движеній; на плечахъ ихъ небрежно мотались длинныя, убранныя серебромъ винтовки; на головахъ, поверхъ роскошныхъ черныхъ локоновъ, навязаны были башлыки, что гораздо красивѣе неуклюжихъ турецкихъ чалмъ; лица ихъ все молодыя, выразительныя, съ бойкими черными глазами...

Въ Сухумѣ становилось часъ отъ часу жарче; на солнцѣ жгло, въ тѣни парило; я поспѣшилъ съѣхать на пароходъ, но и здѣсь, при затишьѣ на рейдѣ было не лучше: въ каютахъ то же что въ банѣ, на палубѣ жгло отъ солнца и отъ печей и даже подъ тентомъ было душно. Въ такіе часы, на югѣ, для заѣзжаго сѣверянина ничто не мило,—устанешь, разслабнешь и поминутно обливаешься потомъ.

— Штука забавная оказывается! шепнулъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ: съ нами ѣдетъ двумужница.

— Какая же это?

— А вотъ пойдемте посмотримъ. Она ѣхала съ нами отъ Керчи, при ней и мужъ былъ, а тутъ изъ Сухума съѣхалъ къ ней другой.

— Не можетъ быть.

— Не знаю, такъ говорятъ... Вѣроятно, тутъ скрывается какая нибудь коммерческая штука.

Между пассажирами четвертаго класса, присѣвши на полу палу-

бы, завтракали два офицера и миловидная дама; передъ ними стояли бутылки съ виномъ и тарелки съ закуской.

— Вотъ это она, шепнулъ мнѣ тотъ же пассажиръ: а офицеры, говорятъ, мужья ея...

Мужья были на видъ пожилые, весьма невзрачные, что называется изъ бурбоновъ; но дама и миленькая и одѣта очень прилично; попивая вино изъ стакана, она развязно и кокетливо любезничала съ тѣмъ и съ другимъ. Богъ вѣдаетъ, была ли она двумужница, но все же можно вспомнить, что здѣшній край полоса, близкая къ азіятскому востоку, гдѣ отношенія между обоими полами отличаются особеннымъ, не европейскимъ складомъ. На азіятскомъ востокѣ мужъ припасаетъ себѣ нѣсколько женъ; на восточномъ берегу Чернаго моря (такъ было, по крайней мѣрѣ, прежде) жена припасала себѣ нѣсколькихъ мужей, или вѣрнѣе нѣсколько мужчинъ выписывали себѣ одну женщину: какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ силу обычая или необходимости, подобныя дѣла улаживаются очень мирно. Посторонніе, не причастные къ условіямъ здѣшней жизни, глядя на такое семейное безобразіе, могутъ безъ сомнѣнія отплевываться и приговаривать: это Содомъ и Гоморра!... Но, отдавая всякому должное, такіе чопорные, хоть и весьма благонравные господа не должны забывать, что человѣкъ все-таки состоитъ изъ плоти и крови, что онъ хорошо помнитъ, напримѣръ, о цѣломудріи Іосифа потому именно, что на свѣтѣ весьма трудно быть Іосифомъ, и т. п. Условія жизни могутъ быть весьма странныя, слишкомъ искуственныя и чрезъ то неблагопріятныя для чистоты семейной жизни. Но оставляя на этотъ разъ всякія разсужденія о цѣломудріи, скажу только, что не слѣдъ упускать изъ вида среду жизни. Вотъ и молоденькая Черкешенка, что ѣдетъ съ нами изъ Керчи въ парчевомъ шишакѣ да въ одной сорочкѣ,—вѣдь вошла, какъ говорятъ, въ амбицію, когда, изъ снисхожденія къ ней, хотѣли взять съ нея плату за проѣздъ на пароходѣ въ половину, какъ съ малолѣтней,—и въ то же время ѣдетъ она въ Константинополь на продажу, въ сладкихъ мечтахъ очутиться въ какомъ нибудь сералѣ. Самолюбія стало настолько, чтобы не позволить внести себя, хотя и съ барышомъ, въ разрядъ малолѣтнихъ, а что продавать ее будутъ какъ товаръ и всю жизнь свою не перестаетъ она быть товаромъ,— на это ужъ самолюбія у ней не хватаетъ: среда ея такая!...

Послѣ несносной вчерашней качки, стоянка передъ Сухумъ-Кале

вполнѣ вознаградила насъ спокойнымъ днемъ и чуднымъ вечеромъ. Въ полдень скучились было облака, прогремѣлъ громъ, но горы притянули ихъ къ себѣ, и дождь, минуя насъ, косыми полосами обливалъ нагорные лѣса, а радуги вѣнчали ихъ. Затѣмъ засвѣжѣлъ береговой вѣтерокъ и къ вечеру небо очистилось. Контуры дальнихъ горъ окутывались въ туманы, ближніе склоны потемнѣли и заблистали огнями изъ оконъ сухумскихъ строеній. Изъ-за горъ глянулъ мѣсяцъ и побѣлилъ песчаный берегъ и набережныя постройки, рейдъ рябилъ и по немъ разносились то звуки шарманки, игравшей на берегу, то склянки шкунъ, стоявшихъ вблизи парохода. И долго, стоя на кормѣ, любовался я на окрестности рейда, на эту волшебную игру его тѣней и свѣта, на этотъ яркій мѣсяцъ, что пускалъ лучи свои въ воду, на эту длинную полосу отъ парохода до горизонта, что струилась безчисленными золотыми жилками... Въ полночь пароходъ снялся съ якоря.

На разсвѣтѣ услышалъ я изъ каюты, что мы снова останавливаемся: передъ нами былъ Редутъ-Кале. Однако стояли мы отъ него не близко, къ тому же и утренній туманъ заволакивалъ окрестности мглою, изъ-за которой ничего не было видно; только неопредѣленно рисовался низменный берегъ, и горы отступали отъ него далеко на востокъ и сѣверъ. Баркасы, подошедшіе къ намъ отъ Редутъ-Кале, поспѣшно принимали и сдавали грузъ, и черезъ полчаса мы опять поплыли въ виду все тѣхъ же мглистыхъ низменныхъ береговъ Мингреліи. Тихое море понемногу стало измѣнять свой цвѣтъ, мы вступали въ устья Ріона и скоро должны были стать передъ Поти.

На обратномъ пути, черезъ недѣлю, мнѣ также не довелось взглянуть на Редутъ-Кале. Въ этотъ обратный рейсъ сильное волненіе моря не позволило даже намъ остановиться на редутскомъ рейдѣ. Мглистый низменный берегъ Мингреліи остался въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ однообразно-сѣрая картина, безъ всякихъ просвѣтовъ; отъ нея вѣяло на меня сыростью и скукой. Всѣ распросы мои о Редутъ-Кале у пассажировъ вызывали тѣ неопредѣленные отвѣты, что дескать и говорить тутъ нечего. При устьяхъ рѣчки Хопи устроилось это мѣстечко, какъ важный стратегическій пунктъ Мингреліи; отсюда по каналу можно входить въ Ріонъ, и Закавказье можетъ, при нуждѣ, избрать и этотъ путь для сообщеній съ Чернымъ моремъ. Какъ всѣ стратегическіе пункты кавказскаго побережья, оно славится вреднымъ

климатомъ, и также постоянною изолированностію отъ всего остальнаго міра; съ суши не ведутъ къ нему никакіе торные пути, а съ моря заходятъ только крейсеры; живутъ здѣсь по службѣ.

Сухумъ-Кале и на этотъ разъ встрѣтилъ насъ какъ нельзя привѣтливѣе. Послѣ дневной качки мы зашли на живописный его рейдъ ужъ при полной тишинѣ вечера. Звуки бубна и пѣсенъ неслись къ намъ на встрѣчу; на берегу замѣтна была людность; бѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ его походныя палатки. То былъ лагерь войскъ, возвратившихся изъ похода на Псховцевъ.

Когда пароходъ нашъ наполнился пассажирами изъ Сухума, пошли всякіе толки объ окончившейся экспедиціи. Изъ нихъ можно было составить довольно опредѣленное понятіе, куда, зачѣмъ и какъ двигался нашъ отрядъ. Кто взглянетъ на карту, тотъ легко примѣтитъ, что Абхазія отдѣляется отъ сѣверныхъ склоновъ Кавказа, занятыхъ отчасти Абадзехами, только неширокимъ переваломъ черезъ главный горный хребетъ, такъ что если провести прямую дорогу изъ Сухумъ-Кале (въ Абхазіи) до Каменнаго брода (въ землю Абадзеховъ), то окажется всего не болѣе 80 верстъ, при чемъ и перевалъ черезъ снѣжную линію не представитъ особенныхъ затрудненій. При настоящей системѣ кавказской войны, когда главнымъ образомъ обращено вниманіе на проложеніе дорогъ внутри земель, занятыхъ горцами, и на обезпеченіе этихъ дорогъ укрѣпленіями, очень важно проложить изъ Абхазіи надежный путь въ закубанскую сторону, соединить кратчайшимъ обходомъ Закавказье съ сѣверными склонами горъ еще въ одномъ пунктѣ, на которомъ не поставила трудныхъ преградъ и прихотливая, не поддающаяся разсчетамъ человѣка природа Кавказа. Но на этомъ предполагаемомъ пути, по выходѣ изъ Абхазіи, необходимо столкнуться съ дико-воинственными, хотя и малочисленными горскими племенами, по имени Псху и Джигетъ, которымъ легко могутъ подать помощь еще болѣе воинственные Убыхи. Много разъ предпринимались походы въ земли этихъ племенъ; при чемъ не имѣлось въ виду никакой опредѣленной цѣли, кромѣ такъ называемаго наказанія непокорныхъ; цѣль же настоящаго и предстоящихъ походовъ стала опредѣленнѣе,—разработать дорогу и обезопасить ее надежнымъ укрѣпленіемъ, которое, находясь въ сердцѣ до сихъ поръ неприступныхъ земель, сдѣлало бы ихъ удобопроходимыми и держало бы ихъ жителей въ приличномъ страхѣ. Настоящій, собравшійся въ Сухумъ-Кале отрядъ предназначался для осуществленія подобной цѣли; но она,

однако, можетъ быть достигнута не вдругъ, не во всякое время года и не безъ предварительныхъ рекогносцировокъ. Природа, какъ и вездѣ на Кавказѣ, является надежнѣйшею союзницею Псховцевъ: лѣтнее время дѣлаетъ чащу здѣшнихъ лѣсовъ вполнѣ непроходимою для сплошнаго отряда, а горцы, по одиночкѣ, въ каждомъ деревѣ и въ каждомъ кустѣ имѣютъ вѣрную защиту, изъ–за которой безнаказанно выглядываютъ и выбираютъ для себя любую жертву въ нашемъ отрядѣ. Такимъ образомъ и настоящій отрядъ, въ 15 или около этого верстахъ отъ Сухума, встрѣтилъ нисколько неразработанныя лѣсныя чащи, занятыя уже Псховцами; полившіеся дожди еще болѣе затруднили движенія по заросшимъ лѣсными трущобами горамъ, да и мѣстные жители, Абхазы, повели себя въ отношеніи къ нашему отряду не безъ вѣроломства: стало необходимо, во избѣжаніе большихъ потерь, отложить походъ до болѣе благопріятнаго времени года.—Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ этой экспедиціи особенно распространялись о подвигахъ гурійскихъ милиціонеровъ—тѣхъ картинныхъ молодцевъ, которыми я любовался па похоронной процессіи еще въ первый свой заѣздъ въ Сухумъ–Кале. Бывши въ Гуріи, я слышалъ, съ какимъ энтузіазмомъ они готовились къ выступленію въ дѣйствующій отрядъ; точно дѣти, заслышавшіе, что имъ предстоитъ особенно–веселый праздникъ, они прыгали, плясали и пѣли въ ожиданіи похода. Три сотни ихъ взято было противъ Псховцевъ—и, разсказывали, нужно было употреблять усилія, чтобы сдерживать порою ихъ неумѣстный пылъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Отъ этого и значительное число раненыхъ въ экспедиціи выпало на долю Гурійцевъ. Между прочимъ они прибѣгали тутъ къ своей, особой тактикѣ: замѣтивши дымъ непріятельскаго выстрѣла, обыкновенно вылетавшій изъ–за куста, они тотчасъ же бросались на такой кустъ, прежде чѣмъ выстрѣлившій Псховецъ могъ снова зарядить свою винтовку,—и овладѣвали непріятелемъ; но и Псховцы съ своей стороны скоро противопоставили имъ хитрость: за кустъ стали прятаться по нѣскольку Псховцевъ, и въ то время, какъ одинъ изъ нихъ своимъ выстрѣломъ приманивалъ Гурійцевъ, другіе берегли свои заряды на бросавшихся и такимъ образомъ еще вѣрнѣе прицѣливались въ ихъ груди.

По отступленіи нашего отряда въ Сухумъ–Кале, на помощь Псховцамъ явились Убыхи и, не нашедши для себя дѣла, требовали наступательныхъ дѣйствій. Слухи объ этомъ нѣсколько смутили Сухумцевъ и про всякій случай *трапеція* на ночь была занята баталь-

ономъ пѣхоты и артиллеріей. Въ такомъ тревожномъ настроеніи и оставили мы Сухумъ-Кале.

Самая живописная мѣстность Кавказскаго побережья тянется отъ Сухумъ-Кале до Гагръ. Хотя на этомъ пространствѣ и есть мѣста, удобныя для пристаней, но пароходы не заходятъ ни въ одну изъ нихъ. Бомборы и Пицунди не заняты еще нашими войсками и лежатъ въ развалинахъ. Ясный день далъ намъ возможность хотя издали посмотрѣть на этотъ дикій гористый край. Горы подходятъ тутъ къ морю высокими отвѣсными массами; на нихъ мѣстами кустится зелень, но больше виднѣются обнаженныя отъ всякой растительности ребра скалъ, омываемыхъ пѣнящимися морскими валами. Снѣжная линія прихотливыми извилинами непрерывно вѣнчаетъ эти скалистыя массы, то сливаясь съ синевой неба, то бѣлѣя на ней рядомъ какъ-бы сахарныхъ головъ, то искрясь блестками отраженныхъ лучей солнца. Мѣстами открывались виды на темныя ущелья, при чемъ у подошвы отвѣсныхъ скалъ замѣтно было песчаную отмель или зеленую лужайку,—признакъ устья какой-нибудь горной рѣчки, сбѣгающей къ морю по ущелью. При выходѣ изъ такого же ущелья стоитъ и укрѣпленіе Гагры. Каменныя стѣны его съ амбразурами, расположенныя такъ, что ими какъ воротами замыкается ущелье, препятствуютъ горцамъ имѣть въ этомъ пунктѣ сообщеніе съ моремъ, но съ другой стороны откосы громадныхъ скалъ, высящихся надъ крѣпостью, всегда доступныхъ горцамъ, замыкаютъ въ свою очередь и выходъ гарнизону изъ крѣпостныхъ воротъ: пули горцевъ находятъ тутъ для себя вѣрную цѣль.

Гагры въ настоящее время единственное укрѣпленіе, которое можетъ дать понятіе о цѣлой цѣпи фортовъ, составлявшихъ до Восточной войны черноморскую береговую линію; по первому легко составить себѣ заключеніе и о послѣднихъ. Представьте себѣ небольшую лужайку у подножія скалистыхъ горъ, разступившихся къ открытому морю темнымъ ущельемъ; на этой лужайкѣ, по которой сбѣгаетъ горная рѣчка, устроенъ фортъ, вмѣщающій въ себѣ батальонъ или меньше гарнизона; для сообщеній его съ моремъ нѣтъ судовъ, для сообщеній съ сушею нѣтъ дорогъ; единственный выходъ для него могъ бы существовать по ложу ущелья, но оно занято горцами и превосходно сложилось для нихъ какъ оборона отъ непріятеля. Зазѣвался часовой, выглянулъ ли кто-нибудь изъ-за крѣпостныхъ воротъ — и вотъ уже онъ цѣль для стрѣльбы горца; даже больше: ночью, горитъ-ли въ комнатѣ свѣча и тѣнь ваша заступила свѣтъ ея къ окну—ужъ навѣр-

ное горецъ, взобравшись на сосѣднюю къ форту скалу, цѣлится въ вашу фигуру. Горная рѣченка то пересохнетъ, такъ что пить нечего, то, переполнившись отъ дождей, грозитъ разрушеніемъ ненадежнымъ постройкамъ форта; вмѣстѣ съ тѣмъ, заливая лужайку обильнымъ стокомъ горныхъ водъ, она кладетъ тутъ зародыши лихорадокъ, отъ которыхъ изнываетъ гарнизонъ, чуть-только начнутся солнечные припеки или настанутъ удушливые, парящіе дни. И вотъ вмѣсто славы, вмѣсто открытаго боя съ непріятелемъ, какой-нибудь кавказскій герой долженъ—точно въ тюрьмѣ выдерживать медленную томительную борьбу съ лихорадкою, отъ которой послѣ двухъ-трехъ параксизмовъ животъ раздуло и образовалась водянка. Въ такой борьбѣ тутъ сложили свои кости не мало героевъ... говорили пассажиры парохода, между которыми было много военныхъ, когда-то испытывавшихъ весь комфортъ жизни въ этихъ погибшихъ фортахъ. На защиту ихъ, пожалуй, годился бы какой-нибудь монашествующій орденъ: тутъ и уединеніе, и борьба; соблазновъ міра ждать не откуда: скрывается онъ—какъ въ сказкахъ говорится—за горами, за долами да за широкимъ моремъ; подаетъ вѣсти о немъ лишь крейсеръ, который разъ или два въ мѣсяцъ завезетъ въ укрѣпленіе пачку писемъ и казенныхъ пакетовъ. Но нашъ солдатъ, а еще больше офицеръ—не члены такого монашескаго ордена; отъ жизни у насъ обыкновенно требуютъ того, чтобъ она «везла», а не «везетъ»—заливаютъ ее кутежами да дебоширствуютъ. Однако для всякаго рода дебошей недостаетъ главнаго повода: по фортамъ трудно обзаводиться женщинами; да и для кутежей нужна мѣра, иначе выйдетъ прежде времени весь запасъ выписанныхъ на годъ напитковъ и до новаго срока выписки нигдѣ ужъ ихъ не раздобудешь. Большая благодарность судьбѣ, если она нарушитъ такую жизнь распоряженіемъ начальства перевести-молъ такого-то изъ форта Лазарева въ фортъ Головинскій, а изъ Головинскаго въ укрѣпленіе Тенгинское и т. д. Все же разнообразіе...

Такова въ общихъ чертахъ была жизнь по кавказской береговой линіи, въ тѣхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ, которыхъ развалины виднѣлись намъ съ парохода, къ сѣверу отъ Гагръ. Но Восточная война показала всю несостоятельность прежде бывшей тутъ военной системы. Безъ поддержки со стороны нашего флота существованіе подобныхъ фортовъ немыслимо; но и при флотѣ на долю ихъ выпадала бы слишкомъ узкая цѣль—воспрепятствованіе военной контрабандѣ, недопущеніе горцевъ къ сообщенію съ моремъ. Не говоря уже о томъ, что

такая цѣль можетъ быть выполняема помощію однихъ крейсеровъ, надо еще вспомнить, что сдвали можно удержать горцевъ въ покорности, лишивъ ихъ только способовъ получать изъ-за границы порохъ и оружіе. Надо лишить ихъ не способовъ, а охоты получать это для борьбы съ нами, а къ этому надежнѣе ведетъ настоящая система кавказской войны, по которой ужъ не по краямъ, а внутри ихъ земель возникаютъ укрѣпленія, и горцы не извнѣ, а среди себя видятъ силу нашего оружія, расчищающаго для своихъ распорядковъ проходы по всѣмъ направленіямъ горныхъ закоулковъ, а не замыкающаго эти гнѣзда, въ которыхъ легко могутъ плодиться всякіе безпорядки.

Къ сѣверу отъ Гагръ горы не представляютъ такихъ дико-грандіозныхъ массъ, подходящихъ къ самому морю, какъ берега Абхазіи; отсюда онѣ значительно понижаются, не вѣнчаясь ужъ снѣжными верхами, но за-то покрываясь болѣе сплошною зеленью. Ущелья показываются все чаще и стѣнки ихъ убраны тѣми непролазными порослями всякаго рода колючихъ кустарниковъ, которые преграждали всѣ прежнія движенія нашихъ отрядовъ въ землю Убыховъ. Помимо искусственныхъ заваловъ, защищаемыхъ горцами, солдатъ нашъ хорошо знакомъ съ такъ называемымъ держи-деревомъ (Rhamnus Paliurus), которое еще больше завала не пускаетъ его впередъ; за цѣлый день перехода бывало-продерется онъ всего на двѣ, на три версты, а тутъ на него посыплются пули горцевъ. Убыхи, эти гордые — какъ объ нихъ отзываются — холодно-храбрые дикари-воины, не даромъ величаются неприступностью своихъ убѣжищъ: кажется, всего только разъ, и то при помощи эскадры, обстрѣливавшей берега, отрядъ нашъ сдѣлалъ переходъ по небольшому участку ихъ земли, съ большими однако для себя потерями.

Къ мѣстамъ бывшихъ фортовъ теперь пристаютъ, часто безнаказанно, турецкія кочермы, отчасти съ военной контрабандой, отчасти съ невинными товарами, находящими сбытъ у горцевъ. Такъ, особенно у Сочи, съ парохода примѣтенъ былъ цѣлый рядъ этого незатѣйливаго, но чрезвычайно легкаго турецкаго каботажа; одна за другой, бѣлѣя своими маленькими парусами, пробирались онѣ у скалистыхъ береговъ. Въ случаѣ появленія нашего крейсера, кочермы удобно встаскиваются на берегъ, а при попутномъ вѣтрѣ онѣ работаютъ по десяти узловъ, такъ что угнаться за ним подъ силу не всякому крейсеру.

Нашъ пароходъ держалъ свой рейсъ на значительномъ разстояніи

отъ берега. Держаться къ нему ближе—не безопасно. Горцы иногда являются пиратами, а ужъ навѣрное не упустятъ случая, если онъ удобенъ, послать на наше коммерческое судно одну-другую пулю. Такъ и было съ однимъ изъ пароходовъ Общества; другое же, изъ парусныхъ коммерческихъ судовъ, они остановили уже своими галерами, полѣзли-было на абордажъ, выбравъ для этого мѣсто подъ самымъ носомъ судна; но тогда на суднѣ рѣшились прибѣгнуть къ единственному средству спасенія—обрѣзали якоря, и они, рухнувъ всею своею тяжестью на легкія галеры, потопили ихъ вмѣстѣ съ пиратами.

За весь день плаванія, кромѣ движенія нѣсколько кочермъ, мы не примѣтили никакой жизни у этихъ береговъ Кавказа; ни у подошвы скалъ, ни на горахъ не видно присутствія человѣка, не замѣтно нигдѣ его жилища, ни слѣдовъ его труда. Горные склоны не показали на себѣ ни одной пашни, ни одного пастбища, по которому бы бродилъ скотъ; вся жизнь обитателей этого побережья таится въ ущельяхъ, вполнѣ скрытая отъ наблюденія постороннихъ, негорскихъ глазъ. Но на слѣдующій день, когда мы успѣли за ночь обойти земли Шапсуговъ, а утромъ, остановившись ненадолго передъ Константиновскимъ укрѣпленіемъ, пошли на линію съ землями Натухайцевъ, тотъ же гористый берегъ представлялъ уже менѣе дикіе склоны: всюду пестрѣли пашни, забираясь даже на вершины горъ, по зеленымъ коврамъ ихъ обозначались иногда движенія полевыхъ работъ, рисовались маленькія фигуры людей и животныхъ. Здѣсь уже мирная страна и мирная жизнь, которой не для чего прятаться въ трущобы. Берега становились все ниже, покатости ихъ къ морю все продольнѣе, а къ Анапѣ показались ужъ и песчаные отмели. Къ сожалѣнію, общество перестало засылать пароходы въ эту крѣпость, которая послѣ восточной войны съузила свои стѣны въ размѣры небольшаго форта и стала ужъ не городомъ, а только лишь административнымъ пунктомъ для земли Натухайцевъ. Такимъ образомъ, не поворачивая къ анапскимъ развалинамъ, пароходъ нашъ сталъ на румбъ къ Керченскому проливу, берега Кавказа стали исчезать у насъ изъ виду, а вмѣстѣ съ ними исчезалъ и весь интересъ плаванія...

Большая часть пассажировъ, ѣхавшихъ на пароходѣ изъ Сухумъ-Кале и Поти, высадились еще въ Константиновскомъ укрѣпленіи; съ удаленіемъ ихъ затихли всякіе стратегическіе толки, замолкли воинственные возгласы, въ силу которыхъ слѣдовало бы тотчасъ же, безъ всякихъ оговорокъ, подписать рѣшительный карачунъ и Шапсугамъ,

и Убыхамъ, и всему живому въ ущельяхъ Кавказа; не было замѣтно и сомнительныхъ покачиваній головою, съ охлаждающимъ: «не вѣрьте». Всѣ стратеги, всѣ ораторы истребители и всѣ скептики высадились на мѣстѣ новыхъ для себя опытовъ войны съ горцами и тамъ ихъ, безъ сомнѣнія, ждутъ новыя данныя для стратегическихъ соображеній, для возгласовъ и сомнѣній. Остальные же пассажиры, все слушатели, безъ шуму, но и не безъ скуки приближались къ керченскому рейду, въ молчаливыхъ соображеніяхъ придется ли ночевать въ Керчи, или же карантинный и таможенный досмотры задержатъ ихъ на пароходѣ еще на одну ночь.

Но вотъ пароходъ, пройдя мысъ Ак–бурнъ, остановился противъ керченской брандвахты. Скоро отдѣлился отъ нея катеръ и, мотаясь на волнахъ пролива, сталъ подплывать къ намъ. «Карантинная стража»—замѣтили на пароходѣ. Катеръ причалилъ къ трапу, показался господинъ съ пестрымъ лицемъ, на которомъ чума какъ бы оставила свои отпечатки. Съ заложенными назадъ руками, боясь чрезъ прикосновеніе ихъ къ чему нибудь заразиться чумою, онъ потребовалъ взглянуть на документы судна. Безъ сомнѣнія, документы оказались вполнѣ исправными и тотчасъ руки господина появились изъ–за своей засады, протянувшись не только для пожатія другихъ знакомыхъ рукъ, но и къ нѣкоторымъ сосудамъ пароходнаго буфета.

Черезъ часъ времени подошелъ къ намъ пароходикъ «Крикунъ», забралъ всѣхъ пассажировъ и направился къ таможенной пристани. Наступали уже сумерки. Но къ немалому нашему удовольствію, таможенная стража почтила особеннымъ своимъ вниманіемъ только «заграничныхъ», прибывшихъ изъ Батума и Трапезонта; остальныхъ же, пріѣхавшихъ съ береговъ Кавказа, пощупала слегка, вѣроятно изъ состраданія къ этимъ хилымъ заморенным существамъ.

— Смотри, какіе все желтые и худые! замѣтила она въ лицѣ одного изъ своихъ сострадательныхъ членовъ.

— Да тамъ ужъ всѣ такіе, отъ человѣка до скотины! отвѣтилъ на это другой таможенный господинъ.

Но, говоря по совѣсти, между прибывшими съ Кавказа были люди съ болѣе свѣжими лицами, чѣмъ керченскіе таможенные досмотрщики...

Казалось, жизнь на пароходѣ начинала ужъ надоѣдать мнѣ и тѣснотой, и качкой, и видами все на одно и то же море; хотѣтось болѣе твердаго, спокойнаго и просторнаго пристанища. Но вотъ и го-

родская жизнь. Дребезжатъ экипажи, валитъ пыль, крикъ извощиковъ, говоръ прохожихъ... Вотъ и гостинница. Потряхивая волосами, бѣгаютъ половые, раздаются звуки шарманки, слышится цоканье чайныхъ ложечекъ о стаканы и блюдца... вонь въ корридорѣ, вонь и неряшество въ нумерѣ... Ноги мои что–то шатаются, точно продолжается еще качка; въ ушахъ гулъ, точно еще слышу я шумъ паровыхъ трубъ. И все же, хоть бы опять на пароходъ, опять бы на этотъ свѣжій морской воздухъ, отъ этого смрада гостинницъ!..

Н. ВОРОНОВЪ.

1861 года, Августъ.

---

* * *

Нѣтъ! лучше гибель безъ возврата,
Чѣмъ міръ постыдный съ тьмой и зломъ,

—

Нѣтъ! лучше въ темную могилу
Унесть безвременно съ собой,
И сердца пылъ, и духа силу,
И грезъ безумныхъ, страстныхъ рой.

—

Чѣмъ всё тупѣя и жирѣя
Влачить безсмысленно свой вѣкъ,
Съ смиреньемъ ложнымъ фарисея
Твердя: безсиленъ человѣкъ.

—

Чѣмъ промѣнять на сонъ отрадный
Суровый трудъ и честный бой;
И незамѣтно въ тинѣ смрадной,
Въ грязи — увязнуть съ головой.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Іюнь 1861.

———

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УѢЗДНАГО ГОРОДА.

I.

Панкратій Пафнутьичъ.

Поселился я на лѣто въ окрестности уѣзднаго малороссійскаго города В. Отъ нечего дѣлать, бывало, часто брожу я по широкому городскому выгону, не то—прилягу на мелкую травку да осматриваю мглистую даль. Не веселые виды! Налѣво, изъ—за горы, показывается лѣсъ и тянется оттуда узкою полосою, опоясывая гору и выпуская изъ себя рѣченку, которая, понемногу расширяясь камышами и озерцами, превращается въ роскошный прудъ. За прудомъ чернѣется длинная гать; за нею видна только крыша неумолкаемо стучащей мельницы, а за мельницей снова тянется лѣсъ, на опушкѣ густой и высокій, а дальше пошелъ все рѣже и мельче, едва набравши силъ дотащиться до крутой горы, примыкающей къ городу справа. Все пространство, отрѣзанное отъ городской горы прудомъ и лѣсомъ, раскидывается гладкою поляною, на которой разными фигурами пестрѣютъ бакши, одни отъ другихъ отдѣленныя хворостяными перегородками. Между бакшами желтѣютъ соломенные курени [1], подлѣ которыхъ нерѣдко увидишь старика—сторожа, разводящаго огонь для своей одинокой вечери [2]. А если наступили ужь сумерки, то по всей полянѣ, ближе

---

[1] Шалаши.

[2] Ужинъ.

и дальше, краснѣютъ подобные огни; отъ нихъ струйками вьется голубоватый дымъ и потомъ разносится легкимъ туманомъ надъ прудомъ, рѣчкой и лѣсомъ.

Долго бывало смотришь на все это, и невольно начнутъ роиться во мнѣ грустныя думы о скоротечности, о непрочности всего земнаго. Богъ ихъ знаетъ, отчего нарождались именно эти думы. Было-ли это слѣдствіемъ тѣхъ немилосердныхъ порубокъ въ лѣсу, котораго не щадилъ владѣлецъ, какъ бы озлобленный на его медленный ростъ? Происходило-ль это отъ созерцанія непрочной гати, обѣщавшей, что вотъ-вотъ проточатъ ее упорно-набѣгающія волны пруда, прорвутъ ее и, поливишись широкимъ русломъ, снесутъ мельницу—и тогда нечему будетъ смущать тишину поляны?.. А эти бакши съ желтыми куренями, съ хворостяными перегородками: отъ нихъ всего сильнѣе вѣяло скоротечностью. Вбивая колъ на сажень одинъ отъ другаго и соединяя ихъ двумя-тремя длинными хворостинами, сами-вѣдь хозяева приговаривали: «Э, не вѣкъ же имъ стоять тутъ! Поспѣютъ арбузы и дыни—снесемъ и перегородки». А если, наконецъ, изъ ближняго куреня выходилъ старикъ-сторожъ, сгорбленный и придавленный тяжестью лѣтъ, и начиналъ молиться, оборотивъ свою сѣдую голову на востокъ, порою откашливаясь хрипло и протяжно, тогда рѣшительно нельзя было больше ни о чемъ думать, какъ только о непрочности, о скоротечности всего земнаго; тогда не утѣшалъ меня и толстый шестъ, вбитый посреди бакши и увѣнчанный пузатымъ чучеломъ, которое должно было пугать животолюбивыхъ воробьевъ и сорокъ и которое глядѣло такимъ барономъ, какъ будто для него ровно ничего не значитъ ни поставившій его хозяинъ, ни вѣтеръ, ни время...

Какъ-то разъ зашелъ я на бакшу, пестрѣвшую подлѣ самаго пруда. Она была такая же, какъ и всѣ другія бакши. Напереди желтѣлъ овальный курень, на-толсто обложенный соломою; подлѣ него насорено было арбузными и дынными корками; неподалеку стоялъ возъ съ овощами, предназначенный къ отправленію на городской базаръ; къ возу привязана была собака, лѣниво покоившаяся въ тѣни кустовъ пшенички (кукурузы) и гороха; за этими растеніями, посреди черной, на-чисто выполотой копани, бѣлѣли арбузы и желтѣли дыни, нисколько нескрываясь за тощею и присохшею отъ жаровъ зеленью, а еще дальше темнѣли широколиственныя тыквы и качались отъ вѣтра высокіе подсолнечники.

Навстрѣчу мнѣ вышелъ старикъ. Такъ меня всего и покороби-

ло... Панкратій Пафнутьичъ! вы-ли это? произнесъ я, не давая самъ себѣ отчета въ справедливости своего возгласа.

— Какъ же не я, — я! сказалъ старикъ, причемъ онъ защитилъ глаза свои отъ солнца рукою и сталъ въ меня вглядываться. Кажись, что-то не узнаю васъ...

Я назвалъ себя.

— Батюшки вы мои! воскликнулъ онъ: какъ же это? Кахи-кхи-кхи.... подросли то какъ, перемѣнились... Не узналъ-бы... кахи-кхи-кхи...

Эта встрѣча озадачила меня. Какъ можно попасть ему въ бакшевники? ему Панкратію Пафнутьичу, котораго я зналъ когда-то за первое почти лицо въ городѣ? Быть не можетъ! Однако на самомъ дѣлѣ это былъ никто другой, какъ Панкратій Пафнутьичъ.

— Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте въ мое жилище, проговорилъ онъ, приглашая меня въ курень: вотъ... кахи-кхи-кхи... на старости... кхи... пришлось мнѣ жить и въ такихъ палатахъ.

Пригнувъ голову, я вошелъ въ низенькое отверстіе куреня, оглянулся назадъ, но старика за мною не было.

— А вотъ погодите немного, я сейчасъ-же! кричалъ онъ, удаляясь на бакшу: вотъ только выберу хорошенькихъ арбузовъ да дынь. Сдѣлайте одолженіе, присядьте, прошу покорно...

Панкратій Пафнутьевичъ всегда казался намъ сродни тѣмъ личностямъ, которыя называются историческими. Поприще его дѣятельности уѣздный городокъ, непремѣнно малороссійскій; а орудіе дѣятельности— волшебная по силѣ своей скрипка, подъ звуки которой тянулись нескончаемые полонезы, котильоны, матрадуры, мазурки и т. д. Но прежде нужно сказать кое-что о самомъ городкѣ.

Такъ называемая патріархальность была отличительною его чертою. Кто какъ жилъ, что имѣлось или предполагалось имѣть, что видѣлось и зналось—все это было какъ-бы общественнымъ достояніемъ и ежедневно пересматривалось въ однообразныхъ разговорахъ каждой семьи. Въ бесѣдахъ о постороннихъ упоминали ихъ имя и отечество, за исключеніемъ немногихъ, которыхъ величали названіемъ ихъ должности. Такъ городничій постоянно величался городничимъ, откупщикъ—откупщикомъ, начальникъ этапной команды—этапнымъ, жена его—этапною, а нѣкто стряпчій и въ гробъ легъ стряпчимъ, несмотря на то, что

нѣсколько лѣтъ предъ своею смертію занималъ другія должности и былъ даже въ отставкѣ; домъ его, перешедшій потомъ во владѣніе купца, все-таки назывался домомъ стряпчаго... Въ именахъ мужчинъ и женщинъ замѣтно было смѣшеніе стараго съ новымъ. То было время полнаго разгара борьбы классицизма съ романтизмомъ, борьбы, отразившейся даже на именахъ лицъ, которыя дѣйствовали тогда на скромномъ поприщѣ уѣзднаго городка. Папеньки и маменьки по воспитанію и лѣтамъ были классики и носили классическія имена; сынки и дочки всеувлекающимъ духомъ времени занесены были въ область романтизма, что прежде всего отразилось на ихъ именахъ. Оттого въ ту пору часто встрѣчались подобныя сочетанія именъ, какъ Людмила Сидоровна, Луиза Пантелеймоновна и т. п.

Разговоры между мужчинами поддерживались пуншемъ, а между дамами десертомъ. Пунши пили съ французской водкой и фруктовкой, а пряники, орѣхи, черносливъ, изюмъ, маковники были принадлежностью всякаго десерта. Неизмѣннымъ спутникомъ каждой маменьки былъ ридикюль, куда прятался не только носовой платокъ, но и гостинецъ дѣткамъ, такъ что большая часть десерта съ тарелочекъ переселялась въ ридикюли и потомъ отвозилась домой. Въ свою очередь, если гостья приходила въ такой домъ, гдѣ были дѣти, то она непремѣнно должна была принести имъ гостинецъ: дѣти такъ ужь и пріучены были, что на всякаго гостя смотрѣли какъ на средство полакомиться. Къ картамъ прибѣгали очень рѣдко и по большей части играли на мѣлокъ, въ молчаливый вистъ, причемъ спорить и браниться позволялось не меньше, чѣмъ теперь. Больше нюхали, чѣмъ курили табакъ. Нюхательный—былъ туземнаго приготовленія, нѣкоего Ваньки, извѣстнаго по всѣмъ сосѣднимъ ярмаркамъ и своимъ богатствомъ возбуждавшаго въ народѣ подозрѣнія, будто онъ водится съ чертями; курительный—Жукова, который носили въ гарусныхъ и бисерныхъ кисетахъ, связанныхъ ручками городскихъ барышень. Въ одеждѣ не считали нужнымъ слѣдить за модой: носили такое платье, какое было въ наличности, и чѣмъ дешевле оно обходилось хозяину, тѣмъ лучше. Шелковыя и шерстяныя платья на женщинахъ, сшитыя по картинкамъ модъ Московскаго Телеграфа, и неформенные фраки на мужчинахъ, которыхъ тальи сильно лѣзли на затылокъ, появлялись только въ дни особенныхъ торжествъ. Быть одѣтымъ нарядно въ гостяхъ или дома въ будничный день—считалось непростительнымъ щегольствомъ. Особенно дѣтей одѣвали бѣдно, такъ что даже на балахъ, или вечеринкахъ дѣти могли являться въ нанковыхъ халатикахъ.

Убранство комнатъ не отличалось изяществомъ и у богатыхъ. Окна въ домахъ были по большей части маленькія, о восьми стеклахъ, мѣстами побитыхъ, мѣстами заклеенныхъ бумагою. Печи огромныхъ размѣровъ, обкладывались изразцами зеленаго и желтаго цвѣтовъ, а у богатыхъ бѣлаго цвѣта съ синими рисунками и надписями; лежанка считалась необходимою принадлежностью каждой спальни. Полы были некрашеные, мебель жесткая и самая лучшая обивалась кожею съ мѣдными бляхами. По стѣнамъ висѣло множество картинъ, въ берестовыхъ рамахъ, а въ одномъ изъ угловъ залы стоялъ обыкновенно огромный футляръ для стѣнныхъ часовъ, подававшихъ о себѣ знать и наподобіе звонка, и змѣинымъ шипѣньемъ, и голосомъ кукушки. Въ рѣдкомъ домѣ можно было отыскать одну-другую книгу; одному старику, у котораго въ залѣ стоялъ большой дубовый шкафъ съ книгами, часто говаривали: «Зачѣмъ вы держете такую большую библіотеку?» Освѣщеніе производилось сальными свѣчами; прислуживали большею частію горничныя, босыя, въ выбойчатыхъ платьяхъ...

Въ городкѣ часто устраивались вечеринки. Душою ихъ былъ незабвенный Иванъ Ивановичъ—личность также отчасти историческая.

Домъ его стоялъ на городской площади и величиною превосходилъ всѣ зданія городка. Окна этого дома въ лѣтнюю пору обыкновенно были раскрыты, несмотря на то, что на нихъ помѣщались огромныя бутыли съ наливками, водицами, настойками и другими соблазнительными жидкостями. Въ раскрытое окно гдѣ-нибудь выглядывалъ и самъ Иванъ Ивановичъ, и бывало, лишь только завидитъ на площади какого-нибудь другаго, гулячаго Ивана Ивановича, какъ тотчасъ кричитъ ему и машетъ руками. Гулячій Иванъ Ивановичъ поспѣшно подойдетъ къ окну и поздравствуется.

— Нуте-ка, зайдите ко мнѣ, табачку вмѣстѣ понюхаемъ, говорилъ сидячій Иванъ Ивановичъ.

— Нельзя, право нельзя! отвѣчаетъ гулячій Иванъ Ивановичъ.

— Что тамъ за-нельзя? Ну куда васъ чортъ несетъ въ такой жаръ?

— Право, нельзя... По дѣлу спѣшилъ-было... А впрочемъ, развѣ на минуточку. Съ этими словами, не дожидаясь новыхъ приглашеній, гулячій Иванъ Ивановичъ поворачивалъ въ комнаты. Но ему нельзя вѣрить, что онъ спѣшилъ по какому-то дѣлу: онъ напередъ зналъ, что сидячій Иванъ Ивановичъ будетъ непремѣнно сидѣть у раскрытаго окна и непремѣнно пригласитъ его зайдти къ себѣ табач-

ку понюхать. Нельзя также вѣрить и сидячему Ивану Ивановичу, будто онъ приглашалъ гостя для одного-только табачку: такая узкая цѣль была вовсе не по его натурѣ. Табачку-таки вмѣстѣ понюхаютъ, а между тѣмъ когда къ вечеру соберется у него не мало всякихъ гулячихъ обоего пола и соберется прямо съ гулянья на площади, онъ бывало и скажетъ: «позвать бы Пафнутьича, пусть-ка расшевелитъ насъ маленько!» Панкратій Пафнутьичъ тотчасъ же являлся. Стоя почтительно у дверей залы, привѣтствовалъ онъ всѣхъ и каждаго порознь, на что слышались голоса тоненькіе, басистые и всякіе другіе: «А вотъ Пафнутьичъ! Здравствуйте, Панкратій Пафнутьичъ! Какъ поживаете, Пафнутьичъ?» и т. д.

— Лицо, ростъ, походка Панкратія Пафнутьича рѣзко отличались отъ такихъ же принадлежностей всѣхъ остальныхъ обитателей городка, такъ что даже издали никакъ нельзя было принять его за Луку Лукича, Савву Саввича или за кого-нибудь другаго. На это были свои причины. Во-первыхъ, Пафнутьичъ происхожденіемъ былъ не здѣшній. Хотя давно, но издалека поселился онъ въ уѣздномъ городкѣ, съ женою — красивою и молодою бабенкой, полнота и выговоръ которой явно показывали, что она была цвѣткомъ русской деревушки; обитатели городка тотчасъ же дали ей прозваніе московки. Отъ нея любопытные скоро узнали, что мужъ ея былъ крѣпостнымъ богатаго помѣщика, въ добавокъ еще графа, и вслѣдствіе какихъ-то семейныхъ отношеній къ этому графу, отпущенъ на волю. Обстоятельство очень важное: оно опредѣлило харектеръ отношеній жителей городка къ Панкратію Пафнутьичу. Всѣ его величали *вы*, всѣ говорили ему: Панкратій Пафнутьичъ или же просто Пафнутьичъ, всѣ приглашали его садиться, что въ городкѣ, при столкновеніи людей неодинаковыхъ званій, рѣдко-рѣдко допускалось.

Наружность Пафнутьича, особенно въ то время, когда случилось ему разыгрывать Калифа Багдадскаго, живо напоминала чисто-нѣмецкаго ученаго. Худощаво-бѣлое, морщинистое лицо, съ длиннымъ носомъ, на кончикѣ котораго помѣщались огромнаго размѣра очки; пространная лысина, закрывавшаяся длинными сѣдыми волосами, которые съ затылка зачесывались напередъ и во время игры падали пасмами на воротникъ длиннополаго сюртука; подбородокъ, выступавшій впередъ далѣе носа, губы—цвѣта высушенной сливы и постоянно пятившіяся въ углубленіе рта, все это не подходило подъ разрядъ обыкновенныхъ городскихъ физіономій. Бѣлизна его лица не осталась безъ

объясненій: ее толковали все тѣми же семейными отношеніями его къ графу, хотя съ другой стороны—непомѣрно-длинный, четырехъугольный козырекъ его картуза ни коимъ образомъ не позволилъ бы лицу Пафнутьича загорѣть отъ солнца.

Помню, дѣтское мое любопытство не мало занимали постоянные спутники Пафнутьича — скрипка, палка и табатерка. Скрипка обыкновенно носилась подъ мышкой, въ нанковомъ чехлѣ, пеленалась въ немъ, какъ ребенокъ, и стягивалась длиннымъ снуркомъ. Была она блѣдно-желтаго цвѣта съ бѣлымъ пятномъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упирался въ нее подбородокъ Пафнутьича, и цѣнилась она весьма дорого, такъ что жители городка чувствовали къ ней маленькое уваженіе. Палка была толстая, дубовая, подъ лакомъ, безъ всякихъ другихъ украшеній. Опираясь на нее, Пафнутьичъ, въ длиннополомъ суконномъ сюртукѣ лѣтомъ, и въ тулупчикѣ на барашкахъ зимою, проворно шагалъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, вовсе не такъ лѣниво, какъ передвигались съ ноги на ногу другіе жители городка. Но самою занимательною для меня вещью у Пафнутьича была его табатерка,—круглая, съ отдѣльною крышкой, на которой изображена была женщина, по дородству похожая на Бобелину, съ тою однако разницею, что Бобелина рисуется вся съ головы до ногъ, передъ которыми ничтожны и цѣлые ряды греческаго воинства, а на табатеркѣ Пафнутьича изображалась Бобелина по-поясъ, въ зеленяхъ или въ зеленой краскѣ. Случалось иногда, что въ самый разгаръ танцевъ, у Пафнутьича являлось желаніе табаку понюхать. Нисколько не стѣсняясь, онъ прерывалъ свою игру, клалъ на столъ скрипку, вынималъ изъ боковаго кармана носовой синяго цвѣта платокъ, а изъ него уже доставалъ табатерку. Танцоры на это не гнѣвались. Гдѣ заставалъ ихъ перерывъ игры, тамъ они и останавливали свои ноги, а Пафнутьичъ между тѣмъ раскрывалъ табатерку, бралъ изъ нея табакъ, втягивалъ его съ особымъ звукомъ въ длинный свой носъ, потомъ, нисколько не торопясь, закрывалъ табатерку, пряталъ ее въ платокъ, потомъ въ карманъ и наконецъ снова брался за скрипку. Если же, въ подобный промежутокъ танцевъ, какая-нибудь неугомонная маменька выглядывая изъ сосѣдней комнаты, спрашивала: «что же вы, барышни, не танцуете?», то ей обыкновенно отвѣчали на это: «погодите, вотъ Панкратій Пафнутьичъ табаку сейчасъ понюхаетъ»...

Вообще Пафнутьичъ велъ себя съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Ему хорошо было извѣстно, что безъ его скрипки

вся молодежь городка оставалась бы безъ дѣла на всѣхъ вечеринкахъ, на которыхъ онъ служилъ только средствомъ къ увеселенію другихъ. Отчего же, въ пору понюхавъ табаку, не доставить было удовольствія и собственной персонѣ? Но я всегда удивлялся тому важному спокойствію, съ какимъ обыкновенно наигрывалъ онъ на своей скрипкѣ. Сидя въ углу у самыхъ дверей залы, склоня голову набокъ и притиснувъ подбородкомъ скрипку, онъ выводилъ то шибче, то медленнѣй всякаго рода мотивы, и, казалось, ему вовсе не было дѣла до того, какъ подъ его звуки шевелились барыни и барышни, какъ постукивали каблуками панычи, какъ иногда и самъ какой-нибудь дородный панъ пускался въ присядку и выдѣлывалъ ногами такія штуки, что всѣ ахали отъ восторга и изумленія. Пафнутьичъ оставался равнодушнымъ ко всѣмъ подобнымъ явленіямъ: онъ, точно машинистъ, нисколько не удивлялся тому, что машина движется; онъ зналъ, что машина должна двигаться. И во всю вечеринку, бывало, останется невозмутимо-спокойнымъ, развѣ ужъ струна лопнетъ, или подставка сломается, тогда, дѣйствительно, онъ сердито поморщится и губы свои окончательно спрячетъ въ ротъ, но все же не потеряетъ сознанія собственнаго достоинства, такъ что, глядя на него, чувствуешь-бывало маленькую робость.

А между тѣмъ незабвенный Иванъ Ивановичъ, увлеченный своимъ гостепріимствомъ, изъ себя выходитъ.

— Подать намъ мадамъ блондинку! кричитъ онъ, разумѣя подъ блондинкой національную бѣлую водку. И не успѣютъ гости хорошенько ознакомиться съ мадамъ блондинкой, какъ Иванъ Ивановичъ опять кричитъ:

— Подать намъ мамзель брюнетку! разумѣя подъ брюнеткой отличнѣйшую доморощенную наливку. И по нѣскольку разъ брюнетка обходитъ Павла Ивановича, Андрея Ивановича, Сидора Карповича и т. д. Хозяинъ все-таки не унимается...

— Что все мадамъ да мамзель! Подать намъ мусьё кунштика! кричитъ онъ, разумѣя подъ кунштикомъ крѣпчайшій пуншъ съ французской водкой.

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, не мусьё—обыкновенно замѣчалъ ему Лука Лукичъ, который славился въ городкѣ своею ученостью и не упускалъ случая блеснуть ею.

— Подите вы съ своею ученостью! прерывалъ его разгоряченный

Иванъ Ивановичъ, мы сами птицы не простыя! мы сами были въ смаргонскомъ университетѣ... Подать намъ мусье куништика!

Мусье оказывался всегда настолько сильнымъ, что послѣ полудюжины чашекъ его сидячій Иванъ Ивановичъ дѣйствительно уже садился и, произнося невнятные звуки, водилъ руками по воздуху, точно какъ бы хотѣлъ захватить въ свои объятія всю почтеннѣйшую публику. При такомъ настроеніи хозяина, гости спѣшили забирать свои шапки и расходились по домамъ. За ними, невозмутимо-спокойный, слѣдовалъ и Панкратій Пафнутьичъ. Господи! думалъ я, глядя на него въ то время, какой онъ гордый!..

А назавтра или на послѣзавтра опять составлялась вечеринка, и составлялась иногда и такимъ образомъ: какой нибудь Андрей Ивановичъ возвращался отъ Ивана Ивановича такъ поздно домой, что почтенная его жена почивала уже глубокимъ сномъ. Возвращеніе супруга пробуждало ее и тотчасъ начинался допросъ: гдѣ былъ и что дѣлалъ? Супругъ отвѣчалъ на это коротко, но ясно:

— Былъ на вечеринкѣ у Ивана Ивановича. Знаешь-что́, душенька, продолжалъ онъ, и намъ бы, думаю, слѣдовало задать вечеринку.

— Когда же?

— Да хоть бы и завтра.

— Ну и кстати: я сегодня, какъ нарочно, испекла превкусные крендели. Ложись же скорѣе, душенька! завтра, я думаю, нужно бы встать пораньше...

И такимъ образомъ рѣшалась участь завтрашней вечеринки, на которую, безъ сомнѣнія, приглашали и Пафнутьича. О гостяхъ же нечего было заботиться: они всегда чуяли, гдѣ вечеринка, и не пропускали ея.

Но зима, зима... У сидячаго Ивана Ивановича закрылись окна на площадь, сняли съ нихъ бутыли со всякими соблазнительными жидкостями, на мѣсто ихъ появились двойныя рамы, за которыя насыпали песку, положили кирпичики, кусочки соли да воткнули вѣточки калины. Гулячему-жъ Ивану Ивановичу холодно идти на площадь и спѣшить по какому-то важному дѣлу. Зима... Однако она имѣла чудное вліяніе на Ивановъ Ивановичей, такъ что они мѣнялись своими ролями: зимою сидячій Иванъ Ивановичъ превращался въ гулячаго, а гулячій — въ сидячаго.

Бывало, трещитъ морозъ, свиститъ вѣдьма-вьюга, и улицы, и дворы, и строенія городка покрыты снѣжными коврами, въ которыхъ

утонуть легко, а Иванъ Ивановичъ кричитъ: «Послать за Пафнутьичемъ да заложить возокъ!» Черезъ полчаса Пафнутьичъ и возокъ готовы. Иванъ Ивановичъ садился въ возокъ, а Пафнутьичъ со скрипкой помѣщался на запяткахъ огромнаго размѣра, такъ что тамъ помѣщались иногда и двое другихъ городскихъ артистовъ—басъ и цимбалы. «Играй!».. кричалъ изъ возка зимній гулячій Иванъ Ивановичъ. Артисты повиновались — и возокъ торжественно въѣзжалъ на дворъ зимняго сидячаго Ивана Ивановича. И вотъ у послѣдняго также закладывались сани. Затѣмъ оба Ивана Ивановича, при звукахъ музыки, пріѣзжали къ Андрею Ивановичу, увлекали и его съ собою, отправлялись далѣе ко всѣмъ Ивановичамъ и Ивановнамъ, забирали и ихъ, такъ что составлялся значительный поѣздъ, который наконецъ направлялся къ дому зимняго гулячаго Ивана Ивановича, и затѣмъ слѣдовала вечеринка. Часто случалось, что во время такихъ поѣздовъ заставали хозяевъ врасплохъ: хозяинъ спалъ, хозяйка мыла себѣ или другимъ голову, но это нисколько не мѣшало имъ тотчасъ же снарядиться въ путь и пристать къ общей компаніи. Зимнія вечеринки бывали даже торжественнѣе лѣтнихъ. На нихъ нѣсколько измѣнялось и положеніе Пафнутьича. Не въ углу,—онъ помѣщался теперь въ дверяхъ, которыя вели изъ передней въ залу; назади его стояли и цимбалы. Своею игрою они усердно старались подделаться подъ его вкусъ, ловили всѣ его движенія, подобострастно молчали, когда онъ выговаривалъ имъ за промахи, торжествовали, когда онъ удостоивалъ ихъ своимъ табакомъ.,. Но и здѣсь Пафнутьичъ по обыкновенію оставался невозмутимо-спокойнымъ и попрежнему выражалъ полное сознаніе собственнаго достоинства.

Кромѣ вечеринокъ, у Пафнутьича тратилось много времени и терпѣнія на музыкальные уроки. Въ то время въ городкѣ свирѣпствовало музыкальное повѣтріе, и каждый папенька считалъ необходимымъ учить дѣтей своихъ музыкѣ. Мужской полъ предпочиталъ скрипку или флейту, женскій—одну гитару. Отъ такого музыкальнаго повѣтрія, во всякую пору дня повсюду въ городкѣ слышались бренчанье на струнахъ или завыванья на флейтѣ. Иной новопроѣзжій, сидя въ бричкѣ, слыша эти смѣшанные звуки и ничего звучащаго вблизи не видя, могъ бы не шутя обратиться къ кучеру съ такими словами: погляди, Ѳомка, никакъ рой летитъ? Ѳомка поднималъ голову, водилъ ею направо и налѣво, созерцая пустынную улицу городка, залитаго зеленью, и отвѣчалъ наканецъ: кажись, что рой...

Въ урокахъ Пафнутьичъ имѣлъ для себя не столько вещественное, сколько духовное пропитаніе: особенно лестно ему было, что черезъ нихъ онъ какъ свой въ каждомъ домѣ городка. Плата за нихъ не назначалась, а слѣдовала добровольная благодарность, послѣ того ужъ, какъ ученикъ дѣйствительно выучивался разыгрывать разныя пѣсни, кадрили, мазурки и т. п. Она состояла по большей части въ немногихъ рубляхъ и въ небольшомъ количествѣ муки, крупы, сала, и получалось это собственно не Пафнутьичемъ, а женой его — московкой.

На урокахъ онъ велъ себя неизмѣнно-одинаково, имѣлъ-ли дѣло съ мальчикомъ или молодымъ человѣкомъ, съ дѣвочкой или дѣвушкой, — всегда былъ тихъ, смиренъ, вѣжливъ и невзыскателенъ. Если ученикъ или ученица оказывали невниманіе къ уроку, онъ тотчасъ же оставлялъ скрипку, молча вынималъ изъ кармана табатерку и долго занимался процессомъ нюханья табаку; если и послѣ этого ученикъ не обращался на путь истины, онъ начиналъ медленно укладывать скрипку въ нанковый мѣшокъ и долго стягивалъ его длиннымъ шнуркомъ, искоса поглядывая на ученика; наконецъ, не видя раскаянія, бралъ мѣшокъ со скрипкой подъ мышку, вставалъ, раскланивался и выходилъ изъ дому къ другому ученику или ученицѣ.

Училъ онъ безъ особыхъ затѣй. Едва ученикъ успѣвалъ отличать одну ноту отъ другой, какъ приступалъ тотчасъ къ какой-нибудь народной пѣснѣ: *при долинушкѣ стояла* или *ѣхалъ казакъ за Дунай*... Разыгрыванье пѣсни продолжалось иногда цѣлые мѣсяцы, пока ученикъ твердо запоминалъ, въ какомъ именно мѣстѣ и какимъ пальцемъ слѣдуетъ давить струну. Ноты оказывались совсѣмъ излишними; требовался только слухъ, за недостаткомъ котораго прибѣгали къ навыку. Наконецъ пѣсня кое-какъ пошла на ладъ. За нею выступала кадриль или мазурка. Долго, гораздо дольше всякой пѣсни она разучивалась и такъ вбивалась въ уши жителей городка, что и неумѣвшіе играть напѣвали и насвистывали изъ нея любой мотивъ. Верхъ успѣховъ въ подобныхъ музыкальныхъ занятіяхъ состоялъ въ попыткѣ исполнить какой нибудь дуэтъ Роде или начало изъ увертюры *Калифъ Багдадскій*, послѣ чего ужъ музыкальное образованіе достигало желанныхъ успѣховъ. Родители призывали Пафнутьича на аудіенцію, давали ему нѣсколько рублей, говорили, что завтра же отвезутъ къ его супругѣ достаточное количество муки, крупы, сала, —

и Пафнутьичъ въ званіи учителя музыки оставлялъ ихъ домъ до новаго случая.

Съ дѣвушками на урокахъ онъ велъ себя нѣсколько иначе. Тутъ нужно было имѣть дѣло съ гитарой, на которой онъ игралъ плохо и въ наставленіяхъ своихъ долженъ былъ руководствоваться только музыкальностью своего уха. И вотъ, бывало, какая нибудь Серафима Кузьминишна сидитъ на стулѣ и самымъ романическимъ образомъ держитъ въ рукахъ гитару, Пафнутьичъ же, на корточкахъ, наклоняется къ ея пальцамъ и нѣжно передвигаетъ ихъ съ одного мѣста грифа на другое. Къ нотамъ и тутъ никогда не прибѣгали. Но, вѣроятно, методъ Пафнутьича былъ не изъ послѣднихъ, когда всѣ городскія барышни умѣли–таки сыграть и спѣть модные тогда романсы *Взвейся выше, понесися, сизокрылый голубокъ, Звукъ унылый фортепьяно, Я въ пустыню удаляюсь* и т. п. Если за свои уроки мальчикамъ Пафнутьичъ не назначалъ опредѣленной платы, то уроки прекрасному полу давалъ онъ рѣшительно изъ чести. Было-ли это побужденіе его сердца или же было слѣдствіемъ той особенной черты женщинъ, въ силу которой онѣ умѣютъ необыкновенно ловко выторговать что–нибудь и у самаго неуступчиваго купца, только Пафнутьичъ давалъ уроки прекрасному полу рѣшительно даромъ.

Но выпадали минуты, когда Пафнутьичъ выходилъ изъ своего обычнаго состоянія и возносился на верхъ счастія. Недалеко отъ городка проживалъ любитель музыки, богатый помѣщикъ-старикъ, по имени Денисъ Петровичъ. Пріѣзжая въ городъ, онъ устраивалъ у себя музыкальные вечера: самъ онъ исполнялъ первую скрипку, дальній его родственникъ и постоянный сожитель, дулъ на кларнетѣ, а приглашенный Панкратій Пафнутьичъ держалъ вторую скрипку. Послушать это тріо собирались всѣ именитые жители городка, и здѣсь-то происходило торжество городскаго артиста. Какую ни брались разыгрывать пьесу, выходило всегда такъ, что кларнетъ начиналъ скоро заикиваться, останавливаться и наконецъ совсѣмъ переставалъ издавать звуки; первая скрипка долго держалась второй, но не выдерживала до конца и также обрывалась, а Пафнутьичъ все игралъ да игралъ. Очки сползали у него на самый конецъ носа, пасмо сѣдыхъ волосъ, зачесанныхъ на лысину, картинно спускалось на шею, губы его раскрывались, глаза блестѣли и быстро бѣгали, читая ноты, смычекъ и дрожалъ, и прыгалъ, и плавно ходилъ взадъ и впередъ ..

— Довольно, довольно! кричалъ Денисъ Петровичъ: остановитесь! дайте собраться съ силами!

Но нѣтъ: Пафнутьичъ продолжалъ играть, не обращая вниманія ни на какія возгласы, и останавливался, когда ужь въ нотахъ стояла окончательная пауза. Здѣсь легкая улыбка пробѣгала по его морщинистому лицу, глаза его торжественно обращались ко всѣмъ присутствующимъ и общее браво! было отвѣтомъ на этотъ побѣдительный взглядъ.

— Сможемъ еще сыграть! лаконически замѣчалъ Панкратій Пафнутьичъ и клалъ на столъ свою скрипку.

И когда оканчивался музыкальный вечеръ, у слушателей вырывались такія слова: А что, каковъ-то нашъ артистъ! Побѣдилъ, рѣшительно побѣдилъ! Денисъ Петровичъ-то разбитъ, какъ Шведъ подъ Полтавою: знай нашихъ!

Торжество Пафнутьича раздѣлялось и всѣми именитыми лицами городка; онъ, какъ человѣкъ общественный, составлялъ общее ихъ достояніе, въ которомъ былъ вправѣ каждый отыскивать частицу и собственныхъ достоинствъ.

Таковъ былъ музыкальный талантъ Пафнутьича. Но кромѣ всего этого нельзя умолчать и о другихъ фактахъ, которые также говорятъ за этотъ талантъ. Помню хорошо, какъ одна пожилая дама, обыкновенно носившая огромныхъ размѣровъ чепцы съ красными и зелеными лентами,—когда случалось ей слушать игру Пафнутьича, произносила всегда со вздохомъ: несравненный Панкратій Пафнутьичъ!—А другая пожилая дѣвушка, закатывая при этомъ глаза подъ лобъ, добавляла: Ахъ, какой онъ душка! Сколько души въ его игрѣ! Какой онъ чувствительный?—Жилъ еще въ городкѣ нѣкто Сидоръ Карповичъ, который на всякой вечеринкѣ отплясывалъ подъ звуки *мятелицы* (*) и притомъ такъ усердно, что на слѣдующій день около него непремѣнно ухаживала его жена, поднося ему то ромашку, то александрійскій листъ..

— Какъ тебѣ не стыдно! говорила она при этомъ: вѣдь знаешь же, что эта мятелица не проходитъ тебѣ даромъ. Сидѣлъ бы себѣ, какъ сидятъ другіе...

— Да, усидишь! говорилъ на это Сидоръ Карповичъ: кажись, самъ чортъ залѣзъ въ скрипку Пафнутьича!.. Какъ только заиграетъ

(*) Малороссійскій танецъ.

онъ мятелицу, ну вотъ такъ и несутъ тебя ноги на середину комнаты,—не удержишь ихъ, хоть чорта дай—не удержишь!

Самъ же Пафнутьичъ о своемъ талантѣ выражался такими словами: Мы не то, что какой-нибудь столичный музыкантъ: концертовъ никакихъ не давали; но сыграть сможемъ..-

Какъ жилъ онъ у себя въ домѣ—не знаю. Говорили, что онъ, какъ Сократъ, часто испытывалъ на головѣ своей крѣпость глиняной посуды, и все за то, что былъ онъ человѣкъ общественный и мало питалъ корыстныхъ разсчетовъ на собственное благосостояніе; говорили, что жена его не видѣла въ немъ ничего несравненнаго и даже находила въ немъ отсутствіе такой чувствительности, какую находила въ своемъ сосѣдѣ-пономарѣ; говорили даже... но вѣдь чего не говорятъ, особенно о лицахъ историческихъ! На самомъ же дѣлѣ Пафнутьичъ жилъ больше въ городѣ, чѣмъ у себя дома, не зналъ никогда, что у него варится и что печется, да и жители городка, ведя съ нимъ беседу, никогда не спрашивали о его семейныхъ дѣлахъ, а говорили про Ивана Ивановича, про Дениса Петровича, про самихъ себя, — словомъ, вели съ нимъ общественные, а не семейные разговоры.

Таковъ былъ Панкратій Пафнутьичъ, такимъ я зналъ его въ годы далекаго моего дѣтства. И вотъ опять предсталъ онъ мнѣ въ совершенно новомъ для него положеніи—сторожемъ пригородной бакши!

Сколько успѣлъ я примѣтить, онъ слишкомъ измѣнился — постарѣлъ, одряхлѣлъ, голова и руки его дрожали, сѣдые, какъ снѣгъ, волосы далеко ужь не закрывали собой лысины; носъ еще больше выдался впередъ и побагровѣлъ; длиннополый сюртукъ замѣнился халатомъ; ноги были не обуты. Да, не хорошо теперь Пафнутьичу!

Въ ожиданіи его прихода съ бакши, я прилегъ на сѣно, замѣнявшее ему постель; тутъ же лежалъ знакомый мнѣ старый тулупчикъ на вытертыхъ барашкахъ; въ углубленіи куреня стоялъ улей, вмѣсто шкафа, тамъ лежали съѣстные припасы старика—хлѣбъ, чеснокъ, фляжка съ желтоватою жидкостью; тамъ же лежала книга въ кожаномъ переплетѣ, которая оказалась Дѣяніями св. апостолъ. За жерди куреня заткнуты были ложка, шило, гребень, опять ложка, кусокъ воску, нитки, опять гребень...

— А вотъ, кажись, хорошій будетъ арбузъ! вдругъ заговорилъ хо-

дившій Панкратій Пафнутьичъ. Этакая мудреная наука, никакъ не распознаешь, какой поспѣлъ ужь, а какой нѣтъ: Вотъ мы его попробуемъ, продолжалъ онъ, надрѣзывая арбузъ ножемъ. Кахи–кхи-кхи... Опять не спѣлый! Тьфу ты, наука этакая!..

— Не трудитесь—сказалъ я, видя, что онъ снова хотѣлъ идти на бакшу. Сядьте-ка лучше, да потолкуемъ.

— Вотъ такъ радъ, что вижу васъ, такъ радъ!.. заговорилъ Пафнутьичъ.—Какъ видите, удалился я изъ города, не житье мнѣ въ немъ.

— Что же такъ?

— Время такое настало: не въ модѣ, видите, Панкратій Пафнутьичъ сталъ,—ну и мы не пожелали кланяться.

Сказавши это, онъ гордо посмотрѣлъ на меня, вынувъ табатерку съ Бобелиной по поясъ и сталъ съ достоинствомъ втягивать табакъ въ свой длинный носъ.

— А знакомые ваши?

— Э, какіе тамъ знакомые! Вѣдь старики-то всѣ поумирали; куда теперь ни поглядишь—все молодежь, все чванится да въ карты играетъ. Кахи–кхи–кхи... Кто теперь остался изъ нашихъ? Развѣ только одинъ Сидоръ Карповичъ. Вотъ съ недѣльку назадъ повстрѣчался я съ нимъ на базарѣ: «плохо—говоритъ—Панкратій Пафнутьичъ, негдѣ нашему брату развернуться, осмѣютъ еще чего добраго... Вотъ—говоритъ—отъ прежней жизни у меня только и осталось, что пою на клиросѣ да читаю апостола»... А вѣдь какой былъ разгонистый этотъ Сидоръ Карповичъ! Кахи-кхи-кхи... Богъ его знаетъ, ужъ видно повѣтріе такое, что всѣ потянули въ другую сторону.

— И вы рѣшились оставить свои занятія?

— Рѣшился!.. Не я рѣшился—мода, говорю, такая настала, что за нею никакъ не угонишься. Скрипка... кажись, какого бы лучше инструмента желать? Такъ нѣтъ: нѣмецъ тамъ какой-то, съ голоду, видно, выдумалъ органъ, на которомъ всякій дуракъ играть съумѣетъ; нашимъ же панычамъ это и на руку—принялись они всѣ за эти органы или шарманки, вертятъ себѣ руками, благо дѣлать нечего, больше не смыслятъ. Да говорятъ еще музыка! Этакіе знатоки нашлись! Кахи-кхи-кхи... Еще слава Богу, что повѣтріе какъ-то скоро, минулось. Но на бѣду новая мода подоспѣла: фортепьяны завелись, на которыхъ ужъ никто и сыграть не умѣетъ! То есть, какъ все стран-

по повелось теперь между людьми! Думаешь, думаешь про это да и вѣрить начинаешь... Кахи-кхи-кхи...

— Чему это вѣрить, Панкратій Пафнутьичъ?

— Да вотъ какъ бы вамъ лучше сказать.,. тому, что люди скоро мѣняться стали, не такъ, какъ при насъ бывало. Примѣрно сказать, я лѣтъ сорокъ носилъ сюртукъ одного покроя, вотъ такъ—немного пониже колѣнъ полы бывали, и всѣ такъ носили, и хорошо было. Теперь же что годъ, то и новый покрой; а все какъ-то неладно. Какъ пріѣдетъ кто изъ губерніи—такъ еще ничего, смотришь на него какъ на картинку, а ужъ нашъ братъ уѣздникъ—ни то, ни се: скроено и пошито, кажись, хорошо, да сидитъ не такъ... Вотъ и въ музыкѣ тожъ: усѣлись за фортепьяны: кажись, инструментъ и хорошъ—да въ толкъ нейдетъ!

— Все же однако не вижу — сказалъ я: зачѣмъ бы вамъ въ бакшевники идти? Будто ужъ въ городѣ стало вамъ тѣсно?

— Тѣсно, вотъ именно тѣсно! жутко пришлось: жена умерла, хозяйства не осталось никакого, а тутъ ни вечеринокъ, ни уроковъ.. Зайдешь къ кому изъ своихъ прежнихъ учениковъ—ему, видите, некогда, въ карты играетъ да еще и подсмѣивается: «что-говоритъ — отыгрались, Панкратій Пафнутьичъ? Садись-ка лучше за польку да начнемъ сызнова учиться играть»... А тутъ и скрипки не стало.

— Какъ не стало?

— Да такъ.,. упалъ... разбилась...

— И вы остались вовсе безъ скрипки?

— Безъ скрипки, третій годъ безъ скрипки...

Глаза Пафнутьича, глядѣвшіе передъ этимъ какъ-то особенно грустно, вдругъ заблестѣли, точно искорки. Но все же, произнесъ онъ громко, не будемъ просить хлѣба у этихъ барышенъ, что бренчатъ на фортепьянахъ,—не дождутся онѣ этого! Да и картежники не увидятъ отъ меня поклона. Вишь, знать-то какая! Знаемъ мы ихъ всѣхъ, отъ рожденія ихъ знаемъ!

Ни разу еще не слыхалъ я, чтобъ Пафнутьичъ говорилъ такъ строго. Это озадачило меня и мнѣ даже хотѣлось остановить его; но нѣтъ, онъ перестал кашлять и все въ болѣе грозномъ тонѣ продолжалъ: Видали мы и не этакихъ? Я, знаете, у графа воспитывался да и цѣлый свой вѣкъ не ударилъ ни разу лицемъ въ грязь! Коли пошло на то—такъ вотъ же умру на бакшѣ, а не пойду въ городъ! нужна мнѣ ихъ копѣйка да ласка..

Я собрался ужъ выйти изъ куреня, какъ послышался лай собаки. Пафнутьичъ поспѣшно выглянулъ изъ дверей на бакшу: экой вороватый народишко! произнесъ онъ и схватилъ палку. Двое мальчишекъ—одинъ рыжій, другой совсѣмъ красный, держа подъ мышками по арбузу, бѣжали къ плетню, безпрестанно оборачиваясь въ ожиданіи погони.

— Вотъ я васъ! кричалъ побѣжавшій за ними Пафнутьичъ. Красный мальчикъ благополучно достигъ плетня, перелѣзъ черезъ него и уже улепетывалъ къ пруду, но рыжій не успѣвалъ за нимъ и, остановленный спущенною собакою, поднялъ крикъ.

— Швыдче, швыдче! поощрялъ его красный.

— Ай-ай! голосилъ рыжій; но рука Пафнутьича была уже занесена надъ нимъ, надежды на спасеніе не оставалось—и онъ пустился въ слезы.

Я оставилъ бакшу, далеко ужъ отошелъ отъ пруда, а все еще слышался голосъ рыжаго: «пустите, батенька, ей-Богу не буду! Это все онъ, красный... ей-Богу, я только такъ»... Вслѣдъ за этимъ опять залаяла собака; я оглянулся и увидѣлъ, какъ рыжій, вырвавшись изъ рукъ Пафнутьича, перелѣзалъ черезъ плетень и бѣжалъ къ пруду, гдѣ расположился съ арбузомъ красный его товарищъ. Пафнутьичъ остался на бакшѣ и, поднявъ палку, величественно грозилъ ею на вороватыхъ мальчишекъ.

Жаль мнѣ стало Пафнутьича: отыгрался артистъ!.. Какой же онъ, однако, честолюбивый. А честолюбцу, какъ бы ни мелко онъ плавалъ, всюду бѣда. Не доймётъ сердце—доймутъ люди. Онъ всецѣло отдается общественному служенію, а общество, и не углядишь, ужъ ускользнуло отъ него направо или налѣво. Тутъ еще больше блага, когда неугомонному честолюбцу предложатъ почетный остракизмъ; но если общество не сочтетъ нужнымъ удалять его, даже не обратитъ вниманія на шумокъ и жужжанье его протеста: бѣда! придется ему самому удалиться, выбрать свой островъ Елены, или какъ Пафнутьичу—пригородную бакшу.

Еще разъ довелось мнѣ увидѣть Пафнутьича. Это было ужъ въ самомъ городкѣ, въ морозное утро, въ праздникъ. Совсѣмъ для меня нежданно отворилась дверь моей квартиры и явился Пафнутьичъ—тощій, дрожавшій отъ холода.

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить—произнесъ онъ едва слышно.

Я сталъ приглашать его присѣсть.

— Нѣтъ, не могу... нужно спѣшить .. Развѣ одолжите водочки... согрѣться ..

Въ эту минуту ужъ окончательно въ Пафнутьичѣ не было гордаго сознанія собственныхъ его достоинствъ. И я потомъ увидѣлъ въ окно, какъ отъ меня поплелся онъ неровнымъ шагомъ въ одинъ, въ другой домъ—поздравлять съ праздникомъ...

Отыгравшійся уѣздный артистъ не выдержалъ напора новыхъ потребностей общества, въ которомъ онъ до тѣхъ поръ дѣйствовалъ такъ долго, такъ ревностно и такъ успѣшно! Но въ паденіи Пафнутьича, мелкомъ по отношенію къ событіямъ міровой жизни, представлялось мнѣ паденіе инаго рода, когда погибаетъ великій человѣкъ, служившій великимъ цѣлямъ человѣчества, но погибаетъ иногда точно такимъ же путемъ, какъ и маленькій человѣкъ... И тѣмъ больнѣе мнѣ было, что никто изъ прежнихъ учениковъ и ученицъ Пафнутьича не думалъ поддержать его ослабѣвшій духъ, не спѣшилъ помочь одряхлѣвшему его тѣлу: всѣ отъ него отступились. И та пожилая дама, которая всегда носила чепцы съ красными и зелеными лентами, которая носитъ ихъ и теперь, несмотря на сѣдину своихъ волосъ, даже и она, когда-то называвшая Пафнутьича «несравненнымъ,—теперь, видя, какъ онъ неровнымъ шагомъ плелся по улицѣ, дрожа отъ холода, подъ изорваннымъ тулупчикомъ, даже и она въ это время произнесла только: «фи, какой гадкій сталъ Панкратій Пафнутьичъ»!—и больше ничего...

Н. В—въ.

Февраль. 1861 г.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Франція: Присоединеніе Кохинхины. — Раздоры съ Швейцаріею. — Французскіе финансы. — Періодическая литература. — Панихида по живомъ покойникѣ, Жикелѣ. — **Испанія:** Подвиги О'Доннеля. — **Италія:** Вооруженіе арміи. — **Бельгія:** Министерство Фрера и Рожье. — **Австрія:** Трагическая исторія молодой Венеціанки. — Положеніе дѣлъ въ Венгріи. — **Пруссія:** Коронація въ Кенигсбергѣ. — **Греція:** Волненія. — **Турція:** Упадокъ силъ въ націи и въ правительствѣ. — **Америка:** Сраженіе между арміею Буэносъ—Айреса и Аргентинской республики. — Дѣйствія союзниковъ противъ Мексики. — Движеніе арміи въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ.

Монитеръ сообщаетъ намъ прокламацію адмирала Шорнера, возвѣщающую, что нижняя Кохинхина отнынѣ принадлежитъ Франціи; и все это, благодаря храбрости французскаго флота, окончившаго завоеваніе, которое начали миссіонеры—іезуиты съ евангеліемъ и *Breviare Romanum* въ рукахъ. Это куплено цѣною 4-хъ или 5 тысячъ человѣкъ, умершихъ отъ болѣзней, отъ жажды и ранъ, съ прибавкою десятковъ двухъ іезуитовъ, и теперь Франція владѣетъ нѣсколькими тысячами квадр. километровъ земли, зараженной лихорадками и населенной обезьянами и ихъ близкими родственниками, несчастными идолопоклонниками, которые, по крайней неразвитости, не въ состояніи оцѣнить сдѣланную имъ честь, и составить себѣ точное понятіе о новомъ римско—католическомъ покровителѣ и о великомъ императорѣ, поставленномъ на колонну Place Vendôme, рядомъ съ Credit Mobilier и главнымъ штабомъ національной гвардіи.

Признаюсь, мы не порадовались, когда узнали, что пріобрѣли новыхъ братьевъ за морями и континентами, и что семья наша, увеличенная всѣми савоярами на свѣтѣ, приняла въ свои нѣдра еще братьевъ Кохинхинцевъ. Нельзя сказать, чтобы присоединеніе новой колоніи было необходимо: при настоящемъ порядкѣ Алжирія будетъ населена черезъ 600 а французская Гвіяна черезъ 1500 лѣтъ. Французское правительство при этомъ завоеваніи руководствовалось не мелкими утилитарными соображеніями, но цѣлями болѣе возвышенными, касающимися религіи, нравственности и политики. Дѣйствительно, французскіе оффиціальные журналы нашли, что эта непризнанная нами національность пользуется одинаковой съ нами религіей и политической организаціей: однимъ словомъ совершенно сродная намъ, такъ что Франція и Кохинхина стоятъ въ одномъ уровнѣ, и Франція, какъ европейская Кохинхина, должна присоединять къ себѣ азіятскую Кохинхину!

Господа журналисты, вы совершенно правы, но позвольте вамъ замѣтить, что «мы, Французы, не думали быть въ такой степени Кохинхинцами».

Недавно сильно досталось бѣдной швейцарской конфедераціи, за то, что она потребовала три су съ продавщицы фруктовъ; законно, или незаконо было это требованіе—зависитъ оттого, по правую, или по лѣвую сторону отъ большой дороги расположилась упомянутая торговка; теперь же рѣшились предоставить международной коммиссіи разсматриваніе этого вопроса, именуемаго *Виль-де-грандскимъ*. А тутъ дерзкій Constitutionnel объявляетъ Европѣ, что въ Женевѣ уничтожаютъ Французовъ за 5 франковъ поголовно, и что инженеры, завѣдующіе мостами и дорогами, преимущественно зашиваются въ мѣшки и погребаются въ глубинахъ Лемана. Противъ этого возсталъ негодующій государственный совѣтъ Женевы и досталось Вьерну, Грангильо и Эспарбье за то, что они вызвали на бой не беззащитныхъ! Чтобы затмить эти двѣ злополучныя выходки, прибѣгнули къ третьей исторіи о долинѣ Даппъ, которую французское правительство безъ дальнихъ околичностей примежевываетъ къ своимъ владѣніямъ. Территорія эта въ 2000 гектаровъ составляетъ большой лугъ, на которомъ расположено селеніе Крессоньеръ, состоящее изъ двухъ десятковъ сыровъ, принадлежащихъ почти безъ исключенія Ваатландцамъ. Трактатомъ 1815 года долина эта положительно была причислена къ Швейцаріи, но Франція возстала, сгѣла привлечь на свою сторону уполномоченныхъ въ Вѣнѣ, растро-

гала ихъ до глубины души, и они обѣщали ходатайствовать за Францію передъ швейцарскимъ правительствомъ; но Швейцарія нашла, что этотъ клочокъ земли годится ей самой, и не заблагоразсудила сдѣлать уступку. Съ 1815 года дѣла оставались въ томъ же порядкѣ: Швейцарія владѣла опираясь на букву закона, а Франція жаловалась, опираясь на правосудіе. Однакоже, по обоюдному соглашенію, этотъ лугъ считался нейтральнымъ, такъ что десятка два пастуховъ, живущихъ въ этой долинѣ, пользовались удобными обстоятельствами, чтобы не платить никакихъ налоговъ натурою или деньгами ни Франціи, ни Швейцаріи; за-то они вѣнчались гражданскимъ бракомъ въ Швейцаріи, и церковнымъ у французскаго священника. Они разомъ пользовались счастьемъ имѣть два отечества и вовсе не имѣть никакого. Эти простаки и не помышляли о французскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, г-нѣ Тувенелѣ, этомъ великомъ человѣкѣ, который не выпускалъ ихъ изъ виду, хотя они и воображали себя совершенно безопасными за своими сосновыми лѣсами. Этотъ дипломатъ, охраняющій имперію отъ Босфора до Пондишери и отъ Каэны до острова Мадагаскара (который онъ между прочимъ старается присоединить) узналъ, что какой-то пьяница изъ Ваатланда скандально прибилъ свою жену и вслѣдствіе этого вѣроятно будетъ судиться передъ судомъ своего округа. Министръ сообразилъ, что провинившійся, вѣроятно, испугается и станетъ укрываться въ гостинницѣ селенія Кресоньеръ, куда ваатландскіе жандармы могутъ придти его отыскивать. Вслѣдствіе этого былъ отданъ приказъ коменданту крѣпости Руссъ и жандармскому полковнику занять долину Даппъ. Это было распоряженіе того самаго человѣка, который требовалъ отъ англійскаго правительства выдачи Симона Бернара, предполагаемаго соучастника въ неудавшемся покушеніи. Находясь постоянно наготовѣ, чтобы служить идеѣ, самоотверженію, свободѣ и независимости національностей, великая шпага Франціи содрогнулась въ своихъ ножнахъ, потому что ее хотѣли обнажить во имя стародавняго права пьяницы бить свою жену. Между тѣмъ всѣ мѣры были приняты; патруль французскихъ жандармовъ и 4 человѣка подъ предводительствомъ своего капрала перешли границу, заняли гостинницу и площадь и стали маневрировать на удивленіе нѣсколькихъ дѣтей и женщинъ, собравшихся вокругъ нихъ. Тутъ они узнали, что никто не являлся въ селеніи и что имъ остается только вернуться въ крѣпость. Пока собиралась гроза на политическомъ горизонтѣ, пьяный Фурнье помирился съ женой!

*

Разгнѣванная Швейцарія нарядила коммиссію для изслѣдованія всего случившагося, и поручила ей написать рапортъ къ секретарю военнаго министерства; со всѣхъ сторонъ требовали, чтобы вся союзная армія была поставлена на военное положеніе и чтобы вся страна готовилась къ разрыву съ Франціею. Можно предполагать, что г. Тувенель на это и не расчитывалъ. Между тѣмъ *le Moniteur officiel de l'Empire Français*, опираясь на авторитетъ двухъ журналовъ (La Franche Comté и La sentinelle du Jura) объявилъ, что не было никакого нарушенія территоріяльныхъ правъ. По ихъ разсказамъ, солдаты и жандармы изъ крѣпости Руссъ держались на границѣ Франціи и наблюдали за движеніями швейцарской полиціи, но не вступали на спорную землю,» Остается только пожалѣть, что такое смѣшное недоразумѣніе могло повредить отношеніямъ и безъ того очень натянутымъ между двумя странами. Можно пожалѣть и о томъ, что опытъ недавно пріобрѣтенный прусскимъ правительствомъ въ его сношеніяхъ съ гордой маленькой республикой, укрѣпленной за Альпами, ничему не научилъ г. Тувенеля. Онъ не сравнилъ послѣдняго дѣла съ невшательскимъ и не понялъ, что огонь жжется.

Рѣшительно политика перессоритъ бѣдную Францію со всѣмъ свѣтомъ. Какъ хорошо разсуждалъ *Times*, сокрушаясь о томъ, что Англія, побѣдительница за послѣднее столѣтіе и въ войнѣ и въ мирѣ, отняла у Франціи множество ея американскихъ колоній, лишила ее возможности развить космополитическую промышленность и торговлю, и такимъ образомъ разлить по всему свѣту избытокъ своихъ силъ и излишнюю инпціативу! Сжатая въ слишкомъ тѣсныя границы, Франція, впродолженіе 25 лѣтъ, которые слѣдовали за революціей, наводнила Европу своими принципами и арміями. Въ 1815 году, сжатая еще больше, она до настоящаго времени какъ–бы потягивается, вмѣшивается во все и навязывается всѣмъ, однимъ словомъ дѣлается очень непріятною въ обхожденіи. Нынѣшняя Англія не помѣшала бы ей распространяться дальше! Боже мой! восклицаетъ *Times*, пусть бы Франція отправлялась на Сенегалъ, на Мадагаскаръ, пусть она вторгается къ Неграмъ, распространяется въ Гвіянѣ, пусть себѣ идетъ въ Китай, въ Нукагиву, къ Патагонцамъ, на сѣверный или на южный полюсъ!

Никогда еще Франція не была такъ безпечна. Она не понимаетъ, что всѣ сосѣднія націи смотрятъ на нее со страхомъ и недовѣріемъ;

она не понимаетъ, что если у нея и есть союзники, то нѣтъ ни одного друга. Швейцарія насъ ненавидитъ,

Англія, Италія, Испанія, Португалія, Швейцарія, Австрія, Германія только на томъ и сходятся между собою, что недовѣрчиво смотрятъ на французскую политику. Лукавая Бельгія слѣдитъ за каждымъ движеніемъ первенца матери Галліи, который, чего добраго, вздумаетъ потребовать себѣ полнаго наслѣдья отцовъ; и для того, чтобы не быть обиженной ближайшимъ родственникомъ, Бельгія бросается въ объятія посторонняго Голландца. Она уже не противъ Батавіи укрѣпляетъ Антверпенъ! Конечно пріятно видѣть примиреніе двухъ враговъ, и конечно насъ глубоко тронули дружескія объятія между королемъ Леопольдомъ и королемъ Вильгельмомъ, при восторженныхъ крикахъ многочисленной толпы; а между тѣмъ насъ тревожитъ мысль, что примиреніе это не къ добру для Франціи.

Къ этимъ опасеніямъ извнѣ присоединяются значительныя затрудненія внутри, выразившіяся денежнымъ кризисомъ. Мѣсяцъ тому назадъ банкъ подалъ поводъ къ общей тревогѣ повышеніемъ таксы вычетовъ, и все подъ тѣмъ же предлогомъ, чтобы предупредить вывозъ звонкой монеты; и въ настоящемъ случаѣ это только затруднитъ уплату за хлѣбъ, купленный за границей для устраненія предстоящаго голода. Мѣшать націи исполнять свои торговыя обязательства—называется на финансовомъ языкѣ—охранять національныя наличныя деньги. Пусть банкиры затрудняютъ выдачу денегъ въ трудныя времена, пусть они выжимаютъ сокъ изъ общества, они имѣютъ на это законное право, и въ этомъ случаѣ поступаютъ не хуже торговцевъ, которые скупаютъ весь хлѣбъ и искуственно производятъ голодъ. Но зачѣмъ же государственное учрежденіе помогаетъ частнымъ людямъ пользоваться общимъ бѣдствіемъ, и разбивать корабль, чтобы обогащаться выброшенными вещами; очевидно, что послѣ сильныхъ кризисовъ у акціонеровъ банка остаются значительные дивиденты. Поспѣшимъ оговориться, что мы вовсе не стоимъ за систему государственныхъ банковъ; напротивъ, мы находимъ, что только монополія французскаго банка побуждаетъ его завладѣвать всѣми деньгами, подобно тому, какъ другіе завладѣваютъ всею мукою. Благодаря французской маніи къ централизаціи, къ монополіи и правительственнымъ привилегіямъ, самый привиллегированный банкъ истощился, тогда какъ въ Лондонѣ, гдѣ оборотъ денегъ почти свободенъ, такса въ настоящее время 3%. Вокругъ банка, въ Open Market, какъ говорятъ Англи-

чане, деньги достаются еще легче; ихъ можно получить по $2^1/_2\%$, если представить подпись одного изъ первостепенныхъ банкировъ. По билетамъ казначейства можно получить деньги, платя отъ $1^1/_2$ до 2%. Въ Амстердамѣ и Гамбургѣ легко достать денегъ по 3%. Бельгійскій банкъ держитъ свой учетъ по 4%, но можно найти денегъ по $3^1/_2\%$ въ частныхъ заведеніяхъ. Кромѣ вѣнской биржи, на которой учетъ колеблется около 6%, Германія, кажется, довольно богата звонкою монетою. Два главныя учрежденія, берлинскій банкъ для сѣвера и франкфуртскій банкъ для юга, берутъ по 4%, а въ частныхъ банкахъ можно получить еще на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Конечно парижскимъ банкамъ нужно для оборотовъ около 200 милліоновъ франковъ. А между тѣмъ французскій банкъ былъ принужденъ занять 50,000,000 у Ротшильда и Баринга въ Лондонѣ; кромѣ того ему пришлось три раза выпрашивать 15 милліоновъ талеровъ у берлинскаго банка, отъ котораго онъ до сихъ поръ не получалъ требуемой суммы. Пустивши въ продажу свои билеты, французскій банкъ почти вовсе не получилъ звонкой монеты. Въ два мѣсяца было выпущено облигацій на 174 милліона, а звонкой монеты получено въ банкѣ всего 6 милліоновъ, что составляетъ чудовищную пропорцію одного франка звонкой монеты на 30 франковъ билетами; между тѣмъ обыкновенныя отношенія звонкой монеты къ билетамъ равняются 1 : 3. Если не ошибаюсь, такого рода фактъ не имѣетъ себѣ подобнаго съ самаго основанія банка, т. е. съ 1808 года.

Опасность положенія заключается въ томъ, что негоціанты не знаютъ намѣренія правительства, что они боятся голода и всѣхъ его послѣдствій; когда французскіе рынки будутъ открыты для англійскихъ мануфактурныхъ продуктовъ, то произойдетъ очень серьезное замѣшательство, потому что французскія фабрики упорно держатся покровительственной системы и до сихъ поръ не хотѣли приготовиться къ конкуренціи съ иностранными производителями; американскій кризисъ на 200 милліоновъ убавилъ обороты французской торговли и значительно уменьшилъ дѣятельность хлопчато-бумажныхъ фабрикъ; Франція и Англія сильно пострадаютъ отъ зимы, отъ голода и отъ недостатка работъ. Пока распутываются важныя дѣла,—страдаютъ мелкіе интересы; работникамъ предстоитъ отсутствіе работъ; на квартиру и на хлѣбъ возвышаются цѣны. Можно протаскать лишній мѣсяцъ пару башмаковъ, но экономію на хлѣбъ соблюсти мудрено. Народъ жалуется на недоброжелательство нѣкоторыхъ значительныхъ вѣдомствъ; на-

чальниковъ этихъ вѣдомствъ, заподозрѣнныхъ въ орлеанизмѣ, обвиняютъ въ томъ, что они выгоняютъ рабочихъ на улицу съ цѣлью возбудить неудовольствіе противъ правительства. Съ другой стороны множество работниковъ въ октябрѣ отказались платить за квартиру, говоря: мы не можемъ и не хотимъ платить! Это было сказано такъ рѣшительно, что домовладѣльцы не посмѣли настаивать.

Въ Ланкаширѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нужда становится чувствительною. Въ Стоквитѣ на 16,000 фабричныхъ только одна четвертая часть работаютъ всю недѣлю; до четырехъ тысячъ рабочихъ остаются безъ пристанища. Въ манчестерскомъ округѣ болѣе 100,000 человѣкъ не находятъ работы. Въ многолюдномъ Сентъ–Этьенѣ большая часть работниковъ зарабатываютъ только по 50 сантимовъ на день. Торговля совершенно упала въ сѣверныхъ и южныхъ провинціяхъ Соединенныхъ Штатовъ; частная промышленность устремлена на военныя снаряженія, и болѣе 800 тысячъ здоровыхъ и сильныхъ людей отрываются отъ производительныхъ работъ, чтобы пускать другъ въ друга пули.

И въ такую-то критическую минуту французская администрація рѣшается сдѣлать заемъ. Проэктъ уже составленъ и только не рѣшено, какую сумму назначить. Между тѣмъ правительство присвоило себѣ монополію химическихъ спичекъ и будетъ пріобрѣтать по 20 милліоновъ въ годъ; кромѣ того правительство думаетъ наложить новыя подати на оптовую и мелкую торговлю. Нужно думать, что правительство находится въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, или прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, и дѣйствительно посвященные полагаютъ, что нужды администраціи простираются до 400 милліоновъ, сверхъ предвидѣннаго бюджета на 1900 милліоновъ.

Все это еще не такъ важно, если бы не было предположенія, что правительство запуталось въ лабиринтѣ своей внутренней и внѣшней политики и не знаетъ, что ему дѣлать и какъ лавировать между Англіею, Италіею, Пруссіею, Швейцаріею, Венгріею, Молдаво-Валахіею, Черногоріею, Турціею, Бельгіею, Женевою, Китаемъ, Кохинхиною и Мадагаскаромъ; а тутъ еще союзы сѣверный и южный, мексиканская экспедиція, интрига въ Никарагуа, да іезуиты, галиканцы и псевдо-галиканцы, да еще легитимисты, буржуа, республиканцы, бонапартисты, папа, г. Гойонъ, г. Меродъ, Мюратъ, Францискъ II, Викторъ Эмануилъ и пр. и пр.

И потомъ, что нужно сдѣлать, чтобы удивить свѣтъ какой нибудь идеей, или неожиданнымъ либерализмомъ, государственнымъ переворотомъ, или же какою нибудь войною? И при этомъ когоже слушать, г. де-Персиньи, Морни, Фульда, Тувенеля, или Валевскаго; а взаимная сила притяженія между этими государственными особами напоминаетъ изрѣченіе Альфонса Карра: «Когда сдружаются двѣ дамы, то навѣрное для того, чтобы составить заговоръ противъ третьей» и они имѣютъ неосторожность посвящать публику въ тайны изъ привязанностей и маленькихъ домашнихъ сценъ. Такимъ образомъ черезъ посредство журналовъ *Constitutionnel*, *Pays и Patrie* они именуютъ себя Баши-Бузуками; а Персиньи, пользуясь своимъ положеніемъ, нападаетъ на прозу своего сотоварища Тувенеля. Отъ этого смятенія вверху, въ нижнихъ инстанціяхъ происходили безпорядки: добрые люди путались, сталкивались, наряжались, срывали маски одинъ съ другаго и тормошили другъ друга. Ливреи, штиблеты, жилеты и бѣлыя шляпы летали въ воздухѣ какъ метелки и метлы. Въ этомъ содомѣ, гдѣ вращались Лафнёръ, Пикаръ и Бургиньонъ, Гранъ-Гильо и Гро-Гильомъ, обыкновенный человѣкъ терялся и не зналъ куда ему смотрѣть. Изъ всего этого мы поняли только то, что одна изъ современныхъ личностей снова появилась на публичной сценѣ; это слишкомъ извѣстный *Bourgeois de Paris*, жирный и растерзанный господинъ, султанъ закулиснаго міра, Веронъ, наконецъ, такъ какъ ужъ его нужно назвать *Mimi-Véron*. Бывшій директоръ театра сдѣлался директоромъ общественной нравственности въ аптекѣ журнала *Constitutionnel*. Кушая пирогъ съ трюфелями, онъ на жирной бумагѣ сообщаетъ свое исповѣданіе вѣры, Соперникъ его, графъ Артуръ-де-ла-Героньеръ, взялъ еще самъ для себя псевдонимъ M-r de la Ponterie для того, чтобы наговорить кучу непріятностей г. де-Персиньи. Гранье, изъ Касаньяка, продолжаетъ *Journal de l'Empire*, продолжаетъ отправлять свою прежнюю должность командира Негровъ. Рукояткой своего бича онъ приводитъ въ движеніе простодушнаго Полена Лимейрака, такъ хорошо воспѣтаго творцомъ сатирическихъ одъ (odes funambulesques).

Si Limayrac devenait fleur,
Je le mettrais dedans un vase,
Et quelquefois avec extase,
Je l'aplatirais sur mon coeur!

Изъ этого перечня неблагозвучныхъ именъ можно видѣть, что французская оффиціальная пресса очень бѣдна и что изъ нѣсколькихъ тысячъ литераторовъ она выбрала только любителей кутежа; все же, остальное такъ или иначе пускается въ оппозицію. Этотъ порядокъ вещей будетъ имѣть важныя послѣдствія, но въ настоящую минуту важность эта относительна. Люди, имѣющіе какія нибудь политическія убѣжденія, составляютъ самое ничтожное меньшинство,—меньшинство дѣйствительно дѣятельное и шумное, которое кончитъ тѣмъ, что расшевелитъ массы равнодушныхъ; а надо принять въ соображеніе то, что полноправныхъ гражданъ всего нѣсколько тысячъ и что на нихъ приходится нѣсколько милліоновъ людей, платящихъ подати и занимающихся исключительно уборкою хлѣба, сѣнокосовъ, сѣяньемъ травъ, выбойкою ситца, печеньемъ хлѣба, охотой, или билліардомъ, словомъ страстью пріобрѣтать, или тратить деньги. Если всѣ аристократіи богатства, таланта и умственной работы скорѣе враждебны правительству, зато его непосредственно поддерживаетъ буржуазія, изъ страха ко всякой перемѣнѣ, рабочій классъ, трудящійся 5 дней и пьющій 2 дня въ недѣлю, крестьяне, потому что они обогащаются повышеніемъ цѣны на предметы первой необходимости, и еще армія, гордая своими лаврами и мечтающая о новыхъ побѣдахъ. Въ настоящее время общественное положеніе можно изобразить слѣдующимъ образомъ: государство раздѣлено на двѣ партіи, чудовищно-неравныя. Съ одной стороны партія людей мыслящихъ, но раздѣленныхъ самыми разнообразными убѣжденіями. Съ другой стороны партія матеріальная, дѣйствующая своею огромною силою инерціи. И посреди этого правительство всемогущее, но поставленное въ затруднительное положеніе.

Говорятъ, что императоръ нѣсколько разъ запрещалъ, чтобы при немъ не говорили о полновѣсномъ римскомъ вопросѣ. И когда Ратацци умолялъ его положить конецъ этому ложному, непріятному и разорительному положенію, онъ отвѣчалъ на это: «Поступайте такъ, какъ будто бы Рима не было на свѣтѣ. Занимайте вашъ парламентъ, чѣмъ только можно!—Подождите, подождите!» Да дѣло-то не ждетъ; доказательствомъ тому служитъ каменьщикъ, который слетѣлъ съ подмостковъ строившагося зданія и думалъ про себя во время своего полета: «Покуда идетъ не дурно, но что будетъ дальше»!

Послѣдній циркуляръ министра противъ общества Saint-Vincent de Paul и противъ масоновъ былъ весьма поучителенъ. Циркуляръ этотъ обнаружилъ опасенія правительства, чтобы не распространился

iезуитскiй разсадникъ и не опуталъ бы всей страны сѣтью паутинъ. По поводу этого циркуляра французская либеральная партiя имѣла случай доказать еще разъ, что она сочувствуетъ всѣмъ мѣрамъ, направленнымъ противъ свободы, лишь бы только эти мѣры были предприняты во имя равенства и чисто наружнымъ образомъ устремлены противъ утѣснителей. Въ Англiи свобода пустила глубокiе корни, при полномъ отсутствiи общественнаго равенства, которое насъ поражаетъ, а между тѣмъ неравенство это принесло свою долю пользы въ общественномъ развитiи. Во Францiи мы всѣ только и бредимъ равенствомъ, но какъ только обнаружится гдѣ нибудь зародышъ свободы, мы пугаемся и, во имя равенства, клеймимъ его чудовищнымъ. Этимъ объясняется все, что произошло. Еслибы только iезуиты пострадали! Но нѣтъ, они всегда найдутъ опору въ мѣстныхъ начальствахъ, которыя имъ подвластны; поплатятся одни лишь либералы, потому что право ассоцiацiи будетъ еще болѣе ограничено; а эти наивные люди будутъ потирать себѣ руки и приговаривать: «Отлично! Бейте насъ хорошенько, не стѣсняйтесь; но только не жалѣйте iезуитовъ».

Правительство, какъ бы въ вознагражденiе за циркуляръ, сыграло съ конгрегацiей шутку, которая всѣхъ порадовала:

Въ прошломъ году епископы праздновали разбитiе папскихъ войскъ подъ Кастельфидардо наряду съ великимъ торжествомъ; они собрали вѣрующихъ католиковъ, отслужили торжественную панихиду о убитомъ г. Пимоданѣ, и въ громкомъ панегирикѣ прославили память воиновъ, положившихъ животъ за религiю и за папскiй престолъ. Такимъ же образомъ, въ Пуатье его преподобiе Пiй приказалъ звонить въ большой колоколъ святой Радегонды, въ честь нѣкоего Жикеля, человѣка болѣе чѣмъ сомнительной репутацiи, котораго папа вмѣстѣ съ комитетомъ легитимистовъ завербовалъ въ числѣ разныхъ другихъ лицъ для кампанiи Ламорисьера. Человѣкъ этотъ не измѣнилъ своей жизни, все такъ же кутилъ и пьянствовалъ, несмотря на святость той идеи, которую былъ призванъ защищать, несмотря на присутствiе святаго отца и высокопреосвященныхъ кардиналовъ, несмотря на свѣтъ благодати святости, разлитой въ вѣчномъ городѣ; на грѣшника не оказали никакого влiянiя ни добродѣтели Антонелли, ни благословенiя и всепрощенiя, снизошедшiя на его голову. Герой этотъ не былъ ни при Кастельфидардо и ни при какомъ другомъ дѣлѣ, но не преминулъ возвѣстить своимъ покровителямъ, что онъ былъ раненъ въ правую ногу, контуженъ въ

лѣвую и пр.; а одинъ изъ его товарищей запечаталъ письмо чернымъ сургучемъ и подписалъ на конвертѣ трагическое: умеръ! умеръ! Фарсъ этотъ удался какъ нельзя лучше и iезуиты выказали неподражаемую наивность. Преподобный Пiй, корифей французскихъ легитимистовъ и непримиримый врагъ его величества, съ восхищенiемъ принялъ *кровавое прощанье* казарменнаго шута. Онъ взошелъ на *каѳедру истины* и въ великолѣпной риторической декламацiи привелъ цитаты изъ апокалипсиса, Горацiя и Боссюэ и наконецъ вознесся до недосягаемыхъ пространствъ эмпирея. Мы не хотимъ упустить случай передать нѣсколько отрывковъ изъ этой прекрасной рѣчи:

«Я умираю, говоритъ онъ, я умираю и вручаю наше правое дѣло Господу! *Наше дѣло!* Какъ это благородно, какъ это высоко, какъ это истинно! Онъ правъ, дитя Гоменска, незнатный бретонскiй столяръ, право папства, это его право, право всѣхъ вѣрующихъ, право каждаго изъ крещеныхъ, право всего свѣта. Чадо мое, ты въ этомъ не усомнился!»

«На смертномъ одрѣ ты отрѣшился отъ самого себя и преобразился въ героя, въ гиганта, когда говорилъ эти слова: «я умираю и вручаю наше правое дѣло Господу! Томасъ Кентерберiйскiй, подъ мечомъ своихъ палачей, не сказалъ ничего болѣе высокаго. Дитя, Господь услышалъ тебя и принялъ твое завѣщанiе. Наше дѣло — его дѣло; оно въ его десницѣ и мы восторжерствуемъ, когда ему будетъ угодно.»

«Этотъ сынъ Бретаньи умеръ за религiю и воспарилъ къ небу, къ своему отечеству. Да послужитъ смерть его урокомъ для королей, урокомъ для императоровъ». (Здѣсь голосъ возвышается и становится торжественно-гнѣвнымъ). «Урокомъ для народовъ! И если народы и императоры (!!) не обратятъ на это вниманiя, если по стеченiю обстоятельствъ, не дѣлающихъ чести нашему времени, совѣты Европы не могутъ возвыситься до религiознаго и политическаго завѣщанiя, высказаннаго нашимъ умирающимъ героемъ»... (далѣе журналы не посмѣли перепечатывать).

«Мы желаемъ, чтобы тебѣ воздвигли памятникъ на холмѣ Тибура, гдѣ ты лежишь не на свѣжемъ дернѣ и не въ спокойномъ положенiи поэта: *Udum Tibur*, *Saepinum Tibur*, но въ окровавленномъ саванѣ, въ одеждѣ мученика. Надгробная надпись»... etc. etc.

Слова эти раздавались еще въ *священномъ собранiи* (sic), между тѣмъ какъ мученикъ вѣры садился на пакетботъ и возвращался во

Францію, для того, чтобы эксплуатировать свою раненую ногу передъ католическимъ духовенствомъ и ханжами обоихъ половъ; и что онъ пожиналъ при монастыряхъ, то растрачивалъ въ дурныхъ мѣстахъ. Въ это время полиція слѣдила за нимъ, и когда набралось достаточно уликъ, его предали суду подъ тройнымъ обвиненіемъ въ бродяжничествѣ, въ испрашиваніи подаянія и въ подложной панихидѣ; это послѣднее обвиненіе, прочитанное вслухъ наряду съ другими, имѣло великолѣпный успѣхъ. Луи Рене Жикель, умершій за дѣло господне, выслушалъ приговоръ, присудившій его къ 13-ти-мѣсячному заключенію и къ штрафу въ 5 франковъ, и удалился, ухмыляясь и переваливаясь съ боку на бокъ.

Считаемъ нужнымъ сообщить еще разные таинственные слухи, распространившіеся о великихъ событіяхъ, которыя должны совершиться въ роковое число 2 декабря. Намъ даютъ почувствовать:

«Что Фульдъ возвратится къ дѣламъ, получитъ безграничное вліяніе и украсится титуломъ *архиказначея* (architrésosier) казны, которая пополнится будущимъ займомъ въ милліардъ или въ 600 милліоновъ.

«Что будетъ учрежденъ налогъ на торговлю и на химическія спички».

«Что обязательства государственнаго долга въ $4^1/_2\%$—будутъ перемѣнены на трехпроцентныя обязательства.

А самое главное политическое событіе,—это, конечно, дозволеніе законодательному корпусу обсудить бюджетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Говорятъ, что женщина навѣрное ведетъ себя хорошо, если только о ней не говорятъ; навѣрное можно сказать точно также, что народы счастливы, если они не занимаютъ собою современной исторіи. Съ этой точки зрѣнія, мы съ сожалѣніемъ станемъ говорить о Португаліи, лишившейся своего молодаго короля Дона Педро II, внезапно умершаго отъ тифозной лихорадки. Онъ былъ искренно приверженъ къ конституціи и смерть его вызвала неподдѣльное горе, несмотря на то, что его братъ и наслѣдникъ, 23-хъ–лѣтній Донъ Лудовикъ I, пользуется уже значительной популярностью.

Въ Испаніи сессія кортесовъ началась. Королева Изабелла ознаменовала это засѣданіе рѣчью, наполненною длинными и запутанными изрѣченіями, которыя одни только министры и умѣютъ составлять. Сколько неожиданныхъ новостей открывается намъ въ этихъ рѣчахъ, если только намъ удастся понять изъ нихъ что нибудь! Такимъ обра-

зомъ мы узнаемъ, что всѣ католическія державы, т. е. Испанія, Португалія, Франція и Австрія, вѣроятно соединившись съ Викторомъ Эмануиломъ, нашли средства оградить независимость святаго отца! Мы узнаемъ еще, что республика Санъ-Доминго, влекомая неотразимою любовью, снова бросилась въ объятія своей бывшей метрополіи, которая съ истиннымъ самопожертвованіемъ снова приняла ее въ подданство. Министерство О'Доннеля извѣщаетъ, тоже устами королевы, что оно будетъ стараться обезпечить строгими законами свободное книгопечатаніе и свободное выраженіе общественнаго мнѣнія. Въ заключеніи оно призываетъ благословеніе божіе на свои дѣла и помышленія и съ умиленіемъ говоритъ о всѣхъ благахъ и великихъ подвигахъ, которыми Провидѣніе наградитъ его!

Мы знаемъ, какіе великіе подвиги совершаетъ, если не Испанія, то по крайней мѣрѣ министерство О'Доннеля: внутри страны заключаютъ и разстрѣливаютъ подозрѣваемыхъ инсургентовъ; арестуютъ людей, обвиненныхъ въ прочтеніи какого нибудь демократическаго журнала и начинаютъ съ того, что требуютъ отъ обвиняемыхъ свидѣтельства въ томъ, что они исповѣдывались и причащались. Извнѣ министерство продолжаетъ угрожать слабымъ, и его самохвальство обходитъ кругомъ всего свѣта. Недавно испанскій военный корабль вошелъ въ гавань Монровію, столицу негрской республики Либеріи; капитанъ корабля взялъ лоцмана съ берега, велѣлъ указать себѣ мѣстность, потомъ, вошедши въ рейдъ, помѣстился гдѣ нужно и далъ залпъ по городу. Ему стали отвѣчать тѣмъ же самымъ съ крѣпости, существованіе которой Испанецъ и не подозрѣвалъ; корабль былъ поврежденъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ и счелъ за нужное удалиться какъ можно скорѣе. Мы думаемъ, что тѣмъ дѣло и кончится, потому что у Негровъ Либеріи есть пушки и они умѣютъ съ ними обходиться.

Вопросъ итальянскій кажется уже исчерпаннымъ; онъ былъ обсуженъ со всѣхъ сторонъ, все было высказано, но ничего еще не сдѣлано. Юная Италія такъ еще слаба противъ трехъ враговъ: папства, Австріи и, — сознаемся откровенно, — французской политики. И всѣ три враждебныя силы поселились въ самомъ сердцѣ страны: изъ этихъ силъ самая страшная конечно ватиканская; изъ двухъ же остальныхъ не смѣемъ рѣшить, которая болѣе опасна: та ли, которая занимаетъ четыреугольникъ, или та, которая держится въ римскихъ казармахъ. Съ прошлаго мѣсяца дѣла нисколько не подвинулись впередъ: Рика—

соли съ каждымъ днемъ теряетъ силы, Ратацци не рѣшился еще ни замѣнить его, ни присоединиться къ нему; онъ самъ не знаетъ, что бы сталъ дѣлать на мѣстѣ преемника Кавура, а потому ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ ему свое драгоцѣнное содѣйствіе. Частью въ свою пользу, а частью и для Рикасоли онъ прибылъ въ Парижъ для переговоровъ съ «великодушнымъ союзникомъ Италіи». Мы уже говорили объ отвѣтѣ императора французовъ: «пусть Италія поступаетъ такъ, какъ будто бы Римъ не существовалъ.» Получивъ это посланіе, Рикасоли, говорятъ, воскликнулъ: «Стало-быть, онъ хочетъ уничтожить самое папство?» Посмотримъ, что-то будетъ.

При раздражающемъ сопротивленіи императора, главные руководители общественнаго мнѣнія въ Италіи стараются обратить на Венецію умы, возбужденные дѣлами Рима; императоръ предписываетъ военному министерству готовить армію къ началу марта, и, основываясь на этомъ, Италіянцы расчитываютъ, что императоръ хочетъ покончить дѣло съ Австріей, прежде чѣмъ начать дѣло съ Римомъ. Порученіе, данное Грамону къ вѣнскому кабинету подтверждаетъ, повидимому, ихъ догадки, и они увѣрены въ томъ, что Наполеонъ предложетъ Австріи уступить Венецію и взять себѣ взамѣнъ славянскія области на востокѣ, но такого рода предложеніе не можетъ быть принято. Кошутъ также совѣтуетъ министерству обратить вниманіе на Венецію, и въ письмѣ, о которомъ много толковали, онъ умоляетъ Италію напасть на Австрію, чтобы помѣшать ей разорить Венгрію. Армія держится того же мнѣнія и жаждетъ освободить отечество отъ иностраннаго ига. Въ нѣсколькихъ гарнизонахъ солдаты волновались и кричали: «Войну, войну, или пусть насъ распустятъ!» А между тѣмъ организація арміи подвигается очень медленно, по милости министровъ Фанти, Куджіа и Ла-Мармора, которые смотрятъ на солдата какъ на необходимую принадлежность ружья и портупеи; эти господа способны потратить нѣсколько мѣсяцевъ времени для того, чтобы придумать новую форму солдатской шинели. Матеріала много, говорятъ они, достало бы и на двѣ кампаніи; такимъ образомъ заготовлено уже 500,000 мундировъ, а между тѣмъ даже къ веснѣ не наберется и 300,000 потребителей на эти мундиры. Въ настоящее время спохватились, да уже слишкомъ поздно, и стали жалѣть объ арміи гарибальдійскихъ волонтеровъ, съ которыми прежде поступали такъ оскорбительно и несправедливо; ктому же ненадо забывать, что въ бюджетѣ сохранилось бы 20,000,000 франковъ. Кон-

скрипція идетъ очень хорошо въ Ломбардіи и Тосканѣ, хорошо въ Сициліи, очень дурно въ Пармѣ и Моденѣ; церковныя власти пользуются отвращеніемъ народа отъ военной службы, возстановляютъ его противъ агентовъ Виктора Эмануила и не выдаютъ ревизскихъ сказокъ, находящихся въ ихъ рукахъ, ни гражданскимъ чиновникамъ, ни офицерамъ. По крайней мѣрѣ мы можемъ сообщить, что морскія силы Италіи значительно улучшаются, и что иниціатива этого преобразованія принадлежитъ министру Менабреа. Поняли стратегическую и географическую необходимость, а еще болѣе коммерческую важность мореходства для будущей Италіи.

Въ Неаполѣ, благодаря его союзу съ крайнею партіею, Чальдини успѣлъ разъяснить положеніе дѣлъ, и успѣхъ его былъ такъ великъ, что это даже не понравилось туринскимъ властямъ. Они воспользовались его блестящими успѣхами, и послали на его мѣсто Ла-Мармора, желая уничтожить намѣстничество и произвести болѣе тѣсное административное соединеніе южныхъ провинцій съ остальными частями Итальянскаго королевства. Поспѣшность эта не понравилась Неаполитанцамъ, корорые вовсе не довѣряютъ Пьемонтцу Ла-Мармора. Разбойники снова начинаютъ появляться, но о нихъ мало говорятъ, хотя комитеты легитимистовъ въ Неаполѣ, Римѣ и Марселѣ высаживаютъ ихъ на берега цѣлыми сотнями, если вѣрить ихъ побѣдоноснымъ телеграммамъ. Говорятъ, что разбойникъ Крокко (?) убитъ; Ципріано-далла-Гала все еще держится; но генералъ Рокко Петрильо взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба. Петрильо уже давно поступилъ въ ряды легитимистовъ; 16 лѣтъ тому назадъ его уже встрѣчали въ дѣйствіяхъ и онъ отличался подвигами и наклонностями *бурбониста* во время царствованія Фердинанда и Франциска II. Всѣ успѣхи, одержанные противъ этихъ защитниковъ вѣры, принадлежатъ блестящей кампаніи Чальдини, такъ что этотъ генералъ почти внезапно сдѣлался очень значительнымъ лицомъ въ Италіи. Три имени слышатся чаще всѣхъ, это—Рикасоли, Ратацци и Чальдини. Конечно, мы не говоримъ о Маццини и Гарибальди, которые въ своемъ величественномъ уединеніи нисколько не теряютъ своего громаднаго вліянія на дѣла Италіи. Не лишнимъ будетъ прибавить, что Чальдини не принялъ своего жалованья, въ 120,000 дукатовъ за три мѣсяца, и роздалъ его на разныя полезныя общественныя заведенія. «Онъ это дѣлаетъ съ умысломъ», былъ общій приговоръ.

Викторъ Эмануилъ подарилъ блаженному святому Януарію великолѣпное бриллiантовое ожерелье, наподобіе ожерелья Аннонціады. Дѣйствительно, король Италіи долженъ былъ вознаградить его за титулъ главнокомандующаго арміями Обѣихъ Сицилій, дарованный ему королями неаполитанскими. Несмотря на это благочестіе, туринское министерство рѣшилось на великій подвигъ, передъ которымъ оно отступало въ продолженіи цѣлаго года, а именно на закрытіе монастырей. Кромѣ того оно поддерживаетъ движеніе, возбужденное брошюрою Ливерани Пасагліа, который не сталъ дожидаться, пока его арестуютъ папскіе сбиры, и бѣжалъ къ Туринскому двору, что вовсе не понравилось мягкосердечному Pio Nono.

Голландскій кабинетъ призналъ Итальянское королевство, но съ большимъ недоброжелательствомъ, и просилъ не присылать представителя въ Гагу, говоря, что и онъ самъ никого не пошлетъ въ Туринъ. Бельгія, пользуясь роскошью либеральнаго министерства, вѣроятно поспѣшитъ признать новое королевство, существованіе котораго Бернсторфъ упорно продолжаетъ *игнорировать;* говорять также, что бельгійское министерство Фрера и Рожье намѣрено, если это окажется возможнымъ, отнять у духовенства право вмѣшиваться въ воспитаніе юношества.

Австрія дѣйствуетъ съ своей стороны и, кажется, успѣла уже возстановить въ нѣкоторыхъ частяхъ Венеціи народъ противъ аристократіи. Произошли значительные безпорядки при крикахъ: «да здравствуетъ Австрія! смерть аристократамъ!» и это происходило въ присутствіи австрійскихъ солдатъ и офицеровъ, которые съ улыбкою удовольствія слѣдили за всѣмъ движеніемъ. Неужели Австрія желаетъ повторить въ Венеціи то, что она сдѣлала въ Галиціи. Европа смотритъ на нее строгимъ, вопросительнымъ взоромъ.

Но не будемъ долго останавливаться на этомъ тяжеломъ впечатлѣніи и перейдемъ къ корреспонденціи изъ Венеціи, адресованной къ *Gazette des Tribunaux*; это грустная и трогательная исторія, исторія любви, имѣющая глубокій, политическій смыслъ:

«.... Одна молодая Венеціанка, отличавшаяся рѣдкою красотою, страстно любила отечество. Ея три брата служили волонтерами въ итальянской арміи. По несчастію, одинъ Венгерецъ, служившій юнкеромъ въ австрійскомъ полку, полюбилъ ее и вызвалъ въ ней равносильную, страстную любовь. Она призналась ему, что не полюбитъ никого другаго, но что никогда не отдастся человѣку, который го-

товъ поднять оружіе противъ ея отечества. Молодой человѣкъ много разъ умолялъ о свиданіи, но она всегда отказывыла ему, и наконецъ онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Станетъ ли у васъ рѣшительности и силы, чтобы убить меня? Если вы чувствуете въ себѣ эту рѣшимость, то я приду на свиданіе... Приду только съ этимъ условіемъ... Если вы мнѣ ничего не отвѣтите, значитъ вы приняли мое предложеніе и я могу расчитывать на вашу смѣлость!..» Отвѣта не было, и вечеромъ молодая дѣвушка приколола къ поясу букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ и пошла на свиданіе. На другой день на мѣстѣ свиданія, подлѣ глубокой рѣки, нашли воткнутыми въ землю, въ видѣ креста, шпагу и ножны Венгерца; кругомъ земля была усыпана ощипанными листьями цвѣтовъ. Слѣдуя по теченію рѣки, нашли трупы молодыхъ людей, крѣпко обнявшихся. Рука молодаго человѣка замерла подъ водою на корнѣ ивы, за который онъ схватился, съ очевиднымъ желаніемъ остаться на днѣ рѣки и поскорѣе покончить съ жизнью. У дѣвушки на поясѣ сохранился еще букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ....»

Съ тяжелымъ чувствомъ принимаюсь я снова за свою корреспонденцію. Но невольно передъ глазами рисуется глубокая рѣка; въ ней отражаются ясныя звѣзды; я вижу молодаго человѣка, въ послѣдній разъ склоняющаго голову на грудь обожаемой женщины; я слышу слова, полныя страсти, прощанье съ жизнью, съ любовью, съ отечествомъ, потомъ поцѣлуи долгіе, грустные, замирающіе... Потомъ плескъ, колыханье воды, и наконецъ страшная тишина.

Нѣтъ, я не оплакиваю эту ужасную смерть, я не возмущаюсь противъ слѣпой судьбы, я не обвиняю героиню въ ея героизмѣ, какъ не сталъ бы винить цвѣтокъ за его благоуханіе. Для страстной, любящей души пламя, которое ее сжигаетъ, не можетъ быть пыткой и смерть не можетъ быть мученіемъ; вѣдь можно же было медленно всадить въ грудь кинжалъ и сказать: «смотри, мнѣ совсѣмъ не больно!» И она говорила правду, мужественная Аррія! Въ рѣшительную минуту мы чувствуемъ новыя, невѣдомыя для насъ силы; ужасъ агоніи и страхъ разложенія смѣшиваются съ какими-то неясными, но могучими и торжественными ощущеніями. Добровольное приношеніе самого себя на жертву должно переходить въ самый высокій восторгъ, и подобная смерть есть полнѣйшее проявленіе жизни, въ тысячу разъ богаче ощущеніями, чѣмъ десятки лѣтъ наслажденій. Бѣдная утопленница, когда рѣка замутилась надъ тобою, когда кровавая темнота застилала тебѣ зрѣніе и жизнь твоя разбивалась, не видала

ли ты вдали, какъ въ колеблющемся туманѣ, Венецію свободною, торжествующею, счастливою? Бѣдная любовница, когда ты смотрѣла на это торжественное видѣніе, не умерла ли ты, согрѣтая лучомъ восторженнаго счастья?

Въ Вѣнской газетѣ напечатанъ императорскій декретъ, предписывающій впредь до новаго указанія судить въ Венгріи всякое преступленіе и нарушеніе законовъ военнымъ судомъ. Нечего и говорить, что сюда подходятъ всевозможныя подраздѣленія преступленій и ошибокъ, но нужно обратить вниманіе, что нѣтъ разграниченія между идеей и преступленіемъ. Въ то же время императоръ провозгласилъ распущеніе собраній палатинскихъ, муниципальныхъ и коммунальныхъ; отрѣшилъ состоящія власти отъ ихъ должностей и отдалъ Венгрію на руки графа Пальфи. Судьи, чиновники и администраторы будутъ наскоро назначены въ Вѣнѣ или Будѣ и отосланы въ Венгрію; всѣ они будутъ довѣренныя лица, точно исполняющія все, что имъ предписывается. Насъ торжественно увѣряютъ въ томъ, что, слѣдуя императорскому рескрипту, Венгрію не поставятъ на военное положеніе и не станутъ прибѣгать ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ; но что «временныя административныя учрежденія создаются для того, чтобы устранить препятствія, мѣшающія развитію тѣхъ великихъ принциповъ благонамѣренной свободы, которые управляютъ возобновленною Австріею...»

Далѣе офиціальная корреспонденція прибавляетъ: «что основываясь на послѣднемъ собственноручномъ рескриптѣ его апостолическаго величества, никто не можетъ усомниться въ твердой рѣшимости монарха не уклоняться отъ того пути, который онъ начерталъ себѣ въ отношеніи къ своимъ народамъ, даруя имъ конституціонныя права!»

Люди, согласные съ нами въ томъ, что простые анекдоты могутъ очертить положеніе страны, гораздо рельефнѣе, чѣмъ длинные отчеты казначействъ, съумѣютъ оцѣнить слѣдующіе разсказы:

— Одинъ бюрократъ изъ самыхъ значительныхъ былъ посланъ изъ Вѣны въ Венгрію для того, чтобы распустить какой-то мѣстный комитатъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ передавалъ по телеграфу результаты своей миссіи: «Совѣтъ распущенъ. Вліяніе императорскаго правительства возстановлено. Всеобщій восторгъ. Совершенная тишина. Veni, vidi, vici!»

— Эрцъ-герцогъ Ренье учится читать и писать по-мадьярски.

Въ высшихъ кругахъ поговариваютъ о томъ, что его облекутъ саномъ Палатина Венгріи».

— Пишутъ изъ Вешприна: «Спѣшимъ сообщить очень странный случай помѣшательства. Одна женщина, въ которой сначала не замѣчали ничего, кромѣ расположенія къ меланхоліи и къ уединенію, внезапно вообразила себѣ, что Гарибальди съ своими героями вторгается въ Венгрію и что она сама поступила гусаромъ въ ряды инсургентовъ. Она вскочила на лошадь и кричала собравшейся вокругъ нея толпѣ: «впередъ, барабанщики, впередъ! Вотъ гусаръ скачущій навстрѣчу къ Гарибальди!» На эту несчастную только и могли подѣйствовать барабаннымъ боемъ, для того чтобы убѣдить ее сѣсть въ карету, но она все-таки помѣстилась на козлахъ, махала своимъ платкомъ вмѣсто знамени и кричала по-мадьярски: «Да здравствуетъ Венгрія! да здравствуетъ Гарибальди! Впередъ, гусары, впередъ!»

— Въ гановерскихъ журналахъ напечатано: «Для того, чтобы заявить какъ можно ярче свое расположеніе къ системѣ корпорацій, король и королевскій принципъ причислились къ самому древнему цеху во всемъ королевствѣ, а именно къ цеху сапожниковъ».

— Вѣроятно, изъ желанія послѣдовать примѣру своихъ царственныхъ родственниковъ, принцъ Альфредъ Англійскій соблаговолилъ поступить въ сословіе адвокатовъ, и отнынѣ будетъ носить титулъ *Bencher'a* и принца Валлисскаго. Его воспріемниками были: старый лордъ Брумъ въ своемъ канцлерскомъ одѣяніи, лордъ Кляйдъ, бывшій главнокомандующій индійской арміи, и фельдмаршалъ герцогъ Кэмбриджскій; но они не плясали и не прыгали вокругъ потѣшнаго огня, какъ того требуетъ обычай.

— Официальный журналъ герцогства Саксенъ-Мейнингенъ извѣщаетъ насъ, что областной совѣтникъ (Landrath) Антонъ Фердинандъ фонъ Крозигъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіе управляющаго министра съ титуломъ превосходительства. Ему вручено управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и завѣдываніе дворомъ великаго герцога; онъ будетъ также управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, до назначенія новаго министра.

— До насъ дошла изъ Германіи еще вотъ какая новость: его превосходительство г. Бейстъ, для котораго вся высшая дипломатія Европы такъ же ясна и проста, какъ игра въ трикъ-тракъ, оказался авторомъ одного проэкта, оставленнаго разумѣется втунѣ; проэктъ этотъ клонился къ тому, чтобы измѣнить составъ сейма и устано-

*

вить *трехчленную* или *тройственную* коммиссію, назначенную отъ Пруссіи, Австріи и другихъ государствъ Германіи; эта тріада должна будетъ засѣдать попеременно, то на сѣверѣ, подъ предсѣдательствомъ Пруссіи, то на югѣ, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Не стараясь вникнуть въ тайные замыслы этого великаго саксонскаго дипломата, мы скромно предполагаемъ, что его цѣлью было воспрепятствовать болѣе дѣйствительной реформѣ сейма, или же какъ нибудь въ тихомолку насолить Пруссіи, — впрочемъ, кто въ состояніи изслѣдовать эту дипломатическую глубину?

Въ Пруссіи главнѣйшимъ событіемъ за этотъ мѣсяцъ была коронація короля Вильгельма I въ Кенигсбергѣ. Лѣтописцы достаточно описывали эту церемонію. Сильное впечатлѣніе произвело на зрителей то, что въ торжественную минуту показалось солнце и освѣтило все великолѣпное собраніе и богатую золотую корону, усыпанную бриллiантами и рубинами, которую король взялъ въ руки, призывая въ свидѣтели самого Господа нашего Іисуса Христа. При коронаціи присутствовали важныя государственныя лица, полковники всѣхъ прусскихъ полковъ, призванныхъ преимущественно для присяги, посланники всѣхъ европейскихъ державъ, одинъ изъ австрійскихъ эрцъ герцоговъ, лордъ Кларендонъ, герцогъ Мадженскій, богатый баронъ Сина и г. делла-Рокка, принятый какъ посланникъ отъ короля Виктора Эммануила, а не отъ итальянскаго короля, потому что Пруссія сильно держится за этикетъ.

Послѣ коронаціи былъ торжественный въѣздъ короля Вильгельма въ Берлинъ; въѣздъ этотъ можно сравнить съ тріумфомъ римскаго императора, возвращающагося послѣ славной побѣды. Привѣтствія, гимны религіозные и политическіе, звонъ во всѣ колокола, пушечная стрѣльба, музыка, священники, бургмейстеры, дипломаты, военные чины, собранные со всѣхъ концевъ королевства, корпораціи, и впереди всѣхъ мясники облеченные въ свои средневѣковые принадлежности; иллюминаціи, прогулки при факелахъ, все это надолго сохранится въ памяти Берлинцевъ, тѣмъ болѣе, что празднество кончилось очень непріятнымъ происшествіемъ. Нѣкій мужъ, гуляя по городу, увидѣлъ случайно какъ его жена пробиралась потихоньку въ улицу Кёнигсмауеръ, извѣстную по самой дурной репутаціи, и вошла въ одинъ домъ, гдѣ и заперлась, не обращая никакого вниманія на требованія и настоянія мужа. Собралась шумная толпа и возбужденная жалобами покинутаго мужа, приняла сторону супружеской власти и разгромила 4 дома для того, чтобы добраться до виновной. Наконецъ нашли нуж-

нымъ для безопасности жителей разставить солдатъ по всей улицѣ, которая вскорѣ покрылась баррикадами. Борьба приняла серьезный характеръ и продолжалась нѣсколько часовъ; дѣло дошло до оружія и кончилось торжествомъ: закона, полиціи. Многіе были ранены, другіе арестованы.

Но оставимъ эти болѣе чѣмъ грубыя подробности, безъ которыхъ по несчастію не можетъ обходиться истинная исторія; она поневолѣ не такъ строго соблюдаетъ приличія, какъ ея названная сестра, исторія условная. Отъ этой грязи обратимъ наши взоры къ ярко-вычищеннымъ ботфортамъ французскаго маршала, сіяющаго съ ногъ до головы. Герцогъ Маджентскій былъ предметомъ особеннаго вниманія со стороны ихъ прусскихъ величествъ и считался ихъ *фаворитомъ*. Онъ совершенно затмилъ лорда Кларендона, который истратилъ на галуны и на прислугу только 250,000 франковъ. Что же касается герцога Маджентскаго, то онъ присоединилъ блескъ своего туалета къ блеску своихъ побѣдъ: ему предоставленъ неограниченный кредитъ на лошадей, каретъ, лакеевъ и поваровъ. Балъ герцога Маджентскаго, на которомъ присутствовали ихъ величества, по великолѣпію своему превосходитъ всякое описаніе. Зимній садъ, въ которомъ былъ устроенъ банкетъ, блисталъ тысячами огней, золочеными пальмами и разноцвѣтными фонарями. Эти богатства могли бы затмить сказки Тысячи и одной ночи, свести съ ума бѣдныхъ ткачей изъ Лилля и Рубе. Шесть огромныхъ столовъ были украшены цвѣтами, купленными въ Парижѣ, лучшими винами и гастрономическими рѣдкостями. Для низшей публики были приготовлены окорока, бараны и козлята. Герцогъ и герцогиня получили болѣе 6,000 писемъ, въ которыхъ прусская публика напрашивалась на приглашеніе. Разсказываютъ, что многіе дворянчики, не находя другихъ средствъ, поступили въ оркестръ, скрипачами, кларнетистами или барабанщиками, для того, чтобы, въ награду за труды свои, поглазѣть на всѣ эти чудеса роскоши. Когда герцогъ Маджентскій выѣзжалъ на гулянье въ своей богатой каретѣ, народъ привѣтствовалъ его громкими криками: «виватъ и ура»! которые болѣзненно отдавались вплоть до самой Вѣны, гдѣ стали замѣчать не безъ нѣкотораго основанія, что генералъ Макъ Магонъ германскою кровью смылъ съ себя свое плебейское происхожденіе. Покуда остальная Германія держится въ сторонѣ; свиданіе въ Компьенѣ на нѣсколько времени до такой степени очаровало иныхъ политиковъ, что они стали совѣтывать імперататору Наполеону ра-

зорвать союзъ съ Англіей и вступить въ тѣсную дружбу съ любезною Пруссіей.

Все это не слишкомъ-то серьезно, да и на будущее ничего не обѣщаетъ; однако этого достаточно, для того, чтобы встревожить австрійское правительство, которое сильно опасается новой войны къ веснѣ и новаго нейтралитета со стороны Пруссіи! Да и можетъ ли она ожидать чего нибудь лучшаго отъ державы, о которой основатель новѣйшей австрійской политики выразился такимъ образомъ: «Надо унизить Пруссію, а потомъ ее уничтожить».

Кромѣ значительнаго бюджета войны на 1862 годъ, прусское министерство продолжаетъ обѣщать намъ проэкты узаконеній на будущее засѣданіе; но, какъ и всегда, дѣло заставитъ себя долго ждать. Многіе не знали какъ благодарить министерство, за его намѣреніе ввести реформу въ верхнюю палату и изъ девяноста засѣдающихъ дворянъ оставить 41; но реформа эта будетъ приведена въ исполненіе, по мѣрѣ того, какъ члены верхней палаты будутъ умирать: нужно будетъ ждать, пока 50 лишнихъ членовъ перейдутъ естественнымъ образомъ изъ этой жизни въ замогильную. Это, конечно, уже значительное улучшеніе, но для того, чтобъ вѣрнѣе оцѣнить, достаточно ли оно, мы изложимъ вкратцѣ всѣ причины неудовольствія Пруссіи и ея *pia desirata*:

Прежде всего Пруссія недовольна чрезмѣрнымъ вліяніемъ сельскаго дворянства, которое, въ качествѣ начальниковъ полиціи въ своихъ участкахъ, пріобрѣло надъ сельскимъ населеніемъ неограниченную власть безапелляціонныхъ судей. И насколько власть эта даетъ имъ возможнось притѣснять и угнетать, трудно даже себѣ представить. Жалуются еще, что совѣты областные и провинціальные находятся также во власти этого дворянства, которое, пользуясь своимъ вліяніемъ, произвольно и неравномѣрно распредѣляетъ налоги. Жалуются на то, что высшая администрація утверждаетъ во главѣ каждой провинціи какую-нибудь реакціонную власть. Жалуются на протестантскій іезуитизмъ, который завладѣлъ всѣми лучшими должностями и пріобрѣлъ благосклонность всѣхъ вліятельныхъ лицъ. Боятся, чтобы піетизмъ, наподобіе французскаго обскурантизма, не повредилъ бы первоначальному образованію, составляющему лучшую славу Пруссіи, идеалъ, до котораго либеральная Франція отчаявается достигнуть. Жалуются, что въ конституціонномъ государствѣ верховное управленіе церковными дѣлами состоитъ въ совершенной независимости отъ министерства.

Жалуются еще на многое, и между прочимъ на бюрократію, которая отдаетъ каждаго прусскаго гражданина въ полную власть регистратуры. Эта бюрократія все задерживаетъ, всему мѣшаетъ, все портитъ, всюду суеся. Реакціонная, она мѣшаетъ націи обновиться подъ дыханіемъ свободы. Составляя четвертую власть въ государствѣ, она въ сущности гораздо сильнѣе самого короля. Бюрократія произноситъ свое *veto* надъ каждой мѣрой, въ которой проглядываетъ либерализмъ, и еслибы король Вильгельмъ рѣшился на какой-нибудь самовластный государственный переворотъ, то ему не нужно было бы смѣнять ни одного чиновника, потому что по принципу государство признаетъ не столько власть закона, сколько добрую волю короля, т. е. самовластіе большихъ и малыхъ администраторовъ. Максъ Дункеръ, тюбингенскій профессоръ, выразился очень вѣрно, говоря, что при бюрократіи представительныя собранія должны сдѣлаться или ничтожными, или наступательными. Надо одно изъ двухъ: или чтобы чиновники подчинились закону, или чтобы законъ подчинился имъ. Такъ какъ причины неудовольствія достаточно дознаны, то Пруссія проситъ только отмѣны злоупотребленій, усиленія законности, учрежденія гражданскаго брака и уничтоженія всѣхъ исключительныхъ законовъ въ дѣлѣ взиманія податей, въ полицейскомъ управленіи и въ судопроизводствѣ. Она требуетъ, чтобы чиновникъ повиновался закону и только закону, чтобы гражданина защищали отъ чиновника точно также, какъ его теперь защищаютъ противъ вора. Она требуетъ, чтобы законное преслѣдованіе преступленія не было официальною монополіею министерскаго чиновника, но чтобы оно составляло естественное право и прямую обязанность каждаго гражданина. Она требуетъ, чтобы дѣло, завязавшееся между простымъ гражданиномъ и военнымъ, не было обсуждаемо отдѣльно гражданскимъ и военнымъ судомъ. Она требуетъ одной великой вещи, въ которой совокупляется множество мелкихъ вещей,—именно, чтобы всѣ граждане прусской монархіи были равны передъ однимъ общимъ закономъ, который долженъ заступить мѣсто многихъ, существующихъ въ настоящее время, противорѣчащихъ другъ-другу уложеній и кодексовъ; она желаетъ наконецъ, чтобы этотъ общій законъ находился въ гармоніи съ нашими современными стремленіями, чтобы онъ признавалъ основныя права человѣческой совѣсти, чтобы онъ сдѣлался добросовѣстнымъ союзникомъ гражданской свободы человѣка, вмѣсто того, чтобы быть ея непримиримымъ врагомъ.

Остановимся здѣсь, чтобы не утомить читателя этимъ длиннымъ перечисленіемъ желаній, которыя всѣ могутъ быть выражены въ короткомъ воззваніи: «Министръ юстиціи, дай намъ правосудіе!»

Греція находится попрежнему въ тревожномъ состояніи. Аѳины держатся въ осадномъ положеніи. Правительство хочетъ видѣть обширный заговоръ въ неудавшейся попыткѣ Дузіоса. Никого не удивило то обстоятельство, что Отонъ, утомленный, повидимому, царственными заботами, предпринялъ поѣздку по Германіи съ цѣлью отыскать себѣ добровольнаго преемника.

Неудача греческаго короля напоминаетъ намъ приключеніе одного парижскаго буржуа, искавшаго себѣ молодаго человѣка для усыновленія и наконецъ напечатавшаго, послѣ неудачныхъ поисковъ, объявленіе въ газетахъ о томъ, что вызывается въ такое-то мѣсто красивый, и хорошо воспитанный молодой человѣкъ, желающій принять нижеподписавшагося въ отцы. Король Отонъ, Баварецъ, сдѣлавшійся, владѣтелемъ Партенона, готовилъ себя сначала къ духовному званію, и получилъ свое образованіе въ іезуитской семинаріи.

Греція находится, правда, въ полномъ химическомъ разложеніи, но изъ этого броженія выйдетъ что нибудь путное; можетъ быть, выйдетъ благородное вино; Турція, напротивъ того, находится въ совершенномъ гніеніи.

Надежды, которыя возлагались на воцареніе новаго султана, разсыпались въ прахъ, и уступили мѣсто полному разочарованію и убѣжденію въ томъ, что, по волѣ Аллаха, дни Оттоманской имперіи сочтены. По какому-то странному и гибельному стеченію обстоятельствъ, всѣ бѣдствія, заключающіяся въ миѳической коробкѣ Пандоры, опрокинулись разомъ на несчастную Турцію. Ее раздираетъ соперничество, господствующее между посланниками Австріи, Англіи и Франціи; особенно мучаютъ ее два послѣдніе; они вводятъ своихъ любимцевъ и приверженцевъ въ государственный совѣтъ, облекаютъ ихъ въ высшія правительственныя должности, ввѣряютъ имъ управленіе провинціями, такъ что несчастная Турція становится добычею цѣлыхъ легіоновъ евнуховъ. Молдавія и Валахія, стараясь соединиться между собою въ правительственномъ отношеніи, стараются въ то же время совершенно отложиться отъ Турецкой имперіи. Въ Босніи и въ Сербіи продолжаются страшные раздоры между турецкимъ и христіанскимъ населеніемъ. Бѣлградъ и Землинъ воюютъ открыто. Ненависть и насиліе находятся на сторонѣ мусульманъ, ко-

торые пользуются послѣдними днями своего могущества, чтобы передушить *собакъ-гяуровъ*; ненависть и затаенная злоба находятся на сторонѣ райевъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ дня кроваваго воздаянія. Инсургенты Герцеговины продолжаютъ жечь турецкія деревни, вопреки усиліямъ бывшаго христіанина, или, вѣрнѣе, бывшаго Австрійца, Омеръ-Паши. При мѣстечкѣ Нива Омеръ-Паша потерпѣлъ постыдное пораженіе: 700 человѣкъ убито и 1200 ранено; надо сказать правду: когда армія не пріучена къ дисциплинѣ и не получаетъ почти никакого жалованія,—мудрено одерживать побѣды. Эмиграція Болгаръ не прекратилась. Въ началѣ октября, по словамъ газеты *Times*, болѣе 2000 христіанъ оставили свое отечество и на русскихъ корабляхъ переѣхали въ Крымъ. Съ другой стороны, Татары прибываютъ въ Болгарію, занимаютъ оставленныя поселенія и даже населяютъ страну гуще прежняго. Этотъ дружелюбный обмѣнъ земель и поселеній между двумя расами, группирующимися сообразно съ своими политическими, религіозными и нравственными симпатіями, представляетъ любопытное и до сихъ поръ еще невиданное зрѣлище.

Султанъ, безъ сомнѣнія, понялъ, что положеніе дѣлъ изъ рукъ вонъ плохо, и что всего лучше весело помириться съ обстоятельствами. Абдулъ-Азизъ управляетъ такимъ образомъ по примѣру Абдулъ-Меджида. Подобно ему, онъ, по словамъ газеты Morning-Post, обѣщалъ Англіи привести въ порядокъ свои финансы и даже публиковать каждый годъ бюджетъ Турецкой имперіи, заключающій въ себѣ подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ. Подобно своему предшественнику, онъ взялъ себѣ любимца, капитана-пашу Мегеметъ-Али, заслужившаго себѣ такую лестную репутацію; этому любимцу онъ подарилъ три милліона, и кромѣ того позволитъ ему устранять всѣхъ людей, стоящихъ поперегъ его дороги, честныхъ и безчестныхъ. Подобно своему брату, теперешній султанъ имѣетъ свой конекъ, именно страсть къ военнымъ кораблямъ. Подобно Абдулъ-Меджиду, Абдулъ-Азизъ, несмотря на хорошую молву, пущенную о его нравственности, составилъ себѣ великолѣпный гаремъ; у него 4 *кадины* или законныя супруги, потомъ достаточное количество *икнадъ* или любовницъ, и наконецъ значительное множество *гуздъ* или дѣвъ, нравящихся глазамъ. Каждая кадина можетъ имѣть 40 прислужницъ, каждая икнадъ—30; число гуздъ неограниченно, и вслѣдствіе этого онѣ могутъ имѣть неограниченное число рабынь. Послѣ смерти Абдулъ-Меджида осталось 800 вдовъ; утверждаютъ, что послѣ Абдулъ-Азиза ихъ останется 1300.

Какъ всѣ эти подробности должны быть интересны для нашихъ хромыхъ и безрукихъ Англичанъ, Французовъ и Русскихъ, пострадавшихъ подъ Севастополемъ!

— Мы получили важное извѣстіе изъ Южной Америки. Армія Буэносъ-Айреса разбила войска аргентинской республики, находившіяся подъ предводительствомъ Уркицы. Хотя дѣло Буэносъ-Айреса справедливо, хотя итальянскій легіонъ, изъ любви къ свободѣ, счелъ нужнымъ подать ему помощь, однако эта побѣда производитъ на насъ грустное впечатлѣніе, потому что между собою сражались братья, которыхъ ни что не должно было разлучать. Надѣемся по крайней мѣрѣ, что Буэносъ-Айресъ умѣренно воспользуется своимъ торжествомъ и не поставитъ побѣжденнымъ тягостныхъ условій. Современная исторія ясно показываетъ имъ, какіе плоды приносятъ испано-американскимъ народамъ ихъ безконечные раздоры, и ихъ постоянныя революціи. Уже Испанія воспользовалась этими безпорядками и захватила себѣ С. Доминго; теперь она воюетъ съ Мексикою; завтра, можетъ быть, она завоюетъ Колумбію. Если междуусобная война будетъ продолжаться, то ни что не помѣшаетъ Испаніи, или Франціи и Бразиліи уничтожить поодиночкѣ всѣ республики Южной Америки. Чтобы избѣжать этого несчастія, правительства Венецуэлы и Новой Гренады думаютъ возстановить бывшую Колумбію и вступить въ конфедерацію съ Перу. Еслибы они держались единодушно, то могли бы оградить независимость С. Доминго и Мексики. Пусть несчастія этихъ двухъ странъ послужатъ имъ спасительнымъ урокомъ.

Вмѣшательство трехъ силачей, Англичанина, Француза и Испанца въ дѣло слабаго Мексиканца совершится немедленно. Для исполненія конвенціи, подписанной 31 октября, англійскій и французскій флоты уже пустились въ путь и должны соединиться при Тенерифѣ, откуда они отправятся вмѣстѣ къ испанской эскадрѣ, ожидающей ихъ близъ Кубы, По чисто дипломатическимъ соображеніямъ, чтобы избѣжать на будущее время всякаго неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, три правительства эти требуютъ содѣйствія четвертаго союзника, хозяина Бѣлаго Дома, и они еще хотѣли увѣрить міръ въ томъ, что, предпринимая эту экспедицію, они дѣйствуютъ внѣ всякихъ своекорыстныхъ и узкихъ видовъ. Мы увидимъ скоро въ чемъ дѣло. Это несчастное предпріятіе, о которомъ мы говорили довольно подробно въ двухъ предыдущихъ обозрѣніяхъ, имѣетъ свою смѣшную сторону. Съ саблями на-голо, съ заряженными ружьями въ рукахъ, Испанцы,

Французы и Англичане отправляются взыскивать съ бѣдняка ничтожную сумму денегъ, которую тотъ радъ бы заплатить, но не можетъ. Что, если въ дорогѣ, Англо-Французы раздумаютъ такъ: «знаешь-ли что, *Senor caballero*, Мексиканецъ долженъ намъ 10 су, которыхъ у него нѣтъ, а ты намъ долженъ 10 реаловъ, которые у тебя есть. Наши неотразимые аргументы противъ Вера-Круцъ могутъ также успѣшно быть направлены противъ Аликанте и Барцелоны. Сверхъ того, мы требуемъ только исполненія закона, принятаго 1 августа 1851 года испанскими кортесами. Слѣдовательно, развязывай кошелекъ, *senor mio*, или, если не хочешь платить денегъ, вынимай изъ ноженъ добрую толедскую шпагу». Еслибы существовало международное судилище, то было бы любопытно посмотрѣть, какимъ это образомъ Испанецъ знаменитый *débiteur passif* (страдательный должникъ), какъ онъ самъ себя называетъ, сталъ бы требовать, чтобы Мексиканецъ, неоплатимый должникъ, былъ посаженъ въ тюрьму.

Но, замѣтятъ мнѣ, тутъ дѣло идетъ не объ однѣхъ деньгахъ; тутъ надо мстить за оскорбленіе чести, надо защищать національные интересы. Благодаря этому предлогу, Испанія, которой интересы оскорблены гораздо меньше, чѣмъ интересы Франціи и Англіи, можетъ одна выставить больше половины высаднаго войска. Испанія утверждаетъ въ самомъ дѣлѣ, что Испанцевъ, поселившихся въ Мексикѣ, вдвое больше, чѣмъ Французовъ и Англичанъ вмѣстѣ взятыхъ, и, чтобы поддержать это фантастическое положеніе, она записываетъ по реестрамъ въ число Испанцевъ множество мексиканскихъ поповъ и монаховъ, которые только вслѣдствіе измѣны сдѣлались кастильянцами. Вслѣдствіе этого подвига, который никого не вводитъ въ заблужденіе, Испанія можетъ показать видъ, что она ведетъ за собою на бугсприѣ двѣ сильнѣйшія державы, Францію и Англію: она теперь идетъ впереди всего христіанскаго міра, такъ, какъ было во времена Филиппа II. Англія, равнодушная къ этому мелочному тщеславію своихъ кастильянскихъ союзниковъ, старается только возвратить себѣ свои фонды. Она хочетъ только овладѣть таможнею Вера-Круцъ и захватить себѣ ея ключи; она заботится только о томъ, чтобы возстановить миръ въ странѣ серебряныхъ рудниковъ, а до хвастовства Испанцевъ ей нѣтъ никакого дѣла. Французамъ, напротивъ того, хочется только порисоваться передъ Мексиканцами въ своихъ оранжевыхъ мундирахъ, зажечь нѣсколько городовъ и доказать такимъ образомъ отличное достоинство своихъ нарѣзныхъ орудій: они будутъ

драться, имъ больше ничего не нужно, и они не спросятъ о томъ, насколько ихъ дѣло справедливо. Испанскіе политики могутъ, вслѣдствіе этого, дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію: имъ не позволятъ только присоединить Мексику, какъ они присоединили С. Доминго; во всемъ остальномъ имъ предоставятъ полную волю; имъ можно будетъ опрокинуть либеральное правительство, доставить перевѣсъ епископамъ, аббатамъ, монахамъ и всему благочестивому духовенству; они, вѣроятно, исполнятъ обѣщаніе, данное Изабеллою въ ея рѣчи къ кортесамъ, т. е. представятъ примѣръ спасительной строгости, и дадутъ полную волю духовенству.

Въ Америкѣ событія прошедшаго мѣсяца доказываютъ, что нельзя одерживать серьезныхъ побѣдъ, не опираясь на принципы. Люди южныхъ штатовъ дерутся по крайней мѣрѣ для того, чтобы поддержать свое «божественное учрежденіе»; они защищаютъ свой перевѣсъ, свою недавнюю знатность, свое могущество, богатство и даже жизнь, находящуюся въ страшной опасности въ случаѣ возстанія рабовъ; они являются вооруженнымипре дставителями неравенства, угнетенія, ненависти между различными расами; они говорятъ, что ихъ избралъ Богъ для того, чтобы защищать право сильнаго, и повелѣвать надъ слабыми. Выражаясь фигурнымъ языкомъ, они говорятъ, что общественное зданіе, подъ развалинами котораго они намѣрены погибнуть, не отступая ни на шагъ, покоится на глыбѣ изъ чернаго мрамора, на рабствѣ. Противъ этихъ людей, выказывающихъ такую страшную энергію и рѣшающихся брать себѣ знамя въ безднахъ ада, надо выставить противуположный принципъ, а этого не рѣшаются сдѣлать легисты сѣвера. Они призываютъ на помощь какой-то текстъ своей конституціи, лоскутокъ бумаги, и надѣются, что этимъ лоскуткомъ они успѣютъ привести въ повиновеніе шесть милліоновъ инсургентовъ. Какая трогательная наивность! Несмотря на значительное превосходство населенія, продуктовъ и дѣятельности, несмотря на свои умственныя и нравственныя достоинства, сѣверные штаты до-сихъ поръ еще не на всѣхъ пунктахъ начали наступательныя дѣйствія; даже столица ихъ находится въ опасности. Лѣтніе жары, составлявшіе, по словамъ сѣверныхъ предводителей, главное препятствіе для успѣховъ федеральной арміи, давно прошли; теперь наступаютъ уже зимніе морозы, и, не сдѣлавъ ничего достаточно-важнаго, генералъ Мleклелланъ собирается помѣститься на зимнія квартиры.

Знамя сепаратистовъ уже не развѣвается въ виду Вашингтона,

но генералъ Борегаръ отвелъ свою армію назадъ только для того, чтобы лучше выбрать себѣ мѣсто дѣйствій; онъ расположился лагеремъ на томъ самомъ полѣ манассеской битвы, на которомъ уже одинъ разъ разбились военныя силы сѣвера; теперь онъ какъ бы насмѣшливо приглашаетъ ихъ еще разъ помѣряться съ нимъ силами на этомъ роковомъ полѣ. Войска федералистовъ заняли позиціи, оставленныя непріятелемъ; уже нѣсколько недѣль они осторожно воздерживаются отъ всякихъ аванпостныхъ дѣлъ; единственная попытка завязать частное сраженіе совершалась на оконечности праваго крыла, гдѣ федералисты напрасно старались переправиться черезъ рѣку Потомакъ. Ихъ отразили, и изъ 1800 человѣкъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, больше половины осталось на мѣстѣ. Въ то время, какъ федералисты терпѣли неудачу на верхней части Потомака, выше Вашингтона, рабовладѣльцы захватили нижнее теченіе этой рѣки, поставивъ батареи на всѣхъ мысахъ виргинскаго берега. Эта рѣка, чрезвычайно важная въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніи, теперь находится рѣшительно во власти инсургентовъ. Теперь сообщеніе Вашингтона съ моремъ прервано. Военные корабли и транспортныя суда стоятъ въ рейдѣ, не смѣя выдти; они пробираются къ мѣстамъ своего назначенія въ темныя ночи, и, чтобы защититься отъ ядеръ, прикрываются лодками, нагруженными сѣномъ вровень съ верхушками мачтъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ становится ощутительнымъ въ городѣ; лошади получаютъ раціонъ, и, можетъ быть, придется скоро поступать такимъ же образомъ и съ людьми. Одна линія желѣзной дороги, и безъ-того уже слишкомъ загроможденная, поддерживаетъ сообщеніе между Вашингтонсмъ и атлантическими портами. Дороги размыты проливными дождями, а между тѣмъ необходимо, чтобы въ столичный городъ приходили ежедневно полки волонтеровъ, обозы съ провіантомъ, артиллерійскія орудія; необходимо избавить Вашингтонъ отъ голода и захватить непріятельскія батареи, обстрѣливающія теченіе Потомака. Въ противномъ случаѣ, сепаратисты можетъ быть сами перейдутъ черезъ Потомакъ, подъ покровительствомъ своихъ орудій, утвердятся въ Мериледѣ, который и безъ-того расположенъ въ ихъ пользу, и принудятъ армію федералистовъ поспѣшно удалиться изъ Виргиніи и идти на выручку къ столицѣ, угрожаемой съ юга.

Въ западной Виргиніи дѣла до сихъ поръ находятся почти въ томъ же положеніи, и враждебныя арміи, кажется, уже расположились

на зимнія квартиры въ Кентукки. Разладъ между двумя партіями штата, которыя скоро должны начать рѣзню, до сихъ поръ еще не дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. Узы семейныя и гражданскія еще не порваны; бездна, которая должна отдѣлить двѣ враждующія національности, еще не вырыта. Впрочемъ, новая граница, разрѣзывающая область Кентукки пополамъ, съ каждымъ днемъ обозначается яснѣе; скоро за мѣстными революціями и аванпостными схватками послѣдуютъ генеральныя сраженія. Сепаратисты владѣютъ всею южною частью штата и важными позиціями, командующими мѣстностью къ югу отъ слiянія Миссисипи и Огіо; федералисты занимаютъ сѣверъ Кентукки и его правительственный центръ. Они держатъ въ своихъ рукахъ устья Кумберленда и Тенесси; кромѣ того, имъ удалось выбить своихъ противниковъ изъ города Падукахъ, чрезвычайно важнаго стратегическаго пункта на континентѣ Америки. Къ несчастію, стратегическія позиціи не даютъ еще побѣды. Федералистамъ приходится бороться съ врагами болѣе рѣшительными и болѣе единодушными, чѣмъ они сами. На сѣверѣ, старинныя партіи далеко не согласились между собою насчетъ предмета своихъ споровъ, и даже въ республиканскомъ штатѣ Огіо недавно возникъ процессъ, вслѣдствіе котораго обнаружилось существованіе значительнаго количества людей, принадлежащихъ къ *рыцарству золотаго цикла*. Эти рыцари въ продолженіи десяти лѣтъ готовили междуусобную войну, и побуждали американскую республику къ завоеванію Кубы и центральной Америки; при таинствѣ посвященія, они клялись, кладя руку на евангеліе, пройти, въ случаѣ надобности, черезъ рѣки крови, чтобы водворить во всемъ федеративномъ государствѣ божественное учрежденіе рабства.

Несмотря на медленность военныхъ дѣйствій на берегахъ Потомака и Огіо, несмотря на раздоры партій, мы не можемъ однако отказаться отъ веселыхъ надеждъ; уже собирается гнѣвъ народа противъ рабства, являющагося причиною борьбы, и по нѣкоторымъ признакамъ можно себѣ представить, съ которой стороны подуетъ буря. Эманципація Негровъ, считавшаяся въ прошломъ году утопіею или преступленіемъ, является теперь искреннимъ желаніемъ значительной части сѣверныхъ гражданъ, и уже теперь никто не подвергаетъ сомнѣнію справедливость этой мѣры; только своевременность ея составляетъ вопросъ. Мнѣніе 500,000-ной сѣверной арміи очень важно для рѣшенія этого вопроса; неудачи, претерпѣваемыя этою арміею, ясно пока-

зываютъ ей, что содѣйствіемъ четырехъ милліоновъ рабовъ пренебрегать не слѣдуетъ. Когда ей надоѣстъ терпѣть пораженія, она потребуетъ, чтобы было пущено въ ходъ то средство, которое можетъ доставить ей побѣду. Всѣ извѣстія говорятъ единогласно, что солдаты отказываются отъ той должности тюремщиковъ и полицейскихъ сыщиковъ, которую хотѣли имъ навязать. Законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ обратился для нихъ въ мертвую букву; остается только замѣнить его декретомъ объ эмансипаціи.

Всего важнѣе въ американскомъ кризисѣ то обстоятельство, что американскіе полки вербуются всего успѣшнѣе въ округахъ, враждебныхъ рабству. Маленькій штатъ Массачусетсъ, въ которомъ всего милліонъ жителей, далъ республикѣ 40,000 воиновъ, и собираетъ еще новый отрядъ; другіе штаты Новой Англіи послали болѣе 60,000 воиновъ на театръ войны. Земледѣльческія населенія запада выставляютъ больше 100,000 солдатъ, и Нѣмцевъ въ федеральной арміи считается до 60,000 человѣкъ. Болѣе 200,000 человѣкъ ненавидятъ рабство по преданію, по привычкѣ, по національной гордости; они съ энтузіазмомъ воспользуются случаемъ освободить Негровъ. Уже военныя пѣсни пуританскихъ солдатъ Массачусетса и Родъ-Эйленда возвѣщаютъ это грозное будущее плантаторамъ юга. «Старый Джонъ Броунъ гніетъ въ гробу, но его духъ управляетъ нами! Аллилуіа! Аллилуіа! Старый Джонъ Броунъ гніетъ въ гробу, но его духъ идетъ впереди насъ.» Пусть идетъ впереди тебя, американская республика, этотъ благородный духъ, стоящій выше Вашингтона и другихъ твоихъ основателей; Джонъ Броунъ спасаетъ тебя отъ преступленія, а Вашингтонъ оставлялъ тебя въ немъ.

Въ Миссури, генералъ Фримонтъ обязанъ своими успѣхами той эмансипаціонной политикѣ, которой представителемъ онъ является болѣе, чѣмъ всѣ другіе американскіе генералы. Его преслѣдовала мелочная зависть министерства Линкольна и ему было почти невозможно организовать свою армію. То его просили выслать въ Кентукки 5000 человѣкъ, т. е. больше половины своей арміи; то требовали, чтобы онъ отдалъ другому генералу пушки своего арсенала, то его заставляли прекратить фортификаціонныя работы С. Луи, которыя, въ случаѣ крайности, могли оградить западную метрополію отъ 30,000-ной арміи. А между тѣмъ непріятель овладѣвалъ важною лексингтонскою позиціею!

Положеніе было критическое; но генералъ Фримонтъ, такъ несправед-

ливо оклеветанный, выпутался изъ него съ честью: онъ окончилъ укрѣпленія форта св. Людовика, дополнилъ и снабдилъ припасами свою армію и въ теченіе пятнадцати дней отнялъ Лексингтонъ и Спрингфильдъ, два города, передъ которыми федеральная армія претерпѣла прежде значительныя потери. Въ то же время онъ возстановилъ свои сообщенія съ Канзасомъ, гдѣ полковники Лангъ и Монгомери не переставали поддерживаться противъ превосходныхъ силъ, благодаря своей откровенно-аболиціонистской политикѣ, при помощи освобожденныхъ Негровъ и къ ужасу ихъ господъ. И не видноли, что правительство самаго Линкольна, несмотря на его нерасположеніе къ генералу Фримонту, кажется подражаетъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, оно нисколько не заботится ловить Негровъ, которые толпами оставляютъ плантаціи, расположенныя на театрѣ войны. Оно позволяетъ имъ свободно бѣжать въ Филадельфію или въ Ньюіоркъ или даже совершенно оставлять территорію республики, чтобъ колонизировать Гаити и способствовать прогрессу свободной земли. Даже болѣе: оно признаетъ за черными титулъ американскихъ гражданъ; неслыханное дѣло: государственный секретарь выдалъ паспортъ чернокожему человѣку. Это еще не все. На корабляхъ, перевозящихъ 20,000 солдатъ и моряковъ на берега земли рабовъ, находится 1000 Негровъ, или, по принятому выраженію, *тысяча предметовъ контрабанды*, которые должны помогать бѣлымъ солдатамъ при укрѣпленіи городовъ и копаніи траншей. И эти Негры, освобожденные теперь, не что иное, какъ бывшіе рабы, возмутившіеся противъ своихъ господъ. Ихъ возмущеніе, по правдѣ сказать, совершилось съ дозволенія правительства, но именно это обстоятельство и усиливаетъ его важность. Такимъ образомъ можетъ быть, пожаръ междуусобной войны зажжется на плантаціяхъ и разольетъ свои огневыя волны отъ Атлантическаго океана до Антильскаго моря.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ.

Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго Т. I и II. Сочиненія И. С. Тургенева.

I.

Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Это поколѣніе уже давно созрѣло и теперь клонится къ старости; дѣти этого поколѣнія уже способны рѣшать по-своему вопросы жизни, и потому отцы постепенно становятся дѣятелями прошедшаго времени, и для нихъ настаетъ судъ ближайшаго потомства. Пора провѣрить результаты ихъ работъ, не для того, чтобы выразить имъ свою признательность или неудовольствіе, а просто для того, чтобы пересчитать умственный капиталъ, достающійся намъ отъ прошедшаго, узнать сильныя и слабыя стороны нашего наслѣдства, и сообразить, что̀ въ немъ можно оставить на старомъ основаніи, и что̀ надо фундаментально передѣлать. Всего этого наслѣдства разомъ не оглядишь; оно, какъ и все русское, велико и обильно. Посмотримъ на первый разъ, что̀ оставили намъ наши первоклассные романисты, лучшіе представители русской поэзіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Вопросъ, поставленный мною, шире, чѣмъ можетъ подумать читатель. Романы Писемскаго, Гончарова и Тургенева имѣютъ для насъ нетолько эстетическій интересъ; у Англичанъ рядомъ съ Диккенсомъ, Теккереемъ, Бульверомъ и Элліотомъ есть Джонъ Стюартъ Милль; у Французовъ рядомъ съ романистами есть публицисты и соціалисты; а у насъ въ изящной словесности, да въ критикѣ на художес-

твенныя произведенія сосредоточилась вся сумма идей нашихъ объ обществѣ, о человѣческой личности, о междучеловѣческихъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; у насъ нѣтъ отдѣльно существующей нравственной философіи, нѣтъ соціальной науки, стало-быть, всего этого надо искать въ художественныхъ произведеніяхъ; я говорю: *надо искать*, потому что не можетъ же быть, чтобы люди, имѣющіе знакомыхъ, жену, дѣтей, состоящіе на государственной или частной службѣ, и притомъ сколько нибудь способные размышлять, не составляли себѣ извѣстныхъ понятій о своихъ отношеніяхъ, о жизни и ея требованіяхъ; не можетъ быть, чтобы, составивъ себѣ эти понятія, они не дѣлились ими съ тѣмъ, кто можетъ ихъ понимать. Вмѣсто того, чтобы сообщать результаты своихъ наблюденій въ отвлеченной формѣ, они стали облекать идею въ образы. Многіе изъ нашихъ беллетристовъ сдѣлались художниками потому, что не могли сдѣлаться общественными дѣятелями или политическими писателями; что же касается до истинныхъ художниковъ по призванію, то они также должны были какою нибудь стороною своей дѣятельности сдѣлаться публицистами. Кто, живя и дѣйствуя въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не проводилъ въ общественное сознаніе живыхъ, общечеловѣческихъ идей, того мы уважать не можемъ, того потомство не помѣститъ въ число благородныхъ дѣятелей русскаго слова. Гг. Фетъ, Полонскій, Щербина, Грековъ и многіе другіе микроскопическіе поэтики забудутся также скоро, какъ тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ они печатаются. Что́ вы для насъ сдѣлали? спроситъ этихъ господъ молодое поколѣніе. Чѣмъ вы обогатили наше сознаніе? Чѣмъ вы насъ шевельнули, чѣмъ заронили въ насъ искру негодованія противъ грязныхъ и дикихъ сторонъ нашей жизни? Сказали-ли вы теплое слово за идею? Разбили-ли вы хоть одно господствующее заблужденіе? Стояли-ли вы сами, хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, выше воззрѣній вашего времени? На всѣ эти вопросы, возникающіе сами собою при оцѣнкѣ дѣятельности художника, наши версификаторы ничего не съумѣютъ отвѣтить. Мало того. Они не поймутъ этихъ вопросовъ, и остановятся въ недоумѣніи; они въ наивности души увѣрены въ величіи своихъ заслугъ и въ правахъ своихъ на всеобщую признательность; они думаютъ, что, шлифуя русскій стихъ, баюкая насъ своими тихими мелодіями, воспѣвая на тысячу ладовъ мелкіе оттѣнки мелкихъ чувствъ, они приносятъ пользу русской словесности и русскому просвѣщенію. Они считаютъ себя художниками, имѣя на

это званіе такія же права, какъ модистка, выдумавшая новую куафюру. Чтобы эти слова не казались безсмысленною выходкою, лаяніемъ на луну, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что я понимаю подъ словомъ художникъ. Вотъ видите-ли, всѣ мы смотримъ на какой нибудь уличный скандалъ, но не во всѣхъ насъ это зрѣлище западетъ одинаково глубоко, не всѣхъ насъ оно потрясетъ одинаково сильно. Чего, чего не передумалъ бы человѣкъ впечатлительный, присутствуя, положимъ, при подвигѣ расправы надъ извощикомъ; одна эта сцена показалась бы ему только эпизодомъ длинной, никому невѣдомой драмы, разыгрывающейся каждый день, безъ свидѣтелей, въ разныхъ бѣдныхъ квартирахъ, на улицахъ, «подъ овиномъ, подъ стогомъ», вездѣ, гдѣ бѣдный и слабый терпитъ горькую долю отъ богатаго и сильнаго. Воображеніе дорисовало бы недостающія подробности; естественное, гуманное чувство, воспитанное разностороннимъ образованіемъ, согрѣло бы всю картину, и вотъ, изъ грубой уличной сцены возникло бы художественное произведеніе, которое навѣрное подѣйствовало бы на читателя, шевельнуло бы его, или заставило бы его задуматься. Кто по природѣ и по воспитанію впечатлителенъ, да кто усвоилъ себѣ умѣніе передавать свои впечатлѣнія другимъ такъ, чтобы они могли перечувствовать то, что онъ самъ чувствуетъ, тотъ и художникъ. Умѣніе передавать составляетъ техническую сторону искусства, и пріобрѣтается навыкомъ и упражненіемъ. Способность воспринимать, или впечатлительность составляетъ принадлежность человѣческаго характера художника; эта способность кроется въ строеніи нервовъ, рождается вмѣстѣ съ нами и, конечно, развивается или притупляется обстоятельствами жизни. Умѣніе передавать, или виртуозность формы сама по себѣ не можетъ сильно и обаятельно подѣйствовать на читателя; не угодно ли вамъ, напримѣръ, описать самымъ яркимъ и подробнымъ образомъ лицо вашего героя такъ, чтобы читатель видѣлъ каждую морщинку на его лбу, каждый волосокъ на его бровяхъ, каждую бородавку на лбу или щекѣ? На каждой академической выставкѣ есть нѣсколько подобныхъ картинъ: тутъ, положимъ, художникъ нарисовалъ палитру, карандашъ и куски красокъ; въ другомъ мѣстѣ корзину съ цвѣтами или разрѣзанный арбузъ, въ третьемъ—портретъ какого нибудь господина, у котораго бобровый воротникъ и пуговицы на шинели выдѣланы такъ тщательно, что не знаешь, потретъ ли это или вывѣска мѣховщика. Ахъ, какъ натурально, скажете вы, но представить себѣ, чтобы художникъ, рисуя

*

всѣ эти прелести, что нибудь думалъ или чувствовалъ вы рѣшительно не будете въ состояніи. Вы увидите, что такой-то господинъ хорошо составляетъ краски и ловко владѣетъ кистью, но человѣческаго характера этого господина вы не увидите; ни мысли его, ни чувства вы не уловите; отходя отъ картины, вы будете вправѣ сказать, что такой-то **NN** тратитъ свое замѣчательное умѣнье на совершеннѣйшіе пустяки; почему это происходитъ—на это могутъ быть многія причины: или г. **NN** не настолько уменъ, чтобы составить въ головѣ своей планъ картины, или не настолько развитъ, чтобы умѣть обставить свою идею, или не настолько впечатлителенъ, чтобы нечаянно наткнуться на сюжетъ, и, почти помимо собственной воли, выносить и взлелеять его въ груди. Во всякомъ случаѣ, этотъ **NN** художникъ только на-половину, настолько же, насколько можетъ быть названъ художникомъ поваръ, отлично изготовившій кулебяку. Г. **NN** совершенно воленъ рисовать палитры, арбузы и мѣховые воротники всѣхъ цвѣтовъ и достоинствъ, но мы, зрители, также совершенно вольны восхищаться или не восхищаться его малеваніями. Перенесемъ теперь то, что было сказано о живописи, на поэзію. Къ сожалѣнію, область поэзіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко не такъ обширна, какъ область живописи. Вы можете, напр., нарисовать картину, не выразивъ ровно никакой идеи, и никакого чувства; эта завидная привиллегія совершенно отнимается у васъ, когда вы берете орудіемъ своимъ—слово; тогда надо непремѣнно что-нибудь сказать; читая самое наглядное описаніе какого нибудь плетня или огорода, читатель никакъ имъ не удовлетворится, а все будетъ спрашивать, что же дальше? Если же вы ему ничего дальше не дадите, то онъ подумаетъ, что вы надъ нимъ подшутили, и, чего добраго! найдетъ вашу шутку довольно плоскою. На этомъ основаніи, каждый поэтъ, какъ бы онъ ни дорожилъ своею художническою свободою, и какъ бы ни былъ ему враждебенъ элементъ мысли, старается чисто для приличія, прикинуться въ своихъ произведеніяхъ мыслящимъ и чувствующимъ. Никто конечно не упрекнетъ гг. Фета, Мея и Полонскаго въ томъ, чтобы они были глубокіе мыслители, а между тѣмъ и въ ихъ лирическихъ стихотвореніяхъ есть подобія мыслей и чувствъ; случается, правда, что вы прочтете маленькое стихотвореніе въ три четыре куплета и тотчасъ же забудете его, какъ забываете докуренную сигару, но зато это стихотвореніе подѣйствовало на вашу нервную систему почти также, какъ сигара; первые два стиха подкупили васъ своею благозвучностью, первыя четыре риомы убаюкали васъ сво-

имъ мѣрнымъ паденіемъ, и вы дочитываетесь до конца, находясь въ состояніи пріятной полудремоты, и потерявъ всякую способность, да и всякое желаніе отнестись критически къ прочитанному произведенію. Такого рода чтеніе дѣйствительно хорошо въ гигіеническомъ отношеніи, послѣ обѣда, и кромѣ того, такого рода стихотворенія очень полезны въ типографскомъ отношеніи, для пополненія бѣлыхъ полосъ, т. е. страницъ, между серьезными статьями и художественными произведеніями, помѣщающимися въ журналахъ. Но знаете ли, что́ часто случается? Джентльменъ, наполнившій гладкими пустячками штукъ полтораста такихъ бѣлыхъ полосъ, производится въ русскіе поэты, становится авторитетомъ, издаетъ собраніе своихъ стихотвореній, и начинаетъ помышлять о признательности потомства, о монументѣ *aere perennius.* Я совершенно согласенъ признать за ними права на монументъ, но позволю себѣ только дать читателю такихъ поэтовъ одинъ совѣтъ: попробуйте, милостивый государь, переложить два три хорошенькія стихотворенія Фета, Полонскаго, Щербины или Бенедиктова въ прозу и прочтите ихъ такимъ образомъ. Тогда всплывутъ на верхъ, подобно деревянному маслу, два драгоцѣнныя свойства этихъ стихотвореній: во-первыхъ, неподражаемая мелкость основной идеи, и во-вторыхъ, колоссальная напыщенность формы; вамъ покажется, будто вы по ошибкѣ раскрыли томъ сочиненій Марлинскаго, вы припомните семейство Манилова или даже надписи на конфектныхъ билетикахъ, вы закроете книгу и, вѣроятно, согласитесь съ моимъ мнѣніемъ. Мнѣ кажется, что въ стихахъ, какъ и въ прозѣ, прежде всего нужна мысль; отсутствіе мысли можетъ быть замаскировано фантастическими арабесками, и затушевано гладкостью и музыкальностью стиховъ; но то, что́ лишено мысли, никогда не произведетъ сильнаго впечатлѣнія. У нашихъ лириковъ, за исключеніемъ гг. Майкова и Некрасова, нѣтъ никакого внутренняго содержанія; они не настолько развиты, чтобы стоять въ уровень съ идеями вѣка; они не настолько умны, чтобы собственными силами здраваго смысла выхватить эти идеи изъ воздуха эпохи; они не настолько впечатлительны, чтобы, смотря на окружающія ихъ явленія обыденной жизни, отражать въ своихъ произведеніяхъ физіономію этой жизни съ ея бѣдностью и печалью. Имъ доступны только маленькія треволненія ихъ собственнаго, узенькаго, психическаго міра; какъ дрогнуло сердце при взглядѣ на такую-то женщину, какъ сдѣлалось грустно при такой-то разлукѣ, что́ шевельнулось въ груди при воспоминаніи о такой-то минутѣ—все это опи-

сано, можетъ быть, и вѣрно, все это выходитъ иногда очень мило, только ужь больно мелко; кому до этого дѣло, и кому охота вооружаться терпѣньемъ и микроскопомъ, чтобы черезъ нѣсколько десятковъ стихотвореній слѣдить за тѣмъ, какимъ манеромъ любитъ свою возлюбленную г. Фетъ, или г. Мей, или г. Полонскій? Поучитесь-ка лучше, гг. лирики, почитайте, да подумайте! Вѣдь нельзя, называя себя русскимъ поэтомъ, не знать того, что наша эпоха занята интересами, идеями, вопросами гораздо пошире, поглубже и поважнѣе вашихъ любовныхъ похожденій и нѣжныхъ чувствованій. Впрочемъ опять таки говорю, вы вольны дѣлать какъ угодно, но и я, какъ читатель и критикъ, воленъ обсуживать вашу дѣятельность, какъ *мнѣ* угодно. И дѣятельность ваша, вѣроятно, не на одни мои глаза, покажется больно пустою и безцвѣтною. Не трудно, конечно, понять, почему я изъ числа нашихъ лириковъ выгородилъ Майкова и Некрасова. Некрасова, какъ поэта, я уважаю за его горячее сочувствіе къ страданіямъ простаго человѣка, за честное слово, которое онъ всегда готовъ замолвить за бѣдняка и угнетеннаго. Кто способенъ написать стихотворенія: Филантропъ, Эпилогъ къ ненаписанной поэмѣ, Ѣду-ли ночью по улицѣ темной, Саша, Живя согласно съ строгою моралью, — тотъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его знаетъ и любитъ живая Россія. Майкова я уважаю какъ умнаго и современно развитаго человѣка, какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью, какъ поэта, имѣющаго опредѣленное, трезвое міросозерцаніе, какъ творца: Трехъ Смертей, Савонаролѣы, Приговора, и т. д. Всякій согласится, что эти два лирика, Майковъ и Некрасовъ, по уму, по таланту, по развитію и по отношенію своему къ современной жизни, стоятъ неизмѣримо выше тѣхъ версификаторовъ, о которыхъ я говорилъ на предъидущей страницѣ. Но все-таки, если мы желаемъ изучить тотъ запасъ общечеловѣческихъ идей, который находился въ обращеніи въ мыслящей части нашего общества, если мы хотимъ прослѣдить, какъ эта мыслящая часть относилась къ жизни массы, то мы преимущественно должны обратить наше вниманіе на тѣхъ трехъ романистовъ, которыхъ имена выписаны въ заглавіи статьи. Ихъ личности, ихъ манера писать, условія ихъ развитія, складъ ихъ таланта, взглядъ на жизнь— все это представляетъ самое пестрое разнообразіе; между тѣмъ, всѣ трое пользуются постоянною любовью нашей публики, слѣдовательно, или каждый изъ нихъ какою-нибудь стороною своего таланта удовле-

творяетъ требованіямъ этой публики, или, извините за откровенность, эта публика не предъявляетъ никакихъ опредѣленныхъ требованій, и кушаетъ безъ разбору все, что ей ни поднесутъ. Оба эти предположенія имѣютъ нѣкоторую долю основательности. Дѣйствительно, публика наша не взыскательна и мало развита, какъ въ эстетическомъ, такъ и во всякомъ другомъ отношеніи; съ другой стороны, каждый изъ трехъ названныхъ романистовъ имѣетъ свою характерную особенность; въ Гончаровѣ, напр., развита та сторона, которая слаба въ Тургеневѣ и Писемскомъ; въ Писемскомъ есть такія достоинства, которыхъ вы не найдете ни въ Тургеневѣ, ни въ Гончаровѣ; Тургеневъ задѣнетъ въ васъ такія струны, которыхъ не шевельнетъ ни Гончаровъ, ни Писемскій; стало быть, публика наша, читая ихъ вмѣстѣ и находя всѣхъ троихъ по своему вкусу, поступаетъ очень основательно; она для своего умственнаго продовольствія распоряжается точно также благоразумно, какъ опытная хозяйка, заказывающая хорошій обѣдъ и инстинктивно устроивающая такъ, чтобы одно кушанье дополнялось другимъ, чтобы питательныя вещества, не находящіяся въ мясѣ, приносились въ соусѣ и приправѣ, и чтобы такимъ образомъ организмъ вынесъ изъ-за стола возможно большее количество обновляющаго матеріала. Чтобы открыть характерныя особенности каждаго изъ нашихъ трехъ романистовъ, надо поговорить довольно подробно о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Я начну съ Гончарова; онъ написалъ меньше Писемскаго и Тургенева; его романы менѣе замѣчательны для характеристики русской жизни и потому съ нимъ легче справиться; покончивши съ нимъ, я остановлю все вниманіе читателей на параллели между Писемскимъ и Тургеневымъ.

II.

Гончаровъ написалъ только два капитальные романа: «Обыкновенную исторію» и «Обломова». Первый изъ этихъ романовъ сразу поставилъ его въ ряды первоклассныхъ русскихъ литераторовъ, и его Очерки кругосвѣтнаго плаванія и Обломовъ были встрѣчены журналами и публикою съ такою радостью, съ какою рѣдко встрѣчаются на Руси литературныя произведенія. Мнѣ кажется, причины этого замѣчательнаго явленія заключаются преимущественно въ томъ, что

Гончаровъ по плечу всякому читателю, т. е. для всякаго ясенъ и понятенъ. Онъ вездѣ стоитъ на почвѣ чистой современной практичности, и притомъ практичности не западной, не европейской, а той практичности, которою отличаются образованные петербургскіе чиновники, читающіе помѣщики, разсуждающія о современныхъ предметахъ барыни, и т. п. Прочтите Гончарова отъ начала до конца, и вы, по всей вѣроятности, ничѣмъ не увлечетесь, ни надъ чѣмъ не замечтаетесь, ни о чемъ горячо не заспорите съ авторомъ, не назовете его ни обскурантомъ, ни рьянымъ прогрессистомъ, и, закрывая послѣднюю книгу, скажете очень хладнокровно, что г. Гончаровъ очень умный и основательно разсуждающій господинъ. У Гончарова нѣтъ никакого конька, никакой любимой идеи; утопія всякаго рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлеченію онъ относится съ легкимъ и вѣжливымъ оттѣнкомъ ироніи; онъ скептикъ, не доводящій своего скептицизма до крайности: онъ практикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; онъ эгоистъ, не рѣшающійся взять на себя крайнихъ выводовъ своего міросозерцанія, и выражающій свой эгоизмъ въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ, или даже, гдѣ возможно, въ *игнорированіи* человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. Этотъ эгоизмъ проглядываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; кто читалъ Фрегатъ Палладу и Обломова, тотъ не найдетъ удивительнымъ мое мнѣніе. Постоянно спокойный, ни кѣмъ не увлекающійся, романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому, и понимая по своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора. Прочитавши Обыкновенную исторію, читатель не можетъ сказать, чтобы авторъ сочувствовалъ старшему Адуеву, и не можетъ также сказать, чтобы онъ находилъ его неправымъ; сочувствія къ младшему Адуеву также не видно ни въ ту минуту, когда онъ составляетъ совершенную противуположность съ своимъ дядей, ни въ тотъ моментъ, когда онъ становится на него похожимъ. Вслѣдствіе этого, оканчивая послѣднюю страницу романа, читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Обыкновенная исторія производитъ такое

впечатлѣніе, какое могла бы произвести отлично нарисованная, но неясно освѣщенная картина; мы чувствуемъ, что авторъ романа— человѣкъ умный, наблюдательный и способный осмысливать свои наблюденія; этотъ человѣкъ говоритъ съ нами о явленіяхъ нашей жизни, описываетъ ихъ подробно и наглядно, изображаетъ вліяніе этихъ явленій на молодое существо, знакомящееся съ жизнью, но изображаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, перечисляя только симптомы перемѣнъ, происходящихъ въ его героѣ. Очень естественно, что читатель, заинтересованный настолько же личностью разсказчика, насколько нитью самаго разсказа, ждетъ на каждой страницѣ, чтобы авторъ въ постановкѣ образовъ, или въ лиричискомъ отступленіи выразилъ бы свои воззрѣнія, сказалъ бы: я считаю это хорошимъ, а то дурнымъ, по такимъ-то причинамъ. Мнѣ могутъ возразить на это, что объективность—высшее достоинство эпическаго поэта; я отвѣчу, что это одна изъ тѣхъ наслѣдованныхъ отъ прошедшаго фразъ, которыми пробавляется, за неимѣніемъ лучшаго, эстетика и критика, одна изъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ многіе свѣдущіе, но робкіе люди видятъ предѣлъ, «его же не прейдеши». Во-первыхъ, эпическая поэзія въ чистомъ видѣ своемъ теперь невозможна; попробуйте разсказывать событія безъ основной мысли, негруппируя ихъ такъ, чтобы читатель могъ видѣть просвѣчивающую идею, — вы собьетесь на Дюма-отца, Феваля и компанію, и ни одинъ развитой человѣкъ не раскроетъ вашей книги и не скажетъ вамъ спасибо за ваше эпическое спокойствіе. Разсказывать что нибудь безъ особенной цѣли даже своимъ знакомымъ—свойственно только праздному болтуну или дряхлѣющему старцу, а разсказывать для процесса разсказыванія всей читающей публикѣ—просто недобросовѣстно и невѣжливо; надо помнить, что публика за разсказы платитъ деньги и на чтеніе ихъ тратитъ время. Зачѣмъ же такъ безцеремонно обращаться съ достояніемъ ближняго? Я этимъ не хочу сказать, чтобы необходимо было читать публикѣ правоученія и наставленія. Боже упаси! Это еще скучнѣе! Но дѣло въ томъ, что, собираясь разсказывать что нибудь, писатель долженъ же самъ имѣть въ головѣ понятіе о томъ, что онъ будетъ сообщать другимъ, Если ему приходится описывать явленіе, зависящее отъ другаго явленія, то долженъ же онъ объяснить одно другимъ, вывести одно изъ другаго, показать, что такая-то причина должна привести и приводитъ къ такому-то слѣдствію. Слѣдовательно, разскащикъ долженъ раскрыть передъ читателемъ свой процессъ мысли. Кромѣ того, читателю невольно при-

детъ въ голову вопросъ: да съ какой стати г. NN. разсказываетъ мнѣ эти событія? что, кромѣ желанія получить авторскій гонораръ, побудило его написать нѣсколько страницъ, вывести на сцену десятка полтора лицъ, и слѣдить за ними впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ихъ жизни?—Отвѣта на эти естественные вопросы надо искать въ самомъ произведеніи; если произведеніе вылилось изъ души, то писатель конечно въ этомъ произведеніи говоритъ о томъ, что такъ или иначе, интересуетъ его лично, что затрогиваетъ его за живое, что онъ горячо любитъ или горячо ненавидитъ. Если предметъ его разсказа для него равнодушенъ, то какъ объяснить себѣ то, что онъ обратилъ на него вниманіе, сталъ надъ нимъ задумываться, сталъ уяснять его самому себѣ, и наконецъ, довелъ его до такой степени наглядности, что онъ и для другихъ людей сталъ замѣтенъ, понятенъ и осязателенъ. А если ничего этого не было, если писатель не вдумывался, не уяснялъ себѣ и т. д., то разсказъ выдетъ блѣдный и скучный; его дѣйствующія лица будутъ тѣни или маріонетки, но никакъ не живые люди; таковы дѣйствительно бываютъ разсказы, писанные на заказъ, безъ внутренняго желанія, безъ живаго участія къ предмету. Для того, чтобы печатныя строки казались намъ рѣчами и поступками живыхъ людей, необходимо, чтобы въ этихъ печатныхъ строкахъ сказалась живая душа того, кто ихъ писалъ; только въ этомъ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью писателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэзіи; живопись говоритъ глазу, музыка—уху, а поэзія (творчество) чисто одному мозгу; вы видите глазомъ черные значки на бѣломъ полѣ и, при помощи этихъ значковъ, узнаете то, что думалъ человѣкъ, котораго вы, можетъ быть, никогда въ глаза не видали; на васъ дѣйствуетъ чисто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ *личныя*; слѣдовательно, что́ же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора; вполнѣ объективная картина—фотографія; вполнѣ объективный разсказъ—показаніе свидѣтеля, записанное стѣнографомъ; вполнѣ объективная музыка—шарманка; добиться этой объективности значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искуство, даже науку, даже всякое движеніе мысли. Личность автора для меня интересна, какъ всякая человѣческая личность, и кромѣ того, какъ личность, чувствующая потребность высказаться, слѣдовательно, воспринявшая въ себя рядъ извѣстныхъ впечатлѣній и переработавшая ихъ силою собственной

мысли. Личности же вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ я только терплю и допускаю, какъ выраженіе личности автора, какъ форму, въ которую ему заблагоразсудилось вложить свою идею. Если я съ идеею согласенъ, если я ей сочувствую, а выведенныя личности оказываются блѣдными и неестественными, то я скажу, что авторъ— неопытный музыкантъ, что чувство въ немъ есть, а техническаго умѣнья мало; замѣтивши этотъ недостатокъ, я все-таки буду, можетъ быть, нѣкоторые отрывки читать съ удовольствіемъ, вѣроятно тѣ отрывки, въ которыхъ сила внутренняго убѣжденія и воодушевленія укрѣпляетъ неопытныя руки виртуоза, и заставляетъ его на нѣсколько мгновеній побѣдить трудности техники. Ничего, современемъ будетъ прокъ, явится навыкъ, можно будетъ сказать, закрывая книгу, написанную такимъ образомъ, т. е. съ неподдѣльною теплотою, но безъ достаточнаго знанія жизни; читатель съ добрымъ чувствомъ разстанется съ такимъ писателемъ, и съ радостью встрѣтится съ нимъ въ другой разъ. Но если въ разсказѣ, великолѣпно обставленномъ живыми подробностями, не видно идеи и чувства, не видно личности творца, то общее впечатлѣніе будетъ совершенно неудовлетворительно. Вамъ покажется, что передъ вами играетъ на фортепіано какой нибудь заѣзжій искусникъ, выдѣлывающій удивительныя штуки пальцами, исполняющій съ быстротою молніи невообразимыя трели и рулады, возбуждающій ваше искреннее изумленіе бѣглостью рукъ, но ничѣмъ не дающій вамъ почувствовать, что онъ человѣкъ, Тутъ ужъ нѣтъ никакой надежды; тутъ года не принесутъ пользы; пріобрѣсти фактическія знанія можно, усвоить технику какого угодно искуства тоже не большая трудность, но откуда же взять свѣжести чувства, самодѣятельной энергіи мысли, той электрической, непонятной силы, которая берется въ насъ Богъ вѣсть откуда и уходитъ съ годами Богъ вѣсть куда?

Словомъ, только личное воодушевленіе автора грѣетъ и раскаляетъ его произведеніе; гдѣ этого личнаго воодушевленія не замѣтно, тамъ, какъ бы ни были вѣрно подмѣчены и искусно сгруппированы подробности, тамъ, повторяю, нѣтъ истинной силы, нѣтъ истинно обаятельнаго вліянія поэзіи, нѣтъ—сочувствія между поэтомъ и читателемъ.

III.

Между публикою и любимымъ писателемъ почти всегда устанавливаются извѣстныя отношенія, основанныя на сочувствіи и довѣріи. Любя произведенія какого нибудь NN, невольно составляешь себѣ понятіе о его личности, допускаешь въ ней тѣ или другія свойства и рѣшительно отвергаешь разныя темныя пятна. Иногда случается разочароваться, и часто подобное разочарованіе бываетъ такъ же тяжело, какъ разочарованіе въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ. Гончаровъ—писатель, любимый публикою; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, странное дѣло, между нимъ и публикою положительно нѣтъ подобныхъ отношеній; его человѣческой личности никто не знаетъ по его произведеніямъ; даже въ дружескихъ письмахъ, составившихъ собою Фрегатъ Палладу, не сказались его убѣжденія и стремленія; выразилось только то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго писаны письма; настроеніе это переходитъ отъ спокойно лѣниваго къ спокойно веселому, и больше намъ не представляется никакихъ данныхъ для обсужденія личнаго характера нашего художника. Во всякомъ случаѣ, если два большіе романа, которыхъ сюжеты взяты изъ современной жизни, не выражаютъ ясно даже отношеній автора къ идеямъ и явленіямъ этой жизни,—это значитъ, что въ этихъ романахъ есть умышленная или нечаянная недоговоренность, и что эти романы продуманы и состроены, а не прочувствованы и созданы. Бѣглый вздлядъ на остовъ Обыкновенной исторіи и Обломова подтвердитъ эту мысль. Обыкновенная исторія говоритъ намъ: вотъ что дѣлается изъ молодаго человѣка, подъ вліяніемъ нашей петербургской жизни. Ну что же такое? спрашиваетъ читатель. Что она его формируетъ или портитъ? Что она сама хороша или дурна?—На второй вопросъ Гончаровъ отвѣчаетъ такъ: Петербургская жизнь вотъ какая, и описываетъ наружность этой жизни, тщательно избѣгая какихъ бы то ни было отношеній къ этой наружности. Положимъ, у васъ спрашиваютъ, хороша такая-то женщина? вы отвѣчаете:—носъ у нея такой–то длины и такой–то ширины, ротъ такой-то величины; зубовъ столько–то, такого–то цвѣта глаза, столько-то линій въ длину и столько–то въ разрѣзѣ, цвѣтъ ихъ такой–то и т. д. Согласитесь, что изъ подобнаго безпристрастнаго описанія не вынесешь сколько

нибудь цѣлостнаго понятія о характерѣ физіономіи, какимъ бы увлекательнымъ языкомъ ни были записаны эти статистическія данныя. Точно также описаніе петербургскаго житья бытья у Гончарова выходитъ неяркимъ потому, что авторъ рѣшительно не хочетъ выразить своего мнѣнія, своего взгляда на вещи.

На вопросъ о томъ, формируетъ или портитъ эта жизнь молодаго Александра Адуева, Гончаровъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ намъ разсказываетъ въ концѣ романа, что Александръ пріобрѣлъ лысину, почтенную полноту, и житейскую опытность, охладившую его мечтательность; тѣмъ дѣло и кончается. Читатель вправѣ сказать: г. Гончаровъ, я самъ очень хорошо знаю, что у человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ вылѣзаютъ волосы, что сидячая жизнь увеличиваетъ въ насъ количество жара, и что съ годами мы становимся опытнѣе. Вы описали все это чрезвычайно подробно, вѣрно и наглядно, но вы не сказали намъ ничего новаго, и скрыли отъ насъ внутренній смыслъ вашихъ сценъ и картинъ. Дѣйствительно, крупныя, типическія черты нашей жизни почти умышленно сглажены писателемъ и слѣдовательно ускользаютъ отъ читателя, зато отдѣлка подробностей тонка, красива, какъ брюссельскія кружева, и, по правдѣ сказать, почти такъ же безполезна; Александръ приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ чиновниковъ — объ этомъ сказано вскользь, и потомъ сообщенъ результатъ, что онъ привыкъ къ канцелярской работѣ и сталъ получать порядочное жалованье. Александръ вступаетъ въ сношенія съ журналами,—объ этомъ тоже упоминается мимоходомъ, и только для того, чтобы отмѣтить приращеніе его годоваго дохода. Двѣ такія важныя стороны нашей жизни, какъ бюрократія и періодическая литература не удостоиваются внимательнаго разсмотрѣнія, а между тѣмъ приводятся отъ слова до слова длиннѣйшіе разговоры между Петромъ Ивановичемъ и Александромъ, между Александромъ и Наденькою. Александромъ и Тафаевою, и т. п. Это—ошибка, какъ передъ изображеніемъ самой жизни, такъ даже и передъ личностью самого героя; положимъ, старшіе родственники и любимыя женщины имѣютъ значительное вліяніе на формированіе характера и убѣжденій; но вѣдь все-таки формируетъ-то самая жизнь, столкновеніе съ ея дрязгами, съ ея сѣрыми, трудовыми сторонами; намъ любопытно видѣть, какъ живутъ герои Гончарова, а онъ намъ показываетъ, какъ они резонерствуютъ о жизни или мечтаютъ о ней, сидя рядомъ съ героинями, гдѣ нибудь подъ кустомъ сирени, въ тѣнистой бесѣдкѣ. Это очень

хорошо и трогательно, но это не жизнь, а развѣ — крошечный уголокъ жизни. Конечно, таланту Гончарова должно отдать полную дань удивленія: онъ умѣетъ удерживать насъ на этомъ крошечномъ уголкѣ въ продолженіи цѣлыхъ сотенъ страницъ, не давая намъ ни на минуту почувствовать скуку или утомленіе; онъ чаруетъ насъ простотою своего языка и свѣжею полнотою своихъ картинъ, но, если вы, по прочтеніи романа, захотите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вы вмѣстѣ съ авторомъ пережили, передумали и перечувствовали, то у васъ въ итогѣ получится очень немного. Гончаровъ открываетъ вамъ цѣлый міръ, но міръ микроскопическій; какъ вы приняли отъ глаза микроскопъ, такъ этотъ міръ исчезъ, и капля воды, на которую вы смотрѣли, представляется вамъ снова простою каплею. Еслибы эта сила анализа, невольно подумаете вы, была направлена не на мелочи, а на жизнь во всей ея широтѣ, во всемъ ея пестромъ разнообразіи, — какія бы чудеса она могла произвести! — Эта мысль ошибочна; кто останавливается на анализѣ мелочей, тотъ, стало быть, и неспособенъ идти дальше и подниматься выше. Гончаровъ останется на анализѣ мелочей потому, что у него нѣтъ побудительной причины перейдти къ чему-либо другому; онъ холоденъ, его не волнуютъ и не возмущаютъ крупныя нелѣпости жизни; микроскопическій анализъ удовлетворяетъ его потребности мыслить и творить, на этомъ поприщѣ онъ пожинаетъ обильные лавры, — стало быть, о чемъ же еще хлопотать, къ чему еще стремиться? Словомъ, г. Гончаровъ, какъ художникъ, то-же самое, что г. Срезневскій, какъ ученый; первый творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ, не спрашивая себя о томъ, высѣкаетъ-ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую или вытачиваетъ красивую бездѣлушку для письменнаго стола богатаго барина; второй точно также изслѣдуетъ для процесса изслѣдованія, не спрашивая себя о томъ, стоитъ-ли игра свѣчей, и выйдетъ-ли изъ его трудовъ какой нибудь осязательный результатъ. Обѣ эти личности, представители одного типа, выработались подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, сжились съ ними, и, почисливъ вопросы жизни рѣшенными вполнѣ удовлетворительно, обратили дѣятельность свою на шлифованіе подробностей, не имѣющихъ даже относительной важности. Какъ, спроситъ съ негодованіемъ мой читатель? И Обломовъ — шлифованіе подробностей? Да, отвѣчу я съ подобающею скромностью, Обломовъ, какъ нравоописательный романъ,

не что иное, какъ шлифованіе подробностей. Типъ Обломова не созданъ Гончаровымъ; это повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева; но Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ приведены въ связь съ коренными свойствами и особенностями нашей зачинающейся цивилизаціи, а Обломовъ поставленъ въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента. Бельтовъ и Рудинъ сломлены и помяты жизнью, а Обломовъ просто лѣнивъ, потому что лѣнивъ. Вліяніе общества на личность героя здѣсь, какъ и въ Обыкновенной исторіи, скрыто отъ глазъ читателя; авторъ понимаетъ, что оно должно существовать, но онъ держитъ его гдѣ-то за кулисами, и изъ-за этихъ кулисъ его герой выходитъ совершенно готовымъ и начинаетъ разсуждать и ходить по сценѣ. Если читатель возразитъ мнѣ, что «сонъ Обломова» объясняетъ намъ процессъ его развитія, то я на это отвѣчу, что «сонъ» говоритъ только о младенческихъ годахъ нашего героя. Никакой характеръ не оказывается сложившимся въ десяти или двѣнадцати-лѣтнемъ мальчикѣ; тѣмъ болѣе, не могъ сложиться въ такіе годы характеръ Обломова, котораго и въ тридцать пять лѣтъ можно было ворочать куда угодно; стало-быть, зачѣмъ же авторъ, заговоривши о воспитаніи и развитіи своего героя, не далъ намъ сценъ изъ его гимназической, студенческой, чиновнической жизни? Вѣдь это, воля ваша, было бы нетолько плодотворнѣе, но даже интереснѣе многихъ сценъ между Обломовымъ и Захаромъ. Вѣдь любопытно знать, что именно формируетъ у насъ Обломовыхъ, гораздо любопытнѣе, чѣмъ смотрѣть на то, какъ уже сформированные Обломовы, т. е. люди, на которыхъ надо махнуть рукою, валяются на диванѣ и плюютъ въ потолокъ. Но, какъ вездѣ, интересный, живой вопросъ обойденъ, а подробностей—гибель.

Изображая личность Обломова, Гончаровъ могъ еще ограничиться тѣсною сферою, не выходить за предѣлы кабинета и спальни, и занимать своего читателя пересказываніемъ того, что говорили между собою Илья Ильичъ и Захаръ. Но вотъ нашъ художникъ хочетъ противупоставить своему лѣнивому герою лицо дѣятельное, весело и дѣльно смотрящее на жизнь, и энергически расправляющееся съ ея дрязгами и невзгодами. Является Андрей Ивановичъ Штольцъ, о которомъ даже самъ авторъ возвѣщаетъ не безъ торжественности, говоря, что это человѣкъ будущаго, что много Штольцевъ кроется подъ русскими именами, что люди такого закала будутъ дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ. О, думаете вы, вотъ тутъ-то Гончаровъ выскажетъ то,

что у него на душѣ, тутъ-то онъ воспользуется всѣми собранными матеріалами, чтобы дать плоть и кровь этому человѣку будущаго, тутъ-то онъ приведетъ своего любимаго героя въ столкновеніе съ разными сторонами и типическими особенностями нашей жизни. Вы продолжаете читать съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, и убѣждаетесь въ томъ, что Штольцъ ведетъ себя точно также, какъ всѣ гончаровскіе герои, т. е. много говоритъ, хорошо округляетъ періоды, самодовольно развертываетъ передъ слущателемъ свои убѣжденія, и ничего не дѣлаетъ; о его дѣятельности, которая составляетъ сущность его характера и замѣчательнѣйшее его достоинство, авторъ разсказываетъ намъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Штольцъ представленъ внѣ жизни. А Штольцъ безъ жизни все равно, что рыба безъ воды; онъ выведенъ изъ своего естественнаго положенія, и потому самъ блѣденъ и неестественъ до крайности. Такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ не дѣйствуетъ, то ему, чтобы зарекомендовать себя читателю, поневолѣ приходится говорить самому о себѣ: я, дескать, человѣкъ дѣятельный, вѣрьте мнѣ на-слово; автору точно также приходится обращаться къ вѣрѣ читателя и говорить ему: «Штольцъ у меня человѣкъ дѣятельный; дѣятельности его вы не увидите, но онъ, право, постоянно занятъ.» Читатель, расположенный къ скептицизму, подумаетъ при этомъ такъ: «если романистъ приписываетъ одному изъ своихъ героевъ какое нибудь качество, а между тѣмъ это качество не выражается въ его дѣйствіяхъ, то я, читатель, имѣю право заключить, что у автора не хватило силъ вложить въ образы то, что онъ выразилъ въ отвлеченной фразѣ.» Дѣятельный Штольцъ принадлежитъ къ разряду лицъ, подобныхъ добродѣтельному становому г. Львова, и знаменитому чиновнику его сіятельства графа Соллогуба. Читатель—скептикъ не ошибется въ своемъ предположеніи. Впрочемъ, то обстоятельство, что Гончаровъ взялся за сооруженіе своего Штольца, и то обстоятельство, что это сооруженіе вышло до крайности неудачнымъ, такъ характерны, что объ нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Дѣйствующія лица романовъ Гончарова постоянно вращаются въ безразличной атмосферѣ, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыя не проникаетъ русскій духъ, и становятся другъ къ другу въ такія отношенія, которыя зависятъ отъ особенностей ихъ личнаго характера, а не отъ условій мѣста и времени. Декораціи у Гончарова русскія; для обстановки онъ выводитъ русскаго лакея, русскую кухарку, но это—аксессуары, которые могутъ быть устранены, не нарушая завязки романа: глав-

ныя дѣйствующія лица созданы головою автора, а не навѣяны впечатлѣніями живой дѣйствительности. Задавшись своею идеею, набросавъ ее въ общихъ чертахъ, г. Гончаровъ потомъ уже съ натуры подрисовываетъ подробности, и все вмѣстѣ выходитъ очень удовлетворительно, и на первый взглядъ кажется романомъ, взятымъ изъ русской жизни и воспроизводящимъ русскіе типы. Но это только на первый взглядъ. Отдѣлайтесь только отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте аксессуары, неотносящіеся къ дѣлу, обратите все ваше вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается смыслъ романа, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, и, кромѣ того, ничего типичнаго. Если мы поступимъ такимъ образомъ съ Обыкновенной Исторіей, то увидимъ, что смыслъ романа лежитъ въ двухъ фигурахъ, въ дядѣ и въ племянникѣ, и что изъ этихъ двухъ фигуръ, одна невѣрна и неестественна, а другая совершенно пассивна и безцвѣтна.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя,—невѣренъ съ головы до ногъ. Это какой-то англійскій джентльменъ, пробившій себѣ дорогу въ люди силою своего ума, составившій себѣ карьеру и состояніе, и при этомъ нисколько не загрязнившійся. Въ нашемъ отечествѣ дорога къ почестямъ и деньгамъ усѣяна всякаго рода терніями. Кто хочетъ преуспѣть на томъ поприщѣ, по которому путешествовалъ Петръ Ивановичъ, тотъ немного сохранитъ въ себѣ гонора и фанаберіи; подъ старость непремѣнно дойдетъ до положенія Фамусова, а вѣдь между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ огромная разница. Петра Ивановича видимо уважаетъ г. Гончаровъ, а къ Фамусову онъ, по всей вѣроятности, отнесся бы съ добродѣтельнымъ презрѣніемъ. Это видимое различіе между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ не можетъ быть объяснено различіемъ времени. Скажите по совѣсти, неужели мы такъ много ушли впередъ съ тѣхъ поръ, какъ была написана комедія Грибоѣдова. Неужели вы до сихъ поръ не встрѣчаете между вашими знакомыми Фамусова, Молчалина и Скалозуба? Формы стали дѣйствительно поприличнѣе, но что же это за утѣшеніе! Неужели же г. Гончаровъ, выводя своего героя, обманулся внѣшнею благопристойностью формы, и не умѣлъ заглянуть поглубже и распознать подъ гладкими фразами Петра Ивановича родовыхъ свойствъ фамусовскаго типа? Врядъ-ли такой острый аналитикъ могъ впасть въ грубую ошибку, въ которой можетъ уличить его всякій школьникъ. Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что въ самомъ Фамусовѣ авторъ Обыкновенной Исторіи осудилъ бы не сущность, а

внѣшнее неблагообразіе. Потихоньку вести свои дѣла, заводить связи и поддерживать ихъ изъ чистаго расчета, заниматься такимъ дѣломъ, къ которому не лежитъ сердце и котораго не оправдываетъ умъ, оставлять подъ спудомъ въ практикѣ тѣ идеи, которыя исповѣдуешь въ теоріи, смотрѣть съ скептическою улыбкою на порывы молодежи, стремящейся обратить слово въ дѣло — всѣ эти вещи можно назвать благоразуміемъ, лишь бы онѣ не представлялись въ полной наготѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Своему герою г. Гончаровъ приписываетъ именно это благоразуміе, утаивая и сглаживая тѣ сѣренькія стороны, которыя неизбѣжно связаны съ этимъ благоразуміемъ. Но утаить и сгладить эту обратную сторону медали можно было только съ тѣмъ условіемъ, чтобы показывать читателямъ одну сторону дѣла. Еслибы г. Гончаровъ вздумалъ выдержать очерченный имъ характеръ, приведя его въ столкновеніе со всѣми фазами русской жизни, тогда ему пришлось бы всѣ эти фазы выдумать самому, и тогда вопіющая неестественность бросилась бы въ глаза каждому читателю. На этомъ основаніи надо было пройдти молчаніемъ всѣ отношенія Петра Ивановича къ тому міру, который лежитъ за предѣлами его кабинета и спальни. На этомъ основаніи нельзя было сказать ни слова о томъ, какъ Петръ Ивановичъ вышелъ въ люди; даже тѣ средства и пути, которыми его племянникъ пріобрѣлъ себѣ независимое положеніе, покрыты мракомъ неизвѣстности. Петръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, какъ подчиненный, какъ начальникъ, какъ свѣтскій человѣкъ—не существуетъ для читателя Обыкновенной Исторіи, и не существуетъ именно потому, что автору предстояло рѣшить грозную дилемму: или выдумать отъ себя всю рускую жизнь, и превратить Петербургъ въ Аркадію, или бросить грязную тѣнь на своего героя, какъ на человѣка, подкупленнаго этою жизнью и отстаивающаго ея нелѣпости ради своихъ личныхъ выгодъ. Чтобы не насиловать явленія жизни, чтобы не становиться къ нимъ въ ложныя отношенія, и чтобы не закидать грязью своего героя, г. Гончаровъ заблагоразсудилъ въ Обыкновенной Исторіи совершенно отвернуться отъ явленій жизни. Отнестись къ нимъ съ тѣмъ суровымъ отрицаніемъ, съ которымъ относились къ нимъ всѣ честные дѣятели русской мысли, открыто заявить свое *non-conformity*, г. Гончаровъ не рѣшился. Почему? — Отвѣчать на этотъ вопросъ не мое дѣло; пусть отвѣтитъ на него самъ романистъ. Во всякомъ случаѣ въ Обыкновенной исторіи онъ исполнилъ удивительный *tour de force*,

и исполнилъ его съ безпримѣрною ловкостью; онъ написалъ большой романъ, не говоря ни одного слова о крупныхъ явленіяхъ нашей жизна; онъ вывелъ двѣ невозможныя фигуры и увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что это дѣйствительно существующіе люди; онъ сталъ въ первый рядъ русскихъ литераторовъ, не откликаясь ни однимъ звукомъ на вопросы, поставленные историческою жизнью народа, пропуская мимо ушей то, что носится въ воздухѣ и составляетъ живую связь между живыми дѣятелями. Исполнить такого рода tour de force, и притомъ исполнить его на глазахъ Бѣлинскаго, удалось г. Гончарову только благодаря удивительному совершенству техники, невыразимой обаятельности языка, безпримѣрной тщательности въ отдѣлкѣ мелочей и подробностей. Герои г. Гончарова ведутъ между собою такіе живые разговоры, что, прислушиваясь къ нимъ, невольно забываешь невѣрность ихъ типа и невозможность ихъ существованія. А между тѣмъ, эта невѣрность и невозможность, незаявленныя положительно въ нашей критикѣ, заявляются въ ней отрицательно. Рудина, Лаврецкаго, Калиновича, Бешметева наши критики берутъ какъ представителей типовъ, какъ живыхъ людей, служащихъ образчиками русской натуры, а героевъ г. Гончарова никто не беретъ такимъ образомъ, потому что, повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, и нѣтъ никакой натуры.

Оба Адуевы, дядя и племянникъ, не обратились и никогда не обратятся въ полу-нарицательныя имена, подобныя Онѣгину, Фамусову, Молчалину, Ноздреву, Манилову и т. п. Что сказать о личности Александра Ѳедоровича Адуева, племянника? Только и скажешь, что у него нѣтъ личности, а между тѣмъ даже и безличность или безхарактерность не можетъ быть поставлена въ число его свойствъ. Онъ молодъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ съ большими надеждами и съ сильною дозою мечтательности; петербургская жизнь понемногу разбиваетъ его надежды и заставляетъ его быть скромнѣе и смотрѣть подъ ноги, вмѣсто того, чтобы носиться въ пространствахъ эѳира; онъ влюбляется; ему измѣняетъ любимая дѣвушка; онъ напускаетъ на себя хандру и понемногу отъ нея вылечивается; потомъ онъ влюбляется въ другую, и на этотъ разъ уже самъ измѣняетъ своей Дульцинеѣ; съ годами онъ становится разсудительнѣе; при этомъ онъ постоянно споритъ съ своимъ дядею и мало-по-малу начинаетъ сходиться съ нимъ во взглядѣ на жизнь; романъ кончается тѣмъ, что оба Адуевы сходятся между собою совершенно въ понятіяхъ и наклон-

ностяхъ. — «Это канва романа, скажете вы; это общія черты, контуры, которыя можно раскрасить какъ угодно.» Это правда; и эти контуры такъ и остались нераскрашенными; блѣдность и недодѣланность ихъ опять-таки замаскированы тщательностью внѣшней отдѣлки. Напримѣръ, Александръ ѣдетъ къ той дѣвушкѣ, которую онъ любитъ; онъ чувствуетъ сильное нетерпѣніе, и г. Гончаровъ чрезвычайно подробно разсказываетъ въ какихъ именно внѣшнихъ признакахъ проявлялось это нетерпѣніе, какъ сидѣлъ его герой, какъ онъ перемѣнялъ положеніе, какое впечатлѣніе производили на него окрестные виды; потомъ эта дѣвушка ему измѣнила, предпочла другаго—и г. Гончаровъ опять-таки съ дагерротипическою вѣрностью воспроизводитъ внѣшнія выраженія отчаянія, а потомъ апатіи своего героя. Онъ пишетъ вообще исторію болѣзни, а не характеристику больнаго; поэтому, еслибы романъ г. Гончарова попался въ руки какому нибудь разумному жителю луны, то этотъ господинъ могъ бы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ говорятъ, любятъ, живутъ, наслаждаются и страдаютъ на землѣ животныя, называемыя людьми. Но мы, къ сожалѣнію, все это знаемъ по горькому опыту, и потому тѣ общія черты, которыя нашъ романистъ разработываетъ съ замѣчательнымъ искуствомъ, представляютъ для насъ мало существеннаго интереса. Мы знаемъ, что, отправляясь на свиданіе съ любимою женщиною, молодой человѣкъ чувствуетъ усиленное біеніе сердца; какъ подробно ни описывайте этого симптома, вы охарактеризуете только извѣстное физіологическое отправленіе, а не очертите личной физіономіи. Описывать подобные моменты все равно, что описывать, какъ человѣкъ жуетъ или храпитъ во снѣ, или сморкается. Дѣло другое, если герой, отправляясь на свиданіе, перебираетъ въ головѣ такія идеи, которыя составляютъ его типовое или личное свойство; тогда его мысли стоитъ отмѣтить и воспроизвести. Но г. Гончаровъ думаетъ иначе; онъ съ зеркальною вѣрностью отражаетъ все, или, вѣрнѣе, все то, что находитъ удобоотражаемымъ, все безцвѣтное, т. е. именно все то, чего не слѣдовало и не стоило отражать.

Условія удобоотражаемости измѣняются съ годами; что было неудобно лѣтъ десять тому назадъ, то сдѣлалось удобнымъ и общепринятымъ теперь. Вслѣдствіе этихъ измѣненій въ воздухѣ времени, измѣнилось и направленіе г. Гончарова. Его «Обыкновенная Исторія», за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, которыя какъ-то не вяжутся съ цѣлымъ и какъ-будто приклеены чужою рукою, говоритъ довольно

прямо, хоть и очень осторожно: «эхъ, молодые люди, протестанты жизни, бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей! — все это пустяки, фантазерство! — надѣньте вицмундиры, вооружитесь хорошо очиненными перьями, покорностью и терпѣньемъ, молчите, когда васъ не спрашиваютъ, говорите, когда прикажутъ и что прикажутъ, скрипите перьями, не спрашивая, о чемъ и для чего вы пишете, — и тогда, повѣрьте мнѣ, всѣ будутъ вами довольны и вы сами будете довольны всѣмъ и всѣми». Эти мысли и воззрѣнія въ свое время были какъ нельзя болѣе кстати; ихъ надо было только выразить съ нѣкоторою осторожностью, чтобы не прослыть за послѣдователя почтеннѣйшаго Булгарина; а, какъ мы видѣли, дипломатической осторожности въ Обыкновенной Исторіи дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ мысли, и несравненно больше, чѣмъ чувства. Но времена перемѣнились, и пришлось настраивать лиру на новый ладъ; всѣ заговорили о прогрессѣ, о разумѣ, и г. Гончаровъ также заблагоразсудилъ дать нашему обществу урокъ, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. » Россіяне! говоритъ онъ въ своемъ Обломовѣ, всѣ вы спите. Всѣ вы равнодушны къ судьбѣ родины, всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна и заплыли жиромъ, что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ Нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе Славяне, изъ Нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя русской земли. » — И Россіяне, съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную донельзя фигуру Обломова, и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: » да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ — Обломовщина, Обломовщина!.. Всѣ мы — Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ, и т. д. Добрые люди! напрасно вы такъ на себя ропщете; да что же вы будете дѣлать? Какая это вамъ пригрезилась работа? Это, должно быть, одно изъ слѣдствій вашего продолжительнаго сна; перевернитесь на другой бокъ и усните опять. Вы можете быть или Обломовыми, или Молчалиными, Фамусовыми и Петрами Ивановичами; первые — байбаки, тряпки; вторые — положительные дѣятели; но всякій порядочный человѣкъ скорѣе согласится быть Обломовымъ, чѣмъ Фамусовымъ. Г. Гончаровъ, какъ авторъ Обломова (*), думаетъ иначе; онъ думаетъ, что

(*) Какъ авторъ Обыкновенной Исторіи, г. Гончаровъ думаетъ совсѣмъ не

дѣло ждетъ, а работники спятъ, такъ что приходится нанимать ихъ за границею; спятъ они не потому, что ихъ измучила работа, не потому, что ихъ истомила жажда, и пропекли жгучіе лучи солнца, а потому, что—негодящій народъ, лѣнтяи, увальни, жиромъ заплыли! Вотъ ужъ это дешевая клевета, пустая фраза, разведенная на цѣлый, огромный романъ. Г. Гончаровъ, какъ Паншинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыпятся въ ротъ жареные рябчики, и l'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его Обломовъ и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе начальника, высказанное подчиненному; «чтожъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя! вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Г. Гончаровъ, очевидно, думалъ этою мыслію попасть въ ноту, и дѣйствительно, многимъ показалось, что онъ попалъ; а на повѣрку выходитъ, что пѣнье было фальшивое, да и подтягивалъ-то онъ не тенoромъ, а фистулою. Дѣло въ томъ, что Обломовъ похожъ на Бельтова, Рудина и Бешметева, только гораздо рѣзче обрисованъ; вотъ многимъ, если не всѣмъ, и покажись въ то время, что г. Гончаровъ говоритъ то же самое, что Тургеневъ и Писемскій; а г. Гончаровъ говорилъ другое, только съ свойственною ему осторожностью. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ доходятъ до своей дряпности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—люди измятые и изковерканные жизнью, а Обломовъ человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ—организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др. наше общество нуждается въ реформахъ, по мнѣнію г. Гончарова—мы всѣ больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то же самое. Вотъ изъ этого-то взгляда и вытекла попытка г. Гончарова соорудить нелѣпую фигуру Штольца. Положительныхъ дѣятелей нѣтъ; это фактъ, который рѣшается признать нашъ романистъ; но почему ихъ нѣтъ? спрашиваетъ онъ. Дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ онъ боится, потому что такой отвѣтъ можетъ повести ужасно далеко, по русской пословицѣ: языкъ до Кіева доводитъ. Вотъ онъ и отвѣчаетъ: «дѣятелей нѣтъ, потому что мы страдаемъ

то: тамъ онъ думаетъ, что все хорошо и всѣ хороши; стоитъ только приглядѣться, да втянуться.

Обломовщиною.» Это не отвѣтъ, это повторенiе вопроса въ другой формѣ, а между тѣмъ фраза облетѣла всю Россiю, Обломовщина вошла въ языкъ, и даже талантливый критикъ Современника посвятилъ цѣлую критическую статью на разборъ вопроса: что такое Обломовщина? Далѣе, г. Гончаровъ разсуждаетъ такъ: если мы страдаемъ припадками болѣзни, то, чтобы изобразить положительнаго дѣятеля, стоитъ только представить здороваго человѣка; въ насъ недостаетъ энергiи, стало–быть, если приписать энергiю какому-нибудь джентльмену, если заставить его ходить большими шагами, говорить рѣшительно и громко, рѣшать, не задумываясь, теоретическiе вопросы — великая задача будетъ рѣшена, ключъ найденъ, рецептъ положительнаго дѣятеля составленъ; остается только послать въ аптеку, чтобы тамъ подписали: ordinavit nobis doctor vitae russicae I. Gontcharow. А–ну, какъ въ аптекѣ не найдется матерiаловъ? Что, если провизоръ усмѣхнется, прочитавъ рецептъ и отвѣтитъ ученому доктору, что такихъ специй въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что такiя химическiя соединенiя невозможны ни подъ какою широтою? Что тогда? Ничего. Докторъ умоетъ руки, скажетъ, что больной непремѣнно выздоровѣлъ бы, еслибы можно было найдти птичье молоко, о которомъ толкуетъ его рецептъ. Въ дѣйствительности, больной непоправится, но зато докторъ будетъ правъ: онъ не задумался, онъ рѣшилъ вопросъ; его ли вина, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ теорiи, или, вѣрнѣе, въ фантазiи? Да и всего вѣрнѣе, что робкiй провизоръ не отвѣтитъ доктору такъ рѣзко, какъ мы это предположили. Благоговѣя передъ репутацiею ученаго мужа, онъ начнетъ смѣшивать и размѣшивать, и, если у него не выдетъ требуемаго соединенiя, отнесетъ свою неудачу насчетъ собственной неловкости, вмѣсто того, чтобы обличить эскулапа въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ. Благоговѣнiе передъ авторитетами, общими и частными, одинаково сильно: въ аптекахъ и въ журналахъ. Если откинуть это благоговѣнiе, то надо будетъ сказать напрямикъ, что весь Обломовъ— клевета на русскую жизнь, а Штольцъ, — просто faux-fuyant, подставное рѣшенiе вопроса, вмѣсто истиннаго, попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся впродолженiи цѣлыхъ десятилѣтiй истинно добросовѣстные дѣятели. Да! Авторъ Обыкновенной Исторiи напрасно прикинулся прогрессистомъ: обращаясь къ нашему потомству, г. Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!

IV.

Теплѣе и искреннѣе могутъ быть наши отношенія къ Тургеневу и къ Писемскому. Оба они — честные дѣятели и прямые люди; оба смотрятъ на явленіе нашей жизни, понимая и чувствуя свое сродство съ ними; оба говорятъ о нихъ то, что думаютъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ искренно и задушевно, не задавая себѣ задачи поддѣлаться подъ господствующій тонъ. За эту правдивость, за эту честную стойкость имъ можно сказать большое спасибо; говорить что думаешь, не насилуя себя — совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется; этого даже нельзя и требовать отъ всякаго, но этимъ свойствомъ надо дорожить въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Имена двухъ романистовъ нашихъ, Тургенева и Писемскаго чисты; никто не обвинитъ ихъ, какъ людей и какъ писателей, въ потаканіи и нашимъ и вашимъ. Это отрицательное достоинство, можетъ замѣтить читатель; я съ этимъ совершенно согласенъ, но, именно это отрицательное достоинство въ наше время такъ рѣдко, что его стоитъ отмѣтить тамъ, гдѣ мы его замѣчаемъ. Читая романы Писемскаго и Тургенева пріятно сознавать, что каждая строчка ихъ произведеній — не фраза, брошенная для удовольствія тѣхъ или другихъ читателей, а дѣйствительное выраженіе дѣйствительно существующаго въ авторѣ чувства или воззрѣнія. Съ этими чувствами и воззрѣніями можно не соглашаться, но ихъ нельзя не уважать, потому что право на уваженіе имѣетъ всякое искреннее убѣжденіе.

Существенное различіе между Тургеневымъ и Писемскимъ бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ обзорѣ ихъ произведеній; это различіе было не разъ отмѣчено въ нашей критикѣ; еще на давно г. А. Григорьевъ назвалъ Писемскаго — представителемъ реализма, а Тургенева — представителемъ и чуть ли не послѣднимъ могиканомъ идеализма. Такого рода разграниченіе обыкновенно ведетъ къ спору о сравнительномъ достоинствѣ этихъ двухъ направленій, и слѣдовательно заводитъ въ такую глубь эстетики, которою, какъ мнѣ кажется, было бы безполезно и невѣжливо утомлять читателя. Для меня Тургеневъ и Писемскій важны настолько, насколько они разъясняютъ явленія жизни; слѣдовательно, для меня всего интереснѣе отношенія ихъ къ изображаемымъ ими типамъ. Что же касается до того, какъ

каждый изъ нихъ рисуетъ явленія и картины, то этотъ вопросъ имѣетъ для меня совершенно второстепенный интересъ. Пусть одинъ рисуетъ крупными штрихами, а другой съ любовью отдѣлываетъ подробности все равно; они могутъ сходиться между собою въ результатахъ. Разбирать манеру писателя и отдѣлять ее отъ манеры другаго писателя почти то же самое, что писать стилистическое изслѣдованіе; это конечно важно для характеристики писателя, но это не можетъ служить отвѣтомъ на нашъ вопросъ: что сдѣлали Тургеневъ и Писемскій для нашего общественнаго сознанія? — Чтобы сколько нибудь разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ, надо обратиться къ остову романовъ и повѣстей нашихъ литераторовъ, взглянуть на нихъ почти à vol d'oiseau, отмѣтить выдающіеся типы, и, главное, отдать себѣ ясный отчетъ въ отношеніи авторовъ къ этимъ типамъ.

При теперешнемъ положеніи женщины въ обществѣ и въ семействѣ, мужчина является необходимымъ и единственнымъ проводникомъ идей, носящихся въ воздухѣ эпохи, — въ тѣ домашніе кружки, которые замѣняютъ намъ общество. Подъ вліяніемъ этихъ идей, понятыхъ такъ или иначе, складываются обстоятельства жизни, формируются характеры, опредѣляются направленія мысли и дѣятельности. Мужчины приходятъ въ непосредственныя столкновенія съ жизнью; они серьезно учатся, служатъ, обдѣлываютъ жизнь въ ту или въ другую форму, смотря по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ времени и мѣста. Женщины въ настоящее время зависятъ отъ мужчинъ въ отношеніи къ своему матеріальному положенію, въ отношеніи къ своему развитію, къ взгляду на жизнь, къ тому складу и направленію, которое принимаетъ все ихъ существованіе. При анализѣ романа не мѣшаетъ взять отдѣльно эти два ряда типовъ и личностей; одни лица — дѣятельныя, распоряжающіяся обстоятельствами, испытывающія на себѣ ихъ непосредственное вліяніе; другія лица — пассивныя, зависящія отъ первыхъ, получающія отъ нихъ свѣтъ преломленный и видоизмѣненный. Мужчины зависятъ отъ общихъ условій; женщины отъ частныхъ условій, отъ отдѣльныхъ личностей, отъ отца, отъ старшаго брата, отъ любовника или мужа. Общія условія почти для всѣхъ одни и тѣ же; слѣдовательно, эти условія въ извѣстной сферѣ общества выработываютъ довольно опредѣленное количество типовъ; личнаго разнообразія искать и требовать мудрено; одинъ мирится съ общими условіями, другой заявляетъ свой протестъ, — вотъ вамъ двѣ главныя категоріи, подъ которыя можно подвести личности мыслящія и дѣйствующія; одни идутъ

направо, другіе налѣво; кромѣ того одни идутъ по избранному направленію скорѣе, другіе медленнѣе, одни идутъ сознательно, другіе изъ обезьянства, одни легко устаютъ, другіе оказываются неутомимыми, но всѣ эти второстепенные оттѣнки происходятъ уже отъ того, что у одного человѣка больше мозга въ головѣ, у другаго больше крови въ жилахъ, у третьяго больше лимфы въ сосудахъ, у четвертаго больше желчи выдѣляется изъ печени. Физіологу можетъ быть очень интересно разграничивать эти оттѣнки и сортировать сообразно съ ними людскіе характеры, но для физіологіи общества подобныя изслѣдованія будутъ довольно безплодны. Изучая общество, талантливый и умный романистъ выводитъ слабаго, сильнаго, безцвѣтнаго человѣка, и т. д. не для того, чтобы сказать читателю: «вотъ посмотрите, господа, какіе бываютъ люди! а для того, чтобы сказать ему: «вотъ посмотрите, какъ дѣйствуютъ на различныхъ людей тѣ условія жизни, тѣ идеи и стремленія, среди которыхъ живете вы сами. Посмотрите, какіе типы формируются подъ вліяніемъ этихъ условій.» Только тогда, когда романистъ доходитъ до такихъ размышленій, онъ является истиннымъ художникомъ, потому что только тогда онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ предметомъ и переработываетъ его силою зиждущей мысли. Гдѣ нѣтъ этой переработки, тамъ есть только списываніе картинокъ съ природы, списываніе, предпринимаемое для препровожденія времени, списываніе, при которомъ ни сила мысли, ни сила чувства не подсказываетъ рисовальщику истиннаго, общаго смысла тѣхъ явленій, которыя онъ кладетъ на полотно или на бумагу. Какъ бы ни былъ ярко нарисованъ поэтическій образъ, я имѣю полное право спросить: на что онъ мнѣ нуженъ? что у меня съ нимъ общаго? отвѣчаетъ ли онъ хоть на одинъ жизненный вопросъ?—Если эти вопросы останутся безъ отвѣта, я смѣло отнесу яркій образъ къ разряду пестрыхъ игрушекъ, до которыхъ всегда найдется много охотниковъ между взрослыми дѣтьми обоего пола. Романы Тургенева и Писемскаго никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ разряду этихъ игрушекъ; всѣ они слишкомъ глубоко прочувствованы или слишкомъ полно отражаютъ картины жизни, чтобы не показаться каждому читателю серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ мыслящаго человѣка. Въ дѣятельности Писемскаго до сихъ поръ нельзя отмѣтить ни одной фальшивой ноты; въ дѣятельности Тургенева, до его несчастнаго романа «Наканунѣ», не было также значительныхъ ошибокъ (*); ни тотъ, ни другой не про-

(*) Я не говорю о его стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ, которыя извѣстны очень немногимъ читателямъ.

бовали представить положительныхъ дѣятелей, т. е. такихъ героевъ, которымъ вполнѣ могли бы сочувствовать авторъ и читатели; ни тотъ, ни другой не давали даже нелѣпыхъ обѣщаній, въ родѣ того, которое далъ Гоголь въ первой части Мертвыхъ душъ, и которое онъ такъ уродливо выполнилъ во второй части своей поэмы. Оба, Тургеневъ и Писемскій, стояли въ чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности, оба скептически относились къ лучшимъ проявленіямъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ представителямъ выработавшихся у насъ типовъ. Эти отрицательныя отношенія, этотъ скептицизмъ— величайшая ихъ заслуга передъ обществомъ. Сбить съ пьедестала пустаго фразера, показать ему, что онъ несетъ вздоръ, упиваясь звуками собственнаго голоса, что онъ только фразеромъ и можетъ быть—это чрезвычайно важно; это такой урокъ, послѣ котораго отрезвляется цѣлое поколѣніе; отрезвившись, оно всматривается въ окружающія явленія... Поколѣніе Рудиныхъ — гегельянцы, заботившіеся только объ томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ—замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывали ихъ разными высшими взглядами и всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было такъ же необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло, и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчанъ Тургеневымъ и представленъ во всей своей дрянности Писемскимъ. Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они не дѣйствуютъ въ жизни, не виноваты въ томъ, что они люди безполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшнею эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ въ нихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія; словомъ, это болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе. Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ, Писемскій представилъ его въ Эльчаниновѣ (Бояр-

щина) и въ Шамиловѣ (богатый женихъ). Всѣ трое съ самыхъ юныхъ лѣтъ все собираются летѣть, все расправляютъ крылья, иногда машутъ ими до изнеможенія, но ни на вершокъ не поднимаются отъ полу и для безпристрастнаго наблюдателя остаются смѣшными и пошлыми въ самыя пылкія минуты своего лиризма. Въ этихъ людяхъ равновѣсіе между головою и тѣломъ оказывается нарушеннымъ съ самаго дѣтства; уродливое воспитаніе не позволяетъ имъ развиться, какъ слѣдуетъ, въ физическомъ отношеніи; они не отличаются въ дѣтствѣ ни здоровьемъ, ни силою, но зато, благодаря наемнымъ гувернерамъ, очень рано начинаютъ украшать свою голову разнообразными свѣдѣніями; они опережаютъ немного сверстниковъ и сами замѣчаютъ это; воспитатели своимъ вліяніемъ поддерживаютъ въ нихъ это «благородное соревнованіе». У ребенка являются искуственные интересы, ему хочется не конфектъ, не игрушекъ, не бѣготни, не забавъ, а того, чтобы его похвалили, по головкѣ погладили, отличили передъ другими; онъ заботится не о томъ, что доставляетъ непосредственное пріятное ощущеніе, а о томъ, что считается хорошимъ въ глазахъ старшихъ. Вотъ онъ подростаетъ, становится къ своимъ педагогамъ въ критическія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка смотрѣть на себя со стороны не пропадаетъ; когда ему было десять лѣтъ, ему хотѣлось хорошо отвѣтить урокъ, чтобы учитель назвалъ его молодцомъ; а въ семнадцать лѣтъ ему хочется совершить удивительнѣйшій подвигъ, чтобы его имя повторяли съ уваженіемъ соотечественники и соотечественницы. «Благородная гордость, благородныя стремленія,» говорятъ окружающіе люди. Мнѣ кажется, вѣрнѣе было бы сказать, что началось маханіе крыльями, которое рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Удивительнѣйшій подвигъ конечно не совершается, но мысль о такомъ подвигѣ раздражаетъ нервы; молодой искатель великихъ дѣлъ говоритъ съ увлеченіемъ и увлекательно; его слушатели, добрая, довѣрчивая молодежь, уважаетъ высоту его порывовъ и съ умиленіемъ слушаетъ его тирады; герой нашъ чувствуетъ свою силу надъ кружкомъ, воодушевляется своимъ торжествомъ, питается своимъ тщеславіемъ, ростетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и, одерживая постоянно въ спорѣ легкія побѣды, мечтая и говоря о широкой и великой дѣятельности, мало по малу теряетъ всякую способность трудиться. Вотъ еслибы тутъ, въ кругу молодыхъ слушателей и собесѣдниковъ будущаго великаго человѣка нашелся умный, ѣдкій скептикъ, который, какъ дважды два четыре, доказалъ бы оратору,

что онъ поретъ ахинею,—тогда, можетъ быть, нашъ герой одумался бы и понялъ бы, что мечтать смѣшно, а не трудиться, когда есть силы—глупо, или по крайней мѣрѣ нерасчетливо; но молодое пиво бродитъ, ничто не сдерживаетъ его броженія, и оно бьетъ черезъ край, и утекаетъ въ мутной пѣнѣ; года идутъ; силы, не освѣжаемыя трудомъ, тупѣютъ; матеріальное положеніе остается сомнительнымъ; способность импровизировать восторженную гиль превращается въ привычку говорить высокимъ слогомъ о мудреныхъ вещахъ, какъ-то жизнь, Русь, назначеніе человѣка, долгъ гражданина; удивительный подвигъ, который предполагалось совершить въ началѣ поприща откладывается: фразеръ начинаетъ понимать, что онъ ничего не сдѣлалъ, и ничего не сдѣлаетъ, но отказаться отъ эффектничанія передъ самимъ собою онъ рѣшительно не въ состояніи; онъ начинаетъ говорить: у меня были силы, ихъ разнесла жизнь; жизнь меня измяла, но я не уступилъ ея напору; теперь я безсиленъ, теперь я жалокъ, ничтоженъ, смѣшонъ... даже въ патетическомъ перечисленіи своихъ нравственныхъ нарывовъ и струповъ нашъ герой ищетъ картинной эффектности, подобно тому, какъ уѣздная барышня ищетъ интересной блѣдности, если не можетъ похвастаться свѣжимъ цвѣтомъ лица и округлостью бюста. Роль, позы, трагическая мантія оказываются самыми насущными потребностями неудавшагося титана. Искренности, жизни, натуры — ни на волосъ.

На словахъ эти люди способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ; такъ, по крайней мѣрѣ, подумаетъ каждый обыкновенный смертный, слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ придметахъ. На дѣлѣ, эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова западаютъ въ душу двумъ молодымъ личностямъ, Натальѣ и Басистову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что же выходитъ на дѣлѣ. Рудинъ труситъ передъ Волынцевымъ, труситъ передъ Натальей, спотыкается объ ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ гостепріимнаго дома Дарьи Михайловны и наконецъ, является передъ читателями измятымъ, забитымъ, безполезнымъ, какъ выжатый лимонъ; и тутъ онъ фразерствуетъ, только нѣсколькими тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупающія стороны; Рудинъ поэтъ, го-

лова, сильно раскаляющаяся и быстро простывающая, для того, чтобы снова раскалиться отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителенъ до крайности, и въ этой впечатлительности заключается и его обаятельность, и источникъ его страданій. Еслибы дѣло такъ же скоро дѣлалось, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ бы быть великимъ дѣятелемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность выростаетъ выше обыкновенныхъ размѣровъ; онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на открытый бой со всею неправдою земли; вотъ почему онъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устраивать свои дѣла однимъ взмахомъ руки; ничто не приходитъ къ намъ по щучьему велѣнію; надо выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывомъ кипучей отваги, вспышкою нечеловѣческой энергіи можно только ослѣпить зрителей; оно красиво, но безплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей. Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто, сильнѣе его самого страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не умѣвшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ нерѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣтьми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди и добросовѣстнѣйшіе дѣятели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками, онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную; упоминая такимъ образомъ о женщинахъ, я конечно не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, которыхъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ грязью жизни, или которыхъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ бы то ни было впечатленіямъ, кромѣ чисто физической боли и чисто физическаго наслажденія. Нѣкоторая независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ

голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какою-то ржавчиною; въ этомъ и заключается деморализирующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ животныя, и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я поневолѣ принужденъ ограничиваться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита ежечасною, тревожною заботою о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь настолько, насколько пожелаютъ показать имъ эту жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ; онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія; онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ тою, болѣе полною и широкою жизнью, онѣ привязываются къ этимъ людямъ тою пылкою любовью, которою мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія; все то, что даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ. Вотъ въ какомъ отношеніи, Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованіямъ; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а сзади страшный спускъ въ сырую трущобу—это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устроивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный, или какъ эксплуататоръ.

V.

Выкупающія стороны, отмѣченныя мною въ характерѣ Рудина, не встрѣчаются въ личностяхъ Эльчанинова и Шамилова. Сущность типа

состоитъ, какъ мы видѣли, въ несоразмѣрности между силами и претензіями; духъ бодръ, плоть немощна—вотъ формула рудинскаго типа. Несоразмѣрность эта можетъ происходить или отъ избытка претензій, или отъ недостатка силъ; Рудинъ воплощаетъ въ себѣ первый моментъ; Эльчаниновъ и Шамиловъ служатъ представителями втораго; Рудинъ человѣкъ очень недюжинный по своимъ способностямъ, но онъ постоянно собирается сдѣлать какой-то фокусъ, перескочить àpieds joints черезъ всѣ препятствія и дрязги жизни; этотъ фокусъ ему не удается, потому что онъ вообще удается только немногимъ счастливцамъ или геніямъ; вслѣдствіе этого Рудинъ истощается въ безплодныхъ попыткахъ, разливается въ разсужденіяхъ объ этихъ попыткахъ и дальше этого не идетъ; дѣятельность обыкновеннаго работника мысли ему сподручна, да, вотъ видите ли, онъ бѣлоручка, онъ ее знать не хочетъ; ему подавайте такое дѣло, которое во всякую данную минуту поддерживало бы его въ восторженномъ состояніи; онъ черновой работы не терпитъ, потому что считаетъ себя выше ея. Эльчаниновъ и Шамиловъ, напротивъ того, представляютъ собою полнѣйшую посредственность; они даже въ мечтахъ своихъ слишкомъ высоко не забираютъ; имъ съ трудомъ достаются даже такіе рядовые результаты, какъ кандидатскій экзаменъ; они просто лѣнтяи, не рѣшающіеся сознаться самимъ себѣ въ причинѣ своихъ неудачъ. Въ каждомъ обществѣ, дурно или хорошо устроенномъ, есть два рода недовольныхъ; одни дѣйствительно страдаютъ отъ господствующихъ предразсудковъ другіе страдаютъ отъ побочныхъ причинъ и только сваливаютъ вину на эти предразсудки. Одни жалуются на то, что масса ихъ современниковъ отстаетъ отъ нихъ; другіе—на то, что эти же современники идутъ мимо нихъ, не обращая вниманіе на ихъ возгласы и трагическіе жесты; къ числу первыхъ относится Галилей, Іоаннъ Гуссъ, аболиціонистъ Броунъ; къ многочисленной фалангѣ вторыхъ принадлежатъ разныя непризнанныя дарованія и непонятыя души, люди, нищіе духомъ, и не рѣшающіеся убѣдиться въ своей нищетѣ. Одинъ, положимъ, оказался неспособнымъ кончить курсъ и вслѣдствіе этого кричитъ, что система преподаванія уродлива, а преподаватели взяточники; другому возвратили нелѣпую статью изъ редакціи журнала, онъ начинаетъ жаловаться на тлетворное направленіе періодической литературы; третьяго выгнали изъ службы за то, что онъ пьетъ запоемъ,—онъ становится въ мефистофелевскія отношенія къ современному порядку вещей. Критическія отношенія къ дѣйствительности не-

избѣжны и необходимы, но критиковать надо честно и дѣльно; кто кидается въ отрицаніе съ горя, съ досады, чтобы сорвать зло за личную непріятность, тотъ вредитъ дѣлу общественнаго развитія, тотъ роняетъ идею оппозиціи, и подрываетъ въ публикѣ довѣріе къ тѣмъ честнымъ дѣятелямъ, съ которыми онъ, повидимому, стоитъ подъ однимъ знаменемъ. Когда вы горячо спорите о чемъ нибудь, то нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ услышать отъ другаго собесѣдника плохой аргументъ въ пользу вашего мнѣнія; нечестный или ограниченный союзникъ въ умственномъ дѣлѣ, въ борьбѣ принциповъ вреднѣе врага; поэтому псевдо-прогрессисты мѣшаютъ дѣлу прогресса гораздо сильнѣе, чѣмъ открытые обскуранты, если только послѣдніе въ борьбѣ съ новыми идеями останавливаются на одной аргументаціи. Мелкіе представители рудинскаго типа схватываютъ на лету свѣжія идеи, выкраиваютъ себѣ изъ нихъ эффектную, по ихъ мнѣнію, драпировку, и закутываясь въ нее, до такой степени опошливаютъ самую идею, что становится совѣстно за нихъ, и до слезъ обидно за идею. Возьмемъ, напримѣръ, Шамилова. Онъ пробылъ три года въ университетѣ, болтался, слушалъ по разнымъ предметамъ лекціи такъ же безсвязно и безцѣльно, какъ ребенокъ слушаетъ сказки старой няни, вышелъ изъ университета, уѣхалъ во свояси, въ провинцію и разсказалъ тамъ, «что намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками.» Вмѣсто того, чтобы читать серьезно и послѣдовательно, онъ пробавлялся журнальными статьями, и тотчасъ по прочтеніи какой нибудь статьи пускался въ самостоятельное творчество; то вздумаетъ писать статью о Гамлетѣ, то составитъ планъ драмы изъ греческой жизни; напишетъ строкъ десять, и броситъ; зато говоритъ о своихъ работахъ всякому, кто только соглашается его слушать. Роскazни его заинтересовываютъ молодую дѣвушку, которая по своему развитію стоитъ выше уѣзднаго общества; находя въ этой дѣвушкѣ усердную слушательницу, Шамиловъ сближается съ нею, и отъ нечего дѣлать, воображаетъ себя до-безумія влюбленнымъ; что же касается до дѣвушки, — та, какъ чистая душа, влюбляется въ него самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и, дѣйствуя смѣло, изъ любви къ нему, преодолѣваетъ сопротивленіе своихъ родственниковъ; происходитъ помолвка, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Шамиловъ до свадьбы получилъ степень кандидата и опредѣлился на службу. Является, стало быть, необходимость поработать, но нашъ новый Митрофанушка не осиливаетъ ни одной

книги и начинаетъ говорить: «не хочу учиться, хочу жениться.» Къ сожалѣнію, онъ говоритъ эту фразу не такъ просто и откровенно, какъ произносилъ ее его прототипъ. Онъ начинаетъ обвинять свою любящую невѣсту въ холодности, называетъ ее сѣверною женщиною, жалуется на свою судьбу, прикидывается страстнымъ и пламеннымъ, приходитъ къ невѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ, и съ пьяныхъ глазъ, совершенно не кстати и очень неграціозно обнимаетъ ее. Всѣ эти штуки продѣлываются отчасти отъ скуки, отчасти потому, что г. Шамилову ужасно не хочется готовиться къ экзамену; чтобы обойти это условіе, онъ готовъ поступить на хлѣба къ дядѣ своей невѣсты и даже выпросить черезъ невѣсту обезпеченный кусокъ хлѣба у одного стараго вельможи, бывшаго друга ея покойнаго отца. Всѣ эти гадости прикрываются мантіею страстной любви, которая будто бы омрачаетъ разсудокъ г. Шамилова; осуществленію этихъ гадостей мѣшаютъ обстоятельства и твердая воля честной дѣвушки. Шамиловъ дѣлаетъ ей сцены, требуетъ, чтобы она отдалась ему до брака, но невѣста его настолько умна, что видитъ его ребячество и держитъ его въ почтительномъ отдаленіи. Видя серьезный отпоръ, нашъ герой жалуется на свою невѣсту одной молодой вдовѣ и, вѣроятно, чтобы утѣшиться, начинаетъ объясняться ей въ любви. Между тѣмъ, отношенія съ невѣстою поддерживаются; Шамилова отправляютъ въ Москву держать экзаменъ на кандидата; Шамиловъ экзамена не держитъ, къ невѣстѣ не пишетъ, и наконецъ успѣваетъ увѣрить себя безъ большаго труда въ томъ, что его невѣста его не понимаетъ, не любитъ и не стóитъ. Невѣста отъ разныхъ потрясеній умираетъ въ чахоткѣ, а Шамиловъ избираетъ благую часть, т. е. женится на утѣшавшей его молодой вдовѣ; это оказывается весьма удобнымъ, потому что у этой вдовы — обезпеченное состояніе. Молодые Шамиловы пріѣзжаютъ въ тотъ городъ, въ которомъ происходило все дѣйствіе разсказа; Шамилову отдаютъ письмо, написанное къ нему его покойною невѣстою за день до смерти, и по поводу этого письма происходитъ между нашимъ героемъ и его женою слѣдующая сцена, достойнымъ образомъ завершающая его бѣглую характеристику:

— Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ вашъ другъ, начала она.

— Какое письмо? спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

— Не запирайтесь: я все слышала... Понимаете ли вы, что дѣлаете?

— Что такое я дѣлаю?

— Ничего: вы только принимаете отъ того человѣка, который самъ прежде интересовался мною, письма отъ вашихъ прежнихъ прiятельницъ и потомъ еще говорите ему, что вы теперь наказаны— кѣмъ? позвольте васъ спросить. Мною, вѣроятно? Какъ это благородно и какъ умно! Еще васъ считаютъ умнымъ человѣкомъ; но гдѣ же вашъ умъ? въ чемъ онъ состоитъ, скажите мнѣ пожалуста?.. Покажите письмо.

— Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими перепискамп не интересуюсь.

— У меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ переписки... Я играть вамъ собою, Петръ Александрычъ, не позволю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ друга.

Шамиловъ молчалъ.

— Отдайте мнѣ письмо или сейчасъ же поѣзжайте, куда хотите, повторила Катерина Петровна.

— Возьмите. Неужели вы думаете, что я привязываю къ нему какой нибудь особый интересъ, сказалъ съ насмѣшкою Шамиловъ.

И, бросивъ письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала читать его съ замѣчанiями.

«Я пишу это письмо къ вамъ послѣднее въ жизни»...

— Печальное начало!

— Я не сержусь на васъ; вы забыли ваши клятвы, забыли тѣ отношенiя, которыя я, безумная, считала неразрывными.

— Скажите, какая неопытная невинность.

— Передо мною теперь...

— Скучно!.. Аннушка!..

Явилась горничная.

— Поди, отдай барину это письмо, и скажи, что я совѣтую ему сдѣлать для него медальонъ и хранить его на груди своей.

Горничная ушла, и, воротившись, доложила барынѣ.

— Петръ Александрычъ приказали сказать, что они безъ вашего совѣта будутъ беречь его.

Вечеромъ Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, просидѣлъ у него до полуночи и, возвратясь домой, прочиталъ нѣсколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и разорвалъ его. На другой день онъ цѣлое утро просилъ у жены прощенiя.

Вотъ онъ каковъ Шамиловъ. Надо отдать Писемскому полную

справедливость: онъ раздавилъ, втопталъ въ грязь дрянной типъ драпирующагося фразера. Ни Тургеневъ въ своемъ Рудинѣ, ни Жоржъ-Зандъ въ Орасѣ не возвышались до такой удивительной, практической простоты отношений къ личностямъ этихъ героевъ. Въ выписанной мною заключительной сценѣ нѣтъ ни малѣйшей эффектности, ни тѣни искуственности; характеръ дорисовывается вполнѣ; впечатлѣніе производится на читателя самое сильное, и притомъ самыми простыми, дешевыми, естественными средствами. Пустой фразеръ наказанъ какъ нельзя больнѣе, и притомъ наказанъ не стеченіемъ обстоятельствъ, какъ Рудинъ въ эпилогѣ, а неизбѣжными слѣдствіями собственнаго характера. Онъ тщеславенъ, неспособенъ трудиться и сухъ—очень естественно, что онъ съ большимъ удовольствіемъ женится на богатой женщинѣ, хотя бы она была и гораздо постарше его. Соблюдая передъ самимъ собою благообразіе отношеній, онъ не сознается въ томъ, что поставилъ себя въ зависимое положеніе — ему даютъ почувствовать эту зависимость; онъ видитъ, что дѣло некрасиво и пробуетъ возмутиться—ему затягиваютъ мундштукъ потуже; онъ, чисто для приличія, произноситъ передъ горничною гордую фразу — его заставляютъ отказаться отъ этой фразы; онъ уходитъ и надувается — его принуждаютъ просить прощеніе, да еще цѣлое утро; ему грозятъ, что его сгонятъ со двора — и онъ становится шелковый. Собакѣ собачья смерть, говоритъ пословица, но мнѣ кажется было бы правильнѣе сказать, «собакѣ собачья жизнь». Смерть—случайность, потому что камень можетъ свалиться и на героя, и на негодяя, но жизнь съ своимъ направленіемъ и съ своею обстановкою зависитъ отъ самого человѣка; жизнь Шамилова представляетъ полный оттискъ его личности; какимъ бы героемъ этотъ джентльменъ ни умеръ—все равно; мы видѣли, какъ онъ расположилъ свое существованіе, какъ напакостилъ себѣ и другимъ, и этого совершенно достаточно, чтобы оцѣнить букетъ его характера.

Въ Шамиловѣ, по моему мнѣнію, больше жизненнаго значенія, чѣмъ въ Рудинѣ. Шамиловыхъ тысячи, Рудиныхъ — десятки; Тургеневъ беретъ довольно исключительное явленіе, Писемскій, напротивъ того, прямо запускаетъ руку въ дѣйствительную жизнь и вытаскиваетъ оттуда такихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ; между тѣмъ, общій характеръ типа у Писемскаго проанализированъ также вѣрно, какъ и у Тургенева, а очерченъ даже гораздо ярче. Виновато-ли общество въ формированіи недѣлимыхъ, относящихся къ

этому типу?—На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Общество виновато во всемъ томъ, что совершается въ его предѣлахъ; всякая дрянная личность самымъ фактомъ своего существованія указываетъ на какой нибудь недостатокъ въ общественной организаціи. Что же дѣлать обществу? спроситъ читатель. Вѣшать, что-ли, преступниковъ, или усиливать полицейскія мѣры для предупрежденія преступленій? Нѣтъ, отвѣчу я. Воръ не могъ родиться воромъ, потому, что новорожденный ребенокъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое собственность. Его испортило воспитаніе, а воспитаніе зависитъ отъ отношеній, отъ условій экономическаго быта, отъ суммы гуманныхъ идей, находящихся во всеобщемъ обращеніи; если воспитаніе плохо въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ этомъ прямо виновато общество; ни вы, ни я, ни Петръ, ни Сидоръ отдѣльно не заслуживаютъ порицанія, но тѣ отношенія, въ которыхъ Петръ стоитъ къ Сидору, или я стою къ вамъ, могутъ быть названы ложными, неестественными и стѣснительными. Отношенія эти образовались помимо насъ и до нашего рожденія; ихъ освятила исторія, ихъ не устранитъ никакая единичная воля; вѣрить и сомнѣваться мы не можемъ ad libitum; мысли наши текутъ въ извѣстномъ порядкѣ, помимо нашей воли; даже въ процессѣ мысли мы стѣснены условіями нашей физической организаціи и обстоятельствами нашего развитія; если вы выросли при извѣстной обстановкѣ, свыклись съ нею въ теченіи вашей жизни и притомъ не обладаете значительною силою мысли, то вамъ, можетъ быть, никогда не удастся обсудить эту обстановку совершенно свободно и смѣло; винить васъ въ этомъ было бы смѣшно; но замѣтить, что ваша робость оказываетъ вредное вліяніе на зависящія отъ васъ личности, было бы совершенно справедливо; устранить это вредное вліяніе, хотя бы вамъ это было не по сердцу, также очень законно; но валить на васъ отвѣтственность за то, что вы поступаете сообразно съ вашею природою, безжалостно и безполезно. Если пороховые газы у васъ въ рукахъ разорвутъ ружье, въ которомъ уже образовался разстрѣлъ, то вы вѣроятно не станете сердиться ни на ружье, ни на порохъ, хотя бы отъ разрыва у васъ перекалечило руки. Вы просто выведете заключеніе, что разстрѣленное ружье можетъ быть разорвано, если положить въ него слишкомъ крѣпкій зарядъ, и вѣроятно, на будущее время будете осмотрительнѣе. Еслибы только вы могли быть всегда послѣдовательны, то и на человѣческія слабости и погрѣшности вы смотрѣли бы также безстрастно, какъ на разрывъ ружья; вы бы остерегались отъ вред-

ныхъ послѣдствій этихъ слабостей, но на самыя слабости не могли бы сердиться; поэтому необходимо хоть въ критикѣ становиться выше искуственнаго понятія, необходимо, говоря о личности человѣка, разсмотрѣть причины его поступковъ, привести ихъ въ соотношеніе съ условіями его жизни, объяснить ихъ вліяніемъ обстоятельствъ и, вслѣдствіе этого, оправдать того грѣшника, въ котораго прежде летѣли камни. Въ заключеніе всего, можно только сказать о подсудимой личности: такой-то слабъ, и не вынесъ гнета обстоятельствъ, а такой-то силенъ и побѣдилъ всѣ препятствія. Одного мы уважаемъ за его силу, другаго презираемъ за его слабость, по той же самой причинѣ, по которой мы съ удовольствіемъ съѣдаемъ кусокъ свѣжаго мяса и съ отвращеніемъ выбрасываемъ въ помойную яму гнилое яйцо. Кто же во всемъ этомъ виноватъ? Неужели самъ субъектъ, т. е. продуктъ извѣстныхъ условій, совершенно независѣвшихъ отъ его выбора? — Никто не виноватъ, да и что это за скверное слово: вина, виноватъ; отъ него пахнетъ уголовнымъ наказаніемъ. Это слово, это понятіе исчезаетъ теперь, и пенитенціарная система сѣверныхъ штатовъ является намъ первою удачною попыткою замѣнить наказаніе—перевоспитаніемъ. Шамиловъ и подобныя имъ личности не имѣютъ права претендовать на общество за то, что общество обращается съ ними, какъ съ трутнями, но они имѣютъ право жаловаться на то, что общество допустило ихъ сдѣлаться людьми дряблыми и никуда негодными. Они должны сказать: мы лишніе люди, насъ нельзя пристроить ни къ какому дѣлу, но еслибы насъ иначе воспитывали въ дѣтствѣ и иначе направляли въ молодости, мы, можетъ быть, не бременили бы собою землю и не относились бы къ коптителямъ неба и къ чужеяднымъ растеніямъ.

VI.

Чтобы оттѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безпощадность своихъ отношеній къ ихъ чахлымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ и Писемскій ставятъ ихъ рядомъ съ простыми, очень неразвитыми смертными, и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ. Рудинъ пасуетъ передъ Волынцевымъ, передъ отставнымъ армейскимъ ротмистромъ, не полу-

чившимъ никакого образованія. Эльчаниновъ у Писемскаго въ подметки не годится Савелію, мелкопомѣстному дворянину, пашущему вмѣстѣ съ своимъ единственнымъ мужикомъ. Шамиловъ оказывается дрянью въ сравненіи съ лихимъ гусаромъ Карелинымъ, и даже въ сравненіи съ тупоумнымъ Сальниковымъ. Рудинъ, Эльчаниновъ и Шамиловъ гораздо образованнѣе и даже развитѣе тѣхъ личностей, которымъ они противуполагаются, а между тѣмъ неотесанныя натуры послѣднихъ внушаютъ гораздо больше довѣрія, уваженія и сочувствія. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ фразерахъ мы ничего не видимъ кромѣ извѣстной дрессировки, а въ дичкахъ видимъ человѣка, каковъ онъ есть, съ самородными достоинствами и съ прилипшими случайно странностями и шероховатостями. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: съ какою цѣлью Тургеневъ и Писемскій рѣшаются дѣлать эти сопоставленія? Что они хотятъ этимъ доказать? Неужели то, что образованіе вредно дѣйствуетъ на человѣка? На послѣдній вопросъ можно смѣло отвѣтить: нѣтъ. Дѣло въ томъ, что польза образованія, на словахъ, если не на самомъ дѣлѣ, до такой степени признана всѣми, что этого положенія никто не станетъ доказывать, и что противъ этого положенія, выраженнаго совершенно абстрактно, никто не станетъ спорить. Самъ Аскоченскій не скажетъ прямо: образованіе вредно, хотя и постарается подъ благовиднымъ предлогомъ очернить самые свѣтлые его результаты. Для порядочныхъ же людей нашего времени вопросъ о пользѣ образованія давнымъ давно, чуть не съ пеленокъ, пересталъ быть вопросомъ. Къ признанному же факту, стоящему на незыблемыхъ основаніяхъ, мы можемъ относиться совершенно смѣло, съ самою безпощадною и послѣдовательною критикою. Намъ не зачѣмъ ни миндальничать передъ идеями цивилизаціи, ни благоговѣть передъ ея благодѣяніями. Мы можемъ уже говорить другимъ тономъ. Мы видимъ, что свѣтъ цивилизаціи исподволь распространяется въ нашемъ обширномъ отечествѣ, и отъ всей души радуемся этому факту, но, признавая его чрезвычайно важнымъ, именно по этой причинѣ и стараемся всмотрѣться въ него какъ можно пристальнѣе. Великолѣпное растеніе, принадлежащее всѣмъ людямъ, но воздѣланное съ особенною любовью западными европейцами и доставляющее имъ богатые плоды, перенесено на нашу почву и посажено на нашихъ равнинахъ, гдѣ его и вѣтромъ качаетъ, и снѣгомъ заноситъ, и засухой зажариваетъ. Вѣдь право не грѣшно будетъ спросить: каково принялось иноземное растеніе? есть-ли надежда акклиматизи-

ровать его, подъ нашимъ негостепріимнымъ небомъ? Не грѣшно будетъ отвѣтить на это: надежда, пожалуй, есть, да и гдѣ же ея нѣтъ. А принялось-то нѣжное растеніе запада не совсѣмъ хорошо; характеръ его извращенъ климатическими и другими условіями; плоды мелкіе и горьковатые; зелень чахлая и тощая. Вотъ и стали кричать по этому случаю славянофилы: не надо намъ этого растенія! Оно намъ не по климату; оно истощитъ всю нашу навозную почву, которую мы, отцы и дѣды наши удобряли съ такимъ постояннымъ усердіемъ, не щадя живота и животовъ. Проклятый тотъ народъ, который воздѣлываетъ это растеніе; чтобъ ему подавиться тѣми плодами, которые оно принесетъ». Было бы грустно думать, что лучшіе изъ нашихъ современныхъ художниковъ вторятъ въ своихъ произведеніяхъ этимъ нестройнымъ крикамъ. Неужели Писемскій и Тургеневъ славянофильствуютъ, ставя полудикія натуры выше фразеровъ? Еслибы эта статья принадлежала перу славянофила, то навѣрное бы авторъ ея подвелъ такого рода заключеніе, и пришелъ бы въ неописанный восторгъ оттого, что наши повѣствователи преклоняются будто бы передъ народною правдою и святынею. Я же, не имѣя счастья принадлежать къ сотрудникамъ покойной «Русской Бесѣды» и нынѣ процвѣтающаго «Дня», позволю себѣ взглянуть на дѣло болѣе широкимъ взглядомъ, и постараюсь оправдать Тургенева и Писемскаго отъ упрека въ славянофильствѣ.—Противуполагая полудикую натуру—натурѣ обезцвѣченной, наши художники говорятъ за человѣка, за самородныя и неотъемлемыя свойства и права его личности, они не думаютъ выхвалять одинъ народъ насчетъ другаго, одинъ слой общества насчетъ другаго; національная или кастическая исключительность, не можетъ найти себѣ мѣста въ томъ свѣтломъ и любовномъ взглядѣ, которымъ истинный художникъ охватываетъ природу и человѣка; обнимая своимъ могучимъ синтезомъ все разнообразіе явленій жизни, обобщая ихъ естественнымъ чутьемъ истины, видя въ каждомъ изъ нихъ его живую сторону, художникъ видитъ человѣка въ каждомъ изъ выводимыхъ типовъ, заступается за него, когда онъ страдаетъ, сочувствуетъ ему, когда онъ опечаленъ, осуждаетъ его, когда онъ гнететъ другихъ; — и во всѣхъ этихъ случаяхъ только интересы человѣческой личности волнуютъ и потрясаютъ впечатлительные нервы художника, Споръ о томъ, что годится намъ лучше, западная-ли наука, или восточная рутина не можетъ имѣть никакого интереса для художника; эпитеты *западная* и *восточная*, въ которыхъ, по мнѣнію борцовъ различныхъ партій, заключается вся сила, откидываются въ умѣ ху-

дожника, или даже вообще умнаго человѣка. Онъ разсматриваетъ просто науку и рутину, движеніе и застой, какъ два различныя состоянія человѣческаго мозга; онъ одинаково легко отрѣшается отъ узкой англоманіи московскихъ доктринеровъ и отъ тупаго патріотизма славянофиловъ; способность сочувствовать всему человѣческому, всему живому и естественному, способность, составляющая необходимую принадлежность истиннаго художника, даетъ ему возможность видѣть хорошія стороны самыхъ противуположныхъ между собою явленій, и ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ ему дѣлаться рабомъ какой бы то ни было головной теоріи. Нашъ братъ работникъ часто вдается въ крайность и, вслѣдствіе этого, противорѣчитъ самому себѣ; полемизируя противъ вредной идеи, мы противупоставляемъ ей тотъ принципъ, который считаемъ хорошимъ, и часто, увлекаясь благороднымъ жаромъ, проводимъ этотъ принципъ до послѣднихъ, въ дѣйствительности невозможныхъ предѣловъ; мы пересаливаемъ, какъ партизаны, какъ люди партіи, и въ эти минуты художникъ, понимающій какъ-то инстинктивно правду и ложь всякаго дѣла, можетъ нарисовать насъ и воспроизвести въ одно время и благородное побужденіе, заставляющее насъ кричать и бѣсноваться, и смѣшныя крайности, до которыхъ доводитъ насъ увлеченіе. Такъ поступили Писемскій и Тургеневъ въ отношеніи къ явленіямъ, произведеннымъ у насъ на Руси вліяніемъ цивилизаціи; они отнеслись совершенно безпощадно къ той дикой почвѣ, на которой разбрасываются сѣмена нѣжнаго, европейскаго растенія; ни Писемскаго, ни Тургенева нельзя упрекнуть въ тупомъ пристрастіи къ патріархальности; но съ другой стороны, ихъ нисколько не подкупилъ блескъ той цивилизаціи, которая дѣлаетъ чудеса въ Америкѣ и въ Англіи; «блестѣть-то она блеститъ, говорятъ наши романисты, да каково-то у насъ она принимается. Вѣдь теперь періодъ порыва и страсти, и много уродливыхъ, много жалкихъ явленій, много крикливыхъ диссонансовъ происходитъ отъ сшибки обще-человѣческаго элемента съ домостроемъ. Что дѣлать художнику въ такія эпохи? Что дѣлать человѣку, горячо любящему человѣческіе интересы и сильно нуждающемуся въ нравственной опорѣ? На что ему надѣяться? На силу идеи, внесенной въ жизнь народа, или на энергію народа, который переработаетъ доставшуюся ему идею и обратитъ ее въ свою полную умственную собственность, въ капиталъ, съ котораго онъ со временемъ будетъ брать богатые проценты? На что ему надѣяться, повторяю я:

на силу идей, или на энергію человѣка? Конечно, на силу идей, подхватятъ идеалисты и доктринеры, на силу истины, которая всегда восторжествуетъ и останется вѣчно истиною. Хорошо; пускай себѣ идеалисты творятъ, что имъ угодно, а я скажу, что надо надѣяться на силу человѣка, какъ живаго, органическаго тѣла, и со мною въ этомъ случаѣ согласны, по смыслу своихъ произведеній, Тургеневъ и Писемскій. Увлечься идеею не трудно, подчиниться идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы, и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ; чтобы переработать идею, напротивъ того, необходимъ живой мозгъ; только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условія своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для самого себя осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими—избранныя личности; оттого въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые называютъ себя образованными, господствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только тогда и живетъ, когда человѣкъ вырабатываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла въ категорическій законъ. которому всѣ подчиняются, такъ она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться. Столкнувшись съ цѣлымъ міромъ новыхъ, широкихъ идей, наши рудинствующіе молодые люди теряютъ всякую способность отнестись къ нимъ критически, и слѣдовательно, всякую способность переработать ихъ въ плоть и кровь свою; они благоговѣютъ передъ тѣми идеями, которыхъ они наслушались, любуются на эти идеи, но жить ими не могутъ, потому что нельзя же жить такими вещами, на которыя смотришь издали, и которыхъ не осмѣливаешься взять въ руки. Они сами по себѣ, а идеи ихъ—сами по себѣ. Очень можетъ быть, что новыми идеями вообще увлекаются прежде другихъ натуры впечатлительныя, подвижныя, неспособныя къ критикѣ и вслѣдствіе этого, ничтожныя въ дѣлѣ жизни; тѣ кряжистыя натуры, которыя противуполагаются Рудинымъ, воспринимаютъ туго, недовѣрчиво, постепенно; но когда извѣстная идея, какъ извѣстный пріемъ лекарства, расшевелила ихъ мозговыя нервы, тогда они начинаютъ дѣйствовать; мысль не расходится съ дѣломъ; они живутъ вмѣсто того, чтобы разсуждать о жизни; такихъ людей у насъ не много, но такихъ людей начинаетъ признавать и уважать наше общество. Къ числу ихъ принадлежалъ Зыковъ, котораго пред-

ставилъ Писемскій въ романѣ «Тысяча душъ»; такимъ людямъ приходится только говорить, надсаживать легкія безплоднымъ крикомъ, надрывать грудь надъ неблагодарною работою, иногда вдаваться въ дикій кутежъ съ горя, сжигать жизнь до–тла и умирать съ горькимъ сознаніемъ своего безсилія, умирать, какъ умираетъ человѣкъ, задыхающійся подъ стогомъ сѣна, котораго онъ не въ силахъ своротить съ своей груди. Некрасивая и даже негромкая смерть. Эти мученики нашего тупоумія и нашей инертности до сихъ поръ были разрозненными единицами, и художники наши не могли обращаться съ ними, какъ съ представителями цѣлаго типа; въ томъ, что называется у насъ обществомъ, замѣчалось страшное раздвоеніе; одни повторяли на разные лады чужія мысли, и воображали себѣ, что они *думаютъ*; другіе ничего не думали, и ничего не воображали, росли въ брюхо, ѣли и наѣдались, жили и умирали, словомъ, задавая себѣ маленькія цѣли, шли къ нимъ бодрымъ, твердымъ шагомъ, и всегда достигали ихъ, если не случалось поскользнуться, или если не расшибалъ параличъ. Весь запасъ мыслей былъ на одной сторонѣ, весь запасъ воли и энергіи—на другой; между тѣми и другими лежала бездна... Но отъ кого же ждать спасительнаго толчка: отъ Фразеровъ, или отъ дикарей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ. Фразеры развились до послѣднихъ предѣловъ, настолько, насколько они способны развиться; развились — и остановились; они сдѣлали все, что могли, и больше отъ нихъ нечего ждать, это—выпаханное поле; а у дикарей—новь, дичь, глушь, репьи да крапива; но есть растительная сила, которую ничто не замѣнитъ. Кто заучился до такой степени, что потерялъ здравый смыслъ, на того остается махнуть рукою; кто ничему не учился, у того могутъ быть проблески самороднаго здраваго смысла, и изъ этихъ проблесковъ можетъ выработаться, смотря по обстоятельствамъ, живая мыслительная сила, или горькій, забулдыжный русскій юморъ. Въ живой силѣ, въ здоровомъ тѣлѣ, въ мускулахъ, въ костяхъ и въ нервахъ, а не въ бумажныхъ страницахъ и не въ кожаныхъ переплетахъ заключаются для человѣка задатки свѣтлаго будущаго. Работать надо, работать мозгомъ, голосомъ, руками, а не упиваться сладкозвучнымъ теченіемъ чужихъ мыслей, какъ бы ни были эти мысли стройны и вылощены.

VII.

Кромѣ типа неисправимыхъ фразеровъ, въ произведеніяхъ Писемскаго и Тургенева можно отмѣтить еще два главные разряда мужскихъ характеровъ. Во-первыхъ заслуживаютъ вниманія люди, подобные Лежневу и Лаврецкому; во-вторыхъ люди, подобные Веретьеву (въ повѣсти Тургенева «Затишье») и Рымову (въ разсказѣ Писемскаго «Комикъ»). Первые проникаются гуманными идеями, и, не вступая во имя этихъ идей въ борьбу съ дѣйствительностью, располагаютъ только свою собственную жизнь сообразно съ этими идеями. Если они помѣщики—они берутъ съ своихъ крестьянъ легкій оброкъ, обращаются съ ними кротко и ласково, и не ломая круто ихъ предразсудковъ, стараются по возможности улучшать ихъ матеріальный бытъ, и смягчать грубость ихъ нравовъ; если у нихъ есть семейство, они предоставляютъ свободу женѣ своей, воспитываютъ дѣтей своихъ внѣ предразсудковъ и не стѣсняютъ ихъ свободной воли съ той самой минуты, когда она начинаетъ у нихъ проявляться. Словомъ, это люди мягкіе, нетяжелые, терпимые ко всему, что ихъ окружаетъ, и въ томъ числѣ къ глупостямъ и подлостямъ другихъ людей. Какъ дѣятели они никуда не годятся, но мѣрять достоинства человѣка только тою пользою, которую онъ приноситъ идеѣ или окружающему обществу — было бы не совсѣмъ справедливо. Если человѣкъ не вредитъ другому, если онъ живетъ въ свое удовольствіе, не эксплуатируя другихъ и не стѣсняя чужой свободы, то самое строгое нравственное *jury* должно признать его невиновнымъ. Какъ дѣятель, онъ—нуль, но заставлять всѣхъ быть дѣятелями, и клеймить презрѣніемъ того, кто въ этомъ отношеніи оказывается несостоятельнымъ, или вѣрнѣе, кто совершенно не выступаетъ на это поприще, значитъ врываться въ область личной свободы и смотрѣть на человѣка не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на винтъ или какъ на гайку въ общемъ механизмѣ общества. Предоставляю этотъ взглядъ Платону, Аристотелю и новѣйшимъ ихъ послѣдователямъ; я же, съ своей точки зрѣнія, безусловно оправдываю Лежнева, Лаврецкаго и Бѣлавина; они дѣлаютъ, что могутъ, и больше отъ нихъ нечего требовать, потому что требовать отъ человѣка самоотверженія совершенно неделикатно и негуманно, какъ бы велика и прекрасна ни была та идея, во имя которой мы его

требуемъ. Темпераментъ людей, подобныхъ Лежневу и Бѣлавину, обыкновенно очень спокоенъ; развиваются они при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. обыкновенно пользуются обезпеченнымъ состояніемъ, усвоиваютъ себѣ свои убѣжденія безъ особенной боли, смотрятъ на жизнь свѣтло и любовно, любятъ ровно и тихо, ненавидѣть не умѣютъ и спокойно презираютъ то, что возмущаетъ до глубины души людей болѣе страстныхъ и раздражительныхъ. Они—люди умѣренные по самой натурѣ своей; ихъ несправедливо было бы смѣшать съ тѣми личностями, которыя угождаютъ нашимъ и вашимъ изъ чистаго расчета, изъ боязни навлечь себѣ непріятности или изъ желанія подслужиться; первые — люди, отъ природы лишенные жала и желчи; вторые—скрываютъ жало и желчь и пускаютъ ихъ въ ходъ тогда, когда они могутъ сдѣлать это.

Совершенную противуположность съ этими спокойными натурами представляютъ люди, подобные Рымову и Веретьеву. Это люди съ кипучими силами, съ огневымъ темпераментомъ, съ огромными страстями, съ рѣзкими недостатками, но съ яркими талантами и съ могучими стремленіями. Дарованія и силы этихъ людей разбрасываются, тратятся на пустяки, и сами они видятъ это, и самимъ имъ жаль себя, и досадно на себя, и хочется забыться, утопить тяжелое чувство, размыкать горе. Сколько могучихъ талантовъ гибнетъ въ нашемъ отечествѣ отъ безпорядочной жизни, отъ пьянства и кутежа. Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ? ——— человѣкъ съ умомъ и съ душою такого нaглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить. Пить съ горя неизящно, я съ этимъ согласенъ, но жалокъ тотъ человѣкъ, который постоянно смотритъ на себя со стороны и всю свою жизнь думаетъ о томъ, чтобы сохранить внѣшнее благообразіе; у людей полныхъ души и чувства бываютъ такія минуты, когда весь человѣкъ сосредоточенъ въ одномъ стремленіи, когда онъ имъ только и живетъ, въ немъ только и видитъ отраду и цѣль существованія; и если что нибудь остановитъ такого человѣка въ то время, когда онъ идетъ къ своей любимой цѣли, если что нибудь станетъ между этимъ человѣкомъ и его призваніемъ, тогда не пеняйте на него, и не удивляйтесь его поступкамъ. Та самая сила, которая могла бы сдѣлать чудеса, побѣдить всѣ внѣшнія препрятствія, осуществить безпокойное стремленіе, та самая сила, передъ проявленіями которой мы бы стали благоговѣть и преклоняться, обращается противъ самого человѣка и разбиваетъ въ дребезги ту грудь, въ которой она гнѣздится.

Есть люди, которые могутъ помириться съ неполною или помятою жизнью, съ перекошенною и перекрашенною дѣятельностью; есть и другіе люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ; имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, при первой попыткѣ жизни прибрать ихъ къ рукамъ и скрутить ихъ по-своему, они бросаютъ все, и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь. Являются вспышки отчаянной энергіи, попытки повернуть дѣло по-своему, и головою пробить себѣ дорогу къ любимой дѣятельности; но такія попытки одному человѣку не по силамъ, и за энергическимъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ обыкновенно страшная, часто отвратительная реакція. Кабы этимъ силамъ да другую сферу—было бы совсѣмъ другое дѣло. Типъ широкой натуры, разбрасывающейся въ простомъ народѣ на сивуху, а въ среднемъ кругу на шампанское, могъ бы переродиться въ типъ талантливаго, живаго, веселаго работника. Отношенія Писемскаго къ этому типу теплѣе, симпатичнѣе и справедливѣе, чѣмъ отношенія Тургенева. Тургеневъ смотритъ на своего Веретьева какъ-то слишкомъ легко и слишкомъ презрительно; это невеликодушно; жертвы нашего собственнаго тупоумія, нашей собственной инертности имѣютъ право на наше сочувствіе или по крайней мѣрѣ на наше состраданіе; если жизнь однихъ вколачиваетъ въ могилу, другихъ вгоняетъ въ кабакъ, третьихъ превращаетъ въ негодяевъ, то, согласитесь, что въ этомъ не виноваты тѣ личности, которыя не выносятъ атмосферы этой жизни. «Комикъ» Писемскаго неподражаемо хорошъ, какъ выраженіе этой идеи въ поразительно яркихъ образахъ; вотъ, говоритъ авторъ, Рымовъ запилъ, превратился въ тряпку, попалъ подъ башмакъ глупой жены своей, какого-то ходячаго пуховика; а вотъ, полюбуйтесь, то общество, среди котораго онъ живетъ, всѣ, какъ на подборъ: одинъ глупѣе другаго, и каждый подличаетъ по своему; Рымовъ пьяный умнѣе ихъ всѣхъ трезвыхъ. Какъ же ему не пить? Когда вездѣ видишь, по выраженію Гоголя, одни свиныя рыла, тогда поневолѣ захочешь, хоть на нѣсколько минутъ закрыть глаза, чтобы ничего не видѣть. Рымовъ ищетъ одурѣнія, самозабвенія, бреда—и все это очень понятно, все это протестъ противъ того, съ чѣмъ борятся всѣ честные дѣятели, и что ненавидятъ всѣ порядочные люди.

VIII.

Въ томъ, что я написалъ до сихъ поръ, есть нѣсколько мыслей о тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя представлены Писемскимъ и Тургеневымъ. Полной оцѣнки ихъ дѣятельности нѣтъ, а между тѣмъ статья вышла уже очень большая. Сознавая ея неполноту, я постараюсь въ слѣдующей книжкѣ высказать свои мысли о женскихъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Кромѣ того, о такомъ романѣ, какъ «Тысяча душъ» нельзя говорить вскользь и между прочимъ. По обилію и разнообразію явленій, схваченныхъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительно выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы. Характеръ Калиновича задуманъ такъ глубоко, развитіе этого характера находится въ такой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами и особенностями нашей жизни, что о романѣ «Тысяча душъ» можно написать десять критическихъ статей, не исчерпавши вполнѣ его содержанія и внутренняго смысла. Объ такихъ явленіяхъ говорить всегда кстати; говорить о нихъ значитъ говорить о жизни, а когда же обсужденіе вопросовъ современно жизни можетъ быть лишено интереса. Поэтому, я надѣюсь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ поговорить съ читателями объ этомъ капитальнѣйшемъ произведеніи Писемскаго. Внѣшнимъ поводомъ къ этой статьѣ послужитъ мнѣ третій томъ полнаго собранія сочиненій Писемскаго, который вѣроятно выйдетъ въ скоромъ времени. Теперь постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ сгруппировать выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ теперешней моей статьи:

1) Я считаю трехъ названныхъ мною романистовъ важнѣйшими представителями современной поэзіи и отвергаю заслуги нашихъ лирическихъ поэтовъ, за исключеніемъ гг. Майкова и Некрасова.

2) Въ романѣ Гончарова я вижу только тщательное копированіе мелкихъ подробностей и микроскопически тонкій анализъ. Ни глубокой мысли, ни искренняго чувства, ни прямодушныхъ отношеній къ дѣйствительности я не замѣчаю.

3) Въ Писемскомъ и въ Тургеневѣ я дорожу преимущественно ихъ отрицательнымъ и совершенно-трезвымъ воззрѣніемъ на явленія жизни.

4) Писемскій глубже Тургенева захватываетъ эти явленія, изображаетъ ихъ болѣе густыми красками и по жизненной полнотѣ своихъ твореній какъ «черноземная сила», стоитъ выше Тургенева.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи г. Есиповымъ. Изданіе Д. Кожанчикова. Санктпетербургъ. 1861.

Книгѣ этой нельзя предсказать блестящій успѣхъ въ кругу такъ называемой публики, потому что изъ публики едва ли кто дочитаетъ «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» до шестьдесятъ третьей страницы. А между тѣмъ читатель, который поступитъ такимъ образомъ, поступитъ опрометчиво. Исть съ шестьдесятъ третьей страницы перенесется онъ прямо на сто седьмую, и онъ навѣрное будетъ читать книгу г. Есипова до ста семьдесятъ первой страницы. Пусть съ этой страницы читатель снова перенесется на страницу пятьсотъ пятьдесятъ восьмую, и книга опять будетъ читаться до страницы шестьсотъ двадцать второй. Тутъ ужъ читатель изъ числа такъ называемой публики долженъ закрыть книгу всенепремѣнно; но онъ — увѣряемъ его — закроетъ ее не иначе, какъ съ признательностію къ г. Есипову.

Спеціалистъ, или просто человѣкъ, интересующійся русскимъ расколомъ и его исторіею ради какихъ нибудь особенныхъ, ученыхъ или иныхъ цѣлей, поступитъ, по всей вѣроятности, совершенно наоборотъ. Онъ остановится въ книгѣ г. Есипова съ любопытствомъ и удовольствіемъ именно тамъ, гдѣ полторы страницы чтенія неминуемо повергнутъ въ крѣпкій сонъ читателя изъ числа такъ называемой публики; онъ будетъ читать «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» не иначе, какъ съ карандашемъ въ рукахъ, а кончивъ чтеніе, безъ со-

мнѣнія пріобрѣтетъ прочитанную книгу для своей библіотеки. Иначе и быть не можетъ: «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» — сборникъ подлинныхъ историческихъ документовъ; для занимающагося же исторіею историческій документъ *въ сыромъ видѣ* драгоцѣннѣе всего.

Конечно, документъ документу рознь, и *не всякій цвѣтокъ роза*, какъ выражается въ «Домби и сынъ» несравненный кэптэнъ Коттль о мистерѣ Тутсѣ, когда этотъ злополучный джентльменъ, по поводу несчастной любви своей, сравниваетъ себя съ увядающимъ цвѣткомъ. Но вѣдь мы же и не называемъ документовъ, собранныхъ г. Есиповымъ, абсолютно важными для русской исторіи: мы называемъ ихъ важными для исторіи русскаго раскола, и это совершенно справедливо. Найдутся, вѣроятно, люди, которые съ этимъ мнѣніемъ не согласятся; найдутся, можетъ быть, и такіе, которые придутъ въ восторгъ и умиленіе даже и передъ внутреннимъ содержаніемъ разсматриваемыхъ нами раскольничьихъ документовъ... мало ли какіе есть на свѣтѣ мудрецы; но мы—«не изъ ихъ числа». Мы не восхищаемся ни «Домашней Бесѣдой» Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, ни столь ярко возсіявшимъ надъ православною Москвою «Днемъ» Ивана Сергѣевича Аксакова; всѣ подобныя явленія возбуждаютъ въ нашемъ сердцѣ одно чувство сострадания, доводящее насъ порою до желанія бросить все и заняться медициною, съ единственною цѣлью подавать впослѣдствіи нуждающимся руку помощи à la докторъ Штейнъ...

Не можемъ мы, стало быть, восхищаться и внутреннимъ содержаніемъ раскольничьихъ документовъ, собранныхъ г. Есиповымъ. Чтеніе этихъ документовъ произвело на насъ самое нерадостное впечатлѣніе, и когда мы, дочитавъ, закрыли книгу—въ головѣ у насъ было смутно, какъ послѣ угара, на сердцѣ тяжело, какъ послѣ посѣщенія больницы умалишенныхъ...

И не оттого намъ было тяжело, что почти каждая глава въ книгѣ г. Есипова оканчивается пытками, казнями, кнутомъ, плетьми, рваньемъ ноздрей и т. п.—нѣтъ! Намъ невольно пришло на мысль: изъ-за чего страдали всѣ эти несчастные? Изъ-зачего шли они, и шли большею частію такъ мужественно, въ застѣнокъ, на плаху, подъ кнутъ, подъ топоръ? На что потрачено было столько твердости, энергіи, доблести? Ради чего сгинула вся эта сила, которая могла бы надѣлать такъ много истинно хорошихъ дѣлъ?...

Вотъ, напримѣръ, хоть бы Варлаамъ Левинъ, исторіею котораго начинается разсматриваемая нами книга. Проникся онъ до глубины

души премудрымъ ученіемъ московскаго книгописца Григорія Талицкаго—и погибъ; а премудрое ученіе Григорія Талицкаго состояло въ томъ, что московскій книгописецъ видѣлъ въ лицѣ царя Петра Алексѣевича самого антихриста, и справедливость своего мнѣнія доказывалъ изъ книгъ священнаго писанія.

«Составилъ онъ воровскія письма, будто настало нынѣ послѣднее время и антихристъ въ міръ пришелъ; а антихристомъ въ томъ своемъ письмѣ, ругаясь, писалъ великаго государя; также и иныя многія статьи ему, государю, воровствомъ своимъ въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступить велѣлъ, и слушать его, государя, и всякихъ податей ему платить не велѣлъ.

«А велѣлъ взыскать князя Михаила (Черкасскаго), чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе.

«И для возмущенія къ бунту съ тѣхъ своихъ воровскихъ писемъ единомышленникомъ своимъ и друзьямъ давалъ письма руки своей на столбцахъ, и инымъ и въ тетратехъ, и за то у нихъ ималъ деньги.

«Онъ же, Гришка, о томъ же послѣднемъ времени и о антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ хотѣлъ печатать листы и, для возмущенія жъ къ бунту и на его жъ государево убійство, тѣ листы хотѣлъ отдавать въ народъ безденежно.

«И онъ же Гришка, говорилъ: нынѣ-де время послѣднее и антихристъ пришелъ, и сказывалъ отъ бытейскихъ и отъ пророческихъ книгъ и приводомъ называлъ государя антихристомъ—въ апокалепсисѣ Іоанна Богослова въ 17 главѣ написано: антихристъ будетъ осмой царь; а по нашему-де счету осмой царь—онъ, государь; да и лѣта-де сошлись,—у меня-де къ тому есть выписано и въ тетратехъ» (*).

Григорій Талицкій не былъ, однако же, родоначальникомъ премудраго ученія о пришествіи въ міръ антихриста. Мнѣніе объ этомъ пришествіи появилось въ Восточной Россіи въ первый разъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время исправленія церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ. Событіе это потрясло такъ сильно умы просвѣщенныхъ Россіянъ, что Никонъ немедленно былъ признанъ ими за антихриста. По кончинѣ знаменитаго патріарха толки объ антихристѣ прекратились, но по воцареніи Петра начались съ новой силою. Да и какъ же въ самомъ дѣлѣ не толковать было въ это время о пришествіи антихриста. Новый царь заводилъ какіе-то новые, небывалые дотолѣ

(*) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, с. 60 и 74.

на Руси порядки: заставлялъ учиться грамотѣ и служить, пускалъ къ себѣ Нѣмцевъ, братался съ ними, ѣздилъ самъ въ ихъ поганую, еретическую землю и посылалъ туда своихъ подданныхъ, призналъ женщинъ за людей и требовалъ, чтобъ съ ними обращались по человѣчески, брилъ русскимъ бороды, одѣвался самъ и одѣвалъ своихъ приближенныхъ въ нѣмецкое платье, называлъ прямо глупымъ и дикимъ почитавшееся до того времени премудрымъ и великимъ... Что же это такое? Развѣ это не знаменія пришествія въ міръ антихриста? Развѣ прежніе цари дѣлали такія вещи? Развѣ *отцы наши сіе пріяли?* Развѣ самъ святѣйшій патріархъ Адріанъ не называлъ публично брадобритія *чужестраннымъ злообычествомъ* и *псовиднымъ безобразіемъ*, не умолялъ «воиновъ всякаго чина начальствующихъ и начальствуемыхъ» отринуть еретическій обычай брить и стричь бороды, говоря, что «Богъ возбранилъ то и святые апостолы запретили»; что «брадобритіе не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертный: проклято бо сіе блудозрѣлищное неистовство отъ прежде бывшихъ святѣйшихъ патріарховъ»? (*) Развѣ другой патріархъ, Іоакимъ, не увѣщевалъ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей «Спасителемъ нашимъ Богомъ—да возбранятъ по всякому образцу въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служивыми людьми и во всемъ ихъ царствіи проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ быти начальниками, когда велятъ отставити таковыхъ враговъ христіанскихъ отъ таковыхъ дѣлъ всесовершенно; понеже они иновѣрцы, съ нами, христіаны, православіе истинное имущими въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ всяко несогласны, церкве матери нашея православныя чужди: и что таковые еретики проклятые воинству православному сотворятъ помощи? Токмо гнѣвъ Божій наводятъ»!... (**)

Вотъ что думали, вотъ какъ говорили люди мудрые и богобоязненные,—а царь Петръ Алексѣевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, брилъ да брилъ своимъ подданнымъ бороды, якшался съ иноземцами, посылалъ за море Русскихъ, а въ заключеніе всего воздвигъ еще гоненіе на расколъ. Это было уже, конечно, самымъ убѣдительнымъ знаменіемъ пришествія въ міръ антихриста, и раскольники начали про-

(*) Окружное посланіе патріарха Адріана. Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова. т. III, с. 192—194.

(**) Духовная патріарха Іоакима. Рукопись императорской академіи наукъ.

*

повѣдовать публично, что царь Петръ—антихристъ. Тутъ-то вотъ и сталъ отличаться больше всѣхъ Гришка Талицкій.

Дики, безсмысленны были всѣ эти ученія и проповѣди, но онѣ находили себѣ многочисленныхъ и жаркихъ адептовъ, готовыхъ и на муки, и на смерть ради казавшихся имъ священными и вѣчными истинъ. Самъ Талицкій, напримѣръ, поплатился за свои сочиненія и сказанія о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, страшною смертію на кострѣ; пламенный же послѣдователь и поклонникъ московскаго книгописца, вышеупомянутый нами Варлаамъ Левинъ, добезумствовался таки до того, что ему отрубили голову. Примѣръ Левина можетъ служить лучшимъ доказательствомъ тому, какъ гибельно дѣйствуетъ дикій фанатизмъ на впечатлительный, слабый и неразвитый умъ; трагическая участь злополучнаго послѣдователя Талицкаго можетъ быть хорошимъ урокомъ для тѣхъ, которые преступно пользуются своимъ нравственнымъ вліяніемъ на недалекихъ и поддатливыхъ людей и забиваютъ имъ головы разнаго рода безсмыслицами. Левинъ всю свою жизнь мучился самыми нелѣпыми сомнѣніями, и то, что у мало мальски развитаго и образованнаго человѣка вызвало бы лишь хохотъ до слезъ, то заставляло Левина плакать отъ чистаго сердца и страдать не на шутку. Онъ служилъ сначала въ военной службѣ, въ драгунахъ; но мысль, что онъ служитъ въ лицѣ царя антихристу, не давала ему покоя, томила его неотступно, нагоняла на него грусть, тоску, меланхолію. Къ этому присоединилась еще падучая болѣзнь. Левинъ сталъ самъ не свой и постоянно мечталъ объ одномъ—какъ бы постричься ему въ монахи, или такъ просто уйти куда нибудь отъ антихриста и тѣмъ спасти свою душу. Ему удалось наконецъ первое, т. е. постриженіе; но и въ иноческомъ чинѣ Левинъ не успокоился. Его вѣчно что нибудь тревожило, смущало, приводило въ ужасъ и отчаяніе: то разсказы о томъ, что вотъ въ такомъ-то монастырѣ монахи мясо ѣдятъ и живутъ «непорядочно; то глупая солдатская болтовня о томъ, что «привезены изъ-за моря клейма на корабляхъ, чѣмъ людей клеймятъ антихристовымъ клеймомъ»; то что нибудь еще въ такомъ же умномъ и оригинальномъ родѣ. Надъ всѣмъ этимъ неотвязно царила одна главная, господствовавшая мысль, что настали последнія времена; что близко свѣтопреставленье,—и Левину наконецъ просто нестерпимо стало жить. «Пойду на муку и замучусь»! кричалъ онъ нерѣдко въ припадкахъ падучей болѣзни — и желаніе это исполнилъ. Послѣдній подвигъ его былъ таковъ: находясь въ монахахъ въ

Предтеченскомъ пензенскомъ монастырѣ, Левинъ отпросился однажды у игумена въ городъ «для подаянія по тюрьмамъ милостыни». Въ тотъ день въ Пензѣ былъ базаръ, и народа на базарѣ было множество. Левинъ пробрался къ мяснымъ рядамъ, взлѣзъ на плоскую крышу одной изъ лавокъ, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на клюкѣ вверхъ и началъ кричать къ народу: «Послушайте, христіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ въ арміи у генералъ-маіора Гаврилы Семеновича Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... Жилъ я въ Петербургѣ. Тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо, и меня ѣсть заставляли. А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ!... А въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ... И весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать. И помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число; а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны; а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ... Бойтесь этихъ печатей, православные! Бѣгите, скройтесь куда нибудь!... Послѣднее время!... Антихристъ пришелъ... антихристъ!... (*)

Въ этомъ безумномъ спичѣ высказались всѣ убѣжденія бѣдной, поврежденной жизни Левина; а эти убѣжденія не могли не подвести его сначала подъ кнутъ, потомъ подъ топоръ заплечнаго мастера...

Найдутся у насъ, безъ сомнѣнія, головы, которыя увидятъ въ подвигѣ Левина подвигъ, достойный не состраданія, а удивленія; найдутся господа иного сорта, которые не преминутъ, по поводу казней Талицкаго и Левина, взвести на Петра еще одно лишнее обвиненіе въ жестокости и кровожадности... Мы, съ своей стороны, замѣтимъ на это одно: разсматривая разсказанное нами дѣло съ просвѣщенно-филантропической точки зрѣнія 1861 года, нельзя, конечно, не сознаться, что Талицкаго и Левина слѣдовало бы отдать въ больницу умалишенныхъ, на руки хорошему врачу, — и только. Такъ, вѣроятно, и поступили бы въ настоящее время. Да; но если и въ *«настоящее время, когда»* и пр. Талицкаго и Левина все-таки не оставили бы на волѣ; если и въ *«настоящее время, когда»* и пр. Талицкій и Левинъ могли бы еще гибельно дѣйствовать на невѣжественную, суевѣрную и довѣрчивую толпу, то чтожъ тутъ и толко-

---

(*) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, с. 21.

вать о томъ, будто Петръ поступилъ черезчуръ жестоко съ безумными проповѣдниками ученія объ антихристѣ. Они были безумны—правда; но народъ вѣрилъ каждому ихъ слову; народъ, погруженный въ непроходимый мракъ невѣжества, народъ, озлобленный на Петра за его великія дѣла и предпріятія, готовъ былъ вѣрить какой угодно нелѣпости, какой угодно безсмыслицѣ про своего царя-преобразователя, про своего царя-нововводителя, про своего царя—друга и пріятеля басурманъ. Талицкій же и Левинъ (въ особенности первый) не ограничивались однѣми отвлеченными идіотски-мистическими бреднями, распространяемыми въ ограниченномъ кружкѣ адептовъ и единомышленниковъ: Талицкій дѣйствовалъ прямо, какъ агитаторъ, запрещалъ народу слушаться Петра и платить подати, совѣтовалъ обратиться къ князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому, «чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе», распространялъ повсюду свои *тетрадки*, т. е. сочиненія о пришествіи въ міръ антихриста въ лицѣ Петра, хотѣлъ даже напечатать эти *тетрадки*, продавать ихъ, и «отдавать въ народъ безденежно, для возмущенія къ бунту и на его государево убійство». Левинъ говорилъ о послѣднихъ временахъ и о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, встрѣчному и поперечному, знакомымъ и незнакомымъ, въ церкви и на базарѣ. Оба они, такимъ образомъ, были не просто раскольники и религіозные фанатики, а государственные преступники, поборники тьмы и дикости, враги зарождавшейся славы и благосостоянія Россіи. Будь они, впрочемъ, и просто раскольники,—они не уцѣлѣли бы и тогда; но ужъ тутъ осудилъ бы ихъ не Петръ: тутъ осудили бы ихъ прежде его духовенство и всѣ русскіе нераскольники—словомъ *старая русь*, не любившая шутить въ дѣлѣ вѣры. Доказательствомъ тому можетъ служить казнь знаменитаго расколоучителя Аввакума, подобно Талицкому, сожженнаго на кострѣ, по настоянію патріарха Іоакима, въ кроткое царствованіе благодушнаго Өедора Алексѣевича (*).

(*) Казнь Аввакума можетъ также служить однимъ изъ лучшихъ примѣровъ того изумительнаго мужества, съ которымъ умирали самымъ мучительнымъ образомъ эти фанатики тупоумія и невѣжества. Вотъ какъ описывается эта казнь въ книгѣ г. Есипова (с. 117):

«Казнь была исполнена 1-го апрѣля 1681 года, въ великій пятокъ. На площади построили срубъ изъ дровъ, и на немъ привязали Аввакума, Лазаря, Епифанія и Никифора (тоже расколоучителей). Собрался народъ и снялъ шапки... Дрова подожгли—замолчали всѣ. Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «вотъ будете этимъ крестомъ молиться—во вѣкъ

Ко всему этому не лишнимъ считаемъ присовокупить еще слѣдующее: Андрей Ивановичъ Ушаковъ, допрашивавшій Левина въ Тайной канцеляріи, послалъ по этому дѣлу донесеніе къ Петру, находившемуся въ то время въ Коломнѣ, на пути въ Астрахань. Ушаковъ испрашивалъ царской резолюціи по пунктамъ, между которыми находился такой: «Онъ же, Левинъ, показалъ на родственниковъ своихъ четырехъ человѣкъ, что при нихъ злыя слова въ домѣ говорилъ, да вышеписанныя же слова говорилъ онъ въ церкви всенародно, при капитанѣ да коммисарѣ».

Петръ на этотъ пунктъ далъ такую резолюцію:

«Слѣдовать и смотрѣть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже и временемъ мѣшается и завирается» (*).

Любопытно было бы знать, какимъ *кровожаднымъ* побужденіемъ объяснятъ это рѣшеніе остроумные обличители и порицатели «великаго преобразователя нашего»?..

Но оставимъ въ покоѣ остроумныхъ обличителей и порицателей; оставимъ въ покоѣ Талицкаго и Левина, и перейдемъ къ другимъ отдѣламъ книги г. Есипова. За разсказами о послѣдователяхъ ученія объ антихристѣ, въ книгѣ этой, слѣдуютъ разсказы и документы о раскольникахъ инаго рода: ряпинскихъ, московскихъ, выгорѣцкихъ, керженскихъ. И тутъ еще встрѣчаются толки объ антихристѣ и послѣднихъ временахъ; но тутъ уже толки эти стоятъ на второмъ планѣ: первый планъ занимаютъ вопросы догматической мудрости, вопросы о двуперстномъ сложеніи, о службѣ по старопечатнымъ книгамъ, о крестѣ осьмиконечномъ трисоставномъ, о семи и пяти просвирахъ, о четвероугольныхъ и круглообразныхъ на просвирахъ печатяхъ, о хожденіи вкругъ купели по солнцу, о сугубой аллилуіи и тому подобныхъ важныхъ предметахъ. Около этихъ предметовъ вращаются всѣ идеи и помыслы; ради нихъ люди удаляются отъ общества и живой дѣятельности и поселяются въ лѣсахъ и дебряхъ; ради нихъ терпятъ нужду и гоненія; ради нихъ съ охотою идутъ на костеръ—и по принужденію, и добровольно; ради нихъ становятся злыми, непримиримыми врагами-ненавистниками тѣхъ, которые молятся сложеніемъ не двуперстнымъ, а трехперст-

не погибнете; а оставите его—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ—настанетъ и свѣту конецъ!..» Огонь хватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ... Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли».

(*) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, с. 31.

нымъ, ходятъ вкругъ купели не по солнцу, а противъ солнца, возглашаютъ аллилуію не сугубую, а трегубую и т. д. Сущность догматической мудрости ряпинскихъ, московскихъ и иныхъ мудрецовъ читатель лучше всего узнаетъ изъ двухъ—трехъ небольшихъ выписокъ, которыя мы сдѣлаемъ для его же, читателя, вящшаго удовольствія изъ книги г. Есипова. Вотъ, напр., какія мнѣнія высказывалъ одинъ изъ ряпинскихъ раскольниковъ Ѳедосѣевскаго толка, Илья Яковлевъ, бывшій, по собственному его сознанію на допросѣ въ Невскомъ монастырѣ, въ 1719 году, духовникомъ всѣхъ главныхъ учителей своей секты:

«По мнѣнію ихъ (т. е. учителей) бракъ, въ святой церкви бываемый у православныхъ христіанъ, слышалъ онъ, Илья, у своей братьи, съ 196 года (1688) порочёнъ, и самъ-де онъ, Илья, также держитъ и исповѣдуетъ, А крещеніе, во святой церкви бываемое у православныхъ христіанъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, съ того же года, какъ онъ слышалъ, такъ и самъ держитъ, порочно и не православно, за премѣну вѣры и книгъ неправославныхъ. И тѣло—же и кровь Христову, бываемую въ церквахъ, вмѣняютъ за простой хлѣбъ и вино, а не за тѣло и кровь Христову. А объ антихристѣ отцы ихъ говаривали, что—де будетъ не суще чувственъ человѣкъ, а уже-де пришелъ онъ въ міръ съ помянутаго 196 года, и нынѣ въ мірѣ есть, а познали-де его приходъ въ міръ по перемѣнѣ вѣры и книгъ. Духовныя его дѣти были главные учители, Евстратъ Ѳедосѣевъ, Егоръ Васильевъ; и они о вѣрѣ мудрствуютъ и учатъ съ нимъ согласно. Церкви-де, въ которыя ходятъ православные христіане для приношенія безкровныхъ жертвъ и молитвъ,—и тѣ церкви они святы не вмѣняютъ, но порочны; а о крестѣ-де четвероконечномъ разумѣемъ, что не сущій образъ креста, но сѣнь; а сущій-де образъ креста святаго отъ трехъ деревъ составляется. А по перемѣнѣ-де книгъ старопечатныхъ, которые люди обрѣтаются всякаго чина и пріемлютъ крещеніе, и причащеніе, и священство, и бракъ, и прочія таинства церковныя по чину новопечатныхъ книгъ, тако же которые люди и въ церкви нынѣшнія ходятъ, и тѣхъ всѣхъ не вмѣняютъ быти православныхъ христіанъ, но порочныхъ; и въ семъ—де разумѣніи своемъ и исповѣданіи онъ, Илья, стоитъ непремѣнно, въ которомъ и умереть готовъ» (*).

Мудрствованія Ильи Яковлева дополнены были на томъ же допро-

(*) Тамъ же, с. 94 и 95.

съ мудрствованіями другаго раскольника того же толка, Семена Иванова, сообщившаго такія истины:

«О четырехъ-де патріархахъ восточныхъ и великороссійскихъ, и тѣхъ патріарховъ, отъ лѣтъ 192 или 193 (1684 — 85) и донынѣ, разумѣютъ быти неправославныхъ; тако же и отъ нихъ рукоположеніе и освященіе пріемлющихъ, за премѣну вѣры, и книгъ, и трисоставнаго креста, и за сложеніе перстовъ, неправославны же. Антихристъ пришелъ уже въ міръ; и живетъ онъ духовнѣ по дѣйству въ великой Россіи, въ премѣнѣ на просфирахъ креста и въ прочихъ дѣйствахъ церковныхъ таинствъ. А о царскомъ величествѣ разумѣютъ въ равенствѣ съ прочими помянутыми христіаны (*)».

Еще увлекательнѣе и убѣдительнѣе доводы въ пользу старой вѣры одного московскаго раскольника поповщинскаго толка, Мирона Коронина. Вотъ каковы были причины, заставлявшія эту умную голову оставаться въ расколѣ:

«Что служатъ (въ православной церкви) не по старому, руками махаютъ и ногами притопываютъ. И четвероконечному кресту не кланяется, потому что Христосъ распятъ на осьмиконечномъ крестѣ. А иконамъ, которые писаны угодники Божіи, молящіеся противнымъ сложеніемъ, пріемлетъ и покланяется; а которые писаны сложеніе тремя первыми персты—тѣхъ не почитаетъ и не покланяется. Православно-каѳолической вѣры причащеніе не пріемлетъ, что поютъ по новымъ книгамъ, а не по старымъ. У священниковъ, которые пребываютъ въ новой вѣрѣ, благословеніе не пріемлетъ, что персты слагаютъ не по старому. Никона патріарха, и по немъ бывшихъ патріарховъ, не пріемлетъ, что онъ, патріархъ Никонъ, перепортилъ старыя книги, а ввелъ новыя. И впредь онъ, Миронъ, хочетъ быть въ расколѣ (**)».

Хорошенькаго понемножку, говоритъ пословица; но мы никакъ не можемъ удержаться, чтобъ не утѣшить читателя еще одною выпискою изъ книги г. Есипова,—выпискою, при помощи которой высокая мудрость раскольничьихъ ученій предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи. Истины, коими сію минуту просвѣтится читатель, повѣданы были поповщинскаго толка старцемъ Антоніемъ, на допросѣ въ Синодѣ, 10 января 1733 года.

«Отъ лѣтъ 166 года, говорилъ Антоній:—святѣйшаго Никона, па-

(*) Тамъ же, с. 95.
(**) Тамъ же, с. 202.

тріарха московскаго, и прочихъ восточныхъ патріарховъ до сего дне, архіереевъ и іереевъ не православными, но еретиками нарицалъ.

«Отъ тѣхъ лѣтъ церковь православная въ Россіи якобы повредилась Никоновымъ преданіемъ.

«Книги церковныя новоисправныя растлѣнными и весьма еретическими нарицалъ, и еретиками по нихъ мудрствующихъ называлъ.

«Вкругъ купели церковныхъ крещеній но по солнцу хожденія, но противъ солнца ересью нарицалъ.

«Евхаристію и всѣхъ седьми таинъ и простыхъ церковныхъ дѣйствій ересью нарицалъ, потому что не по старопечатнымъ книгамъ, но по Никонову преданію, не во спасеніе, но въ погибель, аки скверну антихристову вмѣнялъ и ругатель былъ.

«Сложеніе трехъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатью антихристовою нарицахъ, и знаменующихся тѣмъ перстосложеніемъ неправославными нарицахъ.

«Трекратное глаголаніе: аллилуіа, въ молитвословѣ церковномъ по псалмѣхъ, ересію нарицахъ; а дважды глаголаніе: аллилуіа, аллилуіа, въ третіе приглашати: слава тебѣ, Боже—православными глаголющихъ именовахъ.

»А на святыхъ иконахъ пишимое сице: Иисусъ, а не: Іисусъ—ересію нарицахъ.

«Крестъ четвероконечный трисоставному древу честію и славою не полагахъ, но разумѣхъ стѣнь или сѣнь онаго истиннаго трисоставнаго креста мудрствовахъ.

«Въ символѣ вѣры—и въ Духа Святаго Господа животворящаго, а не глаголющихъ: и въ Духа Господа истиннаго и животворящаго—ересію нарицахъ.

«Всякую исправность въ книжномъ типографскомъ тисненіи, пременеціе рѣчей и буквы, точекъ и запятыхъ ересію нарицахъ.

«Благословящую священническую руку сложенную Іисусъ Христосъ называвъ малаксою ересію, а въ старопечатныхъ книгахъ напечатано, какъ креститися, такъ и благословити повелѣно.

«За благочестивѣйшую государыню императрицу Анну Іоанновну и за всю ея высочайшую фамилію Бога не молятъ, також и за преставившихся ихъ величества фамилію учили меня Бога немолить, и сами учители во ектеніяхъ и литіяхъ Бога не молятъ; також и за православныхъ московскихъ архіереовъ не молятъ же.

«Брадобрѣющихъ проклинали и еретическими слугами называли, и онъ называлъ по преданію тѣхъ же лжеучителей своихъ (*)».

Какъ ни полезно, какъ ни пріятно просвѣщать свой умъ и сердце такими высокими истинами, но пользоваться и услаждаться ими надобно весьма умѣренно: *à la longue* онѣ производятъ совершенно иное впечатлѣніе, и, говоря откровенно, всѣ эти старцы Антоніи, Пахоміи, Авраамін, Корниліи, Іосифы и др., всѣ эти попы Семеновы и Денисовы, всѣ эти Мироны Коронины, Алексѣи Дивовы, Григорьи Конительщиковы и тому подобные мудрецы могутъ быть интересны и любезны для однихъ раскольниковъ и людей, спеціально занимающихся исторіею русскаго раскола. Читатель же изъ обыкновенныхъ смертныхъ, дойдя лишь до половины «Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія», почувствуетъ одурь нестерпимую, тѣмъ болѣе, что самое изложеніе книги въ формѣ слѣдственныхъ дѣлъ, съ безчисленными повтореніями и отступленіями, для человѣка, непривыкшаго къ подобнаго рода чтенію, крайне утомительно. А вѣдь все дѣло вотъ въ чемъ:

Схватятъ какого нибудь раскольничьяго попа или старца—по доносу или по случаю—притянутъ его, куда слѣдуетъ, и начнутъ допросы. Если, напр., схватили попа, то попъ тотчасъ же оговоритъ старца. Подать сюда старца. Старецъ оговоритъ старицу. Подать сюда старицу. Старица оговоритъ крестьянина. Подать сюда крестьянина и т. д. А тутъ ужъ и пойдутъ: «Пріѣзжали ко мнѣ такіе-то, привозили онаго попа, и оный попъ въ домѣ моемъ вечерни, утрени, часы, молебны и панихиды отправлялъ по старопечатнымъ книгамъ, и меня, Василья, или Алексѣя, или Ивана, съ женою исповѣдалъ, и сына моего, Ивана, или Алексѣя, или Василья, тому четвертый или пятый годъ—не упомню—вѣнчалъ. А пріѣзжали ко мнѣ, подлинно такіе–то».

Ну, разумѣется, подать такихъ-то. Такіе-то поданы и говорятъ: «точно, оный попъ, тому года два или три, перевѣнчивалъ сына моего такого-то, и его, сына моего такого-то, двухъ младенцевъ перемолитвивалъ и перекрещивалъ. А былъ при этомъ такой-то.»

Подать такого–то.

И т. д.

Иногда какой нибудь старецъ или старица, почему либо, смалодушествуетъ и скажетъ, что въ расколѣ–де быти не хощетъ и погрѣшати въ томъ не хощетъ и т. п. или—что «напомня смертный часъ

(*) Тамъ же, с. 258—260.

и страшное Христово пришествіе, желаетъ быти въ послушаніи соборныя Восточныя православно-каѳолическія церкви до скончанія жизни своей непремѣнно, а прежнее свое содержаніе противства отвергаетъ, и прежде бывшихъ и доселѣ содержащихъ святѣй соборнѣй церкви противства еретиковъ и ересеводителей проклинаетъ и анаѳемѣ предаетъ.»

За анаѳемой, разумѣется, слѣдуютъ новыя показанія и оговоры, а за симъ опять начинается:

На дому у такого-то перемолитвивалъ и перекрещивалъ...

На дому у меня перемолитвивалъ и перекрещивалъ...

На дому у такого-то перевѣнчивалъ...

На дому у меня перевѣнчивалъ...

И т. д., и т. д., и т. д. А на конецъ концевъ—или смерть, или кнутъ, или ссылка, или иногда такого рода отмѣтка: «и по вышеписанному приговору, съ онаго попа *такого-то* санъ не снятъ, и наказаніе не учинено, для того, сего—мѣсяца—числа—года онъ, *такой-то*, будучи за карауломъ, волею Божіею умре».

И за тѣмъ начинается новый разсказъ совершенно въ такомъ же родѣ.

Въ малой дозѣ, конечно, и это можетъ быть не только поучительно, но даже и усладительно; но читать такіе разсказы въ тридцать, пятьдесятъ, семьдесятъ страницъ—это, какъ хотите, подвигъ!..

Все это говоримъ мы не для спеціалистовъ. Для спеціалиста чтеніе книги г. Есипова будетъ не подвигомъ, а удовольствіемъ. Онъ съ удовольствіемъ прочтетъ и *Ряпинскихъ раскольниковъ*, и *Попа Якова Семенова*, и *Волоколамскій лѣсъ*, и *Выговскую пустынь*, *Александра дьякона*, и *Доносъ Халтурина* и *Доносъ Круглова*, со всѣми безконечными къ нимъ приложеніями и дополненіями, составляющими, по большей части, повтореніе того, что уже сказано въ статьѣ. *Доносъ Круглова*, впрочемъ, едва ли не уходитъ и спеціалиста, или, вѣрнѣй, *Доносъ Круглова* едва ли и спеціалистъ осилитъ сразу: въ немъ ни больше, ни меньше двухсотъ страницъ!..

Дѣло другое разсказы: *Алексѣй Лампадчикъ*, *Подьячій Докукинъ*, *Казакъ Левшутинъ* и *Авраамъ Ивановъ*. Эти разсказы (къ которымъ слѣдуетъ присовокупить еще уже упомянутаго нами *Варлаама Левина*), и по общему интересу, своего содержанія, и по приданной имъ г. Есиповымъ литературной формѣ, доступны каждому, и каждымъ прочтутся съ большимъ удовольствіемъ. «Алексѣй Лампад-

чикъ и подъячій Докукинъ, говоритъ г. Есиповъ: — не принадлежали къ сословію раскольниковъ, но въ нихъ проявляются нѣкоторыя убѣжденія, которыя поддерживались и распространялись въ послѣдователяхъ раскола: убѣжденія о послѣднемъ времени, ненависть къ нововведеніямъ и Петру. Алексѣй Лампадчикъ, какъ видно изъ дѣлъ, былъ когда-то раскольникъ, а подъячій Докукинъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ о послѣднемъ времени». Разсказы эти, по словамъ автора, вошли въ Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія *по желанію издателя.*

Мы не станемъ передавать здѣсь содержанія этихъ разсказовъ, не желая лишать читателей удовольствія познакомиться съ ними вполнѣ, въ настоящемъ ихъ видѣ, въ книгѣ г. Есипова. Сдѣлаемъ лишь маленькое извлеченіе изъ *Алексѣя Лампадчика*, въ надеждѣ, что на насъ за это не посѣтуетъ никто. Мѣсто, которое мы намѣрены выписать, нравится намъ чрезвычайно; оно, вѣроятно, понравится и всѣмъ. Прежде, впрочемъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что за человѣкъ былъ Алексѣй Лампадчикъ.

Алексѣй Лампадчикъ, бывшій сначала дѣйствительно лампадчикомъ при мощахъ Св. Алексѣя митрополита въ Чудовомъ монастырѣ, впослѣдствіи (въ 1716 году) назначенъ былъ архимандритомъ въ Александро-Свирскій монастырь. Въ этомъ званіи онъ стяжалъ себѣ всеобщее нерасположеніе своихъ подчиненныхъ, — да и было за что. Александръ отличался чрезвычайною грубостью, дерзостью, жестокостью и корыстолюбіемъ, распоряжался самопроизвольно и безотчетно монастырскою суммою, велъ жизнь непорядочную и безпощадно наказывалъ тѣхъ монаховъ, которые осмѣливались противурѣчить ему или обличать его. При преемникѣ Александра, архимандритѣ Кириллѣ, во всѣ праздничные и царскіе дни, послѣ церковной службы, братія обыкновенно угощалась «чашами за трапезою»; при Александрѣ, въ царскіе дни, не только не было затрапезныхъ чашъ, но онъ отмѣнилъ даже и молебное пѣніе за царскихъ особъ. Все это возмущало монаховъ и очень дорого обошлось строптивому архимандриту. На него былъ сдѣланъ доносъ въ тайную канцелярію; Александръ былъ схваченъ, разстриженъ, и участь ожидала его очень не хорошая. Онъ самъ постарался сдѣлать ее насколько лишь могъ хуже, самъ подвелъ себя къ самому трагическому концу.

Сидя въ тюрьмѣ, въ ожиданіи розыска, Александръ, превратившійся, по растриженіи, снова въ Алексѣя, потребовалъ чернилъ, бумаги и написалъ самое дерзкое *объясненіе*, въ которомъ прямо и

открыто порицалъ и бранилъ Петра за его реформы, нововведенія и бракъ съ Екатериной. Изъ этого-то именно объясненія мы и намѣрены выписать, въ заключеніе статьи нашей, одно очаровавшее насъ мѣсто. Вотъ оно:

«Еще же къ сему его царское величество въ противность творитъ противу святой восточной апостольской греческой церкви, отъ которыя благочестивая православная христіанская вѣра принята въ великороссійскую святую соборную и апостольскую церковь: которые отъ нея опредѣленные святые посты пріяла святая соборная и апостольская церковь великороссійская и хранитъ Божіею благодатіею даже до сего времени, яко же прежде бывшіе россійскіе великіе князи Кіевскіе, такожде и великороссійскіе московскіе великіе князи хранили даже и до сего его царскаго величества царствованія; но нынѣ его царское величество ввелъ обычай отпадшаго западнаго костела римскаго, который отринутъ отъ святыя восточныя греческія церкви и якоже гнилый удъ отсѣченъ отъ соединенія за многіе догматы противные, въ свой западный костелъ имъ внесенные, которые со святою восточною греческою церковью несогласующіе. И нынѣ его царское величество пріялъ обычай того западнаго отпадшаго костела римскаго: во вся святые посты и во все лѣто въ среды и пятки самъ разрѣшаетъ на мясо и другимъ всѣмъ повелѣваетъ творити такожде, яко же и творятъ мнози отъ его царскаго синклита, и отъ прочихъ христіанъ мнози, на ихъ смотря, творятъ, ядятъ потому же мясо во святые посты; яко же западный отпадшій костелъ римскій повелѣваетъ творити тако, отъ него жъ его царское величество сей обычай воспріялъ, противность творя святой восточной церкви.

«Такожде его царское величество того западнаго костела отпадшаго пріялъ и прочіе обычаи: брадобритіе и власы на главахъ своихъ носятъ накладные, яко нѣкую мерзость, и яко же Сатири дивіи тако входятъ въ храмъ господень безстудно и безъ страха Божія. Еще же къ сему повелѣлъ его царское величество богомерзкую проклятую табунъ (табакъ) траву продавать по градамъ, которую самъ и весь его синклитъ употребляетъ. И въ такое безстудіе пришли, не точію что въ домѣхъ или въ канцеляріяхъ и на путѣхъ, но и въ церквахъ Божіихъ употребляютъ безстудно и безъ страха Божія. Яко же азъ самъ видѣлъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова), въ церкви Божіей без-

студно употребляюща сію богомерзкую табунъ траву проклятую и яко же нѣкоей святыни причащаяся (*)».

Неправда-ли, читатель, что лучшаго заключенія для этой статьи нельзя и придумать? Богомерзкая табунъ-трава, укоры Петру за несоблюденіе постовъ, за парики и брадобритіе, двуперстное сложеніе, четвероугольныя и круглообразныя печати на просвирахъ, хожденіе вкругъ купели по солнцу, крестъ осьмиконечный трисоставный, ненависть къ людямъ и самосожженіе изъ-за права молиться по старопечатнымъ книгамъ, возглашать сугубую аллилуію и писать Ісусъ, а не Иісусъ, Петръ—антихристъ, послѣднія времена—все это вмѣстѣ составляетъ такую картину, на которую глядишь и не наглядишься, и только не знаешь—смѣяться или плакать?..

А знаете-ли, читатель, какъ называется эта картина? Не знаете? Такъ я вамъ скажу.—Старою Русью, доброю старою Русью! Тою самою старою Русью, за разгромъ которой такъ бранятъ Петра проницательные и умные люди; тою самою старою Русью, по которой такъ вздыхаютъ московскіе мудрецы... Вотъ такъ мудрецы, другъ-читатель!..

І. ШИШКИНЪ.

Начатки дѣтскаго школьнаго обученія, Адольфа Дистервега.

(Изданы при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Въ благословенные прежніе годы заставляли дѣтей зубрить въ долбяжку всякую мертвечину; а чтобы зубреніе шло успѣшнѣй, то премудрые педагоги не забывали обильно вспрыскивать ихъ березовою кашей, считая это благодѣтельнымъ въ той же степени, какъ для молодаго ростка бываетъ благодѣтельно вспрыскиваніе дождемъ небеснымъ.

(*) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, с. 148 и 149.

И ктожъ не согласится, что большая часть этихъ премудрыхъ педагоговъ производила такія человѣколюбивыя операціи совершенно сознательно, побуждаемая даже, сколь ни странно намъ это слышать, чувствомъ гуманности. «Ученіе горько, говорили они, но плоды его сладки!» И дѣйствительно, это было ихъ прямое, коренное убѣжденіе, лучшее вѣрованіе ихъ жизни. Да и въ самомъ дѣлѣ: щедринскій Порфирій Петровичъ, напримѣръ (если ужь пошло на примѣры), вѣдь позналъ же-таки на дѣлѣ всю сладость горькаго ученія. Онъ достигъ и до ранга почтеннаго, и до уваженія всеобщаго, и до мѣста «злача и прохладна», которому привыкли придавать граціозный эпитетъ «тепленькаго». И за всѣ эти блага почтеннѣйшій Порфирій Петровичъ не мало вѣдь былъ обязанъ школьнымъ «*розгачамъ*» своего горькаго ученія!

Это горькое ученіе вело отцовъ и дѣдовъ нашихъ къ пониманію практическихъ цѣлей жизни: оно развивало въ нихъ практическій смыслъ, развивало тотъ «нюхъ», то чутье, по которому они безошибочно угадывали, гдѣ надо что сдѣлать, чтобы достигнуть вожделенной сладости и теплоты. Они и достигали ихъ, достигали и неоднократно похваливали при этомъ свое горькое ученіе и школьные розгачи. Да вотъ что скажу вамъ: намъ еще неудавалось встрѣтить въ жизни ни одного Порфирія Петровича, который бы безъ благоговѣнія и самой теплой признательности упомянулъ когда-нибудь про свою семинарію или приходскую школу! Да и какъ же иначе? Не ставь ихъ на горохъ голыми колѣнями, не мори ихъ поучительнымъ голодомъ, не запаривай до полусмерти высоконазидательными, полутора-аршинными розгами, они и Порфиріями Петровичами не были бы. «Таковъ ужъ неисповѣдимый законъ судебъ... Круговращеніе!» какъ говоритъ у Островскаго несравненный Акимъ Акимычъ Юсовъ.

Да, милостивые государи! встарину говорили: ученіе горько, да зато плоды его сладки»; а мы... да что мы?! Намъ развѣ остается только сказать, что ученіе, конечно, горько; но зато плоды его... тоже горьки! И мы будемъ, какъ и сами вы увидите, едва ли не правы, исковеркавши шиворотъ-на-выворотъ этотъ достопочтенный семинарскій афоризмъ.

— Неправда! ученіе сладко и плоды его... тоже сладки!—говоритъ наиученнѣйшій германскій педагогъ Адольфъ Дистервегъ!—раздастся вдругъ голосъ г. Ушинскаго.

Мы въ почтительнѣйшемъ молчаніи склоняемъ свои головы и приготовляемся благоговѣйно выслушать мнѣнія нашего педагога.

Наша цѣль и притомъ *главная* цѣль, говоритъ г. Ушинскій, есть — развитіе въ дѣтяхъ способности воззрѣнія, мышленія и рѣчи, а также обогащеніе ихъ памяти новыми словами и понятіями. Дитя, при самомъ началѣ ученія, должно не только учить читать и писать, но еще болѣе развивать, бесѣдуя съ нимъ о предметахъ ему близкихъ. Въ такихъ бесѣдахъ дитя пріучается, во-первыхъ, наблюдать предметъ или явленіе, совершающееся передъ его глазами; во-вторыхъ, связывать свои наблюденія и выводить изъ нихъ по возможности дѣльную мысль; въ-третьихъ, выражать эту мысль въ словахъ правильно и точно. Мы желаемъ, чтобъ учителя разъ навсегда позабыли прежній способъ обученія, и чтобы при первоначальномъ обученіи сами съумѣли стать на ту точку развитія, на которой находятся дѣти. Только при этомъ условіи они поймутъ всю пользу нашего развивательнаго, нагляднаго метода обученія. Школа сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она должна быть, только тогда, когда совершенно освободится отъ одуряющей школьной мудрости, отъ всѣхъ старыхъ привычекъ. Только тогда она перестанетъ быть страшилищемъ, какимъ еще до сихъ поръ представляется дѣтямъ. Вмѣсто страха и скуки, до сихъ поръ въ ней преобладающихъ, въ ней будетъ господствовать радость и удовольствіе!

Г. Ушинскій умолкаетъ: онъ выражался такъ краснорѣчиво; показалъ себя съ такой хорошей, здравой, прогрессивной стороны, высказалъ столько новыхъ прекрасныхъ педагогическихъ мыслей.

Но мы, «чернь непосвященна», мы уже пріучили себя не вѣрить громкимъ современнымъ фразамъ; намъ мало ихъ; намъ нужно дѣло! позвольте намъ, г. Ушинскій, взглянуть, какъ-то вы на дѣлѣ примѣнили ваши громкія, современныя фразы, какимъ это способомъ развиваете вы дѣтей и обогащаете кругъ ихъ понятій.

— По методѣ Адольфа Дистервега, отвѣчаете вы.

Хорошо. Взгляните, мой благосклонный читатель, на эту методу! Вотъ вамъ, напримѣръ, упражненіе первое. «Названіе и описаніе предметовъ, въ классной комнатѣ находящихся».

Классная комната, полъ, потолокъ, стѣны, окна, двери; скамейка, скамейки; столъ, столы; стулъ, стулья; доска, доски; книга, книги; аспидная доска, аспидныя доски; грифель, грифели; тетрадка, тетрадки; перо, перья; чернильница, чернильницы; стѣнная карта,

стѣнныя карты; занавѣска, занавѣски; печь; учитель, человѣкъ, мужчина; дитя, дѣти; ученикъ, ученики; ученица, ученицы.

Вы изумлены, читатель; вы не можете себѣ дать отчета, какой смыслъ и значеніе имѣетъ этотъ перечень предметовъ; къ чему онъ ведетъ, наконецъ?—Къ развитію, отвѣчаетъ г. Ушинскій; а какъ именно ведетъ онъ къ развитію, покажетъ самый ходъ обученія. Слушайте же этотъ ходъ:

Учитель указываетъ дѣтямъ каждый изъ поименованныхъ предметовъ, и спрашиваетъ: что это такое? какъ этотъ предметъ или эта вещь называется? Спрошенный ученикъ отвѣчаетъ: это—окно, эта вещь называется книгою, эти вещи называются книгами. Для разнообразія можно требовать, чтобы такіе отвѣты ученика повторяли за нимъ нѣкоторые другіе, или даже всѣ ученики, особенно если вещь или ея названіе ученикамъ мало еще извѣстны.

Вообще учитель долженъ обращаться съ каждымъ вопросомъ ко всѣмъ ученикамъ. Тѣ изъ нихъ, которые въ состояніи отвѣтить на вопросъ, должны поднять вверхъ указательный палецъ правой руки, *только не всю руку;* (отчего же не всю руку, а непремѣнно одинъ *указательный палецъ правой руки?* Что за формализмъ непонятный? или это тоже ведетъ къ развитію?) тогда учитель одного изъ нихъ знакомъ приглашаетъ дать отвѣтъ. Отнюдь не слѣдуетъ позволять ученикамъ отвѣчать не по данному знаку, всѣмъ вдругъ и произвольно. Подъ конецъ урока каждый изъ учениковъ *долженъ пересказать по порядку, всѣ предметы*, о которыхъ была рѣчь, такимъ образомъ: это—классная комната, это—полъ, это стѣны; или: я вижу классную комнату, столъ, скамейки и проч.. или наконецъ отвѣчая на вопросы учителя: укажите мнѣ печь, двери и проч.»

Теперь, мой читатель, вы познакомились съ ходомъ обученія; но это еще далеко не все: вы видѣли только ходъ обученія; но система самаго развитія еще впереди!.. О, вы увидите, что это такое! Прошу быть внимательнѣе, вотъ она:

Учитель объясняетъ классную комнату:

Въ классной комнатѣ, говоритъ онъ, находятся: полъ, потолокъ и четыре стѣны. Вотъ эта стѣна есть передняя, та—задняя, эта правая, другая лѣвая. Здѣсь находится уголъ, тутъ—другой уголъ; въ классной комнатѣ четыре угла; изъ нихъ два у передней и два у задней стѣны. Полъ выкрашенъ въ коричневый цвѣтъ, потолокъ бѣ-

лый, а стѣны зеленыя. Полъ сдѣланъ изъ дерева, а стѣны покрыты известью.

Комнатныя двери имѣютъ четыре стороны и четыре угла. Вотъ эта—нижняя ихъ сторона, эта—верхняя, та правая, а эта—лѣвая. Бока дверей прямые. Вотъ эта линія есть прямая линія. *Площадь дверей ограничена четырьмя прямыми линіями;* она четырехсторонна и четыреугольна... *Двери выше роста человѣка*... Двери служатъ къ тому, чтобы отворять и затворять классную комнату для входа въ нее и выхода изъ нея людей. Ихъ затворяютъ затѣмъ, чтобы вѣтеръ не проникалъ въ комнату, и чтобы зимою въ комнатѣ было тепло. Если желаютъ затворить двери такимъ образомъ, чтобы никто не могъ войдти въ комнату, тогда ихъ запираютъ ключемъ.

Окно состоитъ изъ дерева, желѣза, замазки и стекла. Косяки и переплетъ деревянные, крючья и петли желѣзные, замазка изъ муки съ клеемъ, а оконныя стекла—*стекляныя* (Sic!!!!!)

Въ этомъ порядкѣ слѣдуютъ объясненія печи, стола, аспидной доски, пера, перочиннаго ножика, о которомъ дѣти узнаютъ, что съ нимъ нужно обходиться осторожно, потому что иначе можно себѣ обрѣзать пальцы; потомъ объясненіе чернилъ, чернильницы, бумаги и книги. Не можемъ удержаться, чтобы не привести нѣсколько строкъ изъ объясненія чернильницы.

«Этотъ сосудъ есть чернильница.

«Части ея слѣдующія: верхняя часть или горло чернильницы. Черезъ горло наливаютъ чернила въ чернильницу и потомъ закрываютъ и закупориваютъ горло пробкою, затѣмъ чтобы въ чернила не попала пыль или другія вещи и чтобы чернила не вылились, когда случайно чернильница опрокинется. Чернильница стоитъ дномъ своимъ на поверхности стола. Если хотятъ вылить изъ нея чернила, то ее наклоняютъ на сторону или совсѣмъ опрокидываютъ.

«Чернильница легко разбивается; она непрочна и потому съ нею надо обращаться осторожно. («Потому-что иначе можно замарать себѣ пальцы и платье», слѣдовалобъ ужъ прибавить вамъ, г. Ушинскій, чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ).

«Какъ называются сосуды, служащіе для храненія воды, пива, вина, масла и молока?».

Прочтя все, приведенное нами, вы невольно придете въ самое понятное и естественное недоумѣніе: что все это значитъ? къ чему все это! что за цѣль? какимъ же образомъ такая способъ ученья

можетъ служить къ умственному и нравственному развитію дѣтей? И ученикъ долженъ еще вникать въ нее, долженъ пересказать по порядку всѣ предметы, о которыхъ ему говорилось! Пусть кто хочетъ изъ васъ, поставитъ себя на мѣсто ученика; какъ взглянули бы вы на человѣка, если бы онъ вдругъ сталъ говорить вамъ: это вотъ, душенька, носъ, носъ, понимаешь-ли, носъ! а это, миленькій, печка, печка; видишь ли печка; а самъ ты, голубчикъ мой, когда поймешь разницу между носомъ и печкой, такъ будешь умница. Вотъ, видишь ли, носъ служитъ для того, чтобы нюхать, а печка для того, чтобы топить ее; носъ служитъ на пользу человѣка, а печка служитъ тоже на пользу человѣка; это-то вотъ и есть ихъ сходственный признакъ. Печку топятъ затѣмъ, чтобы было тепло, а если не вытопить печку, такъ будетъ холодно, а если холодно, такъ носъ озябнетъ, а если носъ озябнетъ, такъ надо согрѣть его, а чтобы согрѣть его, надо чтобъ не было холодно, а чтобы не было холодно, опять-таки надо вытопить печку. Что бы вы сдѣлали въ отвѣтъ на это, мой благосклонный читатель?

Ну, скажите сами, господинъ Ушинскій, какъ думаете вы: не лучше-ли бы было, вмѣсто того, чѣмъ объяснять, что стекла—стеклянныя, а двери запираются на ключъ для того, чтобы никто не входилъ въ комнату, — не лучше ли бы было, говоримъ мы, наглядно объяснить ребенку механическое устройство замка и процессъ выдѣлки стекла, если ужъ вы взялись объяснять ему предметы, съ которыми онъ встрѣчается на каждомъ шагу въ обыденной жизни? Да и какъ же непослѣдовательна предлагаемая вами система! Непослѣдовательна потому, что если вы разъ взглянули на ребенка, какъ на круглаго идіота, которому нужно объяснять, что это носъ, а это классная комната, то уже вы никакъ не можете произнести такой, напримѣръ фразы: «*площадь дверей ограничена четырьмя прямыми линіями*». Согласитесь, что вся эта фраза составлена изъ чисто-математическихъ техническихъ выраженій, которыя такому ребенку совершенно недоступны, недоступны потому уже, что на той-же строкѣ, ваша теорія говоритъ: «*Двери выше роста человѣка*». Я, не довѣряя самому себѣ въ высказываемомъ мною взглядѣ, рѣшился испытать на практикѣ теорію Дистервега. Когда семилѣтнему мальчику былъ заданъ мною вопросъ: какъ онъ полагаетъ, выше ли двери человѣческаго роста? Такъ онъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, который заставилъ меня сконфузиться за предложенный вопросъ и даже

съ дѣтскою ироніей отвѣтилъ: «конечно выше, развѣ вы не видите!» Но я не успокоился послѣ этого отвѣта и сталъ говорить объ устройствѣ дверей и замка, ребенка видимо заинтересовало это объясненіе и особенно заинтересовало то, что̀ находится внутри замка: «какъ-бы сломать да поглядѣть» замѣтилъ онъ мнѣ при этомъ. Когда же буквально слѣдуя методѣ, предлагаемой г. Ушинскимъ, я сталъ говорить, что «двери имѣютъ четыре стороны и четыре угла», да потомъ послѣдовательно ввернулъ фразу, что «площадь дверей ограничена четырьмя прямыми линіями», мой ученикъ опять сталъ глядѣть на меня недоумѣвающими глазами, а потомъ отвернулся, да безъ дальныхъ церемоній взялъ и ушелъ.

За описаніемъ и изученіемъ классной комнаты и ея принадлежностей слѣдуетъ изученіе геометрическихъ тѣлъ, какъ-то: куба, прямой четырехъ-гранной призмы, трехсторонней призмы, трехсторонней пирамиды и пр. Не знаемъ, какъ кому, а намъ такъ кажется, что не черезчуръ ли ужъ великъ и непослѣдователенъ скачекъ отъ объясненія того, что двери деревянныя и выше роста человѣческаго къ объясненію, положимъ, хоть правильнаго двѣнадцатигранника. Неугодно ли обратить вниманіе на это объясненіе, предлагаемое ребенку лѣтъ 6-ти — 7-ми, не болѣе! Вотъ оно:

«Это тѣло ограничено 12-ю одинаковыми гранями, изъ которыхъ каждая составляетъ равностороннюю и равноугольную фигуру, имѣющую 5 тупыхъ угловъ и 5 сторонъ. Такимъ образомъ, въ двѣнадцатигранникѣ находится $5 \times 12 = 60$ тупыхъ угловъ. У каждаго трехграннаго угла двѣнадцатигранника сходятся по три такіе линейные угла и по три ребра. Двѣнадцатигранникъ лежитъ на каждой изъ своихъ 12-ти граней, стоитъ на углахъ или ребрахъ. Каждой грани соотвѣтствуетъ противуположная, параллельная ей грань; каждому углу и каждому ребру — противуположные углы и ребра.»

Это объясненіе такъ краснорѣчиво говоритъ само за себя, что и прибавлять къ нему нечего. Мы никакъ не отвергаемъ пользы изученія геометрическихъ тѣлъ, только въ настоящемъ случаѣ считаемъ его безполезнымъ. Мы, во-первыхъ, находимъ, что у Дистервега оно занимаетъ не то мѣсто, которое должно бы занимать, потому что оно слѣдуетъ непосредственно объясненіемъ принадлежностей классной комнаты. Судя по этому предшествующему объясненію, читатель находится въ полномъ правѣ считать учениковъ Дистервега неразвитыми дѣтьми, а между тѣмъ объясненіе двѣнадцатигранника, по про-

граммѣ этого педагога, заключается въ 3-мъ упражненіи, т. е. въ третьемъ, по счету отъ начала урока!.. Во-вторыхъ, мы смѣло утверждаемъ, что подобное объясненіе и подобное изученіе геометрическихъ тѣлъ отнюдь не приведетъ къ желаемымъ результатамъ, потому что ребенокъ, прежде всего, не будетъ видѣть въ этомъ смысла. Зачѣмъ ему объясняютъ всѣ эти углы, да линіи да ребра, и заставляютъ самого его заучивать и объяснять ихъ? Ребенокъ вѣдь никакъ не догадается, для чего вы это съ нимъ дѣлаете? Для развитія, отвѣчаете вы. Боже мой, это *вамъ* хорошо говорить: для развитія, а ребенокъ развѣ понимаетъ, развѣ сознаетъ онъ, что все это творятъ съ нимъ для его *развитія*? Мы не отвергаемъ нагляднаго метода, напротивъ, по идеѣ (а не по данному исполненію), считаемъ его лучшимъ, но требуемъ въ то же время, чтобы ребенокъ, при наглядномъ обученіи понималъ *чему* его учатъ и *для чего* его учатъ; мы требуемъ, чтобы господа педагоги, настолько бы удѣлили ему нравственнаго и разумнаго участія въ его обученіи, чтобы онъ понималъ для чего его учатъ, положимъ хоть геометрическимъ фигурамъ. Мы требуемъ отъ объяснителя всякаго подобнаго предмета, чтобы онъ показалъ ребенку хоть какое-нибудь его практическое примѣненіе, ну хоть бы то, какъ съ помощью треугольника и прямыхъ линій, можно вырѣзывать изъ картона или изъ бумаги какія-нибудь фигурки для забавы. Ребенокъ будетъ видѣть въ этомъ хоть какую-нибудь опредѣленную цѣль, а то, начать вдругъ, ни съ того ни съ сего, прямо и сухо объяснять ему, что такое кубъ, или конусъ, или призма — это значитъ, прямо отнять у него любовь и охоту къ ученію!

Перейдемъ теперь къ упражненію въ естественной исторіи. Учитель объясняетъ *собаку* по слѣдующему образцу:

«а) Главныя части собаки: голова, шея, туловище, хвостъ, ноги. Части головы: черепъ, темя, лобъ, глаза, носъ, рыльцо, ротъ, уши. Части туловища: животъ, спина, бока живота, нижняя часть живота, передняя и задняя части туловища, и т. д. все въ этомъ же родѣ. Хотя нѣмецкій педагогъ и хлопочетъ объ отличительныхъ признакахъ, контрастахъ и сравненіяхъ, но кто-жъ не согласится, что подобнаго рода объясненіе отличительныхъ признаковъ собаки съ равнымъ успѣхомъ будетъ приложено и для объясненія курицы, и свиньи, и лошади, и двуутробки, однимъ словомъ годится оно для каждаго любаго животнаго. И такъ вы видите, что отличительное свойство ме-

тоды Дистервега есть крайняя безцвѣтность, а съ безцвѣтностью, — воля ваша! — по нашему мнѣнію, соединены неразлучно и умственная апатія и нравственная пошлость.

Кромѣ того въ объясненіи нѣкоторыхъ житейскихъ предметовъ г. Дистервегъ иногда отличается чисто дѣтскою наивностью и блаженнымъ незнаніемъ. Къ числу такихъ объясненій мы можемъ отнести кромѣ того, что двери выше роста человѣка, и стеклянныхъ стеколъ, еще и слѣдующія:

a) Замазка дѣлается изъ муки съ клеемъ.

b) *Самецъ* этой породы называется быкомъ *или воломъ* (!!!), а самка — коровою.

c) Наши *домашнія животныя* одарены пятью чувствами, какъ и люди; *у нѣкоторыхъ изъ нихъ* даже эти чувства гораздо болѣе развиты и болѣе совершенны, чѣмъ у людей. Такъ напр. собака гораздо лучше человѣка обоняетъ, *орелъ* (?!?) лучше видитъ и проч.

По дѣвственно-невинному и благоправно-цѣломудренному воззрѣнію германскаго педагога быкъ и волъ одно и то же; вѣроятно въ силу подобныхъ воззрѣній и орелъ причисленъ къ домашнимъ животнымъ. Мы не дѣлаемъ дальнѣйшихъ выписокъ всѣхъ этихъ наивностей, въ полной увѣренности, что читатель достаточно уже удовлетворенъ и этими.

Идея Дистервега о наглядномъ обученіи сама по себѣ вполнѣ безукоризненна, но практическое примѣненіе ея... Вы сами достаточно уже знакомы съ образцами этого примѣненія! Для насъ въ высшей степени страненъ этотъ разладъ идеи съ выполненіемъ; поглядите, что говоритъ самъ Дистервегъ о своемъ методѣ:

«Все то, что дѣти усвоили себѣ не черезъ воззрѣніе, не наглядно, пишетъ онъ, остается для нихъ непонятнымъ словомъ, пустою, мертвою буквою. Всякое ненаглядное обученіе воспитываетъ человѣка для школы только, а не для жизни. Въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ источниковъ истекаетъ всякое знаніе? Изъ разума и изъ опыта. Знаніе, почерпаемое изъ разума, заключается въ общихъ истинахъ или идеяхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ сферѣ первоначальнаго обученія. Если-же эти знанія необходимы при дальнѣйшемъ образованіи, то какимъ образомъ они могутъ сдѣлаться понятными и удобопримѣнимыми на практикѣ? Очевидно, только такимъ образомъ и тогда, когда будутъ соединены съ наглядными опытами и съ созерцаніемъ

дѣйствительной жизни, и ими объяснены. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое твердое и положительное знаніе дѣтей должно пріобрѣтаться нагляднымъ воззрѣніемъ, и на немъ опираться. Изъ забвенія или пренебреженія этой великой истины, если не открытой, то впервые примѣненной на практикѣ Генрихомъ Песталоцци, произошло все это безплодное обученіе въ школахъ, отсутствіе всего живаго въ обученіи, все отупѣніе дѣтей и весь безжизненный механизмъ нашихъ учебныхъ заведеній.

И эти свѣтлыя, правдивыя мысли высказываетъ тотъ самый Адольфъ Дистервегъ, который описываетъ классную комнату и чернильницу, примѣняя только-что высказанныя имъ идеи къ практической жизни! Вотъ въ томъ-то и вся бѣда наша, что мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ педантизма и теоріи. Мы во имя жизни отвергаетъ всѣ теоріи, а въ то же время вмѣсто отверженныхъ незамѣтно подсовываемъ свои, которыя ничѣмъ не лучше старыхъ, если только еще не хуже ихъ. А въ накладѣ остается все та же самая жизнь, которой послужить мы хотѣли. И выходитъ, что дотолѣ, доколѣ мы будемъ оставаться на дѣлѣ педантами и теоретиками, хотя бы и въ гуманно-прогрессивномъ смыслѣ,—жизнь будетъ сама по себѣ, а мы сами по себѣ, т. е. тѣ же самые трупы, мертвецы, только въ другихъ гробахъ и болѣе модныхъ, новыхъ саванахъ, а запахъ гнили благополучно останется въ насъ по старому, тотъ же, какъ и былъ во время оно...

Что касается до нашего взгляда на воспитаніе ребенка, то мы скорѣе склонны къ отверженію всякой методы, всякаго искуственнаго развитія. Предоставьте лучше это развитіе самой природѣ: она гораздо умнѣе и предусмотрительнѣе распорядится въ этомъ случаѣ, чѣмъ всѣ ваши теоріи и методы. Не сочиняйте для дѣтей особеннаго, замкнутаго міра, не старайтесь навязать имъ понятія, что вы выше ихъ, сильнѣе ихъ, умнѣе ихъ; напротивъ того, оставляйте ихъ въ вашемъ обществѣ, въ обществѣ взрослыхъ; не поучайте ихъ, а говорите съ ними просто, какъ бы вы говорили со всякимъ другимъ человѣкомъ; предоставьте ребенку болѣе свободы вдумываться въ предметы самому, анализировать самому, разсказывайте ему то, что его можетъ интересовать, а не то, что комната имѣетъ полъ и потолокъ—это онъ самъ и безъ васъ очень хорошо видитъ и знаетъ; руководите его тонко и незамѣтно; помогайте природѣ, а не насилуйте ее, не гоните ее въ две-

ри и въ окна,—и повѣрьте, изъ вашего ребенка скорѣе всего выйдетъ то, что мы въ обширномъ смыслѣ привыкли понимать подъ словомъ *человѣкъ*.

В. К—ОВСКІЙ.

Стихотворенія Н. Некрасова. Изданіе второе (съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года) 1861.

Праздникъ жизни, молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ-баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риѳмованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все жь они не хуже плоской прозы
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой тяжелый неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Дорогая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца.

Эти шесть куплетовъ Некрасова превосходно опредѣляютъ значенiе всей его поэтической дѣятельности и въ то же время служатъ великолѣпнымъ образчикомъ этой дѣятельности. Некрасовъ говоритъ о себѣ совершенно справедливо, что онъ не ищетъ образовъ для выраженiя явленiй дѣйствительности, не выработываетъ для нихъ изящной формы, а просто выливаетъ въ своихъ стихотворенiяхъ то настроенiе, которое вызвали въ душѣ эти явленiя: слезы—такъ слезы, желчь—такъ желчь, сарказмъ —такъ сарказмъ. Нашъ поэтъ понимаетъ самого себя, не обманывается на свой счетъ; онъ чувствуетъ, что его сила состоитъ не въ яркости образовъ, не въ отдѣлкѣ подробностей, не въ пѣвучести стиха, а въ искренности чувства, въ глубинѣ страданiя, въ неподдѣльности стона и слезъ. — Приведенное мною стихотворенiе представляетъ собою слово поэта о самомъ себѣ; смыслъ этого слова вѣренъ; тонъ, которымъ произнесено это слово, гармонируетъ съ тономъ всей некрасовской поэзiи; сурово относится Некрасовъ къ явленiямъ жизни; сурово и нерадостно смотритъ онъ и на свою собственную дѣятельность; но эта суровость не имѣетъ ничего общаго съ великопостною суровостью какого нибудь аскета пуританина; это не та суровость, которая во имя узкой идеи выжимаетъ изъ жизни сокъ и систематически давитъ всякую радость; это, напротивъ, естественная, печальная, задумчивая, порою желчно-раздражительная серьезность человѣка, много страдавшаго на своемъ вѣку, смотрѣвшаго съ непритворнымъ участiемъ на страданiя другихъ, дошедшаго до невольнаго отвращенiя къ причинѣ своихъ и чужихъ страданiй, и совершенно потерявшаго ребяческую способность и малодушную потребность зажмуривать глаза и утѣшать себя и публику фантастическими надеждами. Истинная любовь всегда правдива, всегда безпощадна, всегда старается видѣть свой предметъ, какъ онъ есть, и никогда не боится тѣхъ тяжелыхъ ощущенiй, которыя можетъ вызвать созерцанiе неподкрашенной дѣйствительности. Такая любовь живымъ и чистымъ ключемъ бьетъ въ стихотворенiяхъ Некрасова.

Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ ненавидя.

Некрасовъ только въ одномъ отношеніи ошибается насчетъ самого себя; онъ, смотря на свою дѣятельность самымъ трезвымъ взглядомъ, оцѣниваетъ самого себя ниже своего достоинства; онъ считаетъ себя сатирикомъ, но этого слишкомъ мало; обличать пороки окружающаго общества можетъ всякій, кто достаточно развилъ въ себѣ нравственное чувство, или, вѣрнѣе, силу простаго здраваго смысла, чтобы стать выше уровня массы и отличать бѣлое отъ чернаго; и Персій обличалъ пороки римскаго общества, и Кантеміръ обличалъ, и Буало обличалъ; но ни Персій, ни Кантеміръ, ни Буало не могутъ быть названы поэтами. Некрасовъ не учитъ насъ: вотъ это хорошо, а то дурно; это мы и безъ него знаемъ; онъ увлекаетъ насъ силою лирическаго чувства; онъ самъ плачетъ, стонетъ, проклинаетъ; то тихая грусть, то мрачное отчаяніе, то нѣжное сочувствіе разлиты въ его произведеніяхъ, и всѣ эти настроенія вызваны такими реальными явленіями, и выражены въ такихъ простыхъ, мужественныхъ звукахъ, что они прямо идутъ отъ сердца поэта къ сердцу читателя,

Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Никакой риторъ-сатирикъ, никакой краснорѣчивый проповѣдникъ не увлечетъ и не растрогаетъ васъ до слезъ, если онъ самъ не чувствуетъ того, что хочетъ перелить въ васъ. А кто перечувствовалъ столько, сколько — Некрасовъ, и кто увѣковѣчилъ эти чувства въ такихъ металлическихъ звукахъ, которые сами собою западаютъ въ память и врѣзываются въ душу читателя, тотъ не только обличитель, не только сатирикъ, тотъ поэтъ, великій поэтъ, т. е. человѣкъ, глубоко чувствующій и сильно отзывающійся на истинно-человѣческіе вопросы.—Такихъ людей и такихъ поэтовъ не за-

бываетъ народъ, сколько нибудь достигшій самосознанія. Два стиха Некрасова

Но не льщусь, чтобы въ памяти народной
Уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ

оскорбительны для нашей народной гордости. Слишкомъ тяжело думать, что нашъ добрый народъ ни однимъ добрымъ словомъ не почтитъ памяти тѣхъ людей, которые горячо и безкорыстно его любили, вмѣстѣ съ нимъ терпѣли горькую долю, и своими трудами приготовили ему болѣе свѣтлую участь. Когда мы встрѣчаемъ школьнаго товарища, терпѣвшаго вмѣстѣ съ нами скуку казенныхъ уроковъ и тяжелую рутину учителей, мы радуемся ему, протягиваемъ ему руку, вмѣстѣ съ нимъ припоминаемъ прошлое и разсуждаемъ о настоящемъ; мы даже осуждаемъ тѣхъ черствыхъ джентльменовъ, которые, вышедши въ люди, забываютъ своихъ сверстниковъ, дѣлившихъ съ ними въ молодые годы горе и радость, и остановившихся на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Скажите, неужели же цѣлый народъ будетъ такъ же забывчивъ или такъ же неблагодаренъ, какъ бываютъ немногіе сухіе господа? Неужели народъ, достигнувъ той степени развитія, которая теперь составляетъ для насъ предметъ неосуществимыхъ желаній, забудетъ тѣхъ честныхъ и скромныхъ работниковъ, которые, не щадя плечей и головъ, сносили камни для будущаго зданія, и закладывали фундаментъ, не надѣясь даже дожить до окончанія постройки. Еслибы такъ было дѣйствительно, тогда всю литературную дѣятельность Некрасова пришлось бы назвать дон-кихотскимъ подвигомъ; для пустаго и вѣтрянаго народа работать не стоитъ; самыя страданія такого народа, еслибы только онъ былъ возможенъ, были бы также смѣшны и приторны, какъ страданія чувствительной барыни, падающей въ обморокъ оттого, что завизжала ея любимая собачка; но этого нѣтъ; народъ любитъ и помнитъ своихъ друзей, только, къ сожалѣнію, онъ ихъ не знаетъ. Попробуйте обласкать человѣка забитаго, заваленнаго работою, привыкшаго голодать и зябнуть, вы увидите, что онъ къ вамъ привяжется сильною преданностью существа, помятаго жизнью и не избалованнаго нѣгою. Пусть русскій простолюдинъ услышитъ и пойметъ задушевное слово, сказанное безъ задней мысли о его житьѣ-бытьѣ, о его простомъ, невыплаканномъ горѣ, и вы увидите, что онъ запомнитъ это слово, начнетъ мурлы-

кать его въ часы раздумья и передастъ его дѣтямъ и внукамъ вмѣстѣ съ своими незатѣйливыми, заунывными напѣвами. Кто любитъ народъ, тотъ вѣритъ въ его силы, хотя порою тяжело становится отстаивать эту вѣру отъ набѣгающихъ сомнѣній. Некрасовъ, поэтъ трезвыхъ отношеній къ жизни и безотраднаго скептицизма, доставшагося горькимъ житейскимъ опытомъ, также вѣритъ въ непочатыя силы народа, въ естественную мощь человѣческой природы.

Онъ говорилъ: «во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй —
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ,
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ.

Какъ истинный поэтъ, какъ живой человѣкъ, Некрасовъ любитъ человѣка, и относя мрачныя стороны нашей жизни къ числу проходящихъ заблужденій, смотритъ въ отдаленное будущее съ свѣтлою, твердою, мужественною надеждою. Вотъ какую пѣсню поетъ нашъ поэтъ надъ спящимъ младенцемъ:

Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ
Будь онъ проклятъ растлѣвающій,
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ!

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

Съ ними ты рожденъ природою —
Возлелей ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.

Возлюби ихъ! На служеніе
Имъ отдайся до конца.
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

Дѣйствительно, поэту реалисту, подобному Некрасову, надо вѣрять въ природную силу человѣка сильнѣе, чѣмъ тому незлобивому поэту, который прислушивается къ звукамъ своей миролюбивой лиры.

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой.

Поэты–сибариты, которыхъ у насъ такъ много, зажмуриваютъ глаза, когда имъ приходится видѣть что нибудь некрасивое и печальное; чтобы не сталкиваться съ такими сюжетами, они обращаются

къ античному міру или къ области своихъ собственныхъ, чисто личныхъ ощущеній; живя и дѣйствуя такимъ образомъ, они могутъ безъ особеннаго труда сохранить любовныя отношенія къ жизни и къ людямъ; они ихъ не знаютъ, а мягко относиться къ тому, чего не знаешь, вовсе не трудно. Но тотъ поэтъ, который живетъ одною жизнью съ нами, тотъ, кто видитъ, какъ мы падаемъ и барахтаемся въ грязи, тотъ, кто вмѣстѣ съ нами страдаетъ и падаетъ, кто въ своихъ произведеніяхъ не старается стать выше этихъ человѣческихъ слабостей и страданій,—тотъ, конечно, долженъ сильно вѣрить въ возможность обновленія, тотъ, конечно, всѣми силами своего существа долженъ стремиться къ лучшему будущему. Страстности, патетическаго стремленія, пламеннаго отрицанія вы найдете у Некрасова больше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ нашихъ лириковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вѣры въ человѣка у него также больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, именно потому, что въ немъ сильнѣе чѣмъ въ другихъ существуетъ потребность этой вѣры. Только тотъ докторъ твердою рукою запускаетъ свой ланцетъ въ гнойную рану больнаго, который знаетъ, что больной можетъ и долженъ вынести операцію. Рѣзать умирающаго человѣка—трудъ тяжелый и неблагодарный. Только тотъ поэтъ способенъ безпощадно обнажить передъ нами язвы нашего общества, кто вѣритъ въ его силы; въ противномъ случаѣ поэтомъ обличителемъ неминуемо овладѣетъ уныніе, и скоро лихорадочная энергія, съ которою онъ приступилъ къ своей вивисекціи, превратится въ тупую, вялую, мертвенную апатію. Но унынія вы у Некрасова не найдете; мрачна та картина, которой отдѣльные уголки вырисовываются въ его произведеніяхъ, но велика энергія поэта, живетъ въ немъ свѣжая любовь къ человѣку, и ни на минуту не покидаетъ его твердое убѣжденіе въ томъ, что должно быть и будетъ лучше. Некрасовъ неспособенъ сказать намъ: жизнь должна быть страданіемъ, терпите ваши страданія, миритесь съ жизнью, какова она есть. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ малодушныхъ жалобъ; онъ не осуждаетъ тѣхъ слабыхъ существъ, которыя плачутъ, но неспособенъ сѣсть съ ними рядомъ и заплакать вмѣстѣ съ ними; въ его произведеніяхъ слышатся ожесточенные крики, звуки сознательнаго негодованія, горькія слезы озлобленія, далеко не безпредметнаго. Онъ говоритъ намъ своими произведеніями: «мы страдаемъ, но страдаемъ потому, что глупы и вялы; потомки наши будутъ умнѣе насъ, и имъ будетъ легче жить на свѣтѣ; мы страдаемъ, но этого не должно быть и не будетъ; работать, работать надо; опускать руки стыдно и глупо».

Покуда, лучшею работою, достойною поэта и человѣка, является страстное, неутомимое преслѣдованіе зла во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ; преслѣдованіе это выражается въ протестѣ, который не пропадетъ для подростающаго поколѣнія; чего нельзя искоренить, то надо по крайней мѣрѣ обнаружить, вывести на свѣтъ, показать во всемъ величіи безобразія. Чтобы такое клейменіе зла не вышло бездушнымъ перечнемъ преступленій и подлостей, необходимо могучее дарованіе, необходимо, чтобы поэтъ страдалъ вмѣстѣ съ угнетеннымъ и вслѣдствіе этого всею душею ненавидѣлъ обидчиковъ и утѣснителей. Именно такимъ поэтомъ является Некрасовъ; за такого поэта знаетъ его вся грамотная Русь, но я рѣшаюсь еще разъ напомнить объ этомъ, потому что повторять подобныя вещи всегда хорошо и всегда умѣстно.

Приводить ли еще отрывки изъ стихотвореній нашего поэта? Ограничусь двумя—тремя выписками, въ которыхъ выразится то, какимъ образомъ Некрасовъ, поэтъ нашей скорби, откликается на разнообразныя страданія людей, находящихся въ самыхъ различныхъ положеніяхъ. Вотъ тужитъ бѣднякъ:

Все—поводъ къ искушенію,
Все дразнитъ и язвитъ
И руку къ преступленію
Нетвердую манитъ...
Ахъ! еслибъ часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрамъ бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелаго
Гнетущаго труда, —
Быть можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашелъ бы путь иной,
И въ трудъ иной—свѣжительный
Поникъ бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
На встрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку. —

А вотъ кручина дѣвушки, выходящей замужъ за фабричнаго:

Богъ не безъ милости—ты спасена...
Что же ты такъ безнадежно грустна?
Ждетъ тебя много попрековъ жестокихъ
Дней трудовыхъ, вечеровъ одинокихъ:
Будешь ребенка больнаго качать,
Буйнаго мужа домой поджидать,
Плакать, работать, да думать уныло:
Что тебѣ жизнь молодая сулила,
Чѣмъ подарила, что дастъ впереди...
Бѣдная! лучше впередъ не гляди!

Вотъ жалобы разсыльнаго, носящаго корректуры журналовъ:

«Знай ходи, то въ Коломну, то къ Невскому,
Даже Фр—нгъ устанетъ марать:
—Объяви, говоритъ, ты К———му,
Что я больше не стану читать!..
Вотъ и нынче несу что-то спѣшное—
Да пускай подождутъ не въ первой,
Эхъ! умаялось тѣло-то грѣшное
. . . .
Зналъ Булгарина, Греча, Сенковскаго,
У Воейкова долго служилъ,
Въ Шепелевскомъ сыпалъ у Жуковскаго
И у Пушкина въ Царскомъ гостилъ.
Походилъ я къ Василью Андреичу
Да гроша отъ него не видалъ,
Не чета Александру Сергѣичу:
Тотъ частенько на водку давалъ.
Да зато попрекалъ все цензурою:
Если красныя встрѣтитъ кресты,
Такъ и пуститъ въ тебя корректурою:
Убирайся молъ ты!
Глядя, какъ человѣкъ убивается,
Разъ я молвилъ: сойдетъ де и такъ!
—Это кровь, говоритъ, проливается,
Кровь моя—ты дуракъ!...

А вотъ цѣлая, обширная картина страданія, въ которой тонутъ, какъ въ необозримомъ океанѣ, всѣ отдѣльныя горести, стѣсненія и лишенія:

Я лугами иду—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!

Я лѣсами иду—звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!

Я хлѣбами иду—что вы тощи хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькій, съ голоду!

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!

Я въ другую: мужикъ: хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!

Ужь я въ третью: мужикъ! что ты бабу бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькій, съ голоду!

NB. Заявивъ этою статьею о выходѣ въ свѣтъ втораго изданія стихотвореній Н. А. Некрасова, редакція Русскаго Слова надѣется еще возвратиться къ этому предмету и посвятить ему болѣе обстоятельную, критическую статью.

Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ. Сатирическая бывальщина Гермогена Трехзвѣздочкина.

Когда мнѣ было лѣтъ семь или восемь, когда я учился французскому языку, мнѣ часто приходилось переводить анекдотъ слѣдующаго содержанія: «Одинъ драматическій писатель послалъ въ дирекцію театра комедію своего сочиненія. Къ этой комедіи было приложено письмо, въ которомъ авторъ извѣщалъ дирекцію, что онъ написалъ свою комедію въ двѣнадцать дней. Дирекція просмотрѣла комедію и возвратила ее съ помѣткою, что автору слѣдуетъ употребить двѣнадцать мѣсяцевъ, для того, чтобы исправить свое произведеніе». Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я переводилъ этотъ анекдотъ съ французскаго языка на русскій и обратно; съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось до нѣкоторой степени познакомиться съ міромъ литературныхъ дѣятелей и литературныхъ рабочихъ, и я тутъ припомнилъ давнозабытый анекдотъ и вполнѣ убѣдился въ его правдивости, Самолюбіе литератора заносчиво и мелочно, щекотливо и необузданно; это самолюбіе постоянно встрѣчаетъ себѣ заслуженные щелчки и все-таки не унимается.

Плодомъ такого неудержимаго самолюбія явилась книга: «Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ». Эта книга снабжена введеніемъ, изъ котораго мы узнаемъ два любопытные факта о личности автора, скрывшаго свое подлинное имя подъ оригинальнымъ псевдонимомъ Гермогена Трехзвѣздочкина.

Первый фактъ тотъ, что вся книга написана въ четыре недѣли. «Это была, говоритъ авторъ, импровизація сердца, это были вопли души, убитой полнымъ равнодушіемъ и жестокимъ злорадствомъ нѣкоторыхъ». Второй фактъ тотъ, что авторъ импровизаціи въ продолженіи тридцати лѣтъ питалъ постоянную дружбу къ Алексѣю Алексѣевичу Одинцову, которому и посвящается вся книга, написанная даже вслѣдствіе его совѣта.—То, что я назвалъ введеніемъ, представляетъ, собственно говоря, лирическое обращеніе автора къ своему испытанному другу; какъ лирическое обращеніе, оно въ полномъ своемъ составѣ для публики не

понятно и не интересно. Мы, публика, имѣемъ право вывести изъ него слѣдующія заключенія: г. Трехвѣздочкинъ уже не молодъ и притомъ одержимъ неистовою охотою писать. Если даже преподложить, что онъ подружился съ г. Одинцовымъ, когда ему было лѣтъ десять, то теперь автору «Сатирической бывальщины» окажется сорокъ, стало быть пора юношескихъ порывовъ и бѣшенаго вдохновенія прошла безвозвратно и притомъ безслѣдно; г. Трехвѣздочкинъ самъ признаетъ себя рекрутомъ въ фалангѣ писателей; но, воля ваша, чтобы въ мѣсяцъ написать цѣлую книгу въ 244 стр. надо обладать значительною бѣглостью пера, такою бѣглостью, которая, сколько мнѣ извѣстно, недоступна самымъ плодовитымъ изъ нашихъ журнальныхъ писателей. Несмотря на эту бѣглость, которая сама по себѣ составляетъ немаловажное достоинство, я осмѣлюсь выразить предположеніе, что г. Трехвѣздочкинъ останется скромнымъ рекрутомъ, и что пріемъ, который сдѣлаетъ публика его «импровизаціи» больно растравитъ раны его оскорбленнаго самолюбія. Повѣсть или романъ, который онъ разсказываетъ въ своей книгѣ, представляетъ одну изъ безчисленныхъ варіацій на давно избитую тему. Прожившійся дворянчикъ женится на купеческой дочкѣ, чтобы породниться съ богатымъ купцомъ и запустить руку въ его непочатой сундукъ. Въ первой части «сатирической бывальщины», все идетъ самымъ казеннымъ порядкомъ; тутъ есть и гостиница, въ которую промотавшійся герой, Валерьянъ Николаевичъ Шугаровъ задолжалъ за нѣсколько мѣсяцевъ: тутъ есть и буфетчикъ, дающій тому же герою деньги въ кредитъ, вѣроятно потому, что иначе Валерьяну Николаевичу невозможно будетъ исполнитъ приказаній своего автора; тутъ подвертывается очень кстати пріятель Шугарова съ рекрутскою квитанціею, которая даетъ герою возможность познакомиться съ семействомъ богатаго купца Сермяжникова: тутъ, ну однимъ словомъ тутъ авторъ устраняетъ всѣ препятствія; г. Гермогенъ Трехвѣздочкинъ разсуждаетъ вѣроятно такъ: я авторъ, я выдумалъ этихъ людей, я создалъ это положеніе, ну стало быть я воленъ распоряжаться ими какъ мнѣ угодно; а если какой-нибудь нахалъ критикъ, по зависти къ моей изобрѣтательности, вздумаетъ доказывать мнѣ, что я вру на дѣйствительность, то я отвѣчу ему, что это не его дѣло, назову его злонамѣреннымъ и злораднымъ клеветникомъ, напишу чувствительное посланіе къ моему старому другу и въ двѣ недѣли выдумаю новую вереницу лицъ мои положеній. Для г. Трезхвѣздочкина не существуетъ затруденій; с

надо, чтобы его герой познакомился съ купеческою дочкою,—сейчасъ является на выручку рекрутская квитанція; надо, чтобы этотъ герой понравился своей будущей супругѣ—это достигается двумя-тремя комплиментами; надо сдѣлать подарокъ горничной—сейчасъ же оказывается, что у Шугарова подъ руками платье, которое ему поручили передать его сестрѣ. Авторъ «сатирической бывальщины» не задумывается надъ средствами; онъ запутываетъ и распутываетъ интригу, не обращая никакого вниманія на законы логики и правдоподобія; дѣло кончается тѣмъ, что его герой, похожій, какъ блѣдная копія, на Хлестакова или Вихорева, женится на толстой дочери богатаго купца и сверхъ всякаго ожиданія, становится образцовымъ мужемъ, хорошимъ хозяиномъ и во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Уже изъ одного этого обстоятельства мы можемъ заключить что авторъ смотритъ на жизнь и на людей почти такъ же наивно и добродушно, какъ покойный Карамзинъ, авторъ «Бѣдной Лизы» и «Исторіи государства Россійскаго». Оптимизмъ г. Трехзвѣздочкина вырисовывается еще яснѣе во второй части его произведенія. Тутъ онъ рѣшаетъ такую задачу, передъ которою отступали величайшіе дѣятели нашей литературы: дѣятели эти, къ сожалѣнію, всѣ были болѣе или менѣе пессимистами и ни какъ не умѣли возвыситься до той умилительной наивности воззрѣній, на которую съ перваго раза отважился г. Трехзвѣздочкинъ. Въ произведеніяхъ нашихъ дѣятелей случалось всегда такъ, что одолѣвали самодуры, и что подъ ихъ тяжелыми стопами задыхалось и вымирало возникавшее движеніе жизни. У г. Трехзвѣздочкина выходитъ совсѣмъ на оборотъ и даже вторая часть его бывальщины украшена заманчивымъ заглавіемъ « побѣда надъ первымъ самодуромъ. » Я признаюсь, приступилъ съ замираніемъ сердца къ чтенію этой второй части. Что если, думалъ я, содержаніе этихъ 114 страницъ соотвѣтствуетъ заглавію? что если дѣйствительно г. Трехзвѣздочкинъ укажетъ намъ средство радикально излечивать людей, одержимыхъ бѣсомъ самодурства: вѣдь это будетъ рай земной, блаженство, а не жизнь. Всѣ наши страданія происходятъ отъ того, что мы сами дуримъ, и что дурятъ окружающіе насъ люди; когда это повсемѣстное преобладаніе глупости будетъ опрокинуто, тогда буквально потекутъ рѣки молока и меда; и все это найти за 2 р. 50 к. въ книгѣ совершенно неизвѣстнаго писателя, согласитесь, что это такое счастье, отъ котораго можетъ закружиться голова. Человѣкъ всегда расположенъ надѣ-

яться; надежда, кроткая посланница небесъ даетъ намъ силы переносить дрязги нашей отвратительной жизни, дрязги отъ климата, дрязги отъ денежныхъ дефицитовъ, дрязги отъ глупостей и подлостей человѣческаго рода. Когда на дворѣ смертельный холодъ — мы надѣемся, что будетъ оттепель, когда на улицахъ стоятъ непроходимыя лужи, мы надѣемся, что ихъ какъ нибудь разметутъ; когда мы завалены безплодною работою, мы надѣемся, что авось будетъ когда нибудь полегче; не только человѣкъ, даже собака, и та надѣется; когда хозяинъ начинаетъ ее бить, она визжитъ, а сама все таки надѣется: ну, думаетъ себѣ, ударитъ, побьетъ, больно побьетъ, а все же когда нибудь да перестанетъ; и вѣдь знаете ли, собака не ошибается: дѣйствительно, побьетъ и перестанетъ; она полижетъ руку и на будущее время будетъ надѣяться пуще прежняго. — Но я, какъ рецензентъ, оказался гораздо несчастнѣе собаки: я прочиталъ 130 страницъ, нашелъ что онѣ наполнены невообразимою чепухою и думалъ на томъ покончить, но мнѣ бросилось въ глаза заманчивое до нельзя заглавіе второй части, я понадѣялся: не все же г. Трехзвѣздочкимъ будетъ говорить вздоръ, началъ читать и жестоко разочаровался. Вторая часть вышла не въ примѣръ безобразнѣе первой, а средство побѣждать самодуровъ оказалось ужаснѣйшимъ пуфомъ, достойнымъ самаго отчаяннаго идеалиста. Дѣло вотъ въ чемъ: Шугаровъ женился на дочери Сермяжникова, и женился, какъ я уже говорилъ, потому, что прокутилъ свое наслѣдство, а жить и жуировать желалъ по прежнему. Съ женою онъ зажилъ, какъ нельзя лучше; занялся ея образованіемъ, научилъ ее одѣваться, какъ слѣдуетъ и даже ввертывать въ разговоръ французскія слова, и даже читать какія то умныя книжки, которыхъ заглавія впрочемъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не помѣчены въ сатирической бывальщинѣ. Гуманизируя такимъ образомъ свою жену, Шугаровъ не забылъ и тестя, хотя конечно перевоспитать кряжистаго старовѣра купца, да еще въ добавокъ милліонера, было совсѣмъ не такъ легко, какъ отполировать молодую женщину, страстно привязанную къ своему развивателю. — Педагогическія упражненія свои надъ старымъ самодуромъ Шугаровъ началъ съ слѣдующей, весьма оригинальной продѣлки. У Сермяжникова была роща, купленная имъ на имя той самой дочери, которая вышла замужъ за Шугарова; М—me Шугарова дала своему мужу довѣренность, а мужъ этотъ, чтобы уплатить свои долги, пріобрѣтенные до свадьбы, взялъ да и заложилъ, куда то въ частныя руки тя-

тенькину рощу. Вы не угадываете, читзтель, какую связь эта продѣлка имѣетъ съ гуманизацiею стараго купца. О, вы недогадливы, почти такъ же недогадливы, какъ я самъ; я тоже, читая бывальщину, не понималъ, къ чему клонится дѣло, а на повѣрку вышло, что эта штука не что иное, какъ первый урокъ. Педагоги твердятъ постоянно, что надо учить дѣтей шутя и играя, вотъ Шугаровъ и сънгралъ штуку, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданiя читателя и рецензента.

Узнавши о томъ, какимъ манеромъ зять начинаетъ его обтесывать, старый Сермяжниковъ разсвирипѣлъ; онъ тоже не понялъ, что все это дѣлается для его же пользы; потребовалъ къ себѣ своего молодчика зятя, накричалъ, нашумѣлъ, хотѣлъ даже поколотить его, но тутъ Шугаровъ, вспомнивъ святое назначенiе педагога, немедленно вступаетъ въ отправленiе своихъ обязанностей и даетъ самодуру второй урокъ; онъ схватываетъ стулъ и замахивается имъ надъ самою головою тятеньки, а потомъ произноситъ краткое, но крѣпкое слово. Прошу васъ, господа читатели, обратить вниманiе на тотъ фактъ, что Шугаровъ только замахивается, а не разитъ; онъ, стало быть, принадлежитъ къ новой школѣ педагоговъ; онъ наказываетъ непослушнаго воспитанника страхомъ палки, а не самою палкою, разница, какъ видите, огромная; достоинство человѣка спасено и въ то же время воспитаннику внушенъ спасительный страхъ. Самодуръ утихаетъ, потомъ отправляется къ какой-то княгинѣ; та его усовѣщиваетъ окончательно, исторгаетъ изъ его очей слезы раскаянiя и умиленiя, заставляетъ его на вѣки отказаться отъ самодурства и убѣждаетъ его въ необходимости отдѣлить дочери и зятю, по крайней мѣрѣ, двѣсти тысячъ серебромъ. Самодуръ окончательно растаяваетъ отъ этихъ словъ; кланяется въ ноги матушкѣ-княгинѣ, благодаритъ ее за то, что она его, дурака, наставила на путь истины, и обѣщается свято исполнить ея совѣты. Прiѣхавъ домой, Исой Ваоусьевичъ мирится съ зятемъ, находитъ себя во всемъ виноватымъ, благодаритъ и его также за ученiе и потомъ отдѣляетъ ему съ женою такой кушъ, на который немедленно покупается имѣнiе въ тысячу душъ. Вотъ тебѣ и разъ! Изъ этой замысловатой были можно вывести, во-первыхъ, нравоученiе, а во-вторыхъ, практическое заключенiе.

Нравоученiе. Если ты, о читатель, находишься въ затруднительномъ положенiи, ищи себѣ богатую невѣсту.

Если ты задолжалъ, плати долги деньгами супруги; если у нея

нѣтъ денегъ, продавай и закладывай ея вещи; если у нея нѣтъ вещей, стащи что нибудь у ея тятеньки и, продавъ стащенную вещь, откупись отъ долговаго отдѣленія и спаси такимъ манеромъ свою дворянскую честь.

Если тятенька узнаетъ объ участи своей вещи, не робѣй; если онъ станетъ укорять тебя въ посягательствѣ на чужую собственность, воспрянь въ полномъ величіи оскорбленной гордости, смѣлою рукою схвати тяжелый стулъ, взмахни имъ надъ головою обидчика, и опять-таки заговори взволнованнымъ голосомъ о долгѣ и чести дворянина.

Поступая такимъ образомъ, ты, о читатель, поправишь свои разстроенныя обстоятельства, составишь счастье той женщины, которая кинется въ твои объятія душою и тѣломъ, одержишь окончательную побѣду надъ закоренѣлымъ самодурствомъ ея отца, и, въ заключеніе, сдѣлаешься обладателемъ великолѣпнаго имѣнія и отличнаго каменнаго дома. Ты сдѣлаешь такимъ образомъ великое добро себѣ и другимъ, исполнишь какъ слѣдуетъ, назначеніе человѣка и умрешь въ мирѣ, съ спокойною совѣстью.

Практическое заключеніе. Любезный читатель, если васъ одолѣваютъ самодуры то вы распорядитесь съ ними такъ: сначала половчѣе надуйте ихъ, потомъ шарахните ихъ по головѣ какимъ-нибудь тяжелымъ дрекольемъ; повторяйте оба эти маневра какъ можно чаще и будьте увѣрены, что вы скоро избавитесь отъ самодуровъ, и что они же сами придутъ васъ благодарить за ваши заботы.

Любезный читатель, согласитесь, что все это ужасно нелѣпо и даже перестаетъ быть смѣшнымъ; я самъ это сознаю и пишу только потому, что я самъ—лицо подначальное; что намъ велятъ писать, то мы пишемъ; чего не велятъ писать, того не пишемъ; бьемся, какъ рыба объ ледъ, пляшемъ, какъ карась на сковородѣ, смѣемся, когда кошки на сердцѣ скребутся... Эхъ, ужъ и не говорилъ бы! Ну ихъ совсѣмъ! Приведу вамъ лучше препотѣшное мѣсто изъ сатирической бывальщины, именно, самый эпилогъ:

«И такъ, побѣда надъ однимъ изъ самодуровъ была полная, совершенная: оно пало, это самодурство, и уже болѣе никогда не подымалось. И такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же часъ, въ одной и той же комнатѣ, въ одномъ и томъ же лицѣ совершилось и возстаніе, и паденіе (sic!); возсталъ падшій ангелъ, пало—возносившееся когда-то высоко самодурство. И чудо это совершилось отъ одного

только легкаго дуновенія цивилизаціи... Что же станется съ человѣчествомъ, когда подуетъ полный, попутный вѣтеръ прогресса, и накренитъ впередъ всѣми парусами тотъ гигантскій левіаѳанъ цивилизаціи, на которомъ человѣчество плыветъ по безпредѣльному океану жизни... Но откуда, но куда, но зачѣмъ?.. И не разгадать того во вѣки уму человѣческому!.. Преклонимся же передъ этою густою завѣсою будущаго: не въ мочь хилой человѣческой рукѣ приподнять эту тяжелую завѣсу; не выдержать его слабому, непривычному зрѣнію сіянія того солнца, которому суждено освѣщать отдаленную будущность нашей расы. Параличъ разобьетъ эту дерзкую руку, мгновенная слѣпота поразитъ это слабое зрѣніе, и вящшій мракъ разольется окрестъ человѣчества, отъ его преждевременнаго и богопротивнаго домогателъства. Предоставимъ же рукѣ Божественнаго промысла мало по малу приподнимать эту завѣсу, такъ что постепенно окрѣпнетъ человѣческое зрѣніе, и люди будутъ въ состояніи беззавѣтно и согрѣваться, и освѣщаться лучами солнца вездѣсущихъ разума, справедливости и человѣколюбія; и уже болѣе не бояться ослѣпнуть отъ лучезарнаго сіянія солнца Безусловной Правды.»

Я васъ спрашиваю, господа читатели, возвышался ли самъ Гаврило Романычъ до такого паѳоса созерцанія?—Нѣтъ, не возвышался! Доходилъ ли самъ Кифа Мокіевичъ до такихъ глубокихъ и всеобъемлющихъ выводовъ?—О нѣтъ, не доходилъ!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По разнымъ обстоятельствамъ, окончаніе статьи г. Шишкина: «Панегиристы и порицатели Петра Великаго», въ октябрской книжкѣ нашаго журнала, напечатана въ измѣненномъ и сокращенномъ видѣ—о чемъ мы, по просьбѣ автора, считаемъ долгомъ извѣстить нашихъ читателей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По разнымъ обстоятельствамъ, окончаніе статьи г. Ш[illegible] «[illegible] и черниговскія [illegible] Петра Вели- [illegible] — [illegible] книжкѣ нашего журнала, [illegible] [illegible] — о чемъ мы предварительно считаемъ долгомъ извѣстить нашихъ читателей.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Посмертныя стихотворенія Гейне.

Dichtungen von H. Heine.

По тѣмъ стихотвореніямъ Гейне, которыя издалъ въ нынѣшнемъ году Штейнманъ, нельзя составить себѣ сколько нибудь удовлетворительнаго понятія о поэтической личности Гейне, о силѣ и разнообразіи его дарованія. Въ этомъ посмертномъ изданіи собраны стишки и пѣсенки, оставшіеся въ неотдѣланномъ видѣ, забытые самимъ поэтомъ, набросанные кое-какъ на клочкѣ бумаги, между дѣломъ, въ минуту дружескаго разговора, и сохранившіеся отъ совершеннаго уничтоженія и забвенія, благодаря заботливости друзей покойнаго поэта. Личность Гейне, его міросозерцаніе, его капризная и шаловливая муза знакомы и милы всѣмъ истинно развитымъ людямъ нашего времени. Этимъ людямъ будетъ пріятно видѣть проблески гейневскаго юмора, созданія его обаятельной фантазіи, выраженія его мимолетныхъ чувствъ, хотя бы эти проблески были блѣдны, хотя бы эти созданія находились въ видѣ эскизовъ, хотя бы эти чувства выразились въ неотдѣланной и даже не совсѣмъ ясной формѣ. Намъ дорогъ Гейне весь, какъ онъ есть; мы интересуемся его человѣческими чувствами, слабостями и страданіями; мы видимъ въ немъ мученика нашего вѣка, не признаннаго своими соотечественниками, принужденнаго бѣжать изъ роднаго края, отъ умственной робости и рутинныхъ понятій филисте-

ровъ,—разбитаго болѣзнью, и медленно умирающаго вдали отъ друзей, въ чужомъ городѣ, среди нерадостныхъ впечатлѣній. Намъ дороги страданія великаго поэта, какъ Марку Антонію была дорога окровавленная рубашка Цезаря; намъ дороги эти страданія какъ укоръ нашему вѣку, гордящемуся терпимостью и свободою мысли, какъ приговоръ осужденія надъ идеями и бытовыми формами, измучившими своею уродливостью честнаго и геніальнаго человѣка. Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ Гейне мы не будемъ искать тѣхъ великолѣпныхъ и широкихъ идей, тѣхъ обаятельно-оригинальныхъ образовъ, которые бросаются въ глаза на каждой страницѣ въ его Buch der Lieder, въ Romanzero, въ Deutschland, въ Atta Troll и т. п. Надо принять въ соображеніе, что посмертныя стихотворенія не что иное, какъ крошки, упавшія со стола поэта и подобранныя почтительными друзьями.

Поэтому, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, достаточно будетъ отмѣтить нѣкоторыя отдѣльныя піесы, отличающіяся отъ массы остальныхъ изящною формою, или выражающія совершенно безыскуственно то настроеніе, которому онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ.

Многія изъ вновь-изданныхъ стихотвореній навѣяны событіями, совершавшимися на политическомъ горизонтѣ. Вотъ, напримѣръ, баллада «Монтезума», написанная очевидно въ то время, когда страданія Испаніи обращали на себя вниманіе образованной и сочувствующей Европы.

«Монтезума, царь Максики, жарился на медленномъ огнѣ; его принуждали сознаться: гдѣ его казна? отъ костра распространялся запахъ, непохожій на запахъ паштета,

Или поджаривающейся колбасы. Въ это время благоуханіе костровъ можно было встрѣтить и въ Европѣ. Замашку жарить людей на медленномъ огнѣ терпѣли законы и обычаи.

Вокругъ костра стояли испанскіе кавалеры, искатели приключеній изъ Ла-Манчи, монахи, вооруженные крестомъ—всякая испанская сволочь, жадная къ деньгамъ.

Кто проигралъ все до послѣдней рубашки въ азартной игрѣ и въ спекуляціяхъ, тотъ и присоединился къ этимъ экспедиціямъ.

— Въ Америку! кричатъ негодяи въ темныхъ трущобахъ Мадрита; и въ приморскихъ городахъ раздаются возгласы мошенниковъ и бездѣльниковъ.

Подонки испанскаго населенія поступаютъ подъ начальство Корте-

са и Пизарро; ихъ привлекаетъ блескъ мексиканскаго золота; имъ не-надо лавровыхъ вѣнковъ.

Ступивши ногою на американскій берегъ, они тотчасъ начинаютъ грабить и разбойничать; ихъ дерзкія руки крушатъ безъ разбора дѣтей и женщинъ.

Опираясь на мечъ, на огонь и на пытки, опустошеніе разливает-ся по несчастной странѣ; видимою цѣлью и предлогомъ должно слу-жить обращеніе язычниковъ.

И храмы и кумиры падаютъ и разрушаются; пресвятая, пречистая Дѣва, тебѣ воздвигается алтарь.

Держа въ рукахъ распятіе, прикрывая этимъ символомъ безвѣріе и злодѣяніе, монахи и попы идутъ впередъ и осѣняютъ себя крест-нымъ знаменіемъ во имя Бога.

Мексиканскаго императора запираютъ въ келью, устроенную по пенсильванской системѣ; злодѣи издѣваются надъ нимъ, играя съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

Его сокровища поглощаются корыстолюбивыми звѣрями; мексикан-скій народъ страдаетъ и гибнетъ; страна превращается въ печальную пустыню.

Но за преступленіями послѣдовало воздаяніе, мщеніе неба: на твоей землѣ, Испанія, полилась рѣками кровь твоихъ гражданъ.

Миѳическій ящикъ Пандоры, наполненный бѣдствіями, опрокинулся надъ тобою, пролился до послѣдней капли, и ты, Испанія, была же-стоко поражена.

Въ пестрой смѣнѣ міровыхъ событій ты дошла до послѣдней сте-пени слабости и униженія! Ты, могучая держава, въ которой не за-ходило солнце.

Недостатокъ отдѣлки въ этомъ стихотвореніи бросается въ глаза, но достоинство основной идеи говоритъ само за себя. Поэтъ видитъ явную связь между упадкомъ Испаніи и тѣми жестокостями, съ ко-торыми было сопряжено завоеваніе отдѣльныхъ государствъ Америки. Онъ выражаетъ эту связь словами «воздаяніе, мщеніе неба;» Гейне понимаетъ очень ясно и очень просто, что народъ, увлекающійся ду-хомъ завоеваній и рѣшающійся угнетать чужую національность, развращается тѣми продѣлками, въ которыхъ онъ видитъ великіе и блестящіе подвиги, украшающіе собою страницы его исторіи. Очень понятно, что Испанецъ XVI вѣка, мечтая о томъ, какъ легко обогатиться за моремъ, какъ весело пожить подъ тропическимъ

небомъ и дать просторъ звѣринымъ инстинктамъ въ чужой землѣ, гдѣ для побѣдителя не существуетъ уголовныхъ законовъ, очень понятно, повторяю я, что Испанецъ мало думалъ о честныхъ и мирныхъ средствахъ заработывать себѣ деньги. Его манило въ Америку, въ страну чудесъ, въ родину золота и алмазовъ; его поощряло общественное мнѣніе, его благословляло католическое духовенство, съ нимъ вмѣстѣ шли монахи съ крестомъ въ рукѣ, и молодой мечтатель уѣзжалъ за море, а на родину возвращался бандитомъ, негоднымъ ни на какое дѣло, способнымъ только пьянствовать въ тавернахъ, играть въ кости, убивать людей по частнымъ заказамъ, или поступать на службу къ тому, кто хорошо платитъ. Можно себѣ представить, какъ плохо шла промышленность и торговля. Еслибы Гейне захотѣлъ представить гибельное вліяніе угнетаемой Америки на мучительницу ея Испанію въ нѣсколькихъ яркихъ картинахъ, то конечно эта прекрасная мысль могла бы послужить основою для великолѣпной поэмы. Но Гейне, кажется, былъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые долго вынашиваютъ и медленно вырабатываютъ въ себѣ занимающую ихъ идею; мысль Гейне такъ быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, что почти ни одна идея его не оказывается вполнѣ доработанною и совершенно обстановленною внѣшними подробностями. Онъ говоритъ намеками, рисуетъ широкими, бѣглыми штрихами, и представляетъ обильное поле для дѣятельности комментатора и критика.

Изъ балладъ, напечатанныхъ въ собраніи Штейнмана, приведу еще довольно большое стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Гренадеръ Рику.»

I.

«Папа сидѣлъ подъ арестомъ въ Савонскомъ замкѣ, и французскіе гренадеры караулили его, слѣдя за малѣйшимъ его движеніемъ.

«Каждый день, чтобы служить обѣдню, папа проходилъ въ маленькую капеллу черезъ галлереи рыцарскаго зала.

«Въ залѣ стояли на часахъ гренадеры; папа каждое утро давалъ свое благословеніе сѣдымъ усачамъ, которые, увидѣвъ святаго отца, становились на колѣни.

«Вдругъ караульнымъ солдатамъ было отдано строжайшее приказаніе: не пропускать папу черезъ двери рыцарскаго зала.

Передъ папскими покоями стоялъ на часахъ гренадеръ Рику. Когда папа пошелъ въ капеллу, въ первый разъ послѣ новаго приказанія,

Сѣдой усачъ подошелъ къ папѣ и доложилъ ему о новомъ распоряженіи. Папская свита заговорила о смертномъ грѣхѣ и вѣчномъ осужденіи,

И требовала, чтобы Рику пропустилъ святаго отца для совершенія святаго дѣла, но Рику отказалъ наотрѣзъ, несмотря на всѣ увѣщанія.

Когда папа все-таки хотѣлъ пройти, Рику воскликнулъ: «именемъ императора».

Сѣдой усачъ прогналъ папу назадъ, опустивъ штыкъ.

«Пусть меня Богъ проститъ! сказалъ онъ. Еслибы мнѣ приказалъ императоръ, я бы штыкомъ распоролъ животъ самому Господу Богу!

«Я за императора шестнадцать разъ ходилъ въ огонь, въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ; за него я готовъ идти въ адъ, въ наказаніе за смертный грѣхъ.

II.

Прошло сорокъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ не позволялъ святому отцу совершить святое дѣло. Сколько перемѣнъ, сколько новыхъ событій!

Тронъ Бонапарта разбитъ въ-прахъ; престолъ Бурбоновъ разрушенъ, Людовикъ Филиппъ бѣжалъ изъ Парижа. Vive la republique, кричитъ народъ.

По улицамъ на берегахъ Сены; на башняхъ Notre-Dame развѣвается трехцвѣтное знамя, а подъ нимъ завываютъ колокола.

По тротуару идетъ живой скелетъ, опираясь слабою рукою на палку, и придерживаясь бокомъ къ стѣнамъ домовъ.

На немъ надѣтъ, словно футляръ, старый капотъ, изношенный и вытертый до послѣдней степени. Ноги его заплетаются одна о другую.

Фуражка, потерявшая форму и цвѣтъ, покрываетъ лысую голову; на груди болтается, на полинялой ленточкѣ, крестъ почетнаго легіона.

Нижняя часть лица покрыта серебристою бородою. Глаза, въ которыхъ прежде было такъ много огня, погасли и потускнѣли.

На согнутой спинѣ лежитъ бремя восьмидесятилѣтней жизни. Кто этотъ бѣдный старикъ?—Это инвалидъ Рику.

Каждый день онъ безъ отдыха таскаетъ по улицамъ свое бѣдное тѣло. Его, какъ вѣчнаго Жида, гонитъ и преслѣдуетъ какая-то сила.

На немъ лежитъ проклятіе и осужденіе за то, что онъ не нарушилъ клятвы, данной императору.

Теперь не у всѣхъ такая чуткая совѣсть, какъ у инвалида Рику. Теперь уже не то время.

Утомившись до-смерти, онъ свалился на мостовую. «Не могу ни жить, ни умереть, простоналъ онъ, когда пришли къ нему на помощь.

«А между тѣмъ, продолжалъ онъ, умереть такъ легко и такъ удобно. Я, право, и самъ не знаю, живъ ли я, или умеръ.»

«И какъ дешево! Стоитъ только взять въ аптекѣ нѣсколько капель хлороформа, чтобы отправиться на тотъ свѣтъ.

«Друзья, принесите мнѣ нѣсколько капель! Скажите аптекарю: у Рику нѣтъ ничего, нѣтъ денегъ, нѣтъ покоя. Нельзя ни жить, ни умирать.

«Сорвите у меня съ груди этотъ крестъ на полинялой лентѣ! Отнесите его къ аптекарю и скажите: вотъ Рику посылаетъ ему за нѣсколько капель!»

Какъ только онъ проговорилъ послѣднее слово, такъ голова его склонилась.

Желанный покой достался ему на долю безъ хлороформа.

На носилки положили тѣло стараго инвалида, который при жизни воздавалъ кесарево кесареви, и божія богови.

По задушевности тона, по простотѣ изложенія и по яркости образовъ, это стихотвореніе не уступитъ лучшимъ балладамъ Romanzero. Идея также вполнѣ достойна нашего поэта. Гренадеръ Рику, человѣкъ простой и честный, поставленъ въ жизни своей между двумя огнями; онъ вѣрующій католикъ и въ то же время ревностный солдатъ; религіозный деспотизмъ тащитъ его въ одну сторону, военный деспотизмъ въ другую, но со стороны религіознаго деспотизма онъ имѣетъ передъ собою только отвлеченный догматъ; личныхъ отношеній къ папѣ и къ церковной власти у него нѣтъ; военный деспотизмъ, напротивъ того, представляется его воображенію въ обаятельномъ образѣ любимаго императора, по приказанію котораго онъ, не задумываясь, готовъ идти на смерть и на мученіе, въ огонь и въ воду. Поэтому, когда происходитъ столкновеніе между религіознымъ элементомъ и военнымъ,

послѣдній одерживаетъ рѣшительную побѣду, и мы видимъ, какъ личныя симпатіи, индивидуальныя влеченія французскаго воина торжествуютъ надъ голосомъ отвлеченнаго долга. Но между тѣмъ время проходитъ, лѣта берутъ свое; и тотъ поступокъ, который онъ сдѣлалъ изъ любви къ императору, бывши молодцомъ гренадеромъ, начинаетъ серьезно пугать его воображеніе. Онъ воображаетъ себя проклятымъ, отверженнымъ существомъ, отъ котораго сторонится даже самая смерть. Наконецъ, утомленіе жизнью доходитъ до такой степени, что даже любимый образъ Наполеона отодвигается на задній планъ: Рику готовъ продать крестъ почетнаго легіона за нѣсколько капель хлороформа. И вотъ приходитъ смерть. А зачѣмъ жилъ этотъ человѣкъ? За что онъ любилъ Наполеона? зачѣмъ, въ послѣдніе годы своей жизни, считалъ себя проклятымъ? Зачѣмъ, зачѣмъ?...

Въ настоящее время, когда вниманіе образованнаго міра обращено на послѣднюю борьбу между защитниками рабства и его врагами, когда въ самой демократической странѣ нашей планеты совершается послѣдняя попытка удержать за однимъ человѣкомъ право смотрѣть на другаго человѣка какъ на вьючное животное, — слѣдующій стихотворный разсказъ Гейне окажется не лишеннымъ современнаго интереса.

«Колокола звонятъ къ обѣднѣ и призываютъ на молитву; толпа стремится въ церкви; прекрасное воскресное утро!

Молодыя матери убаюкиваютъ на колѣняхъ своихъ новорожденныхъ дѣтей; дѣвушки и матроны сидятъ въ прохладной тѣни верандъ.

А въ это время бѣдная невольница Негритянка, молодая, цвѣтущая красотою, лежитъ и стонетъ на жесткой соломѣ, одна, всѣми оставленная, въ тюрьмѣ.

Законъ благочестиваго штата Луизіаны опредѣляетъ смертную казнь тому рабу, который подниметъ руку на своего господина.

Дина, — такъ зовутъ эту дѣвушку, которая, по словамъ закона, принадлежитъ къ человѣческому скоту и отдается въ полное распоряженіе владѣльца.

Дина ударила свою госпожу, чтобы защитить себя отъ побоевъ; она совершила дѣло дозволенной обороны.

Но буква закона рѣшаетъ дѣло; ее тотчасъ же осудили на смерть, и поэтому она томится въ мрачной тюрьмѣ.

День ея казни тогда былъ еще далекъ, потому что у нея была страшная надежда сдѣлаться матерью.

Отецъ этого ребенка, котораго рожденія она ожидала, какъ приближенія своей смерти, былъ супругъ ея строгой госпожи.

Дина сдѣлалась жертвою его похотливости, и черезъ два мѣсяца родила мальчика, безъ всякой помощи, въ стѣнахъ тюрьмы.

Изъ ея рукъ вырвали ребенка; не помогли ни просьбы, ни слезы; напрасно бѣснуется львица, у которой отняли дѣтенышей.

Вслѣдъ затѣмъ заскрипѣли запоры тюрьмы, ее ожидалъ эшафотъ; палачъ ведетъ ее подъ руку на послѣднюю прогулку.

Вокругъ эшафота собирается любопытная толпа, желающая посмотрѣть на бѣдную преступницу и присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни.

Впечатлѣніе, производимое на читателя этимъ стихотвореніемъ, приготовляется съ самаго начала его заглавіемъ. Оно называется: «ein Stück Menschen vieh» (Штука человѣческаго скота) и слѣдовательно самымъ этимъ названіемъ даетъ намъ возможность бросить взглядъ на отношенія между американскими плантаторами и ихъ рабами. По внѣшней формѣ, это стихотвореніе совершенно необработано; видно, что поэтъ написалъ только канву, набросалъ основныя черты, изъ которыхъ могло возникнуть современемъ замѣчательное художественное произведеніе; положеніе взято очень характерное; въ короткомъ разсказѣ сгруппированы самые замѣчательные моменты въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ; мы видимъ, во-первыхъ, что молодая Негритянка ни въ чемъ не смѣетъ отказать своему владѣльцу; ни чувство женской стыдливости, ни желаніе сохранить въ полной неприкосновенности то, что женщины называютъ своею добродѣтелью, ни любовь къ другому человѣку,—словомъ, ни что не можетъ избавить молодую и красивую невольницу отъ преслѣдованій похотливаго плантатора; ему дозволены закономъ всѣ средства; побои, жестокія тѣлесныя наказанія, насилованіе—все это такого рода домашнія распоряженія, на которыя некуда пожаловаться, и въ которыхъ никто не станетъ требовать у хозяина отчета. Къ общественному мнѣнію обратиться невозможно; оно составляется голосами такихъ же рабовладѣльцевъ, которые у себя дома распоряжаются такъ же безцеремонно съ человѣческимъ скотомъ, составляющимъ не отъемлемую собственность. Молодая невольница, какъ безотвѣтная жертва, отдается своему господину, а между тѣмъ для нея готовится новое испытаніе; она возбуждаетъ ревность своей госпожи, и гнѣвъ обманываемой супруги обрушивается не на обманщика мужа, а на его несчастную жертву, на беззащитную

невольницу; бѣдной дѣвушкѣ ея несчастіе вмѣняется въ преступленіе; начинается глухое, домашнее преслѣдованіе, мелкое тиранство, къ которому такъ способны страстныя и ревнивыя женщины. Между тѣмъ молодая невольница чувствуетъ себя беременною, и, вслѣдствіе этого, становится раздражительнѣе; ея характеръ измѣняется подъ вліяніемъ ея новаго положенія; госпожа преслѣдуетъ ее сильнѣе прежняго; въ людской на ея счетъ дѣлаются обидные намеки; надъ нею смѣются, ее оскорбляютъ невольницы, забывая то, что съ ними случалось или можетъ случиться то же несчастіе, которое постигло бѣдную Дину. Наконецъ всякому терпѣнью есть же предѣлы; когда вездѣ испытываешь оскорбленія, когда на спинѣ чувствуешь слѣды недавнихъ побоевъ, когда впереди видишь горе, безконечный трудъ и невыносимыя лишенія, тогда поневолѣ забудешь всякую осторожность и хоть разъ въ жизни попробуешь сорвать зло на своихъ утѣснителяхъ. Такъ случается съ нашею Диною. Госпожа подвертывается ей подъ руку съ бранью и побоями въ ту минуту, когда у нея накипѣло на душѣ много желчи и горечи; на побои она отвѣчаетъ побоями, и судьба ея—рѣшена. Посмотрите на какую хотите породу животныхъ, вы увидите, что самецъ всегда станетъ защищать свою самку; но плантаторъ южныхъ штатовъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила: онъ смотритъ на свою бывшую любовницу какъ на домашнее животное, или какъ на мебель, которою онъ пользовался впродоженіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ; прошла потребность въ этой мебели, и ее можно сломать на дрова безъ малѣйшаго сожалѣнія; владѣлецъ Дины даже не пробуетъ защитить ее противъ гнѣва своей супруги; ему даже пріятно пожертвовать ей свою любовницу и этою ничтожною уступкою возстановить нарушенный миръ домашняго очага. Къ–тому же, заступиться передъ судомъ за невольницу, ударившую свою госпожу, значило бы поднять противъ себя все общественное мнѣніе штата; и вотъ Дину сажаютъ въ тюрьму, а впереди — публичная казнь; ей прочитываютъ смертный приговоръ; но казнить беременную женщину значитъ нанести хозяину денежный убытокъ; приплодъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ хозяину, и законы Луизіаны не имѣютъ права посягать на частную собственность; казнь Дины отсрочивается до ея разрѣшенія отъ бремени; она въ тюрьмѣ рождаетъ своему хозяину сына; у нея отнимаютъ новорожденнаго ребенка, который, конечно, никогда не будетъ знать родительской ласки и не найдетъ себѣ облегченія въ кровной связи своей съ плантаторомъ.

Этого бѣднаго ребенка воспитаютъ въ рабствѣ; онъ останется на всю жизнь рабомъ и вѣроятно, не разъ будетъ переносить побои отъ роднаго отца, отъ родныхъ братьевъ, и, въ особенности, отъ мачихи. А мать этого ребенка, едва оправившаяся отъ родинъ, слабая, истомленная страданіями и душнымъ тюремнымъ воздухомъ, идетъ на эшафотъ и умираетъ отъ руки палача; вокругъ эшафота собирается толпа зѣвакъ, и въ этой толпѣ можно узнать тѣ же лица, которыя вамъ встрѣтились прошлое воскресенье въ церкви, и которыя, со слезами умиленія, слушали поучительныя проповѣди пастора. Въ судьбѣ молодой невольницы, изображенной въ стихотвореніи Гейне, заключается, какъ видите, цѣлая драма, или, вѣрнѣе, цѣлая, страшная трагедія съ кровавою развязкою. Идея до такой степени преобладаетъ надъ формою, что стихотвореніе это необходимо надо считать простымъ наброскомъ, легкимъ эскизомъ, хотя Гейне, можетъ быть, и не имѣлъ въ виду когда нибудь обстоятельнѣе разработать выраженную въ немъ идею.

Отъ души ненавидя физическое рабство, со всѣми его ужасными послѣдствіями, Гейне точно также ненавидѣлъ умственное рабство. Въ собраніи его посмертныхъ стихотвореній отличается преобладаніемъ этого чувства піеса подъ заглавіемъ: «Она все-таки движется!» (Und sie bewegt sich doch!)

Вотъ это стихотвореніе, изображающее въ немногихъ штрихахъ отреченіе Галилея отъ своего астрономическаго ученія:

«Не угасай на небосклонѣ, солнце-яркое свѣтило! Пусть узнаетъ весь міръ то несчастное сужденіе, которое возникло въ воспаленномъ мозгу!

Галилео Галилеи, мужъ науки, чистый и безгрѣшный какъ ангелъ, томится въ тюремномъ заключеніи.

И отчего прогнѣвались на почтеннаго, добродушнаго старика? Оттого, что онъ училъ, будто земля вращается вокругъ солнца!

Его потащили въ судилище «священной инквизиціи;» его обвинили въ такомъ преступленіи, за которое онъ, какъ сынъ церкви, былъ достоинъ смертной казни.

Залъ наполненъ монахами; монахи сидятъ вокругъ судейскаго стола; они громко признали его ученіе ложнымъ и еретическимъ.

Лучи солнца, свѣтите ярче! Шаръ земной, вращайся быстрѣе! Міръ, внемли преступному приговору, произнесенному верховнымъ судилищемъ!

Взгляните! Покрытый серебристыми сѣдинами, почтенный велича-

вый старикъ встаетъ съ мѣста, чтобы отречься отъ своихъ изслѣдованій, отъ своего ученія, и чтобы проклянуть свои мысли.

По приказанію судей, онъ становится на колѣни, протягиваетъ правую руку надъ евангеліемъ, отрекается отъ своихъ идей, но потомъ встаетъ и, ударивъ ногою объ полъ, говоритъ смѣло, потому что наука не покоряется никакому игу: земля, ты все-таки движешься»!

Въ этомъ стихотвореніи, Гейне выбралъ величественный моментъ. Галилей передъ судомъ инквизиціи воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ критики и изслѣдованія, который, послѣ долговременной и тяжелой борьбы, объявилъ человѣческій разумъ полноправнымъ и совершеннолѣтнимъ. Въ тотъ моментъ, который изображаетъ Гейне, физическая сила очевидно находится на сторонѣ гасильниковъ; поддерживать свои идеи аргументами эти люди не могутъ и не хотятъ; но горе тому, кто вздумаетъ ихъ вызвать на диспутъ и кто посмѣетъ разойтись съ ними въ мнѣніяхъ; въ распоряженіи монаховъ, произносящихъ судъ надъ достоинствомъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, находятся страшныя средства, способныя привести въ ужасъ самаго рѣшительнаго подвижника истины; за монаховъ стоитъ слѣпо-вѣрующая толпа; по одному слову этихъ монаховъ, смѣлый поборникъ истины отправляется въ тюрьму, въ инквизиціонный застѣнокъ, на разнообразныя, утонченныя пытки, и наконецъ на костеръ; вокругъ костра собирается многочисленная толпа, и въ этой толпѣ нѣтъ ни одного человѣка, въ груди котораго шевельнулось бы искреннее состраданіе, ни одного человѣка, на лицѣ котораго отразилось бы сознательное сочувствіе къ страданіямъ праведника; мужчины и женщины, старики и дѣти смотрятъ на возмутительную казнь какъ на выраженіе воли Всевышняго, какъ на праведный судъ раздраженнаго Неба, какъ на справедливое воздаяніе за страшное, непростительное проявленіе человѣческой дерзости; они смотрятъ на несчастнаго мученика какъ на отверженное созданіе, обреченное на вѣчное истязаніе въ неугасимомъ пламени И не понимаютъ эти люди, что мученикъ этотъ трудился для нихъ и для ихъ дѣтей, что онъ умираетъ на кострѣ не за убійство, не за воровство, а за то, что думаетъ о разныхъ предметахъ не совсѣмъ такъ, или совсѣмъ не такъ, какъ думаютъ большая часть его современниковъ; не предвидятъ они того, что ихъ же потомство въ прямой нисходящей линіи возвеличитъ и прославитъ проклятаго еретика, а на благочестивые подвиги отцовъ и предковъ посмотритъ съ

укоризною, съ отвращенiемъ и съ ужасомъ; и, что всего удивительнѣе, та же исторiя повторяется постоянно; въ каждомъ вѣкѣ есть свои Галилеи и свои инквизиторы; въ каждомъ вѣкѣ есть такiе софизмы, которыми можно одурачить толпу и натравить ее именно на того человѣка, который горячо любитъ ее и съ дон-кихотскимъ самоотверженiемъ отстаиваетъ ея права и интересы. Что толпа ловится на эти софизмы, это еще не слишкомъ удивительно; толпа долго еще останется слѣпою, стихiйною силою; средний уровень знанiй и умственнаго развитiя возвышается въ толпѣ такъ медленно, что право со временъ Галилея ума и терпимости въ ней прибавилось очень не много; но странно то, что до сихъ поръ находятся въ высшихъ слояхъ умственной аристократiи такiя дон-кихотски честныя натуры, которыя за эту слѣпую и неподвижную толпу готовы идти на казнь или въ изгнанiе. Удивительно, какимъ это образомъ тѣ люди, которымъ знакомы факты историческаго прошедшаго, которымъ извѣстны имена и личности Сократа, Галилея, Гусса, Савонароллы, рѣшаются брать на свои плечи и пытаются повернуть къ лучшему участь своихъ младшихъ братьевъ, участь той толпы, которая привыкла побивать камнями своихъ пророковъ и потомъ ронять на ихъ могилы безполезныя слезы и бросать лавровые вѣнки. Если цѣлыя тысячелѣтiя горькаго и постоянно повторяющагося историческаго опыта не могутъ вылечить человѣка отъ дурной привычки или отъ хронической болѣзни жертвовать собою для пользы другихъ, и притомъ такимъ другихъ, которые не поймутъ и не оцѣнятъ его жертвы, то надо предположить, что эта привычка или болѣзнь пустила глубокiе корни въ натурѣ человѣка.

Въ изданiи Штейнмана есть нѣсколько стихотворенiй Гейне, обращенныхъ къ Германiи; здѣсь, какъ и вездѣ, Гейне относится къ политической и умственной дѣятельности Германiи съ самою ѣдкою иронiею; его возмущаетъ нерѣшительность и глубокомыслiе Нѣмцевъ, тратящихъ драгоцѣнное время на схоластическiе споры, неимѣющiе ни малѣйшаго отношенiя къ дѣйствительнымъ, практическимъ нуждамъ родины. Въ области умственной дѣятельности Германiи Гейне осмѣиваетъ академическую рутину, безплодную эрудицiю, мертвенность мысли, скрывающуюся подъ обилiемъ выписокъ, ссылокъ и цитатъ. Ясный, конкретный умъ Гейне не терпитъ отвлеченностей и враждуетъ противъ всего туманнаго, неопредѣленнаго и мистическаго. Доктринерство въ области политической жизни, Гегелевская дiалектика въ об-

ласти философіи, мертвенность въ области практической нравственности совершенно антипатичны нашему геніальному поэту. Всѣ эти качества, составляющія неотъемлемую принадлежность оффиціальныхъ представителей германской жизни и науки, жестоко осмѣяны какъ въ прежнихъ стихотвореніяхъ Гейне, такъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя теперь собраны и изданы Штейнманомъ. Нѣкоторые ученые и литераторы въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ служили мишенями для самыхъ злыхъ сарказмовъ со стороны Гейне. Эти господа не забыты и здѣсь; Масманъ, Венедей, Луиза Мюльбахъ, Менцель, Генгстенбергъ, всѣ критики-піэтисты, вся школа швабскихъ поэтовъ, постоянно воспѣвающихъ весну, луну, и т. п. осмѣяны безъ всякаго состраданія; Гейне, какъ чрезвычайно умный и крайне раздражительный человѣкъ, не могъ ужиться среди той атмосферы тупоумія, скучной серьезности, бездарности и узкаго тщеславія, которая душила его въ Германіи; его ненавидѣли и боялись всѣ эти дюжинные писаки, и это конечно дѣлаетъ ему большую честь. Большая часть чисто-полемическихъ стихотвореній Гейне состоятъ изъ сплошныхъ намековъ на мелкія событія германской прессы, и пересыпаны такими откровенными выраженіями, къ которымъ не привыкло ухо русскаго читателя. На этомъ основаніи я передамъ здѣсь въ переводѣ только тѣ стихотворенія Гейне о Германіи, въ которыхъ развивается какая нибудь общая идея, удобопонятная для нашей публики. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «вы и я»:

«Вы поносите меня, когда во мнѣ закипаетъ молодость, и когда я, человѣкъ съ горячею кровью, слѣдую ея внушеніямъ.

«Измѣна! кричали вы, когда я окрестилъ Іудою того, кто за сребренники продалъ Бога, говорившаго его устами.

«Вы обвиняли меня въ наглой клеветѣ, когда я говорилъ правду, и срывалъ зрѣлые плоды съ древа знанія.

«Вы бранили меня за легкомысліе, когда я смѣялся и шутилъ; еслибы вы могли это сдѣлать, вы бы вычеркнули мое имя,

«Вписанное огненными буквами въ книгу временъ; вы бы охотно выскоблили его, и вытравили его ядомъ.

«Но оно будетъ сіять, не померкая, до тѣхъ поръ, пока земной шаръ будетъ обращаться вокругъ солнца, и пока стрѣлка компаса будетъ указывать на сѣверъ.

«Несмотря на вашу зависть и ваши преслѣдованія, ни одинъ Ге-

рострать не разрушитъ того памятника, который я построилъ себѣ собственною рукою.

Первые четыре куплета приведеннаго стихотворенія представляютъ сжатую, но полную характеристику тѣхъ нападковъ, которымъ талантливый и честный человѣкъ подвергается со стороны завистливыхъ и подкупленныхъ рутинеровъ. Рутинеры, какъ извѣстно, ничего не любятъ, кромѣ того мѣстечка, которое обезпечиваетъ собою ихъ бренное существованіе; не любя ни того предмета, которымъ они занимаются, ни той сладенькой идеи, которую они проводятъ въ своей жизни или въ своихъ литературныхъ работахъ, эти господа очень любятъ облекать себя въ красивую драпировку полнаго безпристрастія, и обыкновенно смотрятъ на самые обыкновенные житейскіе вопросы съ такой высшей точки зрѣнія, съ которой вполнѣ познается суетность всего земнаго, и ничтожество отдѣльнаго человѣка, его интересовъ, идей, горячихъ желаній и задушевныхъ стремленій. Не желая высказывать какую нибудь идею, приложимую къ практической дѣйствительности, ученый рутинеръ обыкновенно останавливается на тщательной переборкѣ голыхъ фактовъ, сшиваетъ эти факты между собою чисто внѣшнимъ образомъ, и издаетъ болѣе или менѣе увѣсистый томъ, или даже жиденькую брошюру, которые немедленно расхваливаются рутинерами критиками, и съ уваженіемъ упоминаются *коллегами* или *коммилитонами* автора. «Рыбакъ рыбака видитъ издалека», рука руку моетъ; въ силу этихъ премудрыхъ пословицъ, рутинеры тщательно поддерживаютъ другъ друга; если послушать ихъ, то надо умилиться тому, сколько геніальныхъ ученыхъ и талантливыхъ литераторовъ развелось на бѣломъ свѣтѣ; рутинеры спорятъ иногда между собою, но такъ какъ споръ обыкновенно касается какою нибудь мельчайшаго и ни на что ненужнаго факта, то спорящія стороны не роняютъ другъ друга въ общественномъ мнѣніи, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ довести своего противника *ad absurdum*; кромѣ того, какъ бы горячо ни спорили между собою два рутинера, они всегда готовы заключить между собою вѣчный миръ, и совокупными силами разгромить того дерзкаго человѣка, который осмѣлится заявить въ своей головѣ присутствіе живой мысли и скептическаго отношенія къ ихъ антикварнымъ трудамъ; съ рутинерами можно спорить, но только надо принадлежать къ ихъ цеху, надо въ спорѣ кружиться въ извѣстномъ кругу понятій и доказательствъ, надо руководствоваться не простымъ здравымъ смысломъ, а здравымъ смысломъ, положен-

нымъ на извѣстныя ноты, подстриженнымъ по извѣстному образцу; если же вы вздумаете заговорить какъ самостоятельно мыслящій человѣкъ, то рутинеры возстанутъ на васъ всѣмъ синклитомъ, раздерутъ ризы свои, посыпятъ пепломъ главу, поднимутъ крикъ и вой и объявятъ всему читающему міру о томъ, что появилась новая ересь, достойная, если не пытки и костра, то, по крайней мѣрѣ, исправительнаго полицейскаго наказанія. Рутинеры стоятъ обыкновенно къ предмету своихъ занятій въ отношеніяхъ чисто утилитарныхъ; они смотрятъ на науку какъ на дойную корову, по весьма справедливому замѣчанію Шиллера; тотъ запасъ идей и свѣдѣній, который они сообщаютъ своимъ слушателямъ или читателямъ съ высоты занимаемыхъ каѳедръ или на страницахъ своихъ журналовъ, составляетъ ихъ капиталъ; съ этого капитала они, смотря на степени своей практической ловкости, берутъ болѣе или менѣе обильные проценты; чтобы доходы рутинеровъ не уменьшались, публика должна считать ихъ идеи за непреложную истину; всякая попытка отнестись критически къ этимъ идеямъ есть посягательство на собственность рутинера; очень понятно, что онъ, рутинеръ, возстанетъ противъ скептика не такъ, какъ представитель противоположнаго мнѣнія, а просто, какъ страждущій собственникъ. Онъ закричитъ: «караулъ! грабежъ!» онъ готовъ будетъ обратиться къ полиціи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ положеніе какого нибудь добродушнаго профессора второстепеннаго германскаго университета; лѣтъ 20 тому назадъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, подающимъ блестящія надежды, этотъ господинъ пріобрѣлъ себѣ довольно значительныя знанія, составилъ себѣ взглядъ на вещи и репутацію, добылъ себѣ каѳедру, отчасти черезъ протекцію, и конечно, какъ слѣдуетъ благоразумному Нѣмцу, задремалъ на рано-пріобрѣтенныхъ лаврахъ; по домовитости и аккуратности, свойственной Нѣмцу среднихъ лѣтъ, господинъ профессоръ обзавелся семействомъ, сообразивъ предварительно объемъ своего жалованія и убѣдившись въ томъ, что онъ можетъ себѣ позволить *эту роскошь*, т. е. женитьбу по взаимной наклонности и счастье семейнаго очага. Чтобы содержать семейство, надо получать жалованіе; чтобы получать жалованіе, надо имѣть слушателей; а чтобы имѣть слушателей, надо считаться хорошимъ профессоромъ, отворяющимъ дверь въ храмъ науки, а не въ какой нибудь завалящій хлѣвъ; что же прикажете дѣлать такому почтенному отцу семейства, если вдругъ какой нибудь Гейне пуститъ въ свѣтъ такую ра—

кету, къ которой съ невольнымъ сочувствіемъ обратятся любопытные взоры вѣтряной молодежи; вѣдь это убытокъ, вѣдь это раззореніе. Вѣдь каждая новая идея кладетъ охулку на тотъ залежавшійся товаръ, который господинъ докторъ, профессоръ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ старается сбыть за хорошую плату въ головы своихъ слушателей! Что же тутъ дѣлать? Вѣдь не идти же въ самомъ дѣлѣ по міру съ Frau Professorin и съ чадами! Надо дѣлать то, что дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ купцы, немогущіе выдержать конкурренціи съ заграничными товарами. Надо оплевать и очернить разомъ и тѣ идеи, которыя подрываютъ источники профессорскихъ доходовъ, и тѣхъ людей, которые высказываютъ эти идеи вслѣдствіе твердаго и честнаго убѣжденія. Всякая новая идея врывается въ міръ съ нѣкоторою страстностью, которая постепенно усиливается отъ встрѣчающихся препятствій; эту страстность рутинеры разсматриваютъ черезъ микроскопъ; изъ этой страстности они выкраиваютъ страшное пугало, чтобы выхлопотать противъ самой идеи что нибудь въ родѣ *lettre de cachet*. Вотъ такіе-то люди такими-то продѣлками выгнали Гейне изъ Германіи; замолчать передъ этими людьми и отвѣтить презрѣніемъ на ихъ грязныя и корыстныя обвиненія значило бы исполнить ихъ величайшее желаніе. Имъ только и нужно было, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, чтобы никто не обличалъ ихъ ограниченности, и не смущалъ ихъ довѣрчивыхъ, юныхъ слушателей и читателей; но Гейне, какъ честный дѣятель, не положилъ оружія; онъ продолжалъ тревожить ихъ своими сарказмами, долетавшими до ихъ слуха съ береговъ Сены; больной, разбитый параличемъ, изнуренный борьбою жизни, поэтъ не умолкалъ и постоянно бросалъ имъ въ глаза свою возрастающую популярность, и ихъ безсильную злобу. Въ выписанномъ выше стихотвореніи поэтъ, какъ вы видите, упрекаетъ своихъ враговъ въ несправедливости и злонамѣренности ихъ нападковъ; враги Гейне, какъ онъ самъ говоритъ, нападали на него за горячность, за рѣзкость приговоровъ, за новизну идей, и за насмѣшливость и легкость тона. Кто имѣлъ на своемъ вѣку дѣло съ рутинною критикою, тотъ знаетъ, что слова Гейне представляютъ собою полнѣйшее выраженіе истины. Рутинеры не терпятъ горячности, потому что сами они холодны и вялы; рутинеры не терпятъ рѣзкихъ выраженій, потому что сами чувствуютъ за собою грѣхи и боятся правдивой и безпощадной оцѣнки, нескрашенной даже мягкостью внѣшней формы; рутинеры не терпятъ новыхъ идей, потому что новая идея есть смертный приговоръ надъ рутиною и надъ тѣми, кто покоится

и пасется подъ ея широколиственною тѣнью; и наконецъ рутинеры не терпятъ шутливаго тона, во-первыхъ потому, что имъ вездѣ чудится злая иронія, а во-вторыхъ потому, что улыбаясь и шутя можно легко и быстро объяснить міринамъ такія вещи, которыя люди рутины желаютъ удержать для себя, какъ жреческую символистику; шутливый тонъ связанъ съ популярностью изложенія, а популярность, по мнѣнію многихъ и многихъ ученыхъ идіотовъ, *унижаетъ достоинство науки*; мы же, съ своей точки зрѣнія, переведемъ эту послѣднюю фразу такъ: популярное изложеніе разливаетъ элементарныя свѣдѣнія въ массу общества и вслѣдствіе этого, опять-таки убавляетъ доходы рутинеровъ. Еслибы только два десятка профессоровъ могли объяснить удовлетворительно законы свободнаго паденія тѣлъ, то, конечно, эти двадцать свѣтилъ были бы провозглашены великими мудрецами; на ихъ лекціи стекались бы сотни слушателей, и, соразмѣрно съ этимъ, возрастали бы, или, по-крайней-мѣрѣ, упрочивались бы ихъ доходы. Когда же наука выходитъ изъ университетовъ и академій и начинаетъ ходить по улицамъ, тогда надо быть дѣйствительно замѣчательнымъ дѣятелемъ, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы съ почетомъ удержаться на каѳедрѣ, и чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ кормить жену и дѣтей результатами своихъ ученыхъ подвиговъ. Чѣмъ шире распространены грамотность и элементарное образованіе, тѣмъ сильнѣе становится конкуренція на мѣста преподавателей; всякое молодое, свѣжее, или зрѣлое и крѣпкое дарованіе найдетъ себѣ поле дѣятельности, но зато рутина и посредственность будутъ сбиты съ пьедестала и затеряются въ толпѣ. Стало-быть, популяризированіе знаній ни для кого не представляетъ такихъ серьезныхъ опасностей, какъ для тѣхъ людей, которые держатъ въ рукахъ монополь знаній и выдаютъ себя за ревностныхъ подвижниковъ просвѣщенія. — Разборъ двухъ стихотвореній Гейне далъ мнѣ такимъ образомъ поводъ поставить рядомъ два типа людей; одни, подобно Галилею, работаютъ по внутренней потребности, совершаютъ чудеса въ разработываемой ими области, и въ награду за свои подвиги попадаютъ на костеръ или отправляются въ изгнаніе; другіе работаютъ по расчету, перестаютъ трудиться, какъ только имъ удастся составить себѣ репутацію и жить рентами съ припасеннаго умственнаго капитала, морочатъ молодыхъ людей фразами, забиваютъ въ нихъ охоту мыслить сухостью своего изложенія, и въ награду за свои подвиги попадаютъ на академическое кресло или отправляются еще куда нибудь повыше. Какое общее заключеніе мо-

жно вывести изъ этой неутѣшительной параллели? А то заключеніе, что человѣкъ самъ по себѣ предоброе, премилое, и преблагородное существо: въ немъ пропасть силъ, пропасть желанія примѣнить эти силы, такъ чтобы и себѣ и другимъ было хорошо и удобно, пропасть мягкости, готовности уступить другому и въ свою очередь съ признательностью принять отъ другаго радушно-предложенную уступку. Но попробуйте этого же самаго милѣйшаго человѣка втолкнуть въ тѣсную комнату съ маленькимъ окошечкомъ, биткомъ набитую другими людьми, и получающую со двора слабый притокъ свѣжаго воздуха,—нашъ милѣйшій человѣкъ задохнется, или, что всего вѣрнѣе, начнетъ драться съ своими новыми сожителями, чтобы протѣсниться къ окошечку. Если у милѣйшаго здоровые локти и бока, онъ пробьется, начнетъ дышать свѣжимъ воздухомъ и, навѣрное, очень жестко будетъ отталкивать тѣхъ джентльменовъ, которые въ свою очередь будутъ ловить глотокъ кислорода. Тутъ ужъ гуманность въ сторону, когда уступить—значитъ умереть, и когда вся жизнь должна быть борьбою, не съ обстоятельствами, какъ риторически выражаются писатели и простые смертные, а съ такими же живыми людьми, которыхъ мы обязаны, видите ли, любить какъ своихъ братьевъ и какъ самихъ себя. А почему же, спроситъ любознательный читатель, жизнь должна быть такою ожесточенною борьбою?—Почему, да почему!—Ну, стало быть такъ ужъ суждено; я, ей Богу, не знаю!

Да, жизнь была бы совершенно невыносима, еслибы въ ней не было ничего, кромѣ драки за кусокъ хлѣба и за право жить въ свое удовольствіе. Къ счастью для человѣка, въ самой сѣрой, трудовой и задорной жизни бываютъ свѣтлыя, теплыя, упоительныя минуты, минуты сіяющаго счастья, минуты тихаго благоухающаго довольства, минуты безмятежнаго спокойствія. Человѣкъ, измученный тычками и пиньками, получаемыми отъ разныхъ сосѣдей по жизни, человѣкъ, утомленный тѣмъ напряженіемъ нервовъ и мускуловъ, которое необходимо для того, чтобы возвращать эти тычки и пинки по принадлежности, человѣкъ этотъ отдыхаетъ и крѣпнетъ, когда ему удается въ теплый лѣтній вечеръ броситься въ пахучую траву, надышаться чистымъ воздухомъ, насмотрѣться на голубую даль, на тихую зыбь спокойнаго, свѣтлаго озера, на зеленую листву здоровой растительности. Мы любимъ природу, мы любимъ жизнь, когда она насъ не гнететъ и не разрушаетъ, мы рады хоть на нѣсколько минутъ сложить оружіе, оставить задорную позу, забыть желѣзный вѣкъ и его реальныя, неотразимыя требованія; мы рады хоть

нѣсколько минутъ пожить одною жизнью съ природою, смотрѣть, слушать, дышать, не резонерствуя, не умничая, не полемизируя. Такія минуты коротки: того и гляди, откуда нибудь заслышится тревога; но чѣмъ короче подобныя минуты, тѣмъ онѣ дороже. Кромѣ внѣшней природы, у человѣка есть еще другое убѣжище — любовь женщины. Гейне великолѣпно понимаетъ и то, и другое; онъ, ветеранъ мысли, стоявшій на брешѣ слишкомъ двадцать лѣтъ, оставилъ намъ нѣсколько сотъ мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ уловлены самые разнообразные и тонкіе оттѣнки человѣческихъ наслажденій; для Гейне жилъ своею жизнью каждый вновь распускавшійся цвѣтокъ; его радовало какъ проявленіе жизни, щебетаніе каждаго жаворонка, суетливая дѣятельность ласточки, бойкое чириканье воробья. Онъ наслаждался легкими, глазами, ушами; онъ ловилъ своими пятью чувствами все, что въ окружающей насъ природѣ нѣжитъ, ласкаетъ, грѣетъ и освѣжаетъ человѣка; это обиліе наслажденій, нетребовавшихъ никакихъ искуственныхъ приготовленій, одинаково доступныхъ богачу и пролетарію, было необходимо для Гейне; надо было много наслаждаться, всею грудью вдыхать въ себя свѣжія впечатлѣнія, чтобы такъ долго бороться съ ложью жизни, и такъ ѣдко, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ обаятельно смѣяться надъ людскими глупостями. Сарказмъ Гейне—не головной сарказмъ; онъ не выдуманъ, не подобранъ; онъ выливается такъ же свободно, такъ же образно, какъ самое свѣжее лирическое стихотвореніе; въ немъ такъ же много души и чувства, какъ въ какомъ нибудь страстномъ обращеніи поэта–юноши къ цвѣтущей природѣ или къ любимой женщинѣ. Чтобы владѣть такимъ сарказмомъ, надо до послѣдней минуты сохранить полную способность жить и наслаждаться, потому что только въ наслажденіи человѣкъ обновляетъ свои силы. Живучесть нашего поэта, его воспріимчивость къ звукамъ природы и къ наслажденію, въ какой бы формѣ оно ни представилось, превышаетъ всякое вѣроятіе. Какъ ни мучили его люди, какъ ни уродовала его болѣзнь, онъ все-таки любилъ жизнь и все-таки находилъ себѣ отраду.

Въ изданіи Штейнмана есть нѣсколько обаятельно свѣжихъ произведеній Гейне, въ которыхъ поэтъ выражаетъ самыя теплыя, любовныя отношенія къ наслажденіямъ жизни. Къ числу такихъ стихотвореній относится, напримѣръ, «Первый поцѣлуй подъ солнцемъ».

Воодушевленіе поэта доходитъ до такихъ размѣровъ, что онъ даже отступаетъ отъ своего обыкновеннаго, трезваго міросозерцанія; онъ представляетъ себѣ, что во всемъ мірѣ развита общая жизнь,

что вся природа проникнута одною идеею, и что всѣ отдѣльные лучи свѣта, теплоты и жизни сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ. Діаметрально противуположно по проведенному взгляду на вещи слѣдующее короткое стихотвореніе, также помѣщенное въ изданія Штейнмана:

«Міръ, ты молодая дѣвушка, міръ—ты брокенская вѣдьма, смотря потому, черезъ какіе очки смотрѣть на тебя: черезъ выпуклые, или черезъ вогнутые.

«Но если смотрѣть на тебя астрономически, черезъ телескопъ,— то у тебя не найдется половыхъ частей, и ты окажешься гермафродитомъ.

Насчетъ міросозерцанія Гейне я распространяться не буду. Поговорю лучше объ отношеніяхъ его къ женщинѣ. Гейне смотрѣлъ на женщину, какъ на источникъ величайшихъ наслажденій, но дальше этого взгляда онъ не шелъ; женщина удовлетворяла самымъ утонченнымъ требованіямъ его нервной системы, но она не шевелила его мозговыхъ нервовъ; онъ любилъ въ женщинѣ пластическую красоту, граціозное сочетаніе линій, контуровъ и красокъ, женственную мягкость и кокетливое остроуміе, но не становился съ женщиною въ равноправныя отношенія, не говорилъ съ нею серьезно, не сообщалъ ей задушевныхъ идей и убѣжденій, и самъ рѣшительно не заботился о томъ, какъ она смотритъ на міръ, на жизнь и на человѣка. Онъ шалилъ, игралъ съ женщиною, находилъ, что эти шалости составляютъ лучшее украшеніе жизни, но, кажется, не считалъ возможнымъ стоять съ женщиною подъ однимъ знаменемъ и смотрѣть на нее какъ на честнаго и стойкаго союзника. Его эротическія стихотворенія всѣ до одного носятъ на себѣ печать этого воззрѣнія; никогда онъ не говоритъ съ женщиною или о женщинѣ безъ какой-то снисходительной улыбки, которая даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ не покидаетъ его губъ. Гейне не могъ возвыситься до тѣхъ серьезныхъ и глубокихъ отношеній, въ которыхъ, по собственному своему признанію, Джонъ Стюартъ Милль находился къ своей покойной женѣ. Люди, ратующіе теперь за полноправность женщины, имѣютъ полное право упрекнуть Гейне въ легкости его воззрѣній на женщину; этотъ упрекъ будетъ справедливъ, но жестокъ. Для человѣка, работавшаго и сражавшагося съ рутиною въ теченіи всей своей жизни, для скитальца, изгнаннаго изъ родины, для поэта съ пылкими страстями и съ впечатлительными нервами необходимо было имѣть теплый уголокъ, отогрѣваться въ объятіяхъ женщины, отдыхать и обновляться ея страст-

ными ласками. Послѣ труда необходимъ былъ полный отдыхъ, а перевоспитываніе любимой женщины—опять-таки дѣятельность, дѣятельность обаятельная, но все-таки истощающая силы. Реформировать тѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался, у нашего поэта недоставало силъ; измученный борьбою жизни, онъ входилъ къ любимой женщинѣ единственно для того, чтобы подышать другимъ воздухомъ, чтобы пошутить, подурачиться, приласкаться. Можно-ли за это быть въ претензіи на Гейне? Можно-ли требовать отъ человѣка, поднимающаго на плечи десять пудовъ, чтобъ онъ поднялъ еще пять, да еще чтобы онъ не осмѣливался нигдѣ присѣсть и перевести духъ? Вѣдь это жестоко; вѣдь это значитъ прямо требовать, чтобы человѣкъ надорвался. А Гейне и безъ-того былъ надорванъ жизнью. Страданія взяли свое—и великій поэтъ умеръ отъ мучительной нервной болѣзни, превратившись задолго до своей смерти въ разлагающійся трупъ. Стоитъ прочесть въ изданіи Штейнмана отдѣлъ стихотвореній «aus der Matratzengruft» (изъ постельной могилы), чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, что вынесъ этотъ великій страдалецъ.

Д. П.

Густавъ III, король шведскій. Леузона Ле Дюка. Gustave III. roi de Suède (1746—1792) par L. Leouzon Le Duc.

По смерти Карла XII Швеція стала быстро клониться къ упадку. Конституція 1720 года передала всю власть въ руки аристократіи. Раздѣленная на двѣ партіи: «шапокъ и колпаковъ» эта аристократія безпрестанно враждовала между собою, но какая-бы партія ни торжествовала, народу было отъ этого не легче. Обремененная долгами, алчная и недобросовѣстная, она продавала себя иностраннымъ дворамъ наперерывъ. При заключеніи мира, окончившаго великую сѣверную войну, она однимъ изъ непремѣнныхъ пунктовъ трактата поставила гарантію этой конституціи. Россія, Пруссія и Данія вѣрно соблюдали это обязательство, Франція старалась ослабить ихъ вліяніе, поддерживая партію «шапокъ» и противо-конституціонныя попытки Луизы Ульрики, но попытки эти были легко разрушены противной партіей.

Царствованіе Адольфа-Фредерика было однимъ изъ самыхъ печальныхъ во всей шведской исторіи. Страна была раззорена; вмѣсто правосудія руководствовались произволомъ тысячи мелкихъ тирановъ, заслуги и достоинства цѣнились ни во что; мѣста доставались лестью и подкупами. Безхарактерный и слабый король своими покушеніями по совѣту жены вырвать власть изъ рукъ партіи колпаковъ возбудилъ противъ себя въ высшей степени ихъ неудовольствіе, такъ что они употребляли всѣ усилія лишить и остатковъ власти и вмѣшивались даже въ воспитаніе наслѣднаго принца. Они заставили уволить гувернера его вмѣстѣ съ помощникомъ и однимъ изъ учителей и назначили воспитателемъ Густава графа Шеффера; перемѣна эта для нихъ была необходима, чтобъ противодѣйствовать усиліямъ Луизы-Ульрики; новый гувернеръ былъ человѣкъ честный, строгихъ правилъ, но чрезвычайно крутаго характера: строгость его доходила до жестокости, тѣмъ болѣе, что принцъ постоянно становился къ нему во враждебныя отношенія, вслѣдствіе внушеній матери и прежняго воспитанія. Онъ былъ тщеславенъ, упрямъ, лицемѣренъ и чрезвычайно любилъ эффекты: этимъ объясняются его любовь къ театру и чрезвычайная измѣнчивость вкусовъ. Легкомысліе его простиралось до того, что одиннад-

цати лѣтъ отъ роду онъ игралъ игрушками трехлѣтнихъ дѣтей и любилъ наряжаться въ женское платье. Несмотря на эти недостатки, Густавъ отличался удивительной памятью, быстрымъ соображенiемъ и пламенной фантазiей. Задача графа Шеффера была трудная: онъ успѣлъ нѣсколько развить хорошiя качества принца, но не могъ побороть всѣхъ недостатковъ, свойственныхъ Густаву по натурѣ и укоренившихся въ немъ первоначальнымъ воспитанiемъ. Властолюбивыя наклонности принца развивались съ каждымъ годомъ; онъ присутствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, видѣлъ ничтожность королевской власти и хотѣлъ во что бы то ни стало возвратить ей прежнiя прерогативы. Еше 22 лѣтъ отъ роду онъ образовалъ сильную партiю между «шапками»; они соглашались передать королю исполнительную власть и предоставить себѣ только право налагать подати и издавать законы. Принцъ хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно, но партизаны его требовали созванiя дiеты. Партiя «колпаковъ» умѣла разрушить ихъ предпрiятiе, раздѣливъ своихъ соперниковъ и давъ нѣкоторымъ изъ нихъ министерскiе портфели.

Но эта неудача не охладила Густава: онъ надѣялся привести въ дѣйствiе свой замыселъ съ помощью Францiи и для этого отправился въ Парижъ въ концѣ 1770 года. Молодой принцъ былъ принятъ великолѣпно, несмотря на то, что Шуазель, его покровитель, уже не былъ министромъ; но эти ласки и балы нисколько не подвигали дѣла. Лудовику XV наскучило давать субсидiи королевской партiи въ Швецiи и онъ ежеминутно готовъ былъ отказаться отъ нихъ. Густавъ удвоилъ старанiе: сошелся съ герцогомъ Эгильономъ, котораго прочили въ первые министры, и заискивалъ въ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостяхъ Францiи, зная какое влiянiе имѣли они на общественное мнѣнiе. Онъ былъ представленъ Руссо, познакомился съ Д'Аламберомъ, Мармонтелемъ и другими энциклопедистами, и собирался сдѣлать путешествiе въ Ферней; сверхъ того онъ не пропускалъ случая дѣйствовать и на министровъ: онъ сошелся съ графинями Дюбарри, съ Ла Маркъ Буфлеръ и Эгмонтъ. Съ ихъ помощью онъ успѣлъ склонить на свою сторону придворную аристократiю и короля.

Въ такомъ положенiи находились дѣла, когда Густавъ получилъ извѣстiе о смерти отца своего. Эта новость была какъ нельзя болѣе благопрiятна видамъ Густава: Лудовикъ XV заключилъ съ нимъ новый трактатъ, которымъ обязывался доплатить недоимки прежнихъ суб-

сидій и открыть у французскаго посланника въ Стокгольмѣ кредитъ, необходимый Густаву въ новомъ его положеніи.

Между тѣмъ, пока продолжались эти переговоры, въ Парижъ пріѣхалъ посланный отъ шведскаго сената съ выраженіемъ сожалѣнія о кончинѣ Адольфа Фредерика и съ просьбой о скорѣйшемъ возвращеніи Густава въ Швецію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ новому королю на подпись актъ, утверждающій прежнюю конституцію... Отправляясь въ Швецію, Густавъ счелъ долгомъ навѣстить дядю своего Фридриха II; съ его помощью онъ надѣялся разрушить тѣ предубѣжденія, которыя партія «колпаковъ» старалась поселить противъ него при русскомъ дворѣ...

Молодой король такъ искусно игралъ роль свою, что обманулъ стараго Фридриха; онъ увѣрилъ его, что единственной цѣлью себѣ поставитъ примирить обѣ партіи и утвердить власть законовъ на основаніи конституціи 1720 года.

30 мая совершился торжественный въѣздъ Густава въ Стокгольмъ. Наступило время созванія новой діеты, и партія «колпаковъ» приняла всѣ мѣры, чтобы тѣ униженія, которымъ подвергала ихъ прежняя діета, не повторились: они не забыли о той роли, которую игралъ тогда наслѣдный принцъ и смертельно ненавидѣли его: ненависть сдѣлала ихъ ясновидящими; они догадывались о трактатѣ Густава съ Франціей и громко кричали противъ его расточительности. Крики и интриги этой партіи имѣли успѣхъ: она привлекла на свою сторону буржуазію и крестьянъ; духовенство колебалось; въ одномъ дворянствѣ король находилъ большинство на своей сторонѣ...

Густавъ также не оставался въ бездѣйствіи: на обвиненія своихъ непріятелей въ расточительности онъ отвѣчалъ разными экономическими распоряженіями: уничтожилъ почетную гвардію, уменьшилъ число лошадей въ королевскихъ конюшняхъ, поговаривалъ о закрытіи французскаго театра; на обвиненія въ желаніи нарушить конституцію, онъ говорилъ при всякомъ удобномъ случаѣ о чистотѣ своихъ намѣреній, о твердой рѣшимости соблюдать существующія постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ въ оффиціальномъ журналѣ, что въ понедѣльникъ, вторникъ и пятницу отъ 4 до 5 часовъ онъ будетъ принимать лично просьбы отъ всякаго. Эта мѣра съ одной стороны привлекла къ нему расположеніе простаго народа, съ другой—увеличила нерасположеніе партіи колпаковъ. Тогда король удалился въ Экользундъ и здѣсь, въ уединеніи, сталъ обдумывать, какимъ образомъ привести

въ дѣйствіе давно задуманный замыселъ. Для этого прежде всего надо было увѣриться, что обѣ партіи непримиримы. Этимъ объясняются всѣ попытки короля къ примиренію ихъ, попытки, которыя не только разъясняли положеніе дѣлъ, но и замаскировывали поведеніе его предъ Фридрихомъ II... Замѣтивъ такое настроеніе умовъ, король произнесъ трогательную рѣчь, которой умолялъ обѣ партіи еще разъ соединиться для общаго блага. Рѣчь его произвела благопріятное впечатлѣніе, но не надолго; ненависть сословій скоро разразилась во всей силѣ. Борьбу начала буржуазія: она предложила, чтобы всякій проэктъ закона, одобренный тремя низшими сословіями, входилъ въ силу, не дожидаясь утвержденія его со стороны дворянства, тогда какъ, по конституціи, онъ приводился въ исполненіе только послѣ окончанія засѣданій діеты; вслѣдъ затѣмъ буржуазія потребовала, чтобъ дворянамъ было запрещено жениться на дочеряхъ буржуа, чтобъ вся промышленность и торговля были сосредоточены въ городахъ подъ вѣдомствомъ старшинъ и цеховъ и т. п. Духовенство и крестьяне также отстаивали свои права; дворянство вопіяло о нарушеніи своихъ преимуществъ—однимъ словомъ раздоръ былъ въ полномъ разгарѣ... Король рѣшился дѣйствовать; тѣмъ болѣе, что версальскій дворъ, желая ускорить развязку, прекратилъ платежъ субсидій, убѣдивъ въ то же время шведскаго посланника въ Парижѣ графа Крейца написать къ Густаву письмо съ убѣжденіемъ, что время дѣйствія пришло. Побуждаемый со всѣхъ сторонъ, Густавъ сталъ искать исполнителей. Прежде всего выборъ его упалъ на Толля и Спренгтпортена. Это были люди отчаянные, которымъ терять, кромѣ головы, было нечего, которые только посредствомъ политическаго переворота могли выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія. Толль былъ обремененъ долгами; сверхъ того господствующая партія угрожала лишить его мѣста егермейстера. Спренгтпортену угрожали уголовнымъ процессомъ. Оба они рѣшились предупредить угрожающую имъ участь. Толль предлагалъ дѣйствовать силой; Спренгтпортенъ хотѣлъ раздѣлить враждебныя партіи на два равные лагеря, парализировать этимъ ихъ дѣйствіе и, такимъ образомъ показавъ имъ ихъ безсиліе, заставить обратиться къ королю. Планъ его былъ одобренъ Густавомъ, но неисполнимость его оказалась на первомъ шагу, такъ что король тотчасъ-же отказался отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Тогда Толль увидѣлся съ Спренгтпортеномъ и предложилъ ему свой планъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы Спренгтпортену отправиться въ Финляндію, склонить на свою

сторону тамъ войска и, сдѣлавъ высадку близь Стокгольма, пригласить присоединиться къ финляндской арміи всѣхъ офицеровъ, находившихся въ городѣ и часть гвардіи и гарнизона. Тогда король долженъ былъ стать въ головѣ ихъ, велѣть арестовать сенатъ и опаснѣйшихъ членовъ діеты, и, созвавъ штаты, провозгласить новую форму правленія. Толль съ своей стороны брался уговорить гарнизонъ Христіанстадта и корпусъ войскъ, расположенныхъ въ Сканіи. Согласившись такимъ образомъ, оба дѣятеля представили планъ свой на разсмотрѣніе короля; тотъ совершенно одобрилъ его, посовѣтовавшись напередъ съ французскимъ посланникомъ графомъ Верженнемъ. Съ этихъ поръ касса посольства стала снова открыта королю.

Едва Толль и Спренгтпортенъ уѣхали, Густавъ сталъ мало-по-малу обнаруживать истинныя свои намѣренія: онъ всѣми мѣрами старался усилить вражду между народными представителями и отказался закрыть діету, желая какъ можно болѣе окомпрометировать ее въ глазахъ народа зрѣлищемъ ея ссоръ, медленностью и безполезностью ея дѣйствій. Народъ и безъ того былъ въ негодованіи: въ странѣ свирѣпствовалъ голодъ, а діета не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію его и только по настоятельнымъ представленіямъ Густава начала заботиться о прекращеніи зла. Дѣйствуя на народъ, король не упускалъ изъ виду и буржуазіи, и войска. На балу, бывшемъ по случаю коронаціи, онъ оставилъ обѣдать во дворцѣ офицеровъ національной гвардіи; что-же касается до войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Стокгольма, онъ, устроивъ для нихъ лагерь, самъ принялъ надъ нимъ начальство и всѣми мѣрами старался пріобрѣсти расположеніе офицеровъ. Дѣйствія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: въ скоромъ времени онъ увидѣлъ, что вся эта пылкая молодежь готова за него въ огонь и въ воду. Тогда онъ приступилъ къ послѣднимъ приготовленіямъ. Увидѣвшись съ братомъ своимъ Карломъ и другими важнѣйшими единомышленниками, онъ составилъ нѣсколько проэктовъ конституцій съ тѣмъ, чтобъ, если не будетъ принята первая, предложить другую. Въ то же время онъ старался успокоить русскаго посланника, увѣряя его, что тотчасъ, послѣ закрытія діеты, онъ поѣдетъ на свиданіе съ императрицей.

Между тѣмъ, принцъ Карлъ успѣлъ привлечь на сторону короля войска, расположенныя въ Сканіи, а Толль-гарнизонъ Христіанстадта. Пріѣхавъ въ крѣпость, онъ въ нѣсколько дней пріобрѣлъ полную довѣренность коменданта и убѣдилъ его дѣйствовать въ пользу короля. Оставалось склонить офицеровъ. Съ этой цѣлью комендантъ пригла-

силъ ихъ къ себѣ вечеромъ 11 августа. Подали пуншъ, и когда головы порядкомъ разгорячились, Толь произнесъ рѣчь, въ которой ясно изложилъ намѣреніе Густава, приглашая присутствующихъ содѣйствовать ему. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ опровергалъ онъ сомнѣнія нерѣшительныхъ.

— Но въ вашемъ предпріятіи можно сломить шею, говоритъ поручикъ Розенъ.

— Тѣмъ болѣе вы должны принять въ немъ участіе... Ваши кредиторы не посмѣютъ заикнуться, видя, какъ вы устроили свою карьеру.

— Но ваше предпріятіе неисполнимо, безъ помощи иностранцевъ, перебиваетъ капитанъ фонъ-Скевенъ.

— Правда, но если-бъ вы читали журналы, то знали бы, что въ Пруссіи устроенъ лагерь, для посылки намъ подкрѣпленій.

— Но гдѣ-же ваши полномочія? спрашиваютъ съ разныхъ сторонъ.

— Вотъ они, отвѣчаетъ Толль безъ малѣйшаго смущенія, вынимаетъ изъ боковаго кармана связку какихъ-то бумагъ и, не давъ никому взглянутъ на нихъ, начинаетъ распредѣлять роли...

Между тѣмъ наступило утро и войска были собраны. Геллихіусъ (комендантъ) безъ труда убѣдилъ ихъ защищать короля, увѣряя, что его жизни грозитъ опасность. Вслѣдъ затѣмъ городъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи; ворота заперты, мосты подняты, у жителей отобрано оружіе. Едва эти мѣры были приняты, какъ у городскихъ воротъ показалась карета, запряженная шестью лошадьми; въ ней находился генералъ-губернаторъ Рудбекъ. Понимая всю опасность впустить въ городъ такое важное лицо, офицеры распорядились, чтобъ часовые не пропускали его дальше. Изумленный этой остановкой, генералъ сталъ говорить о своей должности, объ отвѣтственности, которой подвергнутся тѣ, которые задержали его, объ необходимости исполнить возложенное на него порученіе. Но всѣ его доводы оставались безполезными; на всѣ вопросы онъ получалъ въ отвѣтъ лаконическое: не знаю. Не добившись никакого толку, онъ рѣшился возвратиться какъ можно скорѣе въ Стокгольмъ... Разсказъ его о событіяхъ въ Христіанстадтѣ поразилъ ужасомъ господствующую партію, тѣмъ болѣе, что и до того времени со всѣхъ сторонъ доходили извѣстія о намѣреніяхъ Густава; англійскій посланникъ представилъ даже копію съ послѣдняго письма короля къ Лудовику XV, копію, которую доставила графиня Дюбарри англійскому министерству. Всѣ

эти извѣстія, которымъ прежде не придавали никакой важности, получили теперь огромное значеніе. Главнѣйшіе члены партіи колпаковъ рѣшились арестовать короля; но, опасаясь столкновенія съ народомъ, отложили свое намѣреніе до прибытія войскъ, призванныхъ изъ провинцій. Между тѣмъ Густавъ умѣлъ мастерски скрывать свои замыслы: когда генералъ Рудбекъ явился къ нему и сталъ разсказывать о своей неудачѣ проникнуть въ Христіанстадтъ, король крѣпко обнялъ его, назвалъ лучшимъ своимъ другомъ и наговорилъ пропасть комплиментовъ. Въ другой разъ, на замѣчаніе Рибинга, что самое невѣроятное то, что офицеръ сказалъ, будто дѣйствуетъ такъ по приказанію короля, Густавъ отвѣчалъ: «вы ошибаетесь, генералъ приписываетъ эти слова солдату; офицеръ, лучше знающій положеніе дѣлъ, не могъ сказать ихъ.»

Это поведеніе успокоивало членовъ сената и они не спѣшили дѣйствовать энергически; наконецъ намѣренія короля стали такъ ясны, что не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ ихъ. Въ Стокгольмъ дошла прокламація Геллихіуса, на стѣнахъ гостинницъ и кабаковъ въ окрестностяхъ столицы стали появляться плакарды, возбуждавшіе народъ противъ діеты. Тогда «колпаки» приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ: они отправили приказаніе къ войскамъ въ провинціи прибыть какъ можно скорѣе въ столицу, до тѣхъ-же поръ велѣли содержать патрули національной гвардіи; они назначили губернаторомъ Стокгольма совѣтника Каллинга и пригласили короля не отлучаться изъ города.

Эти распоряженія принудили его дѣйствовать, не дожидаясь прибытія Спренгтпортена. 19 августа было назначено для произведенія государственнаго переворота. Наканунѣ этого дня король пригласилъ къ себѣ на ужинъ большую часть дворянства. Передъ ужиномъ былъ спектакль и игра въ карты. Весь вечеръ Густавъ былъ непроницаемъ: шутилъ, любезничалъ съ дамами и вообще нисколько не походилъ на человѣка, поставившаго на карту жизнь и корону. Послѣ ужина, удалившись въ свои комнаты, онъ занялся приготовленіями къ слѣдующему дню: написалъ письма къ принцу Карлу и графу Верженню, приготовилъ паспорты для своихъ приверженцевъ, собралъ важнѣйшія бумаги и отдалъ ихъ на сохраненіе Бейлону, подписалъ указы объ арестованіи сената и членовъ діеты и назначилъ сборными пунктами для преданныхъ ему офицеровъ артиллерійскій паркъ и арсеналъ. Окончивъ эти распоряженія, Густавъ объѣхалъ городъ, наблюдая, въ какомъ положеніи находятся посты; по-

томъ, возвратившись въ замокъ, бросился на диванъ, совершенно-одѣтый, съ нетерпѣніемъ ожидая наступающаго дня. Едва взошло солнце, онъ призвалъ къ себѣ шталмейстера, графа Левенгаупта, и приказалъ ему осѣдлать всѣхъ лошадей къ десяти часамъ утра. Ровно въ десять часовъ Густавъ вышелъ въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ... «Если я паду, сказалъ онъ имъ, пошлите мою окровавленную рубашку принцу Карлу». Когда онъ проходилъ залу сената, нѣкоторые изъ членовъ обратились къ нему съ упреками, онъ возразилъ имъ. Споръ принялъ скоро такой характеръ, что совѣтникъ хотѣлъ воспрепятствовать королю пройти черезъ залъ. Раздраженный Густавъ быстро бросился вонъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ во всю прыть къ артиллерійскому парку. Во время пути свита его замѣтно увеличилась; болѣе 200 офицеровъ пристали къ ней; число ихъ съ каждой минутой увеличивалось, такъ что, окончивъ ученье гвардіи и возвратившись въ замокъ, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ многочисленной толпою. Тогда онъ произнесъ трогательную рѣчь, въ которой живо изобразилъ бѣдствія отечества... «Хотите-ли вы слѣдовать за мной, воскликнулъ онъ въ заключеніе, какъ предки ваши слѣдовали за Густавомъ Вазой и Густавомъ-Адольфомъ? Что касается до меня, я готовъ, для блага вашего, и блага отечества пожертвовать жизнію!». Восторженные крики и рукоплесканія прервали слова его. Тогда онъ вынулъ бумагу, которая, по его словамъ, содержала выраженіе его мыслей, и прочелъ ее вслухъ. «Клянусь, говорилъ онъ, что единственное мое намѣреніе возстановить миръ въ любезномъ отечествѣ, разрушивъ притѣснительный деспотизмъ аристократіи, поднявъ прежнюю шведскую свободу и воскресивъ законы, какъ они были до 1680 года, я поставляю мою величайшую славу, теперь и всегда, быть первымъ гражданиномъ истинно свободной страны!».

Эти слова окончательно рѣшили офицеровъ: всѣ они изъявили полную готовность слѣдовать за королемъ и, по примѣру его, обвязали лѣвый рукавъ бѣлымъ платкомъ. Потомъ всѣ вышли на дворъ замка, гдѣ былъ собранъ гарнизонъ. Краткая энергическая рѣчь и 150 дукатовъ совершенно обезпечили помощь его королю.

Въ продолженіе этого времени сенатъ находился въ томительномъ недоумѣніи. Послѣ длинныхъ разсужденій, онъ опредѣлилъ послать совѣтника Каллинга просить короля въ залу совѣта. Каллингъ явился въ то время, когда Густавъ обращался съ рѣчью къ офицерамъ; онъ не былъ впущенъ въ залу и получилъ черезъ каммергера отвѣтъ, что король

будетъ по окончаніи рѣчи. Тогда Каллингъ, подъ предлогомъ присутствовать при отдачѣ приказаній, попытался войдти въ залъ, но былъ такъ грубо выведенъ, что не счелъ благоразумнымъ продолжать свою попытку, и возвратился въ сенатъ; вслѣдъ за нимъ, чтобъ предупредить присылку новыхъ депутатовъ отъ сената, отправились генералъ Горнъ, полковникъ Карналь и нѣсколько другихъ офицеровъ изъ партіи Густава. Когда Каллингъ появился снова въ сопровожденіи сенаторовъ, Карналь остановилъ ихъ, сказавъ, что воля короля, чтобъ они дожидались прибытія его въ залѣ. Въ это время прибылъ капитанъ Аминовъ съ 26 гренадерами—и сенаторы должны были покориться своей участи.

Членовъ діеты постигла скоро та же судьба. Напрасно генералъ Рудбекъ пробѣгалъ улицы Стокгольма, призывая гражданъ къ оружію, напрасно убѣждалъ онъ членовъ тайнаго комитета діеты протестовать—только нѣсколько человѣкъ подали голосъ въ пользу его предложенія. Въ это время генералъ Пекленъ предложилъ комитету убѣжать на островъ адмиралтейства и оттуда вести переговоры съ королемъ. Предложеніе это было принято; но едва члены комитета прошли нѣсколько улицъ, какъ увидѣли королевскую свиту. Паническій страхъ овладѣлъ ими и они поспѣшили разсѣяться въ разныя стороны. Генералъ Рудбекъ возвратился домой, а Пекленъ уѣхалъ изъ города навстрѣчу своему полку, надѣясь съ его помощью подавить переворотъ.

Между тѣмъ Густавъ, ободренный первыми успѣхами, не тратилъ времени даромъ: онъ приказалъ арестовать сенатъ и опаснѣйшихъ изъ членовъ діеты, и послалъ въ погоню за Пекленомъ двухъ офицеровъ; а навстрѣчу войскамъ, приближавшимся къ столицѣ, отправилъ генерала Рамзая, съ приказаніемъ возвратиться имъ на прежнія квартиры; въ то же время онъ пригласилъ всѣхъ посланниковъ пріѣхать въ замокъ для избѣжанія недоразумѣній и непріятностей, и обнародовалъ прокламацію, которой обезпечивалъ Шведамъ ихъ права, свободу и собственность, объявляя, что его намѣреніе было только уничтожить и разрушить безначаліе.

Возвратившись въ замокъ въ шесть часовъ, Густавъ принялъ посланниковъ, обѣщая немедленно сообщить дружественнымъ державамъ о причинахъ своихъ дѣйствій. Одинъ посланникъ Франціи отвѣчалъ жаркими поздравленіями, прочіе хранили мрачное молчаніе.

На другой день король говорилъ рѣчь къ народу; на третій назначилъ собраніе штатовъ; они собрались, но замокъ былъ окруженъ вой-

сками съ заряженными ружьями; пушки были наведены во внутренній дворъ противъ дверей залы засѣданія; въ городѣ распущены слухи о скоромъ прибытіи Спренгтпортена съ финляндской арміей...

Конституція, предложенная Густавомъ и дававшая рѣшительный перевѣсъ королевской власти, была принята съ громкими рукоплесканіями.

Такимъ образомъ совершился этотъ переворотъ безъ пролитія капли крови. Успѣхомъ своимъ онъ обязанъ былъ ловкости Густава и ненависти, которую чувствовалъ къ олигархіи народъ. Вмѣсто того, чтобъ заботиться о его благосостояніи, аристократы старались захватить въ свои руки всю власть, забывши ту роль, которую игралъ въ Швеціи народъ. Они забыли, что Густавъ Ваза былъ обязанъ ему короной; что Карлъ XI съ его помощью обуздалъ дворянство, что Карлъ XII имѣлъ въ немъ главную опору и только при его содѣйствіи могъ пользоваться неограниченной властью и выдерживать всю тяжесть сѣверной войны. Если по смерти его государственные чины такъ ограничили королевскую власть, что Европа называла Швецію республикой, то для сохраненія этого положенія необходимо было народное развитіе... Только опираясь на народъ, шведская аристократія могла поддержать свое вліяніе... Несвязанная никакими общими интересами съ народомъ, покорная дипломатическимъ интригамъ, готовая за деньги продать отечество, она была болѣзненнымъ наростомъ на государственномъ организмѣ Швеціи...

Но недостаточно было совершить переворотъ: надо было сохранить пріобрѣтенное. Непріятели внутренніе и внѣшніе грозили Густаву: аристократія была подавлена, но не уничтожена и могла снова подняться; державы, гарантировавшія прежнюю конституцію, смотрѣли на короля непріязненно. Чтобъ парализировать дѣйствія своихъ соперниковъ, Густаву оставалось одно: опереться на народъ и на лучшую образованнѣйшую часть націи. «Я хочу, писалъ онъ Мармонтелю, чтобъ мое царствованіе было царствованіемъ истинной философіи, той спасительной и благотворной философіи, которая уважаетъ то, что стоитъ уваженія, и нападаетъ на тѣ предразсудки, которые составляютъ несчастіе народа»... Первыя дѣйствія Густава были сообразны съ этими словами; онъ уничтожилъ пытку, преобразовалъ администрацію, издалъ указъ о свободной торговлѣ хлѣбомъ и поддерживалъ свободу прессы. Онъ видѣлъ въ ней для себя средство узнавать желанія народа; для народа защиту отъ произвола; для служащихъ средство ободренія и вмѣстѣ съ тѣмъ спасительнаго страха... Эти соображенія

заставили его поддерживать актъ о книгопечатаніи 1766 года, актъ, которымъ предоставлялась писателямъ почти полная свобода. Но если король съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на литературу, аристократія смотрѣла совершенно иначе: нѣкоторые вельможи, оскорбленные направленными противъ нихъ журнальными статьями, требовали уничтоженія прежнихъ постановленій, находя ихъ несообразными съ новой формой правленія. Предложеніе это было одобрено верховнымъ судомъ и представлено въ государственный совѣтъ на утвержденіе короля. Аристократія надѣялась восторжествовать, потому что совѣтъ состоялъ большей частью изъ тѣхъ-же лицъ, какъ и судъ. Но ожиданія ихъ были разрушены публицистомъ Гёпнеромъ. Онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Густава и усердно содѣйствовалъ ему перомъ и совѣтами. Онъ понялъ, что, поражая прессу, хотятъ поразить короля и народъ, и потому сперва написалъ къ Густаву письмо, предупреждая его о замыслахъ противной партіи. Потомъ онъ хотѣлъ представиться лично, но его не допустили; тогда онъ напечаталъ въ газетѣ все, что хотѣлъ высказать королю лично.

Когда открылось засѣданіе совѣта, всѣ члены были противъ свободы печати, утверждая, что ея злоупотребленія могутъ поставить государство на край гибели. На это Густавъ произнесъ въ опроверженіе имъ слѣдующую рѣчь:

«Я разсматривалъ съ величайшимъ стараніемъ и со всѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживаетъ такой важный предметъ, мнѣніе, выраженное господами членами совѣта.

«Всѣ, мнѣ кажется, согласны насчетъ того, что свобода печати «съ благоразумными ограниченіями» не представляетъ никакихъ опасностей сама по себѣ; но только злоупотребленіями, которыя влечетъ за собою.

«Злоупотребленія вытекаютъ изъ человѣческаго несовершенства. Они встрѣчаются въ самыхъ лучшихъ учрежденіяхъ. Если ужасаться злоупотребленій, которыя могутъ явиться, то надо отказаться отъ всякихъ учрежденій, полезныхъ для общаго блага.

«У народа, раздѣленнаго на двѣ партіи, не имѣющихъ ни одинакихъ идей, ни одинакихъ началъ, ни одинакихъ интересовъ, какъ былъ нѣкогда народъ шведскій, никогда, ни на одномъ спорномъ пунктѣ, чувства этихъ обѣихъ партій не были единодушны.

«Между тѣмъ, даже тогда, «(благоразумная)» свобода печати была принята со всеобщей радостью. И, можетъ быть, штаты никогда не

вотировали ни одного закона, который возбудилъ бы въ королевствѣ болѣе живое удовольствіе и которому придавали-бы болѣе цѣны.

«И это происходило въ эпоху возмущеній, когда права были такъ часто попираемы насиліемъ и произволомъ. Наша новая конституція основана на свободѣ, общей безопасности и правѣ собственности.

«При такой конституціи, всякій можетъ свободно думать, говорить и писать обо всемъ, что не противно закону и достоинству государства. Такъ и было установлено закономъ 1766-го года, также какъ и нашимъ общественнымъ правомъ. И если въ послѣдніе годы являлись рѣзкія статьи, то это должно приписывать не закону, но тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя установились въ то время.

«Это время прошло; теперь законъ можетъ быть примѣненъ съ той силой, какую требуетъ общественное спокойствіе. И чтобы несчастные дни не возрождались болѣе, надо, чтобы свобода печати, покровительствуемая и охраняемая, показывала націи ея истинное благо и давала познавать правителямъ чувства народа.

«Еслибы, въ прошломъ столѣтіи, печать могла просвѣщать государя, Карлъ XI остерегся бы, можетъ быть, издать тѣ указы, которые, во вредъ безопасности, навлекли ненависть на королевскую власть и посѣяли въ провинціяхъ сѣмена раздора, сдѣлавшаго несчастье королевства въ царствованіе его сына, и причинившаго позднѣе то бѣдственное состояніе, которое только что окончилось.

«Еслибы во времена Карла XII дозволено было печати показать этому великодушному королю, въ чемъ истинная слава, онъ бы нашелъ выгоднѣе, безъ сомнѣнія, управлять народомъ счастливымъ, чѣмъ стараться распространить свое владычество на обширную, но пустынную имперію...

Англійскій народъ сталъ пользоваться законно этой свободой только въ концѣ царствованія Вильгельма III, или въ началѣ царствованія дома Ганноверскаго; того дома, который держалъ скипетръ съ большею славою и твердостью, чѣмъ кто либо, до него...

«Разумная свобода печати даетъ должностнымъ лицамъ увѣренность, что ихъ заслуги будутъ узнаны и почтены чистосердечными похвалами. Она также доставляетъ средства разубѣдить публику въ клеветахъ, которыхъ они могутъ быть предметомъ.

«Черезъ свободу печати, наконецъ, народъ пользуется утѣшительной возможностью заставить услышать свои жалобы и часто также убѣдиться въ ихъ несправедливости или несвоевременности.»

Видя такое формальное выраженіе королевской воли, совѣтъ смирился, и законъ 1766 года съ маловажными измѣненіями былъ внесенъ въ сводъ законовъ. Не довольствуясь этимъ, Густавъ велѣлъ перевести на французскій языкъ всѣ бумаги, относившіяся къ этому дѣлу, и послалъ ихъ къ Вольтеру, при лестномъ письмѣ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Васъ человѣчество должно благодарить за то, что вы свалили и разбили всѣ преграды, которыя невѣжество, фанатизмъ и ложная политика нагромоздили на пути прогресса».

Въ то самое время, когда Густавъ стремился ослабить внутреннихъ непріятелей, въ то самое время онъ старался обезопасить себя и отъ непріятелей внѣшнихъ. Переворотъ въ Швеціи, какъ мы уже сказали, былъ встрѣченъ неблагопріятно Россіей, Пруссіей и Даніей. Екатерина отвѣчала на извѣщеніе Густава сухимъ письмомъ; Фридрихъ по первому знаку изъ Петербурга готовился занять Померанію; Данія вооружала крѣпости въ Норвегіи; одинъ только версальскій дворъ показывалъ готовность поддержать новаго своего союзника. Нужна была вся ловкость Густава, чтобъ выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія. Обстоятельства благопріятствовали ему: Россія была занята тогда польскими дѣлами, бунтомъ Пугачева, и войной съ Турціей, Англія объявила императрицѣ о намѣреніи своемъ держать строгій нейтралитетъ въ случаѣ войны съ Швеціей; съ своей стороны Густавъ не щадилъ обѣщаній: онъ изъявлялъ желаніе заключить съ Россіей прочный союзъ и хотѣлъ для этого пріѣхать въ Петербургъ. Всѣ эти обстоятельства склонили Екатерину смягчиться и принять шведскаго посланника. Фридрихъ, предоставленный самому себѣ, не хотѣлъ начинать войны и довольствовался энергическими представленіями и угрозами, на которыя Густавъ отвѣчалъ не менѣе энергически. Данія тоже прекратила свои приготовленія, видя, что она одна и что шведскія войска сосредоточиваются на норвежской границѣ...

Такимъ образомъ спокойствіе повидимому возстановилось вездѣ, но это была тишина передъ бурею: ее вызвалъ самъ Густавъ своими честолюбивыми замыслами.

В. ПОПОВЪ.

СМѢСЬ.

ЭДГАРЪ ПОЭ.

(Американскій поэтъ).

I.

Нигдѣ, повидимому, поэзія не могла найдти для себя болѣе гостепріимной почвы, какъ въ Америкѣ, Тамъ соединяется все, что можетъ вдохновить поэтическое чувство, раздражить его страстность и перенести въ область созерцанія и мечты. Между тѣмъ, какъ въ старой Европѣ трезвость мысли, вооруженной холоднымъ анализомъ дѣйствительныхъ явленій, разгоняетъ фантастическія грезы человѣка, въ Америкѣ благопріятствуетъ имъ и природа, и только-что начинающаяся цивилизація. Таинственные лѣса, раздѣляемые безмѣрными саваннами, дикія и вмѣстѣ величественныя картины дѣвственной земли, покрытой самыми разнообразными растеніями, животными, глубокими рѣками и шумными водопадами, земли съ двумя различными цивилизаціями, съ двумя противоположными полюсами, съ племенами всѣхъ частей свѣта, земли, усѣянной костями черныхъ рабовъ и могилами свободныхъ дѣятелей, — все это представляетъ превосходные матеріалы «чуткой душѣ поэта». Его воображеніе должны шевелить стоны Негра, буйный произволъ плантатора, берегъ моря, уединеніе пустыни, великія побѣды человѣка надъ природой и его неудержимаго стремленія къ прогрессу. И за всѣмъ тѣмъ, поэзія не принялась на американской почвѣ: она занесена сюда изъ Европы и, какъ цвѣтокъ

подъ чужимъ небомъ, не дала ни благоуханія, ни натуральной свѣжести. Развитію ея помѣшала та же лихорадочная и неутомимая дѣятельность народа, которая создала ему колоссальную промышленность, богатство и высокое положеніе въ человѣческой семьѣ. У Американца нѣтъ празднаго времени, чтобы предаваться спокойному кейфу фантазіи, у него нѣтъ ни преданія, ни отечества, чтобы жить поэтическими воспоминаніями прошлаго, наконецъ у него нѣтъ ни семейнаго отдыха, ни аристократическаго досуга для эстетическихъ впечатлѣній: онъ безпрерывно находится на пароходѣ или желѣзной дорогѣ, между конторой и биржей, весь погруженный въ свои дневные интересы. Въ такихъ обществахъ поэзія не уживается; какъ тѣнь готическаго собора, она бѣжитъ отъ утренняго свѣта пытливаго, дѣловаго и зрѣлаго ума.

Возьмемъ одного американскаго писателя, нѣкогда имѣвшаго большое значеніе въ Европѣ по своимъ романамъ, изображавшимъ богатырскую жизнь первыхъ переселенцевъ Фенимора Купера. Живетъ онъ на морѣ, углубляется въ неизслѣдованные первобытные лѣса, плаваетъ по неизмѣримымъ озерамъ, скитается по безграничнымъ зеленымъ лугамъ.., Его описанія имѣютъ прелесть разнообразія и новости, но за гранью всякихъ неожиданностей встрѣчаетъ читателя утомительная монотонность. При своей обманчивой оригинальности, Куперъ является только подражателемъ Вальтеръ-Скотта, увлекающимся, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, больше всего недостатками своего образца и преувеличивающимъ ихъ съ особенною тщательностію. Подробность описаній Купера доведена до точности каталога, чудесное выходитъ у него чудовищнымъ, событія и явленія стоятъ внѣ предѣловъ логической вѣроятности. Если отнять у него дикое величіе и жизненную энергію силъ первобытной природы, короче — все то, что составляетъ фонъ картины и что стоило ему взять какъ готовое, то останется только сѣвероамериканецъ, холодный, практическій, обдумывающій эфекты, поставившій себѣ цѣлію быть народнымъ, не сообразивъ — возможно-ли это. Недостатки Купера состоятъ въ отсутствіи силы воображенія и глубокихъ убѣжденій. Движенія выводимыхъ имъ на сцену характеровъ — движенія автоматовъ—такъ безжизненны подробности ихъ жизни и даже игра ихъ страстей; описанія у Купера лишены перспективы и теплоты колорита.

Говоря о Куперѣ, невольно приходится коснуться другаго писате-

ля той же эпохи, равно популярнаго въ Европѣ. Это Вашингтонъ-Ирвингъ. Достоинство его состоитъ въ томъ по крайней мѣрѣ, что онъ никому не подражалъ. Онъ беретъ все и отовсюду, только не у себя подъ ногами, странствуетъ по Испаніи, Англіи, Голландіи, Германіи, Франціи, легко разсказываетъ чужія преданія, и отдѣлывается юморомъ тамъ, гдѣ требуется чувство, словомъ—вездѣ видѣнъ parvenu, въ которомъ возбуждаетъ чувство зависти чужая жизнь и чужія преданія. Въ послѣднемъ отношеніи поражаетъ насъ особенная черта въ молодомъ поколѣніи американскихъ писателей. Обстоятельства значительно перемѣнились. Америка черезчуръ далеко ушла отъ Европы, теперь она готова простить ей умственное ея превосходство надъ собой. Ея исторія, аристократизмъ ея древняго происхожденія, обиліе семейныхъ воспоминаній, заставляютъ призадуматься многихъ американскихъ мыслителей. Гдѣ взять это прошлое и чѣмъ его замѣнить? Вопросъ этотъ они рѣшаютъ различно: «Мы обязаны, говоритъ Cullen Bryant, почтеніемъ къ намогильнымъ памятникамъ древнихъ обитателей нашей земли, этого благороднаго племени, исчезнувшаго вмѣстѣ съ дѣвственными лѣсами. На развалинахъ старой жизни, на землѣ, созданной изъ праха исчезнувшихъ поколѣній, мы вчера построили наши города, завладѣли ихъ наслѣдіемъ, на землѣ ихъ основали наше отечество, утоляемъ жажду водою изъ ихъ источниковъ, голодъ — хлѣбомъ, взросшимъ на ихъ нивахъ, и подъ тѣнью посаженныхъ ими деревьевъ находимъ отрадную прохладу. Мы отняли у нихъ все, почтимъ же хоть ихъ могилы.» Невозможно ошибиться относительно значенія этихъ словъ. Въ нихъ слышится жалоба на отсутствіе преданія, но прошлаго искуственно не создаютъ... Есть и такія личности, которымъ или становится душно въ атмосферѣ пуританскаго лицемѣрія, или черезчуръ свободно въ отсутствіи всякаго историческаго начала. Въ послѣднихъ отзываются неясныя идеи средневѣковаго начала сообщающаго произведеніямъ ихъ колоритъ грусти, и мистическаго настроенія. Натаніель Готорнъ похожъ на странника, останавливающагося у городскихъ воротъ, у сельскаго колодезя, странствующаго постоянно. Повсюду несетъ онъ съ собой свои полныя таинственности параболы. Другіе, напр. Лонгфеллоу, просто чувствуютъ необходимость европейскаго займа; довольно при этомъ вспомнить изъ произведеній этого писателя «Евангелину» и «Золотую легенду». Лонгфеллоу принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей и потому принятое имъ направленіе можетъ имѣть важныя послѣдствія въ дальнѣй-

шемъ развитіи американской литературы. Онъ получилъ образованіе въ Европѣ, путешествовалъ по Даніи и Швеціи, отлично знаетъ французскую и испанскую литературы и даже занимается ихъ преподаваніемъ. Все это достаточно объясняетъ вліяніе, которому онъ подчинился. Поэзія сѣвера развила въ немъ, отъ природы склонномъ къ грусти, любовь къ тихой задумчивости; древнія преданія, полныя воспоминаній мѣста, величестветвенные соборы, развалины замковъ съ ихъ средневѣковою поэзіей, все это осталось въ его памяти, охотно обращающейся къ прошедшему. Потому-то произведенія Лонгфеллоу носятъ на себѣ явные слѣды впечатлѣній, сохранившихся въ его умѣ. Евангелина имѣетъ чисто скандинавское происхожденіе. Весь характеръ поэзіи Лонгфеллоу, не исключая самой формы, указываетъ на свою родную почву. Въ немъ ясно проглядываетъ элементъ католическій, идея безусловнаго самоотверженія и душевной лѣни или мира. Такимъ образомъ знаменитѣйшій въ наше время поэтъ Сѣверной Америки является пріемышемъ этой страны, рожденнымъ Европой, которой онъ и отдаетъ съ благодарностію свою первую пѣсню. Охотно сопутствуетъ онъ по обширнымъ степямъ первобытной природы европейскимъ изгнанникамъ, которыхъ преслѣдуетъ американская филантропія, или убаюкиваетъ себя преданіями среднихъ вѣковъ. Изъ утилитарной сферы, окружающей его, любитъ онъ—говоря словами Мицкевича—«уходить за границу села» или погружаться въ прошедшее.

Отъ него прямой переходъ къ Эдгару Поэ, который пошелъ еще дальше, углубился въ туманныя сферы духа, не имѣющія конца, какъ прошлое не имѣетъ начала. Его восторженный взглядъ на жизнь имѣетъ, кажется, сильную связь съ тревожнымъ, жаднымъ знанія и глубоко аналитическимъ настроеніемъ этой странной души. Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору его произведеній, бросимъ взглядъ на его безпокойную жизнь, исполненную бѣшеныхъ впечатлѣній, и потому, можетъ быть, такъ рано истраченную.

II.

Эдгаръ Поэ родился въ Бальтиморѣ въ 1813 году. Эксцентрическое свое направленіе и склонность къ безпокойной жизни онъ получилъ какъ-бы по наслѣдству. Отецъ его,—также оригинальная личность,—пламенно влюбился въ англійскую актрису Елисавету Арнольдъ,

отличавшуюся въ свое время въ высшей степени разсѣянною жизнію. Сынъ заслуженнаго генерала и единственный наслѣдникъ уважаемаго дома, онъ не могъ расчитывать на снисхожденіе съ какой бы то ни было стороны. Вслѣдствіе этого, не говоря никому ни слова, безъ всякихъ разсужденій, онъ бѣжалъ съ молодой авантюристкой и женился на ней. Тѣснимый нуждою или слѣдуя одной изъ тѣхъ странныхъ прихотей, которыя были такъ сродны его натурѣ, онъ вскорѣ самъ вступилъ на сцену, впрочемъ—безъ особеннаго успѣха. Бѣдность стала преслѣдовать его повсюду. Въ заключеніе всей своей карнавальной жизни, онъ умеръ въ одно время съ женою, оставивъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Сострадательные люди пріютили бездомныхъ сиротъ. Эдгара взялъ къ себѣ нѣкто Allan, богатый ричмондскій негоціантъ, котораго жена поражена была удивительной красотой ребенка. Не имѣвъ дѣтей, Allan усыновилъ бѣднаго сироту, который съ тѣхъ поръ сталъ называться Edgar Allan Poe. Рожденный среди страстныхъ порывовъ скитальческой жизни, вскормленный на большой дорогѣ и въ смѣлыхъ переправахъ, брошенный наконецъ въ жертву нуждѣ и безпомощности, неожиданно потомъ окруженный счастіемъ и горемъ — все это прочувствовалъ Поэ и съ раннихъ лѣтъ сталъ вглядываться въ жизнь, обнаруживать преждевременное любопытство, жажду впечатлѣній и опыта. Съ пріемными своими родителями онъ посѣтилъ Англію, Шотландію и Ирландію, былъ отданъ въ пансіонъ, по близости Лондона, къ доктору Bransby, гдѣ обнаружилъ необыкновенныя дарованія. Девяти лѣтъ отъ роду онъ возвратился въ Ричмондъ и сталъ учиться у лучшихъ учителей, а спустя три года поступилъ въ чарлотвильскій университетъ, въ которомъ удивилъ всѣхъ какъ своими необыкновенными способностями къ математическимъ и естественнымъ наукамъ, быстрымъ развитіемъ, такъ и своими пламенными страстями, которыя черезчуръ рано начали волновать эту исключительную натуру. Выгнанный изъ университета за безпорядочную жизнь (тогда было ему 12 лѣтъ), онъ не долго оставался дома: разгулъ, азартныя игры и долги поссорили его съ пріемнымъ отцемъ. Вспыхнувшее въ то время возстаніе въ Греціи вскружило пылкую голову юноши; онъ рѣшился отправиться на мѣсто дѣйствія. Здѣсь наступаетъ странный пробѣлъ въ исторіи его жизни и ни одинъ изъ его біографовъ не въ состояніи его пополнить. Много разъ въ американскихъ журналахъ печатались обѣщанія относительно необходимыхъ по этому предмету объясненій, говорилось объ изданіи исторіи его приключеній, предлагалась даже его корреспонденція, относящаяся къ этому

времени, но всѣ обѣщанія до сихъ поръ остаются безъ исполненія. Какъ бы то ни было, только вдругъ, вмѣсто Греціи, Поэ является въ Петербургѣ, просто на улицѣ и, въ добавокъ, замѣшанный въ какое-то несовсѣмъ чистое дѣло, которое заставило его, въ избѣжаніе строгости нашихъ законовъ, обратиться къ американскому посланнику. Возвратясь въ 1829 году въ Америку (16-ти лѣтъ), онъ рѣшился, повидимому, исправить свою жизнь и поступилъ въ какое–то военное училище, въ которомъ снова привелъ всѣхъ въ изумленіе невѣроятными успѣхами. Но заснувшіе на время инстинкты ничѣмъ недовольной натуры снова пробудились въ немъ съ новою силой. Поэ опять прогнанъ изъ заведенія. Въ то время особенное обстоятельство произвело рѣшительное вліяніе на его жизнь. Съ послѣдней своей ссоры съ пріемнымъ отцемъ, онъ лишился всякой съ его стороны привязанности, только г-жа Allan отчасти старалась еще поддержать охладѣвшія отношенія; она любила его всепрощающимъ сердцемъ матери. Смерть ея разорвала и этотъ послѣдній узелъ. Отецъ рѣшился вступить во второй бракъ. Тутъ начинается новая темная глава въ исторіи жизни Поэ, доселѣ не объясненная никѣмъ. Мы боимся преувеличенія, но по многимъ соображеніямъ можемъ догадываться, что между молодымъ безумцемъ и невѣстою его отца существовала нѣкоторая связь, напоминающая извѣстное положеніе Донъ–Карлоса. Послѣ этого между отцемъ и сыномъ, конечно, произошелъ совершенный и окончательный разрывъ. Молодая г-жа Allan очень скоро родила ребенка и Поэ лишился надежды на наслѣдство. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ издалъ небольшое собраніе своихъ стихотвореній составлявшее первый литературный трудъ, не имѣвшій впрочемъ успѣха. Легкая и прозрачная фантазія, какъ облако, мягкій и воздушный колоритъ, неопредѣленность очертаній, въ которыхъ неуловимо сливаются и расходятся самые разнообразные отзвуки гармоніи, все это, предсказывая въ писателѣ будущаго художника, не могло однако возбудить сочувствіе массы. Гонимый нуждой, Поэ опредѣлился въ военную службу, но не умѣя бороться съ самимъ собою, онъ не способенъ былъ побѣждать другихъ. Углубившись въ самого себя, этотъ безпокойный человѣкъ хотѣлъ перенести разгулъ изъ жизни въ область ума. Не сознавая еще своей отрѣшенности отъ дѣйствительности или не находя себѣ въ жизни достаточно пищи, онъ началъ возбуждать воображеніе горячими напитками. И вотъ опять видимъ его прогнаннаго уже изъ военной службы, крайне бѣднаго и униженнаго. При-

нялся онъ опять писать, но никто и слушать не хотѣлъ оборваннаго безумца, не имѣвшаго уже, повидимому, ничего общаго съ такъ называемымъ здравымъ смысломъ толпы. Близкая смерть ожидала его гдѣ нибудь подъ столомъ въ кабакѣ, еслибы не спасъ его исключительный въ своемъ родѣ случай. Издатель одного журнала предложилъ двѣ преміи для конкурса, одну за лучшую повѣсть, другую—за поэму. Поэ написалъ оба сочиненія, но напрасно хлопоталъ о принятіи рукописей—никто и говорить съ нимъ не хотѣлъ. Чтобы какъ нибудь отвязаться отъ его назойливыхъ просьбъ, взяли отъ него рукописи и куда-то бросили, такъ какъ никто не согласился ихъ прочесть. Случайно обратилъ на нихъ вниманіе предсѣдатель комитета Кеннеди, заинтересованный изящнымъ почеркомъ, и сталъ просматривать ихъ машинально, но вскорѣ очень удивился, найдя, что содержаніе вполнѣ соотвѣтствовало каллиграфическимъ достоинствамъ. Рукописи были напечатаны и авторъ получилъ обѣ преміи. Съ этихъ поръ имя его дѣлается извѣстнымъ въ литературномъ кругу; его знакомства стали искать журналисты, и Поэ не замедлилъ сблизиться съ Томасомъ Вайтомъ, который на ту пору замышлялъ основать въ Ричмондѣ новое «обозрѣніе». Вайтъ нашелъ въ Поэ именно то, что ему было нужно: у него были деньги, но не было головы, Поэ далъ ему голову и повелъ дѣло съ изумительнымъ успѣхомъ. Ему было тогда не больше 22-хъ лѣтъ. Въ этомъ періодическомъ изданіи (оно называлось «Southern Literary Messenger») прежде всего явились: «Несравненныя приключенія Ганса Пфааля (Hans Pfaal)», затѣмъ много другихъ меньшихъ новеллъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Въ теченіи двухъ лѣтъ Поэ изумлялъ читателей своего журнала необыкновенною смѣлостію фантазіи, и чрезвычайно удачными критическими статьями, касавшимися самыхъ разнородныхъ предметовъ. Казалось, тяжелый опытъ заставилъ его бросить навсегда безпорядочную жизнь, прервать знакомство съ трактирной сволочью, отказаться отъ рюмки и мрачныхъ размышленій средь шумныхъ оргій грязныхъ тавернъ. Связанный обязательствомъ, онъ работалъ много, сталъ вступать въ сношенія съ людьми порядочными и находить удовольствіе въ трудовой и спокойной жизни. Подъ вліяніемъ дотолѣ неизвѣстныхъ ему впечатлѣній, онъ вскорѣ полюбилъ молодую дѣвушку. Она называлась Виргинія Клеремъ (Claram). Это была красивая, добрая и нѣжная женщина. Неизвѣстно, долго ли она наслаждалась счастіемъ въ замужествѣ за этимъ чудакомъ, всего меньше созданнымъ для роли

мужа, несомнѣнно лишь то, что между нимъ и издателемъ «обозрѣнія» вскорѣ породились самыя непріятныя отношенія. Перо было брошено, обозрѣніе осталось безъ редактора. Грустно сказать, что Поэ отказался отъ принятыхъ обязательствъ, отъ свойственной дѣятельности, не ради молодой и хорошенькой жены, не для спокойнаго домашняго счастія, но даже ради грѣшной лѣности—вовсе нѣтъ; онъ началъ скучать за письменнымъ столомъ, и его опять потянуло къ его прежней бродячей и разгульной жизни. Именно въ это время онъ написалъ странную поэму подъ названіемъ «Воронъ», имѣвшую огромный успѣхъ. На радостяхъ поэтъ напился до безчувствія. Возвращаясь домой по лучшей улицѣ Нью-Іорка, онъ толкалъ прохожихъ и долженъ былъ придерживаться стѣнъ, чтобы сохранить равновѣсіе. Съ тѣхъ поръ пошли прежнія ночныя оргіи, бутылки, карты, связи съ публичными дѣвушками, странствованія по погребамъ, разнообразившіяся уличными сценами. «Душно мнѣ» среди этихъ ханжей и бездушныхъ умниковъ, говорилъ Поэ, отправляясь на кутежъ. Издатель «обозрѣнія» счелъ необходимымъ отнять у него редакцію своего журнала, а съ нею и 500 долларовъ платы. Нашъ поэтъ остался при однѣхъ обязанностяхъ относительно жены, не имѣвшей ничего кромѣ сердца; но этого сердца она у него не отняла, хотя и могла это сдѣлать, убѣдившись какъ легкомысленно съ нимъ распорядилась. Отсюда начинается новый періодъ въ жизни Поэ,—цыганское скитальчество, порывистое, исполненное приключеній и сильныхъ тревогъ, отъ которыхъ суждено ему было отдохнуть только въ могилѣ. Мы встрѣчаемъ его по всѣмъ угламъ Соединенныхъ Штатовъ, странствующаго изъ города въ городъ. Онъ пьетъ, возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе, работаетъ съ лихорадочнымъ жаромъ, поправляется, дѣла его хороши, опять падаетъ въ грязь, опять редактируетъ журналъ; сегодня оборванный, завтра одѣтый щеголемъ, здѣсь увлекаетъ всѣхъ чуднымъ произведеніемъ, тамъ скрывается отъ преслѣдованія за долги, а тамъ находятъ его на мостовой мертвецки пьянымъ. И въ этомъ омутѣ жизни, онъ создаетъ и пускаетъ въ свѣтъ рядъ разнороднѣйшихъ трудовъ: философскія діатрибы, статьи критическія, эстетическія, стихотворенія и особенно новеллы, которыя собираетъ и печатаетъ подъ общимъ названіемъ «Странностей и Арабесковъ». Между тѣмъ безпорядочная жизнь навлекаетъ на него суровый судъ общественнаго мнѣнія; журналы хлещутъ его, печатая большимъ шрифтомъ, что жена *извѣстнаго* Эдгара Поэ умираетъ въ нищетѣ отъ голода. Несчастная дѣйствитель-

но вскорѣ скончалась. Вслѣдствіе-ли отчаянія, овладѣвшаго имъ по смерти жены, или упрековъ, которыми общество преслѣдовало его отвсюду, вслѣдствіе-ли крайняго упадка, а всего вѣроятнѣе, по всѣмъ тремъ причинамъ, Поэ подвергся припадкамъ бѣшенства. Да и трудно было не сдѣлаться сумасшедшимъ. Наврядъ-ли кто испыталъ такъ много когда нибудь оскорбленій, наврядъ-ли кто перенесъ такую нищету и преслѣдованія общественнаго голоса. Что ни предпринималъ съ тѣхъ поръ Поэ, во всемъ встрѣчало его безжалостное осужденіе, куда ни обращался, вездѣ отталкивали его съ презрѣніемъ, куда ни скрывался—нигдѣ не находилъ ни сочувствія, ни жалости. Вскорѣ затѣмъ Поэ исчезъ словно подъ водою. Съ прекращеніемъ умопомѣшательства прошло, конечно, много времени, пока могъ онъ окончательно прійти въ себя. Кажется, тогдашнее свое состояніе онъ изобразилъ въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ новеллъ подъ названіемъ «Человѣкъ толпы». Ужасное впечатлѣніе производитъ на читателя этотъ психологическій анализъ. Переживъ сильныя органическія потрясенія, авторъ глядитъ вокругъ себя и невольно идетъ вслѣдъ за какимъ-то человѣкомъ, который ни на одно мгновеніе не можетъ остаться одинъ съ самимъ собою. Этотъ несчастный самъ авторъ, возбуждающій художественной правдой словъ холодную дрожь въ читателѣ. Охладѣвъ къ жизни и свѣту, поэтъ нѣкоторое время, кажется, провелъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, ничего не создавая и не сообщая о себѣ никакой вѣсти. Такое заключеніе можно вывести изъ современныхъ журнальныхъ замѣтокъ, осуждавшихъ его въ пренебреженіи къ обществу, въ отвращеніи къ сношеніямъ съ людьми и въ пассивномъ бездѣйствіи. Всѣми оставленный, онъ нашелъ истинное для себя провидѣніе въ матери злополучной Виргиніи. Лишившись единственной дочери, эта несчастная мать сосредоточила всю свою любовь на человѣкѣ, котораго съ такимъ самоотверженіемъ любила дочь ея. Не легко было простить ему, она сдѣлала больше—забыла все, сошлась съ нимъ, окружила нѣжными заботами, счастіе его избрала цѣлью своей жизни. Это третія материнская любовь, которою пользовался этотъ человѣкъ: удивительно-ли, что онъ былъ воспитанъ не такъ, какъ слѣдовало бы? Вѣроятно, нужда заставила его опять приняться за трудъ, съ рѣшительнымъ однако намѣреніемъ не дозволить больше журналистамъ какую бы то ни было эксплуатацію относительно себя. Желая дѣйствовать независимо, онъ рѣшился основать собственное «обозрѣніе» и съ цѣлью собрать для этого необходимыя средства,

открылъ чтеніе публичныхъ лекцій въ Нью-Іоркѣ, которыя началъ объясненіемъ «Эврики», большой философской поэмы, развивающей идеи космогоніи. Огромныя толпы слушателей тѣснились на эти чтенія. Довольный успѣхомъ, Поэ снова предался пьянству, опять встрѣчаемъ его скитающимся по Виргиніи, изъ города въ городъ, и вездѣ открывающаго публичныя чтенія. Наконецъ, онъ является въ Ричмондѣ. Его встрѣчаютъ съ энтузіазмомъ, привѣтствуя въ немъ честь вскормившаго его города. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время опять можно было имъ гордиться: онъ остепенился, оправился, облагородился. Нѣкоторые говорятъ, что въ это время онъ записался даже въ члены общества трезвости. Около этого же времени, кажется, онъ сталъ думать о вступленіи во вторичный бракъ, тѣмъ больше, что нашлась другая отважная женщина, рѣшившаяся за него выйдти. Къ счастію, она во время спохватилась. Одинъ изъ пріятелей, встрѣтивъ однажды жениха, счелъ обязанностію поздравить его съ удачнымъ выборомъ невѣсты. Какая-то грусть отразилась на лицѣ поэта при этихъ словахъ; быть можетъ, въ умѣ его мелькнуло воспоминаніе о несчастной, слишкомъ рано погибшей и слишкомъ скоро забытой Виргиніи. «Оставь поздравленія, сказалъ онъ, пока не убѣдишься, что я уже женился». Сказавъ это, онъ зашелъ въ первый попавшійся кабакъ, напился тутъ до безобразія, а оттуда прямо явился своей невѣстѣ, которая, разумѣется, тутъ же простилась съ нимъ навсегда. Покончивъ такимъ образомъ съ будущимъ своимъ домашнимъ счастіемъ, онъ открылъ чтенія «О поэтическомъ началѣ», въ которыхъ старался развить эстетическую теорію, очень далекую отъ правды. «Цѣль поэзіи, по его словамъ, должна быть одной природы съ ея источникомъ, то есть цѣль поэзіи нужно искать въ ней же самой». Такой парадоксъ онъ съумѣлъ облечь въ самую увлекательную форму, пользуясь доказательствомъ своей неистощимой эрудиціи и говоря съ силою убѣжденія, ему одному свойственною. Этимъ объясняется, отчего чтенія эти были посѣщаемы публикою больше всѣхъ прежнихъ. Поощряемый успѣхомъ, онъ предположилъ себѣ остаться въ Ричмондѣ навсегда. Но какимъ-то неконченнымъ дѣламъ пришлось ему еще отправиться въ Нью-Іоркъ, несмотря на убѣжденія пріятелей поберечь разстроенное здоровье. Прибывъ къ вечеру въ Бальтиморъ, онъ почувствовалъ себя хуже, велѣлъ снести свои вещи на станцію желѣзной дороги, а самъ отправился въ ресторанъ, гдѣ вѣроятно употребилъ черезчуръ сильную дозу, потому что на другой день поутру нашли его безъ признаковъ

жизни на мостовой. Ночью онъ былъ ограбленъ; при немъ не оказалось ни денегъ, ни бумагъ, какихъ бы то ни было, такъ что нельзя было даже узнать, кто онъ. Узналъ его нѣкто изъ прохожихъ. Приведя къ сознанію, отвезли его въ больницу, въ которой, мучимый конвульсіями извѣстнаго delirium tremens, онъ вскорѣ испустилъ послѣдній вздохъ, на 37 году жизни. Умеръ—гдѣ родился, точно также, какъ кончилъ литературное поприще—гдѣ его началъ.

Жизнь этого человѣка, такъ странно наполненная, такъ безжалостно растраченная, такъ быстро исчезнувшая, а все-таки не безполезная, невольно заставляетъ надъ собою призадуматься. Эдгаръ Поэ имѣлъ жаркихъ поклонниковъ, имѣлъ и неумолимыхъ враговъ. Для нихъ онъ былъ великой жертвой человѣчества; другіе мѣшали его съ грязью. Споры изъ–за него пережили его. Что касается насъ, мы нисколько не щадили его въ изображеніи всей его жизни, но рука наша не подниметcя, чтобы бросить въ него камень. «Чтобы судить меня, нужно жить не со мною, а во мнѣ, сказалъ когда-то мореплаватель, когда товарищи указывали ему на грозную бурю: — я поплыву дальше, а вы возвращайтесь домой». Развѣ по теоріи неизмѣнныхъ движеній планетъ станемъ измѣрять путь метеоровъ? Байронъ былъ блестящаго происхожденія и богатъ; ему доступны были всѣ почести, полный успѣхъ въ свѣтѣ, но все это онъ бросилъ подъ ноги и попиралъ съ презрѣніемъ, потому что все это было «грѣхъ его жизни». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одно туманное утро, въ отвратительнѣйшей изъ парижскихъ улицъ, нашли молодаго человѣка, повѣсившагося на оконной рѣшеткѣ. Это былъ Жераръ де–Нерваль. Что это такое? Что съ нимъ сдѣлалось? спрашивали многіе изъ тѣхъ, которые видывали его веселымъ, любящимъ свѣтъ, которые жили съ нимъ и *будто* знали его. Спустя нѣсколько времени, почти скоропостижно скончался Альфредъ де-Мюссе. Что же это такое? Такъ молодъ! Долго-ли болѣлъ? Нѣтъ, онъ постепенно себя отравлялъ и наконецъ — отравился. Вѣсть эта всполошила даже академію, которой онъ былъ сонливымъ секретаремъ. Гейне, этотъ въ высшей степени грустный юмористъ, говоря о Альфредѣ де-Мюссе, всегда называлъ его: «ce jeune homme d'un si beau passé». Онъ одинъ, до смерти предававшійся опьяненію насмѣшки, понялъ его, спившагося до-смерти—абсентомъ.

Эдгаръ Поэ принадлежалъ къ особенному роду исключительныхъ явленій, подобныхъ аэролитамъ, на которые долгое время смотрѣли,

какъ на вулканическія изверженія какого-то другаго міра. У подобныхъ натуръ логика всегда остается вѣрною себѣ только въ отступленіяхъ отъ рутинной жизни, въ которыхъ поминутно онѣ обличаютъ самихъ себя. Въ одной новеллѣ онъ съ энтузіазмомъ разсуждаетъ объ условіяхъ истиннаго счастія, которыхъ считаетъ четыре: жизнь на вольномъ воздухѣ, любовь женщины, презрѣніе къ извѣстности и созданіе какой-то новой и особенной красоты. Неугодно-ли вамъ разгадать тутъ человѣка, истратившаго жизнь между кабакомъ и подозрительнымъ домомъ, разгадайте человѣка, который съ ребяческимъ увлеченіемъ гонялся за популярностью и съ лихорадочнымъ раздраженіемъ искалъ эксентрическихъ положеній. Это понятно. Въ предисловіи къ «Эврекѣ» онъ говоритъ: «Книгу эту я посвящаю тѣмъ, кто свою жизнь заключилъ въ мірѣ мечтательномъ, какъ въ единственной дѣйствительности». Если послѣ того вамъ скажутъ, что онъ не брезгалъ никакимъ обществомъ, то конечно вы не станете этому удивляться. Кто въ самомъ себѣ носитъ свой міръ, тому дѣйствительная жизнь является безусловною пустыней; средь самаго избраннаго и средь самаго грязнаго общества подобный человѣкъ чувствуетъ себя равно одинокимъ. Знавши Поэ ближе—говорятъ, что чаще всего онъ любилъ молчаніе, и если иногда пробуждался, то отъ какой-то поэтической восторженности быстро нисходилъ къ циническимъ выходкамъ. Мы легко этому повѣримъ, если представимъ человѣка глубоко погруженнаго въ себя, забывшагося на минуту и начавшаго размышлять вслухъ. Замѣтивъ за собой такой промахъ, онъ старается парализировать въ другихъ впечатлѣніе своей слабости и тутъ не гоняется уже за средствами. Поэ предавался разврату,—при избыткѣ богатства понятна и расточительность. Пламенная натура ищетъ пищу въ самоуничтоженіи; ея вулканическій элементъ не даетъ ей покоя ни на минуту, тлѣніе для нея имѣетъ прелесть живительныхъ соковъ. Говорятъ, что невозможно было встрѣтить оборванца отвратительнѣе его, но нельзя было опять найти и болѣе изящнаго щеголя; никто не доходилъ до такого униженія и никто не умѣлъ блистательнѣе руководить: то обезображенный и презрѣнный, то прекрасный какъ геній. По недостатку мѣста, разсмотримъ лишь одну черту его характера—исторію его сердца. Первую любовь возбудила въ немъ какая-то Ленора. Лишился ли онъ ея, или она вовсе не существовала—трудно сказать; довольно того, что онъ любилъ ее, быть можетъ потому именно, что она больше не существовала. Вскорѣ затѣмъ чувствами его овладѣла несчастная Виргинія, на

которой онъ женился и которую онъ погубилъ: гибло все, къ чему онъ ни прикасался, начиная съ самого себя. Онъ и любилъ ее, а между тѣмъ грустилъ за Ленорой, которой портретъ всегда стоялъ на его письменномъ столѣ. Умираетъ Виргинія — отчаяніе доводитъ его до бѣшенства. Только тогда онъ сталъ искренно любить ее, когда она перестала жить. Въ свою очередь забылъ онъ Виргинію, увлекся другою, которую перестать любить съ той минуты, когда ни что не мѣшало его счастію. Человѣкъ этотъ искалъ только невозможнаго. Болѣе или менѣе всѣ мы гоняемся за тѣмъ, чего нѣтъ въ семъ мірѣ, но люди подобные Поэ предаются такому влеченію полнѣе и рѣзче. Условія свѣта связываютъ ихъ съ меньшею силою; они смѣлѣе пренебрегаютъ ими и топчутъ ихъ ногами. Насчетъ склонности его къ вину надо сказать, что Поэ не предавался ему безгранично; довольно было нѣсколькихъ крѣпкихъ капель, чтобы лишить его сознанія. Легко понять, что человѣкъ, у котораго, возбужденное состояніе перешло въ нормальное, самыми простыми средствами могъ доходить до состоянія экстаза. При такихъ условіяхъ, наркотическія вліянія являются всего больше соотвѣтствующими цѣли. Съ стаканомъ пива, въ полуосвѣщенной и наполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ, Гофманъ тоже проводилъ цѣлыя ночи будто у себя дома и съ самимъ собою. Такія личности не подходятъ подъ обыкновенныя мѣрки нашего сужденія, нашей обыкновенной нравственности, нашихъ мелкихъ и истасканныхъ характеристикъ; такія личности, какъ Эдгаръ Поэ, или пробиваютъ себѣ новые пути въ жизни, или разбиваются объ эту жизнь, какъ хрупкія тѣла, упавшія на камень. Мы можемъ клеймить такихъ людей какими угодно именами, но мы не можемъ не увлекаться ихъ талантомъ и не признать высокаго достоинства въ самыхъ ошибкахъ ихъ. Это люди другихъ, болѣе широкихъ силъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли въ нашихъ пошленькихъ и маленькихъ сферахъ.

III.

Мы смотрѣли до сихъ поръ на Поэ какъ на человѣка, взглянемъ теперь на него, какъ на писателя. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ исключительный феноменъ: Поэ есть фантастическій реалистъ. Въ своемъ болѣзненномъ настроеніи, онъ анатомируетъ неимѣющія тѣла вещи, анализируетъ неподлежащее анализу, разсматриваетъ то, что

можетъ быть, но чего *рѣшительно нѣтъ.* Тѣмъ не менѣе его скальпель, химическія орудія и микроскопъ вовсе не боятся научныхъ возраженій; въ основаніи ихъ лежитъ глубокое размышленіе, холодная проницательность, истинно математическая точность и особенно неумолимая, безпримѣрная логика. Подобная логика у другихъ является только холодною, у Поэ она и увлекательна вмѣстѣ, противиться ей невозможно, какъ невозможно противиться стремленію волнъ Стикса, увлекающему въ невѣдомыя подземелья; она возбуждаетъ въ душѣ дрожь горячки, дрожь внутреннюю и увлекаетъ во внутренній міръ. Міръ этотъ ничѣмъ не отличается отъ міра внѣшняго, не есть онъ безусловно фантастическій, какъ у Гоффмана, напротивъ, можно бы допустить, что это міръ ежедневный, еслибы въ немъ не проглядывала извѣстная индивидуальная исключительность. На первомъ планѣ тутъ является въ высшей степени нервическое настроеніе. Состояніе разстройства общей гармоніи чувствъ, ставитъ человѣка въ непріятное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, заставляетъ его искать убѣжища въ самомъ себѣ и явленія обманчивыя возводить на степень несомнѣнности. Подобное положеніе напоминаетъ тотъ періодъ въ образованіи насѣкомыхъ, когда они достигаютъ половины своего развитія, то есть, когда у нихъ готовы уже вырости крылья. Такое состояніе отличается необыкновенною раздражительностію и влеченіемъ къ неопредѣленнымъ изслѣдованіямъ. Разнузданное воображеніе Поэ во многомъ содѣйствовало ему въ умственныхъ трудахъ этого рода. Собственно говоря, этотъ безпокойный и нетерпѣливый умъ, всегда болѣзненно-грустный и вмѣстѣ удивительно-страстный, не могъ идти инымъ путемъ. Въ одномъ только пунктѣ онъ сходится съ Гофманомъ—это въ наивности. Поэ откровененъ какъ дитя. Подобно Гофману, онъ самъ видѣлъ и прочувствовалъ почти всѣ тѣ странности, которыя разсказываетъ, жилъ въ описываемомъ мірѣ, имѣлъ сношенія съ тѣми, которыхъ выводитъ на сцену. У него нѣтъ чудеснаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, у него есть только *всего меньше вѣроятное*, основанное на соотвѣтственныхъ физическихъ и нравственныхъ законахъ, опирающихся на научномъ знаніи и метафизическихъ изслѣдованіяхъ. Короче, его міръ—только *условно* фантастическій.

Удивителенъ однако тотъ міръ, въ который поведетъ насъ Поэ,—скорѣе міръ возможности, чѣмъ правдоподобія, — le grand peut-être, сказалъ бы Рабле, Альгамбра, въ которой непосвященный не видитъ ничего, кромѣ входныхъ воротъ.

Но у порога стоитъ волшебникъ съ соломоновыми ключами, произноситъ чудодѣйственное слово и передъ зрителемъ открываются дивныя сферы, о которыхъ онъ прежде не догадывался. Передъ нимъ возстаютъ образы въ блескѣ, увеличиваются до громадности, сверкаютъ разнообразными красками, расширяются до безконечности. Разряженный воздухъ сообщаетъ каждому предмету преувеличенныя и слитныя формы, даже пластичность сливается тамъ съ понятіями въ высшей степени отвлеченными. Чудныя явленія, запутанныя математическія вычисленія, фантастическіе образы, глубокіе психическіе вопросы, привидѣнія, гипотезы и предчувствіе соединяются тамъ въ радужно-мозаическое цѣлое, вѣчно движущееся, безпокойное, безконечно-измѣнчивое. Вглядываясь пристальнѣе въ эти странныя явленія, невольно предаешься сомнѣнію въ дѣйствительности всего оставленнаго за собой. Это гипнотизмъ, дѣйствіе хашиша.

Такова фантастичность Поэ. Какъ поэтъ, Гофманъ выше его, но онъ только забавляетъ даже тогда, когда пугаетъ, между тѣмъ какъ Поэ электризируетъ, холодитъ мозгъ въ костяхъ, распаляетъ кровь и гонитъ ее къ головѣ и сердцу. При всемъ томъ чувствуешь, что художникъ остается холоднымъ, разсудительнымъ и вполнѣ владѣетъ собою,—доводитъ насъ до опьяненія, но самъ не пьянъ. Онъ увлекается, повидимому, собственнымъ энтузіазмомъ, приходитъ въ лирическій восторгъ, въ состояніе вдохновенія, которому всецѣло предается, но все это обманъ формы,—онъ анализируетъ сравни ваетъ, выводитъзаключеніе. Прежде всего—онъ реалистъ. Если галлюцинацію онъ возвыси.ъ до степени убѣжденія, а безуміе съумѣлъ облечь въ теорію, то вмѣстѣ съ этимъ онъ владѣетъ тайною вполнѣ яснаго и опредѣленнаго изложенія туманныхъ идей, въ сферѣ которыхъ постоянно блуждалъ. Если странности сдѣлались его мономаніей, то онъ не чувствуетъ недостатка въ силлогизмахъ въ защиту своихъ принциповъ. Рѣшившись однажды избрать темою своихъ изслѣдованій исключенія изъ обыкновеннаго порядка вещей, онъ не отступаетъ ни передъ какою преградой и идетъ дальше всѣхъ тѣхъ, которые раньше его шли тою же дорогой.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о внѣшнемъ характерѣ его сочиненій. По недостатку другаго слова, мы дали имъ названіе новеллъ. Быть можетъ, приличнѣе было бы назвать ихъ философскими анекдотами. Понятіе новеллы требуетъ больше движенія, разнообразія, больше повѣствовательнаго механизма; о чемъ Поэ заботится всего меньше,

хотя и его сочиненія имѣютъ всѣ необходимыя качества хорошаго разсказа. Вообще по формѣ они отличаются простотою, лаконизмомъ, художественнымъ единствомъ, богатствомъ содержанія въ немногихъ словахъ, такъ что каждая фраза имѣетъ свое значеніе и усиливаетъ общее впечатлѣніе. Нѣкоторыя изъ его сочиненій имѣютъ, повидимому, характеръ поэмъ, нѣкоторыя же дышатъ какимъ-то нервическимъ, лихорадочнымъ юморомъ, но при этомъ вездѣ чувствуется еще нѣчто особенное, стороннее, какъ воздухъ въ картинѣ. Это или неумолимая необходимость, или исключительная катастрофа, сейчасъ совершившаяся или предстоящая, или какія-то странныя условія явленій несомнѣнныхъ и извѣстныхъ. Часто тонъ разсказа зависитъ отъ условій внѣшней природы или исключительнаго характера героя. Чаще всего изображаются: тяжелая и удушливая тишина передъ бурею, усиливающая біеніе сердца, возвращенія силъ послѣ тяжкой болѣзни, блескъ тропическаго солнца и метеоровъ ночи, полный роскошныхъ испареній воздухъ, разслабляющій и размягчающій нервы, какъ струны въ музыкальномъ инструментѣ, какія-то сомнамбулическіе призраки или неопредѣленное, неотступное предчувствіе, отъ котораго на глазахъ выступаютъ слезы безъ понятной причины, шумъ многолюднаго города, заманчивость и таинственность пустыни или ужасы какого-то неизвѣстнаго міра. Колоритомъ всего этого служитъ какое-то особенное, фіолетовое или зеленоватое небо, застилаемое туманомъ золотой пыли. И солнце тамъ другое, не наше, чаще всего багровое, лучи котораго съ трудомъ проникаютъ сквозь слой дрожащей атмосферы. И люди, являющіеся средь такой обстановки, живутъ тоже какою-то особенною жизнію. Женщины встрѣчаются очень рѣдко, и если являются, то обыкновенно больныя или умирающія отъ неизвѣстныхъ страданій, надѣленныя дивными умственными силами и прозорливостію. Объятыя лазурью, украшенныя сіяющимъ вѣнкомъ, онѣ являются въ полупрозрачномъ туманѣ, — неуловимыя, идеальныя, къ которымъ невольно рвется душа.

Поэ владѣетъ роскошною, богатою и широкою кистью. Ему особенно нравятся формы величественныя. Въ такомъ сибаритствѣ онъ самъ сознается. «Вовсе не слѣдуетъ, говоритъ онъ, героя поэмы низводить до бѣдной обстановки. Понятіе бѣдности неблагородно и противно понятію прекраснаго. Даже несчастіе должно обитать въ блестящемъ и величественномъ жилищѣ.» Легко теперь понять, отчего собраніе своихъ сочиненій онъ назвалъ «арабесками». Точно — это

узоры изъ чистаго золота, очертанія художественныя, хотя необыкновенно-смѣлыя. Къ нимъ присоединена блестящая путаница «странностей», напоминающая готическія фризы и живопись на пергаменныхъ рукописяхъ. Такими-то гіероглифами Поэ украсилъ стѣны храма, на воротахъ котораго начертилъ надпись: » Кто знаетъ? быть можетъ, это и возможно».

Мы уже сказали, что Поэ *доискивается истины въ правдоподобіи и дѣйствительности въ возможности*. Въ своихъ умственныхъ странствованіяхъ по невѣдомымъ сферамъ, онъ избралъ наблюдательность компасомъ, а логику—рулемъ, котораго ни на минуту не выпускаетъ изъ рукъ. Методъ его достоинъ вниманія. Правдоподобное располагаетъ онъ не по принятымъ и общеизвѣстнымъ началамъ, а согласно своей индивидуальной силѣ пониманія, которая невольно сообщается и читателю. Типомъ въ этомъ отношеніи служитъ у него нѣкто *Дюпенъ*. Его аналитическія способности, развитыя постояннымъ упражненіемъ, приводятъ его къ поразительнымъ результатамъ. Поэ говоритъ: «изобрѣтательный умъ непремѣнно долженъ обладать живою силою представленія, которая есть не что иное, какъ развившійся до высшей степени анализъ». Не останавливаясь долго на слабой сторонѣ такого положенія, мы не можемъ не удивляться глубокимъ изслѣдованіямъ относительно дара наблюдательности, которыми Поэ начинаетъ собраніе своихъ новеллъ. Поприщемъ или школою въ этомъ отношеніи онъ беретъ игру въ шахматы и вистъ. Онъ совѣтуетъ обращать больше вниманіе на играющихъ, чѣмъ на самую игру. Очевидно, преимущество тутъ за вистомъ, какъ за игрою, требующею большаго числа игроковъ и представляющею больше пищи наблюдательности. «Прежде всего, говоритъ онъ, нужно изучить физіономію своего партнера, чтобы удобнѣе различать на ней выраженіе впечатлѣній. Необходимо слѣдить, какъ сдаетъ карты каждый изъ игроковъ. По нѣкоторымъ признакамъ удовольствія легко также разгадать, какіе онеры и взятки находятся въ каждой рукѣ. По мѣрѣ развитія игры, слѣдя за выраженіемъ каждаго лица, легко собрать огромный капиталъ наблюденій, изъ коихъ каждое приноситъ свою пользу. Смотря по тому, какъ взятка принимается со стола, удобно разгадать, есть-ли у игрока другая готовая взятка, а по первому ходу можно заключить о томъ, кроется-ли тутъ какая хитрость. Случайное, будто нечаянно сказанное слово, уроненная или перевернутая карта, которую игрокъ схватываетъ поспѣшно, со страхомъ или небрежно, пересчи-

тываніе взятокъ и порядокъ, въ какомъ онѣ положены, замѣшательство, нерѣшительность, живость, нетерпѣливость — все это должно служить для играющихъ рядомъ указаній, которыя ведутъ къ несомнѣннымъ заключеніямъ, принимаемымъ неопытными игроками за простой случай. Опытный наблюдатель по первому ходу сообразитъ, какія масти и карты находятся въ каждой рукѣ и играетъ какъ съ открытыми картами». Вотъ примѣръ діагностическаго метода, который Поэ любитъ прилагать и къ жизни. Слѣдуя такимъ путемъ, Дюпенъ дошелъ до того, что могъ высказывать людямъ не только ихъ мысли, но связь мыслей и ихъ теченіе. Не будемъ останавливаться на этомъ олицетворенномъ силлогизмѣ. Отъ его лица разсказывается три новеллы: «Двойное убійство въ улицѣ Моргъ», «Тайна Маріи Роже» и «Похищенное письмо». Содержаніемъ каждой изъ нихъ служитъ раскрытіе правды въ извѣстномъ запутанномъ событіи, предъ которымъ является безсильною самая опытная и смѣтливая слѣдственная рутина. Къ числу такихъ головоломныхъ судебныхъ случаевъ нужно отнести и «Золотаго жука». Вообще, это—опыты ясновидящей наблюдательности, приспособленной къ полицейскимъ цѣлямъ. Аналитическіе умы любятъ создавать сами себѣ трудности изъ удовольствія бороться съ ними, какъ безпокойная храбрость ищетъ опасностей, ради возможности сломать себѣ шею. Въ изобрѣтательности же фантазіи и ясности изложенія Поэ не уступаетъ никому.

Дюпенъ и Легранъ (главное лицо «Золотаго жука»)—это люди, которые занимаются теоріей вѣроятности по призванію, по страсти. Новелла: «Утопающій въ пучинѣ» представляетъ человѣка, въ которомъ опасность положенія пробуждаетъ наблюдательность, близкую въ такомъ случаѣ къ чувству самосохраненія. Норвежскій рыбакъ увлеченъ съ лодкою въ сильный морской круговоротъ. Находясь въ самомъ центрѣ его и потерявъ всякую надежду спасенія, онъ сталъ слѣдить за условіями быстроты бѣга и исчезновенія въ глубинѣ моря разныхъ предметовъ, вмѣстѣ съ нимъ увлеченныхъ въ этотъ танецъ смерти. Тутъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что необходимо выскочить ему изъ лодки и схватиться за бочку—это и спасаетъ его съ наступленіемъ морскаго отлива. Морской круговоротъ (въ самомъ дѣлѣ находящійся подъ 68° сѣв. шир.) изображенъ съ совершенною точностію и полнотою, которыя могутъ принести честь всякой безусловной истинѣ, но самый случай или мысль избавленія кого бы то ни было изъ подобнаго положенія есть простое допущеніе. Дальше Поэ вводитъ уже читателя

въ область призраковъ и самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ изъ внутренняго міра. Онъ начинаетъ изложеніемъ «истинной правды о томъ, что произошло у сэра Вольдемара». Эта физіологическая шутка имѣетъ видъ такого научнаго убѣжденія, что поразила многихъ свѣдущихъ людей. Объ этомъ событіи будто бы говорено было много, даже много было писано, но какъ горячіе споры *за* и *противъ* довели дѣло до преувеличенія и извращенія фактовъ, то авторъ, изъ любви къ правдѣ, намѣренъ разсказать все, какъ оно было. Дѣло въ томъ: 1) Точно-ли въ минуту смерти человѣкъ можетъ подчиняться вліянію магнетизма; 2) въ случаѣ возможности такого факта, магнетическое вліяніе становится сильнѣе или дѣйствуетъ слабѣе? 3) Нельзя–ли поэтому остановить улетающую жизнь? Сдѣланные опыты повели къ блистательнымъ научнымъ результатамъ. Воля магнетизёра явилась сильнѣе ангела смерти. Подобное убѣжденіе не совсѣмъ правдоподобно, но Поэ высказываетъ его съ откровенностію. «Человѣкъ, говоритъ онъ, умираетъ единственно по слабости своей воли. Еслибы онъ могъ желать съ достаточною силою, онъ могъ бы жить вѣчно». Эту мысль онъ любитъ часто развивать, какъ это увидимъ ниже. Въ настоящемъ случаѣ, вмѣсто недовольно сильной воли умирающаго, авторъ изображаетъ могущественное желаніе жизни. Около 7–ми мѣсяцевъ продолжается состояніе души связанной тѣломъ, котораго она оставить не можетъ. Отвсюду являлись доктора, физіологи, ученые, тщательно записывали наблюденія, о какихъ до сихъ поръ никому и не снилось. Еслибы ихъ не тревожило любопытство узнать—каковъ будетъ Вольдемаръ послѣ пробужденія, онъ спалъ–бы и донынѣ. Какъ бы то ни было, но научные пріемы этого отрывка превосходны. Въ другой новеллѣ, подъ заглавіемъ: «Магнетическія откровенія» Поэ идетъ еще дальше. Нѣкто *Vankirk*, невѣрующій въ безсмертіе души, подобно Вольдемару, очутился in articulo mortis. Его тревожитъ уже нѣкоторое сомнѣніе относительно его безвѣрія, но онъ не дошелъ еще до полнаго убѣжденія. Въ такомъ состояніи онъ хочетъ испытать вліяніе магнетизма, къ которому чувствуетъ внутреннее влеченье. Состояніе ясновидѣнія, кромѣ осязательнаго представленія предметовъ, невполнѣ доступныхъ человѣку въ его нормальномъ положеніи, по мнѣнію Vankirk'a приноситъ еще ту пользу, что ясно показываетъ одновременность причины и послѣдствія, посылокъ и заключенія и производитъ между ними извѣстную солидарность отношеній. Потому, еслибы возможно было получить нѣкоторыя данныя въ этомъ случаѣ, при помощи си-

стематически поставленныхъ вопросовъ, то легко было бы составить катихизисъ умозаключеній, имѣющій достоинство слѣдственнаго протокола, составленнаго на мѣстѣ происшествія. Однако Vankirk не успѣлъ прочесть такого катихизиса, потому что умеръ—дочитывая послѣднюю страницу, но вопросъ онъ все-таки исчерпалъ до дна. Выходитъ, что онъ умеръ въ самую пору, излечившись отъ своего сомнѣнія, а это тоже заслуга большая, если взять во вниманіе, что такой катихизисъ не всякаго могъ бы обратить на путь истины. Дѣло ясное, что это— теорія пантеистическая, въ очищенномъ немного видѣ.

А вотъ его разсказъ о Лигеѣ, милой, ученой и жаждущей жизни женщинѣ. Ея глаза — это были двѣ загадки. По наружности спокойная, холодная какъ каменный сфинксъ, внутренно сожигаемая жаждою знанія, она преждевременно приблизилась къ таинственному порогу, ведущему въ царство тѣней. Невозможно выразить страшную борьбу съ печальною необходимостію, навстрѣчу которой сама же она пошла. Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты, не взирая на внутреннія терзанія, она вполнѣ владѣла собою. Не видя возможности жить въ другой разъ, она желала по-крайней-мѣрѣ умереть дважды. Въ полночь, при одрѣ смерти велѣла она пѣть лебединую пѣснь:

«Ахъ, вотъ ночь веселія послѣ столькихъ печальныхъ лѣтъ! Толпа крылатыхъ духовъ, облитыхъ слезами, наполняетъ мѣсто зрѣлища, чтобы вглядѣться въ драму страха и надежды, между тѣмъ какъ изъ оркестра льются гармоническіе звуки».

«Духи перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, съ тихимъ шепотомъ, приближаясь и отлетая по повелѣнію огромныхъ и безобразныхъ существъ, отрясающихъ съ своихъ крыльевъ непредвидѣнныя несчастія и измѣняющихъ сцену по произволу».

«Смотрите, какой это гадъ вползаетъ на сцену? Нѣчто страшное, покрытое кровью—ползетъ, извивается. Все дрожитъ и дѣлается его жертвою, а духи плачутъ, глядя, какъ зубы гада пережевываютъ запекшіеся куски человѣческой крови».

«Свѣтъ гаснетъ, весь гаснетъ. Какъ гробовая попона, съ громомъ бури падаетъ занавѣсъ и закрываетъ ужасную сцену. Блѣдные духи, открывая свои лица, объявляютъ: эта драма называется «Человѣкъ»; герой драмы—«Змѣй жадности».

Конечно, воля умиравшей сдѣлала то, что вскорѣ по ея смерти, явилась ей наслѣдница. Отчаяніе, безуміе, какая-то роковая необхо-

димость составляютъ ее —это созданіе дьявола. Въ какомъ-то необитаемомъ уголкѣ, въ башнѣ пустыннаго аббатства устроена съ роскошью свадебная комната. Во всей идеѣ ясно проглядываетъ артистическая черта пьянаго Поэ. Больное воображеніе, любя мрачные призраки, создаваемые подъ вліяніемъ опіума, дѣйствуетъ наркотически и на читателя. Созданья больнаго воображенія имѣютъ претензію казаться правдоподобными, какъ прихоть волшебника; хотятъ казаться пластическими, какъ странный капризъ ваятеля; точными и подробными— какъ математическая выкладка. Свадебная комната состояла изъ большаго пятиугольнаго зала съ необыкновенно высокими сводами. Въ южной стѣнѣ находилось единственное венеціанское стекло огромныхъ размѣровъ, но дотого темное, что проникавшіе внутрь лучи солнца казались лучами мѣсяца. Окно было еще подернуто листьями виноградной лозы, растущей вдоль стѣны, и фантастически драпировано. Высокій потолокъ зала, украшенный рѣзьбой изъ чернаго дубоваго дерева, имѣлъ видъ круглаго свода съ небывалыми украшеніями полу-готическаго и полу-друидическаго характера. Изъ центра свода опускалась на золотой цѣпи золотая же лампа, въ родѣ восточной кадильницы съ прозрачной рѣзьбой, сквозь которую змѣйками взвивались струйки разноцвѣтнаго огня. По угламъ зала стояли громадные саркофаги изъ чернаго гранита, покрытые іероглифическими надписями, никѣмъ непрочитанными. Обои производили поразительное зрѣлище. Золотая парча, образуя вдоль стѣнъ волнообразную драпировку, опускалась до самой земли. На блестящемъ фонѣ драпировки, измѣнявшей цвѣтъ соотвѣтственно цвѣту ламповаго огня, появлялось множество черныхъ образовъ, похожихъ будто на арабески; но если кто вглядывался въ нихъ ближе, тотъ могъ различить самый причудливый рой странныхъ призраковъ, таинственныя движенія безобразныхъ и отвратительныхъ чудовищъ, похожихъ на привидѣнія, которыми дьяволъ когда-то искушалъ средневѣковыхъ отшельниковъ. Съ перемѣною пункта зрѣнія и вся фантасмагорія разнообразилась до-безконечности, между тѣмъ какъ при помощи особеннаго механизма, производившаго за драпировкой постоянное движеніе воздуха, она казалась живою; вся же картина, вмѣстѣ взятая, составляла зловѣщее зрѣлище, отъ котораго волосы на головѣ поднимались. Средь такихъ мрачныхъ подробностей, которыя не даютъ читателю минуты отдыха и, очевидно, придуманы единственно для возбужденія въ душѣ мучительнаго чувства, стоитъ свадебное ложе изъ чернаго дерева, низкое, во вкусѣ индійскомъ, покрытое

погребальною попоной. На этомъ ложѣ вскорѣ должна умереть отъ неизвѣстныхъ страданій несчастная Ровена, тревожимая преждевременными видѣніями загробной жизни. Въ одну страшную ночь она умираетъ, и умираетъ именно тогда, когда ея страданія превзошли мѣру, когда съ небывалою энергіей отчаянія вызвано было воспоминаніе незабвенной Лигеи, которая явилась какъ тѣнь тѣни и усилила своимъ призракомъ терзанія Ровены. Но тутъ еще не конецъ закланія жертвы на каменномъ алтарѣ сильной воли. Три раза, и каждый разъ съ новою силою, разрушительная смерть вонзала свои ястребиные когти въ мраморные останки умиравшей; но каждый разъ опять возвращалась упорная жизнь; жизнь неорганическая, но посмертная, непонятная, жизнь не умершей, а чужая. Какая это была жизнь, или, лучше, эта необыкновенная смерть? Самъ Поэ не идетъ дальше. Вообще многое онъ предоставляетъ собственному размышленію читателя, подобно тѣмъ композиторамъ, которые законченность своихъ произведеній часто предоставляютъ будущимъ исполнителямъ.

Сестра Лигеи есть Морелла, съ небольшою разницею. Вообразите олицетвореннаго бѣса вѣдѣнія, стройнаго, прекраснаго, но педанта—бѣса, который заставляетъ любить себя, котораго нельзя не любить, какъ необыкновенно-умнаго, увѣреннаго въ себѣ и полнаго желаній. Понятно, какого рода это чувство,—просто любовь изъ страха, ненависть, только особой формы. Нѣчто подобное связуетъ звѣря съ его усмирителемъ, — тигръ лижетъ руку укротителя и въ то же время рычитъ отъ бѣшенства. Даже женихъ Мореллы сознается откровенно, что величайшее горе его жизни состоитъ въ постоянно-усиливающемся убѣжденіи, что онъ никогда не съумѣетъ облечь свою странную привязанность въ какую-бы то ни было форму. Неудивительно, что онъ желаетъ своей невѣстѣ смерти, а когда смерть стала къ ней приближаться, шаги ея кажутся ему черезчуръ медленными, онъ проклинаетъ мѣсяцъ, потомъ недѣлю, потомъ день, наконецъ и одинъ часъ, отдѣляющій его невѣсту отъ порога смерти. Морелла скончалась; но, умирая, дала жизнь дочери и объявила, что по смерти столько-же будетъ любимою, сколько въ жизни была ненавидима. Значеніе этой метафизической загадки заключается въ идеѣ *самотожества*, которое основывается, по мнѣнію Поэ, на возможномъ самоувѣковѣченіи разумнаго существа. «Подъ личностію, говоритъ онъ, мы понимаемъ существо разумное и мыслящее, а съ мыслію неразлучно сознаніе себя, сознаніе того, что мы «сами по себѣ», что имѣемъ

свою индивидуальность, отличающую насъ отъ другихъ мыслящихъ существъ. Такое сознаніе служитъ основаніемъ нашей отдѣльности, которой со смертію человѣкъ лишается, а *можетъ быть и не лишается*», Такую возможность Поэ ставитъ въ зависимость отъ могущества воли. Въ предыдущей новеллѣ воля призываетъ вторичную смерть, а въ этой—вторичное рожденіе.

Поэ не отступаетъ ни передъ какими трудностями. Жизнь внутренняя. тайна вѣчнаго всемогущества, отвлеченные вопросы объ отношеніи души къ тѣлу—все это хотѣлъ обнять умъ этого человѣка. Ненасытная жажда борьбы съ недоступнымъ человѣческому вѣдѣнію приводитъ его къ рѣшенію проблеммъ, которыя рѣшаются для насъ только за гробомъ. Это не философское шарлатанство, но изслѣдованія усидчивыя, не лишенныя необходимыхъ качествъ научнаго труда.

А вотъ нѣкто Моносъ разсказываетъ о собственной своей смерти. Идея поистинѣ странная. Только умирающій можетъ такъ осязательно слѣдить за тѣмъ, какъ стынетъ и разлагается организмъ. Болѣе точный анализъ посмертнаго состоянія—просто невозможенъ. Ненужно забывать, что Моносъ—тотъ-же Поэ, со всѣмъ своимъ отвращеніемъ къ обществу и тому направленію, въ которомъ Америка видитъ прогрессъ, со всѣмъ своимъ лихорадочнымъ желаніемъ пересоздать свѣтъ и очистить его какими бы то ни было средствами. Міръ состарѣлся, подряхлѣлъ. Тѣ, которые ожидаютъ лучшихъ временъ съ нетерпѣніемъ, готовятся къ давно-предсказанной катастрофѣ, которая должна обновить лицо земли, очистить ее отъ мерзостей и излечить раны, нанесенныя ей промышленною жадностію. Но Моносъ не дожилъ до счастливой минуты возрожденія міра, зато Эйросъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ его разрушенія, хотя и неизвѣстно, что затѣмъ послѣдовало. Тѣмъ не менѣе, важно уже и то, что намъ извѣстна печальная судьба нашей земли.

Прежде чѣмъ низойти съ этой туманной высоты, вглядимся мимоходомъ въ картину, которую трудно отнести къ какому-нибудь роду новеллъ Поэ: такъ она полна какой-то меланхолической ясности и спокойствія. И въ ней нѣтъ недостатка въ ужасахъ, которые, какъ трупы на египетскихъ пирахъ, тревожатъ чувство; во всякомъ случаѣ, она отличается отъ другихъ новеллъ болѣе мягкими очертаніями, болѣе спокойнымъ тономъ и менѣе жесткимъ колоритомъ. Украшеніемъ всей картины служитъ молодая, полная жизни и прекрасная женщина, тѣмъ не меньше погибшая страннымъ образомъ. Она какъ бы

перешла и воплотилась въ собственный свой портретъ. Это еще одно изъ чудесъ воли, на этотъ разъ чуждой познанія самой себя. Молодой живописецъ страстно влюбленъ въ свое искуство, которому однако онъ измѣнилъ ради свѣженькаго личика дѣвушки. Грозная соперница поклялась въ мести. Онъ рѣшается перенести па полотно обожаемыя черты дѣвушки, но тутъ-то и обнаружилось, что онъ перестал владѣть самимъ собою. Онъ хотѣлъ изобразить весь блескъ ея глазъ, улыбку устъ, бѣлизну бюста, цвѣтъ лица, кровь ея жилъ, и сердца, словомъ—все. И что-жъ? Оригиналъ перестал улыбаться, поблѣднѣлъ, біеніе сердца его ослабѣло и дѣвушка превратилась въ нѣчто недоступное фантазіи. Раздѣленная сама съ собой, отнятая сама у себя, она улетѣла съ послѣднимъ взмахомъ кисти; даже любовь артиста не могла остановить ея полета. Зато образъ ея рѣшительно *живъ*, какъ многіе утверждаютъ. Извѣстный путешественникъ собственными глазами видѣлъ его въ Аппенинахъ, въ какомъ-то пустынномъ замкѣ, и въ особой книжкѣ, тамъ же находящейся, прочелъ объясненіе этого страннаго чуда.

Нужно замѣтить, что правдоподобіе разсказовъ Поэ обусловливается нестолько частными подробностями, сколько развитіемъ содержанія, и, говоря относительно, трудно сдѣлать ему съ этой стороны возраженіе.

Мы уже не разъ замѣтили, что Поэ ни на минуту не падаетъ подъ тяжестію избираемаго предмета. Напротивъ, вездѣ мы чувствуемъ, что этотъ предметъ — онъ же самъ, и потому чрезвычайно любопытно слѣдить психически за нимъ.

Поэ во многихъ отношеніяхъ сходится съ Байрономъ; прежде всего онъ близокъ къ нему по своей субъективности, потомъ по испытательному, лихорадочному, безпокойному уму, вѣчно ищущему новаго пути, по которому никто еще не шелъ; всего же больше онъ приближается къ нему своимъ скептицизмомъ относительно зла.

Трудно сказать, съ какою охотою этотъ неутомимо-аналитическій умъ, вѣчно ищущій борьбы съ невозможностями, погружался въ мрачную глубину совѣсти, представляющей столько предметовъ для наблюденія, столько неизъяснимыхъ стремленій. Привыкнувъ доходить во всемъ до логическихъ заключеній, онъ старался оправдать послѣдствія сверхъестественныхъ вліяній, стоящихъ внѣ предѣловъ человѣческаго произвола и низвести ихъ до простыхъ логическихъ основаній. Таково значеніе его «Духа лжи». Элементъ зла является въ ро-

ля искусителя ad hoc, потому что управляетъ не общею дѣятельностію человѣка, но исключительными его поступками. Поэ дѣлаетъ различіе между влеченіями первороднаго грѣха, по которому зло часто считается добромъ, отъ страсти дѣлать зло ради самаго зла. Въ примѣръ приводитъ человѣка, который стоитъ на краю пропасти. «Въ природѣ, говоритъ онъ, ни что не возбуждаетъ болѣе неукротимаго и бѣшенаго желанія, какъ глубина бездны. Задуматься въ эту минуту на одно мгновеніе, значитъ неминуемо погибнуть, потому что разсудокъ заставитъ васъ сдѣлать шагъ назадъ, а тутъ и безъ-того желаніе является въ прямомъ противорѣчіи чувству самосохраненія; что́ же будетъ, если къ этому присоединится еще возможность поступить наперекоръ рузсудку. Кто не въ силахъ противиться искушенію, тому не миновать гибели». Очевидно, что понятіе о такомъ возмущаемомъ душу элементѣ зла вытекаетъ изъ явленій слабости воли, точно также какъ прежде задача состояла въ изображеніи ея силы.

Небольшой разсказъ или повѣсть «Черная кошка» достоинъ особеннаго вниманія. Въ основаніи его лежитъ та глубокая физіологическая истина, что пьянство есть самая гибельная нравственная болѣзнь. Вообще, въ разсматриваемыхъ нами теперь новеллахъ, наряду съ идеей зла, является чувство совѣсти, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, составляющее нравственную сторону теоріи духа лжи, связующее нераздѣльно наказаніе съ виновностію, подобно ядру, прикованному къ ногѣ каторжника и слѣдующему за нимъ на каждомъ шагу. Совѣсть является такимъ образомъ какою-то игрушкою, чѣмъ-то въ родѣ мячика для развлеченія дьявола, во всякомъ случаѣ—клинъ выбивается клиномъ, справедливость удовлетворена, а въ этомъ-то и все дѣло. «Человѣкъ толпы»—это преступникъ, который повсюду носитъ съ собою тайну своего преступленія; не знаетъ онъ сна и отдохновенія, и, что всего ужаснѣе, не можетъ ни на минуту остаться съ самимъ собою. «Вильямъ Вильсонъ» преслѣдуется своимъ двойникомъ, кокорый вездѣ разглашаетъ его преступленіе. Въ «Черной кошкѣ» убійца проболтался какъ пьяный; въ «Обличающемъ сердцѣ» убійца считаетъ свое преступленіе извѣстнымъ всякому и тѣмъ открываетъ себя. Дѣло ясное, что Поэ вездѣ изображаетъ себя самого. Въ «Вильямѣ Вильсонѣ» онъ описываетъ время, проведенное имъ въ пансіонѣ доктора Bransby, потомъ свою безпорядочную жизнь въ университетѣ. Безъ сомнѣнія, многія подробности тутъ преувеличены, но общій тонъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ раскаяніи человѣка,

который черезчуръ во многомъ обвиняетъ самого себя, чтобы не быть обвиненнымъ другими. «Человѣкъ толпы»—это онъ самъ по смерти Виргиніи, оставленный всѣми, но тщетно избѣгающій страшнаго общенія съ самимъ собою. Въ «Черной кошкѣ» онъ изображаетъ послѣдствіе пьянства съ отчаяніемъ человѣка, который лишенъ уже возможности устоять на роковой покатости, ведущей прямо къ помѣшательству ума. «Кто не испыталъ помѣшательства ума, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, тому не могутъ являться чудные замки, тотъ не въ состояніи разглядѣть въ пламени догорающаго пожара нѣчто странное, но давно ему знакомое, тотъ не замѣчаетъ въ пространствѣ задумчивыхъ видѣній, непримѣтныхъ людямъ обыкновеннымъ, тотъ не остановится въ раздумьи надъ благоуханіемъ какого-нибудь неизвѣстнаго цвѣтка, тому недоступны и сладостныя вліянія невѣдомой мелодіи.»

Нельзя не удивляться силѣ фантазіи, создавшей «Беренику» и «Паденіе фамиліи Угеровъ (Uher)» и еще нѣсколько меньшихъ новеллъ въ томъ же духѣ. Повидимому, какой-то душевный вампиризмъ управляетъ выводимыми на сцену лицами, которыя движутся въ рамкахъ довольно тѣснаго горизонта, покрытаго чреватыми бурей тучами, среди удушливой и тяжелой атмосферы, пропитанной сѣрными или гнилыми испареніями. Видимые будто въ туманѣ образы похожи на неясныя воспоминанія изъ другаго міра, которыя явились во снѣ, гнетутъ грудь, сдавливаютъ дыханіе и пугаютъ воображеніе даже послѣ пробужденія. Тутъ вездѣ уже меньше ясности и логической точности, и мы напрасно стали бы допрашивать автора, на какомъ основаніи, по какой необходимости Августъ Бедло (Bedloe) возвратился къ жизни или Берлифицингъ превратился въ лошадь. Послѣдняя легенда ужасно выше всякаго выраженія. Впечатлѣніе ужаса обусловливается не столько изображеніемъ, сколько загадочностію идеи, которая ведетъ читателя неизвѣстно куда. Мысль тутъ работаетъ больше, чѣмъ, быть можетъ, хотѣлъ этого самъ авторъ.

Ненасытное стремленіе къ изслѣдованію всего, что стоитъ за предѣлами обыкновенныхъ условій жизни, довело Поэ до крайности, до желанія открыть прекрасное въ ужасномъ, наконецъ въ самомъ безобразіи. Въ числѣ новеллъ этого рода нѣкоторыя, напр. «Колодезь и коромысло», «Явленіе красной смерти» и «Найденная въ бутылкѣ рукопись» служатъ образомъ картинности изображенія. Послѣдняя новелла отличается еще своимъ относительнымъ правдоподобіемъ, опи-

рающимся на томъ научномъ предположеніи, что въ океанѣ существуетъ стремленіе къ полюсамъ воды, исчезающей тамъ въ пропастяхъ земныхъ. Идея всего разсказа имѣетъ тѣсную связь съ извѣстною легендою о проклятомъ кораблѣ, вѣчно блуждающемъ по морямъ. Нѣкто, потерпѣвшій крушеніе, спасается на этомъ плавающемъ призракѣ, на которомъ продолжаетъ путь къ полярнымъ предѣламъ, не посѣщеннымъ никѣмъ изъ смертныхъ. Эта мысль принадлежитъ къ числу любимѣйшихъ у Поэ. Онъ обширно развилъ ее въ другой повѣсти, подъ заглавіемъ: «Приключенія Артура Гордона Пима (Рут).»

Въ послѣднихъ новеллахъ преобладаетъ элементъ юмористическій. Это похоже на аномалію въ произведеніяхъ такого серіознаго писателя и дѣйствительно является аномаліей тамъ особенно, гдѣ юморъ соединяется съ ужаснымъ. Какъ-то не ловко приходится читателю. Юморъ у Поэ похожъ на оскалившую зубы пантеру. Забавное у него кажется чѣмъ-то невѣроятнымъ. Намъ былъ бы очень непріятенъ сюрпризъ, еслибы мы вдругъ замѣтили улыбку на устахъ сфинкса, который въ теченіи сорока вѣковъ молчалъ угрюмо. Въ самомъ дѣлѣ, что-то ненатуральное проглядываетъ въ этомъ капризномъ, ѣдкомъ юморѣ. Возьмемъ для примѣра меньше другихъ потрясающую и относительно даже забавную повѣсть: «Четыре животныхъ въ одномъ лицѣ.» Это Антіохъ Эпифанъ, торжественно празднующій счастливое истребленіе собственною рукою многихъ тысячъ Израильтянъ. Онъ поетъ похвальную пѣснь въ честь своей храбрости; его провозглашаютъ великимъ поэтомъ и украшаютъ чело его олимпійскимъ вѣнкомъ. Переодѣтый жирафомъ, онъ шествуетъ величественно по городу. Ему сопутствуетъ приличный кортежъ, состоящій изъ льва, тигра и леопарда, которымъ разрѣшено съѣсть кого угодно по выбору. Но тутъ случилось то, чего онъ вовсе не ожидалъ: придворнымъ вздумалось отвѣдать—вкусенъ ли самъ жирафъ. Они бросаются на великаго поэта, который съ трудомъ спасается въ ипподромѣ. Такое доказательство быстроты ногъ возбуждаетъ въ народѣ рукоплесканія,—присуждается побѣдителю въ бѣганіи новый лавровый вѣнокъ.

Единственный разсказъ, отличающійся спокойнымъ и искреннимъ юморомъ—это «Бесѣда съ муміей.» Авторъ воспользовался вѣрованіемъ древнихъ Египтянъ, по которому душа не разлучается съ тѣломъ до совершеннаго разрушенія послѣдняго. Впрочемъ, бальзамированный египетскій князь былъ погруженъ только въ летаргическій сонъ;

мозгъ и внутренности не были вынуты. Нечего удивляться, что, вслѣдствіе чудныхъ гальваническихъ вліяній, жизнь возвращается къ нему и что затѣмъ всю ночь, до 4-хъ часовъ утра, онъ очень пріятно разсуждаетъ о политикѣ и другихъ суетныхъ предметахъ, покуривая сигару и попивая вино. Весь разсказъ, при видимой своей шутливости, отличается глубоко-научными подробностями и составляетъ переходъ къ другимъ новелламъ, въ которыхъ юморъ опять сокрытъ подъ видомъ научной серіозности. Мы говоримъ о тѣхъ геніальныхъ шалостяхъ Поэ, въ которыхъ онъ забавляется гипотезами и возможностями, дѣлая изъ нихъ нѣчто полное жизни и силы. Примѣръ мы видѣли уже въ странномъ приключеніи съ Вольдемаромъ. Разсказъ «Путешествіе на аэростатѣ» надѣлалъ такого шума, какой возможенъ лишь въ Америкѣ. Одинъ изъ нью-іоркскихъ журналовъ, въ которомъ разсказъ этотъ былъ напечатанъ, собралъ огромныя деньги. Во всемъ собраніи новеллъ Поэ нѣтъ пуфа болѣе, такъ сказать, американскаго. Собственно это дневникъ переѣзда чрезъ Атлантическій океанъ въ продолженіе 65-ти часовъ, на вновь-изобрѣтенномъ аэростатѣ, снабженномъ особымъ механизмомъ для управленія имъ по произволу. До напечатанія самаго разсказа, въ журналѣ явилась реклама съ восклицательными знаками, напечатанная крупнымъ и отборнымъ шрифтомъ. Это обстоятельство и породидо бы у насъ подозрѣніе, въ Америкѣ же возбудило вниманіе милліона людей *на нѣсколько часовъ*, а извѣстно, что значитъ тамъ нѣсколько часовъ исключительнаго вниманія. Еще болѣе колоссальное желаніе одушевляетъ «Ганса Пфааля»—онъ хочетъ достигнуть луны. Всего удивительнѣе, что это ему удается, а еще удивительнѣе, что онъ нашелъ возможность описать свое путешествіе и переслать описаніе на землю подъ адресомъ своего роднаго города. Все это обработано превосходно, въ тонѣ самомъ серіозномъ, сдѣлано все, чтобы придать видъ правдоподобія невозможному.

Заключимъ нашъ разборъ общимъ замѣчаніемъ. При всей своей извѣстности и популярности, Поэ не создалъ новой школы. Впечатлѣніе его сочиненій имѣло характеръ рекламы въ обширныхъ размѣрахъ. Извѣстность его распространилась особенно по смерти, но не надолго, потому что онъ не высказалъ ясно требованій своего времени. Тѣмъ не менѣе онъ явился ни раньше, ни позже своего времени. Тайна въ томъ, что онъ меньше занимался

тѣмъ, что есть, чѣмъ тѣмъ, что можетъ быть. Міръ его — не здѣшній міръ. Въ каждомъ обществѣ, въ каждой странѣ онъ былъ бы чужой. Онъ искалъ исключеній и загадокъ, потому что самъ былъ и то, и другое. Онъ увлекался идеями возможностей, потому что сферу такихъ идей онъ считалъ своею родной сферой. Созданія фантазіи имѣли для него значеніе дѣйствительности. Мы старались повозможности разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Странныя муки, исключительность воззреній, отчаяніе желаній служатъ содержаніемъ этой безпокойной души. О человѣкѣ этомъ говорятъ, что онъ падалъ—но кто осмѣлится осудить его? Позвольте въ заключеніе еще разъ привести отрывокъ изъ сочиненій этого геніальнаго безумца, довѣрявшаго мечты свои только самому себѣ. Нѣчто поразительное дышетъ въ этой грустной элегіи, воспоминающей о лучшемъ и невозвратномъ времени. Называется она «Невидимый замокъ».

«Среди прекрасной долины, обитаемой добрыми духами, нѣкогда возвышался красивый и величественный замокъ, весь облитый огнями. Это было въ землѣ царицы Мысли.

«Проходя по этой счастливой долинѣ, странникъ могъ видѣть въ освѣщенныхъ окнахъ толпу добрыхъ духовъ, которые въ порядкѣ двигались вокругъ трона величественной царицы, при звукахъ гармонической лютни».

«Ворота прекраснаго замка блистали слоновою костью и кораллами, тысячное эхо неслось изъ воротъ, громко прославляя разумъ и мудрость царицы».

«Но сыны проклятія дерзнули возстать противъ ея власти. Да льются же слезы. Свѣтъ завтрашняго дня не взойдетъ уже для этой несчастной. Даже слава ея теперь сохраняется лишь въ туманныхъ воспоминаніяхъ о прежнихъ, погибшихъ дняхъ».

«Проходя долину, и нынѣ странникъ видитъ, сквозь багровыя окна, какія-то существа неопредѣленнаго вида, безпорядочно блуждающія при дисгармоническихъ звукахъ; въ заплеснѣвѣлыхъ дверяхъ толпится чудовищное скопище, съ хохотомъ; оно уже не умѣетъ улыбаться».

Какая глубокая грусть слышится въ этомъ отрывкѣ! Освѣщенный замокъ, прежде величественный, а теперь полуразрушенный и

посѣщаемый злыми привидѣніями—увы! это душа нашего поэта. Это онъ не умѣетъ больше улыбаться и потому припужденъ саркастически хохотать. А все-таки и теперь, какъ прежде, онъ живетъ въ зеленой долинѣ надежды...,

Е. ЛОПУШИНСКІЙ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Что дѣлается въ провинціяхъ?—Характеристика Губернскихъ Вѣдомостей и бѣдность содержанія ихъ.—Правительственныя распоряженія: совѣтъ министровъ. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Акціонерныя компаніи; общество вспомоществованія чиновникамъ въ г. Харьковѣ; общество страхованія отъ огня.—Почему не удаются наши общества?—Предотвращеніе притѣсненій рабочаго класса на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири.—Смерть Н. А. Добролюбова и И. С. Никитина.—Назначеніе князя Суворова генералъ-губернаторомъ С. Петербурга и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній.

Еслибъ я обладалъ даромъ предсказанія, мнѣ было бы гораздо интереснѣе заниматься оцѣнкой грядущихъ событій, говорить о томъ, что̀ случится въ будущемъ, чѣмъ серьезно относиться къ современнымъ явленіямъ. Для серьезнаго и критически-вѣрнаго сужденія о текущихъ событіяхъ, у меня нѣтъ ни одного условія—ни проницательнаго взгляда на вещи, ни строгаго принципа, ни ловкой діалектики, ни даже основательной логики; а между тѣмъ всѣ эти качества, столь необходимыя лѣтописцу, должны быть непремѣннымъ его достоинствомъ. Иногда я даже завидую академической прозѣ г. Громеки и классическимъ стихамъ нашего московскаго Пиндара, князя Вяземскаго: о, Господи, думаю я себѣ, почему я не могу говорить о маленькихъ, самыхъ крошечныхъ вещахъ такъ торжественно, какъ эти два глубокомысленные мужи; почему не вдохновляютъ меня ни доктринерство г. Чичерина, ни историческое изслѣдованіе «о доносахъ и доносчикахъ» г. Щебаль-

скаго, ни дворянскіе выборы, ни земскія повинности, на витійство г. Аксакова, ни слезоточивая муза г. Кускова. Для моихъ товарищей по ремеслу жизнь принимаетъ размѣры океана, гдѣ каждая волна несетъ за собой несмѣтныя богатства, гдѣ привольно плаваютъ корабли съ драгоцѣнными грузомъ, гдѣ нѣтъ ни подводныхъ камней, ни бурь, ни затишья; а на мой взглядъ та же жизнь представляется муравейникомъ, гдѣ копошатся чуть замѣтныя животныя, подстрекаемыя въ своихъ микроскопическихъ интересахъ или голодомъ или жаждой добычи. Ну скажите, мой милый читатель, на что послужили бы мнѣ, при моемъ узенькомъ воззрѣніи на окружающіе предметы, ясный умъ, глубокая критика и тому подобныя украшенія человѣческаго мозга? Напрасно вы стали бы думать, что я не способенъ заговорить разумно, убѣдительно и тепло; но прежде дайте мнѣ такіе вопросы, которые вызвали бы меня на горячее слово или на искреннее сочувствіе правдѣ...... Вотъ уже во второй разъ я отправляюсь въ провинцію за свѣжими впечатлѣніями, и ничего путнаго не выношу оттуда. Въ прошлый разъ я поѣхалъ самъ, чтобъ лично видѣть и слышать все, что происходитъ тамъ, на этой новой планетѣ, — и возвратился ни съ чѣмъ,—такъ-таки положительно ни съ чѣмъ; хотѣлъ я познакомиться и съ провинціальной литературой, и съ земскими дѣлами, и съ экономическимъ бытомъ крестьянина; любопытно мнѣ было заглянуть къ нему и на овинъ, и въ закромы, и въ избу; желалъ я посмотрѣть на него, когда онъ стоитъ передъ становымъ приставомъ, передъ губернскимъ правленіемъ, то по колѣна въ грязи на сѣверной дорогѣ, то на холодномъ вѣтру открытаго поля въ дырявомъ зипунишкѣ; желалъ я потолкаться и между предержащими властями, распросить о ихъ житьѣ бытьѣ, — о томъ, какъ они пробавляются безгрѣшными доходами, какъ приращаютъ свои семейства и чины, какъ поигрываютъ и попиваютъ, однимъ словомъ, многое хотѣлось мнѣ узнать, и ничего не узналъ. Сквозь чисто-растительную жизнь, столь пріятную на огородахъ и столь незанимательную въ человѣческихъ обществахъ, я не могъ разсмотрѣть ни сильныхъ характеровъ, ни оригинальныхъ личностей, ни плодотворныхъ стремленій. Все идетъ тихо, мирно, все благоденствуетъ попрежнему.

На этотъ разъ, не ломая себѣ шеи и боковъ по нашимъ проселочнымъ закоулкамъ, я остаюсь въ Петербургѣ и наблюдаю за провинціальной дѣятельностію по Губернскимъ Вѣдомостямъ. Но если путешествіе по топкимъ болотамъ и сибирскимъ тундрамъ

крайне неудобно и утомительно-однообразно, то чтеніе губернскихъ вѣдомостей еще монотоннѣе и скучнѣе. Нѣкоторыя изъ нихъ, даже по своему внѣшнему виду, скорѣе походятъ на печатныя хлопки, чѣмъ на бумагу, оттиснутую типографскимъ станкомъ; такъ, напримѣръ, Таврическія, Енисейскія, Астраханскія, Томскія и Пермскія безпощадно рябятъ въ глазахъ своимъ подслѣповатымъ шрифтомъ и оберточной бумагой. Ясно, что отсутствіе бумажныхъ фабрикъ и хорошихъ типографій лишаетъ возможности отдаленные губернскіе города улучшить матеріальную часть своихъ изданій. Что же касается ихъ внутренняго содержанія, то послѣ обыкновенной офиціальной рубрики, наполненной распоряженіями губернскихъ властей, собственно литературный отдѣлъ такъ тощъ и невзраченъ, что иногда невольно подумаешь: да мыслятъ ли о чемъ нибудь въ нашихъ провинціяхъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ и Москва разсуждаютъ, творятъ и пишутъ на всю Россію, какъ привиллегированная машина Вайта выдѣлываетъ шерстяные носки и рубашки чуть-ли не на всю Англію? Иногда попадаются статьи, достойныя, по своему цвѣту, XVII вѣка или блаженной памяти попа Сильвестра. Такъ, въ № 48 Новгородскихъ Вѣдомостей встрѣтилось намъ слѣдующее разсужденіе, по поводу вопроса о бродягахъ, не помнящихъ родства: «При ожиданіи добрыхъ послѣдствій отъ юридическихъ реформъ, возникаетъ вопросъ—очистится ли нашъ народъ отъ многаго дикаго, варварскаго, составляющаго парадоксъ отсутствія (sic) здраваго смысла въ его юридическомъ быту? *Этотъ самый народъ когда-то выдумалъ судебные поединки, слово и дѣло, и прочее тому подобное, достойное вѣковъ варварства и народа неразвитаго.* Отъ всего этого онъ избавился закономъ; наше большинство не разсуждаетъ, и потому у насъ всѣ благія реформы, какъ говорятъ, исходятъ сверху; одинъ законъ, одна власть можетъ указать ему на недостатки, заблужденія, и *просто запретить ему заблуждаться*». Мы не знаемъ, перепечатка-ли это изъ какого нибудь столичнаго журнала или плодъ собственнаго новгородскаго генія, но во всякомъ случаѣ отвѣтственность за мнѣніе принимаетъ на себя редакція. А мнѣніе, приведенное нами, поражаетъ своей нелѣпостью. Ничего не можетъ быть хуже, какъ клеветать на народъ, у котораго нѣтъ средствъ оправдать себя противъ литературнаго обвиненія. Говорить, что народъ выдумалъ судебные поединки, *слово и дѣло*,—это значитъ не знать ни его исторической судьбы, ни его современнаго положенія; кому же неизвѣстно, что народъ не участвовалъ въ состав-

леніи законовъ и уложеній, что его не спрашивали о томъ, какая мѣра наказаній и въ какомъ видѣ судебная расправа должна примѣняться къ тому или другому преступленію; юридическія понятія развились помимо его совѣщаній и жизненныхъ опытовъ;.. онъ не изобрѣталъ ни пытокъ, ни застѣнковъ, ни кнута, ни дыбы, онъ не зналъ, и до сихъ поръ не знаетъ, откуда и зачѣмъ заимствованы нѣмецкія ордаліи или византійскія номоканоны: государственная система и народная жизнь никогда и нигдѣ не слагались по одному образчику и въ одинаковыхъ формахъ. Еще страннѣе думать, что можно *запретить заблуждаться.*

Въ наше время, когда человѣческія отношенія къ природѣ и къ обществу стали немного выясняться, было бы грубѣйшимъ деспотизмомъ—прилагать запретительную систему къ умственному развитію народа: такое насиліе физическое невозможно не только въ примѣненіи его къ націи, но и къ отдѣльному лицу. Желалъ бы я знать, какимъ образомъ можно запретить мнѣ бояться загробныхъ привидѣній, домовыхъ и оборотней? Какая власть и какими средствами могла бы заставить меня измѣнить мой образъ мыслей и чувствъ, дѣйствуя на нихъ не силой образованія и убѣжденія, а уставами и кодексами? Пора, кажется, понять, что заблужденія народа и его темныя понятія искореняются только по мѣрѣ нравственнаго развитія всей страны; здѣсь кстати мы не можемъ обойдти молчаніемъ очень забавнаго замѣчанія, сдѣланнаго намъ г. Костомаровымъ въ его отвѣтѣ г. Крестовскому (*). Профессоръ, перетолковавъ на свой ладъ слово *искоренять*, совѣтуетъ намъ не употреблять крутыхъ мѣръ въ дѣлѣ развитія народа, не лишать его ни пѣсенъ, ни сказокъ, какъ бы они ни были глупы. Когда и гдѣ мы выразили такое намѣреніе, когда и гдѣ Русское Слово хоть одной строчкой коснулось такой тенденціи? Вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ читателей, ни самъ г. Костомаровъ не укажутъ. Остается поблагодарить его за совѣтъ, который впрочемъ можно дать, даже не учась въ семинаріи.

Но возвратимся къ нашимъ наблюденіямъ провинціальной жизни. Разсматривая неофиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей, мы часто находимъ великолѣпные проблески народнаго ума, прекрасныя свойства его души, и въ то же время потрясающіе факты, въ родѣ слѣдующихъ: «Въ уѣздѣ Ирбитскомъ, 5 числа сентября сего года, кресть-

(*) Журналъ «Основа», кн. 8.

янка Ветчинина, возвращаясь съ поля, усмотрѣла въ лѣсу мертваго человѣка, повѣшеннаго на березѣ, который оказался безсрочно-отпускнымъ рядовымъ Николаемъ Потанинымъ, 27 лѣтъ. Внутренности этого человѣка найдены повѣшенными надъ его трупомъ, у котораго правой руки, груди и плеча не оказалось, а мясо на шеѣ объѣдено. Въ Осинскомъ уѣздѣ, 15 числа того же мѣсяца и года крестьянинъ Базарскаго завода, отправившійся для поимки бѣглыхъ, найденъ въ лѣсу мертвымъ безъ знаковъ насильственной смерти». (Пермскія Губ. Вѣдом. № 46). Въ большей части публикуемыхъ убійствъ играетъ роль или бѣдность, развращающая человѣка до степени злодѣя или семейный деспотизмъ, искажающій естественныя отношенія между мужемъ и женой, между отцомъ и дѣтьми, между братьями и сестрами. Эта черта рѣзко отразилась на всей жизни нашего народа, и въ особенности на его домашнемъ быту. Само собою разумѣется, что насильственные браки служатъ главнымъ источникомъ семейныхъ антипатій, ненавистей и преступленій. Въ этомъ отношеніи Губернскія Вѣдомости представляютъ намъ даже романтическія происшествія; такъ Иркутская газета разсказываетъ слѣдующее грустное событіе: «Рабочій Степановскаго пріиска, крестьянинъ маріинскаго округа, Василій Трофимовъ, заманивъ къ себѣ жену поселенца нижнеудинскаго округа, Домну Голубеву, имѣвшую отъ роду 20 лѣтъ, нанесъ ей 8 ранъ, подготовленнымъ имъ къ тому ножикомъ; вслѣдъ затѣмъ перерѣзалъ себѣ горло и сдѣлалъ раны въ грудь и животъ. Голубева въ тотъ же день отъ нанесенныхъ ей ранъ умерла. Трофимовъ же послѣ оказанія медицинскихъ пособій подаетъ надежду на скорое выздоровленіе». (№ 43). По собственному сознанію Трофимова оказалось, что любовь его къ Домнѣ Голубевой была побужденіемъ къ этому злодѣянію; онъ не встрѣтилъ или потерялъ взаимное сочувствіе къ нему любимой имъ женщины и хотѣлъ погибнуть съ ней вмѣстѣ.

Но нигдѣ прошлые мѣсяцы не были такъ тяжелы для провинціи, какъ въ Тамбовѣ; рискуя утомить читателя нашими выписками, мы однакожъ повторимъ здѣсь буквально разсказъ Тамбовской Вѣдомости, сохраняя тѣмъ полную его достовѣрность». Въ теченіе іюля мѣсяца, говоритъ офиціальный органъ, было 25 пожаровъ, отъ которыхъ сгорѣло 270 дворовъ; изъ нихъ четыре сгорѣли отъ грозы. Въ томъ же мѣсяцѣ утонули 34 человѣка, громомъ убито 6, умерло внезапною смертію 22, удавился одинъ, найдено мертвыхъ тѣлъ 7, подкинуто

младенцевъ 2. Въ августѣ мѣсяцѣ было 11 пожаровъ, отъ которыхъ сгорѣло 73 двора; изъ нихъ одинъ отъ грозы. Утонуло 11 человѣкъ, умерло внезапною смертію 24. Удавилось 3; найдено мертвыхъ тѣлъ 3, подкинуто младенцевъ 6. Кромѣ того градомъ побито разнаго хлѣба болѣе 400 десят. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пожаровъ было 16; умерло внезапною смертію 31; найдено мертвыхъ тѣлъ 4, подкинуто младенцевъ 4. Кромѣ того случилось 2 убійства и одно самоубійство. (Тамбов. Губерн. Вѣдом. № 46).

Чувствую, что я далеко не удовлетворилъ любопытство моего читателя сухими данными, но что́ же мнѣ дѣлать? Я охотно передалъ бы самыя мелкія подробности нашей провинціальной жизни, съумѣлъ бы нарисовать яркую картину дѣятельности по всѣмъ сферамъ человѣческаго труда, движеніе путешественниковъ по всѣмъ направленіямъ желѣзныхъ дорогъ, промышленную предпріимчивость, возрастаніе частнаго и общественнаго богатства, цвѣтущія нивы и роскошные сады, миръ и счастіе въ семейномъ кругу, однимъ словомъ, я создалъ бы земной рай на страницахъ этого журнала, но Губернскія Вѣдомости очень скупы на подобныя извѣстія; онѣ молчатъ, и я съ ними принужденъ молчать. Не выдумывать же Эдемъ, когда его нѣтъ въ дѣйствительности.

Обращаясь затѣмъ къ движенію нашего законодательства и администраціи, въ послѣднее время, укажемъ на состоявшееся недавно высочайшее повелѣніе объ учрежденіи совѣта министровъ и о порядкѣ движенія дѣлъ въ ономъ. Сущность означеннаго высочайшаго повелѣнія объ учреждаемомъ нынѣ совѣтѣ министровъ заключается въ слѣдующемъ:

Государь Императоръ, имѣя въ виду, что кромѣ дѣлъ государственнаго управленія, требующихъ высочайшаго разрѣшенія или утвержденія, и представляемыхъ Его Величеству чрезъ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и другія высшія государственныя учрежденія, есть много дѣлъ, по существу своему представляемыхъ Его Императорскому Величеству непосредственно министрами и главноуправляющими отдѣльными частями государственнаго управленія, — изволилъ признать полезнымъ, для соблюденія общей системы и единства при разрѣшеніи дѣлъ сего рода, подвергать предварительному, въ высочайшемъ присутствіи Государя Императора, обсужденію и разсмотрѣнію всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, кои, по роду ихъ, требуютъ общаго соображенія.

Въ сихъ видахъ, Его Императорское Величество изволилъ учредить, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Своимъ, особый, изъ министровъ и главноуправляющихъ, совѣтъ для исключительнаго разсмотрѣнія въ высочайшемъ присутствіи Его Величества всѣхъ подобнаго рода дѣлъ.

Совѣтъ министровъ составляется подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества изъ всѣхъ министровъ и тѣхъ главноуправляющихъ отдѣльными частями государственнаго управленія, кои пользуются правами министровъ и присутствуютъ на этомъ основаніи въ комитетѣ министровъ.

Въ совѣтѣ министровъ присутствуютъ и другія лица по непосредственному назначенію Его Императорскаго Величества.

При всѣхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ присутствуетъ государственный секретарь. Ему предоставляется по всѣмъ предметамъ, касающимся законодательныхъ вопросовъ, представлять свѣдѣнія, заимствованныя изъ дѣлъ государственнаго совѣта, и свои соображенія, на этихъ свѣдѣніяхъ основанныя.

Если по разсмотрѣніи дѣла въ совѣтѣ министровъ Государю Императору благоугодно будетъ постановить окончательное по оному рѣшеніе, то высочайшая резолюція пишется самимъ министромъ, по принадлежности, на его докладѣ.

Если Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ, не постановляя въ совѣтѣ министровъ окончательнаго по дѣлу рѣшенія, обратить дѣло къ ближайшему обсужденію внѣ высочайшаго присутствія, то для сего составляется особое совѣщательное собраніе или коммиссія изъ членовъ совѣта или комитета министровъ или лицъ, Государемъ Императоромъ особо для сего назначаемыхъ. Въ семъ собраніи, или коммиссіи предсѣдательствуетъ старшій изъ членовъ. О результатахъ совѣщаній представляются Его Величеству краткія меморіи чрезъ завѣдывающаго дѣлами совѣта министровъ. Высочайшія резолюціи, на меморіяхъ послѣдовавшія, объявляются членамъ, участвующимъ въ совѣщаніи, и подлежатъ исполненію порядкомъ, выше сего изъясненнымъ, кромѣ случая, когда Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь обсудить дѣло въ Своемъ присутствіи въ совѣтѣ министровъ.

Правилами сими нисколько не измѣняется порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и другихъ

высшихъ учрежденіяхъ, кои сохраняютъ настоящій кругъ занятій и порядокъ дѣлопроизводства на прежнемъ основаніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество, признавая полезнымъ, въ видахъ сокращенія переписки, уменьшить число дѣлъ и облегчить, по возможности, правила и формы дѣлопроизводства, какъ въ комитетѣ министровъ, такъ и вообще въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, высочайше соизволилъ поручить, какъ комитету, такъ и всѣмъ вообще министрамъ и главноуправляющимъ, каждому по своей части, составить подробныя по этому предмету соображенія, кои и внести на высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Сокращеніе дѣлопроизводства по министерствамъ и главнымъ управленіямъ Государь Императоръ изволитъ признавать особенно необходимымъ съ тою еще цѣлію, чтобы не обременять министровъ множествомъ дѣлъ, неимѣющихъ достаточной важности и отнимающихъ у нихъ всякую возможность обращать своевременно надлежащее вниманіе на дѣла важныя и направлять ихъ съ тою настойчивостью, которой они требуютъ.

Заносимъ также въ нашу Лѣтопись актъ обновленія силъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Взамѣнъ принятаго обществомъ въ 1857 г. обязательства устроить четыре линіи: варшавскую съ вѣтвью до прусской границы, московско–нижегородскую, московско-ѳеодосійскую и орловско-либавскую, — нынѣ оно освобождено отъ обязательства устроить линіи ѳеодосійскую и либавскую, а для окончанія линіи варшавской и нижегородской, съ вѣтвью въ Пруссію даны обществу воспособленія. Гарантія правительства на полученіе дохода съ 112. 359,625 р. составляющихъ капиталъ общества, попрежнему остается. Эта громадная цифра состоитъ изъ акцій и облигацій, выпущенныхъ обществомъ; куда же потратило общество собранныя деньги, если оно не могло окончить ни одной линіи, согласно обязательству. Если общество ошиблось въ расчетѣ, т. е. съ помощію своихъ инженеровъ и своего управленія каждая постройка обходилась ему дороже смѣты, то во всякомъ случаѣ едва-ли общество хорошо сдѣлало, что обратилось съ просьбою къ русскому правительству о субсидіяхъ и объ облегченіи принятыхъ обществомъ обязательствъ. Общество такъ тщательно заботилось всегда о сохраненіи къ себѣ довѣрія, а подобные факты напротивъ способны подорвать довѣріе, въ особенности на вліятельныхъ европейскихъ биржахъ. Наше милостивое правительство, несмотря на застой въ нашей вну-

трепцей и внѣшней торговлѣ, удовлетворило общество, но въ другой разъ подобной милости можетъ и не быть; а между тѣмъ поведеніе общества вовсе не ручается за то, чтобы оно и на будущее время было точно въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Общество желѣзныхъ дорогъ можетъ похвалиться тѣмъ, что оно счастливѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ акціонерныхъ обществъ; но всѣ эти данныя мало цѣнятся въ торговомъ и акціонерномъ дѣлѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ и то, что бумаги общества желѣзныхъ дорогъ, несмотря на сдѣланныя ему льготы, остаются въ прежнемъ положеніи, т. е. безъ повышенія въ цѣнѣ.

Акціонерная горячка, которая такъ эпидемически свирѣпствовала въ Россійскомъ государствѣ въ послѣдніе годы, сильно охладила предпріимчивость русскаго человѣка, который имѣетъ привычку: *обжегшись на молокѣ, и на воду дуть*, и потому сидитъ теперь на своемъ сундукѣ, какъ мольеровскій скряга, затрудняя тѣмъ общій ходъ денежныхъ и торговыхъ дѣлъ. А между тѣмъ въ Петербургѣ есть отрасль акціонерной дѣятельности, которая всегда можетъ дать вѣрную и хорошую прибыль, это постройка домовъ для недостаточнаго населенія Петербурга. Блистательное доказательство этому даетъ существующее «Общество для улучшенія помѣщеній недостаточнаго населенія». Оно отстроило домъ, въ которомъ квартиры съ дровами, водой и прочими принадлежностями домашняго быта, отъ одной до трехъ комнатъ, будутъ стоить отъ 7 до 12 р. 50 к. сер., тогда какъ всякій бѣдный житель Петербурга тратитъ почти такую же сумму только на воду и дрова. Отъ такого дома общество имѣетъ доходъ не менѣе вѣрнѣй, какъ и отъ четырехъ и пятипроцентныхъ бумагъ, во-первыхъ потому, что доходъ не колеблется, а во-вторыхъ—и самый капиталъ общества превращенъ въ недвижимую собственность, цѣнность которой не имѣетъ никакихъ причинъ понизиться. Еслибы четвертая доля всего числа петербургскихъ домовъ выстроена была по той же системѣ, по которой выстроенъ домъ означеннаго общества, то и тогда осталось бы еще много для дѣятельности подобныхъ обществъ, и радикально измѣнило бы злоупотребленіе домовладѣльцевъ, возвышающихъ цѣны на квартиры; а въ томъ, что здѣсь дѣйствуетъ злоупотребленіе, а не какой-либо экономическій законъ, нельзя и сомнѣваться, имѣя предъ глазами живое доказательство, что нетолько прежде, но и теперь выстроенный домъ можетъ приносить хорошій доходъ при самыхъ умѣренныхъ цѣнахъ на квартиры, какъ въ домѣ означеннаго общества.

Подобное общество, съ подобными же предпріятіями, какъ надо было ожидать, намѣровалось созрѣть въ средѣ петербургскаго чиновничества, и даже, какъ извѣстно, происходило по этому предмету безконечное количество засѣданій съ предсѣдателями, засѣдателями, секретарями и т. п., и, наконецъ, опубликованъ былъ, кажется въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, проэктъ устава этого общества; но что дѣлается далѣе—ни слуху, ни духу. А между тѣмъ гдѣ, какъ не въ Петербургѣ, слѣдовало ожидать осуществленія чего-либо полезнаго для класса чиновниковъ. Въ какомъ городѣ еще можно найдти такую массу чиновниковъ всѣхъ разрядовъ, отъ 12 рублеваго и до 70 рублеваго жалованья въ мѣсяцъ! Несмотря на все это, Харьковъ, щедро надѣленный климатомъ и природой, и гдѣ слѣдовательно всякій окладъ жалованья, какъ бы онъ ни былъ малъ, сноснѣе, нежели подъ 59° сѣверной широты,—опередилъ Петербургъ осуществленіемъ предположенія объ учрежденіи общества для вспомоществованія чиновникамъ: 10 октября послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ Харьковѣ такого общества. По всему видно, что харьковскіе чиновники употребили въ ходъ «меньше словъ и больше дѣла» и составили очень краткій уставъ, сущность котораго мы здѣсь и приводимъ, въ назиданіе здѣшнимъ хлопотунамъ разныхъ департаментовъ, привыкшимъ пересыпать изъ пустаго въ порожнее въ дѣлахъ, касающихся ихъ личнаго и сословнаго интереса.

Харьковское общество имѣетъ главнѣйшею цѣлью вспомоществованіе чиновникамъ въ г. Харьковѣ, служащимъ и отставнымъ, равно и семействамъ ихъ, выдачею ссудъ и пособій какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, оно будетъ заботиться о доставленіи чиновникамъ и семействамъ ихъ способовъ къ образованію и приготовленію къ той дѣятельности, въ которой, по врожденному дарованію, они будутъ имѣть призваніе.

Учредители общества суть депутаты отъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Харьковѣ, а также отъ тамошнихъ: университета, попечителя учебнаго округа и конторы государственнаго банка.

Средства, составляющія вспомогательную кассу общества, суть: а) ежегодные взносы дѣйствительными членами, получающими на службѣ содержаніе, *одного процента изъ общей суммы содержанія*, и неполучающими таковаго—*одного процента со ста пятидесяти рублей*; а также единовременные вычеты трехъ процентовъ

изъ получаемыхъ дѣйствительными членами наградъ, какъ деньгами, такъ и подарками; б) добровольные взносы почетныхъ членовъ; в) постоянные взносы членовъ-вспомогателей, не менѣе 10 руб. въ годъ.

Такъ какъ подражательная способность вообще развита у русскаго человѣка, кажется, насчетъ всѣхъ остальныхъ его способностей, то можно надѣяться, что примѣру Харькова послѣдуютъ всѣ другіе города великія и малыя Россіи. А Харьковцамъ, во всякомъ случаѣ мы скажемъ, что они великіе люди на малыя дѣла.

Теперь перейдемъ къ третьему разряду нашихъ ассоціацій — къ страховымъ обществамъ. Россія, какъ кто-то замѣтилъ,—страна, по преимуществу деревянная: горитъ безпощадно, такъ что отъ цѣлаго селенія или города послѣ пожара иногда не остается ни кола, ни двора; но, несмотря на это, собственники этихъ домовъ, флигельковъ и лачужекъ, которые доставляютъ огню такую обильную пищу, мало прибѣгаютъ къ страхованію; отъ этого въ свою очередь составляется мало и страховыхъ обществъ; такимъ образомъ теряютъ всѣ, кромѣ огня. Польза и потребность страхованія такъ ясны, что, кажется, не было надобности прибѣгать ни къ какимъ соображеніямъ, ни къ собиранію «надлежащихъ данныхъ,» а просто основать какъ можно болѣе страховыхъ обществъ, или учредить взаимное страхованіе по цѣлой губерніи или даже по нѣсколькимъ губерніямъ; но проходили цѣлые десятки лѣтъ, пожары истребляли цѣлыя пристанища десятковъ тысячъ душъ, называемыя деревнями, селами и городами,—и страховыя общества не основывались, исключая двухъ-трехъ такихъ обществъ въ столицахъ, судьба которыхъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ судьбой акціонерныхъ компаній, содержащихъ на германскихъ минеральныхъ водахъ рулетки: тамъ пріѣдетъ какой-нибудь счастливецъ, загнетъ счастливо нѣсколько ставокъ, — и банкъ въ опасности, а здѣсь—подуетъ вѣтеръ во время пожара, грохнетъ десятка два-три застрахованныхъ хорошихъ домовъ, и акціи страховыхъ обществъ начинаютъ упадать въ цѣнѣ. Все это старая и знакомая пѣсня. И сколько еще лѣтъ придется русской публикѣ ее выслушивать—неизвѣстно; впрочемъ, теперь есть надежда, что необходимость и польза взаимнаго страхованія сдѣлается вопросомъ, и не на одной лишь бумагѣ, а и на самомъ дѣлѣ: по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, предложено недавно домовладѣльцамъ подумать объ учрежденіи общества взаимнаго страхованія, съ тѣмъ, что для

покрытія убытковъ, превышающихъ страховую премію, можетъ быть испрошенъ кредитъ изъ городскихъ и общественныхъ суммъ, по приговору подлежащаго общества, а гдѣ это не представляется возможнымъ, то изъ казны, въ опредѣленномъ на этотъ предметъ размѣрѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ и весьма не многихъ городахъ поймутъ, что дѣйствительно въ застрахованномъ домѣ все-таки спокойнѣе можно будетъ спать; но мы не предполагаемъ, чтобы во всѣхъ городахъ означенное предложеніе начальства оцѣнено и понято было какъ слѣдуетъ. Настоящій случай представляетъ русскому обществу вѣрное средство испробовать свою способность къ самодѣятельности; и если оно не окажется способнымъ къ образованію страховыхъ обществъ и выбору для этого дѣла такихъ уполномоченныхъ, которые привели бы его къ концу, не ограничиваясь переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее,—то тогда нужно будетъ оставить всякое попеченіе насчетъ всякихъ полезныхъ обществъ и уполномоченныхъ.

Но если у насъ нейдутъ впередъ общества, имѣющія утилитарное значеніе,—зато процвѣтаютъ музыкальныя: мы узнаемъ изъ офиціальныхъ извѣстій, что при русскомъ музыкальномъ обществѣ въ С. Петербургѣ учреждается еще музыкальное училище «для обученія музыкальному искуству во всѣхъ его отрасляхъ». Мы приходимъ къ заключенію, что музыкальныя общества—это единственныя общества, которыя могутъ плодиться въ Россіи, потому что для нихъ не нужно ни денегъ, ни предпріимчивости, ни риску, а нужны одни лишь уши...

Когда заходитъ рѣчь о несостоятельности нашихъ обществъ и компаній обыкновенно, поднимаются жалобы на отсутствіе капиталовъ, кредита взаимнаго довѣрія лицъ и неожиданной энергіи; но всѣ эти условія играютъ не болѣе, какъ второстепенную роль въ ассоціаціяхъ. Въ основаніи ихъ лежитъ соціальное чувство, и если это чувство достаточно развито, тогда легко составляется и твердо держится общественная связь; напротивъ, если оно слабо и плохо выработано, тогда никакіе капиталы и кредиты не въ состояніи соединить разрозненныя силы въ одно цѣлое: это мы видимъ на каждомъ шагу. Какихъ обществъ не перебывало на нашей землѣ, начиная отъ любителей Россійской словесности и до любителей псовой охоты, но что же новаго они внесли въ нашу жизнь и чѣмъ заключили свою дѣятельность? Одни разстроились прежде, чѣмъ основались, другіе, за неимѣніемъ единства интересовъ, расползлись въ разныя стороны и оставили по себѣ воспоминаніе, похожее на копоть, оставляемую догорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ. А между тѣмъ въ ха-

рактерѣ и въ историческихъ чертахъ русскаго народа сохранился общинный духъ, не уничтоженный никакими случайными обстоятельствами; онъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—въ мірской сходкѣ, въ рабочей артели, въ соединенномъ сельскомъ трудѣ и т. п.; у нашего крестьянина такъ глубоко скрывается это чувство, что онъ только въ крайнихъ случаяхъ раздѣляетъ семью, какъ бы она ни была велика, и выбрасываетъ изъ своей среды за околицу своего села только отъявленнаго негодяя; и наоборотъ, ничего не можетъ быть труднѣе, какъ постороннему лицу вступить въ чужую общину; только во второмъ или въ третьемъ поколѣніи оно сливается съ массой и начинаетъ жить съ ней на правахъ полнаго равенства. Но эта черта стирается тѣмъ больше, чѣмъ рѣзче проводится сословная грань, чѣмъ выше мы идемъ отъ народнаго слоя. Въ мѣщанинѣ общественнаго чувства мало, въ купцѣ еще меньше, въ чиновникѣ его вовсе нѣтъ; здѣсь каждый индивидуумъ, при всей его личной слабости, не чувствуетъ ни малѣйшаго побужденія къ ассоціаціи: chaqu'un pour soi, chaqu'un chez soi,—вотъ капитальное правило нашего такъ называемаго образованнаго класса. Причину этого разъединенія, конечно, нельзя объяснить ни простымъ человѣческимъ эгоизмомъ, ни перевѣсомъ индивидуальнаго развитія надъ общественнымъ (и то и другое довольно хило); эту причину надо искать въ отсутствіи самодѣятельности общества и въ пониманіи его интересовъ. У насъ не образовалось еще точки опоры, на которыхъ могли бы соединяться и стоять общественныя силы. Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что у насъ общества совсѣмъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ оно и въ чемъ выражается его характеръ? У насъ есть народъ—это мы знаемъ; но общества, въ собственномъ значеніи этого слова, кромѣ театровъ и маскерадовъ, мы нигдѣ не видимъ.

А общество золотопромышленниковъ? возражаетъ читатель. Дѣйствительно, такое общество существуетъ, но чисто фактически, не имѣя ни нравственной инипіативы, ни соціальнаго движенія. Какъ оно сложилось въ началѣ, такъ и продолжало дѣйствовать; захвативъ самую выгодную промышленность цѣлаго края, оно не предпринимало никакихъ улучшеній и въ своей дѣятельности, оно не употребило ни образованія, ни особенной честности для болѣе быстраго развитія своихъ силъ. Доказательствомъ этому можетъ служить состояніе рабочаго класса на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири. Въ

Рус. Словѣ, былъ представленъ подробный очеркъ этого угнетеннаго сословія (см. о рабочемъ классѣ въ нижней Тайгѣ. № 6. 1861 г.); наконецъ оно обратило на себя вниманіе мѣстнаго управленія краемъ и подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ: отселѣ отношенія рабочаго къ хозяину пріиска или его управляющему гарантированы нѣкоторыми условіями, далеко, разумѣется, неуничтожающими всѣхъ старыхъ злоупотребленій, но по крайней мѣрѣ значительно сдерживающими ихъ. Мы приводимъ здѣсь изъ Иркутскихъ вѣдомостей самое постановленіе:

Въ послѣднее время въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири разсматривалось дѣло о стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ рабочимъ на нѣкоторыхъ частныхъ золотыхъ промыслахъ здѣшняго края, какъ по производству работъ, такъ и по снабженію ихъ одежными вещами и другими припасами въ счетъ договорной платы. Поэтому совѣтомъ главнаго управленія положено подтвердить, кому слѣдуетъ: во-первыхъ о недопущеніи жестокаго обращенія съ рабочими и о непринужденіи больныхъ изъ нихъ къ работамъ; во-вторыхъ, о предварительномъ, по 2484 ст. горн. устава, заключеніи съ рабочими на мѣстѣ работъ отдѣльныхъ отъ контрактовъ, письменныхъ условій о платѣ за вольностарательское золото и другія на промыслахъ повольныя работы, и въ-третьихъ, объ установленіи на золотыхъ пріискахъ таксъ на одежныя вещи и припасы, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы, по общему соглашенію всѣхъ промысловыхъ конторъ въ присутствіи горныхъ исправниковъ. Кромѣ того совѣтомъ главнаго управленія было замѣчено еще: 1) что по контрактамъ, промысловыя управленія обусловливаютъ рабочихъ оставаться на пріискахъ далѣе 10 сентября, между тѣмъ какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться 2484 ст. горн. уст., въ которой между прочимъ сказано, что если на промыслахъ не устроено зимнихъ промываленъ, то промышленникъ не можетъ заставлять рабочихъ производить промывку позже 10 сентября, и долженъ въ такомъ случаѣ, если другихъ занятій на пріискахъ нѣтъ, увольнять ихъ съ платою по разсчету, за вычетомъ слѣдующей за недоработанные дни; 2) что время работъ назначается съ четырехъ часовъ утра до 8-ми вечера, а на нѣкоторыхъ пріискахъ работаютъ и до $8^1/_2$ часовъ вечера, тогда-какъ закономъ назначено съ 5-ти час. утра до 8-ми вечера, и 3) что на нѣкоторыхъ промыслахъ обусловливаютъ рабочихъ не требовать въ лѣтніе дни квасу, если они будутъ небрежно употреблять хлѣбъ и соль. По разсмотрѣніи замѣчаній совѣта, исправляющимъ должность генералъ-губернатора Восточной Си-

бири, предписано циркулярно всѣмъ губернаторамъ губерній и областей Восточной Сибири, гдѣ находятся частные золотые промыслы, чтобы они, чрезъ кого слѣдуетъ, строжайше подтвердили подлежащему начальству, а равно и промысловой полиціи, отъ которыхъ зависитъ свидѣтельство контрактовъ, заключаемыхъ золотопромышленниками съ рабочими, о производствѣ работъ на золотыхъ промыслахъ и наблюденіе за исполненіемъ сихъ контрактовъ съ обѣихъ договаривающихся сторонъ на мѣстахъ пріисковъ, съ тою цѣлію, чтобы начальства эти не свидѣтельствовали контрактовъ, составленныхъ съ отступленіями отъ требованій законовъ и съ допущеніемъ неясныхъ выраженій къ угнетенію или отягощенію рабочихъ при выполненіи оныхъ, а промысловая полиція неослабно слѣдила бы за исполненіемъ контрактовъ съ обѣихъ сторонъ, тщательно наблюдая, чтобы рабочіе не были отягощаемы усиленными противъ контрактовъ занятіями, а также непомѣрными цѣнами за вещи и припасы, получаемые ими отъ хозяевъ въ счетъ договорной платы. Горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири объявляетъ обо всемъ этомъ для вѣдома, до кого это относиться можетъ.

Заключаемъ нашу лѣтопись печальнымъ извѣстіемъ о смерти Н. А. Добролюбова, одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ собратовъ по труду. Онъ умеръ 16 ноября; схоронили его на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ.

Гг. Некрасовъ и Чернышевскій произнесли нѣсколько словъ надъ прахомъ покойника о характерѣ, дѣятельности и судьбѣ Добролюбова.

«Бѣдное дѣтство, въ домѣ бѣднаго сельскаго священника; бѣдное полуголодное ученье; потомъ четыре года лихорадочнаго неутомимаго труда, и наконецъ годъ за границей, проведенный въ предчувствіяхъ смерти,—вотъ и вся біографія Добролюбова, сказалъ Н. А. Некрасовъ...

Добролюбовъ обладалъ сильнымъ и самобытнымъ дарованіемъ. Онъ началъ свой литературный трудъ назадъ тому пять лѣтъ, бывши еще совершеннымъ юношей; но съ самой первой статьи его, проникнутой, какъ и всѣ остальныя, глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ русской жизни и самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ настоящимъ и истиннымъ потребностямъ общества, всѣ, кто принадлежитъ къ читающей и мыслящей части русской публики, увидѣли въ Добролюбовѣ мощнаго двигателя нашего умственнаго развитія. Сочувствіе къ литературѣ, пониманіе искусства и жизни и самая неподкупная оцѣнка литератур-

ныхъ произведеній, энергія въ преслѣдованіи своихъ стремленій, соединялись въ личности Добролюбова. «Меньше словъ и больше дѣла» было постояннымъ девизомъ его и предсмертнымъ его завѣщаніемъ своимъ близкимъ собратамъ по труду.

Въ Добролюбовѣ во многомъ повторился Бѣлинскій, насколько это возможно было въ четыре года: то же вліяніе на читающее общество, та же проницательность и сила въ оцѣнкѣ явленій жизни, та же дѣятельность и та же чахотка.

Н. Г. Чернышевскій прочиталъ надъ гробомъ покойнаго нѣсколько страницъ изъ его дневника. Это былъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ сложилась въ умѣ слушателей вѣрная и раздирающая сердце картина той нравственной пытки, тѣхъ нравственныхъ оскорбленій и мученій, которыя свели въ могилу сильнаго и смѣлаго защитника добра и правды... Болѣзнь Добролюбова развилась вслѣдствіе безвыходныхъ нравственныхъ страданій, испытываемыхъ имъ во все время его кратковременной литературной дѣятельности. Многіе, можетъ быть, не поймутъ этого и не повѣрятъ, хотя рядъ фактовъ, записанныхъ самимъ Добролюбовымъ для себя, можетъ превосходить своей достовѣрностью всѣ возможныя объясненія и толкованія.

«Добролюбовъ умеръ оттого, что былъ честенъ», заключилъ г. Чернышевскій, и это психологически вѣрно.

Слова г. Некрасова извлекали слезы; чтеніе же дневника потрясало присутствующихъ; безъ нервной лихорадки его невозможно было слышать никому, кто не отупѣлъ отъ привычки.

На похоронахъ Добролюбова собралось довольно значительное число порядочныхъ людей изъ жителей Петербурга, конечно съ весьма немногими исключеніями, неизбѣжными у насъ при всякихъ собраніяхъ. Порядочность присутствующихъ и сочувствіе ихъ къ литературнымъ дѣятелямъ выразились, между прочимъ, однимъ добрымъ дѣломъ: собрано было по подпискѣ болѣе 300 р. сер., въ пользу одного литератора, отправляющагося изъ Петербурга...

Послѣ Добролюбова мы понесли другую тяжелую утрату также талантливаго писателя, И. С. Никитина. Онъ былъ одной изъ тѣхъ умственныхъ силъ, которыя инстинктивно угадываютъ свое призваніе; воронежскій мѣщанинъ по рожденію, небогатый книгопродавецъ по занятіямъ, развившійся въ бѣдной средѣ, рано испытавшій и нужды и оскорбленія жизни, онъ вынесъ изъ нея грустныя впечатлѣнія и передалъ ихъ въ своей симпатичной пѣснѣ:

Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги:
Одна лежитъ, иди впередъ!
Тащись, покуда служатъ ноги!
А впереди—что Богъ пошлетъ!

Все грязь да грязь... Господь, помилуй!
Устанешь, духъ переведешь,
Опять впередъ, хоть не подъ силу,
Хоть плакать въ пору, все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука, —
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука —
Извѣстно Богу одному!

Ужъ пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь;
Была бы цѣль, душа-бъ молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ,
И, какъ палачъ неумолимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ!

—

Убита совѣсть, умеръ стыдъ
И ложь во тмѣ царитъ свободно,
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!

Межъ нами мучениковъ нѣтъ,
На крикъ: «Спасите!» нѣтъ отвѣта!...
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта...

Много горя слышится въ его стихотвореніяхъ, еще больше лежало его на душѣ Никитина. Какъ-бы предчувствуя свою близкую кончину, онъ предсказалъ ее въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній:

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь какъ осенняя ночь молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
. . . .
Такъ! о жизни покончен̆ъ вопросъ,
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ.

Могила Никитина вырыта возлѣ могилы другаго воронежскаго поэта, сына гуртовщика, Кольцова. Они вышли изъ одной среды—народа, они отозвались на одну глубокую думу и легли на одной землѣ.

Жители Воронежа открыли подписку для памятника надъ могилой Никитина, и подписка была принята съ полнымъ сочувствіемъ: явленіе отрадное. Но мы думаемъ, что могила Никитина не нуждается въ мавзолеяхъ: ее не забудутъ и не потеряютъ, еслибъ вмѣсто мрамора и гранита на ней ничего другаго не было, кромѣ стебля дерна или горсти сухой земли. Гораздо лучше употребить собранныя деньги на помощь его родственникамъ, если только онъ оставилъ ихъ но себѣ.

Генералъ-губернаторъ С. Петербурга, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ замѣщенъ княземъ Суворовымъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края. На имя князя Суворова послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ мы находимъ слѣдующія слова Его Величества: «Всегдашнее Мое желаніе, чтобы правительствующіе и управляемые соединялись узами взаимной привязанности и взаимнаго довѣрія».

Мы сейчасъ прочитали циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній и спѣшимъ занести его въ нашу «Лѣтопись»:

Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его, и въ-особенности составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды. — Они ожидаютъ такъ-называемой ими *новой воли*, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получатъ будто бы какія-то *новыя льготы*, въ «Положеніяхъ» 19 февраля неуказанныя и отъ пользованія коими будто бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя

грамоты. — Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій, Государю Императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ Его Императорскому Величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла, и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ.—Государь Императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволялъ говорить крестьянамъ, что *никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и положенія 19 февраля.*

По высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить всѣмъ мировымъ посредникамъ, чтобы они объявили о таковыхъ высочайшихъ отзывахъ волостнымъ правленіямъ, и, при всякомъ случаѣ, въ своихъ объясненіяхъ съ крестьянами, положительно указывали на слова, которыя крестьяне нѣкоторыхъ губерній имѣли счастіе непосредственно слышать отъ Государя Императора.

Настоящій циркуляръ вы, кромѣ того, не оставите напечатать въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

[illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 12 февраля.

[illegible]

[illegible] «Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Мои размышленія предъ картой Европы. — Рѣшеніе неизвѣстнаго философа. — Вліяніе кометы на землю. — Война Америки и *повивальное* недоразумѣніе Библіотеки для Чтенія. — Впечатлѣніе, послѣ прочтенія элегической замѣтки Русскаго Вѣстника.—Что губитъ насъ: *кружки* или *кружки*?—Прудонъ предъ судомъ Русскаго Вѣстника. — Похожъ-ли французскій мыслитель на водку? — Отзывъ о немъ новѣйшаго Загорѣцкаго. — Нѣчто о *пустоголовыхъ* прогрессистахъ. — *Московская элегія*—переводъ съ русскаго. — Новыя рѣдкости Москвы. — Славянофилы и «День» г. Аксакова. — Его скандальный успѣхъ. — Анаѳема русскому обществу. — Грозное «покайтеся!..» и мое уныніе. — Великая природа—г. Тютчева. — *Осенняя ода* и *Журнальное Бородино*—древняя баллада. — Фельетонистъ Вѣка. — Неловкія признанія Гейне изъ Тамбова и кой-что объ его талантахъ. — Пріемное утро редактора и разные типы сотрудниковъ—званыхъ и незваныхъ. — Новыя подвиги Льва Камбека и его монологъ. — Что такое слава? — Театральныя извѣстія. — Ристори забытая русской публикой. — Патріотизмъ нашихъ театраловъ и дешевые лавры. — Макбетъ на русской сценѣ. — Новыя пьесы на Александрійскомъ театрѣ. — *Однодворецъ*, комедія г. Бабарыкина.—Артистъ, не признающій Гоголя и Островскаго.—Нѣчто о сочиненіяхъ Булгарина, въ переводѣ на болгарскій языкъ. — Запорожцы подъ Краснымъ селомъ въ 1861 году. — Тульская казенная палата, не признающая ученія современныхъ матеріалистовъ.— «Мечта» Собакевича: — Опытъ новой грамматики на Московской телегр. линіи. — «Странникъ» и его мораль: — Провинціальныя извѣстія. — *Приволжскъ*; какъ историческій городъ. — Пансіонъ *Абеседе* и его новая метода воспитанія. — Жена домовладѣльца и ея принципы.—Можно-ли *благородныхъ* дѣтей отдавать въ гимназію? — Музыкальные поборы. — Любитель иностранныхъ словъ.—Простѣйшій способъ наживать деньги.—Спектакли съ благотворительною цѣлью.—Стихотвореніе Н. А. Некрасова, возбудившее негодованіе.—Дама *высшаго круга*, оскорбленная замѣчаніемъ лекаря.—Мѣстный Гордѣй Торцовъ.—«Похожъ-ли я на Пушкина?» — Удивленіе Торцова при извѣстіи, что онъ живетъ въ *Старомъ Свѣтѣ*.—Калиновичи въ провинціи.—*Саламандра* и его книгобоязнь.—Крутогорскіе нравы.—Крутогорскъ, какъ промышленный городъ.—Торговля крадеными вещами.—Купецъ Воролюбовъ, считающійся умершимъ.—Положеніе литератора-обывателя въ провинціи.—Зарайскій корреспондентъ и городничій.—Дѣянія одного волостнаго суда. — Новый Иванъ Яковлевичъ въ Херсонѣ.—Можно-ли вѣрить химіи?—Поврежденный мыслитель въ *Городкѣ*.—*Солонина*—Поборникъ женской эмансипаціи.

«Да здравствуетъ война!» говоритъ Прудонъ въ своей послѣдней книгѣ: la guerre et la Paix. Вся наша маленькая Европа нашла его

сочиненіе верхомъ цинизма и въ то же время на дѣлѣ держалась того же самаго принципа: да здравствуетъ война! Все воюетъ теперь или готовится къ бою. Даже наши антиподы-Американцы поднялись и между сепаратистами и федералистами загорѣлась новая игра: Blanc ou Noir?

Что за причина этого общаго движенія на нашей планетѣ? я бы долго ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ, еслибъ мнѣ не помогъ одинъ знакомый русскій философъ, статскій совѣтникъ въ отставкѣ, который разрѣшилъ мое сомнѣніе.

— Вліяніе кометы, батюшка, вліяніе кометы... И война и смуты кругомъ все отъ одной причины. Вотъ, напр. въ газетахъ пишутъ, что Сѣверная Америка съ югомъ воюетъ за негровъ и ихъ свободу! Какъ бы не такъ? Нужна очень этимъ чернымъ обезьянамъ свобода! Нѣтъ-съ, сударь вы мой: комета, значитъ, близко къ землѣ подошла, ну и начались кругомъ эти дрязги.

— А вѣдь пожалуй что и такъ! замѣтилъ я въ видѣ поощренія.

— Непремѣнно такъ .. Кругомъ начались разныя дива. Недавно читалъ я, что въ Курской губерніи здоровая мѣщанка родила трехъ сросшихся мальчиковъ, у которыхъ одна голова. Комета, батюшка, комета. И въ литературѣ у насъ все вверхъ дномъ пошло: такія начались баталіи, что твоя Америка... Обличаютъ другъ друга, гласностью стращаютъ, точно пугаломъ...

— Совершенно вѣрно, поддразнивалъ я краснорѣчіе собесѣдника:

Обличеніе повальное....
Грозной гласности сѣченіе...
И сомнѣнье *повивальное*
Въ Библіотекѣ для Чтенія.

— Вотъ и вы, продолжалъ мой философъ, въ какіе-то «темные люди» записались и стихи злокачественные всюду вставляете. А будь иное время, вы бы другимъ полезнымъ дѣломъ занялись...

— Въ откупа бы пошелъ служить, Иванъ Исаичъ.

— Вы вотъ все на смѣхъ поднимаете, а я говорю дѣло.

— Да я и не противорѣчу вамъ. Я самъ того мнѣнія, что комета имѣла большое вліяніе на нашу журналистику, особенно московскую. Читаете вы, Иванъ Исаевичъ, Русскій Вѣстникъ?

— Давно не читалъ, да вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ «Губернскіе очерки» Щедрина тамъ печатались. Злая, скажу вамъ, штука.

— Ну, отстали же вы. А хотите я васъ угощу двумя-тремя страничками изъ этого журнала? Онѣ вамъ вѣроятно по сердцу придутся.

— Готовъ слушать... прочтите...

Я развернулъ журналъ и началъ читать «элегическую замѣтку».

По мѣрѣ того, какъ я читалъ, мой слушатель становился все внимательнѣе и задумчивѣе. Новая форма и характеръ полемики замѣтно поразили его.

Я слѣдилъ за нимъ и продолжалъ читать:

«Чему учатъ *пустозвоны* нашихъ дней? Не готовы-ли они лаять на всякаго, кто въ области знанія не признаетъ другихъ цѣлей, кромѣ чистой истины?

— Комета! комета! тихо шепталъ мой слушатель.

«У насъ нѣтъ общества, но есть *кружки*. Кружки губятъ насъ своимъ спертымъ обществомъ. Кружки причина общаго *ребяческаго нахальства*, прикрытаго фразами украденными у науки?»

— Комета!..

«Нѣтъ у насъ такихъ совѣстливыхъ людей, за которыхъ можно было бы поручиться, что они вдругъ, къ изумленію окружающихъ, *не пустятся въ трепака.*»

— Комета! Комета!..

«Ни гдѣ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такихъ отчаянныхъ, *такихъ безголовыхъ прогрессистовъ*, какъ у насъ на Руси. Стоитъ только какой нибудь *пустой головѣ* погромче свистнуть, и мы уже теряемся.»

— Комета, батюшка, рѣшительно, комета!.. Доходили до меня слухи, что у васъ въ журналахъ брань дешевая монета, но такой не ожидалъ, ей-Богу не ожидалъ. Да у меня отъ однихъ этихъ словъ: пустоголовый, да пустозвонъ, да нахальство—голова разболѣлась.

Я ничего не сказалъ своему собесѣднику. Онъ, какъ человѣкъ отсталой, не понималъ всѣхъ красотъ элегической замѣтки, букетъ которой былъ для него недоступенъ. Онъ не понималъ этотъ

Домашній старый споръ, ужъ взвѣшеный судьбою,

споръ между Петербургомъ и Москвою. Что же касается до своеобразныхъ московскихъ выраженій, до изящныхъ ругательствъ, то уже извѣстно, что

На всѣхъ московскихъ съ головы до пятокъ
Лежитъ особый отпечатокъ!

Можно ли огорчаться какимъ нибудь свистунамъ, на которыхъ направлена прозаическая элегія Русскаго Вѣстника, когда онъ и самаго Прудона отдѣлалъ своимъ безпощаднымъ перомъ. Хотя Прудона онъ и поощряетъ за его доброе сердце и нѣкоторыя достоинства, но все это дѣлается болѣе съ родительскимъ чувствомъ уступчивости. Сравнивая Прудона *съ водкой*, Русскій Вѣстникъ называетъ его *замѣтнымъ оригиналомъ*.

— И только?

— Только! чего же вамъ еще. И за это спасибо, что оригиналомъ его признаютъ, хотя это и напоминаетъ намъ отзывъ Загорѣцкаго о московскомъ помѣщикѣ:

Оригиналъ, брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы!..

Что жъ послѣ того значитъ Русскому Вѣстнику обозвать нашихъ прогрессистовъ пустыми головами и другими разными милыми названіями! Напротивъ нужно радоваться, что въ этой элегіи высказались всѣ насущныя силы и нравственныя средства журнала, который въ порывѣ своей безплодной злобы прибѣгаетъ къ выходкамъ à la Собакевичъ. Объ одномъ только я жалѣю: эта великолѣпная элегія была бы еще сильнѣе и лучше, еслибъ была написана не прозой, а стихами какого нибудь присяжнаго московскаго поэта. Вѣдь пишетъ-же кн. Вяземскій свои замѣтки въ стихахъ, такъ элегію и подавно слѣдовало передать въ стихотворной формѣ. Чтобъ помочь этому горю, я, по свойственному мнѣ великодушію, рѣшаюсь теперь принять на себя этотъ важный трудъ перевести элегію Русскаго Вѣстника на болѣе легкую форму. Удалась ли мнѣ эта форма не знаю, но могу только смѣло увѣрить читателя въ точности своего перевода. Въ этомъ, надѣюсь, меня никто не упрекнетъ. И такъ я начинаю:

МОСКОВСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

(Переводъ съ русскаго.)

Пускай временъ новѣйшихъ пресса,
Родясь едва,

Твердитъ въ честь русскаго прогресса
Одни слова.

—

Пусть мы, отъ времени въ угарѣ,
Ему сулимъ,
Какъ говоритъ де-Молинари:
Succés d'estime,

—

Когда съ свистками всѣ изданья
Пустились вскачь,
Пусть всѣхъ смутятъ мои рыданья,
Мой горькій плачъ.

—

И я пошелъ всѣмъ демагогамъ
На перерѣзъ,
И вдохновеннымъ монологомъ
Смутилъ прогрессъ:

—

«Зачѣмъ ты здѣсь, Европы житель?
Какой зефиръ
Занесъ тебя въ сію обитель,
Въ славянскій міръ?

—

Иди ты къ Нѣмцамъ для порядка,
Иди въ Парижъ,
У насъ все глушь, все Пермь да Вятка,
У насъ Курмышъ.

—

Въ твоихъ писаньяхъ много литеръ
И громкихъ словъ,
Вѣдь отъ тебя нашъ шумный Питеръ
Пустоголовъ.

—

Одна Москва, храня преданья,
Тебя казнитъ,
И въ лихорадкѣ отрицанья
Не задрожитъ.

—

Гляди, заносчивый прелестникъ!
За тѣнью тѣнь:
У насъ въ зенитѣ Русскій Вѣстникъ,
Въ восходѣ «День».

—

У насъ есть хлѣбъ на многи лѣта,
У насъ есть квасъ,
Къ чему намъ пряности памфлета,
И перцъ фразъ?

—

Къ чему жъ шумитъ, что обличаетъ
Нашъ пустозвонъ?
Какъ песъ на знаніе онъ лаетъ
Со всѣхъ сторонъ.

—

Вся эта пляска обличенья,
Полемикъ блажь,
Есть гниль и признакъ разложенья,
Страстей миражъ.

—

Схвативъ въ наукѣ лишь верхушки,
Одни вершки,
Намъ кутежей зловредны *кружки*,
Вредны — *кружки*.

—

Кружки — есть альфа и омега
Всѣхъ нашихъ бѣдъ,
Въ нихъ наша праздность, ложь и нѣга,
Утопій бредъ.

—

Кружки—позоръ Великорусса,
Чума — умовъ.
Въ нихъ и для минуса и плюса
Привѣтъ готовъ.

—

Въ кружкахъ читаютъ Молешота,
Прудона чтутъ,
А Ахшарумова и Грота
Не признаютъ.

———

Въ московской журналистикѣ есть теперь новости посвѣжѣе этой элегіи и именно появленіе ежедневной газеты «День»—И. С. Аксакова. Изданіе это всѣ ждали съ любопытствомъ, съ затаеннымъ вопросомъ: какимъ голосомъ заговорятъ въ настоящее время наши московскіе славянофилы? что будутъ дѣлать? что станутъ проповѣдывать? Прошло уже то время, когда на славянофиловъ смотрѣли чуть не съ ужасомъ и съ явнымъ неудовольствіемъ. Ихъ ученіе начали за многое уважать и даже прививать къ нашей жизни. Зная дѣятельность и дарованіе И. С. Аксакова, всѣ ждали отъ него дѣла и тихой, спокойной рѣчи. Но вышелъ первый нумеръ «Дня», второй, третій... и недоумѣніе сдѣлалось всеобщимъ. Всѣхъ удивилъ раздражительный неровный и задирательный тонъ новой газеты, которая, не стѣсняясь никакими обстоятельствами, никакимъ положеніемъ дѣлъ, начала косить все направо и налѣво... У газеты былъ успѣхъ—точно, но успѣхъ грустный, печальный, скандалезный... Для читающихъ дѣйствительно было что-то новое въ этихъ журнальныхъ проповѣдяхъ, въ этой грозной анаѳемѣ, которая заключалась словами: «Покайтеся!».. Всѣ ожидали свѣжаго, здороваго органа, а нашли какой-то журнальный скитъ, отлучающую синагогу...

Какъ не придти напр. въ отчаяніе, когда залпомъ прочтешь такое обращеніе къ цѣлому русскому обществу, которое теперь вѣроятно ужасно перетрусило:

...«Все внутреннее развитіе, вся жизнь общества, какъ проказой, поражены и растлѣны ложью. *Ложь! Ложь* въ просвѣщеніи, чисто внѣшнемъ, лишенномъ *всякой* самодѣятельности и творчества. *Ложь* во вдохновеніяхъ искуства, силящаяся воплотить чуждые, случайные идеалы. *Ложь* въ литературѣ, съ надменною важностью разработывающей задачи, созданныя историческими условіями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; въ литературѣ, болѣющей чужими болѣзнями и равнодушной къ скорбямъ народнымъ (?!) *Ложь* въ порицаніи нашей народности, не въ силу негодующей пылкой любви, но *въ силу внутренняго нечестія*, инстинктивно враждебнаго *всякой святынѣ чести и долга. Ложь* въ самовосхваленіи, сопряженномъ съ упадкомъ духа и съ невѣріемъ въ свои собственныя силы. *Ложь* въ поклоненіи свободѣ, уживающейся съ побужденіями самаго утонченнаго деспотизма. *Ложь* въ религіозности, преданности вѣрѣ, прикрывающей самое грубое безвѣріе. *Ложь* въ торжествѣ *дикихъ ученій, созданныхъ безстыднымъ невѣжествомъ*, (?!) *безбоязненно ос-*

корбляющимъ общественную совѣсть и не смиряющимся предъ очевидною несокрушимою крѣпостью коренныхъ основъ народной жизни. *Ложь* въ легкомысленной гоньбѣ за новизною подъ чужестранною формою прогресса и цивилизаціи. *Ложь* въ гуманности и образованности, которыми въ своей систематической непослѣдовательности щеголяетъ наше общество допускающее, безъ разбора, самыя несовмѣстныя начала, закрывающее глаза отъ выводовъ, обходящее сознательно всѣ основные вопросы, раболѣпствующее всѣмъ моднымъ кумирамъ современности и выдающее за подвигъ высокаго благородства и терпимости дешевое умѣнье замазывать, не разрѣшая, самыя непримиримыя противорѣчія... Невиданное сочетаніе ребяческой незрѣлости *со всѣми* недугами дряблой старости»...

Ложь, ложь и ложь кругомъ! Такое мрачное заклинаніе подѣйствуетъ хоть на какіе крѣпкіе нервы. Какъ человѣкъ сильно впечатлительный, я отъ этого журнальнаго речитатива пришелъ въ такое искреннеее уныніе, что потерялъ послѣдній запасъ веселости, который я берегъ для своихъ читателей. Да и можно ли не придти въ уныніе, когда вамъ растолковываютъ, что вы, по выраженію Гамлета, купаетесь въ морѣ лжи, и не имѣете никакой надежды вынырнуть на свѣжій воздухъ...

— Комета, дѣйствительно комета! вспомнилъ я слова своего знакомаго драгоцѣннаго философа, и уныніе еще больше мной овладѣло. Напрасно старался я какъ нибудь развлечься, забыться, напрасно развлекалъ себя послѣдними стихами г. Тютчева, которые начинаются такъ:

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тѣсный кругъ друзей —
Но вся великая природа
Вамъ торжествуетъ юбилей,

все было напрасно... И обратился тогда я къ своей собственной музѣ и просилъ у нея «веселыхъ звуковъ» и «дѣтскаго смѣха», но и она навѣвала на меня однѣ мрачныя пѣсни. Гадко и брюзгливо смотрѣла въ мое окно «великая природа» въ видѣ отвратительнаго мокраго осенняго дня, дождь стучалъ по желѣзнымъ кровлямъ и свинцовыя облака казалось едва не спускались до высокихъ безобразныхъ трубъ петербургскихъ зданій... Нѣтъ, рѣшительно, нѣтъ у меня для васъ, господа, веселыхъ пѣсенъ... Въ моихъ ушахъ неотвязно и прон-

зительно звучитъ одно слово: «Покайтеся!.. и я могу только думать и говорить на эту тему.

ПОКАЙТЕСЬ!..

Осенняя ода.

Гдѣ-ты, народная сила желанная?
Ветхость — куда ни пойдешь.
Жизнь намъ растлила одна иностранная
Ложь.

—

Кривду назвали прогрессомъ мечтатели,
Бредитъ имъ вся молодежь,
И проповѣдуютъ громко писатели —
Ложь.

—

Все: просвѣщенье, идей контрафакція,
И обличенія ножъ,
Всѣхъ нечестивыхъ журналовъ редакція —
Ложь.

—

Насъ не балуешь здоровыми зёрнами,
Ты, колосистая рожь,
Западъ навѣялъ къ намъ съ мыслями черными —
Ложь.

—

Эта Европа насъ дразнитъ на старости,
Точно сама Ригольбошь,
Мы жъ повторяемъ въ ребяческой ярости
Ложь.

—

Въ разныхъ одеждахъ, подъ разными звуками
Эту неправду найдешь;
Дрогнули предки, что правитъ ихъ внуками —
Ложь.

—

Въ книги заглянешь: тамъ гласности фурія,
Бюхнера мысли найдешь,

Въ немъ, по писанью Самарина Юрія,
Ложь.

—

Наша торговля? Хромаетъ ей родина,
Нѣту кредита на грошъ,
Въ нашемъ богатствѣ,—по слову Погодина,
Ложь.

—

Всѣ тѣ напасти, явленія бурныя,
Всѣ тѣ бѣды отчего-жъ?
Все оттого, что насъ губитъ мишурная
Ложь.

—

Полно! Покайтеся падшіе братія!
Сердце сжимаетъ мнѣ дрожь!
Знайте! ужаснѣй, чѣмъ сонъ и апатія —
Ложь.

Это ужасное ядовитое слово *ложь* такъ крѣпко запало въ мою голову, что нѣсколько дней, не переставая, звенѣло въ ушахъ. Ложь, ложь, и ложь! Просто въ холодный потъ бросало... Даже, какъ нарочно, всюду, разныя слова, созвучныя этимъ роковымъ буквамъ меня преслѣдовали и дразнили. Начнешь обѣдать—и въ рукахъ столовая *ложка* каждое мгновеніе напоминаетъ ужасное слово. Открылъ книгу, чтобъ еврейскими мелодіями разсѣять себя, и тутъ страшное созвучіе встрѣчаетъ меня на первыхъ же строкахъ:

Царь мой, гдѣ твоя *ложница?*
Я сгорѣла, полюбя...

Ложница... ложь... все тѣ же звуки. Съ нескрываемой злостью я отбрасываю книгу въ уголъ, и разсердившись на поэта, мысленно говорилъ ему:

Ахъ, оставь мои думы житейскія
И не мучь своей лирою снова:
Ты поешь эти пѣсни еврейскія,
По еврейски не зная ни слова...

А на сердцѣ было попрежнему скверно,

И душа тоскою
Сжималася...
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ тоски отдѣлался—стихами!..

Воинственное настроеніе журнальнаго московскаго лагеря, поднимающаго на порогѣ тысячелѣтія Россіи знамя войны—не могло пройти для меня безслѣдно, я схватилъ перо и вотъ какую балладу написалъ:

ЖУРНАЛЬНОЕ БОРОДИНО.

Древняя баллада.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Въ Москвѣ открылась съ новымъ жаромъ
Журнальная война?
Къ погрому брошены перчатки,
И вѣдь пошли такія схватки,
Что вѣрно сны въ Москвѣ не сладки,
И дрогнула она?

*
* *

— Да, «Русскій Вѣстникъ», «Наше Время»
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри—не вы;
Что «Современникъ», «Время», Слово?
Что ваша южная Основа?
Не будь въ Москвѣ у насъ Каткова —
Не видѣть бы Москвы.

*
* *

Мы долго молча отступали
И свисту невскому внимали.
Ворчали старики:
Что жь мы боимся свистопляски?
Не смѣемъ что ли для острастки
Съ лицъ свистуновъ сорвать ихъ маски?
Боимся-ль ихъ руки?

*
* *

И вотъ, озлобленны и ѣдки,
«Литературныя замѣтки»
Пустили грозно въ ходъ.
Трудились всѣ не изъ-за денегъ, —
Явились съ паѳосомъ полемикъ
Погодинъ самъ, и академикъ
И литераторъ Гротъ.

*
* *

Пѣлъ о Прудонѣ Молинари
И Лонгиновъ забылъ въ ударѣ
Работу межъ гробницъ,
Проснулось Вяземскаго слово,
И типографія Грачева
Съ книгопечатнею Каткова
Въ поту трудились лицъ.

*
* *

Сперва мы были въ перебранкѣ
Вплоть отъ Мясницкой до Лубянки,
Но боя ждали мы;
Твердили даже въ «Русской Рѣчи»:»
— Пора добраться до картечи, —
И вотъ на станъ журнальной сѣчи
Покровъ спустился тьмы.

*
* *

Прилегъ вздремнуть я до разсвѣта
И слышалъ, тамъ, далеко гдѣ-то
Свистки въ туманной мглѣ,
Но тихъ былъ нашъ бивакъ журнальный,
Тотъ факелъ правилъ погребальный,
Тѣмъ Альбіонъ всё снился дальній,
Проливъ Па-де-Калэ...

*
* *

Но только утро къ намъ дохнуло
Еще и «Дня» не проглянуло —
За ратью встала рать.
Брань полилась, клеймя и жаля,
Явилась скромность безъ вуаля....
Клянусь, и въ лексиконѣ Даля
Тѣхъ словъ не отыскать.

*
* *

Пронесся кличъ, въ враждѣ неистовъ:
«Пустоголовыхъ прогрессистовъ»
Сотремъ съ лица земли.
И старцы, опытомъ богаты,
Негодованіемъ объяты,
Надѣвъ заржавленныя латы,
На битву шли и шли.

*
* *

До нашихъ дней идутъ повѣрья
Про этотъ бой: скрипѣли перья,
Дрожа трещалъ станокъ,
Перелетали корректуры,
Стихи писались безъ цезуры
И горы книгъ возили фуры
Во всѣ концы дорогъ.

*
* *

Вамъ не видать такого боя,
Ударамъ не было отбоя,—
Всѣхъ на смерть поражалъ
Элегій въ прозѣ—сочинитель,
И чтобъ не спалъ московскій житель
Степанъ Колошинъ новый »Зритель»
Отчизнѣ посвящалъ.

*
* *

Извѣдалъ врагъ въ тѣ дни не мало,
Что значитъ бой за идеалы
Нашъ рукопашный бой.
Аріергарды, авангарды
Тутъ все взялось за алебарды
И отрицающіе барды
Смутилися борьбой.

*
* *

«День» вышелъ... Были всѣ готовы
Заутро бой затѣять новый,
Заутро двинуть рать.
Вотъ задрожали балаганы,
Но отступили англоманы,
Тогда считать мы стали раны
Товарищей считать.

*
* *

Да, «Русскій Вѣстникъ,» «Наше Время»
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри—не вы.
Что «Современникъ,» «Время,» «Слово»?
Что ваша блѣдная «Основа»?
Не будь въ Москвѣ у насъ Каткова —
Не видѣть бы Москвы.

Написавъ однимъ духомъ эту балладу, я уже хотѣлъ немного отдохнуть, какъ вдругъ мнѣ читаютъ, что Темный Человѣкъ заслужилъ порицаніе фельетониста Вѣка—Гейне изъ Тамбова. Выслушавъ его обвиненіе, совершенно *тамбовское* по характеру, я не могъ не воскликнуть: о, наивный, простосердечный фельетонистъ! Еслибъ не ты, то можетъ быть еще долго бы не прошло мое мрачное уныніе, а теперь —

Я воскресаю духомъ снова,
Рукоплескать и пѣть готовъ,
За то, что Гейне изъ Тамбова
Намъ подарилъ родной Тамбовъ.

Какъ извѣстно моему читателю, послѣдняя половина дневника Темнаго Человѣка всегда посвящена провинціальной хроникѣ. Матеріалами для нея служатъ—извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ или же корреспонденція частная... Такимъ образомъ между разными фактами былъ мною взятъ одинъ, помѣщенный въ Современной лѣтописи «Вѣка» о продѣлкахъ двухъ судебныхъ слѣдователей. За такое самоуправство Гейне изъ Тамбова изволилъ обидѣться. Интересно знать: какія права имѣетъ онъ на разныя общественныя явленія, если только они не выдуманы, не сочинены «Вѣкомъ». Ну, въ послѣднемъ случаѣ, я дѣйствительно былъ бы виноватъ за похищеніе плодовъ чужаго творчества. Но нельзя же мнѣ было предположить, что Вѣкъ за неимѣніемъ матеріаловъ самъ творитъ ихъ. О, Гейне изъ Тамбова! До чего же вы договорились!.. Что подумаютъ о васъ, не говорю петербургскіе, но ваши тамбовскіе друзья!..

Притомъ, знаете-ли вы, что со всякимъ фактомъ, со всякой выпиской нужно обращаться осторожно, для того, чтобъ не впасть въ

подражаніе покойному Камню Виногорову? Я съ особеннымъ любопытствомъ остановился теперь на тѣхъ «выдержкахъ», которыми вы занимаете вашего читателя въ фельетонахъ, «что новаго въ Петербургѣ?» Искренно говорю, что я позавидовалъ вашему умѣнью передавать разныя общественныя новости... Останавливаюсь на нѣкоторыхъ:

«Въ нынѣшнемъ году зима стала рано и въ концѣ октября выпалъ глубокій снѣгъ...»

«Нева стала и мѣховыя платья пошли въ ходъ...»

«Пароходъ «Веста» шелъ изъ Кронштадта въ Петербургъ, шелъ, и сталъ на мель.»

«Пароходъ «Генералъ-Адмиралъ» шелъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и тоже сталъ на мель...»

«Въ Лондонѣ скончался содержатель невскихъ пароходовъ В. И. Тайвани...»

Но самое лучшее извѣстіе или выписка, которую сообщаетъ Гейне изъ Тамбова, есть слѣдующая:

«Въ Петербургѣ съ будущаго года откроется контора сватовства. Она будетъ имѣть каталогъ невѣстъ и жениховъ, *со всевозможными примѣчаніями и приложеніями*...»

Что можетъ быть остроумнѣе, а главное современнѣе такой выписки! Вамъ за то и книги въ руки!.. А я пользуюсь вашимъ косвеннымъ признаніемъ о нѣкоторыхъ фактахъ, сообщаемыхъ въ «Вѣкѣ», даю клятвенное обѣщаніе никогда не вѣрить имъ на слово.

Какъ въ «Петербургскій Вѣстникъ», снова
Не загляну въ газету «Вѣкъ»:
Здѣсь встрѣтишь Гейне изъ Тамбова,
Тамъ подвернется Левъ Камбекъ.

Впрочемъ, при всемъ желаніи слѣдить за всѣмъ, что выходитъ изъ подъ печатныхъ станковъ типографій даже въ одномъ Петербургѣ, нѣтъ никакой человѣческой возможности перечитать, даже просмотрѣть всѣ ежедневныя, еженедѣльныя и ежемѣсячныя изданія. А между тѣмъ, нужно замѣтить, что при такомъ изобиліи журналовъ всѣхъ цвѣтовъ и физіономій,—работающихъ рукъ попрежнему мало. Вездѣ одни и тѣ же имена, одни и тѣ же сотрудники. А между тѣмъ, сколько пишутъ, сколько пишутъ у насъ въ Россіи, сколько людей, упра-

жняющихся въ литературѣ! Въ невольный ужасъ придешь, когда познакомишься съ двумя-тремя редакціями журналовъ, гдѣ несчастные редакторы съ утра и до ночи осаждаются сотрудниками—просителями. Мысль сдѣлаться литераторомъ, желаніе увидѣть свое имя на оберткѣ моднаго изданія—вотъ тѣ мечты, которыя заставляютъ многихъ исписывать цѣлыя горы бумаги. Загляните въ редакторскій шкафъ—и чего вы тамъ не найдете: громадные романы, поэмы въ 1500 стиховъ, воспоминанія и *отрывки*, часто состоящіе изъ двухпудовой тетради. И всѣ эти труды безсонныхъ ночей, труды цѣлыхъ годовъ опять перейдутъ въ руки неудавшихся и непризнанныхъ авторовъ, часто до позднихъ сѣдинъ непонимающихъ своего призванія.

Пріемный день редактора!.. да эта цѣлая повѣсть, цѣлая комедія часто... Съ замираніемъ сердца и еще на лѣстницѣ приведя въ порядокъ свой костюмъ, робко и тихо звонитъ новичекъ у роковой двери, на которой выступаетъ красная надпись: *редакція*... Новичка вводятъ въ редакторскій кабинетъ... На столѣ вездѣ книги, газеты и еще сырые корректурные листы...

— Счастливецъ какой нибудь... думаетъ новичекъ объ авторѣ этихъ корректуръ, представляясь редактору, который занятъ разговоромъ съ своими сотрудниками.

— Я подожду-съ, отвѣчаетъ новичекъ, на приглашеніе сѣсть,— садится въ уголъ и начинаетъ съ благоговѣніемъ слушать...

А споръ идетъ самый отвлеченный, новый для него, о томъ, есть-ли на планетахъ жители, и сколько чувствъ они имѣютъ, и въ какихъ образахъ они существуютъ и пр. и пр. Редакторъ съ улыбкой и вниманіемъ слушаетъ своего пріятеля-философа и его мягкую тихую рѣчь о планетныхъ жителяхъ.

Новичекъ тоже слушаетъ и млѣетъ отъ восторга.

Но вотъ двери съ шумомъ отворяются и въ кабинетъ входитъ молодой человѣкъ, небрежно жметъ всѣмъ руку, черезъ плечо, вопросительно взглядываетъ на новичка, и передергивая слегка плечами, бросается на диванъ.

— Нѣтъ-ли у васъ чего нибудь новенькаго, свѣженькаго—вкрадчивымъ и тихимъ голосомъ спрашиваетъ редакторъ у гостя...

— Есть, матушка, есть, отвѣчаетъ молодой человѣкъ: стихъ новый написалъ, стихъ...

— Ну, прочтите-же... прочтите-же... просятъ его всѣ.

— Кто бы это? думаетъ новичекъ, но увидя, что поэтъ вынулъ

изъ кармана листъ исписанной бумаги и начинаетъ читать, онъ сталъ внимательно слушать.

Вставивъ стеклышко въ глазъ, на-распѣвъ начинаетъ поэтъ свою декламацію.

Всѣ внимательны, всѣ слушаютъ съ умиленіемъ въ лицахъ...

— У-д-и-в-и-т-е-л-ь-н-о! Превосходно! шепчетъ редакторъ чтецу. Перечтите пожалуйста опять это мѣсто...

Поэта отъ удовольствія передернуло и онъ опять начинаетъ:

Среди маслинъ,
На ложа кругъ гостей склонялся,
И въ искрометной пѣнѣ винъ,
Казалось, жемчугъ растоплялся...
Изъ вазъ на эллинскій кумиръ
Благоуханія кропились;
Изъ вертограда доносились
Напѣвы трепетные лиръ;
Въ ладъ говорливой сикоморы
Звучали трепетные хоры;
Гремѣли бубны на-отлетъ
И брызгалъ перлы водометъ...

— Удивительно! Граціозно! Великолѣпно! слышно отвсюду, когда чтеніе было кончено. Пожалуйста, эту піэску въ нашъ журналъ, непремѣнно въ нашъ...

Въ это время господинъ съ черной бородой, долго ожидавшій случая сказать редактору нѣсколько словъ на ухо, отводитъ его въ сторону. До новичка долетѣли только слова:

— Я вамъ напишу стихи... деньги нужны... пожалуйста... нужно съ дачи переѣзжать...

Редакторъ тонко улыбнулся, но все-таки вынулъ изъ кармана бумажникъ.

Господинъ съ черной бородой, у котораго руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ, снова началъ что-то шептать.

— Сколько же вамъ угодно?

— Рублей пять — не больше... Онъ какъ будто испугался такой огромной суммы.

Редакторъ снова улыбнулся, но вынулъ деньги и отдалъ просителю.

— Ваша повѣсть еще не прочитана, вдругъ обратился онъ къ новичку. Потрудитесь зайдти черезъ недѣлю.

Новичекъ вскакиваетъ, краснѣетъ и спрашиваетъ, откланиваясь:

— А могу я надѣяться, что мой разсказъ...

— Теперь ничего не могу вамъ сказать. Черезъ недѣлю дамъ вамъ положительный отвѣтъ.

Гость раскланивается и уходитъ.

Черезъ десять минутъ новый звонокъ—и новый посѣтитель. Является человѣкъ лѣтъ сорока, самой солидной наружности, высокій и полный.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ редакторъ.

— Съ мѣсяцъ тому назадъ, я доставилъ къ вамъ «очерки изъ военнаго быта...»

Редакторъ начинаетъ мяться и чаще мигать: эта рукопись съ самымъ нелѣпымъ содержаніемъ давно ему надоѣла...

— Да, дѣйствительно... вашу рукопись я получилъ, только она не можетъ быть напечатана!..

— Позвольте узнать—почему?

— Да обработки мало...

— Можно-съ поправить... Какіе же въ ней недостатки?

— Начиная съ самой завязки...

— Такъ я васъ буду покорнѣйше просить передѣлать завязку.

Что прикажете отвѣчать на такую наивную просьбу. Терпѣніе редактора истощилось и онъ, отдавая назадъ просителю огромную тетрадь, объявилъ ему на-отрѣзъ, что онъ не напечатаетъ его «очерковъ.»

Бѣдный авторъ неудачной завязки, свирѣпо раскланявшись, отправляется

Искать по свѣту
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

— Въ «Сынѣ Отечества», думаетъ онъ, еще хуже моихъ очерковъ статьи попадаются... Дай, попробую сходить къ Старчевскому, авось напечатаетъ...

Попадаются иногда и не такіе убогіе просители. Къ тому самому редактору является однажды безукоризно хорошо одѣтый молодой человѣкъ, изъ праздношатающейся труппы великосвѣтскихъ львовъ. Съ

такими изящными манерами и великолѣпной прической казалось бы было совѣстно являться пышному льву въ редакторскую пріемную, но левъ явился.

Усѣвшись небрежно передъ столомъ редактора, онъ разсыпался въ любезностяхъ.

— Мой великосвѣтскій другъ, одинъ изъ *вашихъ* русскихъ писателей, такъ много наговорилъ хорошаго о журналѣ, издаваемомъ вами, что я, при всемъ равнодушіи къ русской литературѣ, рѣшился самъ прочесть кой-что... Могу сказать безъ комплимента, что такихъ изданій, какъ ваше, у насъ нѣтъ... Вездѣ перебранки, неприличныя выходки, какой-то дурной, демократическій тонъ... фи!.. Въ руки взять не ловко. или какъ говоритъ кажется Пушкинъ:

Все какъ-то страшно безъ перчатокъ...

— Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ, думаетъ редакторъ и ждетъ разгадки новаго визита...

— Вотъ въ чемъ дѣло, начинаетъ наконецъ франтъ, изящно играя шляпой. Я ѣхалъ мимо вашего дома, случайно попалъ въ эту сторону и рѣшился кстати заѣхать и къ вамъ. Имѣя много свободнаго времени, я хотѣлъ бы предложить вамъ свои услуги...

— Какого рода? спрашиваетъ удивленный хозяинъ.

— Я бы желалъ взять у васъ какой нибудь отдѣлъ въ журналѣ, напр. отдѣлъ критики или же политики... Хотя этимъ я никогда не занимался, но, Боже мой, это такіе пустяки, такое легкое занятіе, что я бы не задумался... Какъ человѣкъ, думающій работать не изъ-за денегъ, какъ вообще всѣ ваши журнальные ремесленники, я впередъ готовъ согласиться на всѣ ваши условія... Главное дѣло—нужно подорвать тѣ нечистоплотные, мужицкіе принципы, которыми отличается наша журналистика...

Изумленный дерзостью искателя отдѣловъ въ журналѣ, редакторъ спѣшилъ увѣрить его, что онъ напрасно безпокоился, потому что всѣ отдѣлы уже давно заняты и мѣста критика или политика ему нельзя получить.

Франтъ разшаркался и началъ прощаться...

— Вы меня извините... Я вѣдь только такъ, кстати, ѣхалъ мимо, ну, думаю, дай заѣду къ вамъ... Здѣсь по близости домъ моего дяди... До свиданья...

*

И блестящій, роскошный гость исчезъ, оставивъ послѣ себя цѣлую струю аромата въ накуренномъ кабинетѣ редактора.

Всѣмъ этимъ непризнаннымъ и всюду отвергаемымъ литературщикамъ долго бы еще пришлось странствовать изъ одной редакціи въ другую съ ворохомъ прозы и стиховъ, еслибы у нихъ не явилось новаго благодѣтеля и милостивца въ лицѣ нашего уличнаго Донъ-Кихота—Льва Камбека. Какъ редакторъ «Петербургскаго Вѣстника», о которомъ всѣ знаютъ только по слухамъ, Левъ Камбекъ былъ гонимъ судьбой, потому, что несмотря на громкое имя издателя, подписка на газету не шла... Другой бы на мѣстѣ г. Камбека упалъ духомъ и обратился бы въ позорное бѣгство, но редакторъ «Петербургскаго Вѣстника» не способенъ на такіе подвиги.

— Нѣтъ, думаетъ нашъ рыцарь, меня не выручаютъ подписчики—такъ выручатъ сотрудники... Эврика!.. Слово найдено...

И находчивый публицистъ приступилъ къ исполненію своего смѣлаго плана, напечатавши слѣдующее воззваніе ко всѣмъ безграмотнымъ, бездарнымъ и бѣсомъ писанія одержимымъ:

«Сознавая живую потребность, чтобъ печатнымъ словомъ говорилось все, что чувствуется мыслящими людьми и начинающими заявлять свою мысль, убѣждаемся также при направленіи нашей журналистики, что это не всякому доступно, по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, не у всякаго есть имя зарекомендовавшее себя передъ публикою и во 2-хъ иная личность не нравится г.г. журналистамъ (?), и потому статьи подобныхъ лицъ не удостоиваются нетолько помѣщенія въ издаваемыхъ журналахъ, но даже и прочтенія ихъ редакторами.

«Желая распространить грамотность (хороша грамотность!) — не величая громкимъ именемъ литературы (еще бы!) — *предоставляю всѣмъ г.г. желающимъ помѣщать свои статьи*, (независимо отъ статей, принимаемыхъ по содержанію и достоинству въ самомъ журналѣ) *въ издаваемомъ мною журналѣ*: «*Петербургскій Вѣстникъ*», *за условленную плату редакціи*.

«Что же касается до литературнаго достоинства этихъ статей, я, какъ редакторъ, отвѣтственности на себя не беру, *потому что это дѣлается въ видѣ приложенія*, (будто бы редакторъ не долженъ отвѣчать за свои приложенія, г. Камбекъ? Гдѣ это вы слышали?) гдѣ всякое дарованіе будетъ дебютировать. Собственно же говоря о своемъ журналѣ, я какъ отвѣчалъ, такъ и буду отвѣчать предъ образованною публикою за помѣщаемыя, собственно въ журналѣ, статьи...»

Вотъ до какихъ милыхъ предпріятій довели г. Камбека его великодушіе и любовь къ ближнему! Эта любовь заставляетъ его терпѣть и сносить всеобщій смѣхъ и негодованіе, сносить упреки за шарлатанство и недобросовѣстность... Принося въ жертву свое личное самолюбіе, г. Камбекъ, съ тайнымъ сознаніемъ собственной правоты, можетъ теперь воскликнуть:

Клянусь, о матерь всѣхъ изданій,
Тебѣ не слыханно служу!
Зарницей новыхъ дарованій
Я безконечно дорожу!
Именъ и громкихъ и знакомыхъ
Пустъ всюду ищетъ журналистъ,
И новичку, за каждый промахъ
Пусть за листомъ мараетъ листъ!..
Ему-бъ все Гербель, да Потанинъ,
А начинающимъ—щелчки...
Я жъ въ журналистикѣ гуманенъ:
Мнѣ даже близки новички!
Внемлите-жъ—юноши, педанты,
Творцы и прозы и стиховъ!
Васъ, неизвѣстные таланты,
Я въ люди вывести готовъ!
Несите то̀ въ мою газету,
Что̀ отвергаетъ даже «Вѣкъ»,
И этотъ трудъ не канетъ въ Лету:
Его подниметъ Левъ Камбекъ!
Вездѣ гонимый, словно парій,
Въ печати свой увидитъ грѣхъ,
И за извѣстный гонорарій
Въ литературный станетъ цехъ.

Одинъ только вопросъ остается не рѣшеннымъ: удастся-ли г. Камбеку его операція? Люди, гоняющіеся за авторствомъ, въ наши практическія времена, смотрятъ на литературу, какъ на своего рода промышленность, и думаютъ промѣнивать свои чистыя мысли на чистыя деньги. Тутъ же не имъ платятъ деньги, а еще съ нихъ требуютъ!.. Нѣтъ, г. Камбекъ, для такихъ людей–слава, извѣстность — второстепенное дѣло. Что слава? говорятъ они....

Что слава? Перелетный дымъ,
Минутный звукъ хвалебныхъ арій!
О ней мы слышать не хотимъ,
А подавай намъ гонорарій!

Какія же у насъ еще есть новости? Неужели никакихъ? А театръ русскій, опера, Ристори, новыя пьэсы, новые бенефисы!.. Все это дѣйствительно есть, а между тѣмъ... ей Богу нѣтъ ничего новаго, кромѣ перечня представленій, актеровъ, антрактовъ, обманутыхъ надеждъ и измятыхъ афишъ и объявленій.

Наша гостья—Ристори, встрѣченная прошлый годъ такъ радушно русской публикой, въ послѣдній свой пріѣздъ имѣетъ полное право быть ею недовольна. Она, героиня всего театральнаго европейскаго міра, избалованная восторженными похвалами всего свѣта, должна придти въ негодованіе, видя, что во время ея представленій театръ почти совершенно пустъ...

Отчего же такое равнодушіе?

Одни не идутъ ее смотрѣть изъ патріотизма, — свой, де-скать театръ есть,—другіе, по собственному ихъ наивному признанію — за непониманіемъ итальянскаго языка, третьи-же просто по равнодушію къ таланту знаменитости.

Да, мы ужасные патріоты! Мы равнодушно смотримъ на игру Ристори, и въ то же самое время съ торжествомъ возлагаемъ лавровые вѣнки на головы нашихъ доморощенныхъ драматурговъ, посвящая ихъ въ геніи!.. Вотъ каковы мы!..

Положимъ, Ристори поражала насъ до глубины души, напр. хоть въ продолженіе всего четвертаго акта «Макбета.» Что-жъ? Скоро и у насъ, на русской сценѣ будетъ поставлена эта же пьеса, гдѣ въ роли Леди Макбетъ явится въ первый разъ г. Жулева. Леди Макбетъ и г-жа Жулева!.. Можно ли сомнѣваться за успѣхъ, особенно если самаго Макбета будетъ играть г. Леонидовъ.

На русской сценѣ явилось уже нѣсколько новыхъ пьесъ какъ напр. *Забитый* г. Иванова и «Жертва за жертву» г. Дьяченко, но... но позвольте лучше умолчать о нихъ. Еще была поставлена комедія г. Бобарыкина «*Однодворецъ*», напечатанная уже въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ то время, когда на нашемъ театрѣ появляются произведенія, систематически развращающія вкусъ русской публики, такія пьесы, какъ

Однодворецъ, разумѣется, пріятное явленіе. Если комедія не художественна, пусть будетъ она по крайней мѣрѣ умна и заставитъ задуматься. Какъ умная пьеса, *Однодворецъ* еще много выигралъ отъ умной игры нѣкоторыхъ актеровъ. Г. Васильевъ довелъ до типичности личность гарнизоннаго офицера, выслужившагося изъ кантонистовъ. Его юморъ почти вездѣ наивенъ, и главное не доходитъ до каррикатуры. Г–жа Ѳедорова, играя хитрую и развращенную гувернантку, также какъ и всегда, доказала, что она умѣетъ учить и понимать роли.

Вообще, чрезвычайно важно обставить каждую пьесу: отъ игры актеровъ зависитъ половина успѣха. А между тѣмъ у насъ это не всегда легко сдѣлать, не легко иного хорошаго актера упросить участвовать въ пьесѣ.

Есть у насъ одинъ артистъ, составившій свою театральную карьеру талантомъ *передразниванья*... Это его жанръ, его шикъ. Попробовалъ онъ также играть въ комедіяхъ Гоголя и Островскаго, но тутъ ужъ ему было не подъ силу, тутъ нужно было создавать, а не передразнивать... И вотъ, съ тѣхъ поръ этотъ артистъ получилъ такое отвращеніе къ этимъ писателямъ, что не можетъ даже о нихъ слышать...

Подите уломайте его играть въ какой нибудь современной пьесѣ.

— До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, я не явлюсь не въ одной русской комедіи, пока въ нихъ останется хоть капля подражанія этимъ Гоголямъ, этимъ Островскимъ...

Что за благородныя мысли, словно выхваченныя изъ субботнихъ фельстоновъ Ѳ. Булгарина.

Я упомянулъ имя Булгарина и вспомнилъ объ одномъ любопытномъ извѣстіи. Въ Одесскомъ Вѣстникѣ сообщаютъ о выходѣ въ свѣтъ сочиненій Ѳ. Булгарина, *въ переводѣ на болгарскій языкъ*. (!!) «Переводчикъ (говоритъ «Одесскій Вѣстникъ») не озаботился даже обозначить, какое именно сочиненіе онъ перевелъ; разсмотрѣвъ его поближе, мы догадываемся, что это чуть–ли не переводъ «Военныхъ воспоминаній». Переводчикъ, какъ видно, достаточно владѣетъ языкомъ; странно только то, что онъ, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ русскою литературою, избралъ для этой цѣли Булгарина. Не предполагалъ–ли онъ, что *Булгаринъ — болгаринъ*, и потому заслуживаетъ преимущества предъ другими авторами, для перевода на болгарскій языкъ»?

Бѣдная русская литература! Хорошее же понятіе будутъ имѣть о

тебѣ иностранцы, если станутъ читать переводныя сочиненія Ѳ. Булгарина, Греча и Аскоченскаго. Впрочемъ, можно ли винить переводчика Булгарина за дурной выборъ, въ то время, когда въ самой Россіи нѣтъ *исторіи русской литературы*. Гдѣ же иностранцу знать кого именно можно и должно переводить ему. Вѣдь въ самой же Россіи нашелся такой мудрый земскій судъ, который не шутя былъ занятъ вопросомъ: существуетъ–ли Царство Польское? Но то, по крайней мѣрѣ, было гдѣ–то въ глуши, въ трущобѣ, но мы прочли теперь еще разсказъ о новомъ подобномъ фактѣ, родившемся въ одномъ столичномъ присутственномъ мѣстѣ. Въ Русскомъ Инвалидѣ разсказываютъ о слѣдующемъ. «Одно изъ главныхъ столичныхъ учрежденій, недавно, а именно, отъ 16 октября за № 40466, обратилось въ другое вѣдомство съ просьбою сообщить «*гдѣ въ настоящее время находится тотъ отрядъ запорожскихъ казаковъ, который въ 1861 году былъ расположенъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ?*».. Этотъ запросъ подписанъ *четырьмя* членами этаго присутственнаго мѣста, слѣдовательно нельзя допустить, чтобъ подобное незнаніе такого важнаго факта отечественной исторіи, каково уничтоженіе Запорожской Сѣчи, произошло вслѣдствіе простой ошибки писаря... Нужно быть ловкимъ панегиристомъ, въ родѣ г. П. Арсеньева, чтобъ съумѣть оправдать такое грубое изумительное невѣжество...

Нѣтъ, учить васъ надо за–ново,
Всѣхъ отъ стараго до малаго —
По исторіи Кайданова
По исторіи Устрялова...

А вотъ еще любопытный фактъ. Въ то время, когда ученіе матеріалистовъ сдѣлалось почти всеобщимъ во всей Европѣ, одна Казенная Палата протестовала противъ этого оригинальнѣйшимъ образомъ, смѣло отстаивая безсмертіе души. Не вѣрите? такъ прочтите журналъ этой Палаты за № 215 (ст. Тульскія Губ. Вѣд. № 33), гдѣ между прочимъ сказано: «по мнѣнію Палаты... умершіе дворовые люди *не могутъ быть увольняемы* отъ обязательныхъ ихъ отношеній къ владѣльцамъ».

Эти слова — полное торжество Собакевича, увѣрявшаго, что... умершій человѣкъ—не мечта! Нѣтъ, это не мечта...

Будемъ ли мы, послѣ всѣхъ этихъ случаевъ, удивляться грамма-

тическимъ преобразованіямъ московской телеграфной линіи, гдѣ въ телеграммахъ слова *немедленно* и *съѣздъ* считаются каждое за два слова. Великая, въ самомъ дѣлѣ бѣда!..

Съ большимъ вниманіемъ я готовъ остановиться на одной статейкѣ журнала «Странникъ», которая направлена противъ трудолюбія русскаго простаго человѣка. Нѣкто г. Лебедевъ, напечаталъ въ Страникѣ поучительный разсказъ подъ названіемъ «Божіе наказаніе». Вотъ вкратцѣ его содержаніе: «Въ 1839 г. въ с. Ивановскомъ, Серпуховскаго уѣзда, Московской губ., пишетъ онъ, въ праздничный день (замѣтьте это) народъ вышелъ въ поле для ежедневныхъ занятій. Послѣ прекраснаго утра, неожиданно нависли тучи, наступила гроза, и молнія зажгла одинъ крестьянскій домъ. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя и въ скоромъ времени вся деревня превратилась въ груды пепла. Что жъ это значитъ? спрашиваетъ далѣе авторъ. — Очевидно, Божіе наказаніе за то, что этотъ день не былъ празднуемъ народомъ, а посвященъ имъ для трудовъ»...

Высказывая свою мораль, г. Лебедевъ вѣроятно даже не понялъ, что онъ является защитникомъ праздности и лѣни, находящихъ себѣ предлогъ бросать всякій трудъ и работу подъ самымъ законнымъ предлогомъ. Распространять въ нашемъ народѣ такія мысли въ настоящее время—больше чѣмъ нелѣпо. И безъ того отдыхъ былъ уже слишкомъ длиненъ...

Но довольно толковать объ этихъ разныхъ литературныхъ, полемическихъ и театральныхъ явленіяхъ... Перенесемся куда нибудь дальше, въ глушь, въ губернское затишье... Побываемъ прежде всего въ знакомомъ уже читателю *Приволжскѣ*, считающемъ себя городомъ *историческимъ*.

Есть въ Приволжскѣ частный пансіонъ для мальчиковъ и дѣвицъ, который содержитъ одинъ французскій выходецъ *Абеседе*. Жители Приволжска благословляютъ свою судьбу, за то, что въ ихъ городѣ нашелся добродѣтельный Французъ, обучающій ихъ дѣтей бѣгло болтать на языкѣ Расина и Корнеля. *Абеседе* тоже на свою судьбу не жалуется, и какъ педагогъ, знающій себѣ цѣну, ломитъ страшныя цѣны за свои уроки. Педагогическія же занятія *Абеседе* заключаются въ томъ, что онъ съ утра и до ночи бьетъ своихъ воспитанниковъ всѣми возможными орудіями: линейкой, тростью, зонтикомъ и пр. По

числу синяковъ и шишекъ на головахъ, плечахъ и рукахъ дѣтей можно судить всегда объ энергіи ихъ преподавателя. Несмотря на все это, репутація *Абеседе* съ каждымъ годомъ ростетъ; его пансіонъ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, и въ городѣ

Подъ великимъ штрафомъ
Французика признать велятъ —
Историкомъ и географомъ...

несмотря на его опустошительное избіеніе младенцевъ Приволжскаго края.

— Зачѣмъ вы отдали вашихъ дѣтей, къ этому парижскому пирату? спрашиваютъ, напримѣръ, Фурію Мегеровну, жену одного зажиточнаго тамошняго домовладѣльца: вѣдь Абеседе съ дѣтьми обращается ужасно скверно...

— Они у меня къ этому привыкли... Бьютъ,—значитъ за дѣло... А куда бы еще мнѣ ихъ сунуть, кромѣ Абеседе?

— Да хоть въ гимназію!

— *Въ жысть* ни одного сына не отдамъ туда! Срамъ! Тамъ рядомъ съ дѣтьми потомственнаго дворянина сажаютъ дѣтей сапожника, который шьетъ сапоги *мамў* мужу. (Фурія Мегеровна хоть и была институткой, но говоритъ всегда съ подобными сокращеніями). Отдадутъ-ли послѣ этого порядочные родители своихъ сыновей въ вашу гимназію. У Француза же живутъ дѣти однихъ только лучшихъ фамилій, а бить ихъ надо... безъ палки въ воспитаніи ничего не сдѣлаешь...

Супругъ, бывшій тутъ, только молча крякнулъ и сильно затянулся жуковымъ. Какъ же не благоденствовать послѣ того счастливому Абеседе!..

Есть тамъ еще другой наставникъ—учитель музыки, Карлъ Карловичъ. Этотъ свое дѣло ведетъ гораздо скромнѣе. Въ городѣ у него много учениць пѣнія, и вотъ какую спекуляцію онъ придумалъ. Хотя онъ за уроки получаетъ хорошую плату, но этого ему кажется мало. Поэтому онъ иногда, когда нужно ему деньги, составляетъ изъ своихъ учениць концертъ, недѣльку занимается съ ними, а потомъ открываетъ публичные музыкальные вечера — за деньги. Собираются родственники, знакомые, друзья учениць, съ умиленьемъ рукоплещутъ пѣвицамъ, и чуть на рукахъ не носятъ ихъ музыкальнаго воспитате-

ля. Сборъ же съ концерта идетъ разумѣется въ пользу Карла Карловича. И пріятно, и полезно!..

Но въ Приволжскѣ умѣютъ и другими, болѣе простыми способами наживать себѣ деньги. Есть тамъ одинъ купецъ Скоръ-Някъ, который, между прочимъ, ужасно любитъ употреблять иностранныя вина и... слова. По лексиконъ иностранныхъ словъ ему никакъ не дается, и онъ постоянно смѣшиваетъ слова *фаэтонъ* и *фельетонъ*, *бульваръ и будуаръ* и. т. д. Взялъ какъ-то Скоръ-Някъ у одной вдовы деньги на короткій срокъ за хорошіе проценты, но безъ всякаго векселя и росписки. Старуха видитъ, что человѣкъ богатый, вѣрный, не отказала ему. Проходитъ срокъ, является вдова за полученіемъ долга.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ любитель иностранныхъ словъ.

— Такъ и такъ, срокъ прошелъ, нельзя ли деньжонки мои отдать.

— Какія денежонки?

Старуха растерялась.—Да вотъ тѣ, что вы у меня взяли...

— Что вы, матушка, въ своемъ-ли умѣ? Я у васъ не бралъ никогда... Гдѣ же росписка, документы гдѣ?

— Да я вамъ безъ всякихъ документовъ дала.

Плутъ залился смѣхомъ.—Проказница вы! Да развѣ повѣритъ вамъ кто нибудь, что можно деньги такъ, на одно слово давать! Подите-ка разскажите кому нибудь... А у меня съ вами никакого дѣла нѣтъ, такъ и идите съ Богомъ...

Такъ и пропали у вдовы деньги.

Въ Приволжскѣ нерѣдко устраиваются благородные спектакли и публичныя чтенія съ благотворительною цѣлью, и тутъ-то вполнѣ высказывается губернское общество во всей своей патріархальной невинности. Исторія обыкновенно начинается съ выбора пьесъ для театра или же для литературнаго вечера и всѣ благородныя засѣданія всегда почти кончаются размолвкой двухъ-трехъ мирныхъ гражданъ.

Вздумалось одному изъ участвовавшихъ въ публичномъ чтеніи предложить читать извѣстное стихотвореніе Некрасова «Старыя хоромы». Кажется нѣтъ ничего необыкновеннаго! Напрасно такъ думаете! Дерзкая мысль предложившаго читать эти стихи была отвергнута съ негодованіемъ.

— Почему же нельзя прочесть «Старыя хоромы» спрашиваютъ у порицателей.

— Помилуйте! говорятъ они, это значитъ, оскорбить все общество здѣшнее, вѣдь это злая насмѣшка надъ нимъ!..

— И думать нельзя!

— Скандалъ!

И стихотвореніе не было допущено къ прочтенію.

Затѣяли тамъ также спектакль... Избранный кружокъ губернской знати не могъ составить этого спектакля, за неимѣніемъ дѣйствующихъ лицъ и поневолѣ долженъ былъ соединиться съ не-аристократами. Неловко, пожалуй, входить въ общее дѣло съ *плебеями*, но цѣль, благая цѣль благотворительности оправдывала средства, и губернскія львицы, съ кислой улыбкой начали вести переговоры съ нѣсколькими молодыми людьми средняго круга.

Молодежь предложила играть въ пользу бѣдныхъ студентовъ.

Одна пышная синьора сильно возстала противъ этого и въ свою очередь предлагала спектакль въ пользу одного закрытаго женскаго училища, въ безполезности котораго никто не сомнѣвался.

Одинъ молодой медикъ объяснилъ ей это, и доказалъ, что гораздо раціональнѣе играть въ пользу бѣдныхъ тружениковъ науки, которымъ помощь будетъ очень кстати.

Синьора окинула говорившаго величественнымъ взглядомъ, и промолчала. На другой день она съ непритворнымъ удивленіемъ разсказывала въ своемъ деревянномъ салонѣ:

— Непонятная дерзость у этихъ господъ! Ихъ мы допустили въ *нашъ* кругъ, а они, вмѣсто всякой благодарности, еще рѣшаются съ нами спорить и возражать... Ужасное неприличіе!

Послѣ этого, уже совершенно дѣлается понятной та трудность, съ которой сопряжена раздача ролей.

Одному чиновному лицу предложили играть роль буфетчика... нужно было видѣть его искреннее негодованіе.

Въ Приволжскѣ есть одинъ мѣстный *свой* Гордѣй Торцовъ со всѣми его замашками и претензіями на образованіе. Онъ очень глубокомысленно толкуетъ о дѣлахъ Испаніи и Америки, о Спрингфильдской битвѣ, и въ то же время недавно очень удивился, узнавъ, что онъ живетъ въ *старомъ свѣтѣ*. Какому-то, заѣзжему шутнику вздумалось увѣрить новаго Гордѣя Торцова въ томъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на *Пушкина*.

Гордѣй просіялъ отъ удовольствія. Въ томъ же мѣсяцѣ онъ купилъ себѣ портретъ поэта и повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ.

— А на кого похожъ? спрашиваетъ онъ часто своихъ хорошихъ знакомыхъ, подводя къ портрету.

Желающіе угодить ему, всегда говорятъ:

— На васъ, на васъ, Иванъ Ивановичъ... Поразительное сходство!.. И счастливъ Торцовъ, и еще болѣе важности является въ его осанкѣ, особенно когда онъ гуляетъ по городу и строго говоритъ своимъ дѣтямъ:

— Идите гордѣе!..

Въ эту минуту онъ неподражаемо хорошъ!..

Можно бы еще поговорить о Приволжскѣ, но у насъ стоятъ на очереди иныя мѣста и иныя рѣдкости... Въ Приволжскъ мы еще заглянемъ послѣ...

Учитель Нижнегубовскаго училища М. Зазубринъ ѣздилъ на каникулы и въ сентябрѣ заболѣлъ и просилъ становаго прислать ему доктора, но тотъ не прислалъ. Эти, дескать, дѣла нужно смазывать. Учитель пріѣхалъ въ городъ и явился къ доктору за свидѣтельствомъ, чтобъ послѣ мѣсячной неявки не отказали ему отъ должности. Докторъ (вѣрно опытный) заломался и потребовалъ свѣдѣнія изъ уѣзднаго суда. Къ этому времени пріѣхалъ въ городъ судебный слѣдователь Войникъ-Калиновичъ. Учитель объяснилъ ему свое затруднительное положеніе. Слѣдователь смекнулъ въ чемъ дѣло и просто сказалъ ему:

— Вы бы денегъ дали доктору.

— Да у меня и на проѣздъ чуть-чуть хватило.

— А знаете-ли что можетъ случиться? Вѣроятно уже становой далъ знать доктору. Напишутъ бумагу, составятъ актъ свидѣтельствованія и взыщутъ съ васъ прогоны на проѣздъ доктора, куда вы его вызывали.

— Но тогда въ деревнѣ всѣхъ можно спросить, что докторъ не былъ...

— А чѣмъ вы докажете? Пріѣзжалъ ночью да и только, никто не видалъ...

— Неужели же совершаются и теперь такія вещи?

— А вы думали нѣтъ? Разумѣется совершаются. Да и возставать противъ этого нельзя. Я самъ прежде горячился, а теперь смотрю на все хладнокровнѣе, мирюсь со всѣмъ. Не выдавалъ, я помню, мнѣ уѣздный судъ квартирныхъ денегъ, и оставлялъ ихъ у себя за труды.

Ну, я на первый разъ въ гоноръ вошелъ. Какъ, молъ, это можно! Хотѣлъ было жалобу подать, да спасибо товарищамъ,—вразумили.

— А чему васъ учили въ университетѣ? замѣтилъ Двойнику-Калиновичу одинъ изъ присутствующихъ.

— Чему учили тамъ, того на службѣ дѣлать нельзя; все это теорія, неприложимая къ дѣлу... Недавно, напр. посадилъ я въ острогъ мужика-вора. Приходитъ ко мнѣ жена его и плача указываетъ на кучу своихъ ребятишекъ:

— Чѣмъ кормить ихъ буду, в. бл?

— Манной, говорю.

— А если ея нѣтъ?

— Ну, молъ, мякиной.

— А если и мякины-то нѣтъ, батюшка?

— Умирай, голубушка! такъ и сказалъ, ей-Богу! Вы меня пожалуй варваромъ назовете, обскурантомъ... знаю, знаю, но тѣмъ не менѣе я правъ. Гуманнымъ нужно быть, но нужно быть и практичнымъ. Разскажу вамъ одинъ случай. Прошлаго года крестьяне одной деревни погорѣли и купили въ казенномъ лѣсу 700 деревьевъ для постройки. Они подпоили полѣсовщиковъ и вывезли 1000 деревьевъ. Полѣсовщики донесли офицеру. Тотъ слѣдствіе. Я совѣтую ему замять дѣло, не хочетъ. Я призвалъ мужиковъ, велѣлъ имъ спрятать лишній лѣсъ и—съ обыскомъ. Кое-гдѣ нашли лишнія деревья. Крестьяне говорятъ: это ель, а не сосна. Я же молчу, хоть знаю что сосна.

— Понятые! Что это?

— Ель, батюшка, ель!

Офицеръ смотритъ и не понимаетъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Меня же крестьяне выбѣгаютъ каждый разъ встрѣчать, какъ роднаго отца, если ѣду мимо. Что вы на это скажете?

Ну, что по вашему? По нашему умно!

— Вы повторяете слова Фамусова, замѣтили ему, а онъ плохой авторитетъ... А давно-ли вы окончили курсъ въ университетѣ?

— Другой годъ.

— Рано же вы созрѣли. Только не дай Богъ, чтобъ подобнаго рода зрѣлость распространялась между людьми, занимающими такія важныя по своей отвѣтственности должности, какую занимаете вы! Это прогрессъ въ другую сторону.

Дѣйствительно, нельзя не признаться, что люди съ подобной закалкой самые вредные, самые нетерпимые люди, и вотъ почему я особенно остановился на этомъ типѣ галантерейныхъ, лакированныхъ Сквозникъ-Дмухановскихъ. А такихъ господъ развелось не мало...

Въ нѣкоторой губерніи однимъ присутственнымъ мѣстомъ правилъ очаровательный и добродѣтельный *Саламандра*.

Что за милый былъ начальникъ!
Что за кроткая улыбка!..

Всѣ любили Саламандру и никто его не боялся. Взятку-ли кто возьметъ, просителя обманетъ, на службѣ ли прорвется — на все это благодѣтель смотрѣлъ сквозь пальцы. Но была у него одна болячка, одинъ лишай, который его постоянно безпокоилъ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Саламандра имѣлъ отвращеніе отъ нашей литературы и вообще отъ книжности. Онъ все готовъ извинить своему подчиненному, но не извинитъ *учености* и любви къ чтенію.

— Литература — есть мать всѣхъ пороковъ, говорилъ онъ.

Однажды, его помощникъ подаетъ ему нѣсколько бумагъ.

— Что это такое? спрашиваетъ Саламандра.

— Это приглашеніе, отъ нѣкоторыхъ редакцій журналовъ, которыя предлагаютъ свои изданія выписывать чиновникамъ съ разсрочкою въ платѣ.

— А кто смѣетъ у меня выписывать эти журналы? Гдѣ эти вольнодумцы? Я вотъ имъ задамъ... Дайте мнѣ эти бумаги...

Черезъ нѣсколько дней во всѣ редакціи были отправлены ихъ вызовы обратно, съ примѣчаніемъ, что такое-то присутственное мѣсто не имѣетъ желающихъ получать какіе-бы то ни было журналы...

И журналы послѣ этого тамъ никто не смѣлъ открыто выписывать. Саламандра торжествовалъ и умилился духомъ... Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, упрекнуть его за эту маленькую слабость?

Живя въ ладу съ чиновничьей доктриной,
Онъ съ нею вѣкъ покойно доживалъ,
И цѣлый край сливался въ хоръ единый:
«Онъ добродѣтелью всегда насъ умилялъ».
Скопивъ запасъ довольно крупныхъ серій,
Онъ былъ врагомъ новѣйшихъ фанаберій,

И, развернувъ газету иль журналъ,
Смотрѣлъ на нихъ съ ужасно кислой миной...
Живя въ ладу съ чиновною доктриной,
Онъ съ нею вѣкъ покойно доживалъ.

—

Смущая умъ моралью очень шаткой,
Служащимъ онъ внушилъ одинъ завѣтъ:
Не смѣть читать ни явно, ни украдкой
Новѣйшихъ всѣхъ журналовъ и газетъ.
Онъ имъ твердитъ: ужъ лучше пейте пѣнникъ.
Чѣмъ получать какой-то «Современникъ»
Я самъ давно, лѣтъ двадцать не читалъ,
Словесность всю считая мутной тиной...
Живя въ ладу съ особою доктриной,
Онъ съ нею вѣкъ покойно доживалъ...

Теперь мы перенесемся въ нашъ милый, давно знакомый Крутогорскъ, который, я увѣренъ, извѣстенъ каждому читателю. Вотъ пронеслись годы, много времени пробѣжало, въ Крутогорскѣ явились новые люди, новыя имена, но между тѣмъ,—странное дѣло—все тамъ идетъ по старому, какъ будто ничего не перемѣнялось въ его декораціяхъ...

Что за коммерція процвѣтаетъ въ Крутогорскѣ! Тотчасъ видно, что промышленный городъ... Есть тамъ одинъ купецъ *Ворол̄юбовъ*, торгующій ни больше, ни меньше, какъ крадеными вещами. Разными путями, разумѣется, не прямыми, скупалъ онъ все, что случалось: бронзу, хрусталь, матерію, золото, серебро и т. д. До поры до времени все было шито, да крыто. Но, наконецъ—*сорвалось*!.. У одного мѣщанина пропало платье и онъ заподозрилъ въ воровствѣ ходившаго къ нему юродиваго. Приходитъ къ нему какъ-то снова юродивый; онъ угостилъ его, напоилъ водкой, а потомъ началъ стыдить и уличать въ кражѣ. Юродивый сознался и объявилъ, что это платье находится въ лавкѣ Ворол̄юбова. Приходятъ они вмѣстѣ къ купцу и требуютъ платья назадъ. Купецъ сначала запирался, даже обидѣлся, но видя, что улики ясныя, просилъ зайдти за платьемъ на другой день. Мѣщанинъ далъ, между тѣмъ, знать объ этомъ квартальному, только недавно вступившему въ свою должность, собралъ понятыхъ— и маршъ въ лавку. Въ то время, когда мѣщанинъ получалъ свое

пальто, явились въ лавку понятые и квартальный. Послѣ обыска, отрыли большую лавку съ тайными подвалами, куда сносились разныя вещи въ продолженіи 15 лѣтъ. По городу тотчасъ разнеслась эта исторія. Но чѣмъ же все кончилось? Квартальный былъ смѣненъ съ своей должности, купецъ же Воролюбовъ посаженъ *на время* въ острогъ, и говорятъ, скоро изъ него выйдетъ совершенно оправданный. Оказывается при этомъ, что Воролюбова дѣла и поднимать-то не совсѣмъ ловко, потому что онъ значится умершимъ, что видно изъ дѣла его—*о біеніи жены*. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, судить мертвеца!..

Мертвіи срама не имутъ...
Что до мертвыхъ! Что до гроба!
Мертвыхъ жизнь—земли утроба!..

Очень часто приходится намъ теперь слышать о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются наши литераторы-обыватели, эти злокачественные корреспонденты, нарушающіе своими гусиными перьями мирный сонъ своихъ собратій—провинціаловъ. Каждый провинціалъ со страхомъ и трепетомъ ждетъ теперь почты, ждетъ новыхъ газетъ, ожидая найти въ нихъ *нѣчто* непріятное или для себя или для своихъ близкихъ... За то и нѣтъ житья теперь мѣстнымъ обличителямъ; имъ готовы надѣлать всевозможныхъ непріятностей и оскорбленій... Вотъ хоть бы г. Бочарниковъ! Въ Московскихъ вѣдомостяхъ (№ 218) было напечатано его весьма невинное письмо изъ Зарайска. Въ письмѣ своемъ онъ между прочимъ пишетъ: «говоря о Зарайскѣ, нельзя пройдти молчаніемъ мошенничество и воровство, которое господствуетъ въ нашемъ городѣ. Воры начали появляться цѣлыми шайками. Ночью, не смотря на сторожей, они отмыкаютъ у лавокъ замки и производятъ осмотръ чужаго имущества. Недавно такимъ образомъ была обкрадена лавка мѣщанина Ч—на. Сегодня въ 10 часовъ вечера, они посѣтили винный подвалъ купцовъ С—овыхъ; но унести ничего не могли, кромѣ свертковъ винныхъ ярлыковъ, вѣроятно, принявши ихъ за деньги; ихъ засталъ сторожъ, и когда хотѣлъ схватить одного изъ нихъ, то тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета и сильно ударилъ его по лицу. Выбѣжавшіе не успѣли схватить разбойниковъ, которые разбѣжались въ разныя стороны. Письмо это не осталось безъ послѣд-

ствій. Городничій Зарайска, прочтя статью г–на Бочарникова, обидѣлся, какъ за воровъ, такъ и за *реноме* Зарайска. Кому, кромѣ его, есть дѣло до благосостоянія города? Какъ осмѣлился корреспондентъ писать такія вещи? Позвать ко мнѣ бунтовщика!

Виновный явился.

— Какъ вы осмѣлились, сударь, пускать такую дурную славу о нашемъ городѣ? Мало-ли что еще въ городѣ дѣлается, такъ все нужно и описывать... Стыдно вамъ! Изъ избы сору не выносятъ!

Почтенный градоначальникъ, какъ видно, въ гласность не вѣровалъ и никакъ не могъ сообразить, что если изъ избы не выносить сору, то въ ней будетъ ужасная грязь и мерзость.

Частный приставъ, въ то же время, предложилъ городничему посадить корреспондента Московскихъ Вѣдомостей въ полицію. Только заступничество отца виновнаго спасло его отъ участи Павла Якушкина, и то только на тѣхъ условіяхъ, что онъ не станетъ болѣе заниматься такими неприличными занятіями, какъ журнальная корреспонденція.

Безполезныя мѣры! Въ необитаемомъ Зарайскѣ вѣрно не знаютъ, что всѣ ихъ карантины въ этомъ дѣлѣ безсильны. Замолчитъ одинъ, такъ найдется другой голосъ. Времена, господа, настали такія ужасныя!

Увяла роза
Добра, любви...
Метаморфоза
У всѣхъ въ крови.
Законъ приличій
Вездѣ забытъ,
Протестовъ, спичей
Огромный сбытъ, —
Гдѣ смѣхъ разитъ
Всѣхъ безъ различій,
Гдѣ городничій
Свой видитъ стыдъ...

— Страшно, за человѣка страшно!..

Страшно, за человѣка страшно! повторю я снова и уже не шутя, разсказывая слѣдующій случай, сообщенный тѣми же мос-

ковскими вѣдомостями (№ 250). Вотъ рѣшеніе волостнаго суда: одинъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ помѣщика Т. губ. З. уѣзда, г. N., принесъ жалобу въ Д. волостное правленіе въ томъ, что его жена отлучилась и пробыла неизвѣстно гдѣ въ продолженіи двухъ недѣль. Дѣло какъ видите чисто семейное, гдѣ еще Богъ знаетъ: кто правъ, кто виноватъ... Волостной судъ, чуждый разумѣется всякихъ нравственныхъ вопросовъ, выслушавъ жалобу крестьянина, призвалъ на спросъ несчастную крестьянку. За рѣшеніемъ дѣло не стало: бѣдную женщину приговорили, за самовольное отлученіе отъ мужа, къ наказанію розгами до двадцати ударовъ, и кромѣ того, приказали сковать ей руки и ноги и провести ее по всему селу. Позвавъ къ этому шествію встрѣченныхъ женщинъ и дѣвокъ сельскихъ, онъ приказалъ имъ пѣть пѣсни, а такъ какъ онѣ отговаривались отъ такой процессіи съ хороводомъ, то волостной судъ объявилъ имъ, что онъ вправѣ все сдѣлать, «праву нашему не препятствуй»,—и что если онѣ откажутся, то онъ имъ всѣмъ «шкуры сдеретъ» (подлинное выраженіе). Волей не волей крестьянки должны были исполнить приказаніе и этотъ поѣздъ съ измученной, забитой женщиной, съ заказными пѣснями двинулся по селу... Страшно, за человѣка страшно!.. повторяю снова.

Еще новый Иванъ Яковлевичъ!.. Давно-ли вся Москва, Москва всѣхъ мастей,—или, подражая слогу одной новой московской газеты, Москва червонная, Москва бубновая, Москва трефовая, Москва пиковая съ плачемъ и причитаніемъ оплакивала прахъ морочившаго ее шарлатана,—какъ вдругъ у умершаго явился новый наслѣдникъ, только уже не въ Москвѣ, а въ Херсонѣ. Вновь открывшійся юродивый рѣшительно овладѣлъ цѣлымъ городомъ, и къ нему, какъ и къ Ивану Яковлевичу сбѣгаются со всѣхъ сторонъ послушать его предсказаній или получить какой нибудь талисманъ. И добро бы темный народъ только интересовался этимъ плутомъ,—нѣтъ, его возили по городу какъ моднаго льва, къ людямъ *благороднымъ*, какъ тамъ говорятъ, къ людямъ занимающимъ видное положеніе въ обществѣ. Все это и смѣшно и грустно!..

Новый Херсонскій Каліостро—старикъ лѣтъ 70, съ длинною сѣдою бородой. Когда къ этому прорицателю являются посѣтители, съ просьбою открыть будущее (на такія просьбы особенно падки херсон-

скія барыни), тогда онъ принимаетъ строгій видъ, и увѣряетъ всѣхъ, что ему 160 лѣтъ.

Этотъ предсказатель, не смотря на свою особенную роль, въ то же время ужасный Хлестаковъ и каждому разсказываетъ, что къ нему пріѣзжаютъ «совитники сами старши въ Херсони», что онъ выгналъ злыхъ духовъ изъ дома чиновника N.

— Явился въ домъ Алексѣй Ѳедорычъ,—говоритъ онъ о себѣ, и все утихло.

Алексѣй Ѳедорычъ готовъ къ услугамъ каждаго, лишь бы давали денегъ да полштофъ водки. Затѣмъ начинается его—дурачество и шарлатанство: онъ бѣгаетъ по комнатѣ, шепчетъ надъ водою и потомъ даетъ ее пить, какъ средство отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней.

Съ утра, до поздней ночи, люди всѣхъ сословій и званій толпятся у его дома и ждутъ какъ милости его удивительной водицы.

Одинъ помѣщикъ увѣрялъ, что отъ употребленія воды, данной ему прорицателемъ, онъ избавился отъ гемороя. Вода эта была химически разложена въ аптекѣ, но въ удивительной жидкости не оказалось никакой посторонней примѣси. Да развѣ такихъ господъ увѣришь? Химія говоритъ! Что это за звѣрь такой — химія: нужно имъ очень знать... Юродивый — слѣдовательно тутъ никакая химія не устоитъ!.. И то правда!..

Все, что для простаго человѣка темно, непонятно, то кажется ему великимъ и необыкновеннымъ. Есть въ *городкѣ* одинъ обыватель, котораго по свидѣтельству умныхъ врачей давно слѣдовало-бы посадить въ домъ умалишенныхъ. А между тѣмъ между добродушными земляками Гонорарій Ивахвіевичъ З-й слыветъ за умнѣйшаго человѣка.

Главная болѣзнь Гонорарія Ивахвіевича заключается въ томъ, что онъ всегда заговаривается до отсутствія всякаго здраваго смысла, до бѣшенства. Говоритъ онъ часъ, другой, третій, руками бьетъ себя въ грудь, рветъ волосы, бѣгаетъ по комнатѣ и все говоритъ, все говоритъ...

— Боже мой! думаютъ простодушные слушатели, какъ хорошо, какъ умно говоритъ Гонорарій Ивахвіевичъ! Мы вѣдь тоже не дураки, чему нибудь да учились, а слушаемъ его и не понимаемъ. Голова, удивительная голова...

А оратора потому они и не понимаютъ, что онъ не здоровъ и завирается...

Чтобъ имѣть понятіе о его здравоуміи, вотъ слово-въ-слово записанныя слова его.

«Умозрительное начало есть, такъ сказать, вѣтвь или вѣточка растительнаго и органическаго цѣлаго, которое относится къ своей каждой частности также, какъ умственный горизонтъ относится къ зениту нравственности.»

Ясно, что понимать здѣсь нечего.

При такомъ складѣ ума, Гонорарій Ивахвіевичъ отличается самымъ безпокойнымъ характеромъ. По началу слѣдующей письменной жалобы можно будетъ судить, насколько хорошо здоровье губернскаго Цицерона: «При семъ отношеніи, имѣю честь препроводить къ N. N. два виска, вырванные Гонораріемъ Ивахвіевичемъ» и. т. д. и. т. д.

И вотъ въ семью этого господина какая-то несчастная звѣзда завела одну молодую дѣвушку, поступившую къ его дѣтямъ гувернанткою. Много выносила она оскорбленій и дерзостей отъ поврежденнаго декламатора, наконецъ однажды, послѣ того, какъ онъ бросилъ въ бѣдную образованную дѣвушку стуломъ, она не выдержала и ночью уѣхала изъ его дома.

На другой день г. З. пишетъ къ ней письмо. Цѣли этого посланія понять нельзя, но самое письмо такъ замѣчательно по своему стилю и по хроническому юродству, что привожу его здѣсь цѣликомъ:

«Поступокъ вашъ противу меня и воспитывающихся у васъ дѣтей нашихъ, настолько не извинителенъ и извиненіемъ не изолированъ, какъ наставницы и къ тому же очень молодой дѣвицы, что я, не желая отвѣчать Вамъ союзомъ неблагодарности, напомню только объ одномъ, что мой домъ (не какъ строеніе, а какъ семья) не изъ тѣхъ, который бы можно было оставлять, снова повторяю еще болѣе дѣвицѣ... такъ какъ вы?

Если вы и были готовы, думая, что въ состояніи будете сдѣлать абсолютную непріятность необдуманнымъ и вполнѣ не извинительнымъ поступкомъ въ продолженіи цѣлаго дня, и дѣйствіями страдательными, вызывающими и невольно ребенка а за нимъ и меня, какъ ребенка родителя; но ребенокъ зная меня, а я его, не допускали себя ни на какую даже малѣйшую неловкость, а я вынужденный во $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера съ 9-ти утра, замѣтилъ вамъ осторожнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ слѣдовало (не допускавши, какъ это бывало прежде отца дѣтей

т. е. меня, и моихъ дѣтей, какъ ихъ отца до неприличнаго съ ихъ стороны какого бы то ни было поступка хотя и вызываемаго съ заду на передъ, противъ всякаго ожиданія), то за то я и отвѣчаю, а не пустое и ничтожное въ наставницѣ къ дитяти месть.

Мстить вамъ за это, какъ и вообще я неспособенъ; но напоминать о дурномъ и даже болѣе не могу.

«Представляя всѣ остальныя соображенія персонально или вообще обществу (гдѣ вы мнѣ не извѣстно, потому что я извѣстности избѣгаю) въ которомъ находитесь, дополняю что вещи ваши, какъ и сами безъ вещей могутъ (если только никто другой, а сами вы вполнѣ виноваты) выбыть изъ нашего дома, такъ какъ и поступили они т. е. лично вмѣсто съ вами, а не какъ не по пересылкамъ чрезъ другихъ, не смотря на вашъ тайный и ночной, по колѣно въ грязь уходъ».

Гонорарій 3-й

Характеръ болѣзни Гонорарія Ивахвіевича изъ этого письма ясно опредѣляется. Лечиться, батюшка, непремѣнно лечиться нужно!..

Еще одинъ послѣдній фактъ... У одного господина назовемъ его хоть *Солониной*, на табачныхъ плантаціяхъ работаютъ женщины, приходящія изъ другихъ деревень. Какъ эмансипаторъ, *Солонина* совершенно согласенъ, что женщины могутъ занимать всѣ должности, выносить всѣ трудности, доставшіяся на долю мущины. Женщина, нисколько, де-скать, не хуже мущины! Пусть она исполняетъ всѣ его обязанности. Нашлось только одно неудобство въ примѣненіи его современной теоріи къ дѣлу: у большинства женщинъ были грудные дѣти, которые постоянно отвлекали ихъ отъ занятій. Но эмансипаторъ и тутъ былъ находчивъ. По его приказанію всѣхъ грудныхъ дѣтей матери сносили въ пустой сарай, гдѣ ихъ клали, какъ тыквы на землю и оставляя безъ всякаго присмотра, уходили на работу. Сами же матери отпускались въ сарай въ опредѣленное время, чтобъ покормитъ ребятишекъ и снова прогонялись на плантаціи... Что это? времена драгонадъ, или времена прогресса? Рѣшите, пожалуйста...

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 34.

(Октябрь 1861 года).

Мое трехлѣтнее горе и неожиданная радость. — Остроумiе Искры. — Стансы въ честь анонима, громящаго Русское Слово и Шахматный Листокъ. — Вдохновенный характеръ анонима. — Выписка изъ Искры. — Грустныя заключенiя. — Извѣстiе о матчѣ Колиша съ Паульсеномъ. — Петербургскiе шахматные турниры. — Консультацiонная партiя И. С. Шумова и гр. Г. А. Кушелева-Безбородко противъ В. М. Михайлова и В. В. Пеликана. — Одна игра А. М. Максимова съ Н. А. Михайловымъ. — Рѣшенiе задачъ. — Задачи. — Корреспонденцiя. — Исправленiе опечатки.

Никогда еще не принимался я за Шахматный Листокъ въ такомъ веселомъ настроенiи духа какъ нынѣшнiй разъ. Мало сказать веселомъ: я просто не помню себя отъ радости, я въ восторгѣ, въ упоенiѣ, и еслибъ въ душѣ моей теплилась хоть самая тощенькая струйка священнаго огня поэтовъ, я-бъ непремѣнно воспѣлъ хвалебный гимнъ «Искрѣ», потому что, любезные читатели, никто иной какъ она (вы это сейчасъ увидите) причиною моего восторга. Но, чтобъ подѣлиться съ вами моею радостью, позвольте сперва повѣдать грусть, снѣдавшую мое любящее шахматную игру сердце, горе, угнетавшее меня съ того самого дня, какъ я впервые заговорилъ печатно о матахъ и гамбитахъ, пѣшкахъ и ферзяхъ.

Шахматный Листокъ существуетъ уже почти три года, и во все

это время ни одинъ изъ русскихъ журналовъ не сказалъ о немъ ни слова. Я страшно самолюбивъ, и такое равнодушіе русской журналистики было для меня невыносимо. Желаніе обратить на себя вниманіе журналовъ овладѣло всѣмъ существомъ моимъ, сдѣлалось моею idée fixe. На страницахъ Русскаго Вѣстника, Отечественныхъ Записокъ, Вѣка, я искалъ уже не прелестныхъ повѣстей князя Кугушева, не глубокомысленныхъ рецензій Дудышкина, не высоконравственныхъ сужденій Камня Виногорова; я искалъ одного: слова о Шахматномъ Листкѣ, искалъ. . . . . и не находилъ! И не подумайте, чтобъ я ожидалъ похвалъ; о нѣтъ: мое честолюбіе не заходило такъ далеко. Но самый строгій, самый жестокій приговоръ былъ бы легче этого гробоваго, убійственнаго молчанія. Боже мой, думалъ я не разъ, хоть бы Отечественныя Записки почтили меня нѣсколькими обдуманными, безстрастными, навѣвающими сонъ строчками, хоть бы Странникъ прочелъ мнѣ пастырское наставленіе, хоть бы Аскоченскій разразился проклятіемъ. Но,—«Увы, молчанье вкругъ глубоко». Я былъ близокъ къ отчаянію, къ самоубійству. И вдругъ, о счастіе, о восторгъ, о блаженство! Остроумнѣйшій изъ русскихъ журналовъ, нашъ **Punch**, нашъ **Sancho**, изданіе, пользующееся сотрудничествомъ Ефима Щуки, Дяди Пахома (и въ псевдонимахъ то какое дьявольское остроуміе!), украшенное карандашами современныхъ нашихъ Гогардовъ, однимъ словомъ милая, изящная, неподражаемая «Искра» бросила свой умный, проницательный, прогрессивный взглядъ на скромныя страницы Шахматнаго Листка. Правда, она отзывается о немъ и о всемъ Русскомъ Словѣ неблагосклонно, выражается рѣзко, даже просто бранится; она нещадно язвитъ насъ всею силою своего вольтэровскаго сарказма, сарказма мѣткаго какъ хлыстъ Оже, сокрушительнаго какъ водка, изящнаго какъ праздники Излера, какъ гостинница Еремѣева. Оно страшно, оно опасно, но въ то же время лестно,—чрезвычайно лестно. Возбудить ювеналовское негодованіе Искры—не бездѣлица. Припомнимъ, что силы этого журнала постоянно направлены на разработку самыхъ существенныхъ, животрепещущихъ вопросовъ. Петербургская погода, мостовая, дамскія кринолины, плохіе врачи, дачники съ ихъ простудами и флюсами—

вотъ предметы, поглащающіе вниманіе просвѣщенной Искры. Намъ скажутъ пожалуй, что вопросъ о дачникахъ не отличается уже современностью, что съ легкой руки покойнаго Ѳаддея Венедиктовича Булгарина всѣ фельетонисты изощряли надъ ними свое остроуміе и даже жестоко надоѣли читателямъ. Положимъ что и такъ, но нельзя не замѣтить, что Гг. Курочкинъ и Степановъ сдѣлали важное усовершенствованіе въ преслѣдованіи нашей пагубной страсти къ вилледжіатурѣ; Булгаринъ и его послѣдователи острили надъ дачниками только въ извѣстное время года: отъ мая до іюля; Искра же напротивъ того, вполнѣ понимая всю важность предмета, возвращается къ нему безпрестанно, круглый годъ, отъ января до декабря. И еще недавно, въ то время когда петербургскія улицы покрылись уже густымъ слоемъ снѣга, трещалъ морозъ въ 15 градусовъ, всѣ кутались въ шубы и ужь никто конечно не думалъ перебираться на острова или въ Парголово, Искра поразила дачниковъ новой, прелестной каррикатурой и еще болѣе прелестнымъ каламбуромъ. Талантливый рисовщикъ весьма удачно изобразилъ нѣсколько уродовъ съ жестоко-распухшими, повязанными щеками: ясно, что уроды страдаютъ сильнымъ флюсомъ. Внизу подпись: *дачники, надутые петербургскою погодою*. Понимаете? Понимаете ли вы, спрашиваю я васъ, всю силу сарказма, всю ѣдкость аттической соли этого несравненнаго jeu de mots? *Надутые* т. е. обманутые и *надутые* т. е. распухшіе. Вѣдь это прелесть, наслажденье! Il y a du Molière là dedans. А нашлись таки люди, которые и это порицали, называли этотъ очаровательный каламбуръ плоскостью и увѣряли даже, что онъ цѣликомъ взятъ изъ покойнаго Ералаша. Нѣтъ, ужь это слишкомъ, это просто клевета: я готовъ присягнуть, что каламбуръ принадлежитъ самой редакціи Искры или, по крайней мѣрѣ, кому нибудь изъ лицъ, раздѣляющихъ ея труды. Пожалуйста не подумайте, чтобъ выраженіе *труды* Искры было употреблено мною въ ироническомъ смыслѣ: Боже упаси! оно заимствовано изъ объявленія о выходѣ этого журнала въ будущемъ году.

Понятно, что при такомъ направленіи, такомъ остроуміи и такихъ трудахъ, Искра не можетъ читать нашъ Листокъ безъ него-

дованія. Люди заняты дѣломъ, обдумываютъ сатиру на зубнаго врача или каррикатуру на мужика, который, катаясь на масляницѣ съ горъ, упалъ съ санокъ, а имъ тутъ поподается журналъ, передающій извѣстіе какого нибудь глупѣйшаго Times'a или Indépendance о шахматномъ митингѣ назначенномъ въ Бристолѣ; или, еще хуже, увѣдомляющій объ основаніи шахматнаго клуба въ Саратовѣ. Это дѣйствительно несносно. И нечему удивляться если въ отзывѣ, который мы сейчасъ приведемъ вполнѣ, Искра называетъ шахматную игру *тупоуміемъ*, Листокъ *позорной галиматьей* и т. п. Я, напротивъ того, удивляюсь чрезмѣрной мягкости, деликатности почтеннаго анонима (статья къ сожалѣнію не подписана) въ его нападкахъ на Русское Слово и Шахматный Листокъ; я убѣжденъ, что еслибъ онъ не такъ стѣснялся приличіями, выражался рѣзче, бранился крупнѣе, статья вышла бы еще лучше. Впрочемъ она и такъ хороша: умна, мила, жива до крайности. Надѣюсь что остроумный критикъ не приметъ, по излишней скромности, моихъ похвалъ за лесть. Нѣтъ, милый анонимъ, повѣрьте что мое удивленіе къ вашему полемическому таланту, вашему такту и остроумію совершенно искренно.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда тебѣ
Хвалу въ Листкѣ моемъ слагаю:
Свои я чувства выражаю,
Я вѣренъ остаюсь себѣ.

—

Тебя я крѣпко полюбилъ:
Ты мило, ловко споришь съ нами;
Листокъ ты сразу оживилъ
Насмѣшкой, бранью, клеветами.

—

О нѣтъ, хоть ты ругнешь порой,
Но милъ мнѣ духъ твоей сатиры,
И Искры неподкупной лиры
Вольтэровскій ты понялъ строй.

—

Ты можешь прозой передать
Пахома Дяди пѣснопѣнье,
Какъ Щука сѣять просвѣщенье,
Пороки наши обличать.

—

Текла безвѣстно жизнь моя,
Листокъ дарилъ мнѣ только муку,
Но ты карающую руку
Простеръ—и вотъ ужь веселъ я.

—

Своимъ высокимъ вдохновеньемъ
Ты мысль одушевилъ мою,
И я-ль съ сердечнымъ умиленьемъ
Тебя хвалой не воспою?

Слово *вдохновенье* нисколько не преувеличено. Вы можете не соглашаться съ мнѣніями анонима, находить его выраженья нѣсколько грубоватыми, но не признать вдохновеннаго характера его рѣчи также невозможно, какъ не признать вдохновенья въ Хлестаковѣ, когда, послѣ завтрака въ богоугодныхъ заведеніяхъ, онъ разсказываетъ чудеса про свою петербургскую жизнь. Отзываясь напримѣръ съ похвалой о статьѣ Павлова, помѣщенной въ мѣсяцесловѣ на 1862 годъ, анонимъ прибавляетъ: «но мы ея не читали еще». Далѣе, насмѣхаясь надъ Щедринымъ (а мы то бѣдняжки, дѣйствительно считали автора Губернскихъ Очерковъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской литературы!), онъ говоритъ: «у послѣдняго (Щедрина) все выработано, вышлифовано «до послѣднихъ деталей, ясно, прозрачно до послѣднихъ мозговъ». Очевидно, что судить о статьѣ, которой, по собственному признанію, не читалъ, и употреблять такія метафоры какъ *послѣдніе мозги*, можно лишь подъ вліяніемъ вдохновенья. Одинъ только разъ оно какъ бы оставляетъ писателя: это когда онъ говоритъ «я чувствую, читатель, что я надоѣлъ вамъ.»

Объемъ Листка не позволяетъ мнѣ къ сожалѣнію указать всѣ прелести хроники Искры, но отзывъ о Русскомъ Словѣ и Шахматномъ Листкѣ считаю необходимымъ привести во всей

цѣлости. Обращать вниманье читателя на мѣста по преимуществу остроумныя было бы излишне: дѣло само за себя говоритъ; къ тому же, вкусныя яства лучше всего подавать au naturel. Позволю себѣ только два предварительныхъ замѣчанія. 1) Выписки изъ Шахматнаго Листка, относятся къ январской книжкѣ этого обозрѣнія. 2) Онѣ не совсѣмъ-то точны. Напримѣръ, въ Листкѣ напечатано: «Довольно сказать что для настоящаго Листка мы имѣемъ одну «только игранную здѣсь партію», а Искра передаетъ это такъ: «Довольно сказать, что во всю зиму въ Петербургѣ была съиграна «только одна порядочная партія». Ясно, что милый хроникеръ цитируетъ слова мои по памяти, и это мнѣ разумѣется какъ нельзя болѣе лестно. Предположить, чтобъ онъ имѣлъ книгу передъ глазами и такъ фантазировалъ, было бы не учтиво; вдохновенье вдохновеньемъ, но вѣдь не такъ же оно сильно, чтобъ перо не повиновалось волѣ пишущаго.

«Русское Слово, говоритъ Искра (*), объявило также о своемъ выходѣ въ свѣтъ и въ будущемъ 1862 году. Объявленіе написано съ трескомъ, блескомъ, эффектомъ, какъ пишутся объявленія о привозѣ разныхъ звѣрей въ звѣринцы, потерявшіе уже прелесть новости. . . . . А впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобы и тепла въ немъ вовсе не было... Но не въ этомъ дѣло. Насъ всего болѣе интересуетъ шахматный листокъ, который, къ нашему искреннему удовольствію, будетъ прилагаться къ «Русскому Слову» и въ 1862 году. Намъ рѣдко удается прочитывать всѣ статьи «Русскаго Слова». Но шахматный листокъ мы прочитываемъ всегда отъ конца до конца. Намъ нравятся и эти a1—b1, и b2—dn, и g8—f7+, — которыми онъ всегда преисполненъ въ такомъ обиліи,—припоминаешь, какъ-то невольно, время изученія Алгебры— время дѣтства — милое время! нравятся и отказанные гамбиты, и неотказанные, и остроумныя рѣшенія шахматныхъ вопросовъ, и блистательные бои и побѣды разныхъ европейскихъ шахматныхъ знаменитостей (какихъ, читатель, не бываетъ на свѣтѣ знаменитостей!), а всего болѣе, разумѣется, радуютъ наше сердце подвиги нашихъ отечественныхъ шахматистовъ. Сердце замираетъ отъ во-

(*) 3-го Ноября 1861 г. № 42. Хроника прогресса.

сторга, когда читаешь, какъ остроумно, какъ глубокомысленно многіе изъ нашихъ шахматныхъ мыслителей рѣшаютъ самыя трудныя, самыя сложныя задачи! И мы денно-нощно молимъ Бога, чтобъ для благоденствія любезнаго нашего отечества расплажалось какъ можно болѣе такихъ дѣятелей. И надежды есть, читатель, на такой приплодъ хорошія! Правда, краснорѣчивый историкъ шахматнаго просвѣщенія въ Россіи, обозрѣвая ходъ его въ 1860 году въ нашемъ отечествѣ, съ горькимъ соболѣзнованіемъ замѣчаетъ, что «въ Петербургѣ собственно, сезонъ этого года былъ крайне неблагопріятенъ царственной игрѣ». «Въ теченіи всей зимы не было нигдѣ многолюднаго шахматнаго собранія; было, правда, два турнира, но турниры самые мискроскопическіе; одинъ состоялъ только изъ четырехъ бойцовъ, другой изъ шести. *(Какая жалость, читатель!)* Не слышно было ни о какомъ матчѣ, ни о какой интересной партіи *(Боже! какія ужасныя, варварскія времена!)*. Довольно сказать, что во всю зиму въ Петербургѣ была сыграна только одна порядочная партія, да и то далеко не безукоризненная, и интересная, единственно, для малоопытныхъ любителей, которымъ, можетъ быть, поучительна, какъ примѣръ сильной, хотя и очень рискованной атаки со стороны игрока, давшаго впередъ ладью.» *(Поистинѣ ужасно! Но, слава Богу, хоть и это было! А то срамъ, чисто срамъ былъ бы для Петербурга!.)*

«Но «если петербургскіе любители, — продолжаетъ историкъ, — охладѣваютъ къ шахматной игрѣ, то за то въ провинціи любовь къ ней начинаетъ мало по малу распространяться (*какое счастіе, читатель, какая радость для нашего времени*!). Въ Саратовѣ образуется шахматное общество и пока не имѣетъ еще особеннаго помѣщенія, а пріютилось въ коммерческомъ клубѣ, но есть надежда, что современемъ получитъ независимое существованіе (*Дай Богъ, дай Богъ*). Въ Нижнемъ Новгородѣ также существуетъ нѣчто въ родѣ шахматнаго клуба. Шестнадцать ревностныхъ (*слушайте, Бога ради, слушайте!*) любителей собираются въ извѣстные дни между собою, и, какъ слышно, собранія эти бываютъ иногда очень оживлены (*какъ пріятно-то, какъ пріятно! Вотъ истинно порадовали доблестные сограждане Козьмы Минина!*). Все

это однако,—продолжаетъ съ грустію тотъ же историкъ,—не болѣе, какъ довольно неопредѣленные слухи, и мы были бы весьма благодарны, если-бы кто нибудь изъ нижегородскихъ любителей взялъ на себя трудъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о тамошнихъ *шахматныхъ событіяхъ* (*sic! Доблестные граждане Нижняго! Отрете-ли вы слезы нашего Өукидида шахматныхъ событій?*). Замѣтимъ еще, — все это рѣчь того же историка, — въ подтвержденіе мнѣнія о распространеніи вкуса (sic!) къ шахматной игрѣ въ провинціи, что изъ получаемыхъ редакціей «Листка» писемъ, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ присылаются изъ разныхъ губерній, и, что всего лучше, письма эти съ каждымъ мѣсяцемъ становятся дѣльнѣе и интереснѣе (*вотъ оно какъ! Слава Богу, слава Богу!*) Въ началѣ существованія Листка, они ограничивались почти исключительно рѣшеніемъ задачъ, а теперь корреспонденты уже не рѣдко сообщаютъ проблемы собственнаго сочиненія, замѣчанія по части теоріи игры, и наконецъ дѣйствительно игранныя партіи.» (*Какіе по истинѣ гигантскіе, успѣхи провинціальнаго общества!*).

«Однако довольно, читатель. Мы очень хорошо понимаемъ, что могутъ быть любители шахматной игры, какъ есть любители лото, карточной игры, игры въ мячь, бабки, свайку и т. п., что у нихъ— у этихъ любителей—могутъ быть свои клубы, свои историки, свои журналы и т. д. Но мы не можемъ понять вотъ чего: какимъ образомъ общественно-литературный журналъ, который говоритъ о себѣ, «что къ интересамъ народа направлена его основная мысль, что онъ раздѣляетъ и будетъ раздѣлять его (народа) радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю», какимъ образомъ такой журналъ можетъ публично объявлять себя органомъ распространенія тупоумія въ народѣ и дѣйствительно печатать на своихъ страницахъ такую позорную галиматью, какую мы привели выше?.»

Превосходно! Вѣрно, игриво и въ то же время сильно, очень сильно. Восхищаясь такъ безусловно выписанными здѣсь строками я разумѣется продолжаю смотрѣть на нихъ какъ на продуктъ вдохновенья, того милаго вдохновенья, подъ вліяніемъ котораго че-

ловѣкъ смѣло пускается въ толки о предметѣ ему вовсе не извѣстномъ, смѣется не зная чему и также безсознательно бранится. Но если взглянуть на эти строки какъ обыкновенно смотрятъ на человѣческое слово, искать въ нихъ основательности сужденій или по крайней мѣрѣ здраваго смысла, остроумія или покрайней мѣрѣ сколько нибудь забавной шутки, тогда конечно придешь по неволѣ къ инымъ, слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Увѣряя, будто программа Русскаго Слова написана съ трескомъ и эффектами, какъ объявленіе о привозѣ звѣрей въ звѣринцы, хроникеръ ее однако не выписываетъ и только въ концѣ статьи приводитъ нѣсколько вовсе не трескучихъ словъ этой программы. Это подозрительно. Чтеніе программы вполнѣ подтверждаетъ подозрѣніе: она написана совершенно просто.

2) Смѣяться надъ условными выраженіями шахматной игры чрезвычайно—какъ бы это сказать?—*странно*. Что бы подумали о человѣкѣ, который, не зная музыки, сталъ бы издѣваться надъ письменнымъ означеніемъ музыкальныхъ звуковъ или, не умѣя играть въ пикетъ, разразился хохотомъ отъ такихъ выраженій какъ терцъ-мажоръ, леза и т. п.? Не знаю, что бы вы подумали, но знаю навѣрно что бы вы сдѣлали: вы непремѣнно послали бы за докторомъ.

3) Восклицанія, которыми такъ щедро пересыпана выписка изъ Листка, едва-ли покажутся кому нибудь остроумными. Всѣ эти *sic*, эти *слава Богу!*, *слава Богу!*, *Слушайте, Бога ради*, *слушайте! дай Богъ*, *дай Богъ*, обнаруживаютъ напряженное желаніе съострить, сказать что нибудь колкое, и въ то же время полнѣйшее неумѣнье владѣть насмѣшкой.

4) Утверждая будто онъ *очень хорошо понимаетъ*, что игра въ бабки можетъ имѣть своихъ историковъ и свои журналы, почтенный анонимъ просто самъ не знаетъ что говоритъ. Историкъ или журналъ игры въ бабки—нелѣпость немыслимая.

5) Если онъ дѣйствительно не можетъ понять, какимъ образомъ журналъ, *главная* мысль котораго направлена на существенно-важные современные вопросы, допускаетъ въ то же время, въ особомъ отдѣлѣ, статьи по части шахматной игры, то это свидѣтельствуетъ

только о слабости его понимательной способности. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ существуетъ множество литературно-политическихъ газетъ, которыя имѣютъ шахматные отдѣлы (*); страннымъ, а тѣмъ болѣе *непонятнымъ*, никто этого тамъ не находитъ.

6) Заключительныя слова анонима—ничто иное, какъ площадная, совершенно бездоказательная брань.

Немного прошло времени съ тѣхъ поръ какъ Колишъ потерпѣлъ небольшое пораженіе отъ Андерсена и вотъ онъ ужь вступилъ въ новую борьбу съ противникомъ менѣе знаменитымъ, но можетъ быть еще болѣе опаснымъ, съ несравненнымъ въ искусствѣ играть по памяти Лудвигомъ Паульсеномъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Америки въ Лондонъ, чтобъ испробовать свои силы противъ лучшихъ игроковъ Европы. Борьба еще не кончена и поэтому мы отлагаемъ до слѣдующаго выпуска сообщеніе партій этого въ высшей степени интереснаго матча, а пока скажемъ нѣсколько словъ о подвигахъ нашихъ Петербургскихъ шахматистовъ. Въ пятницу, 13-го октября, у одного изъ здѣшнихъ любителей, уже извѣстнаго читателямъ Листка (Шахм. Лист. за 1860. г. стр. 105) А. И. Максимова составился шахматный турниръ изъ двѣнадцати бойцовъ. По условіямъ турнира, въ первыхъ двухъ состязаніяхъ игроки распредѣляются жребіемъ. Проигравшіе въ этихъ состязаніяхъ любители теряютъ право на дальнѣйшее участіе въ турнирѣ, остальные же трое состязаются между собою такъ, что каждый изъ нихъ играетъ поочередно съ двумя прочими, выигравшій у обоихъ противниковъ получаетъ первый призъ, выигравшій у одного и проигравшій другому—второй призъ, проигравшій обоимъ—третій. Если случится, что каждый изъ трехъ выиграетъ и проиграетъ по одной партіи, тогда они вновь играютъ другъ съ другомъ до полученія рѣшительнаго результата. Впрочемъ, та-

---

(*) Если revues Англіи и Америки не имѣютъ такихъ отдѣловъ, то это единственно потому, что тамъ есть ежемѣсячные журналы, посвященные исключительно шахматамъ.

кой случай весьма невѣроятенъ, многократное же повтореніе его совершенно невозможно, также какъ безпрерывно возобновляющаяся ничья. Прилагаемая таблица объясняетъ порядокъ и результатъ состязаній этого турнира.

1-е Состязаніе.

Выиграли:	Проиграли:
1. Осипъ Ивановичъ *Корбутъ*.	Владиміръ Алексѣевичъ *Велецкій*.
2. Николай Ивановичъ *Петровскій*.	Викторъ Михайловичъ *Михайловъ*.
3. Николай Алексѣевичъ *Михайловъ*.	Викторъ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
4. Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.	Георгій Николаевичъ *Родзевскій*.
5. Евгеній Николаевичъ *Бутковкій*.	Николай Ипполитовичъ *Миссарошъ*.
6. Владиміръ Ивановичъ *Калашниковъ*.	Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ*.

2-е Состязаніе.

Выиграли:	Проиграли:
1. Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.	Евгеній Николаевичъ *Бутковскій*.
2. Владиміръ Ивановичъ *Калашниковъ*.	Николай Ивановичъ *Петровскій*.
3. Николай Алексѣевичъ *Михайловъ*.	Осипъ Ивановичъ *Корбутъ*.

За тѣмъ А. И. Максимовъ разбилъ двухъ остальныхъ побѣдителей турнира, и слѣдовательно взялъ первый призъ (30 р.), второй (20 р.) завоевалъ В. И. Калашниковъ побѣдою надъ Н. А. Михайловымъ, который получилъ такимъ образомъ только третій призъ (10 р.)

Нѣсколько дней спустя у графа Г. А. Кушелева-Безбородко составился подобный же, только менѣе многочисленный турниръ. Въ немъ принимали участіе: И. С. Шумовъ, графъ Г. А. Кушелевъ - Безбородко, Г. Г. Циммерманъ, В. В. Пеликанъ, О. И. Корбутъ и Н. И. Петровскій; первый призъ достался Шумову, второй Циммерману. Наконецъ былъ еще третій турниръ въ клубѣ Благороднаго Собранія, гдѣ вообще довольно много играютъ въ шахматы, такъ что для этой игры отведена даже особая комната.

Партіи, игранныя на всѣхъ этихъ турнирахъ не принадлежатъ къ числу особенно занимательныхъ какъ потому, что необходимость окончить турниръ въ одинъ или два вечера не позволяетъ люби-

телямъ довольно основательно обдумывать ходы, такъ и потому, что жребій часто соединяетъ игроковъ слишкомъ неравномѣрной силы. Впрочемъ одну изъ этихъ турнирныхъ игоръ читатели найдутъ въ настоящемъ Листкѣ, но сперва приводимъ болѣе интересную консультаціонную партію.

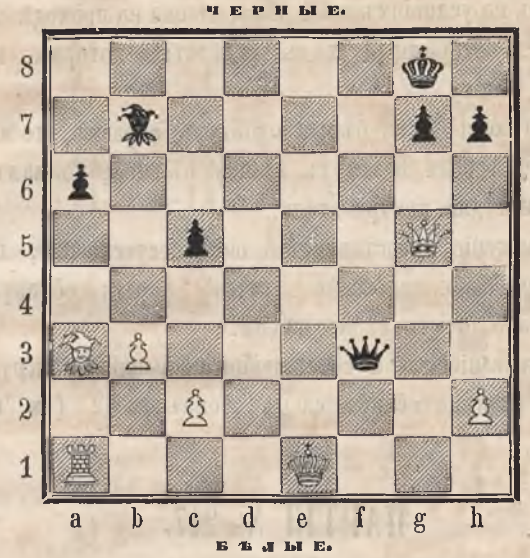
ПАРТІЯ № 216.

ДЕБЮТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

(Играна по консультаціи 27-го Октября 1861 года.)

И. С. Шумовъ и гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко. (Бѣлые).	В. М. Михайловъ и В. В. Пеликанъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	17) f5 — d7	b6 — c6
2) g1 — f3	b8 — c6	18) d7 — e7°	d5 — d4
3) f1 — b5 (1)	a7 — a6	19) e7 — g5	d4 — c3°
4) b5 — a4	g8 — f6	20) b2 — c3°	a8 — e8
5) 0 — 0	f8 — e7	21) f2 — f3	f7 — f6 (6)
6) d2 — d4	c6 — d4°	22) e5 — f6°	f8 — f6°
7) f3 — d4°	e5 — d4°	23) c1 — a3 (7)	e8 — e2
8) e4 — e5	f6 — e4	24) f1 — f2	e2 — f2°
9) d1 — d4°	e4 — c5	25) g1 — f2°	f6 — f3°+ (8)
10) b1 — c3	b7 — b5	26) g2 — f3°	c6 — f3°+
11) a4 — b3	c5 — b3°	27) f2 — e1	f3 — c3°+ (9)
12) a2 — b3°	0 — 0 (2)	28) e1 — f2	c3 — f3 +
13) c3 — b5°	c8 — b7	29) f2 — g1	f3 — h1 +
14) b5 — c3 (3)	c7 — c5	30) g1 — f2	h1 — f3 +
15) d4 — d3 (4)	d7 — d5	31) f2 — e1 теперь игра должна кончиться розыгрышемъ.	
16) d3 — f5	d8 — b6 (5)		

Положеніе партіи послѣ 31-го хода бѣлыхъ

Ходъ за черными: игра ничья.

Примѣчанія къ партіи № 210.

(1) Это одинъ изъ древнѣйшихъ дебютовъ: онъ встрѣчается уже у испанскаго писателя Луцены, жившаго въ концѣ XV-го вѣка. Но особенную важность придавалъ ему Рюи-Лопецъ, сочиненіе котораго появилось въ 1561 году; ходомъ $\frac{f1 - b5}{\quad}$ Рюи-Лопецъ хотѣлъ доказать несостоятельность защиты $\frac{\quad}{b8 - c6}$, вмѣсто которой предлагалъ 2 $\frac{\quad}{d7 - d6}$. Италіянскіе писатели отвергли мнѣніе Лопеца и если впослѣдствіи Филидоръ былъ тоже въ пользу обороны пѣшкою ферзя, то это уже на совершенно другомъ основаніи: онъ имѣлъ въ виду свой знаменитый контръ-гамбитъ. Атака Лопеца пришла какъ-бы въ забвеніе; только въ послѣднее время шахматные писатели и практическіе игроки вновь обратили на нее вниманіе и пришли къ убѣжденію, что она дѣйствительно очень хороша: бѣлые на долго, и притомъ безъ всякаго матеріяльнаго пожертвованія, сохраняютъ наступательное положеніе; всякая попытка черныхъ быстро развернуть игру можетъ быть для нихъ гибельна.

(2) Этой рокировкой мы теряемъ пѣшку, но за то выигрываемъ время.

(3) На завоеванье пѣшки бѣлые употребили два хода.

(4) На 15. d4 — g1 черные отвѣтили бы 15. f7 — f5, выигрывая время, такъ какъ по условіямъ этой игры пѣшка на проходѣ не берется.

(5) Очень неосторожный ходъ, вслѣдствіе котораго мы сейчасъ теряемъ еще пѣшку.

(6) Вѣрный ходъ; если бѣлые отойдутъ ферземъ, то мы выигрываемъ пѣшку, а если возьмутъ пѣшку пѣшкой, то намъ открываются двѣ линіи для контръ-атаки.

(7) Это движеніе представляется очень естественно, но въ сущности оно ошибочно: дальнѣйшее теченіе партіи обнаружитъ, что здѣсь слѣдовало играть слона на b2.

(8) Пожертвованіе ладьи совершенно поправляетъ игру черныхъ.

(9) Какая разница еслибъ слонъ стоялъ на b2 (см. прим. 7-е).

ПАРТІЯ № 217.

ЗАЩИТА КОНЕМЪ НА ВЫХОДЪ СЛОНА.

(Играна 21 го октября 1861 г. на турнирѣ.)

А. И. Максимовъ. (Бѣлые).	Н. А. Михайловъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	17) b2 — d4°	a7 — d4°
2) f1 — c4	g8 — f6	18) a1 — e1	g4 — f5
3) d2 — d3	f8 — c5	19) a2 — b1	f6 — g4
4) g1 — f3	d7 — d6	20) g5 — e4°	g4 — f2°
5) 0 — 0	c8 — g4	21) f1 — f2°	d4 — f2°
6) a2 — a3	a7 — a6	22) g1 — f2°	e7 — h4 +
7) b1 — d2	c7 — c6	23) b3 — g3	h4 — d8
8) b2 — b4	c5 — a7	24) c4 — c5	f5 — e4°
9) c2 — c3	d6 — d5	25) d2 — e4°	f7 — f5
10) e4 — d5°	c6 — d5°	26) e4 — d6	f5 — f4
11) c4 — a2	0 — 0	27) g3 — b3 +	g8 — h8
12) c1 — b2	b8 — c6	28) d6 — f7 +	f8 — f7°
13) d1 — b3	e5 — e4	29) b3 — f7°	d8 — d4 +
14) d3 — e4°	d5 — e4°	30) f2 — f1	a8 — g8
15) f3 — g5	d8 — e7	31) b1 — h7° и черным нѣтъ спасенья.	
(16 c3 — c4	c6 — d4		

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 85.

1) f8 — h6 +	f7 — g6 (A)
2) d2 — e4 +	f6 — f7 (B)
3) e4 — g5° +	f7 — f6 (C) (D)
4) g5 — e6	f6 — f5 (E)
5) h6 — f4 ×	

(A.)

1)	f6 — f5
2) d2 — e4	f5 — g4 (F)
3) h6 — g5° +	g4 — h3
4) g5 — g3 ×	

(B.)

2)	f6 — f5
3) h6 — g5° +	f5 — e4°
4) g5 — e5 ×	

(C.)

3)	f7 — g8
4) h6 — g6° ×	

(D.)

3)	f7 — e8
4) h6 — h8 ×	

(E.)

4)	f6 — f7
5) h6 — f8 ×	

(F.)

2)	f5 — e4° (G)
3) h6 — g5°	e4 — d4 (H)
4) g5 — d5 +	d4 — e4
5) d5 — e5 ×	

(G.)

2)	f5 — f4
3) h6 — g5° +	f4 — e4°
4) g5 — e5 ×	

(H.)

3)	Какъ нибудь иначе.
4) g5 — e5 ×	

№ 86.

1) h2 — h6	g6 — g5
2) f6 — g7	f7 — f6 (A)
3) h6 — f6°	e5 — c6 ┼
4) f6 — c6°⨯	

А если черный конь ступитъ на какую нибудь иную клѣтку, то 4 f6 — f4⨯.

(A.)

2)	f7 — f5
3) h6 — e6	Какъ угодно.
4) g7 — e5°⨯	

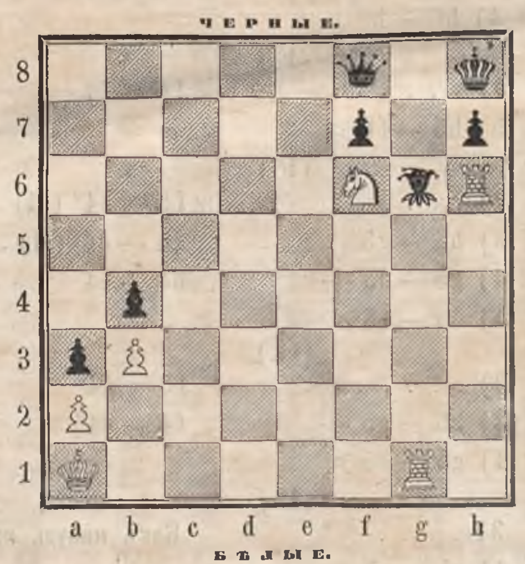
№ 87.

1) g5 — e6	h8 — g8
2) g3 — h5	g8 — h8
3) g2 — h1	h8 — g8
4) h5 — f6 ┼	g8 — h8
5) g6 — g7 ⨯	

Задачи.

№ 108.

БОЛЬТОНА.

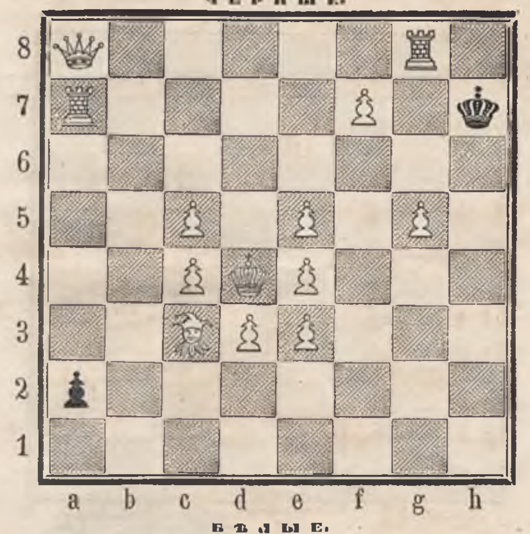

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 109 (*).

КЛИНГА.

ЧЕРНЫЕ.

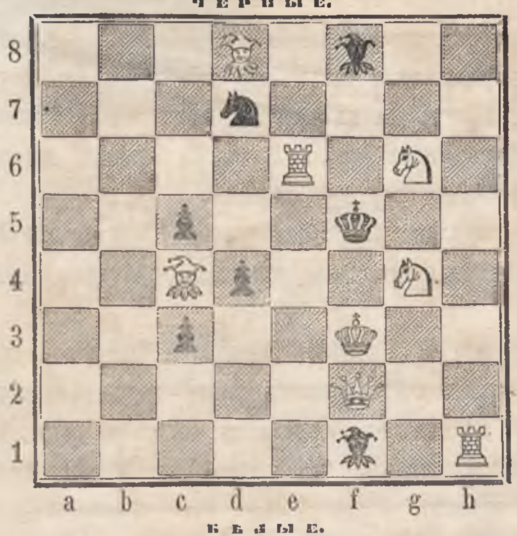
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 3 хода.

№ 110.

Изъ Schachzeitung.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

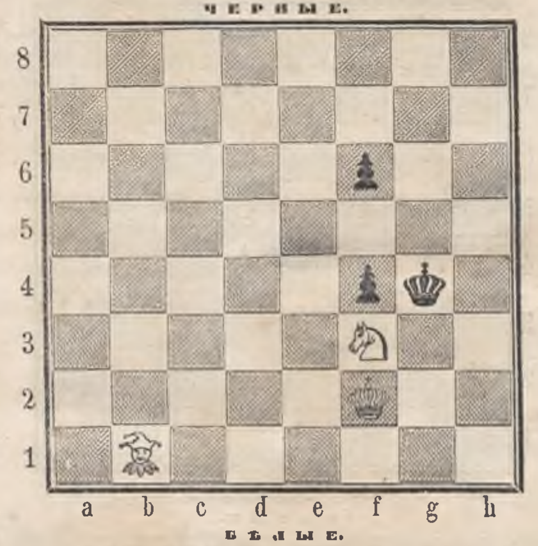
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ

(*) Эта проблема очень легка и печатается единственно для мало-опытныхъ игроковъ, которымъ не лишнимъ считаемъ напомнить, что пѣшка a2, ступивъ на a1, можетъ быть превращена въ любаго офицера, точно также какъ, и f7, если она ступитъ на f8.

№ 111.

В. К. КНОРРЕ (въ Николаевѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

Корреспонденція. *Н. П. Остр—му* (въ Москвѣ). Занимаясь проблемою Петрова, посвященною г-ну Ахшарумову, Вы безъ сомнѣнія не вѣрно разставили шахматы, ибо девятымъ ходомъ играете a4 — e8, тогда какъ на клѣткѣ a4 нѣтъ никакой шашки. Мнѣніе Ваше о задачахъ Вильмерса и Яцкевича вполнѣ основательно; рѣшенія сентябрскихъ задачъ — вѣрны.

В. Водз—му (Переславль-Залѣсскій). Сентябрскій Листокъ былъ уже къ сожалѣнію отпечатанъ, когда мы получили послѣднее Ваше письмо.

И. Драв—у (въ Вяткѣ). Указанная Вами кипергань дѣйствительно не можетъ быть рѣшена иначе какъ взятіемъ пѣшки на проходѣ. Изъ Шахматнаго Листка за сентябрь (стр. 221 и 222) Вы изволите усмотрѣть, что задача за № 97 требуетъ всего только пять ходовъ.

Исправленіе опечатки. Въ условія задачи № 100, помѣщенной въ Шахматномъ Листкѣ за августъ текущаго года, вкралась опечатка: вмѣсто *матъ въ 5 хода*, надо читать: *матъ въ 4 хода*.